

ВЕЛИКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Франсуа Шаму

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

François Chamoux

Франсуа Шаму

LA CIVILISATION
HELLÉNISTIQUE

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ARTHAUD
1985

Екатеринбург
У-Фактория
АСТ
Москва

Серия «ВЕЛИКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Ответственный за выпуск *В. Харитонов*

Перевод с французского *Н. Шевченко*

Шаму, Ф.

Ш19 Эллинистическая цивилизация / Франсуа Шаму; пер. с фр. Н. Шевченко. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА; 2008. — 480 с. — (Великие цивилизации).

ISBN 978-5-9757-0395-8 (ООО «Агентство прав «У-Фактория»)
ISBN 978-5-9713-9608-6 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

УДК 94
ББК 63.3 (4)

В книге французского историка Ф. Шаму эллинистическая цивилизация представлена не эпохой упадка традиций классической Греции, не простым переходом через хаотичную и кровавую военную историю от греческого востока к латинскому западу, от Афин к Риму. Историческая реальность оказывается гораздо более сложной, чем ее представляют школьные учебники, вынужденные прибегать к упрощениям.

Эллинизм — это не только завоевательные походы Александра Македонского, распространившего греческий мир в пределы Азии, это нововведения и преемственность, преданность традиции и поразительные новшества, это люди, привязанные к прошлому и страстно устремленные в будущее.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Arthaud, 1985
© Шевченко Н., перевод
на русский язык, 2008
© ООО «Агентство прав «У-Фактория»,
издание на русском языке, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Термин «эллинистический» изначально употреблялся в отношении греческого языка, испытавшего влияние древнееврейского языка, которым пользовались эллинизированные евреи, которые при Птолемеях в Филадельфии перевели Библию — так называемую Септуагинту. Потом, в середине XIX века, немецкий ученый И.-Г. Дройзен ввел в употребление слово «эллинизм», не имевшее эквивалента во французском языке, для обозначения периода древней истории от царствования Александра Великого до императора Августа. Отныне стало традиционным называть этот трехвековой период эллинистическим, так же как и цивилизацию, которая развилась в это время в греческом мире. Они отличаются от предыдущих эпох, таких как древняя и классическая Греция, и от характерных для них типов цивилизаций. Изменения в менталитете греков в результате походов Александра, подъем, который испытала тогда их культура, плодотворность открытий, которые совершили их ученые, мыслители, изобретатели и художники во всех областях, заслуживают того, чтобы изучать их особо, дабы обнаружить оригинальность и историческую значительность эпохи, которая зачастую рассматривается неспециалистами просто как переходный период между расцветом классических Афин и величием императорского Рима.

Таков предмет этой книги, которая является, таким образом, по отношению к той, которую я в свое время посвятил истокам и расцвету Древней Греции, одновременно и продолжением

и новым освещением — и то и другое необходимо, чтобы представить во всей полноте значение греческой цивилизации.

В еще большей степени, чем в предыдущей книге, задача здесь стоит трудная. Относительно этих трех столетий не существует действительно обобщающего труда, представляющего основные факты и упорядочивающего различные точки зрения, подобного более ранним «Историям» Геродота, Фукидида и Ксенофонта. Это не значит, что античные авторы не проявляли интереса к этому периоду; напротив, насыщенность и разнообразие событий, притягательная роль личности, широта географических рамок могли вызвать живой интерес у публики, и многие ученые, а впоследствии и компиляторы удовлетворяли его, создавая либо частные истории того или иного полиса, либо попытки всеобщей истории, которые размышляют о роке, тяготеющем над народами, и об изменчивой судьбе правителей. Но все эти труды утеряны или от них мало что осталось. Далее мы увидим, сколько именно, когда будем говорить о царствовании Александра — о периоде тем не менее особом, — о котором сохранились только косвенные предания, в которых полно белых пятен.

Но далее нехватка литературных источников становится катастрофической. От многочисленных воспоминаний, написанных участниками политических переворотов или их современниками, остались только упоминания или редкие цитаты — усеченные и неточные. Ничего не сохранилось от великой истории западных греков, которую Тимей Сицилийский писал в первой половине III века до н. э. и которую закончил в 264 году до н. э. Также ничего не осталось от Филарха Афинского, который с пристрастием расцвечивать анекдотами и морализаторством изложил в своем труде события III века, свидетелем которых он был. В следующем столетии был Полибий, наблюдатель другого толка, но из сорока книг, составлявших его произведение, повествующее о неожиданном возвышении в Средиземноморье Рима между 220 и 144 годами до н. э., до нас дошли только пять первых, в которых после введения о 1-й Пунической войне рассказывалось о 220—216 годах до н. э., а от остальных остались более или менее крупные фрагменты. Это основной наш источник, хотя и прискорбно искаженный. Диодор

Сицилийский, живший при Цезаре и Августе, собрал в своей «Исторической библиотеке», которая тоже состояла из сорока книг, всеобщую историю, которой придал аналитическую структуру, то есть расположил факты по годам, пытаясь, не всегда удачно, совместить греческую и римскую хроники. К сожалению, от интересующего нас периода остались только книги с XVII по XX век, посвященные 336—301 годам до н. э., то есть царствованию Александра и началу борьбы за власть диадохов. Все дальнейшее последовательное и подробное изложение эллинистической истории вплоть до галльских войн, завершивших этот труд, пропало — остались лишь несколько цитат в византийских компиляциях. Галл Помпей Трог, современник Августа, написал на латыни «*Histoires philippiques*», своего рода всеобщую историю, сделав акцент не на римских завоевателях, а на других народах: от нее дошел только обедненный и невнятный сокращенный вариант, созданный в III веке до н. э. неким Юстином. Этот текст настолько неполон и искажен, что практически бесполезен для нас.

Из-за отсутствия систематического труда, последовательно излагающего факты, современному историку приходится основываться на чудом сохранившихся разрозненных свидетельствах, несмотря на разделяющие их пустоты. Некоторые действительно весьма интересны: например, «Жизнеописания» Плутарха, в которых герои эллинистической эпохи занимают особое место. Деметрий Полиоркет, Эвмен, Пирр, Агис и Клеомен, Арат, Филопомен удостоились занять место рядом с Александром Великим среди выдающихся исторических лиц и представлены потрясающе выразительно. Разумеется, Плутарх не стремился писать историю, его целью было заставить читателя задуматься над поступками и судьбой людей, поэтому он выбирал в биографии своих героев лишь те факты, которые соответствовали его намерению, предпочитая яркие и наглядные примеры подробному рассказу о политической или военной деятельности. Если бы единственным нашим источником об эпохе завоеваний было «Жизнеописание Александра», скольких важных событий этого великого предприятия мы бы не знали! Но признавая такую неполноту, следует отдать должное Плутарху, собравшему достоверный и огромный материал, изложенный с замечательным

драматизмом и потрясающей художественной силой. Абсолютно не сопоставимы с яркими картинами «Жизнеописаний» бледные исторические выжимки, вставленные полвека спустя после Плутарха Павсанием Периегетом в его «Описание Эллады»; тем не менее они имеют для нас определенную ценность, ссылаясь по тому или иному аспекту эллинистической эпохи на более ранние утраченные труды.

Ввиду недостаточности литературных источников изобилие сырых документов является не самой большой проблемой для историка. Существует великое множество записей: несмотря на усилия специалистов по эпиграфике для удобства собрать воедино все надписи, обнаруженные в одной местности или относящиеся к одному типу документов, они остаются, как правило, трудными для изучения и расшифровки. И не только потому, что они зачастую предстают в неполном и поврежденном виде, но и потому, что содержат трудности языкового, лексического, стилистического характера. Каждая местность, каждое святилище имели свои особенности словоупотребления, свои нормы, свои принятые формулировки, иногда свой собственный диалект. Каждый текст, составленный и записанный в соответствии с местными нормами, предназначался для публики, легко понимавшей его язык, аллюзии и выражения. Сегодня все это нуждается в толкованиях, объяснительных сопоставлениях и научном комментарии. Практически нет такой надписи, которая была бы понятна во всех своих деталях независимо от своей связи с целым рядом сходных документов, но такое сопоставление требует большого опыта. С его помощью историк если и не надеется получить общую картину или новый взгляд на важные события, которые очень редко отражаются в эпиграфических текстах, зато собирает множество разрозненных сведений о локальных фактах и институтах, которые в бесконечном своем разнообразии открывают ему повседневную жизнь людей в характерной для них среде. Эту реальность, которой большая история обычно пренебрегает, во многом воссоздают сырые эпиграфические документы, но их изобилие не поддается синтезу.

Другие первоисточники, которые появились в начале эллинистической эпохи и впоследствии преумножились, — это греческие папирусы из Египта. Благодаря сухому климату этой

страны под толщей завалов, в пеленах мумий сохранилось много текстов, написанных на этом удобном материале, который египтяне уже давно научились изготавливать из растения, которое в изобилии росло на влажных почвах в долинах Нила. За пределами Египта, где папирусы тоже использовались, менее благоприятные климатические условия уничтожили этот тип документов. Десятки тысяч греческих папирусов, обнаруженных в Египте, — всего лишь случайно сохранившиеся незначительные свидетельства о повседневной жизни. Ни одного из архивов Лагидов, ни одного, связанного с каким-либо дипломатическим соглашением. Только фрагменты архивов деревень и сельских областей, остатки частной переписки, прошения к магистратам или чиновникам, управляющим делами провинций, личные черновики и счета, копии литературных текстов или же ученические упражнения. Иными словами, их разнообразие, их зачастую фрагментарный характер, трудность их интерпретации и комментирования, которые требуют, как и в случае с надписями, особой квалификации, лежат в сфере папирологии. Историк должен с осторожностью использовать многочисленные сведения, которые предлагает ему папирология относительно экономической, социальной, религиозной и интеллектуальной жизни египетской деревни при греческом господстве. Ему следует остерегаться неверных экстраполяций и переносить на весь эллинистический мир то, что было характерно только для Египта и что было обусловлено его частной ситуацией. Однако в отношении этого особого региона папирусы дают историку богатейшую информацию, на которую он может уверенно опираться.

И наконец, последний источник информации, не менее трудный для интерпретации, — археология, которая занимается как архитектурными памятниками, так и скульптурой и предметами обстановки. Парадоксально, но именно относительно эллинистической эпохи хронологические критерии археологов наиболее расплывчаты. Далее мы увидим причины, объясняющие эту неуверенность. Тем не менее сложность эволюции стилей зачастую ставит в тупик самых опытных специалистов по античной скульптуре до такой степени, что они затрудняются приблизительно датировать даже самые известные и очень характерные

памятники, а когда делают это, их предположения расходятся на два-три века. Даже керамика, бывшая до этого периода бесценной помощницей для археологии, теперь становится гораздо менее показательной и в значительной степени утрачивает свою роль «ископаемого ориентира» археолога. Одна лишь нумизматика, хотя в целом ее качество и разнообразие сокращаются, остается ценным источником информации для историка. Что касается архитектуры, то жилые помещения изучены достаточно хорошо благодаря раскопкам в Делосе и Приене. Но нам не известно ничего или крайне мало о дворцах, где жили монархи, и если архитектуру больших городских построек возможно восстановить благодаря нескольким прекрасным утилитарным строениям вроде портика Аттала на афинской Агоре, то следует признать, что главные памятники эпохи эллинизма, храмы или общественные здания, хотя и многочисленны и значительны, еще не стали предметом исследований и публикаций, сравнимых с теми, которые посвящены сохранившимся остаткам памятников древней и классической эпох и которых становится все больше.

* * *

Таковы — в своем изобилии, озадачивающем из-за отсутствия четких критериев классификации, и в своей прискорбной недостаточности вследствие губительного воздействия времени — источники сведений, которыми располагает историк и на которые следует опираться, чтобы восстановить своеобразие эллинистического периода в долгой и бурной истории Запада. Что касается хронологических рамок, которых мы вынуждены придерживаться в этой книге, то здесь мнения некоторых специалистов расходятся, правда не существенно: одни считают, что характерные черты эллинистического мира можно обнаружить уже с середины, если не с начала IV века до н. э. Приблизительно 360 год рассматривается как точка отсчета авторитетными учеными. В то же время другие в соответствии с более традиционной точкой зрения склонны принять за начало эллинистической эпохи смерть Александра, 13 июня 323 года до н. э., — удобный ориентир, связанный с важным событием. Третьи считают

концом классической эпохи битву при Херонее в 338 году до н. э., которая знаменовала падение греческих полисов перед растущим могуществом македонской монархии.

Каждая из этих точек зрения основана на серьезной аргументации, и очень непросто предпочесть одну из них. Но на самом деле спор на эту тему не более чем академические штудии, поскольку речь идет об искусственной проблеме: эволюция цивилизации и ментальностей, даже глубинная, никогда не совершается одномоментно, за исключением мировой катастрофы, но проявляется постепенно, годами, и только ретроспективный анализ позволяет разглядеть в совокупности фактов те, которые подготовили направление последующего развития или способствовали ему. Определение хронологических рамок, таким образом, необходимо лишь для удобства изложения и ни в коей мере не отражает реальное положение вещей. Поэтому в данной книге мы приняли за исходную точку нашего исследования приход к власти Александра Великого после убийства его отца Филиппа летом 336 года до н. э., — не забывая ни о том, что завоевательная политика имела свои ранние попытки и замыслы, ни о том, что контуры нарождающегося нового мира в какой-то мере уже были намечены в греческом обществе; выбирая эту дату, я хочу подчеркнуть решающую роль, которую сыграл этот великий человек в важном историческом процессе.

Что касается нижней границы, мы придерживаемся общепринятой традиции, которая связывает ее с битвой при Акции 2 сентября 31 года до н. э. В этот день, как и в Марафонской битве, на поле боя столкнулись два типа цивилизации — одна, обращенная к лагидскому Египту и эллинистической Азии, другая — приверженная Риму и латинской традиции, — именно эта последняя одержала верх и благодаря политической системе принципата создала единый средиземноморский мир, восприняв наследие эллинизма и подхватив стремление Александра к мировой монархии. Если до этой даты, несмотря на упорное и успешное продвижение Рима на восток, римская и греческая историографии освещали происходящие события с двух различных точек зрения, двойственность которых значительно усложняла задачу повествователя, то после Акции, со времени создания империи, история обретает свое единство: Рим становится

центром мира, и если восточная часть средиземноморского бассейна продолжает говорить на греческом языке и вести обыденную жизнь в рамках полиса, то политика, экономика и даже культура отныне развиваются и изменяются под влиянием Рима. То, что это перелом, очевидно, и понятно, что он является началом новой эры, и в некоторых областях им датируются надписи. Тем не менее образ жизни, сложившийся в эллинистическую эпоху, не исчез в одночасье с созданием империи. Поэтому мы насколько не противоречим сами себе, когда обращаемся к документам, датированным позже Акция, если в них отражены дух и менталитет эллинистической эпохи, которые имперская эпоха так целиком и не изжила. Но теперь уже пора перейти к делу.

Глава 1

АЛЕКСАНДР И МИРОВАЯ МОНАРХИЯ

Александр, третьему в македонской династии Аргеадов имевшему это имя, едва исполнилось двадцать лет, когда убийство его отца Филиппа летом 336 года до н. э. неожиданно позволило ему получить верховную власть. Отношения между отцом и сыном в последнее время были напряженные, Филипп оставил царицу Олимпиаду, мать Александра, ради нового брака с юной македонянкой Клеопатрой, которая родила ему дочь. Но после смерти царя решительность молодого царевича, которому помогал советами и которого поддерживал один из ближайших друзей его отца, Антипатр, обеспечила ему бесспорное право наследования. Представленный Антипатром собранию македонского народа, он был провозглашен и признан царем. При этом были устранены обвиненные в государственных преступлениях реальные или потенциальные претенденты и противники: двоюродный брат Александра, которого в свое время изгнал Филипп, чтобы тот не занял его место, ребенок Филиппа от Клеопатры, сама Клеопатра, ее дядя Аттал. Эта неблагоприятная борьба за наследство, это кровавое сведение счетов продолжалось в течение всей истории эллинистических царских династий. Новый правитель Македонии вскоре заслужит у греков такой же авторитет, который приобрел в их глазах Филипп после своих побед: совет амфикионии и совет Коринфского союза признают его выдающиеся способности и утвердят его в роли предводителя союзной армии, которая в соответствии с принятым в 337 году до н. э. решением должна была начать военную кампанию в Азии против

персидского царя. Александр без колебаний и проволочек взялся за осуществление грандиозных замыслов своего отца.

Несмотря на юный возраст, он был психологически и теоретически к этому готов. Мог ли не верить в свое предназначение наследник рода Аргеадов, возводимого к Гераклу, сыну Зевса? Филипп, стремясь напомнить об этом выдающемся происхождении, выбил в год рождения Александра, в 356 году до н. э., монету с изображением Геракла. По линии своей матери Олимпиады, дочери царя Эпира Неоптолема, Александр был в родстве с древней династией Эакидов, которая восходила к Ахиллесу. Постоянно памятуя как о герое, совершившем двенадцать подвигов, так и о юном герое «Илиады», молодой царь мечтал совершить достойные их деяния. В этом блестящем родстве греки видели источник эллинского духа у македонского царя, который в свою очередь мог рассчитывать на преданность народа, с которым был связан происхождением. Греческие полисы не чувствовали, что объединяются с варваром, потому что уже на протяжении нескольких поколений македонская династия допускалась к участию в Олимпийских играх, как эллины, и одерживала там победы. Согласно преданию, образование юного царевича было поручено греческим учителям, среди которых, возможно, был Анаксимен Лампсакский. Позже Александра с тринадцати до шестнадцати лет, три года, обучал величайший мыслитель того времени Аристотель из Стагира, философский и энциклопедический ум которого глубоко повлиял на его воспитанника. Впоследствии царь любил говорить, что если жизнью он обязан своему отцу Филиппу, то своему учителю Аристотелю он обязан тем, что научился жить благородно. Воспитанный на греческой литературе, он все время перечитывал поэмы Гомера и трагедии Еврипида, которые помнил наизусть целиком. Интерес, который он проявлял во время долгого похода в Азию к экзотическим странам, местным народам, их верованиям и нравам, — это отражение географо-этнографического любопытства, свойственного эллинам со времен Гекатея Милетского и его продолжателя Геродота, которое поддерживалось потом историками вроде Ксенофонта и усиленно развивалось в эпоху Александра благодаря деятельности Аристотеля и его школы. Естественно, Александр в совершенстве владел двумя языками: если к своим подданным и своим верным солдатам он обращался на

македонском, то со своими ближайшими соратниками и чужеземцами он общался на аттическом греческом — диалекте, уже широко распространенном в эллинистическом мире вследствие политического, экономического и интеллектуального расцвета Афин.

Эта вера в величие своего рода и в свою собственную судьбу, эти присущие ему черты характера проявились у юного царевича еще при жизни его отца. В возрасте шестнадцати лет, в 340—339 годах до н. э., в то время как Филипп находился в военном походе против Византия, Александр, управлявший делами в отсутствие царя, основал первый город, названный его именем, — Александрополь Фракийский, который называется так до сих пор. Это был показательный акт, и впоследствии он будет повторен неоднократно. Два года спустя, в битве при Херонее, в 338 году до н. э., Филипп не усомнится доверить сыну командование тяжелой конницей, атака которой с левого фланга македонской армии принесет победу. Юношеский пыл, энергичность, боевой дух Александра, увлекающего собственным примером войска, всегда будут присущи ему как полководцу и не раз склонят судьбу в пользу его армии.

По примеру отца Александр не устремится вглубь Азии, не укрепив своих позиций в Европе. Прежде чем присоединиться за Черноморскими проливами к частям македонского военачальника Пармениона, необходимо было устранить угрозу, которую постоянно создавали на северных и западных границах его царства одолевающие их варварские племена. Это стало целью стремительных и победоносных походов весной 335 года до н. э. на север, чтобы покорить некоторые фракийские племена, дойти до Дуная и по ту сторону реки разбить кочевников-гетов, неоднократно осмеливавшихся перейти ее; усмиренные греческие колонии на западном побережье Черного моря: Аполлония Понтийская, Одесс, Истрия — были присоединены к Македонии. На западе, в балканских горах, следовало подчинить иллирийцев. Пока Александр справлялся с этими варварами и укреплял свой авторитет в македонской армии во внутренних военных походах, правление в столице Пеле осуществлял опытный политик Антипатр, доказавший свою безусловную преданность.

Тем не менее в Элладе оставались люди, которые, подобно Демосфену, не переставали ненавидеть Македонию. Они не бездействовали: новый персидский царь Дарий III Кодоман, правивший

с мая 336 года до н. э. и пытавшийся избежать опасности македонского вторжения, не жалел средств на подкупы и военные расходы. Когда из далекой Албании пришли ложные вести о том, что Александр погиб в сражении с иллирийцами, антимакедонским силам показалось, что это сотрет саму память о Херонее. Фивы, потерпевшие жестокое поражение в этой битве, восстали против демократов полиса, которые содержали македонский гарнизон, оставленный Филиппом в акрополе Кадмее. Афиняне, подстрекаемые Демосфеном, пытались присоединиться к мятежу. В Пелопоннесе Аркадия и Элида проявили себя не столь решительно. Македонская гегемония была поставлена под сомнение.

Ответный ход был сокрушительным. Осенью 335 года до н. э. Александр за тринадцать дней вернулся из Иллирии горными тропами, собрал вокруг себя отряды беотийских полисов, соперничавших с Фивами, и с помощью фокидийцев разбил фиванские войска и занял город. Уважающий институты, учрежденные отцом, он расчетливо предоставил совету Коринфского союза, объединяющего греческие полисы, вынести приговор виновным, нарушившим присягу Филиппу. Наказание было ужасным: Фивы надлежало срыть до основания, а все население города обратить в рабов. Александр следил за приведением в исполнение этого сурового приговора, который не противоречил принятому у греков военному праву, но который редко применялся в отношении столь крупных и прославленных полисов. Этим примером он хотел устрасшить противников и, безусловно, достиг своей цели. В полностью разрушенном городе царь пощадил только одно здание — дом, в котором жил в свое время поэт Пиндар, в знак преклонения перед культурой, которую ему привили его греческие учителя. Афиняне, пошедшие за Александром, как когда-то за Филиппом после Хероней, проявили в отношении его предупредительную услужливость. Всякая опасность мятежа против македонской власти отныне была исключена, и, действительно, до конца его царствования не произошло ни одного серьезного выступления.

Спокойствие в Греции, таким образом, было восстановлено, и Коринфский союз по договору с царем Македонии, которого он признал главой военной кампании, принял решение начать войну против Ахеменидской империи следующей весной (334). Контингенты греческих полисов собирались в Амфиполе; численно

они были невелики, всего не более 7 тыс. пехотинцев и 6 тыс. всадников — ничтожно мало по сравнению с более чем 50-тысячной армией Великого царя¹. Афины, наиболее густонаселенный из греческих полисов, предоставили только 700 солдат и 20 военных кораблей. При этом флоту предстояло сыграть в будущих операциях всего лишь вспомогательную роль. Главную часть армии Александра составляли македоняне, фессалийская конница и варвары, набранные во Фракии и Иллирии. В большей степени, чем голплиты Коринфского союза, эти разнородные войска, лично привязанные к царю, станут завоевателями Азии. Ибо таково было намерение Александра: ступив впервые на азиатский берег Дарданелл, он вонзил в землю копьё, как бы завоевывая ее оружием. Тем самым он повторил жест, который эпическая традиция в *Chants cypriens* приписывает герою Протесилаю — первому греку, высадившемуся на побережье Трои. Эпитет *doriklutos*, «завоеванный копьем», с тех пор стал обозначать в эллинистическую эпоху территории, занятые по праву завоевателя и управляемые на основании этого права. Александр, пускаясь в эти великие походы, которые закончатся только с его смертью, исподволь заложил основы нового узаконенного права силы исключительного человека, любимого богами, помогающими ему одерживать победы. Последствия этого будут ощутимы еще очень долго.

* * *

Как восстановить историю этого десятилетия, которое с 334 по 323 год до н. э. глубоко изменило судьбы западного мира? Невозможно представить, но ни одного свидетельства того времени, ни даже чуть более позднего об этих событиях до нас не дошло. Однако о них сообщали не только официальные истории, как, например, та, что писал до самой своей трагической смерти философ Каллисфен, племянник Аристотеля, или воспоминания, оставленные многими соратниками царя: военачальником Птолемеем — будущим правителем Египта, или флотоводцем Неархом, который вел корабли из Индии до Персидского залива, или

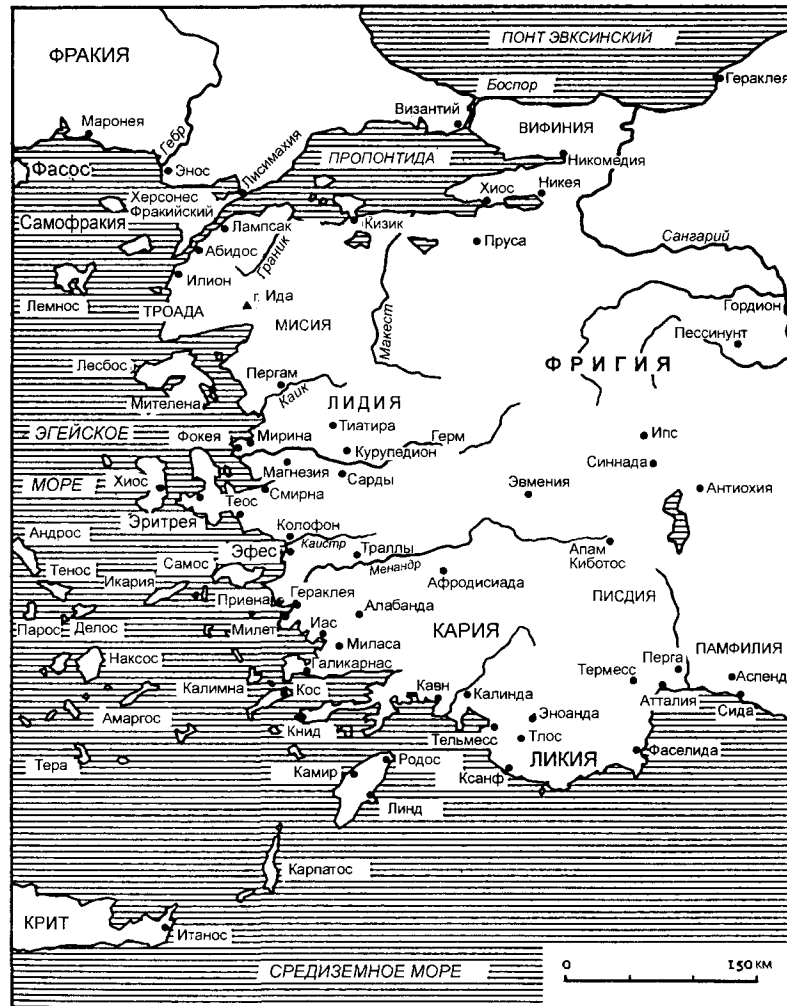
¹ Великий царь — титул правителей Ахеменидской империи. (Здесь и далее примеч. перев.)

инженером Аристубулом, чье произведение, написанное уже спустя какое-то время, получило большую известность. Царские дневники, или «эфмериды», бережно хранимые секретарем, греком Эвменом, представляют собой своего рода журнал, содержащий массу документов, а также официальную переписку царя — богатую (поскольку в текстах упоминается о семидесяти двух его письмах), но иногда вызывающую сомнения в своей подлинности. Эти документы вместе с рассказами непосредственных участников событий более или менее точно воспроизводились современниками, которые, не принимая участия в завоевательных походах, сохранили о них память: старым наставником Александра Анаксименом Лампакским и особенно историком Клитархом, близким к Птолемею и пытавшимся представить в выгодном свете действительно важную роль, которую сыграл этот наместник в судьбе царя. Наряду с этими серьезными произведениями существует памфлетная литература, как враждебно настроенная, так и одобряющая завоевания, в которой отразились взгляды на выдающуюся историческую личность. И ничего или почти ничего от этой богатейшей литературы до нас непосредственно не дошло. Она нам знакома только через переложения и компиляции, в основном поздние, самая древняя из которых принадлежит Диодору (2-я пол. I века до н. э.). Книга XVII его «Исторической библиотеки» представляет собой первое не фрагментарное повествование об истории Александра из того, что мы имеем. Оно основано на разных источниках, среди которых наибольшего внимания удостоивается Клитарх. Очень живое и информативное, он читается с удовольствием, будучи насыщено подробностями, призванными подчеркнуть героические заслуги и благородство царя. Квинта Курция, Юстина и в значительной мере Плутарха можно отнести к этой компилятивной традиции, в которой прежде всего выделяется Клитарх и которую называют вульгатой. Зато историк Арриан, который соединял широкую эрудицию с личным опытом общественной деятельности (он управлял Каппадокией при императоре Адриане во II веке н. э.), попытался представить критический взгляд на походы Александра в своем труде, названном «Анабазис», в котором он намеренно воспроизводит заголовок, выбранный в свое время Ксенофонтом для рассказа о походе 10-тысячного греческого войска через Ахеменидскую империю.

Другое произведение Арриана, «Индия», повествует о морском пути Неарха от устья Инда до Персидского залива. Арриан отдает предпочтение свидетельствам Птолемея и Аристубула, у которых расхождения с вульгатой иногда очень ощутимы. Если отбросить фантастические приукрашивания, из которых со временем родился «Роман об Александре», приписанный Каллисфену, и его многочисленные средневековые варианты на разных языках (в том числе и на французском), то наши сведения о завоеваниях и их последствиях основываются именно на этих двух традициях — вульгаты и Арриана. Некоторые любопытные надписи и нумизматические данные немногим могут дополнить эти тексты. Если последствия этих событий и их хронология восстанавливаются достаточно четко, то подробности зачастую остаются неясными и их интерпретация не всегда обоснованна. Однако одно лишь перечисление побед и географии походов, говорящее о территориальном размахе завоеваний и о трудностях, которые они представляли, само по себе достаточно красноречиво, как мы увидим ниже.

* * *

Армия, занявшая земли Азии в районе Абидоса, в проливе Дарданеллы, была не очень велика: приблизительно 30 тыс. пехотинцев и 5 тыс. всадников. Ей предстояло сразиться со значительно превосходящими силами персидского царя. Этот последний, Дарий III Кодоман, взшел на престол, как и Александр, в 336 году до н. э. благодаря дворцовому перевороту. Безусловно, у него не было лидерских качеств его предшественников; но его влияние на подданных, привыкших веками подчиняться, имевшиеся у него людские ресурсы и накопленные богатства, удачная организация его империи, одновременно гибкая и эффективная, делали его поистине опасным противником для иноземных захватчиков. Уверенный в своем превосходстве, которое казалось незыблемым, он не считал необходимым выступить самому и предоставил вести военные действия в Малой Азии своим военачальникам, то есть персидским сатрапам, которые управляли провинциями Анатолии, и Мемнону Родосскому, возглавлявшему контингент греческих наемников на службе у Великого царя. Мемнон намеревался применить тактику опустошенной земли и позволил захватнической

1. Малая Азия

армии углубиться во внутренние регионы и оторваться от своих резервов, чтобы ее было легче разгромить. Но сатрап геллеспонтской Фригии не захотел допустить разорения своей провинции, и было решено дать немедленное сражение. Александр, совершив паломничество к Трое в память о своем предке Ахиллесе, возвратился к своим войскам, расположившимся у Абидоса, и, следуя на восток, встретился с вражеской армией, которая ждала его у небольшой реки Граник, впадающей в Мраморное море. После яростной схватки бурный натиск македонской конницы, возглавляемой самим царем, смял персидские эскадры и принес победу. Александр сильно рисковал своей жизнью: не подоспей его товарищ Клит Черный — он мог бы пасть под ударами персидского всадника. Но его дальновидность и отвага спутали планы врага. Греческие наемники, составлявшие основной контингент пехоты Великого царя, после беспорядочного бегства конницы, оставившей фланги без прикрытия, были полностью разбиты. После этого первого сражения (июнь 334 г. до н. э.) Александр заставил противника уважать себя и упрочил свой авторитет как полководца и воина среди собственных военачальников и в глазах своей армии.

Битва при Гранике имела значительные последствия: Александр воспользовался своим успехом расчетливо и решительно. Не только геллеспонтская Фригия, но и богатая провинция Лидия, сердце западной Анатолии, вместе со своей столицей Сардами, центром персидского могущества в Малой Азии, а после греческие полисы Ионии сдались и признали его власть. В покоренных провинциях Александр оставлял македонских военачальников в качестве сатрапов вместо ахеменидских наместников, не меняя существующей системы местного управления. В греческих городах Приене, Эфесе, Милете (единственном, который пришлось брать силой) он возродил автономию и независимость, присущие полисам: поскольку персидская власть опиралась обычно либо на местных тиранов, либо на олигархии, ее крах привел к повсеместному установлению демократического режима, сторонники Великого царя уступили место представителям враждебных взглядов. В Элладе македонская монархия, напротив, чаще всего опиралась на олигархии и даже на тирании. Это было не идеологическое предпочтение, а выбор, диктуемый в каждом конкретном случае обстоятельствами. Для Александра было не столь важно, чтобы

правительство греческих полисов придерживалось того или иного принципа правления, — главное, чтобы оно было ему послушно. Он стремился установить в Азии свою власть вместо власти Великого царя, максимально используя местные условия, разнообразие которых было важно сохранить. Поэтому он постарался отделить территорию греческих полисов, которая не была обложена данью, от других земель, находящихся в царской собственности. Понимающие это свое преимущество и благодарные тому, кто освободил их от ахеменидского ига, азиатские греки были первыми, кто оказал Александру при его жизни божественные почести и установил культ, чтобы воздавать их ему. Таким образом, это была та же форма лести, которой когда-то удостоился Агесилай, и признание выдающейся судьбы.

Отправившись из Ионии на юг, Александр тут же принялся завоевывать средиземноморское побережье Малой Азии. Кария подчинилась ему с помощью престарелой принцессы Ады, сестры покойного Мавсала, которого другой ее брат, Пиксадар, отстранил от власти: молодой царь оказал ей почет и уважение и даже позволил, чтобы она признала его своим сыном. Он впервые применил оригинальную политику личных союзов с местными правителями, которая широко использовалась впоследствии. Однако крупный прибрежный полис Галикарнас, главный порт Карики, куда отступил Мемнон, поддерживаемый персидским флотом, пока еще невредимым и мощным, отбил первые атаки: пришлось брать город длительной осадой, а Мемнон бежал морем. Александр, несмотря на начавшийся неблагоприятный сезон, продолжил путь по прибрежным регионам — в Ликию и Памфилию, которые покорил одну за другой. Затем он взял северное направление на Писидию и Фригию, где в самом сердце Анатолии, в Гордионе, древней столице царя Мидаса, соединился с подразделением, отправленным туда из Карики под командованием Пармениона. Именно там зимой 334—333 годов он увидел в храме колесницу основателя фригийской династии Гордия: по древнему преданию, азиатская империя будет принадлежать тому, кто сумеет развязать сложный узел, затянутый на дышле колесницы. Александр, согласно некоторым из его историографов (которым современные критики в этом вопросе не склонны доверять), разрубил ударом меча знаменитый гордиев узел. Правдивый или вымышленный,

этот случай замечательно демонстрирует характер завоевателя, желающего поразить воображение толпы, прислушивающегося к предсказаниям оракулов и ненамеренного медлить, поэтому эта история имеет вполне заслуженную славу.

Тем временем Дарий и его военачальники производили реорганизацию своей армии, которая не обошлась без трагических событий. Мемнон, со своим флотом занявший Хиос и высадившийся на Лесбосе, умер на этом острове, когда осаждал Митилеу: так Великий царь лишился лучшего из своих стратегов. Персидский флот после этого сыграл весьма незначительную роль, совершив несколько рейдов в Эгейском море. Дарий собирал свои силы в Сирии, куда должны были прибыть греческие наемники Мемнона. Афинянин Харидем советовал ему опереться на них, чтобы выступить против македонской армии с сильным войском, закаленным и сплоченным. Но ревность персидской знати к этому греку заставила отказаться от этой, возможно спасительной, идеи, а Харидем, который не захотел подчиниться по доброй воле, был отправлен разгневанным Великим царем к палачу. В итоге атаки Александра ждала многочисленная, но разношерстная армия: к боевому корпусу, сформированному из наемников, были присоединены небольшие отряды азиатов и иранская конница.

Александр, оставив побережье Черного моря, поручил одному из лучших своих военачальников, Антигону, контролировать Фригию и охранять от любого посягательства западную границу своих анатолийских завоеваний, проходящую по реке Галис. Антигон до самого конца царствования Александра проявит себя достойным такого доверия. Сняв с себя эту заботу, царь направился в Сирию, ясно показав тем самым, что он не намерен ограничиться завоеванием Малой Азии. Болезнь ненадолго задержала Александра в Киликии, в Тарсе, где его лечил врач Филипп из Аккарнии. Однажды, принимая из рук врача лекарство, Александр получил письмо от Пармениона, предупреждавшего, что Филипп был подкуплен шпионами Дария, чтобы отравить Александра. Бесстрашный царь протянул письмо врачу и выпил чашу со удовольствием: доверие, которое он питал к своим друзьям, не могли поколебать ложные доносы. Этот жест демонстрирует ту склонность к риску, которой он любил поражать свое окружение.

Выздоровев, он преодолел горные пути, которые вели в Сирию, и осенью 333 года до н. э. вышел на прибрежную равнину у Александретты. Продвигаясь дальше на юг, он обнаружил, что Дарий, направлявшийся с противоположной стороны, разминувшись с ним, тоже пересек горы и занял Иссу, находящуюся у Александра в тылу. Македонская армия оказалась отрезанной от Малой Азии. Немедленно повернув обратно, Александр выступил против численно превосходящих войск Дария на берегах Пинара — небольшой прибрежной реки, впадающей в залив у Александретты, возле Иссы. Армии сошлись в битве с обратных сторон: Александр — с юга, персы — с севера. После упорной борьбы атака конницы с правого фланга во главе с самим царем решила исход сражения. Дарий пустился в бегство на своей колеснице, а за ним в полном беспорядке устремилась его армия. Его храбро сражавшиеся греческие наемники отступали организованно, и некоторые из них добрались до Греции, где их принял к себе на службу спартанский царь Агис. В обозе Дария, брошенном у Дамаска, македоняне обнаружили его великолепный шатер, его предметы роскоши, а главное, взяли в плен мать, жену, двух дочерей и сына Великого царя. Не собираясь обращать захваченных в рабство, как то диктовали законы войны и примеры поэмы о Трое, Александр отнесся к ним почтительно, особенно к царице-матери, и успокоил их, сообщив, что Дарий, которого они считали мертвым, жив. Такое великодушие произвело большое впечатление и прославило величие и благородство царя.

Битва при Иссе еще больше, чем сражение при Гранике, принесла Александру почет, славу и выгоду. Отрезанный от своих тылов, он сумел извлечь пользу из опасной ситуации, воспользовавшись узостью поля боя, которая не позволила противнику развернуть свои численно превосходящие войска. Поведя сам решающую атаку, он бросился на самого Дария, который в страхе бросился назад. Драматическое столкновение македонского царя, стремительно несущегося верхом на коне, и персидского царя, в смятении поворачивающего свою колесницу вспять, было очень впечатляющим и вдохновляло творчество художников: знаменитая мозаика, обнаруженная на вилле в Помпее, в точности воспроизводит живописный оригинал, выполненный хоть и несколько десятилетий спустя после этого события, но по рассказам

очевидцев. Немногие художественные произведения столь историчны. Завладев казной, оставленной в лагере персов, Александр смог финансировать дальнейшие военные действия, не добиваясь на то согласия греческих полисов. Так в один из октябрьских дней 333 года до н. э. вся западная часть Ахеменидской империи оказалась македонскими владениями.

Дарий, отступивший за Евфрат, безуспешно бросил войско в центральную часть Малой Азии: Антигон надежно защищал от нападений новую границу, проходящую по реке Галис. Тем временем Александр покорила Сирию и Финикию, где только один город Тир, рассчитывая на свою неприступность, сопротивлялся завоеванию: потребовалось восемь месяцев жестокой осады, чтобы взять крепость, понеся тяжелые потери. Население было вырезано или продано в рабство. Оставшись без своего последнего опорного пункта, флот Дария, с которым пытался соединиться персидский военачальник Фарнабаз, чтобы развернуть военные действия в Эгейском море, был рассеян или сдался победителю. Кипр и Родос, занимавшие поначалу выжидательную позицию, примкнули к более сильному противнику. Все восточное Средиземноморье с прибрежными территориями, за исключением Египта, отныне подчинялось Александру.

Дарий мог оценить масштабы своего поражения. Он не только потерял свои средиземноморские владения в Азии, но и те земли, на которые Александр даже не ступил, отделились от Ахеменидской империи: это касалось провинций северной Анатолии, таких как Битиния и Пафлагония, в то же время Каппадокия и Армения были неблагонадежны. Великий царь, пытаясь сохранить будущее империи, решил пожертвовать ее частью. Он отправил Александру письмо, которое застало его при осаде Тира и в котором ему, помимо предлагаемого огромного выкупа за освобождение царственных пленников, передавались все завоеванные земли и их зависимые территории, то есть вся Малая Азия до реки Галис, а также Сирия и Палестина до Евфрата. В знак своей искренности Дарий предлагал одну из своих дочерей в жены македонскому завоевателю.

Такое соглашение было соблазнительным: оно сулило гораздо более того, о чем мечтал Исократ несколькими годами ранее, призывая греков и Филиппа завладеть Малой Азией, и что тогда казалось несбыточным. И вот появилась перспектива великой

македонской империи, которая закрепится в Эгейском море и Черноморских проливах, от Иллирии до Иерусалима, объединит под одним правлением множество богатых стран, окружит греческие полисы, окончательно превращенные в союзников, если не в подданных, и сформирует государство, могущественнее которого в Средиземноморье не помнили. Александр ознакомил совет с условиями предлагаемого ему договора. Парменион, опытный и уважаемый старый воин, тут же воскликнул: «Я бы согласился, если бы был Александром!» «Я бы тоже, — ответил царь, — если бы был Парменионом». Возможно, это изречение, сообщаемое Плутархом, приписано Александру. Но оно замечательно показывает, какая пропасть отделяла отныне грандиозные амбиции молодого царя от холодных расчетов его ближайшего окружения. Мы увидим, к чему привело такое расхождение мнений.

Отказавшись от предложений Дария и намереваясь продолжать свои завоевания, Александр, прежде чем снова сразиться с Великим царем, восстанавливавшим свою армию в Месопотамии, решил укрепить свою власть в Египте, единственной западной провинции Ахеменидской империи, которая еще не была занята им. Задержанный на два месяца осадой Газы, при которой он был серьезно ранен, Александр отправился затем в Пелузу, восточный рубеж в дельте Нила. Сатрап, управлявший Египтом и подчинявшийся Дарию, отказался от сражения и, вступив в переговоры с македонским завоевателем, передал ему страну. Понимая, насколько оригинален и богат этот регион империи, Александр не доверил его никому из своих военачальников, но сохранил здесь свое прямое управление, единственно поручив распоряжаться внутренними финансами рожденному в Египте греку Клеомену из Навкрата. Зиму 332—331 годов до н. э. он провел в Египте. Именно тогда, увидев вещий сон, царь основал ввиду острова Фарос, известного еще Гомеру, в месте слияния дельты Нила с Мармарикой новый город, которому дал свое имя, — Александрию; расположенный рядом с египетским поселением Ракотис, этот полис, обустроенный в соответствии с традициями греческих государств и в скором времени населенный гражданами, пришедшими со всех концов греческого мира, благодаря своим крупным и надежным портам стал удобным местом обмена продуктов сельского хозяйства, доставляемых сюда по нильским каналам, на товары,

привозимые со всего Средиземноморья. Это открыло иностранным государствам богатейший регион античного мира.

Неизвестно, какие обстоятельства побудили Александра после основания Александрии отправиться на запад, чтобы посетить лежащий посреди Ливийской пустыни оазис Амона. Там находился египетский оракул, который был известен грекам и к которому они уже долгое время обращались, понимая его чужеродность; но в процессе ассимиляции, не раз происходившей в их религии, они восприняли египетского бога, почитавшегося в оазисе Сивы, как Зевса, и изображали его как Зевса — бородатым, правда с бараньими рогами в виде причудливого головного убора. Поскольку Александр верил, что через своего предка Геракла он напрямую происходит от Зевса, он совершенно естественно пожелал испросить оракула этого бога. Оазис Амона, находившийся во владениях Великого царя, благодарно встретил завоевателя, которому греческий полис Кирена в знак верности отправил дары: поход в Сиву через богатую провинцию Киренаику тем самым позволил попутно распространить власть Александра на всю эллинизированную Ливию, куда он даже не ступил.

Из Паретония (Марса-Матрух), где его застали киренские посланники, царь со своими приближенными отправился через безлюдную пустыню к Сиве дорогой, на которой пропало немало караванов. Согласно преданиям, во время этого трудного перехода явились священные звери, птицы и змеи, указавшие верный путь. Александр достиг далекого оазиса, и жрецы Амона приветствовали его, называя, как это было принято в отношении фараонов, «сыном Ра», бога солнца, отождествлявшегося с Амоном. Это титулование, воспринятое буквально, в дальнейшем станет для греков подтверждением божественного происхождения царя. Александр не откроет, какие ответы он получил от оракула своего божественного «отца». Но народное воображение, пораженное экзотичностью и отдаленностью места паломничества, охотно приняло небылицы, которые не замедлило породить это путешествие. Нельзя недооценивать важности этой экспедиции в Сиву для будущего развития царского культа.

Вернувшись в Египет, Александр рассудил, что настал подходящий момент, чтобы возобновить завоевание Азии. Его западные тылы были крепки благодаря покорности Кирены,

уничтожению флота Фарнабаза, лишившегося всех опорных пунктов, и твердому правлению в Македонии и Греции Антипатра, сумевшего несколько месяцев спустя усмирить военный мятеж спартанского царя Агиса III. Покинув Мемфис весной 331 года до н. э., Александр достиг Тира, где принял разного рода политические и административные меры, в частности освободил заключенных афинян, чем заслужил признательность Афин, а также поручил македонянину Гарпалу распорядиться военной казной, которая должна была пойти на расходы армии. Затем, получив сведения о том, что Дарий собрал в Вавилоне значительную армию, он двинулся в Месопотамию, оставив средиземноморские берега, которые уже никогда больше не увидел.

* * *

Так началась потрясающая авантюра, растянувшаяся почти на семь лет в следовании за восточным миражом. Окончательно разгромив Дария и став вместо него повелителем персидской Азии, Александр с горсткой воинов, македонян и греков, а также набранных на месте союзников двинется на Средний Восток через горы и пустыни, за Месопотамию и Персию, сердце Ахеменидской империи. Он дойдет до Каспийского моря, пересечет и подчинит Афганистан, пойдет на север, на равнины Центральной Азии, за Самарканд вплоть до русского Туркестана, дважды преодолет хребты Гиндукуша и, наконец, достигнет верховьев Инда в районе Кашмира и завоюет Пенджаб. Этот долгий поход, сопровождавшийся жестокими боями с воинственными народами, сталкивавшийся с враждебностью самой природы и почти непроходимыми землями, совершавшийся в отсутствие регулярного подкрепления, длился четыре года, с 330-го по 326-й, прерываясь иногда на несколько месяцев, чтобы дать армии восстановиться и навести порядок на завоеванных территориях. Дойдя до Индии и одержав новые победы, Александр вынужден будет тем не менее, уступая нежеланию своей армии идти дальше, принять решение вернуться назад, но другой дорогой, на что уйдет более года. Мы бегло пройдемся по этапам этих необыкновенных походов, в которых человеческая сила преодолела все препятствия и которые потрясли современников и не переставали восхищать последующие поколения.

Летом 331 года до н. э. Александр двинулся из Сирии в Месопотамию во главе армии, состоящей из 40 тыс. пехотинцев и 7 тыс. всадников. Он переправился сначала через Евфрат в Тапсаке, через который проходила большая дорога, ведущая из Сард в Сузы, потом через Тигр в верхнем течении, не встретив серьезного сопротивления. Дарий III, объединивший намного более многочисленные силы, стянутые со всех восточных провинций империи, собирался сам выбрать место сражения, чтобы разбить противника в одной решающей битве, используя свое численное превосходство, особенно конницы. Кроме того, он располагал подразделением, на которое сильно рассчитывал: корпус колесниц, снабженных лезвиями, которые были закреплены спереди на дышле и по бокам на ступицах колес, должен был мощной атакой рассеять фалангу македонян. Чтобы использовать все свои преимущества, Дарий поджидал врага на равнине у Гавгамел, к северо-востоку от древней Ниневии (сегодняшний Мосул). Поскольку ранее он остановился у Арбел, примерно в 100 км юго-восточнее, то решающее сражение, которое было дано при Гавгамелах 1 октября 331 года до н. э., долгое время чаще называлось битвой при Арбелах. Оказавшись перед гораздо более многочисленным неприятелем, Александр проявил тактическую расчетливость в расположении своих войск: он выстроил их поешелонно, чтобы избежать окружения, буквой «п», с двумя обращенными книзу флангами; перед фалангой, в центре своей диспозиции, он разместил легкие войска, чтобы те могли обстрелять смертоносные колесницы Дария, а сам занял позицию на правом фланге со своей элитной конницей. Битва была жестокой, на левый фланг македонцев обрушился яростный натиск мощной неприятельской конницы. Но в центре атака боевых колесниц, расстроенная стрелами и копьями, поражавшими коней и возниц, не сумела произвести должного эффекта: шеренги фаланги расступились перед последними колесницами, которые тут же сдались. Наконец, Александр лично повел в атаку своих гетайров¹ на центральные позиции противника, где находился Дарий: тот, как и при Иссе, растерялся, развернул свою

¹ Гетайры (*греч.* hetairoi — спутники) — у Гомера — ближайшие друзья и свита вождей, у македонян — советники и сопровождающие царя, а также элитная тяжеловооруженная конница.

парадную колесницу и бежал. На этот раз бегство Великого царя опять решило исход сражения. В то время как он укрывался в Мидии, в Экбатанах, Александр, завладев полем битвы при Гавгамелах в результате последнего, очень кровавого столкновения с персидской конницей, неотступно преследовал остатки побежденной армии до Арбел, укрепив тем самым свою победу.

В скором времени он вступил в Вавилон, где один из лучших военачальников Дария, Мазей, блестяще сражавшийся при Гавгамелах, перешел на его сторону и был за это пожалован на должность сатрапа Вавилонии, правда вместе с македонским командующим и македонским распорядителем финансов. Александр продемонстрировал тем самым свое желание открыть доступ прежним слугам Дария к руководящим постам в новой администрации, которая сменила старую, поскольку отныне он считал себя «царем Азии». Затем в течение нескольких недель была завоевана столица ахеменидских владык — Сузы. Александр оставил в своей должности сатрапа, сдавшего ему город.

Завоевание Суз было не только ярким свидетельством краха персидской монархии: оно дало Александру сказочные богатства в драгоценных металлах, которые здесь скопили предки Дария. Царь, не медля, пустил их на финансирование своих следующих походов, не забыв отослать часть Антипатру, чтобы помочь ему поддерживать царскую власть в Греции и эгейском мире. Наемники, оплачиваемые за счет казны, принадлежавшей теперь правителю Македонии, не колеблясь, предложили ему свои услуги. Этот источник пополнения, необходимого эллинистической армии, оказался исключительно полезен для Александра в его долгих восточных походах.

Из Суз царь направился в Персеполис, город пышных дворцов, выстроенных Ахеменидами. Отправив Пармениона с большой армией прямой дорогой, сам он возглавил немногочисленную колонну и, в разгар зимы, ценой невероятных усилий и яростных стычек с варварскими племенами уксиев, перешел через горы, обойдя проход, называемый «Персидскими вратами» и имевший крепкую оборону. Взятие Персеполя завершило эту зимнюю кампанию, во время которой Александр продемонстрировал, что, стремясь, несмотря на уже одержанные блестящие победы, к новым целям, для себя самого он выбирал самую трудную задачу. По его приказу

большой дворец Персеполя был предан огню, но не так, как об этом рассказывает римское предание — под действием пьяной фантазии и в дионисийском исступлении, — а чтобы этим показательным актом отомстить за разрушения, которым подверг Грецию Ксеркс во время Второй Греко-персидской войны: ничто другое не могло бы лучше продемонстрировать грекам, что признанный ими предводитель полностью достиг цели, ради которой они призвали его, и что обещания Филиппа выполнены. Помимо этого пожар Персеполя после взятия Суз возвестил для Азии о конце Ахеменидской империи и о приходе новой власти на место потомков великого Кира. Из Экбатан Дарий III бросился искать убежища в Гиркании, на юго-востоке от Каспийского моря, за ущельями, которые на востоке Тегерана называются воротами Каспия. Его спутниками были сатрапы восточных провинций империи, в том числе и Бесс — сатрап Бактрии, командовавший левым флангом персидской армии при Гавгамелах. Наведя порядок в новых захваченных регионах, Александр весной 330 года до н. э. продолжил преследование. Достигнув Экбатан, он решил задержаться, чтобы удостовериться в своих силах: он распустил контингенты греческих полисов, которые сопровождали его как полководца Коринфского союза с начала его похода в Азию. Официально это знаменовало окончание общей кампании против Ахеменидской империи, победоносным завершением которой стала битва при Гавгамелах и падение столицы старой Персии. Отныне великий замысел, ради которого армия устремилась на такой далекий и такой загадочный Восток, стал делом одного только Александра и тех, кто был лично к нему привязан: греческие солдаты, которые предпочли остаться с ним, сделали это по собственной воле как наемники, а уже не как контингент, предоставленный их городами. Многих из них влекла слава завоевателя и перспективы грядущих побед.

Оставив в Экбатанах половину армии под началом Пармениона, Александр форсированным маршем с немногочисленным войском устремился в Гирканию. В пути он узнал, что Дарий был низложен Бессом и сатрапами, которые собирались дать отпор захватчику. Чуть позже разведчики обнаружат тело Дария, которого сатрапы убили и бросили при отступлении. Александр окажется ему царские почести и объявит себя его наследником и мстителем за него. С тех пор наряду с традиционным македонским

церемониалом, очень простым и непомпезным, для своих новых азиатских подданных Александр ввел пышный ритуал и сложные правила ахеменидского придворного этикета. Он считал себя одновременно и правителем Македонии, и наследником Великого царя. Азиаты охотнее подчинились этим требованиям, чем македоняне и греки, которых такая двойная позиция оскорбляла. Мы вскоре увидим, к чему это привело.

Бесс, укрывшийся в своей сатрапии Бактрии, в свою очередь провозгласил себя Великим царем под именем Артаксеркса. Александр выступил против него, но измена сатрапа Ареи (западного региона Афганистана), притворявшегося его союзником, заставила царя изменить свои планы: отложив на некоторое время захват Бактрии, Александр повернул на юг и занял Дрангиану в районе реки Гельманд и ее озер. Тут он принял твердое решение, казавшееся ему необходимым для продолжения кампании: Парменион, старый, заслуженный военачальник, которому Александр долгое время безоговорочно доверял и под командованием которого в Экбатанах находилась половина армии, выступал против продолжения походов и продвижения еще дальше вглубь Азии. Царь решил избавиться от него, сделав назидание другим. Он воспользовался неосмотрительностью Филота, сына Пармениона, который командовал элитным корпусом гетайров и сопровождал Александра. Против царя был раскрыт заговор — вымышленный или действительно существовавший, — и было доказано, что Филот знал о нем и не предупредил царя. Представший перед собравшимся войском, согласно старому македонскому обычаю, он был объявлен виновным, предан пыткам и казнен. От него добились признаний о причастности его отца к заговору. Александр тут же отправил в Экбатаны приказ расправиться с Парменионом. Когда войска, бывшие в подчинении Пармениона, воссоединились с корпусом Александра в Дрангиане, командование над ними принял македонянин Кратер. Два близких друга царя, Гепестийон и Клинт Черный, разделили командование над гетайрами после гибели Филота. Среди офицеров, назначенных на ключевые должности в этой критической ситуации, были также Птолемей и Пердикка, игравшие отныне важные роли.

Реорганизовав и усилив таким образом свою армию, Александр, несмотря на начавшуюся зиму, выступил в поход на восток,

вторгся в Арахосию (центральный регион Афганистана) и заложил там город — Александрию Арахосию (Кандагар). До этого он уже основал одну Александрию в Дрангиане и множил их по Центральной Азии, отмечая этапы своего похода. В каждой из них после разработки плана и совершения необходимых религиозных ритуалов он оставлял контингент греков или македонян, которые были одновременно и поселенцами, и солдатами, и купцами. Продолжив свой путь на север, зимой он достиг горной цепи Гиндукуша и основал там Александрию Кавказскую — как ошибочно называли греки гималайский массив. Повсюду он назначал македонских или персидских наместников, успешно укрепляя таким образом ахеменидскую администрацию в восточных провинциях империи, подчинявшихся ему одна за другой.

Главной целью оставались провинции севера, лежащие за Гиндукушем, — Бактрия и Согдиана. Первая, богатая сельскохозяйственная равнина, протянулась до реки Окс (Амударья), рядом с которой находилась ее столица Бактры (Балх). Согдиана, расположенная за Оксом, с севера ограничивалась рекой Яксарт (Сырдарья), текущей, как и Окс, с запада на северо-запад и впадающей в Аральское море: в этой провинции было два крупных центра — Мараканда (Самарканд) и Бухара. Дальше лежал неизведанный край кочевников-скифов — массагетов (к северо-западу и Аральскому морю) и центрально-азиатских саков. Завоевание этих северных провинций длилось три года, с весны 329 по весну 326 года до н. э., и сопровождалось жестокими сражениями, в которых Александр опять рисковал собой, был неоднократно ранен и вынужден был проявить стратегическую изобретательность и постоянно менять тактику. Нет ничего более захватывающего, чем подробная история этого значительного эпизода великих походов, с его постоянным перевесом сил, драматическими оборотами и триумфами. Оторванному от своих основных сил, находящемуся слишком далеко, чтобы ожидать подкрепления с родной земли, Александру предстояло покорить регион, равный по площади всей Малой Азии, окруженный суровыми безлюдными пустынями или неприступными горами, где обитали дикие племена, искусно борющиеся с конницей при помощи засад в труднопроходимой местности. Александр проявил свою гениальность на всех этапах этой кампании.

Прежде всего он обманул Бесса, поджидавшего его у перевалов Гиндукуша, и преодолел опасные хребты через проход, расположенный восточнее. Благодаря этому обходному маневру он получил всю Бактрию, которую Бесс вынужден был оставить, чтобы укрыться в Согдиане. Александр в свою очередь перешел Окс, и вельможи Согдианы, чтобы умилостивить завоевателя, выдали ему Бесса, преданного своими приближенными, так же как сам он когда-то предал Дария. Александр подверг его суду и пыткам как предателя своего государя: по восточным обычаям Бессу отрезали нос и уши, после чего он был отправлен на казнь в Экбатаны и там распят. Тем временем царь дошел до Яксарта, заняв Самарканд, и на берегу реки основал самый северный из носящих его имя городов — Александрию Эсхату (Дальнюю) на месте нынешнего Ленинабада, или Ходжента. Конница саков не помешала ему перейти на северный берег под прикрытием катапульт, сосредоточенных для этой операции на южном берегу, — первое применение тактики массированного удара метательных машин против кавалерии. Соглашение, заключенное с саками после этой атаки, позволило Александру вернуться назад в Согдиану, чтобы подавить мятеж, вспыхнувший в его тылу. Он перезимовал в Бактрах и с этого момента начал усиливать свою армию азиатскими контингентами.

В 328 году до н. э. были проведены различные операции, направленные на поддержание порядка: как против набегов степных кочевников, так и против очагов сопротивления, которые нужно было погасить по разным регионам Согдианы. В перерывах между этими кампаниями Александр развлекался охотой и традиционными для греков длинными ночными трапезами с их непринужденными беседами. Во время такого пьяного пиршества один из его самых любимых друзей, Клит Черный, разгоряченный вином, стал задирать царя оскорбительными речами, обвиняя его в установлении новых порядков, которые не понравились бы его отцу. Александр, поначалу, сохранявший хладнокровие, в конце концов не сдержался, выхватил у стражника копьё и, поскольку Клит, несмотря на попытки товарищей его остановить, продолжал произносить дерзкие слова, пронзил его одним ударом. Это проявление гнева, чем бы он ни оправдывался, сильно потрясло царя, и он впал в глубокую меланхолию, отказывался

несколько дней от еды и винил себя в убийстве друга, который спас ему жизнь в битве при Гранике. Ему потребовалось несколько недель, чтобы преодолеть этот духовный кризис.

В этом ему помогли проблемы завоеванных территорий, требовавшие его вмешательства для отражения новых нападений и подавления последних мятежных крепостей. Александр уже захватил несколько орлиных гнезд в горах Согдианы: в разгар зимы, в январе 327 года до н. э., он отправился в новый поход против одной из этих крепостей, расположенной на почти неприступной скале и занятой войском местного князя Оксиарта, который укрывал там свою семью. Македоняне взобрались на гору, утопавшую в снегу, и крепости пришлось сдать. Среди захваченных в плен была дочь Оксиарта — Роксана. Из политических соображений, а также, возможно, влюбившись, Александр решил взять ее в жены: этот брак не только сулил присоединение мятежных вельмож, он показывал желание завоевателя сохранить равный баланс между македонянами и азиатами как на службе государства, так и при раздаче царских милостей. Это было наглядно продемонстрировано Александром, когда он назначил сатрапом крупной провинции Мидии перса Атропата, который исполнял эту же должность при Дарии.

Эти назначения вызывали ревность в среде македонян. Они также не одобряли новых этикетных правил, в частности введения *проскинесы*, или падения ниц, принятого при дворе Ахеменидов, которое Александр хотел сохранить как выражение почтения к его собственной персоне. Некоторые греки из царского окружения, среди которых был философ Анаксарх, благосклонно отнеслись к принятию этого обычая, хотя он сильно противоречил македонской традиции и греческому менталитету, для которого падение ниц было возможно лишь как знак почтения бога. Племянник Аристотеля Каллисфен, который вел летопись правления Александра и до тех пор проявлял себя его ревностным слугой и поклонником, не стал скрывать своего неприятия *проскинесы*, и его мнение открыто поддерживали многие македоняне. Царь, приняв во внимание это настроение, столь распространенное среди его соотечественников, отказался от попыток навязать им обычай, который был так для них противен. Но он затаил злобу на Каллисфена, и когда в скором времени среди нескольких юношей из царской

свиты был обнаружен зреющий заговор (который называют заговором пажей), Каллисфен, неосторожно произносивший резкие слова против тирании, способные вызвать подозрение у царя, был причислен к заговорщикам и казнен вместе с ними. Философская школа Аристотеля, так называемых перипатетиков, не простила Александру смерти своего представителя и всячески демонстрировала неприязнь к нему, так что Плутарх несколько веков спустя все еще считал необходимым опровергать это мнение.

После покорения северных провинций, достигнутого ценой трехлетних усилий, для полного господства Александра над всей бывшей территорией Ахеменидов оставалось отправиться на восток, к Индии. Греческие историки от Гекатея до Ктесия сообщали о завоевании Великим Дарием бассейна Инда, власть над которым впоследствии была утрачена его наследниками. Александр собирался вновь покорить его. Поэтому летом 327 года до н. э., оставив в Бактрии одного своего наместника с достаточной оккупационной армией, он перешел через Гиндукуш, чтобы достичь района Кабула, и отсюда уже взял направление на восток. О переходе на его сторону индийского царства Таксила, находившегося на левом берегу Инда, ему сообщили, когда он находился еще в Афганистане: открывалась возможность собрать там, по течению Инда, достаточно многочисленную армию, чтобы утвердить господство над всей этой малоизведанной территорией и двинуться дальше Таксилы — туда, куда Ахемениды никогда не осмеливались вести свои войска. Чтобы собрать такую армию, значительный контингент которой должны были составить греческие, финикийские, египетские и кипрские моряки, которым предстояло спуститься вниз по Инду на судах, построенных на месте, Александр не торопился продолжать свой поход. Поручив Гефестиону вести большую часть своей армии в Таксилу, сам он с оставшимся войском двинулся севернее, в горы, по пути отражая нападения воинственных племен. Весной 326 года до н. э. он прошел через город Ниса, жители которого поклонялись местному богу, которого греки — по своей давней традиции отождествлять чужеземных божеств со своими — восприняли как Диониса: так родилась легенда о посещении Дионисом Индии, ставшая очень популярной в эллинистической мифологии. Чуть позже Александр, переправившись через Инд по понтонному мосту, встретился

с Гефестионом в Таксиле. Здесь собралась внушительная армия — более 100 тыс. человек. Местный царь враждовал со своим восточным соседом Пором, чье царство лежало на противоположном берегу Гидаспа, притока Инда, и надеялся с помощью Александра разрешить этот конфликт. Дальнейшие боевые операции стали последним великим военным достижением Александра и положили предел его продвижению на Восток.

Эта кампания развернулась летом 326 года до н. э. У Пора была сильная армия, самым грозным контингентом которой являлся корпус из 120 боевых слонов, с которыми войска Александра столкнулись впервые. Они были слишком опасны, чтобы, имея такого противника, форсировать реку. Александру удалось обмануть бдительность врага: он разделил свои силы и сумел переправиться через реку выше того места, где поджидал его Пор. После чего оба полководца сошлись в битве на левом берегу Гидаспа. И здесь снова преимущество оказалось за тактикой Александра: умелым маневром он разбил неприятельскую конницу, прежде чем ввести в бой против слонов пехоту. После долгого и кровавого сражения слоны наконец были одолены, и Пор, командовавший войсками верхом на одном из них, был ранен и пленен. Александр из уважения к его смелости обошелся с ним как с царем, поручил его заботам своих личных врачей и заключил с ним соглашение, по которому Пор получал назад свое царство, заключал мир с соседним царством Таксила и мог рассчитывать на военную помощь для усмирения некоторых народов в регионе. В этих дальних краях Александр, как в свое время Дарий, предпочел прямому управлению политику протектората. Но представлять в этом регионе власть царя, контролируя от его имени местных князей, предстояло македонскому сатрапу Филиппу, брату Гарпала.

Победа над Пором, доставшаяся слишком дорогой ценой, поразила воображение современников. Монеты, выпущенные позже, напоминают об этом событии с документальной точностью, необычной для нумизматической традиции: на реверсе изображен Александр, преследующий верхом боевого слона Пора. Царь основал в этом регионе два города: один, Никея, заложенный на поле битвы, напоминал о его победе (*niké*); другой был назван Букефалия — в память о знаменитом коне Буцефале, служившем Александру со времен его отрочества и незадолго до того сдохшем.

Затем, совершив богатые жертвоприношения, он решил по совету Пора идти дальше на восток, пока Кратер заканчивал строительство флота, который позже был использован, чтобы спуститься по Инду. Разбив племена, занимавшие эту восточную часть Пенджаба, Александр подошел к берегу реки Гифасис: он приготовился переправиться через нее, чтобы исследовать неведомые земли, лежавшие дальше на востоке, в бассейне Ганга, где находилось полумифическое царство гангаридов. И в это время в армии, понесшей тяжелые потери в последних сражениях и измотанной непрекращающимися муссонными дождями, поднялся ропот, против которого авторитет Александра был бессилён: изнуренные войска, убежденные в том, что идти дальше — значит уже не вернуться назад, отказывались следовать за своим царем через Гифасис. Когда Александр убедился, что не может поколебать решения своих солдат, он, оценив ситуацию, уступил. Чтобы обозначить крайний рубеж своих завоеваний, он построил возле своего лагеря на правом берегу Гифасиса двенадцать величественных алтарей, каждый из которых был посвящен одному из двенадцати великих богов Олимпа, затем, совершив торжественные жертвоприношения, он отдал приказ возвращаться, встреченный ликованием армии, снова преданной своему повелителю.

Вернувшись к Гидаспу, Александр, покорив Пенджаб и часть Кашмира, закончил приготовления к выступлению на юг. Когда был готов сильный флот в тысячу кораблей, находящийся под командованием критянина Неарха, удачно назначенного на эту должность, в начале ноября 326 года до н. э. был дан сигнал, и армия двинулась двумя большими колоннами: одна, во главе с Кратером, следовала вдоль Гидаспа, затем вдоль Инда по правому берегу; другая, ведомая Александром и Гефестионом, — по левому берегу, поддерживая, таким образом, корабли Неарха, спускавшиеся по реке. Одной только восточной колонне пришлось в первой половине пути вступить в сражение между Гидаспом и Гифасисом. Она жестоко разбила нападавших. Именно здесь во время штурма одной крепости царь чуть было не погиб: первым взобравшись по лестнице на крепостную стену, он оказался там один с двумя или тремя своими воинами и вместе с ними спрыгнул внутрь крепости; тяжело раненный стрелой в грудь, он потерял сознание и был спасен лишь благодаря своим подоспевшим

солдатам. Этот драматический эпизод замечательно демонстрирует то стремление самому бросаться в бой, которое до конца оставалось отличительной чертой характера Александра: для него, как и традиционно для греков, физическая храбрость, *арете*, была главным достоинством героя.

Так армия двигалась до весны 325 года до н. э. При слиянии Инда с Гидаспом была основана очередная Александрия. Для дальнейшего возвращения Александр разделил свои войска, отправив Кратера к Кандагару через горы, через ущелье Муллы, с частью пехоты и тяжелыми частями армии — слонами и осадными орудиями, приказав ему воссоединиться с основными частями в Кармании, на северном выходе в Персидский залив. Сам Александр в сопровождении флота собрался дойти до дельты Инда и до океана. Он построил порт в северной оконечности дельты, в Патале, покорил этот регион, и, достигнув моря, принес жертвы Посейдону, бросив в воду золотую чашу и прося бога защитить корабли Неарха. Флоту предстояло добраться до Персидского залива, следуя вдоль враждебного побережья Белуджистана, совершая по пути разведку, необходимую для установления регулярного морского сообщения между Месопотамией и устьем Инда. Чтобы обеспечить безопасность этого трудного мореплавания, Александр намеревался следовать вдоль моря по берегу, повторяя путь Неарха: подобные комбинированные маневры, когда одна колонна движется по суше, а другая — по воде вдоль побережья, поддерживая друг друга, не раз совершались древними армиями.

Но географические и климатические условия расстроили этот план. Неарх переждал муссоны и сумел без значительных потерь и больших трудностей достичь пролива Ормуз на выходе в Персидский залив. Александр же не смог следовать берегом из-за слишком неровного ландшафта и вынужден был углубиться в пустыни Гедросии, где его армия, жестоко страдая от голода и жажды, потеряла много людей и животных. Остаток пути был менее тяжел. Дойдя в декабре 325 года до н. э. до Кармании, Александр воссоединился здесь с Неархом и Кратером, которые добрались сюда: один по морю, другой — через горы. В честь окончания долгих испытаний, которые пришлось пережить армии и ее царю, была основана новая Александрия и устроены большие религиозные празднества с жертвоприношениями и состязаниями атлетов.

* * *

По возвращении Александр вынужден был принять жесткие меры, чтобы подавить мятежи некоторых вельмож, возникшие в его долгое отсутствие. Некоторые сатрапы не послали продовольствие его армии, когда она с трудом продвигалась через Гедросию, — они заплатили своей жизнью за это преступное бездействие. Такое же наказание постигло Клеандра, который довел Мидию до разорения: царь не мог потерпеть, чтобы его чужеземных подданных обирали. Всем сатрапам был отдан приказ распустить наемников, которые могли быть набраны в их личную армию: царь оставлял за собой исключительное право иметь вооруженные силы. Даже его друг, надежный человек, которому Александр доверил царскую казну в Вавилоне, — Гарпал, до которого дошли ложные слухи о гибели царя, раненного в Индии, допустил злоупотребления, живя в царской роскоши и требуя, чтобы его налогожницам оказывались знаки уважения, подобаемые царицам. Узнав о возвращении Александра, он покинул Вавилон и бежал в Киликию, увезя с собой значительную сумму — 5000 талантов, взятых из царской казны, которая предназначалась на содержание наемников. Позже, увидев, что власть царя, бесспорно, снова укрепилась, он решил искать убежища в Афинах, где оставалась сильная антимакедонская партия.

После поражения при Херонее в 338 году до н. э и разрушения Фив в 335-м, ужаснувшего Грецию, афиняне вели себя по отношению к Македонии с благоразумной осторожностью. Конечно, Демосфен и Гиперид, самые ярые противники Филиппа, все-таки решались выступать против Александра и не потеряли доверия народа, как это показал знаменитый процесс над Ктесифоном в 330 году до н. э., который возбудил Эсхин, старый оппонент Демосфена, против Ктесифона, когда-то предложившего народному собранию, по сути незаконно, почтить Демосфена золотым венцом. На этом процессе, по случаю которого великий оратор, чтобы защитить своего друга, произнес знаменитую речь «О венке», фактически обвинялось антимакедонское движение, и исход дела, которое завершилось триумфальным оправданием Ктесифона и изгнанием Эсхина на Родос, продемонстрировал, что народ, не державший никакого зла на Демосфена, вовлекшего

полис в лагерь побежденных, был признателен ему за столь страстную защиту славной традиции национальной независимости. Тем не менее, оценивая реальную ситуацию, афиняне опасались преждевременно выступать против могущественной власти, имевшей гораздо большие силы. Они следовали мудрым советам оратора Ликурга, большого патриота и государственного деятеля, который призывал их восстановить свои финансы, возродить гражданское сознание, наказывая трусов и предателей (по этому поводу он высказался в речи «Против Леократа», произнесенной в 330 году до н. э. против афинянина, бежавшего со своей родины во время сражения при Херонее), и, наконец, реорганизовать армию и флот. Внемя его призывам, которыми он воодушевлял афинян двенадцать лет, с 338 по 326 год до н. э., город залечил свои раны, построил военный порт в гавани Пирей, привел в порядок флот, добавив к традиционным триерам новые, более вместительные и мощные суда, приводимые в движение большим количеством гребцов, — *тетреры* и *пентеры*¹. Кроме того, чтобы вернуть народу осознание своих древних традиций, были предприняты различные меры по реорганизации отправления культов как элемента духовного сплочения полиса; алтари стали украшать, как, например, в храме Диониса, где к деревянной сцене были приделаны каменные ступени; в знак верности прошлому было предпринято официальное издание *ne varietur*² трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, прославивших Афины веком ранее, а скульптурные изображения этих авторов были выполнены за счет государства. Древний институт эфебии, призванный обучать военной службе афинских юношей с 18 до 20 лет, был возрожден и в таком виде просуществовал потом долгое время как надежда на восстановление древних традиций. Атлетические сооружения: стадион, где проходили Панафинейские игры, гимнасии, палестры, — были обновлены или реконструированы, чтобы давать молодым людям физическую подготовку. Для руководства над восстановлением вооруженных сил народ неоднократно переизбирал стратегом Фокиона, ветерана борьбы против Филиппа, чей военный талант и неподкупность были всеми признаны: этот человек прежнего

¹ Тетрера и пентера — суда, имеющие соответственно четыре и пять рядов весел, в отличие от триеры, где рядов было три.

² *ne varietur* — изменению не подлежит, в неизменном виде (*лат.*).

уклада, в описании Плутарха ставший легендарным, помимо своей строгой добродетельности прославился здравым взглядом на соотношение сил в современной ему мире и с проницательностью, рожденной этим здравомыслием, как и консервативным характером, готовился к войне, но призывал к миру.

Александр же в свою очередь умело щадил самолюбие Афин, оказывая им разные милостивые жесты, отсылая часть трофеев, взятых в битве при Гранике, или освободив пленных афинян, служивших наемниками у Великого царя, поэтому народ Афин охотно следовал советам Ликурга и Фокиона. Он отблагодарил царя за освобождение пленных присуждением ему золотого венка. Афинский народ, несмотря на призыв спартанского царя Агиса III присоединиться к нему к войне, которую тот впервые за время существования Коринфского союза начал в 331 году до н. э. Против Антипатра, укрепив свою армию за счет наемников, уцелевших в битве при Иссе. Выступив против своих соседей в Аркадии, Агис осадил федеративный полис Мегалополь, основанный в 369 году до н. э. Эпаминондом для объединения аркадских племен и создания противовеса Спартам на Пелопоннесе. Получив вскоре поддержку Антипатра и македонской армии, город успешно оборонялся, и в наступательном бою под его стенами Агис был побежден и убит. Македонское господство над Элладой, таким образом, крепло до самого конца правления Александра.

Экономические трудности способствовали поддержанию мира в Эгейском море: с 332 по 330 год до н. э. череда безуспешных мятежей привела к серьезной нехватке хлеба на всем полуострове и особенно в больших агломерациях, таких как Афины, снабжение которых в значительной степени было связано с морскими поставками. Надпись в Кирене свидетельствует о том, как в эти тяжелые годы эллинское единство помогло преодолеть кризис: африканская колония, бывшая одной из житниц греческого мира, в этой ситуации отправила многим большим и малым полисам огромное количество зерна, а именно 800 тысяч медимнов¹ (более 40 тыс. тонн), из которых 100 тыс. были посланы одним только Афинам. Когда проблема хлеба насущного вставала с такой остротой, было неразумно вести войны.

¹ Медимн — античная единица объема, 1 медимн = 52,5 л.

Поэтому, когда Гарпал весной 324 года до н. э. подошел к Пирею с одной эскадрой и несколькими тысячами наемниками, афиняне отказались их впустить. Отослав свои войска к мысу Тенар, бывшему крупным рынком наемников, он стал добиваться, чтобы его пустили в Афины как беженца, а когда ему это позволили, старался, раздавая направо и налево деньги, склонить полис на свою сторону. Так как Александр требовал выдачи своего преступного казначея, Гарпал был арестован, но вскоре бежал к своим наемникам на мыс Тенар, затем на Крит, еще один большой рынок наемников, где был убит одним из своих офицеров, македонянином Фиброном. Но его приход в Афины повлек за собой тяжелые последствия: Демосфен, замешанный в аресте Гарпала и конфискации хранимых им денег, был обвинен перед ареопагом в подкупе. Признанный виновным, он был изгнан в Трезену.

Тем временем Александр, вернувшийся в сердце своей азиатской империи, принимал важные меры для упрочения внутренней безопасности в управляемой им разнородной империи: он осознавал, что, прежде чем двинуться в новые походы, в его провинциях необходимо наладить мир и благополучие. В Сузах в конце зимы 324 года до н. э. он издал эдикт (*diagramma*) для греческих полисов, в котором предписывал им призвать своих изгнанных граждан и вернуть им их имущество. Действительно, практически не было такого полиса, в котором политические разногласия не приводили бы к изгнаниям, иногда массовым. Александр намеревался положить конец такому положению дел, наносящему столь большой вред внутреннему миру провинций, вернув на родину тысячи изгнанников. По сути, это было вмешательством во внутренние дела полисов — участников Коринфского союза, которое не предусматривалось договором, заключенным между ними и Македонией. Но, по правде говоря, какой греческий полис в эпоху своей гегемонии останавливался перед подобным вмешательством? Всеобщее предписание Александра могло по праву считаться актом великодушия: чтобы придать ему больший резонанс, царь объявил о нем через своего представителя — приемного сына Аристотеля, Никатора из Стагира, во время празднеств в честь Олимпийских игр летом 324 года до н. э. Надпись в Тегее и еще одна, в Митилене, сообщают, как на деле небезболезненно было воспринято это возвращение изгнанников.

Чтобы поднять также свой авторитет у греческих полисов, Александр потребовал через своих друзей и приверженцев в каждом городе признания его божественной природы, которую он, со своей стороны, всячески демонстрировал со времени посещения оракула Амона. Это признание должно было выразиться в установлении культа, в котором бы его почитали как «непобедимого бога», *théos anikétos*. Само по себе обожествление смертного было вполне допустимо для греков, которые находили в известных мифах, например о Геракле или Асклепии, много таких примеров, считавшихся достоверными. Кроме того, в недавней истории тоже имелись прецеденты: всем был памятен пример Лиссандра. Разумеется, придирчивые и скептические умы противились подобным настроениям: Агесилай, например, смеялся над теми, кто хотел почитать его как бога. Но эллинистический политеизм, вбиравший в себя самые разнообразные верования, которые согласовались с традиционными ритуальными формами, никогда не препятствовал подобным нововведениям, если они имели подтверждение оракула и были обоснованы несомненными и очевидными силой и успехом. Греческие полисы в Азии после своего освобождения от персидского гнета первыми начали эту традицию. Полисы в Элладе, по-видимому без энтузиазма, последовали ей в свою очередь. Как серьезно Александр относился к установлению своего культа, прекрасно видно по реверсу серебряной монеты декадрахмы, чеканившейся в царской мастерской в Вавилоне в 324—323 годы до н. э., где царь представлен мечущим молнию, как Зевс, в то время как Победа возлагает ему на голову венки. Стремление придать ему облик бога очевидно.

В отличие от греков, македоняне в целом и Антипатр в частности почти не поддержали это движение. При жизни Александра на его родине ему не поклонялись. Здесь оставалась жива преданность древним формам национальной монархии и народное сознание остерегалось нововведений. Однако в Сузах Александр успешно устанавливал их: весной 324 года до н. э. он торжественно отпраздновал свою свадьбу с двумя персидскими царевнами из ахеменидского рода — с дочерью Дария III и с дочерью его предшественника, Артаксеркса III Оха. У него уже была жена Роксана, дочь Оксиарта, на которой он женился в Бактрии и которая родила от него сына уже после его смерти. Полигамия не была

в обычае у греков, но она отвечала восточным традициям. Принятие ее Александром было расценено как принятие этих традиций повелителем огромной азиатской империи: царь уже появлялся при случае в персидских одеждах, и все помнили о его уступках, которые он сделал в отношении придворного ахеменидского этикета. Желание достичь слияния чужеродных элементов своих государств, и прежде всего двух главных — Македонии и Персии, проявилось еще ярче в его собственном бракосочетании, которое сопровождалось свадьбами его ближайших друзей с персиянками: Гефестион, его самый любимый друг, который первым следовал за царем, имея титул *хилиарха*, женился на другой дочери Дария, а вместе с ним Кратер, грек Эвмен, Селевк, будущий основатель династии Селевкидов, показали пример, взяв себе жен из знатных семей Персии; этому примеру последовали 10 тыс. македонских воинов. Все эти браки, известные как «свадьбы в Сузах», были заключены одновременно с бракосочетанием царя и сопровождались празднествами, которые получили широкий резонанс.

Многие из македонских ветеранов с неодобрением наблюдали, как потомок Аргеадов осуществляет политику слияния между греческим миром, к которому они себя относили, и миром варваров, против которых они недавно жестоко бились. Многие не собирались заканчивать свои дни в Азии, хотя бы и подле своего царя. Поэтому, когда тот предложил им вернуться в Македонию, если они того желают, подавляющее большинство восприняло это с энтузиазмом, который быстро перерос в открытый мятеж: наиболее смелые, не смущаясь, высказывались в адрес Александра самым нелюбезным образом. Царь, пораженный тем, что мятеж охватил его старейших воинов, незамедлительно отреагировал со всей строгостью и воззвал к чувствам: он приказал верным войскам арестовать главарей и казнил их; в то же время он обратился к мятежникам с пылкой речью, затронувшей их сердца. Жертвоприношение с торжественными молитвами о восстановлении согласия было совершено в Описе, на Тигре, а последовавшее за этим пиршество братски примирило македонян и персов. После чего 10 тысяч ветеранов попросили у Александра отставку, чтобы вернуться в Македонию под командованием Кратера и Полиперхона; царь велел вручить им на прощание богатые дары.

Для тех же, кто согласился остаться на Востоке, в новой Александрии в Персидском заливе был выделен квартал, получивший название столицы Македонии — Пелла.

Александра ждало новое испытание, сильно его потрясшее: осенью 324 года до н. э., когда он пребывал в Медине, в Экбатанах, внезапно умер его друг Гефестион. Из всех ближайших соратников он был наиболее дорог его сердцу, и именно Гефестиону царь доверил первую должность в государстве, сделав его хилиархом — греческий титул, которым обозначалась должность премьер-министра в Ахеменидской империи. Эта смерть в расцвете лет повергла царя в глубокую печаль. Испросив совета у оракула Амона, он решил устроить другу пышные похороны. Нелыханно роскошный катафалк, сооруженный для него в Вавилоне и детально описанный Диодором, был изготовлен из драгоценных металлов и украшен бесценными статуями. Что бы ни делал Александр — все превосходило обычную человеческую меру.

Справившись со своей печалью, Александр принялся с присутствующей ему страстью готовиться к будущим походам. Он намеревался, во-первых, пустить богатства своих азиатских владений для развития речных коммуникаций и морской торговли, воспользовавшись исследованиями, сделанными Неархом во время возвращения из Индии, а во-вторых, расширить еще больше границы империи. Он провел недолгую зимнюю кампанию против касситов Загроса. Он планировал экспедиции на север, к Каспийскому морю, на юг — в Красное море, а в ближайшее время — завоевание Аравии, побережье которой его корабли начали разведывать с Персидского и Суэцкого заливов. В начале весны 323 года до н. э., когда Александр занимался этими приготовлениями, в Вавилон стали прибывать делегации греческих полисов, чтобы просить его помощи в разрешении проблем, которые влекло за собой возвращение изгнанников: послы предстали перед ним с венками, как перед богом. Другие посланники прибыли из дальних стран восточного Средиземноморья: из южной Италии, Этрурии, Карфагена, чтобы приветствовать государя, чья слава гремела далеко за пределами греческого мира. Среди посланцев-варваров, согласно преданию, были также эфиопы, иберы, кельты, пришедшие из придунайских земель. Казалось, что вся вселенная, известная древним, склонилась перед Александром.

Все эти многочисленные заботы, несомненно, сказались на его здоровье, уже подорванном полученными в боях ранами и тяготами походов. В начале июня 323 года до н. э., когда вот-вот должна была начаться экспедиция в Аравию, Александра сразила лихорадка, которая за несколько дней истощила его. Тринадцатого июня 323 года до н. э. он умер в своем вавилонском дворце, не успев назначить себе преемника. Ему не было даже 33 лет.

* * *

Если слава Александра пережила века, поставив его в первый ряд среди завоевателей в памяти людей, это не значит, что оценки его деяний и его личности совпадают. Ненависть к нему противников македонской монархии никогда не утихала, даже перед великодушными извинениями и благодеяниями молодого царя. После смерти Каллисфена к ним присоединились некоторые философы, принадлежавшие к школе перипатетиков, которые не простили смертного приговора, вынесенного племяннику их основателя. Извечное недоверие интеллектуалов к военным, даже воспитанным в духе высокой культуры, усилит со временем эту традицию осуждения: как лучше всего выразить свое презрение к сильным людям, поразившим весь мир, если не предать суровому осуждению наиболее выдающихся из них? В этом смысл известного анекдота о Диогене-кинике, который на вопрос Александра, не может ли он что-нибудь сделать для Диогена, ответил: «Не заслоняй мне солнце!» Слава великих всегда ослепляет большинство, которое компенсирует свою собственную ничтожность, умаляя значение слишком блестящих достижений. Поль-Луи Курье¹ в письме эллинисту Жильему де Сент-Круа, интересовавшемуся Александром, демонстрирует это чувство: «Не расхваливайте мне вашего героя; своей славой он обязан своему веку. Без этого был бы он чем-то большим, чем все эти Чингисханы, Тамерланы? Хороший солдат, хороший полководец, но это общераспространенные достоинства. В любой армии всегда найдется сотня офицеров, способных отлично ею командовать <...>. Что

¹ Поль-Луи Курье (1772—1825) — французский эллинист и знаменитый памфлетист. В молодости служил в армии, но оставил ее в 1810 г. и занялся филологией.

до него, он не сделал ничего такого, что не было бы сделано и без него. Еще до его рождения было решено, что Греция завоюет Азию <...>. Удача подарила ему мир, и что он с ним сделал? Не говорите мне: «Если бы он прожил...» Ибо он становился день ото дня все более жесток и все больше спивался». Блестящий памфлетист обнаруживает здесь обозленность артиллерийского офицера, которому обстоятельства — и, несомненно, также собственное нерасчетливость — не позволили сделать карьеру, на которую он рассчитывал. Он переносит на Александра категорическое осуждение, которое он так часто выдвигает в других местах против Наполеона и его маршалов. Однако историку следует оказываться от обобщенных предубеждений, а полагаться прежде всего на факты: в случае Александра они говорят сами за себя.

Да, действительно, в IV веке до н. э. многие греки вместе с Исократом настраивались на войну с ахеменидской монархией, что позволило бы восстановить между греческими полисами духовное единство, которое они извели во время персидских войн, но их планы ограничивались лишь освобождением Эгейского побережья. Да, Филипп успел начать этот поход, но здесь уместно признать, что его реализм ограничивал его амбиции и он, как и Парменион, принял бы предложение Дария, в отличие от Александра, который в течение своих немислимых походов никогда не переставал осознавать себя его инициатором и чувствовать свое одиночество перед лицом сопротивления и опасений своего окружения. Он желал не только подчинить своей власти древние владения Великого царя, но и достичь на Востоке крайних пределов известного в то время мира, до океана, прежде исследовав их к югу и северу, о чем свидетельствуют его приготовления в 323 году до н. э. Очевидно, что его стремлением было объединить под своим господством всю обитаемую землю, *ойкумену*, как говорили греки, — мечта, заимствованная у великих ахеменидских владык Дария и Ксеркса, но питаемая новыми идеями о сложности мира и об отношениях между народами. По мере того как совершался его поход, постепенно вырисовывался план, который он хотел реализовать. Как далеки друг от друга пожар Персеполя в искупление прошлых разрушений и узкие свадьбы, которые должны были заложить основу поистине нового будущего: вселенская монархия, объединяющая под

единым именем македонцев, греков и варваров, воодушевленных общей преданностью к правителю и испытывающих друг к другу чувство взаимного уважения, как на пиру в Описе. Гибкие нововведения, смешивающие греческие и варварские обычаи, должны были способствовать такому сосуществованию, если не полному слиянию. Эта мечта могла бы оказаться вовсе не такой утопичной, если бы у Александра было необходимое время: авторитет повелителя, который он имел для всех, а умение заставить себя уважать, как доказывают многие примеры, — было единственным основанием, способным удерживать столько различных народов, объединенных в столь огромную империю. Александр понимал это, и он один был в состоянии завершить дело, которое он четко спланировал и успешно начал. То, что за его смертью последовал быстрый развал системы, доказывает не то, что она была нежизнеспособна, а то, что только Александр мог ее создать и обеспечивать ее существование. Его последователи, сознавая, что им это не под силу, быстро умерили свои аппетиты, соизмерив их со своими возможностями. Но образ вселенской монархии не пропал. Позже он будет воспринят Августом в адаптированной к новому времени форме, и Римская империя в значительной степени станет воплощением мечты Александра. И это прекрасно чувствовал создатель «Большой камеи Франции» («Камеи Тиберия»), хранящейся в Кабинете медалей (Парижская национальная библиотека): над царственной четой — Тиберием и Ливией — обожествленный Александр в персидском одеянии парит в эмпирах рядом с Августом, изображенным в сиянии славы, передавая правление миром своему далекому преемнику.

Глава 2 ДИАДОХИ И СТРЕМЛЕНИЕ К ЕДИНСТВУ

Болезнь, унесшая Александра в расцвете молодости, была так жестока и так скоротечна, что он не успел назначить своего преемника. В течение последних четырех дней, когда фатальный исход уже был очевиден, он не мог говорить. Македоняне, окружавшие его, естественно, были приверженцами династической традиции, но эта последняя соединяла в себе царское происхождение с одобрением македонского народного собрания, которое в данном случае, на чужой земле, было представлено армией. Александр еще не имел прямого наследника: одна из его жен, Роксана, царица Согдианы, была беременна, и только в августе ей предстояло родить сына, будущего Александра IV. Но пока он не родился, единственный, в ком текла царская кровь Аргеадов, был внебрачный сын Филиппа II, Арридей, больной эпилепсией и слабоумный. Приблизженные и воины Александра, затрудняясь выбрать между этим жалким человеком и еще не появившимся на свет наследником, пришли к временному компромиссу, сохранив права обоих в виде парной монархии, владения которой в непосредственном будущем должны управляться ближайшими друзьями покойного царя.

В то время как хилиарх Пердикка, сменивший в этой высокой должности Гестифона, осуществлял под этим титулом своего рода регентство, Кратеру, не раз при Александре бравшему на себя высшее командование войсками, было доверено лично представлять одного или обоих царей. Что касается старого Антипатра, то, как стратег, он продолжал крепко держать в своих руках европейскую часть монархии, как он делал это уже в течение одиннадцати

лет. Однако Фракия в силу своего непростого положения и важности своей роли как охранницы Черноморских проливов была отдана в управление Лисимаху. В Азии шло распределение провинций между военачальниками: Птолемей выбрал себе Египет, где он немедленно приказал убить грека Клеомена из Навкратиса, которого Александр назначил главой местной администрации; Антигон Одноглазый сохранил контроль над Фригией и западной Анатолией, порядок в которых он поддерживал с начала завоевательных походов; грек Эвмен из Кардии, секретарь царских архивов, бывший одним из наиболее близких соратников Александра, взял на себя управление Каппадокией и Пафлагонией в Центральной и Северной Анатолии; Селевк вместо территорий получил командование над конницей — элитным корпусом. Эти македонские вожди, среди которых единственным греком был Эвмен, стали настоящими наследниками Александра, преемниками, или *диадочами*, как их называет история. С участием диадочов или их сыновей, *этигонов* (слово, которым в древней поэме назывались сыновья семерых полководцев, выступивших против Фив), в скором времени разыграется 40-летняя кровавая драма, в которой столкнутся из противоположных интересов и стремления каждого из них восстановить единство огромной империи, пока череда их неудач не приведет к новому мировому равновесию в форме эллинистических государств.

Первое время, с 323 по 316 год до н. э., миф о единстве империи, по крайней мере его принцип, отстаивался в интересах двух царей: слабоумного Арридея, взявшего имя своего отца Филиппа, и младенца Александра IV. Позже, когда династия Аргеадов была истреблена в результате хладнокровных убийств, каждый из диадочов попытается восстановить империю под своей единой властью, и всякий раз это будет создавать против его действий коалицию его соперников. Антигон Одноглазый при поддержке своего сына Деметрия долгое время будет близок к успеху, пока сражение при Ипсе в 301 году до н. э. не станет концом всех его надежд и его собственным концом. После смерти отца Деметрий, прозванный Полиоркетом («берущий города»), бывший незаурядным полководцем, но не имевший четких политических взглядов, разыграет на исторической сцене беспорядочный и долгий спектакль, полный успехов и неудач и завершившийся окончательным провалом в 285 году до н. э. Но тут уже Лисимах, который долгие годы

набраны наемники, был мобилизован флот и заключены альянсы: Спарта, Коринф, Беотия отказались от союзничества, зато Арголида, Элида, Мессения на Пелопоннесе, а в континентальной Греции — Фокида, Локрида, Этолия и чуть позже Фессалия прислали свои контингенты. Леосфен повел армию союзников в бой и, заняв Фермопилы, заставил Антипатра и македонские войска укрыться в Ламии — отсюда и название «Ламийская война», которое было дано этому последнему выступлению греческих полисов против Македонии. Осада Ламии продолжалась всю зиму 323—322 годов до н. э., но Леосфен погиб во время сражения перед крепостью, и потеря этого опытного и авторитетного военачальника оказалась роковой для коалиции, которая начала распадаться. Антипатр, хотя и был снова разбит в открытом бою, смог отступить в Македонию, чтобы там дожидаться подкрепления, которое вел из Азии Кратер. Афинский флот охранял Черноморские проливы, чтобы не дать пройти этим резервам, но ему помешала эскадра, поддерживавшая Антипатра. Военные действия в Эгейском море закончились решающим сражением у острова Аморгос, в южных Кикладах: это был крах афинского морского флота, от которого он уже никогда не оправился. Пирей был заблокирован, и в скором времени объединенные войска Антипатра и Кратера разгромили союзную армию в Кранноне, в Фессалии, в сентябре 322 года до н. э.

Брошенные своими союзниками, потерявшими всякую надежду, Афины вынуждены были вступить в переговоры с Антипатром и принять предлагаемые им жесткие условия, согласно которым македонский гарнизон должен был постоянно находиться в крепости Мунихия, в Пирее; спорный город Ороп на границе с Беотией — отделиться от Аттики; афинские клерухии¹ на Самосе должны были окончательно покинуть этот большой остров, оставив его населению; ущерб, причиненный войной, подлежал возмещению. Кроме того, внутренний строй полиса был реорганизован: поскольку противники Македонии принадлежали к сторонникам демократии, вместо традиционных демократических институтов вводился олигархический режим и цензитарии, отныне лишавшие

¹ Клерухия (греч. жребий, участок) — особый вид колоний, основывавшихся главным образом (но не исключительно) афинянами на земле по большей части завоеванной, иногда же добровольно уступленной союзниками, например взамен уменьшения взносов. (Примеч. ред.)

политических прав около 12 тыс. граждан, имущественное положение которых было ниже устанавливаемого ценза. Фокион, который отличился мужеством в недавних военных действиях и личный авторитет которого удержал Антипатра от военного вторжения в Афины после битвы у Краннона, и оратор Демад, уже давно поддерживавший интересы Македонии, стали управлять полисом после его поражения. Что касалось подстрекателей к войне, Афины согласились их выдать: бежавший Гиперид был арестован и предан смерти, Демосфен добрался до Калаврии и в момент своего ареста принял яд. Его смерть означала конец какой бы то ни было политической независимости для его родины, которую его смелость, стойкость и талант уже не направляли по пути величия и свободы.

Подробнее следовало бы остановиться на последнем эпизоде этой длинной и бурной истории. Но как только Афины сошли с политической арены, столкновение интересов и интриги снова начали разыгрываться в Азии. Хилярх Пердикка, помогавший Эвмену завладеть Каппадокией, которую Александр оставил непокоренной, пытался укрепить власть царей, которую другие диадихи желали признавать. Старая царица Олимпиада, мать Александра Великого, вернувшись в родной Эпир, имела твердые намерения снова заняться политикой в меру своих амбиций, поэтому решила предложить Пердикке, чтобы втянуть его в свою игру, руку своей дочери Клеопатры, сестры Александра, которая осталась вдовой. Породниться с царским родом Аргеадов посредством этого брака значило получить доступ к высшей власти. Пердикка не устоял перед соблазном, но его соперники не дали себя обмануть и почувствовали здесь подвох, тем более что для женитьбы на Клеопатре Пердикка должен был расторгнуть брак с дочерью Антипатра. Мы увидим, насколько важными станут отныне такие личные отношения, скрепленные династическими союзами, для политических связей между правителями.

Пердикка, понимая, что враждебность к нему возрастает, начал действовать первым и, воспользовавшись тем, что его соперники пребывали на границах империи, решил прежде всего выступить против того из них, кто был больше оторван от других, — против Птолея, сына Лага. Птолею, как мы помним, было отдано управление Египтом, и он прочно там обосновался, поддерживаемый большим числом македонян, уже давно

признавших его дальновидным и благородным военачальником. Проявив решительность и политическое чутье, он распространил свою власть в 322 году до н. э. на богатую греческую колонию Кирену, которая из-за своих внутренних междоусобиц не могла оказать должного сопротивления, и отправил туда стратега Офелла. Наконец, умело действуя, он добился того, чтобы набальзамированное тело Александра было доставлено не в Македонию для погребения в царском некрополе Аргеадов рядом с Филиппом, а в оазис Амона, то есть в Египет, где Птолемей временно захоронил его в Мемфисе, пока не был отстроен мавзоль в Александрии, в которой и упокоился завоеватель — в основанном им городе. Перевозка великих останков на невиданно роскошной парадной колеснице, подробно описанной Диодором (Историческая библиотека. XVIII, 26—28), потрясла воображение современников: можно было не сомневаться, что хранитель подобного талисмана воспользуется этим, чтобы подкрепить свои притязания на империю.

Таким был противник, от которого Пердикка собирался избавиться прежде всего. Оставив верного Эвмена прикрывать тылы в Малой Азии, Пердикка повел сильную армию к Египту, вторгся в него и уже подходил к Мемфису, но потерпел поражение при попытке со своими войсками форсировать Нил. Поскольку эта неудавшаяся операция стоила больших потерь, в армии вспыхнул бунт, и офицеры Пердикки, среди которых фигурировал Селевк, возглавили ее, убив своего предводителя в его палатке. Птолемей отказался от регентства, которое предложили ему убийцы Пердикки, продемонстрировав тем самым, что, в отличие от других диадохов, мировая монархия его мало привлекала: владение Египтом с его плодородными землями, отныне неоспоримое, казалось ему более надежным. Тем временем войска Антипатра и Кратера высадились в Анатолии и столкнулись здесь с армией Эвмена: проявив военный талант, наличие которого у этого архивиста никто не предполагал, он разбил Кратера, который пал в бою. Таким образом, в течение нескольких недель в 321 году до н. э. трагически погибли два главных действующих лица разыгрываемой драмы — Пердикка и Кратер. Требовалось перераспределение ролей.

Оно произошло в том же 321 году до н. э., во время встречи диадохов в Трипарадесе, в Северной Сирии. Армия избрала

эпимелета, то есть регента царей, — старого Антипатра, чей солидный возраст и доказанная преданность вполне подходили для этой роли. Сатрапии были заново разделены: Птолемей, естественно, сохранил за собой Египет, который после победы над Пердиккой стал считаться территорией, «завоеванной копьем», — как земли, покоренные Александром. Селевк получил Вавилонию, еще один богатый и процветающий регион в самом центре империи. Антигону были оставлены Фригия и Ликия; кроме того, он был назван стратегом Азии: ему предстояло командовать царской армией в войне против Эвмена, обвиненного в поддержке Пердикки и гибели Кратера. Вдова этого последнего, Фила, одна из дочерей Антипатра, была взята в жены молодым Деметрием, сыном Антигона, которому было только пятнадцать лет, и стала впоследствии матерью Антигона Гоната, будущего царя Македонии. Владельцы других азиатских сатрапий были назначены или утверждены в своих должностях, в том числе царь Таксилы и Пор в Индии. В этих рамках империя Александра в последний раз предстала в своей целостности, но она была весьма непрочной. Затем Антипатр отправился обратно в Македонию, увозя с собой обеих царевичей, таким образом, впервые с тех пор, как Александр в 334 году до н. э. преодолел Дарданеллы, царская династия возвращалась на землю отцов в Европу.

Это возвращение в Македонию было символично. Оно демонстрировало, насколько старая традиция аргеадской монархии, тесно связанная с македонской землей и ее народом, оставалась дорога диадохам: обоим одолевало желание получить это наследство и стать царем Македонии — это был единственный законный титул, — и эта высокая призрачная мечта заставляла их, за исключением рассудительного и дальновидного Птолемея, пренебрегать своей более реальной и более неоспоримой властью. Этот македонский мираж станет одним из стимулов деятельности диадохов и основной причиной их неудач. Только отказавшись от него, их наследники, *эпигоны*, смогут укрепить свое господство в своих провинциях и основать новые династии. С другой стороны, перенеся в Македонию царскую резиденцию Аргеадов, Антипатр, признанный их представителем, фактически лишил их мировой монархии Александра, резиденция которой могла располагаться только в самом сердце империи — в Азии.

В этом смысле соглашение в Трипарадейсе обозначило серьезный исторический поворот — от мечты Александра отказались те, кто были его наследниками по крови.

Антигон, которому было поручено отправиться в Анатолию для борьбы с Эвменом, сатрапом Каппадокии, осужденным другими сатрапами за преданность Пердикке, воспользовался этим, чтобы распространить свою власть на большую часть Анатолии. Он держал Эвмена в осаде в каппадокийской крепости, когда летом 319 года до н. э. умер старый Антипатр. У Антипатра был честолюбивый, энергичный и неразборчивый в средствах сын Кассандр, но, видимо, считая его слишком юным, Антипатр перед смертью назначил своим приемником в качестве *эпимелета* при обоих царях, функции которого он исполнял после собрания в Трипарадейсе, старого многоопытного македонца, бывшего сподвижником Филиппа и Александра, — Полиперхонта. Не было ли само это назначение противозаконным: имел ли право Антипатр единолично избрать регента царской власти? Хотя армия безоговорочно утвердила этот выбор, у прочих диадохов он вызвал очень бурную реакцию. Против Полиперхонта, взявшего на себя заботу о царях и об управлении Македонией, незамедлительно была сформирована коалиция, как двумя годами ранее против Пердикки. В нее вошли Лисимах, Антигон, который из милосердия отказался уничтожить Эвмена и, предоставив ему свободу действий, вернул его территории, сам Кассандр, оскорбленный тем, что его отец предпочел другого наследника своих полномочий, и, наконец, Птолемей, надеявшийся с помощью этой кампании присоединить к своим египетским владениям Финикию, которая традиционно была защитной зоной фараонского Египта.

Чтобы противостоять стольким противникам, и особенно Кассандру, который стремился утвердиться в Греции и Македонии, Полиперхонт снова попытался добиться расположения греческих полисов, восстановив свободы, которые они имели во времена Филиппа и Александра и которые потеряли в результате Ламийской войны. Текст эдикта (*diagramma*), переданный от имени Филиппа Арридея, сохранил для нас Диодор (XVIII, 56). Он убедительно показывает, что македонские государи и их современники, по сути, были равнодушны к политическим и социальным конфликтам, которые сталкивали между собой граждан греческих

полисов: они задевали их лишь в той мере, в какой касались их личных интересов. Демократы или олигархи сами по себе их мало интересовали — так же как и во времена Александра: главное, чтобы их можно было использовать как пешки в предстоящей партии.

В данном случае усилия Полиперхонта оказались практически безрезультатными, его военные неудачи сделали применение эдикта крайне недолговечным. По крайней мере, они привели к трагедии, отзвуки которой, доносимые до нас Диодором и Плутархом, разнесутся на века: смерть Фокиона, старого прославленного стратега, который обеспечил своей побежденной родине снисходительность Македонии. Полиперхонт, забывший об оказанных услугах, предал его в руки афинских демократов, ослепленных неожиданным восстановлением своего режима и мечтавших рассчитаться с Фокионом за свою отставку и изгнание. На бурлившем страстями народном собрании иступленная толпа нарушила все установленные нормы, и Фокион, обвиненный в предательстве и не имевший возможности оправдаться, потому что его освистывали, был приговорен выпить цикуту, так же как и его друзья, а их тела, не преданные погребению, были выброшены за пределы Атики. Таков был конец честного человека, целиком посвятившего себя своему отечеству, которого Плутарх сравнил с Катонем Утическим и который пал, подобно многим, жертвой слепых страстей толпы (май 318). Несколько месяцев спустя, в 317 году до н. э., военные успехи Кассандра и новые поражения Полиперхонта вынудили Афины опять склониться перед чужеземным победителем, смириться с пребыванием македонского гарнизона в крепости Мунихия, принять цензовую систему, столь далекую от демократических традиций, и передать реальное управление полисом эпимелету, выбранному с согласия Кассандра. Им стал философ-перипатетик Деметрий Фалерский, который в течение десяти лет, до 307 года до н. э., компетентно и умеренно решал внутренние дела полиса.

Тем временем в Азии и Македонии стремительно развивались события, и близился трагический конец царского рода Аргеадов и их последних сторонников. Пока Полиперхонт безрезультатно воевал на Пелопоннесе, где при нем находился ребенок Александр IV, — Филипп Арридей, второй царь, втянутый в интриги своей жены Эвридики, которая сама была царевной по крови, вступил в сговор с Кассандром. Чтобы расстроить их планы,

Полиперхонт возвратил в Македонию старую мать Александра Великого Олимпиаду, которая, сосланная в свой родной Эпир, все еще мечтала о власти. Она прибыла вместе с эпирским войском и присоединилась к Полиперхонту, который возвратил маленького царя его бабушке. Авторитет старой царицы среди македонян был очень велик, и они оставили партию Филиппа Арридея, а его самого и его жену Эвридику, по наущениям которой он действовал, выдали их врагам. Безжалостная Олимпиада повелела бросить их в тюрьму, где Филипп был убит ее палачами, а Эвридика была принуждена покончить с собой, что она сделала мужественно и достойно. Один из двух царей погиб в этой обстановке шекспировской драмы, оставив маленького шестилетнего царевича наедине с кровожадной бабкой. Старая женщина дала волю своей злопамятности и уничтожила многих знатных македонян, вызвав тем самым ненависть к себе, которая лишила ее всякой поддержки. Кассандр воспользовался этим и осадил ее в городке Пидна, где голод вынудил ее сдаться. Участь ее по приказу Кассандра была решена македонской армией, которая приговорила ее к смерти: родственники ее жертв взялись совершить казнь, которую она встретила без страха и ропота, до самого конца сохранив свой непреклонный нрав. Что касается Кассандра, для которого Полиперхонт, оставленный своими сторонниками, был уже не соперник, распорядился обеспечить надежную охрану маленькому Александру IV и его матери Роксане, устроил пышный ритуал в честь Филиппа Арридея и Эвридики, которые были погребены в царском некрополе в Эги, а затем женился на незаконнорожденной дочери Филиппа II — Фессалонике: тем самым он заявил о себе как о претенденте на македонский престол. Продолжая традицию Филиппа и Александра, он основал порт в заливе Термаикос, к востоку от устья реки Аксий (Вардар), и назвал его Фессалоники в честь своей новой жены: городу была предназначено долгое и блестящее будущее. Поблизости, на месте древней греческой колонии Потидея, в Халкидике, он устроил свою столицу и дал ей имя Кассандрия. Без долгих колебаний он заявил о себе как о носителе власти, дерзнув в 316 году до н. э. с помощью других греческих полисов восстановить Фивы, разрушенные Александром и срытые до основания в 335 году до н. э. В великой книге истории была явно перевернута страница.

Также изменилась обстановка в Азии, где вскоре суждено было погибнуть последнему защитнику законных прав Аргеадов. Один из парадоксов, которыми изобиловали те бурные времена и которые так любят обнаруживать историки-эллинисты, состоял в том, что эту македонскую легитимность до конца отстаивал, идя против диадохов-македонян, грек Эвмен из Кардии. Полиперхонт, стремясь разрушить коалицию своих противников в Азии, объединился с Эвменом и нарек его именем царей стратегом Азии: ранее этот титул был пожалован Антипатром Антигону. Пользуясь этими полномочиями, Эвмен за два года (318—317) снова завладел большей частью прежней империи Александра. В этом ему помогал элитный корпус македонских ветеранов, три тысячи тяжеловооруженных пехотинцев, которые в течение тридцати лет участвовали во всех кампаниях Филиппа и Александра и которых называли за их блестящие доспехи «серебряными щитами», или аргираспидами. Никакая другая армия не могла сравниться с этими воинами, покрытыми ранами и славой. Эвмен также распоряжался царской казной, которую ему своими грамотами доверили хранить два государя. Имея военные и финансовые ресурсы, он проявил свой талант политика и стратега, неожиданный у кабинетного человека: выставив войска, словно бы для того, чтобы вести их в бой, он сумел провести ложный маневр, равно как и завоевать уважение солдат своей храбростью, которую не ослабило пошатнувшееся здоровье. Его соотечественник Иероним из Кардии, бывший его союзником и другом, позже написал историю этих смутных лет; его труд был утерян, но Диодор, заявляющий, что он непосредственно основывается на нем, подробно рассказывает о единственной кампании Эвмена, который, несмотря на противостояние Антигона и Селевка, прошел через Месопотамию и Персию, объявил сбор дополнительных контингентов из верхних сатрапий, в том числе отрядов варваров и слонов, поддерживал сплоченность этих разномастных войск и долгое время нарушал планы такого опытного старого военачальника, как Антигон. Понятно, почему Плутарх счел необходимым отвести ему место в ряду выдающихся людей.

Но всей этой стойкости, таланта и беззаветной преданности памяти Александра было недостаточно для победы Эвмена. В начале 316 года до н. э. проигранная им армии Антигона битва подорвала верность аргираспидов, которые решили перейти на сторону

Антигона. Брошенный ими, Эвмен был убит, а его победитель присоединил к своей армии войска, которые только что сражались против него. Такие передвижения личного состава из одного стана в другой были частым явлением в этих войнах, разделивших македонян, тогда как наемники — греки и варвары — представляли собой маневренную массу, готовую продать свои услуги тому, кто дороже за них заплатит. Укрепив таким образом свою военную мощь и став держателем царской казны, отвоёванной у Эвмена, Антигон казался теперь истинным повелителем Азии и в таком качестве управлял ею, подобно тому как Кассандр управлял Европой. Конфликт между ними был неизбежен.

* * *

Сложилась новая коалиция: кроме Кассандра, туда вошли Лисимах и Птолемей, помощь ей оказывал Селевк, который, бежав из Вавилонии, укрылся в Египте. Их категорические требования были отклонены Антигоном зимой 315—314 годов до н. э., и вскоре начались военные действия, сложные и разбросанные по огромной территории. Антигон, удерживавший побережье Сирии и Финикии и велевший построить там флот, которого ему недоставало, был провозглашен собранием македонской армии эпимелетом юного царя Александра IV, до сих пор находящегося в плену у Кассандра, заклеившего себя изменой. Кроме того, чтобы поссорить Кассандра с греческими полисами, Антигон предпринял в их отношении политику, в недавнем прошлом проводимую Полиперхонтом, объявив их свободными от пребывания иностранных гарнизонов и политически независимыми. Птолемей в свою очередь опубликовал схожую декларацию, чтобы помешать Антигону. По этим посулам можно судить, насколько искренне диадохи были заинтересованы в освобождении греческих полисов! Полиперхонт, все еще воевавший с Кассандром на Пелопоннесе, естественно, вступил в альянс с Антигоном и, назначенный им ответственным за этот участок военных действий, воспрянул духом.

Из вооруженных действий, развернувшихся в эти годы вокруг восточного бассейна Средиземного моря, внимания заслуживают лишь несколько событий. Находясь в состоянии войны с неприятелем, окружившим его владения, Антигон поручил своему

все еще юному сыну Деметрию охранять южные границы Сирии и Палестины, а сам занялся формированием армии в Анатолии, чтобы напасть на Лисимаха и Кассандра по ту сторону Черноморских проливов. В то же время его флот небезуспешно выступил против эскадр Птолемея в районе Кипра, Кари и Киклад: именно тогда, вероятно, Делос отделился от Афин (около 314 года до н. э.) и обрел давно утерянную независимость, и под властью Антигона была образована Лига островитян, объединившая Кикладские острова и полисы. Но в 312 году до н. э. Птолемей, подавив мятеж в Кирене и проведя ряд военных операций в районе Кипра, повел наступление на Палестину, где Деметрий поспешил встретиться с ним в открытом бою у Газы. Несмотря на свою храбрость, молодой полководец потерпел поражение и вынужден был отступить, оставив Сирию беззащитной перед вторжением. Антигон, узнав об этой неудаче, прибыл из Анатолии на помощь сыну, а Птолемей, удовлетворившись разорением страны и богатыми трофеями, решил вернуться в Египет. Однако он выделил своему союзнику Селевку небольшую армию для осуществления поразительно дерзкого плана: предводительствуя едва ли тысячей солдат, Селевк, полагаясь исключительно на удачу, двинулся в Месопотамию, по пути пополняя свое войско за счет местного населения. Таким образом Селевк достиг Вавилона, уже покинутого Антигоном, и, овладев мощной крепостью, установил там свою власть. Он утверждал, что оракул Аполлона, к которому он обращался в храме Бранхидов¹ возле Милета, назвал его «царем Селевком», поэтому со времени его возвращения в Вавилон, с весны 311 года до н. э., впоследствии начнут отсчитывать годы правления династии Селевкидов, которую он основал. Селевкидская эпоха в течение веков будет служить началом летосчисления для всего азиатского региона.

Поражение при Газе и операция Селевка стали для Антигона Одноглазого тяжелым двойным ударом. Конечно, ему удалось, придя на выручку сыну, отвоевать Сирию и Палестину. Но поход Деметрия против набатейских арабов, занимавших внутренние районы страны до Мертвого моря (которое называли Асфальтовым морем), завершился поражением. Не удалось также Деметрию,

¹ Бранхиды — потомки мифического прорицателя Бранха, сына Аполлона и основателя храма в Дидимах (южнее Милета) с оракулом божества.

несмотря на экспедицию в Месопотамию, выбить оттуда Селев-ка, власть которого теперь распространялась на Мидию и Сузиану и уже воспринималась как власть государя. Антигон принял решение вступить в переговоры со своими главными соперниками — Кассандром, Лисимахом и Птолемеем. Соглашения, достигнутые между ними в 311 году до н. э., признали за каждым из них те земли, которые уже находились в их владении. Это подтверждение *status quo* сопровождалось двумя ограничениями, правда всего лишь формальными: снова была провозглашена автономия греческих полисов и в принципе сохранялись права Александра IV, поскольку Кассандр управлял Македонией и Грецией только как стратег Европы и только до совершеннолетия юного царя, которому было на тот момент двенадцать лет. Кассандр, не намеренный дожидаться, когда его сместит законный наследник, в 310 году до н. э. приказал убить царевича и его мать Роксану, которых он удерживал в плену. Так прекратился род Аргеадов и, как замечательно сказал Диодор, «поскольку отныне не было наследника империи, каждый из тех, кто повелевал народами и городами, мог именовать себя царем и считать земли, находящиеся в его власти, своим царством, завоеванным копьем» (XIX, 105).

Этот договор в скором времени начал оспариваться. Селевк, занятый присоединением к своим владениям верхних сатрапий на иранском востоке, не принимал участия в его принятии. Антигон попытался вернуть доставшиеся ему после разгрома Эвмена территории, но ему это не удалось, и, понеся значительные военные потери, он вынужден был войти в соглашение со своим более удачливым противником. Селевк пошел ему навстречу, поскольку он испытывал трудности на востоке Ирана. Этот регион действительно находился в опасном положении с тех пор, как индийский правитель Сандракотт (Чандрагупта), основатель династии Маурьев, продемонстрировал свое стремление захватить не только долину Инда, но и горные провинции, лежащие к западу от нее. Селевк препятствовал этому на протяжении нескольких лет, пока обстоятельства не призвали его обратно на Запад и он не счел разумным уступить Сандракотту территории, которые не мог больше защищать: регион Гандхары на севере, часть Арахосии с Кандагаром, часть Гедросии на юге. Взамен он получил боевых слонов, сыгравших решающую роль в его будущих кампаниях.

Изменив, таким образом, своим отступлением перед Селевком обстановку в Месопотамии и Иране, Антигон повернул на запад, где его партнеры по заключенному в 311 году до н. э. договору воспользовались его трудностями в Азии, чтобы начать свои походы. Наиболее активным был Птолемей, располагавший закаленными в боях эскадрами и имевший сильные базы на Кипре и богатый полис Родос, быстро оправившийся после катастрофического наводнения, которому он подвергся в 316 году до н. э. Поскольку Антигон возглавлял Лигу островитян на Кикладах, Птолемей, чтобы контролировать ее действия и при необходимости угрожать греческим полисам в Азии, расположился на острове Кос, в Додеканесе, в непосредственной близости от анатолийского побережья. Именно здесь в 309 году до н. э. родился его наследник, будущий Птолемей II Филадельф. Тем временем продолжали развиваться события в Греции, где Кассандр после многолетней войны примирился с Полиперхонтом и получил свободу действий. Птолемей и Антигон, стремясь настроить против своего общего соперника греческие полисы, временно прекратили свои распри для вторжения в Элладу: Птолемей отправил войско на Пелопоннес, Антигон поручил своему сыну Деметрию освободить Афины от протектората Кассандра. Лагидский поход почти не имел продолжения, зато Деметрий, высадившийся в 307 году до н. э. в Пирее, взял с боем портные укрепления и крепость Мунихии, занятую гарнизоном Кассандра и вынудил Деметрия Фалерского, сохранявшего свою власть в полисе, передать ему Афины и отправиться в изгнание. Восстановив, по крайней мере в принципе, традиционную демократию, Деметрий заключил союз с афинским демосом, который щедро расточал своему освободителю и Антигону невиданные почести: их позолоченные статуи, водруженные на колесницу, были установлены в Агоре рядом с «Тираноубийцами»; им были вручены богатые серебряные дары; им был посвящен алтарь как спасителям; наконец, к десяти традиционным аттическим филам, носившим имена почитаемых героев, были добавлены две новые — Антигониды и Деметриады, эпонимами и покровителями которых они были. Еще ни один человек при жизни не удостоивался подобного почитания от афинского народа.

Деметрий, покоривший также Мегару, был призван отцом вести поход против Кипра, находившегося в руках Птолемея, чьи

планы Антигон Одноглазый снова намеревался расстроить. Это была самая блестящая кампания молодого полководца, который продемонстрировал свои таланты как в открытом бою, так и при осаде греческого города Саламина (на восточном побережье Кипра) и в морском сражении. Вынудив Птолемея, лично прибывшего из Египта с эскадрой на помощь своим войскам, отступить в Александрию (лето 306 года до н. э.), он одержал полную победу. Остров Кипр целиком оказался во власти Антигона и Деметрия и на десять лет был потерян Лагидом. Вдохновленные этим триумфом, отец и сын наконец-то удовлетворили честолюбивые мечты, которые со времени смерти Александра волновали диадохов: они официально взяли себе царский титул и диадему, бывшую его символом. Птолемей, чтобы не потерять авторитет, сделал то же — равно как и Селевк, Лисимах и Кассандр. Вместо аргеадской монархии появилось шесть царей, носивших теперь этот титул, невзирая на династическую легитимность: распад империи Александра был официально завершен.

Осенью 306 года до н. э. Антигон собрался упрочить свою киприотскую победу, двинувшись на Египет, где Птолемей казался ему по-прежнему опасным. Но войско Деметрия и Антигона, командовавшего флотом, жестоко пострадало от плохой погоды и бурь, понесло тяжелые потери и, достигнув дельты Нила, не смогло одолеть оборону лагидской армии. И в плачевном состоянии вынуждено было вернуться в Сирию. Птолемей был неуязвим в своем египетском бастионе.

Чтобы отыгаться за это поражение, Антигон решил обратиться против Родоса, прежде бывшего союзником Лагида. Отказ родосцев выполнить его требования привел к войне: Деметрий осадил крупный морской полис, который мужественно защищался. Город был в осаде год (305—304), выдерживая яростные атаки, которые заслужили Деметрию прозвание Полиоркет, «градоосаждатель». Диодор подробно рассказывает о перипетиях этого сопротивления, победный исход которого обеспечили поставки продовольствия, осуществляемые не только Птолемеем, но и Лисимахом и Кассандром. В конце концов, не сумев взять крепость, Деметрий пошел на переговоры: родосцы оставались независимыми, свободными от иностранного гарнизона; они соглашались вступить в союз с Антигоном при условии, что они никогда не

будут воевать против Птолемея. Чтобы наглядно показать, что их независимость никак не пострадала от этого соглашения, — как только воцарился мир, родосцы воздвигли статуи Лисимаха и Кассандра и, по совету оракула Амона, установили культ почитания Птолемея как бога в святилище, сооруженном для этой цели. Именно вследствие этого жеста родосцев Птолемей получил прозвание Сотер, «спаситель» — имя, которое носили главные божеества, такие как Афина и сам Зевс. Обожествление живых царей в Родосе и Афинах стало традицией.

Как только вопрос с Родосом был улажен, Антигон послал Деметрия на помощь Афинам, которые осаждал Кассандр: ибо с тех пор, как город освободился от македонского влияния в 307 году до н. э., он не переставая воевал с Кассандром, который пытался установить свою власть в континентальной Греции. После ряда удачных маневров македоняне взяли верх, вторглись в Аттику и снова осадили город. Деметрий, высадившись в Авлиде, в тылу Кассандра, вынудил его снять осаду и покинуть Аттику. Таким образом, он второй раз предстал перед афинянами освободителем и провел зиму 304—303 годов до н. э. в Афинах. Но теперь тридцатилетний царь, опьяненный своими успехами и лестью, которой его окружили, дал волю своему неводержанному и буйному нраву. Он обосновался в Парфеноне со свитой куртизанок, превратив храм богини-девушницы в дом терпимости: если он сам бог, говорил Деметрий, почему бы ему не поселиться у своей сестры Афины? Он повелел поклоняться его любовнице Ламии, уподобленной Афродите. Пользуясь невиданной привилегией изменять традиции, до тех пор ревностно оберегавшиеся служителями культа, он распорядился посвятить ему Элевсинские игры, не считаясь с установленной ритуальным календарем датой проведения мистерий. В то же время он постоянно вмешивался во внутренние дела полиса, магистраты которого шли навстречу его желаниям. Никогда еще Афинам не приходилось падать так низко.

После нескольких месяцев сумасбродных излишеств, весной 303 года до н. э., Деметрий снова двинулся в поход и отвоевал у военачальников Кассандра большую часть Пелопоннеса. Именно тогда при неизвестных нам обстоятельствах Полиперхонт, бывший в преклонном возрасте — он принадлежал к поколению Антигона Одноглазого, — сошел с политической арены, на которой

играл лишь второстепенную роль. В следующем, 302-м, году до н. э. Деметрий с помощью политического маневра, который его отец уже использовал в 315 году до н. э., попытался заполучить поддержку греческих полисов, предоставив им мнимые гарантии политической независимости в виде конфедерации, которая могла бы стать для Антигона и Деметрия средством удобного и эффективного контролирования всех греческих государств: память об этой попытке объединить полисы в союз сохранилась во многих надписях, сделанных в связи с собранием делегатов полисов в Истме, что напоминало о знаменитом Коринфском союзе, учрежденном в 338—337 годах до н. э. по инициативе Филиппа II. Эти документы рассказывают о деятельности грека Адиманта из Лампсака, выступавшего посредником Деметрия в переговорах по этому делу. Эта очередная попытка объединить греческие государства в союз и согласовать их интересы не имела сколько-нибудь долговременного успеха: поскольку целью ее вдохновителя была лишь борьба с Кассандром и завоевание Македонии. Деметрий добился, чтобы его выбрали, как когда-то Филиппа, а позже Александра, главнокомандующим и чтобы коринфяне позволили ему ввести гарнизон в крепость Акрокоринф — главную стратегическую позицию, контролирующую перешеек между материком и Пелопоннесом. Эта оккупация, ставшая главным последствием нового эфемерного союза, продолжалась шестьдесят лет.

Перед лицом двойной угрозы, которую создавали, с одной стороны, деятельность Деметрия в Греции, а с другой стороны, военные приготовления, которыми занимался в Анатолии старый Антигон Одноглазый, прочие диадохи осознали необходимость противодействия. Кассандр в Македонии и Лисимах во Фракии были явно обеспокоены наступлением с двух сторон: Деметрия с юга и Антигона с востока через Черноморские проливы. Они решили ударить первыми и разработали смелый план при поддержке Селевка и Птолемея, которые не без основания опасались успехов Антигона Одноглазого и его сына; речь шла о том, чтобы начать войну в Анатолии, напав одновременно из Европы и Вавилонии, рискнув вывести войска из Македонии, которой Деметрий, вторгшись весной 302 года до н. э. с большим войском в Фессалию, угрожал напрямую. Пока Кассандр противостоял один на один опасности, Лисимах во главе мощной армии, частично

предоставленной Кассандром, высадился в Малой Азии и добился там успехов. В то же время Селевк, покинувший Вавилон, двигался на запад со значительными военными силами, в том числе с корпусом из 500 слонов, полученных от Сандракотта, индийского правителя, которому Селевк оставил восточные провинции империи. Антигон тут же призвал Деметрия, который вернулся в Азию и провел в Ионии и в Черноморских проливах несколько успешных, но не решающих операций, тогда как Лисимах и Антигон безрезультатно сражались во Фригии и Вифинии.

Весной 301 года до н. э. после зимнего перемирия армии были перегруппированы, и решающее сражение произошло в самом центре Анатолии, возле фригийского города Синнады, при Ипсе. Это была «битва царей»: Лисимах и Селевк выставили против Антигона и Деметрия примерно равные силы, около 80 тыс. человек, но мощный корпус слонов Селевка склонил чашу весов в его пользу. Антигон был разбит и погиб, а Деметрий, чья блестящая кавалерийская атака не спасла отца, бежал в Эфес, где его ждала помощь флота, контролировавшего море, и поддержка приморских полисов. Сражение при Ипсе обернулось не только концом правления и гибелью 80-летнего Антигона: оно стало также поражением последней серьезной попытки восстановить политически единое, крепкое, прочно обосновавшееся на обоих берегах Эгейского моря царство, о котором мечтал Александр. Договор между диадохами, последовавший за разгромом Антигона, окончательно закрепил раздел империи, хотя некоторые из них еще безуспешно пытались воплотить миф о единстве.

* * *

Пока на греческом Востоке разворачивалось это соперничество и шла борьба, эллинистический Запад не меньше тревожили внутренние распри и опасность вторжения извне. С тех пор как Тимолон из Коринфа в 337 году до н. э. сложил с себя полномочия, которыми его наделили сиракузяне и которые он безупречно исполнял, в великих Сиракузах впервые начались беспорядки. Город не был затронут кампанией 334—330 годов до н. э. эпирского правителя Александра Молосского, брата царицы Олимпиады и дяди Александра Великого, которого призвал в южную Италию

город Тарент на помощь в борьбе против коренных племен — луканов и мессапов, уже давно его одолевавших: после блестящих успехов в Калабрии Александр Молосский поссорился с Тарентом и был убит, потерпев поражение от луканов. Чуть позже сиракузяне помогли Кротону, которому угрожали горцы Бруттия: здесь впервые отличился как военачальник молодой сиракузец незнатного происхождения (он занимался гончарным делом), но имевший замечательный военный талант — Агафокл. Диодор нарисовал яркий портрет этого неординарного человека, бывшего на Западе не менее выдающейся личностью, чем его современники-диадохи. Он, возглавляя наемников (*condottieri*), служил в южной Италии Таренту, затем Регию и, наконец, Сицилии в жестоких распрях противостоящих друг другу группировок, которые раздирали его собственную родину; потом он был избран стратегом: тогда, в 326—317 годах до н. э., опираясь на демократические силы по традиции греческих тираний, он захватил власть в Сиракузах и предал разграблению имущество истинных и вероятных сторонников олигархии, а их самих перебил (так погибло 4 тыс. человек, согласно Диодору), а их семьи на двое суток обрек на самое ужасное насилие. Затем, великолепно разыграв настоящий спектакль перед народным собранием и сделав вид, что отказывается от всех административных функций, он был единодушно избран стратегом с неограниченными полномочиями без указания срока их истечения и стал, таким образом, главой государства. Конечно, он долго отказывался принять царский титул и никогда не пытался увенчать себя диадемой — знаком царской власти. Но полномочия, которыми он располагал, делали его политическим и военным главой, сравнимым в этом отношении с диадохами на греческом Востоке. К тому же Диодор называет его династом¹ — обычно это слово историк употреблял по отношению к эллинистическим государям.

Агафокл прежде всего стремился подчинить своей власти большую часть греческой Сицилии, чтобы потом выступить против карфагенян, занявших восточную часть острова. После долгой череды военных операций, зачастую удачных, он тем не менее был разбит ими при Геле и с большим трудом смог добраться

¹ Династ — зависимый правитель.

до Сиракуз (июнь 310). Но у него возник смелый план развернуть боевые действия в Африке, на самой территории Карфагена. Оставив своего брата охранять город, он покинул Сиракузы в августе того же года и через шесть дней морского пути достиг Туниса. За год войны он не добился победы и в это время был призван на помощь македонским полководцем Офеллой, который от имени Птолемея управлял Киренаикой, находящейся в десятках тысяч километров к востоку от Туниса. Действительно, несмотря на расстояние и безлюдье Сахары, окаймляющей побережье обоих Сиртов, греческие полисы Ливии и Карфагена имели общую границу, уже полвека как отмеченную Филеноровыми Жертвенниками¹. Все попытки греков продвинуться дальше на запад отражались карфагенянами. У Офеллы, располагавшего сильным войском в Кирене и соседних полисах, жители которых имели опыт борьбы с африканскими племенами, был реальный шанс предпринять поход в земли Кинифа (регион Лепсис Магна) и в карфагенскую Африку. После серьезной подготовки он двинулся туда в 308 году до н. э. и, совершив тяжелый двухмесячный переход вдоль обоих Сиртов, привел к Тунису экспедиционную армию, в которой находились сто боевых колесниц — элитный корпус киренейских войск. Эта кампания, очевидно, была одобрена Птолемеем, который рассчитывал расширить таким образом свои владения в случае успеха своего военачальника. Но Агафокл, ставший неожиданно подозрительным к своему союзнику, чьи военные ресурсы его беспокоили, устроил ему засаду и убил его, затем набрал в свою собственную армию солдат Офеллы, оставшихся без военачальника. Он вел боевые действия в Тунисе еще в течение года, занимая и грабя города, но так и не смог взять Карфаген. В конце концов осенью 307 года до н. э., потерпев несколько крупных поражений и наведавшись в Сицилию, где в его отсутствие обстоятельства сложились не в его пользу, он вынужден был окончательно покинуть Африку, оставив там часть своей армии и двух своих сыновей, которых убили из мести разгневанные его уходом солдаты. Великая идея завоевания Африки закончилась провалом.

¹ Филеноровы Жертвенники — портовый город на границе между Карфагеном и Киреной, современный Мактар. По легенде, двое братьев-карфагенян добровольно принесли себя в жертву стране, и в их честь были воздвигнуты огромные погребальные курганы.

Кирена после смерти Офеллы восстала против Птолемея, которому пришлось в 300 году до н. э. отправить своего зятя Магаса вторично покорить провинцию. Тем временем Агафокл, вернувшийся на Сицилию, получил известия с Востока и, не считая себя чем-либо ниже диадохов, провозгласивших себя царями, он тоже принял царский титул, но по-прежнему отказывался увенчать себя диадемой, предпочитая этому восточному символу венец — традиционный знак духовного сана (позже то же самое сделает Юлий Цезарь — утверждали, что таким образом он хотел замаскировать свою лысину). Снова приняв управление Сицилией, Агафокл наконец смог договориться с Карфагеном на условиях территориального *status quo ante*¹ и возмещения ущерба золотом и зерном, которые карфагеняне должны были предоставить. Затем, уничтожив оппозицию, пытавшуюся выдворить его из Сиракуз, он установил там свою власть и впоследствии сосредоточил свои политические интересы на Италии и Адриатике.

* * *

Сражение при Ипсе, уничтожившее Антигона, позволило победителям разделить между собой земли старого царя в Восточном Средиземноморье. Если Птолемей, организовавший поход в Сирию, довольствовался сохранением своей власти над южной частью этого региона как защитного бастиона Египта, то Лисимах и Селевк получили наибольшую выгоду от одержанной сообща победы. Лисимах присвоил себе запад и центральную часть Малой Азии, за исключением Киликии, которая досталась брату Кассандра, и нескольких прибрежных крепостей, бывших владениями Птолемея. Селевк вместе с Северной Сирией получил выход к морю и надежду когда-нибудь отобрать у Птолемея Палестину. Кассандру были отданы европейские государства, и он считывал стать полновластным правителем как Македонии, так и Греции. Большой помехой оставался Деметрий Полиоркет со своим по-прежнему мощным флотом, имевшим базы в Эгейском море благодаря существованию Лиги островитян, в Малой Азии (но ими вскоре завладеет Лисимах), на Кипре, в Тире и Сидоне на

¹ Status quo ante — бывшего раньше прежнего (лат.).

сирийском побережье и, наконец, в Элладе, в частности в Коринфе. Афины, правда, в ближайшем будущем освободились от его навязчивой защиты, отослав ему эскадру, стоявшую в Пирее. Эллинский союз, едва сложившись, развалился из-за поражения при Ипсе. Но его организатор, обладавший неумным нравом, не собирався выходить из игры: он появлялся на политической сцене еще в течение пятнадцати лет.

Чтобы установить между собой личные связи, которые бы укрепляли и усиливали заключенные соглашения, диадохи охотно заключали межсемейные браки: этот обычай подчеркивал характерную для этих крупных государств персонализацию власти. После Ипса Птолемей сделал Лисимаха своим зятем, отдав ему в жены свою дочь Арсиною, выдающуюся женщину, чье влияние во Фракии, а позже и в Египте в течение тридцати лет было доминирующим. Селевк в свою очередь женился на родной дочери Деметрия Полиоркета, Стратонике, чтобы сделать сторонником своего вспыльчивого и все еще молодого тестя. В этих браках, совершаемых исключительно ради выгоды, не придавалось никакого значения возрасту супругов. Именно поэтому случилось так, что юная Стратоника пробудила в сыне своего мужа от первого брака, будущем Антиохе I, страсть, в которой тот не осмелился ей признаться, но которая была так сильна, что юноша заболел и оказался на пороге смерти; причину его недуга обнаружил врач Эрасистрат, тогда Селевк ради спасения сына расторг свой брак со Стратоникой и отдал ее в жены царевичу. Эта романтическая любовная история, этакая «Федра» наоборот и со счастливым концом, позже была блестяще пересказана Плутархом и неоднократно становилась темой для сюжетов писателей и художников вплоть до наших дней. Соглашение между Селевком и Деметрием позволило этому последнему отнять Киликию у брата Кассандра, который недолго ею управлял. Но этого было недостаточно для его амбиций, которые подогрело удачное стечение обстоятельств: таковой стала смерть Кассандра (298—297), у которого не осталось других преемников в Македонии, кроме его сыновей — еще слишком юных, чтобы их признали. Деметрий первым делом задумал снова завоевать Афины, в которых после его ухода в 302 году до н. э. начались серьезные гражданские волнения: они привели к установлению самой настоящей тирании Лахареса, якобы

по указанию Кассандра. Этот жестокий и беспринципный человек, не задумываясь, снял золотое покрытие с «Афины Парфенос» Фидия, чтобы переплавить его и расплатиться со своими наемниками: Павсаний и Плутарх с возмущением вспоминают об этом посягательстве на достояние богини. Первая атака Деметрия была отбита в 296 году до н. э., и Полиоркету пришлось добиться военных успехов на Пелопоннесе, прежде чем вновь осадить Афины и взять город в 294-м, вынудив Лахареса бежать. Эскадра Птолема не могла прорвать блокаду. Но Лагид воспользовался отсутствием Деметрия: он захватил Кипр, которого лишился десять лет назад. Лисимах получил контроль над сильными крепостями Ионии — Эфесом и Милетом. Селевк распространил свою власть на Киликию. Деметрий, снова закрепившись в Греции, потерял при этом свои азиатские владения.

Игра, и так осложненная столкновением интересов, стала еще более запутанной с появлением нового участника, более молодого и столь же жадного до славы, как Деметрий, — его собственного шурина Пирра, правителя Эпира. Потеряв свое царство из-за Кассандра, Пирр присоединился к Деметрию, сражался на его стороне при Ипсе, затем некоторое время спустя стал заложником у Птолема, пока Селевк и Деметрий еще при жизни Кассандра пытались примириться с Лагидом. Поскольку его сестра, вторая жена Деметрия, умерла в 298 году до н. э., личные отношения между Пирром и его зятем оборвались, и с помощью Птолема Пирр вернул себе Эпир и сумел восстановить свое царствование. Вскоре он женился на дочери Агафокла Ланассе: она принесла ему в качестве приданого остров Керкиру (Корфу), в недавнем прошлом завоеванный Агафоклом, который после Сиракуз принял за площадь в Адриатике древнюю мечту Дионисия¹. Таким образом Пирр укрепил со стороны моря свои эпирские провинции, где реализовал свое честолюбие в большой политике и проявил выдающийся полководческий талант, за который его иногда называли новым Александром.

Он начал с вмешательства в дела Македонии, включившись в спор между двумя сыновьями Кассандра: поддержал младшего,

¹ Дионисий I (ок. 430—367) — тиран Сиракуз с 405 г. до н. э. Вел борьбу против карфагенян и успешные военные действия в Южной Италии и в Адриатическом море. Занял гавань этрусков в Цере.

потребовав за это территориальные уступки. Но этот царевич обратился за помощью к Деметрию, который в то время воевал на Пелопоннесе. Полиоркет, приостановив боевые действия против города Спарта, который он был готов взять штурмом, спешно прибыл в Македонию, убил сына Кассандра и провозгласил себя царем осенью 294 года до н. э. В один момент Деметрий оказался главой старой традиционной монархии с ее обширными густонаселенными областями — Македонией и Фессалией, получил контроль над большей частью Эллады благодаря гарнизонам, которые ему удалось разместить в главных стратегических пунктах: в Акрокоринфе, в Халкиде на Эвбее — в узком проливе Эврип, в Мунихии в Пирее и, наконец, благодаря Лиге островитян, которая предоставила его флоту необходимые для господства в Эгейском море базы. Какой поворот судьбы всего через несколько лет после поражения при Ипсе! Бывший беглец, ставший главой древней монархии македонян, захотел отметить свой триумф, как это делали до него Александр Великий, Кассандр, Лисимах, Антигон Одноглазый и еще предстояло сделать Селевку, — основав в Фессалии новую столицу и дав ей свое имя: это была Деметриада, возле современного Воло, в глубине Пагасейского залива, недалеко от места, откуда, согласно преданию, отплыли Ясон и аргонавты. Здесь, в специально выбранном месте, между двух тщательно охраняемых портов, царь повелел возвести кругом восьмикиллометровую укрепленную стену, остатки которой до сих пор впечатляют и которая до конца македонской монархии оставалась наряду с Халкидой и Акрокоринфом одной из тех стратегически важных крепостей, которые называли «затворами Греции».

Поправив таким образом свое положение, Полиоркет предался роскоши, пышным церемониям, придворным обычаям восточных монархий, которые сильно отличались от принятых у Аргеадов традиций простого, непомпежного, непосредственного общения царя с его подданными. Это отрицательно сказалось на его популярности, а между тем расходы, требовавшиеся для укрепления военной мощи, которая была необходима для будущих боевых действий, вызывали недовольство и в Македонии, и в греческих полисах. Два последовательных мятежа в Беотии, поддержанные этолийцами и Пирром, вынудили Деметрия в 291 году до н. э. вновь продемонстрировать свой талант «градоосаждателя» — на

этот раз в отношении Фив, совсем недавно восстановленных из руин Кассандром. Чтобы отомстить Пирру, он захватил Керкиру, куда его призвала Ланасса, дочь Агафокла, которая бросила своего мужа, царя Эпира, и с которой Полиоркет хотел заключить союз. Затем он двинулся против Этолии, в то время как Пирр опустошал в его тылу македонские земли (289).

Птолемей, никогда не упускавший случая расширить свои владения, воспользовался этими проблемами, чтобы ввести свой флот в Киклады и занять место Деметрия в качестве главы Лиги островитян, так же как несколько лет назад тот вытеснил его с Кипра. Полиоркет тем не менее начал стягивать в свои крепости и в Пирей значительные силы армии и флота, который, согласно Плутарху, насчитывал 500 судов. Обеспокоенные этими приготовлениями, явно нацеленными на отвоевание Азии, Пирр и Лисимах, два соседа Македонии с запада и с востока, договорились опередить его, начав объединенное наступление, и в 288 году до н. э. вторглись на македонскую территорию. Взятый в клещи, Деметрий не смог отразить эту двойную атаку: когда он пытался из последних сил остановить натиск Пирра у Беррои, многие солдаты бросили его, и он вынужден был позорно спастись бегством, спрятав свои царские одежды под простым черным плащом. В Халкидике он соединился со своей женой Филой, которая вскоре от отчаяния отравилась, когда ее супруг снова отправился в Грецию и, собрав какие мог войска, попытался восстановиться в Афинах. Город, осыпавший его почестями три года назад, теперь, после его кампании в Этолии, закрыл перед ним ворота и призвал на помощь Пирра. Деметрий вынужден был капитулировать в 287 году до н. э. и признать, что потерял и Афины и Македонию, которую разделили между собой Пирр и Лисимах. Его сын Антигон, прозванный Гонат, рожденный от Филы, дочери Антипатра, был достаточно зрелым, чтобы командовать армией и охранять оставшиеся у его отца греческие крепости, в частности его столицу Деметриаду.

Однако Полиоркет хотя и был побежден и низложен, опять погнался за своей азиатской мечтой: собрав несколько тысяч наемников и остатки своего флота, он вошел в Анатолию, взял несколько прибрежных городов, бывших во владении у Лисимаха, затем углубился внутрь страны, где взял Сарды. Но в 286 году до н. э., когда он двинулся дальше на восток с безумно дерзким

намерением создать новое царство в верхних сатрапиях и при переходе через опасные земли, без достаточных запасов, понес тяжелые потери. Ему пришлось с оставшимся у него поредевшим войском изменить свою цель, повернуть на юг и пойти через горный хребет Тавра к Тарсу, где его ждала армия Селевка, в то время как в его тылу сын Лисимаха Агафокл, занявший вершины Тавра, отрезал ему путь к отступлению. Здесь еще в течение нескольких месяцев на южных склонах гор он вел безнадежную и героическую войну со своим противником, собиравшимся взять его измором. Наконец в начале 285 года до н. э. он принужден был сдаться. Селевк, помня о том, что Деметрий — его тесть, обошелся с ним великодушно: принятый с царскими почестями Полиоркет был отправлен в царскую резиденцию на берегу Оронта, где, строго охраняемый, он вел в роскоши праздную и развратную жизнь.

Такое времяпрепровождение быстро разрушило его здоровье, подорванное тяготами войны, и он умер в 283 году до н. э., после полувека бурной, полной ярких взлетов и падений жизни, в которой он был чрезмерен во всем: в своих природных задатках, в своем ненасытном честолюбии, в своих сколь грандиозных, столь и непредсказуемых авантюрах, наконец, в своей единственной неспособности воплотить свой великий замысел. В эту эпоху, щедрую на выдающиеся судьбы и исключительные личности, самой поразительной из них был Деметрий Полиоркет. Селевк с почестями отослал его прах к Антигону Гонату, который устроил пышный погребальный обряд своему отцу в Коринфе, прежде чем похоронить его в Деметриаде — в городе, который тот основал.

* * *

В то время как в горах Анатолии и на берегах Оронта разыгрывался последний акт драмы с множеством перипетий, героем которого был Полиоркет, другой диадох в свою очередь подтверждал свои претензии на главную роль — Лисимах, царь Фракии. Со времени первого раздела империи после смерти Александра этот энергичный и хитрый македонянин, замечательный воин, осторожный в своих планах и решительный в их осуществлении, неспеша укреплял свои силы во Фракии, беспокойном регионе, где рядом с несколькими процветающими греческими полисами,

располагавшимися на побережье Эгейского моря, Черноморских проливов и Понта Эвксинского, жили варварские племена: фраки на юге горной цепи Гемус¹, геты на севере между Гемусом и Дунаем (Истром). По реке Стримон на западе и Черному морю на востоке проходили границы обширной территории, на которой греческое влияние имело давнюю и глубокую традицию, но с которой македонские государи управлялись с большим трудом. Лисимах вынужден был вести долгую и жестокую борьбу, чтобы удерживать или вновь подчинять своей власти местные царства. Греческие полисы, главным из которых был Византий на Босфоре, оставались формально свободными, но поддерживали с государем союзнические отношения, близкие к подданническим. Долгое время удерживаемый серьезными проблемами в горах и на северных границах своего царства, Лисимах поздно вступил в борьбу диадохов. Его участие сыграло решающую роль в падении Антигона и в кампаниях, завершившихся сражением при Ипсе. В результате он получил большие территории в Малой Азии, всей восточной половиной которой он отныне владел, включая также анатолийское побережье Эгейского моря и оба берега Черноморских проливов. Над греческими городами региона, формально независимыми, Лисимах осуществлял строгий контроль и установил настолько жесткую и тяжелую фискальную систему в деревнях Анатолии, что заставил пожалеть об управлении Антигона Одноглазого фригийскими крестьянами. В 309 году до н. э. он тоже основал свою столицу на Херсонесе Фракийском на месте Кардии и назвал ее Лисимахией. После успешной кампании против Деметрия и расширения своих владений на часть Македонии амбиции его возросли.

В 288 году до н. э. Пирр одержал победу над Деметрием, и его солдаты, к которым присоединилась побежденная армия противника, провозгласили его царем Македонии. Хотя он занял только часть царства, в то время как другую захватил Лисимах, Пирр тем не менее принял этот титул, на который имел право, будучи Эакидом: Олимпиада, мать Александра, приходилась сестрой деду Пирра, который, таким образом, был внучатым племянником Завоевателя. Так же как и Александр, он вел свое происхождение

¹ Гемус — Балканы (тюрк.), Стара-Планина (болг.).

от Ахилла, который был предком рода Эаков и которого он избрал себе в качестве примера для подражания. Движимый неутолимой жаждой завоеваний, Пирр воспользовался отбытием Деметрия в Азию и захватил Фессалию, к которой он имел особый интерес, потому что его мать Фтия, которую он боготворил, принадлежала к знатному фессалийскому роду. Этот захват, значительно расширивший владения Эпира, побудил Лисимаха начать войну, чтобы разбить опасного соседа: играя на патриотическом чувстве македонского контингента армии противника, он склонил солдат к дезертирству, как когда-то сам Пирр переманил на свою сторону войска Полиоркета. Пирр, видя, что его армия уменьшилась, отступил в Эпир, оставив Лисимаху Македонию и Фессалию, за исключением Деметриады, все еще крепко удерживаемой Антигоном Гонатом, сыном Деметрия. Царь Фракии имел теперь, помимо своих собственных провинций, в Европе — все владения Аргеадов, в Азии — большую часть Анатолии; на склоне лет, в 284 году до н. э., он достиг вершины своей власти. Но он не долго наслаждался ею. Семейная трагедия привела его к краху. От первого брака с дочерью Антипатра Лисимах имел сына Агафокла, который достиг возраста правителя и играл заметную роль в последних военных действиях против Деметрия Полиоркета. Вторая жена Лисимаха, Арсиноя, дочь Птолемея Сотера и сестра Птолемея II, который уже принимал участие в управлении государственными делами Египта с 285 года до н. э. и наследовал отцу в 283-м, сумела так поссорить Лисимаха с Агафоклом, что подозрительный старый царь велел убить своего сына. Такая жестокость всех потрясла и подчеркнула тиранический характер его правления в глазах всех недоверчивых и недовольных. Селевк, от которого вдова царевича требовала вмешательства, поддался ее уговорам в 281 году до н. э. и начал военную кампанию на севере Тавр. К западу от Сард, на равнине при Курупедии, Лисимах потерпел поражение и, подобно Антигону, погиб в сражении. Некоторые из сторонников царя Фракии предали его и перешли на сторону Селевка: наполовину европейское, наполовину азиатское государство, раскинувшееся по обе стороны Черноморских проливов, которое Лисимах терпеливо выстроил ценой немалых усилий, просуществовало всего лишь миг. После грандиозных замыслов Александра его создание было ближе всего к мечте Филиппа, но, едва реализовавшись, оно рухнуло.

Последний из великих диадохов, служивших при Александре, Селевк стал отныне управлять всей Азией целиком, за исключением северного региона Малой Азии, где Вифиния, Пафлагония и Понт, выходящие к Черному морю, сохраняли свою независимость. Ему хотелось присоединить к своей огромной азиатской империи Македонию, уступившую попыткам сменить династию Аргеадов. Переправившись через Геллеспонт, Селевк подошел к Лисимахии, столице своего поверженного соперника, когда один из родственников этого последнего — Птолемей Керавн — убил его в конце лета 281 году до н. э. Убийца был сыном Птолемея Сотера от первого брака, лишенный наследства в пользу Птолемея II, рожденного, как и Арсиноя, во втором браке с прекрасной Береникой. Молодой человек вначале нашел приют у Лисимаха и, видимо, принял участие в интригах, ожесточивших старого царя против собственного сына Агафокла. Затем он явился ко двору Селевка, благосклонно принявшего его. Отплатив неблагодарностью за оказанные милости, молодой беспринципный честолюбец под предлогом отмщения Лисимаху добился того, чтобы армия провозгласила его вместо Селевка царем Македонии. Его коварство было прекрасно просчитано: сын Селевка Антиох I, находился в далекой Азии, по поручению отца, управляя восточными провинциями; Антигон Гонат, все еще удерживавший свои крепости в Элладе, практически не имел средств противостоять ему; Пирр, призванный городом Тарентом в Южную Италию, готовился к походу на Запад. У Птолемея Керавна были все шансы утвердиться в Македонии и таким образом компенсировать обиду, которую нанес ему отец, отдав египетское царство его более молодому сводному брату Птолемею II. Чтобы укрепить свои владения наследием Лисимаха, Керавн, не колеблясь, женился на его вдове Арсиное, которой он приходился сводным братом и которая была также единокровной сестрой царя Египта. Но вечно подозрительный и жестокий, он приказал убить обеих дочерей Арсиной от Лисимаха; Арсиноя бежала от своего кровожадного супруга и, мечтая о мести, прибыла в Александрию, где вскоре вышла замуж за собственного брата, лагидского монарха, которого отныне стали называть Филадельфом, «любящим сестру». Тем не менее Керавн был близок к тому, чтобы установить свою власть в новом царстве, но ему помешало вторжение кельтов.

Племена кельтов уже многие годы угрожали северным границам Фракии и Македонии. Придя на Балканы с Дуная, они хлынули на юго-восток. Греки и македоняне опасались этих воинственных варваров, чьи нравы казались им дикими, как следует из длинного отступления, посвященного Павсанием их попытке разграбить храм в Дельфах (История Эллады. X, 19; и след). Птолемей с безрассудной неосторожностью, заслужившей ему прозвище Керавн («молния»), атаковал захватчиков в открытом поле, был ими разбит и погиб в сражении (начало 279). И снова Македония осталась без царя. Ситуация складывалась благоприятным образом для сына Полиоркета — Антигона Гоната: в ходе военных действий во Фракии он столкнулся с отрядом кельтов при Лисимахии и уничтожил их в результате блестяще проведенного маневра (277). Слава победы над ордами варваров, до тех пор непобедимых, заставила признать его в Македонии, правителем которой он стал в следующем году. На этот раз царство попало в хорошие руки. Как селевкидская монархия в Азии при Антиохе I, как лагидская монархия в Египте при Птолемее II Филадельфе, так и македонская монархия получила теперь в лице Антигона Гоната своего государя — энергичного и дальновидного, способного поддерживать ее внешнюю неприкосновенность и ее внутренний порядок. Около 280 года до н. э., после безуспешных авантур диадохов, мир эллинистических государств наконец обрел четкие формы, стабильность которых нарушит только вмешательство Рима.

Глава 3

РАСЦВЕТ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

История диадохов, полная неожиданных интриг и потрясающих поворотов, заслуживала относительно подробного рассмотрения ввиду важности той роли, которую в ней сыграли выдающиеся личности, чьи амбиции, страсти и даже капризы направляли ход событий. Но после 280 года до н. э. монархические государства, образовавшиеся на месте империи Александра, обретают определенное равновесие, и с этого момента их историю можно уже не проследивать в деталях: теперь она развивается по нескольким простым законам, легко выводимым из общей массы все также запутанных событий. Таким образом, достаточно будет рассмотреть основные линии развития трех главных эллинистических государств III века до н. э., когда каждое из них под властью основателей династий достигло своего наивысшего подъема и пережило свой расцвет. Рядом с монархиями Лагидов, Селевкидов и Антигонидов, находясь в тесной связи с ними и вмешиваясь при случае в конфликты, возникающие между ними, процветали в течение более или менее долгого периода государства меньшего масштаба, такие как монархия Магаса в Кирене, монархия Атталидов в Пергаме, монархия Гиерона I в Сиракузах и царства на азиатском побережье Черного моря. Кроме того, великое множество больших и малых, знаменитых или безвестных греческих полисов, иногда объединенных в союзы, чье военное могущество и политическое влияние росло, вели свое собственное существование, мечтая, как Афины или Спарта, о своем блестящем прошлом, извлекая, как Делос или

Родос, свою пользу из сложившейся экономической и политической ситуации, поклоняясь своим богам, управляя своими внутренними делами, занимаясь внутренними проблемами, которые неизменно порождала повседневная жизнь и которые создавали для большинства греков социальную среду, в которой разворачивается история каждого человека. Не стоит забывать, что за сценой, на которой главные герои сталкивались в династических конфликтах, в борьбе за независимость или в захватнических войнах, непрерывно вспыхивавших из года в год, существовала глубинная и долговременная реальность греческого полиса, фундаментально не изменившаяся с классической эпохи.

* * *

Лагидское царство, основанное в Египте Птолемеем, сыном Лага, позже названным Сотером, было первым по времени из великих государств эллинистического мира. Его умный и прагматичный создатель с самого начала выработал политику осторожности и расчетливости, благодаря которой его династия надолго обосновалась в долине Нила, богатой внутренними ресурсами, умело осуществляя изнутри этого центрального региона, оказавшегося неприступным, тщательно продуманное расширение владений, заключая выгодные союзы, расчетливо оказывая поддержку другим. Мы видели, как всякий раз, когда назревала угроза безопасности Дельты, ему удавалось предпринять необходимые меры для ее отражения: Пердикка в 321 году до н. э., Антигон и Деметрий в 306-м получили здесь печальный опыт. Зато вне Египта Птолемей, в отличие от других диадохов, не пускался в рискованные операции ради неумеренного честолюбия. Единственный среди них он никогда не стремился восстановить под своей властью мировую монархию, предпринимая лишь незначительные, но эффективные меры для защиты своей доли Александрова наследия.

Его первой целью было подчинить или, по крайней мере, контролировать Южную Сирию и Палестину — природный заслон на единственной наземной границе, со стороны которой Египту могло грозить вторжение: это уже была политика великих фараонов в новой империи. Лагид, совершенно естественно,

намеревался воспользоваться этим традиционным египетским фактором, предлагаемым самой географией. Кроме того, эти регионы поставляли в египетские верфи строевой лес, которого не хватало в долине Нила. Поэтому Птолемей стал совершать один за другим походы в Палестину и Сирию, отступая при необходимости и возобновляя попытку при удобном случае, до тех пор пока сражение при Ипсе не позволило ему беспрепятственно туда проникнуть. Несколько лет спустя он пополнил свое завоевание, разгромив Деметрия Полиоркета и завладев его портами Тиром и Сидоном. Несмотря на уговоры Селевка, ни Птолемей Сотер, ни его сын Филадельф не собирались уступать ему Южную Сирию, называемую Келесирией¹ и находящуюся в непосредственной близости от самого центра селевкидской империи. Расположенная между двумя царствами, она являлась источником постоянных конфликтов, которые впоследствии привели к нескольким Сирийским войнам.

С той же точки зрения следует рассматривать лагидскую политику в отношении Кипра. Большой остров был разделен между несколькими маленькими монархическими государствами; с некоторыми из них Птолемей заключил союзы, как только воцарился в Египте. Он в кратчайшие сроки установил свое влияние на этом форпосте, который безусловно считал наиважнейшим. И не он один: Антигон в 306 году до н. э. отправил Деметрия отобрать остров у Птолемея — это была чувствительная потеря для Лагида, который тем не менее не отказался от мысли вернуть свои позиции и добился этого через десять лет. Кипр оставался лагидским владением до римского завоевания.

Более сложные отношения были с Киренаикой — старой греческой колонией в Ливии, отделенной от долины Нила примерно тысячей километров пустыни и лишенным удобных гаваней побережьем. Здесь находились процветающие древние греческие полисы, которые в свое время проявили свою почетность Александру и которые в 322 году до н. э. подпали под личную власть Птолемея, воспользовавшегося внутренними

¹ Келесирия, «полая Сирия» (греч.) — часть Сирии между Ливаном и Антиливаном и к востоку от них, позже — общее название Южной Сирии и Палестины.

разногласиями киренеян. Но дух независимости не покинул Кирену, и против лагидского господства в 312 году до н. э. и позже, в 306—305 годах до н. э., вспыхнули мятежи, а после ее отвоевания Магасом весь регион на полвека получил автономию — сначала де-факто, а позже де-юре. Для нового присоединения Киренаики к лагидскому царству потребовался династический брак и новая военная кампания. То, что Киренаика оставалась лагидской до захвата Кирены Римом, не означает, что обладание ею обошлось без потрясений, вызванных династическими спорами, в которых проявился подлинный характер этого внешнего владения Лагидов: действительно, греки Ливии продолжали жить собственной жизнью, осуществляли самоуправление, не слишком считаясь с египетской политикой, на протяжении всей эллинистической эпохи.

Южная Сирия, Кипр и Киренаика являлись для Лагидов наиважнейшими опорными пунктами их власти за пределами Египта, но при случае их интересы простирались намного дальше — к Эгейскому морю и Фракии, а также к Элладе: речь идет не о постоянном присутствии, а о случайных походах, установлении единичных форпостов или заключении союзов в военных либо коммерческих интересах. Целью, которую они преследовали, было установить определенное равновесие между крупными государствами Восточного Средиземноморья для обеспечения безопасности Египта и пополнения царской казны, зависевшей от свободной морской торговли. Этой политики гибких и осторожных планов придерживались три первых правителя династии. Впоследствии она выродилась из-за нерадивости государей и их братоубийственных распрей.

О Птолемеи I Сотере мы не станем много говорить: этапы его осмотрительной политики были нами отмечены в рассказе о диадохах. Нам неизвестна в деталях его роль в организации внутреннего управления Египтом, но все свидетельствует о том, что она была значительна и что государственное устройство, о котором сообщают папирусы при его преемниках, было заложено в то сорокалетие, в течение которого первый Лагид между 323 и 383 годами до н. э. добился для новой монархии внешнего авторитета и внутренней стабильности — и то и другое держалось на экономике, рычаги которой находились в руках власти. Уже

Клеомен из Навкратиса убедился, насколько выгодно иметь исключительный контроль за экспортом зерна, производимым в избытке на богатых землях долины Нила. Птолемей Сотер не собирался отказываться от такого прибыльного источника дохода для царской казны. Заботясь о расходах на военные нужды, он не забывал об обеспечении страны: именно в его правление порт Александрии достиг своего наибольшего развития с постройкой фаросского маяка (287). Наконец, по совету философа Деметрия Фалерского, бежавшего в Египет после взятия Афин Полиоркетом, Птолемей пригласил к своему двору ученых и писателей, чем обеспечил Александрии славу интеллектуального центра эллинизма. Этот македонянин, который за грубоватой личиной воина скрывал тонкий ум, проникательность и благородную натуру, проявил себя подлинным основателем империи. Заботясь на склоне лет о будущем династии, он в 285 году до н. э. привлек к управлению государством своего сына Птолемея, рожденного его прекрасной возлюбленной Береникой, на которой он был женат вторым браком и которая вместе с ним была обожествлена и образовала со своим супругом чету богов-спасителей.

Птолемею II, родившемуся в 306 году до н. э., было 23 года, когда умер его отец. Он унаследовал от отца, помимо любвеобильной натуры, большой интерес к литературе и анализованию, особенно в отношении основ управления, что позволило ему усилить мощь лагидского государства, завершив его организацию. Хотя портреты изображают его более легкомысленным и менее твердым, чем был основатель империи, но его долгое царствование, с 283 по 246 год до н. э., стало временем расцвета империи Птолемеев.

Во внешних отношениях он остался верен отцовской политике, что имело неоднозначные последствия, но в целом оказалось успешным. Конечно, он не сумел предотвратить отпадение Кирены и греческих колоний в Ливии, где его двоюродный брат Магас, намного старше его, отказался подчиниться. Но единственная попытка Магаса захватить Египет и стать наследником Сотера завершилась поражением даже без сражения: мятеж мармарикских ливийцев в тылу Магаса вынудил царя Кирены возвратиться на свои позиции (около 275). С этого времени между двумя сыновьями Береники, разделенными

огромными, труднопреодолимыми пустынями, установился *modus vivendi*, оберегающий каждого из них от вторжения другого. Более того, в конце их правления примирение двух государей привело к династическому союзу между дочерью Магаса, которую звали Береника, как и ее бабушку, и сыном Птолемея II, который наследовал своему отцу; этот брак, который был заключен после смерти Магаса, повлек за собой возвращение Кирены в лоно лагидской империи.

На востоке у Птолемея II было несколько серьезных конфликтов с могущественными соседями — селевкидскими царями. После смерти Селевка Птолемей под предлогом того, что Антиох I занял тогда восточные регионы его империи, попытался укрепить базы, основанные еще Сотером на южных и восточных побережьях Малой Азии в Киликии, Памфилии, Карию, на острове Самосе и даже в Милете. Селевкидский правитель временно смирился с этим. Чуть позже Антиох, объединившись с Магасом, который был женат на его дочери Апамее, собрался начать войну с Египтом, но поскольку Магас перестал быть опасным, о чем мы говорили выше, Птолемей был готов дать отпор. Первая Сирийская война (274 — около 271) закончилась признанием *status quo* в Сирии и других землях. Новый конфликт разразился десять лет спустя, когда Антиох II наследовал своему отцу. Подробности военных действий нам неизвестны, но они шли в течение нескольких лет (по всей видимости, до 253 года до н. э.) и из-за них Лагид потерял некоторые крепости, которыми он владел на берегах Ионии, Памфилии и Киликии. Для примирения Антиох II женился на дочери Птолемея II, которую называли Береникой, как и ее двоюродную сестру, дочь Магаса, в память об их общей бабушке; этот брак, не способный закрепить мирные отношения между двумя династиями, имел кровавую развязку, но уже после смерти Птолемея II.

Что касается северного направления, то здесь отец Птолемея II оставил своему сыну благоприятную ситуацию: в Эгейском море лагидские эскадры имели опорные пункты; Лига островитян, в которую в свое время объединились полисы Кикладских островов под патронажем Антигона Одноглазого и которая впоследствии перешла во власть Птолемея Сотера, анатолийские морские порты в Ионии и Карию при дружеских отношениях

с родосцами являлись базами, откуда флотоводцы Птолемея отправлялись на архипелаг. После 1-й Сирийской войны они обосновались на Крите, где на восточной оконечности острова, в Итане, был размещен постоянный гарнизон. Усилия, направленные на сохранение контроля за Эгейским морем, разумеется, отвечали соображениям экономики, поскольку экспортная торговля, особенно зерном, продажа которого была крайне важна для лагидской казны, велась в основном с греческими городами всего этого региона. Но речь шла также о том, чтобы не допустить развития всякого другого военно-морского флота, который мог бы впоследствии стать серьезным соперником и в открытом море, и на египетском побережье. Берега Дельты в свое время страдали от приходивших с севера пиратов: память об этих набегах «морского народа», столь часто упоминаемого в текстах эпохи фараонов, была жива. Как и в Келесирии, здесь Лагиды силой обстоятельств столкнулись с проблемами Рамзеса. Поэтому, когда правитель Македонии Антигон Гонат начал проводить в Эгейском море политику своего отца Деметрия Полиоркета и восстановил мощные эскадры, Птолемей II создал против него в Элладе коалицию из старых врагов Македонии. Как мы увидим далее, эта война, названная Хремонидовой¹, плохо закончилась для противников Антигона. В любом случае, для Лагида она обернулась серьезным военным поражением: дата морского сражения у острова Кос, которое его флот проиграл македонской эскадре, точно не известна (возможно, 262). Тем не менее, даже ослабленное этой неудачей, птолемеевское влияние на Кикладах продолжало расширяться.

Надежно защищенный своим военным флотом и наземными заслонами на своих границах, Египет Птолемея II пережил период расцвета, все древние свидетельства о котором подлинны. Так, поэт Феокрит около 270 года до н. э. взывал к благородству царя, прославляя его: «Его корабли устремляются во все стороны по морям... Сколько в его армии всадников, сколько пеших со сверкающими бронзовыми щитами!.. Его народ, находясь в безопасности, предается своим занятиям. Нет, никогда вражескому войску не преодолеть кишаций ужасными животными

¹ Антимакедонскую коалицию в Афинах возглавлял демократ Хремонид — отсюда название войны.

Нил, чтобы с дикими криками наброситься на деревни, никогда военным судам не высадить на берега Египта вооруженных грабителей, чтобы похитить стада быков».

Мирный труд земледельцев, обрабатывающих плодородные нильские долины, наполнял казну государя, заботившегося об их безопасности: «Сколько богатств ежедневно стекается во всей страны в его великолепный дворец!» При Птолемее II администрация, созданная его отцом, достигла значительного развития, о чем подробно свидетельствуют папирусы. Усовершенствованная фискальная система обеспечивала монарха, опиравшегося на своих министров, значительными финансовыми средствами, которые он тратил не только на военные нужды. Его богатство запечатлено в великих творениях: в царском дворцовом комплексе в Александрии, в храмах, в обустройстве портов и городской части его столицы, в пополнении знаменитой Библиотеки и постоянном развитии такого центра высшего образования и исследований, каким являлся Мусейон. Неравнодушный к духовным ценностям, царь приглашал ученых и поэтов, которые, подобно сиракузянину Феокриту или киренейцу Каллимаху, высокопарно воспевали его славу. Этот воин и правитель имел и другие страсти: после первого брака с дочерью Лисимаха Арсиной I, родившей ему сына, будущего Птолемея III, он страстно влюбился в собственную сестру Арсиною II, значительно старше его; прежде она была супругой Лисимаха, а после смерти мужа бежала в Египет. Это была сильная женщина, сумевшая настолько подчинить себе младшего брата, что он послушно развелся с Арсиной I, чтобы жениться на Арсиное II: с точки зрения греков, такой союз был безусловно кровосмесительным, но в традиции египетских фараонов, а также ахеменидской монархии он был вполне приемлемым. Четкий профиль новой царицы вскоре был выбит на монетах по приказу Лагида, который в честь нее взял себе имя Филадельф, «любящий сестру». В 271 году до н. э. они отметили с невероятной пышностью праздник *Птолемеи*, учрежденный несколькими годами ранее для оказания божественных почестей их умершим родителям — «богам-спасителям» Птолемею I Сотеру и Беренике I. Арсиноа умерла в том же 271 году до н. э., оставив своего брата-мужа безутешным. В честь нее он установил культ, в котором присоединился к ней

еще при своей жизни, образовав с Арсиноей братскую чету «богов-Адельфов». Таким образом, при втором лагидском монархе царское могущество, соединившее греческие формы со старыми фараонскими традициями, достигло высшего признания, подняв до ранга богов того, кто был облечен этой властью.

Птолема III, наследовавшего своему отцу в 246 году до н. э., сразу ждали две серьезные проблемы: возвращение Кирены в состав империи и новый кризис в отношениях с селевкидской империей. Повторное установление лагидского контроля над Киренаикой встречало определенные трудности. При этом молодая Береника II, дочь Магаса, обнаружила редкую силу характера. Хотя она была просватана отцом за наследника египетского царства, ее мать Апамея, селевкидская царица, после смерти Магаса пожелала разорвать этот брак в пользу брата Антигона Гоната — Деметрия Красивого: это отдавало Киренаику династии, которая, как и цари Сирии, была врагом Лагидов. Но Береника не собиралась нарушать отцовские намерения, и, поскольку Деметрий, получивший свое прозвание за сластолюбие, цинично соблазнил Апамею, юная царица велела убить любовника своей матери в ее собственной постели: кровавый и романтический эпизод, в котором страстные и мстительные женщины играют главную роль, был вполне обычен для этих македонских цариц, сильно отличавшихся от своих греческих сестер. Когда Береника наконец вышла замуж за молодого Птолема III, которому она принесла отцовское царство Киренаику, это не стало концом ее несчастий: если народ Кирены, преданный дочери Магаса, не особенно противился своему возвращению под власть Лагидов, то другие полисы Ливии отказались подчиниться, и войскам Птолема пришлось силой занять всю западную часть Киренаики. После усмирения бунтовщиков царь Египта сурово наказал их. Город Барка лишился своего порта, который стал независимым полисом со знаковым именем Птолемаида: новый город вскоре полностью затмил свою метрополию. Тавхира, потеряв свое традиционное наименование, стала называться Арсиноей — в честь одной из божественных Адельфов. Наконец, вместо Евгесперида, завоеванных наемниками Птолема, поблизости от него на побережье был основан новый город: его называли Береника. Птолемаида, Арсиноя, Береника, все крупные

полисы Ливии, за исключением Кирены, отныне самими своими названиями становились лагидской собственностью. Вплоть до римского завоевания.

Одновременно разразилась 3-я Сирийская война, вынудившая Птолема в 246 году до н. э. покинуть молодую жену посреди медового месяца. Стихотворение Каллимаха, сохранившееся в латинском переводе Катула, передает то душевное испытание, каким стало для Береники II это расставание. Но молодой царь не мог пренебречь обязательствами, к которым его призывали узы крови и удобный политический момент. Мы помним, что после 2-й Сирийской войны Антиох II, селевкидский правитель, женился на дочери Птолема II Филадельфа, которую тоже звали Береника. Чтобы заключить этот брак по закону, он отрекся от своей прежней жены Лаодики, которая вернулась назад в Эфес с двумя сыновьями, рожденными от Антиоха. Когда он умер в 246 году до н. э., почти через месяц после Филадельфа, старший сын Лаодики Селевк, согласно отцовской воле, должен был воспринять царскую власть, а не малолетний ребенок, несколькими годами ранее рожденный Береникой, которая официально была признана царицей. Береника, поддержанная некоторыми селевкидскими владениями, потребовала царскую диадему для своего юного сына и для отстаивания своих притязаний призвала себе в помощь своего брата Птолема III. Этот последний поспешил в Антиохию, но было слишком поздно: царица вместе со своим венценосным ребенком была убита агентами Лаодики (отсюда название — Лаодикийская война, которое получил у современников этот новый династический конфликт). Оставалось отмстить за это двойное убийство, сыграв на симпатиях, которые испытывали в селевкидской империи к погибшей царице. Птолемей успешно воспользовался этим и сначала углубился в Месопотамию, перейдя через Евфрат, до самого Вавилона, где он надеялся заручиться лояльностью сатрапов, управлявших иранскими и восточными провинциями империи вплоть до Бактрии. По крайней мере, это следует из триумфальной надписи, сделанной в помпезном стиле хроник о победах фараонов и обнаруженной в Адулисе — африканском порту на Красном море. Но у Лагида не было средств, чтобы воссоединить на прочной основе столь обширные территории: угроза внутренних беспорядков

в Египте вынудила его повернуть назад и возвратила к мудрой политической линии, в свое время выработанной его предком Сотером. Селевк II без особых усилий вернул себе основную часть этих временно завоеванных территорий, оставив тем не менее после пяти лет войны в руках Птолемея значительную часть азиатского побережья в Ионии, Карию, Ликий, Памфилию и Киликию, а также, не считая Келесирии, крайне важной для безопасности Египта, порт Селевкию, открывающий ворота в Антиохию. С другой стороны, лагидское присутствие установилось на крайнем севере Эгейского моря — на Самофракии, на фракийском побережье в районе Эноса, в Херсонесе и даже в Гелеспонте. Никогда еще империя Птолемеев не распространялась так далеко. Птолемей III около 240 года до н. э. мог по праву гордиться этим. Он привез из Азии среди бесчисленных трофеев множество статуй египетских богов, когда-то присвоенных персом Камбисом, завоевавшим Египет в 525 году до н. э. Они были снова помещены в свои исконные святилища: признательные за эти благодеяния египтяне наградили монарха прозвищем «благодетель» — по-гречески Эвергет, которое за ним закрепилось. Отныне к паре богов-Адельфов в официальном культе правителей добавилась чета богов-Эвергетов — Птолемей III и Береника II.

Лаодикейская война, казалось, истощила воинственный дух Эвергета. Впоследствии он уже не предпринимал сколько-нибудь значительных походов в чужие земли. Когда его селевкидский сосед и соперник столкнулся с серьезными проблемами в восточных провинциях своей империи и в Анатолии, Птолемей не рискнул принять в этом участие. В Элладе, где разного рода конфликты и соперничество вспыхивали постоянно, давая повод для вмешательства, он ограничился дипломатической деятельностью в соответствии с тем, что его отец в конце своего правления взялся субсидировать Ахейский союз. Эвергет долгое время оказывал Арату¹ ежегодную финансовую помощь, обещанную Филладельфом: благодаря этому лагидский правитель получил титул, правда только почетный, стратега Ахейского союза. В отношении Афин он также проводил политику щедрого одаривания, что

¹ Арат из Сикиона (271—213 до н. э.) — стратег Ахейского союза.

помогло городу в 229 году до н. э., откупившись серебром, добиться вывода македонского гарнизона, размещавшегося в Пирее со времен Хремонидовой войны. Афиняне отплатили Лагиду за щедрость невиданными почестями, учредив тринадцатую филу Птолемаидов — то же самое они уже проделали 24 года до н. э. назад для Антигона Одноглазого и его сына Полиоркета. Наконец, в последние годы своей жизни Птолемей решил обрести в лице Эллады надежного союзника путем предоставления финансовой поддержки спартанскому царю Клеомену, отказавшись ради него от своей соглашательской политики с Ахейским союзом. Но когда после первых успехов удача оставила Клеомена, Эвергет прекратил финансирование и посоветовал спартанскому царю заключить мир: тем не менее после поражения при Селласии Птолемей принял побежденного, который бежал в Александрию. Это было последним политическим актом Эвергета, который вскоре умер (февраль 221). С ним закончилось не только третье царствование лагидской династии, но и блистательный период империи Птолемеев, которая, как ни одна другая, воплощала в себе заверченный тип эллинистической монархии. Отныне слабости и пороки лагидских правителей не позволят им эффективно решать внутренние проблемы, которые не замедлят появиться, и сохранить единство империи перед лицом внешней угрозы: начнется долгий период упадка, который завершится два века спустя битвой при Акции.

* * *

Главным соперником Лагидов была и осталась селевкидская империя, которая объединяла большую часть наследия Александра в Азии. Выше мы видели, как Селевк I, основатель династии, сочетая умеренность и смелость и оказывая благорасположение к местной администрации, воссоединил огромные территории Ближнего и Среднего Востока. Успех его действий был достаточно прочным (его потомки правили до 64—63 годов до н. э.), чтобы селевкидская эпоха, началом которой принято считать фактический приход к власти Селевка в 312—311 годах до н. э., стала общим ориентиром для азиатских государств, входящих или нет в селевкидскую империю. Отсюда важность этой империи

для истории греческой цивилизации на Востоке. Наследие Александра в этом регионе, таком обширном и разнородном, было в значительной степени сохранено.

Правда, во времена Селевка часть завоеваний Александра была потеряна: провинции в бассейне Инда — Гедросия (Белуджистан) и Арахосия (юг Афганистана) — были отданы в 303 году до н. э. Сандракотту (Чандрагупте), индусскому царю, основателю династии Маурьев. Следы греческого влияния в этих отдаленных землях еще предстоит обнаружить с помощью археологических и эпиграфических изысканий. На оставшейся территории восточных провинций империи у Антиоха, привлеченного 294—293 годах до н. э. своим отцом к совместному правлению под титулом царя, была своя столица — Селевкия на Тигре, основанная его отцом к северу от Вавилона и впоследствии игравшая наряду с Антиохией роль главного города империи. Следуя политике, начатой Александром, оба правителя основывали новые и переименовывали старые города на главных коммуникационных артериях империи; отсюда все эти многочисленные Антиохии (от Оронта до Маргианы в Туркменистане) и Селевкии (от Тигра до Пиэрии на сирийском побережье Средиземного моря), Апамеи (по имени иранской супруги Селевка, матери Антиоха I), а позже Лаодикеи (по имени жены Антиоха II). Забота об укреплении безопасности отдаленных сатрапий за счет организации или усиления военных поселений могла бы быть эффективной. Но начиная с восшествия на престол Антиоха I в 280 году до н. э. обстановка в Анатолии и Сирии в первую очередь привлекала к себе внимание селевкидских правителей, которые упорно игнорировали свои владения в Иране и в восточных сатрапиях. Это привело к мятежам, о которых мы расскажем в свое время.

Действительно, сразу же после смерти отца Антиох столкнулся с мятежом в Сирии, лагидским вторжением на побережье Анатолии и серьезными проблемами в Малой Азии. Эти проблемы уходили корнями в эпоху Александра, который, поглощенный иными задачами, не позаботился об упрочении своей власти в северных регионах анатолийского полуострова. Здесь по соседству с древними греческими колониями, независимыми и процветающими, располагались автохтонные государства,

эллинизированные главы которых не желали подчиняться внешней власти. На западе, вдоль Черного моря от Босфора, находилась Вифиния, населенная фракийцами, издревле бывшими воинственным народом: местный правитель принял царский титул в начале III века до н. э., и его сын Никомед, наследовавший ему около 280 года до н. э., призвал к себе на службу галльские племена — из тех, что хлынули тогда во Фракию, Македонию и Северную Грецию. Эти варвары (галаты, как их называли греки) впоследствии во множестве распространились по восточным провинциям Малой Азии, безжалостно разоряя их, как это делали в то же самое время их соплеменники в Европе. Антиох I вынужден был сразиться с ними: он одержал победу в 275—274 годах до н. э., чем и заслужил эпитет Сотер («спаситель»), и определил галатам для места жительства самый центр Малой Азии. Они еще долгое время представляли угрозу для соседних народов.

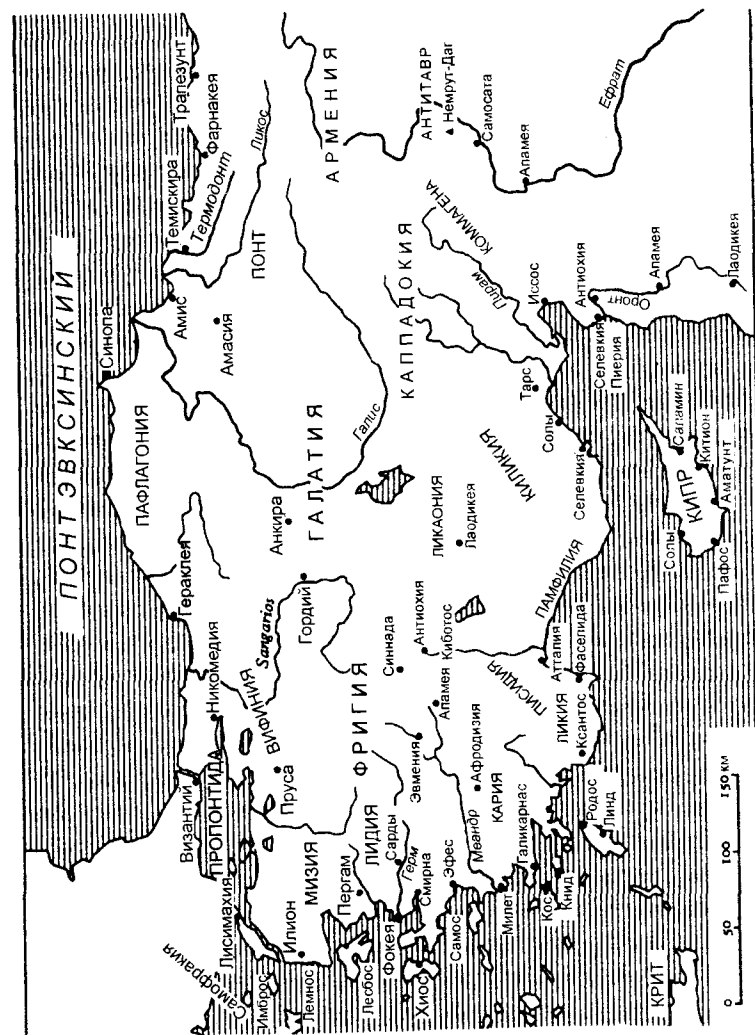
Тем временем молодой эллинизированный царь персидского происхождения Митридат основал на крайнем востоке азиатского побережья Черного моря по обе стороны от греческого города Трапезунт (Трапзонд) государство Понт, которое просуществовало два века. Между Понтом и Вифинией простиралась дикая местность — Пафлагония, где находился греческий город Синопа: селевкидская власть здесь уже не распространялась, так что все побережье Черного моря и земли за ним вышли из-под влияния Антиоха.

Зато с процветающими греческими полисами в западной части Малой Азии, где их было множество, Антиох и его преемники поддерживали «дружбу», о которой сохранилось много эпиграфических свидетельств и которая не отменяла отношений зависимости. К тому же многие из этих полисов, как мы видели, в то же самое время добивались или склонялись к союзу с Лагидами, играя, таким образом, роль балансира между двумя великими империями. Но селевкидской монархии так никогда и не удалось создать военный флот, способный соперничать в Эгейском море с эскадрами Птолемеев. Одному из этих греческих полисов в силу стечения обстоятельств предстояло тогда стать колыбелью независимого государства: в северной части долины реки Каик находилась крепость Пергам, которую Лисимах избрал местом хранения большой казны под защитой одного из своих

македонских военачальников — Филетера. Филетер предал его и перешел на сторону Селевка, а позже, когда этот последний был убит Птолемеем Керавном, ухитрился перекупить его тело и преподнести его Антиоху I, заручившись тем самым благорасположением государя.

Теперь Филетер обладал фактической независимостью, которой он воспользовался, чтобы постепенно укрепить свое могущество. Он располагал достаточно многочисленной и обученной армией, чтобы противостоять разбойным нападениям галатов; памятник, воздвигнутый после его смерти на Делосе, напоминал о его победе с патетичностью, характерной для посвящений той эпохи: «Блаженный Филетер, ты стал, о повелитель, вдохновителем и поэтов, любимых богами, и искусных скульпторов. Они возвещают о твоём могуществе и славе, одни — в своих гимнах, другие — являя мастерство своего искусства; ибо однажды ты обрушился буйным Аресом против грубых воинственных галатов и далеко отогнал их от границ своих владений. Поэтому в твою честь Сосикрат посвятил на Делосе, окруженном морем, эти статуи Никерата, изысканные творения, так же достойные быть воспетыми будущими поколениями. Сам Гефест, если бы их видел, не нашел бы в этом произведении никаких изъянов». Филетер при жизни оставил много надписей в городах и храмах. Греческий город Кизик на побережье Пропонтиды, который, как и Милет, Приена или Эритрея, пострадал от набегов галатов и обратился к помощи правителя Пергама, около 276 года до н. э. учредил в его честь праздника, названные по его имени Филетериями. Эта политика величия принесла свои плоды. Его племянник Эвмен (Филетер не имел детей, будучи, как считается, евнухом), в 263 году до н. э. ставший его наследником в Пергаме, чувствуя себя достаточно сильным, выступил непосредственно против Антиоха, разбил его войска возле Сард и отныне стал вести себя как независимый правитель территории, лежащей в долине по обеим сторонам реки Каик от горы Иды на севере до окрестностей реки Герм на юге; на его монетах традиционное изображение Селевка было заменено профилем Филетера — красноречивый знак рождения новой династии.

Антиох I, который тем временем вел 1-ю Сирийскую войну с Птолемеем III, разделил правление сначала со своим старшим

3. Малая Азия

сыном, который позже был казнен за заговор против отца, а затем с младшим сыном, который в 261 году до н. э. наследовал ему как Антиох II. Новый царь правил пятнадцать лет, до 246 года до н. э. Как и его отца, его ждало немало испытаний: 2-я Сирийская война до 253 года до н. э. и военные действия в Пропонтиде против Византия. Ему пришлось оставить Каппадокию на востоке Малой Азии, ставшую независимым царством: иранские правители, возглавлявшие ее, приняли титул царей в 255 году до н. э. и в течение полутора веков стояли у власти в этом обширном, гористом, не имеющим выходов к морю регионе, который тем не менее постепенно эллинизировался благодаря путешественникам и купцам.

Селевку II, хотя он и был назван своим отцом наследником, сразу же после смерти Антиоха пришлось завоевывать свое право на царство: это была Лаодикейская, или 3-я Сирийская, война. Когда Птолемей III был вынужден покинуть временно захваченные территории в Месопотамии, Селевк оставил их за собой, снова завладев Северной Сирией и ее столицей Антиохией, но не смог проникнуть в Келесирию. Он заключил династические союзы, выдав одну свою сестру за Митридата II, понтийского царя, а другую — за Ариарата, ставшего царем Каппадокии. Но самый опасный противник обнаружился в его собственной семье в тот самый момент, когда победоносное завершение его борьбы против Птолемея III принесло ему славное прозвание Каллиник («блестящий победитель»). Во время войны он вынужден был призвать на помощь своего младшего брата Антиоха, прозванного Гиераксом, «ястребом», которому он передал контроль над селевкидскими владениями в Малой Азии. Когда мир был восстановлен, разгорелся конфликт между двумя братьями: Гиеракс отказался подчиняться власти Селевка. Эта братоубийственная война, подробности которой малоизвестны, закончилась поражением Каллиника, разбитого при Анкире (Анкаре): ему пришлось отдать азиатскую часть селевкидской империи своему брату, вступившему в союз с галатами. Чтобы занять делом этих опасных галльских наемников, Гиеракс отправил их против Пергама, где в 241 году до н. э. Эвмену I наследовал внучатый племянник Филетера Аттал. Здесь Гиеракса ждал провал: Аттал победил его войска в нескольких сражениях, заняв,

таким образом, всю селевкидскую Малую Азию от Пропонтиды до Тавра. Гиеракс бежал, безуспешно пытался захватить Месопотамию, в то время как Селевк был занят в Иране, и, снова потерпев поражение, бесславно погиб во Фракии от рук убийцы (226). Аттал же, повторив успешные походы своего деда Филетера против галатов, был провозглашен Сотером («спасителем») и принял титул царя. Царство Пергам стало еще одной независимой эллинистической монархией: это событие было отмечено богатыми дарами, принесенными Атталом Афине Пергамской и отосланными в афинский Акрополь.

Тем временем Селевк II, вынужденный уступить Малую Азию своему брату, столкнулся с серьезными проблемами в верхних сатрапиях империи. В отдаленной Бактрии, где со времен Александра росло число греческих военных колоний (Юстин, явно преувеличивая, говорит о тысячах городов в Бактрии), греческий сатрап Диодот, прибрав власть к своим рукам, провозгласил себя независимым царем, как о том свидетельствуют монеты с его изображением. Здесь тоже родилась новая династия, судьба и место которой в античном мире были поистине необычны. Расположенная западнее, между Бактрией и восточным берегом Каспийского моря, обширная территория Парфии, соответствующая северо-востоку нынешнего Ирана, подверглась вторжению кочевого народа под предводительством Аршака. Эти кочевники пришли из Центральной Азии, из-за Окса (Амударьи). Обосновавшись в Парфии, они получили название «парфяне», под которым стали известны, и образовали свое царство: в 248—247 годах до н. э. началась эпоха царской династии Аршакидов, наследников Аршака. Это варварское государство полностью отрезало новую Бактрию от всяких прямых контактов с остальным греческим миром. Селевк II пытался остановить эти последовательные отпадения территорий: около 230 года до н. э. (эта дата очень приблизительна) он предпринял поход на Иран, дошел до Парфии, на время изгнал оттуда парфян, которые отступили на север в степи, к Аральскому морю, затем, не дойдя до Бактрии (где Диодота сменил на троне его сын, Диодот II), он вернулся в Сирию, где его тетка Стратоника организовала против него заговор. Подавив мятеж, он внезапно умер в 226 году до н. э. Его сын Селевк III правил всего три года: он пытался

отвоевать Анатолию у Аттала I Пергамского, но весной 223 года до н. э. был убит одним из своих военачальников. Селевкидская империя, сильно сократившаяся как на востоке, так и на западе, досталась младшему брату убитого царя, восемнадцатилетнему юноше Антиоху III, чья деятельность и энергичность на время вернули сирийской монархии ее могущество и величие.

* * *

Третьей великой эллинистической монархией была Македония, воспринявшая и упрочившая наследие Аргеадов — таким, каким его сохранил Кассандр. Македонское царство, манившее старших диадохов, кроме Птолемея, словно неотступный мираж, и приведшее их одного за другим к поражению, после смерти Керавна и короткой двухлетней передышки, во время которой царский трон был свободен, оказалось наконец в руках молодого энергичного и сильного правителя, сына Деметрия Полиоркета, которого назвали в честь его деда Антигона Одноглазого и который вошел в историю как Антигон Гонат. Он был опытным воином и политиком, все тонкости искусства которых он постиг, участвуя в операциях своего отца, но ему были чужды ненасытная жажда власти и распутство, погубившие Полиоркета, — он получил угонченное образование в Афинах, общаясь с поэтами и философами, прежде всего с Зеноном из Кития, основателем школы стоиков, чье нравственное влияние и чьи уроки навсегда остались с ним. На протяжении своего долгого правления, которое продолжалось с 277 по 239 год до н. э., ему пришлось преодолеть множество трудностей, проявив при этом упорство, проницательность и умеренность. Хотя подробностей его царствования мы знаем не много, хотя его личность и даже внешность нам известны только приблизительно, тем не менее он предстает незаурядным и притягательным человеком. Он стал истинным основателем династии Антигонидов, которой он с полным основанием оставил свое имя. В то время как Лагиды и Селевкиды изо всех сил старались сохранить в Азии и Африке то, что осталось от завоеваний Александра, Антигонидам, находившимся на земле предков, в Македонии, оставалось лишь оберегать и защищать ее, продолжая политику Филиппа II,

стремившегося контролировать Элладу. Поэтому их история, продолжавшаяся столетие — от начала царствования Антигона до поражения его последнего потомка в битве при Пидне (168), — была сложными нитями связана с историей греческих государств, автономия которых фактически закончилась вместе с Македонским царством.

Благодаря своей победе над ордами галлов в Лисимахии, Антигон Гонат заслужил авторитет полководца, который в те времена был необходимой составляющей царского имиджа. Он заключил с Антиохом I соглашение, которое на долгие годы установило мир и дружественные отношения между двумя династиями. К тому же Антигон не притязал на азиатские территории. В Европе он соблюдал неприкосновенность восточной границы, проходящей по реке Нест, за которой фракийские племена и греческие полисы подвергались селевкидской или лагидской агрессии, сменявшейся временной кельтской оккупацией: Антигона эти территории интересовали лишь постольку, поскольку так он вербовал наемников среди галатов, услугами которых активно пользовался. На севере и на западе он, как и его предшественники, вынужден был охранять горные рубежи, на которых варварские племена не упускали случая заявить о своей независимости: это было традиционное направление македонской политики. На юге Антигон держал под контролем богатые равнины Фессалии, судьба которой уже давно была связана с Македонией и в которой на побережье Пагасийского залива его отец Деметрий основал свою столицу Деметриаду, мощно укрепленный порт, защищавший его эскадры. Вместе с Халкидой, охранявшей пролив Эврип между Эвбеей и Беотией, и Коринфом с его неприступной крепостью Акрокоринфом они образовывали три «греческих затвора», обладание которыми обеспечивало македонским правителям преимущественные стратегические позиции в этом регионе. Дать возможность своей истощенной политическими потрясениями, вторжениями и войнами родине вновь достичь внутреннего благосостояния, сохранить под своим жестким контролем Фессалию и, если удастся, Центральную Грецию, не допустить формирования в Пелопоннесе враждебных коалиций, — таковы были очевидные принципы, на которых основывалась политика Гоната и которым он неуклонно и успешно следовал.

Тем не менее трудностей у него было предостаточно. Едва Гонат занял свой трон, как о себе заявил именитый и грозный соперник — Пирр, царь Эпира, уже сталкивавшийся в упорной борьбе с Деметрием Полиоркетом. С 280 по 275 год до н. э. дела держали Пирра вдали от его родины. Могущественный полис Великой Греции¹ Тарент был встревожен растущим римским влиянием на Южную Италию. Он призвал на помощь Пирра, который, обладая непомерным честолюбием, воспринял эту операцию в Южной Италии как начало большого завоевательного похода, который позволил бы ему постепенно построить империю, сравнимую с империей Александра: этот пример завоевания Азии не давал покоя государям во всем греческом мире! Знаменитый разговор Пирра с советником Кинеем, переданный Плутархом, прекрасно передает то буйство воображения, при котором кажется, что нет ничего невозможного, и которым Рабле в сатирическом ключе наделяет Пикрохола, а Лафонтен — молочницу в своей басне «Кувшин с молоком». Войдя в Италию со своими наемниками и слонами, которых царю Эпира предоставили его соперники Керавн и Антиох, довольные, что он выходит из их игры, Пирр сразу же одержал блестящую победу над римскими легионами при Гераклее в заливе Таранто. Пожертвование храму Зевса в Додоне, надпись о котором сохранилась до наших дней, отметило эту победу «царя Пирра, эпиротов и тарентцев над римлянами и их союзниками». Но Рим не отступил, несмотря на новое поражение, которое его войска потерпели при Аускуле, в Апулии, летом 279 года до н. э. Тем временем Карфаген, который беспокоили планы Пирра и политика которого зависела от действий Рима, отправил свои войска в греческую часть Сицилии и осадил Сиракузы, которые после смерти Агафокла, десятью годами ранее, остались расколотыми и ослабленными. Совместное обращение Сиракуз, Агригента и Леонтина побудило Пирра вмешаться в 278 году до н. э. — и он сделал это блестяще, вынудив карфагенян отступить. Приветствуемый как «гегемон и царь» народным собранием греков Сицилии, он воз-

¹ Великая Греция — группа греческих городов-колоний в Южной Италии, основание которых началось в VIII в. до н. э. Находились в конфронтации с италийскими племенами, населявшими внутреннюю часть полуострова, и между собой.

главил их завоевательный поход в западную часть острова, уже долгое время занимаемую карфагенянами. С трудом ему удалось покорить ее, за исключением крепости Лилибей на западном побережье, которая отразила все атаки. Эта неудача, помешавшая ему осуществить полное освобождение Сицилии, и истощенность греческих полисов, не изъявлявших большого желания оплачивать дальше расходы на войну, вынудили Пирра вернуться в Италию, где перед лицом новой римской угрозы (276) опять взывал о помощи Тарент. Следующим летом Пирр снова встретился с римской армией у Малевента, в самом центре Самнии: на этот раз римляне, уже не растерявшиеся при виде слонов, взяли верх и нанесли Пирру окончательное поражение. В память о своей победе, которая позволила им в скором будущем завоевать весь юг Италии, римляне изменили название города — Maleventum¹ — на более подходящее Beneventum², которое до сих пор носит город Беневент. Пирр, понимая, что у Великой Греции нет будущего, оставил в Таренте гарнизон, который, впрочем, не спас город, попавший под власть Рима в 272 году до н. э. Сам Пирр вернулся в Эпир (осень 275). Именно тогда он выступил против Гоната и напал на Македонию.

Власть Антигона еще не была укреплена в западных областях его царства, граничивших с Эпиром: они перешли на сторону Пирра, который проник в самое сердце Македонии — в Эги, древнюю столицу Аргеадов, где он опрометчиво позволил своим наемникам-галлам разграбить царский некрополь, где покоился Филипп II. Такое кощунство, естественно, не могло вызвать у македонцев симпатий к царю Эпира. Поэтому Гонат, отступивший в Фессалоники, смог отвоевать свое царство, что, очевидно, было не очень легко, к 272 году до н. э. В этот же год Пирр по призыву спартанского царя, отстраненного от трона в пользу своего племянника, пустился в новую авантюру и высадился в Пелопоннесе, чтобы подчинить Спарту своему протектору. Но старый Лакедемон, не забывший своих воинственных традиций и своего неукротимого и независимого духа, успешно противостоял захватчику: даже женщины, сообщает Плутарх, героически

¹ «Злополучный» (лат.).

² «Благой исход» (лат.).

сражались, защищая свои дома. Пирр отступил в Арголиду, надеясь встать в Аргосе на зимние квартиры. Но хотя аргивяне отчасти были расположены к Пирру, они отказались открыть ему ворота: ему пришлось взять город штурмом, и здесь во время неразберихи уличного боя царь Эпира был убит — считается, что он принял смерть от самого обычного предмета домашней утвари, брошенного из окна старухой, — бесславный конец для героя, который в своей неуемной деятельности одолел столько препятствий на пути к стольким целям: не сравнявшись с Александром, о чем он мечтал, он остался в памяти людей олицетворением неограниченных амбиций и несбывшихся надежд.

Его гибель предоставила Гонату свободу действий как в Македонии, так и в Греции. Тем не менее он вынужден был считаться с новой силой, появившейся на политической сцене в Греции, — с Этолийским союзом, игравшим значительную роль на протяжении всего III века до н. э. Этолия — гористый район северо-западной Греции, расположенный между Эпиром на севере и входом в Коринфский залив на юге. На западе большая река Ахелой, берущая начало на эпирских высотах, отделяла Этолию от Акарнании. Как и на большей части континентальной Греции, здесь говорили на дорийском наречии. Хотя множество древних преданий, например о Калидонском ведре, тесно связывали этолийцев с другими греческими народами общим происхождением, до сих пор они не активно участвовали в событиях эллинского мира. Это был грубый народ, изолированный в своих горах, тихо живущий в небольших полисах, сосредоточенных вокруг храма Аполлона в Ферме, в центре страны. В конце IV века до н. э. эти полисы образовали союз, настоящее федеративное государство с проходившими два раза в год собраниями, с союзным советом, союзными магистратами, армией, состоящей из предоставленных полисами контингентов. Когда в 279 году до н. э. полчище галлов под предводительством некоего Бренна проникло в Центральную Грецию до самых Дельф, не тронув, однако, само святилище (по народному преданию, благодаря божьему чуду), этолийская армия, объединившаяся с войсками других народов Центральной Греции, чтобы разбить захватчика, сыграла в этом сражении решающую роль: эти суровые горцы прекрасно чувствовали себя в ущельях Фокиды во время первых снегопадов, ставших тяжелым испытанием

для кельтских воинов. Обеспечив таким образом защиту знаменитому Пифийскому оракулу, этолийцы заслужили большой авторитет, свидетельством которого стали учрежденные дельфийской амфикиционной *сотерии* — новый праздник в ознаменование чудесного спасения храма. В память о победе галльские щиты, характерная форма которых оставила свой след на камне, были развешены как дары на антаблементе большого храма Аполлона в Дельфах. Кроме того, этолийцы были приняты в число участников амфикинии, среди которых очень быстро заняли лидирующее положение, как о том свидетельствуют эпиграфические документы. Многие народы амфикионий Греции объединились тогда в Этолийский союз и имели право голоса в совете. Таким образом, за несколько лет влияние этолийского федеративного государства, до тех пор практически нулевое, благодаря дельфийским событиям распространилось на всю Центральную Грецию до долины реки Сперхей и Малийского залива, что давало этолийцам выход в Эгейское море. Мы увидим, насколько это будет для них выгодно.

Избавившись со смертью Пирра от неудобного соперника, Антигон Гонат имел достаточно мудрости, чтобы сохранить с этолийцами добрососедские отношения. Удовлетворившись установлением своей власти в Македонии и Фессалии, он ограничился контролем за остальной Грецией с помощью опорных пунктов, занятых крепкими гарнизонами, которые он и его отец разместили в Деметриаде, где в полной безопасности мог базироваться его флот, в Халкиде, где он охранял пролив Эврип в Эвбейском заливе, бывший путем оживленного морского сообщения между севером и югом Эгейского моря, и наконец, в Коринфе, который блокировал проход из Истма на Пелопоннес. Вся греческая история III века до н. э. демонстрирует эффективность этих «преград», в которых сосредоточивались главные македонские силы всей страны целиком. Эта система была дополнена сложной дипломатической игрой, прямым и опосредованным вмешательством в дела многих полисов, особенно на Пелопоннесе, для установления там и поддержания благоприятного для Македонии политического режима. Этот метод не был нов: его успешно применял Кассандр. Антигон Гонат в свою очередь использовал его последовательно и искусно.

Такое превосходство беспокоило некоторые греческие государства, где еще была жива старинная недоверчивость и даже открытая враждебность к Македонии. С другой стороны, лагидская монархия, чьи эскадры уже двадцать лет контролировали Кикладские острова, неодобрительно смотрела, как сын Деметрия Полиоркета восстанавливает флот, который мог бы, как во времена его отца, играть ведущую роль в Эгейском море. Эти предубеждения и опасения в результате привели к созданию разнородной коалиции. Туда вошли Афины, которые несколькими годами ранее освободились от македонского гарнизона, долгое время пребывавшего в Пирее; Спарта, где царь Арей I, несмотря на то что Гонат спас его родину от нападения, стремился в ущерб Македонии восстановить гегемонию, которой обладал в свое время Лакедемон на Пелопоннесе; несколько полисов Аркадии, традиционно связанных со Спартой, как, например, Тегея или Мантинейя; Элида; полисы Ахайи. Птолемей Филадельф время от времени поддерживал союзников. Вдохновитель этой политики в Афинах Хремонид в 267—266 годах до н. э. принял при поддержке народного собрания декрет, ратифицирующий этот союз; текст его сохранился; отсюда название «Хремонидова война», которое было дано последовавшим военным действиям историками Античности.

Эта война, подробности которой малоизвестны, примечательна лишь тем, что показала прочность македонских завоеваний в Элладе. Спартанский царь Арей, двинувший свои войска из Пелопоннеса в направлении Аттики, не сумел переправиться через Истмийский перешеек, охраняемый македонским гарнизоном Коринфа, и погиб в этом сражении в 265 году до н. э. Пелопоннесские контингенты тут же вернулись по своим домам. Афины, оставшись в одиночестве, были окружены и два года подвергались осаде, в результате которой они вынуждены были сдать (263—262). Флот Птолемея под командованием Патрокла (чье имя осталось связано с островком возле мыса Суний на аттическом побережье) не смог прорвать блокаду. Примерно в это же время, как уже было сказано выше, лагидский флот потерпел серьезное поражение от судов Гоната возле острова Кос. Антигон не собирался полностью лишать Кикладские острова влияния Лагидов: но отныне он разделил с ними это влияние,

как о том свидетельствуют эпитафические тексты, удостоверяющие закрепление (по преимуществу на Делосе) или военные действия Антигона на этих островах. На Пелопоннесе положение не изменилось, поскольку со смертью Арея исчез главный вдохновитель антимакедонского движения. Афины снова вынуждены были смириться с военной оккупацией и размещением македонских гарнизонов в Пирее и на холме Мусейон напротив Акрополя; кроме того, различные административные меры позволили Гонату контролировать в непосредственной близости главные органы полиса. Афиняне уже никогда не смогут оправиться от этого удара, нанесенного по их независимости, и либерализационные меры, которые будут предприняты несколькими годами позднее, в 256—255 годах до н. э., окажутся неспособными пробудить гражданский дух, отныне действительно угасший.

Таким образом, после Хремонидовой войны в Элладе благодаря дальновидной и твердой политике Гоната установилось казавшееся прочным македонское господство: для региона, столь часто страдавшего от войн и внутренних раздоров, это означало двенадцать лет мира. Тем не менее в середине века сложилась ситуация, поколебавшая эту систему, и последние годы царствования принесли Антигону большие проблемы. Первая, и имевшая серьезные последствия, была связана с его собственной семьей. Как мы помним, чрезвычайно важное положение в Центральной Греции занимала военная база Коринфа, доверенная брату царя, Кратеру: благодаря своей преданности и бдительности он получил расширенные полномочия, взяв под свое командование не только коринфский гарнизон, но и гарнизон в Халкиде, контролировавший Эвбею. После смерти Кратера его полномочия перешли к его сыну Александру, чье честолюбие не могло этим удовлетвориться. В 253—252 годах до н. э. он предал своего дядю Антигона и взял себе титул царя, как свидетельствует надпись в Эретрии, в Эвбее: так образовалось новое монархическое государство в самом центре греческого мира, вокруг двух «преград» — Халкиды и Коринфа, которых лишился Гонат. Чуть позже на сцене появился новый персонаж, которому досталась роль первого плана — Арат из Сикиона. Он был сыном тирана, до 264 года до н. э. управлявшего этим соседним с Коринфом

городом на Пелопоннесе. После смерти отца, свергнутого и убитого его политическими противниками, его ребенок был сослан в Аргос, где и вырос. Достигнув зрелого возраста в 251 году до н. э., он предпринял безумно дерзкую атаку на свой родной город и сумел освободить его от правившего там тирана. Чтобы сохранить завоеванные земли, он ввел Сикион в политическую организацию, до тех пор бывшую весьма узкой, — союз ахейских полисов. Эта конфедерация, реорганизованная тридцатью годами ранее, объединяла двенадцать городов, население которых имело общие корни и которые располагались в северо-западной части Пелопоннеса, на побережье Коринфского залива и на выходе из него на запад. Как и Этолия, которая лежала на противоположном побережье, Ахайя была провинцией старых эллинских традиций, но она до сих пор практически не вмешивалась в общегреческую политику. Поскольку Сикион граничил с Ахайей, Ахейский союз согласился принять этот соседний полис, приобретя при этом в лице Арата политического главу, чьи инициативы вывели его на международную арену.

Первым делом Арат стал добиваться субсидий, чтобы поправить финансовое положение Сикиона, которое из-за социальных потрясений находилось на грани катастрофы. Он нашел помощь у Птолема Филадельфа, который всегда старался завоевать симпатии в старой Греции дальновидным оказанием щедрости. С другой стороны, Ахейский союз установил дружеские отношения со своим беспокойным соседом — Александром, сыном Кратера, который воспользовался этим, чтобы напасть на Аргос и Афины. Оба полиса вынуждены были купить мир, тогда как Мегалополь, крупный город Аркадии, освободился от угодного Македонии тирана, который долгое время управлял им. Влияние Гоната на Пелопоннесе, таким образом, серьезно пошатнулось: однако то ли усталость, связанная с возрастом, то ли другая опасность, удерживавшая его на северных границах Балканского полуострова, но царь не спешил с сильным ответным ударом. Он вмешался, лишь когда в 245 году до н. э. разразилась недолгая война между Этолийским союзом и Беотией; этолийцы, победившие при Херонее, завоевали в результате новую провинцию Центральной Греции — Восточную Локриду, названную Опунтской по названию столицы, которую они установили

к северу от Халкиды в Эвбейском проливе. Арат, избранный стратегом Ахейского союза, безуспешно пытался помочь беотийцам. Противостоянию двух союзов, Этолийского и Ахейского, предстояло усилиться в ближайшие годы.

Тем временем при неизвестных нам обстоятельствах умер Александр, сын Кратера. Гонат воспользовался этим, чтобы вернуть себе Коринф, женив собственного сына Деметрия на вдове своего мятежного племянника. Но он не долго владел отвоеванной крепостью, поскольку в 243 году до н. э. Арат, новый стратег Ахейского союза, обеспокоенный интервенцией Этолийского союза на Пелопоннес в связи с конфликтом между Элидой и Аркадией, принял решение нанести сокрушительный удар, чтобы закрепить свои позиции в Истме, имевшем важнейшее значение для безопасности Ахайи. С той же смелостью, которая позволила ему освободить Сикион, но уже с гораздо большими силами, он летом 243 года до н. э. захватил ночью врасплох город Коринф и его крепость. Плутарх, опираясь на автобиографию Арата, рассказывает о деталях этой блестяще удавшейся операции. Военные силы Ахейского союза получили и этот стратегически важный пункт, и выход в Эгейское море в Сароническом заливе: два арголидских полиса, Эпидавр и Трезена, вскоре вступили в Ахейский союз, который, как и Этолийский в Центральной Греции, занимал теперь с востока на запад, от одного моря до другого, сплошную территорию, полностью изолировавшись от остальной части Пелопоннеса. Обеспокоенный его успехами, Этолийский союз заключил соглашение с Гонатом с целью раздробить Ахайю и поделить между собой ее территорию.

Спарта, игравшая когда-то столь важную роль, переживала кризис. Уже более века могущество Лакедемона, серьезно подорванное Эпаминондом и Фивами, лишь сокращалось вследствие его социального устройства, что замечательно проанализировал в своем трактате «Политика» Аристотель. Все больше становилась пропасть между крайне малочисленным классом полноправных граждан, насчитывавшим несколько сотен человек, и другими лакедемонянами, которых сосредоточение богатств, особенно земельных, в руках меньшинства отодвигало на низшую ступень и которые в большинстве своем являлись должниками. В этих условиях было невозможно по-прежнему

набирать армию из граждан, верных древним военным традициям полиса. Молодой идеалистичный и несколько наивный царь Агис IV предпринял реформы, призванные восстановить имущественное равенство между спартиатами и пополнить истощившийся класс граждан массовым притоком новых элементов. Исполнение этой программы, начавшись в 242 году до н. э., остановилось на полпути, столкнувшись с сопротивлением обеспеченного класса: второй царь, Леонид, соправитель Агиса, вынужден был удалиться в ссылку, и удалось достичь лишь отмены долговых обязательств; обещанный раздел земель не был произведен. Между тем в 241 году до н. э. этолийская армия приготовилась вторгнуться на Пелопоннес. Чтобы дать ей отпор, Арат призвал на помощь войска спартанцев, которые возглавил Агис. Но, соединившись с ахейцами, он получил оскорбительный отказ: обеспокоенный опасным примером, который представлял для общественного порядка этот корпус молодых спартиатов, полных революционного идеализма, Арат дал понять царю Агису, что его присутствие больше не нужно и нежелательно. Лакедемонская армия вынуждена была вернуться в Спарту, не дав сражения. Во время отсутствия Агиса царь Леонид был возвращен из ссылки и захватил власть, опираясь на имущих граждан. Агис был арестован и казнен, а его сторонники изгнаны: его попытка реформы провалилась. Однако Арат и ахейские войска, позволив этолийской армии углубиться на Пелопоннес, настигли ее, когда та разоряла небольшой город Пеллену, и уничтожили ее. Потом оба враждебных союза заключили мир. На время установилось определенное равновесие сил, но потеря Коринфа тем не менее существенно ослабила македонские военные позиции.

В конце своего долгого правления Антигон Гонат, умерший зимой 240—239 годов до н. э., все-таки не смог удержать своих завоеваний в Греции. Ценой непрерывных дипломатических и военных усилий ему удалось по меньшей мере сохранить территорию царства, обеспечить целостность своих владений в Фессалии и восстановить людские резервы в Македонии, сильно сокращенные в результате далеких походов Александра и диadoхов, войн между претендентами на наследство Кассандра и вторжений галлов. Эти меры по восстановлению нации были по плечу только дальновидному и сильному человеку, у которого

было время, чтобы их осуществить. В отличие от современных ему селевкидского и лагидского монархов, Антигон никогда не вынашивал никаких грандиозных наступательных планов. В своей столице Пелле, в самом сердце Македонии, он сумел собрать скромный кружок избранных умов: тут были поэт и историк Эвфант из Олинфа, сочинивший трактат «О царстве», философ Менедем из Эретрии и, конечно же, поэт Арат, автор «Феноменов», чья ученая поэзия нравилась бывшему слушателю Зенона. Антигон принял там философа-киника Биона из Борисфена, чье чистосердечие импонировало царю, не стремящемуся отделять себя от народа. В соответствии с истинной традицией македонской монархии он не устанавливал никаких культов, считая, что царское положение — это «благородное рабство», по его собственному выражению, с которым он обратился к своему сыну. Показав себя замечательным воином (в сражении при Косе он лично командовал своей эскадрой на флагманском судне), он также продемонстрировал гуманность по отношению к побежденным: почтительно обошелся с телом своего врага Пирра и отправил его в Эпир в сопровождении, достойном царя, и тогда же отпустил на волю сына Пирра, Гелена, сдавшегося в плен. Все эти проявления щедрости и великодушия создают прекрасный образ государя: стратега, политика и философа, доброжелательного и решительного, бесстрашного и благородного, достойного занять место в первом ряду среди эллинистических правителей.

Сын Антигона Деметрий II (обозначаемый так, чтобы отличать его от деда — Полиркета) уже в течение нескольких лет привлекался отцом к совместному управлению. Однако он изменил главный пункт отцовской политики, отказавшись от альянса с Этолийским союзом, до тех пор неуклонно поддерживаемого Гонатом. Дело в том, что могущество этолийцев возрастало и начинало угрожать Македонии одновременно с востока, где они вели пиратские операции в Эгейском море, и с запада, где они достигли Акарнании, чем беспокоили Эпир. Пиратство в открытом море и на побережьях всегда было выгодной деятельностью с начальных времен греческой истории: «Илиада» и «Одиссея» не раз упоминают о набегах, совершаемых греческими героями на чужие земли, помимо открытых военных действий. Как только этолийцы получили выход в Эвбейский пролив, они занялись

регулярным пиратством в Эгейском море, несмотря на то что с середины III века до н. э. многие полисы на островах и на побережье Малой Азии, беспокоясь о безопасности своей торговли и спокойствии своих берегов, заключили с Этолийским союзом договоры, гарантировавшие им неприкосновенность их территорий и их имущества (так называемые *асилии*, защищающие от любого насильственного изъятия государственной или частной собственности). Такие договоры, например, были у Теноса, Наксоса, Делоса. Дельфийская амфикиония, где доминировали этолийцы, предоставила правовые основы для установления этих особых отношений: так было со Смирной и Хиосом. Здесь было о чем тревожиться македонскому правителю, чьи суда курсировали в Эгейском море. С другой стороны, на сухопутной западной границе Македонии Эпирское царство, ослабленное при регентстве вдовствующей царицы, призвало на свою защиту Деметрия, который был женат на эпирской царевне.

Эти обстоятельства привели к новому конфликту, который в 239—238 годах до н. э. столкнул македонскую армию с войсками Этолийского и Ахейского союзов, примирившихся перед лицом общего врага. Эта война, названная Деметриакой, была запутана, и о ней мало что известно: обе стороны брали верх и терпели поражение. Деметрий освободил Беотию от этолийского влияния и лишил ахейцев Мегариды. Зато на Пелопоннесе он потерял Мегалополь, который вошел в Ахейский союз. Но в 236—235 годах до н. э. ему пришлось столкнуться с новой опасностью — вторжением из Балканских гор на север Македонии варварского племени дарданцев. Сражаясь против этих захватчиков, Деметрий погиб в 229 году до н. э. Он оставил в наследство юному сыну, будущему Филиппу V, которому не было и десяти лет, весьма сложную ситуацию.

Тем не менее она была разрешена одним человеком — двоюродным братом погибшего царя, который стал регентом до достижения подростком-наследником совершеннолетия. Это был сын Деметрия Прекрасного, младшего брата Гоната, отправленного в Кирену после смерти Магаса и погибшего там при драматических и романтических обстоятельствах. Его звали Антигон, и он был прозван Досоном, что значит «передающий свою власть», что было вполне заслуженно, поскольку, полностью

исполняя функции царя и подписываясь этим титулом, он никогда не пытался отстранить юного Филиппа и передал ему, умирая, царство в целостности и сохранности.

Прежде всего он, по-видимому, занялся устранением угрозы со стороны варваров-дарданцев, возможно уступив им некоторые пограничные районы. Потом он обратился против этолийцев, которые воспользовались в какой-то мере мятежом в Фессалии, и нанес им серьезное поражение в 228 году до н. э. Тем временем в следующем году Афины за огромную сумму, собранную отчасти за счет займов и иностранных пожертвований, добились вывода македонского гарнизона; однако, снова став свободным, полис, несмотря на уговоры Арата, отказался войти в Ахейский союз. Свою щедрость расточал Афинам Птолемеи Эвергет, основавший в них гимнасий, носящий его имя. Чтобы отплатить за его услуги, афиняне создали тринадцатую филу — Птолемаидов в дополнение к Антигонидам и Деметриакам, чьи филы они учредили в эпоху Полиоркета, и теперь они придерживались нейтралитета.

Не сумев присоединить к себе Афины, Ахейский союз отвоевал Мегару и получил Эгину, Аргос и некоторые другие полисы Пелопоннеса. Однако Досона, видимо, это не сильно тревожило, поскольку в 227 году до н. э. он организовал морской поход в Карию, на юго-запад Малой Азии, где он установил отношения с местной династией, которая получила его покровительство: единственная и непродолжительная попытка Антигонидов возродить былую азиатскую мечту Антигона Одноглазого и Деметрия. Но как только он вернулся в Европу, он занялся проблемами на Пелопоннесе. Ситуация там действительно сложилась напряженная из-за политики спартанского царя Клеомена III, который, наследовав в 235 году до н. э. своему отцу Леониду, соправителю и победителю Агиса IV, после нескольких лет царствования все-таки вернулся к программе реформ, которую отклонил его отец. Согласно Плутарху, новый царь загорелся революционными идеями своего предшественника под влиянием жены, которая была вдовой Агиса. Каким бы романтическим ни было это объяснение, любопытным образом подчеркивая роль, которую неоднократно играли в эллинистической истории женщины, Клеомен, пытаясь найти способ,

чтобы восстановить величие Лакедемона, пришел, как и Агис, к необходимости глубокого реформирования социальной структуры Спарты. Но, будучи не столь наивным, он первым делом создал благоприятные условия для реформ, устранив потенциальных противников, совершив настоящий государственный переворот. Эти события на Пелопоннесе привели к возобновлению открытых военных действий. С помощью Элиды Клеомен напал на аркадский полис Мегалополь, входивший в Ахейский союз, и ахейцы вмешались: началась Клеоменова война. Она продолжалась уже больше года, когда в 227 году до н. э. Клеомен вернулся в Спарту во главе корпуса наемников. Его соправитель, вторая царь Спарты, был убит. Клеомен получил свободу действий, подобно греческому тирану, как заметил Полибий. Желая вернуться к древним институтам Ликурга, он увеличил число полноправных граждан до четырех тысяч, причислив к ним новых лиц, получивших земельные наделы за счет перераспределения крупных владений. Он вернул престиж былого сурового воспитания, регулярных военных упражнений, общих трапез. Наконец, он модернизировал снаряжение своих гоплитов по образцу македонских солдат. В его армии, в которую входили, естественно, контингенты союзников и корпуса наемников, теперь появилось ядро элитных воинов вроде тех, кто в прошлом делал непобедимыми македонские войска.

С этими средствами Клеомен снова развернул военные действия в Аркадии, где овладел Мантинеей, и в Элиде, откуда он двинулся дальше, за границу с Ахайей, чтобы сразиться там с армией ахейцев. Его успехи настолько встревожили Арата и Ахейский союз, что после предварительных переговоров они полностью изменили союзнические отношения. Между тем Птолемей III, через своих посланцев следивший за обстановкой в Греции, решил прекратить финансовую помощь Ахейскому союзу, которую он оказывал ему уже долгое время, и помогать отныне своими субсидиями предприятиям Клеомена. Клеомен повел наступление в направлении Коринфского залива, дойдя до Пеллены в Ахайе, взял Аргос и другие города Арголиды и, наконец, занял Коринф, население которого открыло ему ворота. Только крепость Акрокоринф продолжали удерживать ахейские войска. Перед лицом столь серьезной угрозы Ахейский союз доверил

Арату функции стратега со всеми полномочиями. Пока Клеомен осаждал Сикион, Арат отправил посольство к Антигону Досону, предлагая ему Акрокоринф в обмен на помощь в войне против царя Спарты. Под давлением необходимости человек, который когда-то отобрал у македонян главную из «греческих преград», вынужден был вернуть им ее, чтобы сохранить федеративное ахейское государство, которое было раздроблено атаками Клеомена, а также, как недвусмысленно указывает Плутарх, пользуясь «Воспоминаниями» самого Арата, из ненависти к спартанскому идеалу общей строгости и из боязни социальной революции, которую мог возбудить в консервативных полисах Союза пример царя-реформатора.

Весной 224 года до н. э. Досон, принявший предложение Арата, прибыл в Истм с сильной армией, отбил Коринф и снова разместил в крепости македонский гарнизон. Затем он занял Аргос, вынудив Клеомена вернуться в Лаконию, и в конце лета достиг Ахайи, где в городе Эгионе заседал федеральный совет Ахейского союза. Там он был провозглашен «главой всех союзных войск»: так в пользу Досона и против Клеомена был образован своего рода Эллинский союз по модели того, которым руководил после своей победы при Херонее Филипп II. Под его началом опять оказались ахейцы, Эпир, Акарнания, беотийцы, Фокиа, локры и Эвбея, согласно перечислению Полибия, то есть уже не полисы, а группы полисов, объединенные географически, и федеративные государства. У Спарты практически не было шансов выстоять против этой сильной коалиции: кроме того, новый альянс образовывал противовес Этолийскому союзу, который в него не входил. Если Арат и ахейцы в результате этой операции получили надежду вернуть свое влияние на Пелопоннесе, то Антигон, снова завладев Коринфом и Истмом, мог больше не опасаться этолийцев: этот двойной удар восстановил престиж Македонии на уровне, до которого его поднял в свое время Гонат.

С этими значительными силами Досон, выбрав время, в 223 году до н. э. снова начал наступление на Аркадию и отвоевал некоторые крупные полисы, такие как Мантиней и Тегей, откуда он стал непосредственно угрожать Лаконии. Клеомен, озабоченный набором новой армии, дал свободу шести тысячам илотов, которые заплатили за свое освобождение по пятьсот драхм каждый,

и принял их в армию. С их помощью он напал на Мегалополь, главный полис Акарнании, бывший членом Ахейского союза и до тех пор противостоявший всем его атакам: на этот раз Клеомен взял город и полностью его разрушил. Это был его последний успех. Финансировавший его Птолемей Эвергет потерял веру в его возможность уравновесить македонское могущество и принял решение прекратить его снабжение, посоветовав ему отказаться от войны. Клеомен не пожелал смириться с этим и ждал у Селласия, на севере Спарты, армию Досона, которая в июле 222 года до н. э. вышла из Тегей и двинулась в долину Эвроты. После жестокого сражения лакедемоняне были уничтожены. Клеомену с немногими верными приближенными удалось выйти в море и после недолгого пребывания на острове Антикифера, где он обдумывал дальнейшие действия (покончить с собой или продолжить борьбу в изгнании) Клеомен бежал в Александрию к Птолемею через Кирену, имевшую традиционные дружественные связи со Спартой. Там он спустя несколько месяцев был убит по приказу нового лагидского правителя Птолемея IV, который, таким образом, отказался от обязательств Эвергета.

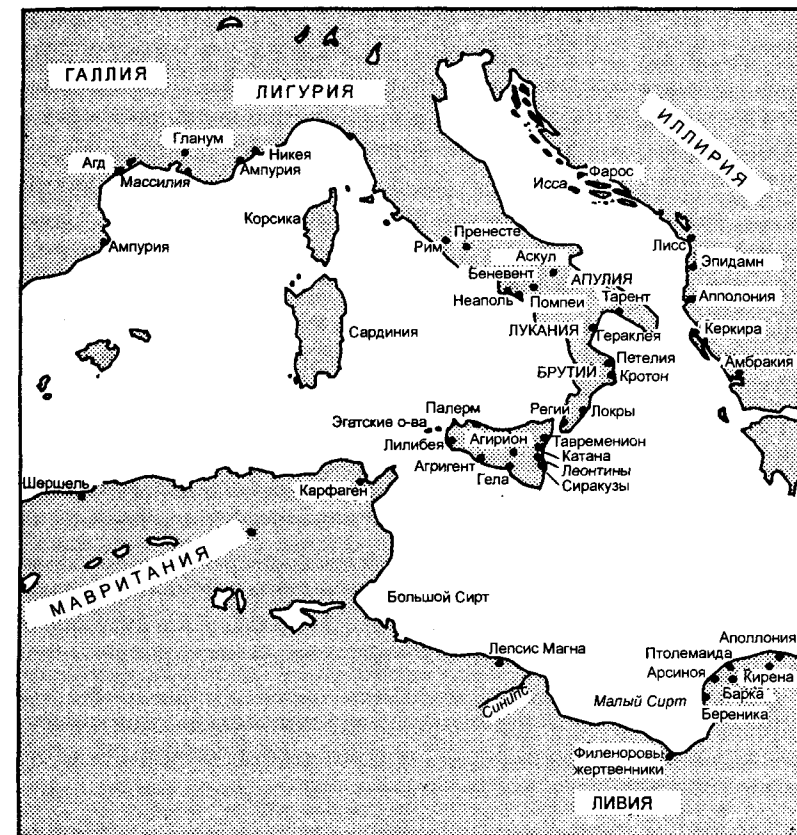
Сражение при Селласии обозначило одновременно и окончательный упадок Спарты, которая впервые за всю свою историю подверглась чужеземной оккупации, и последний триумф македонской монархии. Пока в Лакедемонии шло восстановление «порядка предков» (за исключением царской власти, которая была уничтожена), Досон отметил свою победу дарами в храмах: сохранилась надпись о его пожертвовании в храме Аполлона в Делосе. Он был тяжело болен туберкулезом и чувствовал, что конец его близок: тем не менее он отправился к северным границам, на которые снова начали напирать варвары. Он умер в начале 221 года до н. э., приняв необходимые меры, чтобы его молодой преемник, которому было только семнадцать лет, воспользовался указаниями Совета, образованного его стараниями, и дружеским расположением Арата. После восьми лет плодотворного правления он передал Филиппу Македонское царство, которое полностью вернуло свое могущество и влияние и снова господствовало в Греции. Однако вскоре явственно обозначилась опасность, грозящая с запада, более серьезная, чем все те, что испытывали Греция и Македония, хотя их главы еще не придавали ей большой важности:

Рим начал вторжение на восточный берег Адриатики, подчинив своей власти главные очаги эллинизма в Италии и на Сицилии. Эти события следует кратко изложить.

* * *

Поражение Пирра и его уход из Тарента в 275 году до н. э. имели роковые последствия для полисов Великой Греции. Римские легионы, уже захватившие Локры и Кротон, вынудили Тарент сдаться в 272 году до н. э. Регий, последний крупный город южной Италии, покорился в 270 году до н. э. Отношения между греками и их завоевателями обычно принимали форму альянса, разумеется неравноправного, но основанного на принципе чистосердечия: локрийцы засвидетельствовали это, выбив новую монету, на которой была изображена аллегория чистосердечия — Пистис, коронующая персонифицированный Рим. Это завоевание имело для римлян последствия огромной важности: военные, потому что в верфях Великой Греции были построены римские эскадры, сыгравшие решающую роль в 1-й Пунической войне; культурные, потому что отныне преумножаются связи между эллинистической цивилизацией, сохранившейся в полисах Южной Италии, и италийскими народами, все еще грубыми и дикими. Не случайно, что первым римским писателем, который перевел Гомера во второй половине III века до н. э., был грек из Тарента — Ливий Андроник. Еще одно последствие: между Римом и эллинистическими правителями были установлены первые официальные отношения. Их инициатором стал Птолемей Филадельф, в 273 году до н. э. отправивший посольство в сенат, который в следующем году до н. э. в свою очередь направил послов в Александрию. Нам не известно, в чем точно состояла «дружба», которая завязалась в результате этих визитов. Но достоверно то, что отныне на греческом западе существование Рима больше не игнорировалось просвещенными греками, которые начали им интересоваться: Каллимах упоминает о нем в одном из своих произведений, а поэт Ликофрон — в эзотерической поэме «Александра». Таким образом, постепенно складывались цивилизованные отношения между двумя мирами, которые долгое время не признавали друг друга.

Эллинизм на Сицилии пережил нечто подобное, но с некоторым опозданием. После отступления Пирра в Сиракузах на несколько лет воцарилась анархия. Затем, в 270—269 годах до н. э., глава наемников Гиерон, имевший титул стратега, принял на себя властные функции, повторив опыт Дионисия I и Агафокла. Но, в отличие от Агафокла, Гиерон взял себе царский титул. Его называли Гиероном II, чтобы отличать от знаменитого тирана Сиракуз, бывшего другом Пиндара и правившего двумя столетиями ранее. Авторитет этого нового Гиерона вырос в 274 году до н. э., сразу после ухода Пирра, как о том свидетельствует XVI идиллия Феокрита, которую поэт в том же году до н. э. посвятил ему, прося, впрочем безуспешно, о покровительстве. Гиерон женился на сиракузянке из прославленного рода Филиста, профиль которой был выбит на золотых монетах. В течение своего долгого царствования (он умер в 215 году до н. э.) он умело управлял полисом. Когда римляне вторглись на Сицилию в начале 1-й Пунической войны, Гиерон, проводивший тогда совместно с карфагенянами военную операцию против Мессаны, быстро сообразил, как воспользоваться этим с выгодой для Сиракуз: в 263 году до н. э. он заключил союзнический договор с Римом, обновленный в 248-м. Таким образом он избежал войны, тогда как римляне сражались на востоке Сицилии, в Африке — под началом Регула и, конечно же, на море, где римский флот в 241 году до н. э. одержал крупную победу на Эгатских островах. Сиракузы же занимались тем, что выращивали на своей плодородной земле хлеб и снабжали продовольствием Рим, получая свою прибыль. Гиерон сам интересовался сельским хозяйством, о котором написал трактат, впоследствии высоко оцененный в Риме. Ему удалось наладить эффективную систему поставок зерна, взяв за образец модель монополии, существовавшей в лагидском Египте, и взимания поземельного налога. Как и другие эллинистические цари, он тратил получаемую прибыль на помпезные сооружения: величественный жертвенник, возведенный в Сиракузах, имел колоссальные размеры — 200 м в длину и 10 м в высоту. По его повелению при содействии ученого Архимеда и морского инженера Архия из Коринфа был сконструирован невероятных размеров корабль, который Гиерон отослал в дар Птолемею, поскольку только александрийский порт был достаточно

4. Западное Средиземноморье в эллинистическую эпоху

велик, чтобы принять это громадное судно. Он продемонстрировал свою щедрость, оказав помощь родосцам, когда в 227 году до н. э. их город был разрушен страшным землетрясением. Если его слава, таким образом, достигла Восточного Средиземноморья, то его умелое управление, его доброжелательность и мягкость заслужили ему уважение и преданность сиракузян, и, когда он умер в возрасте девяноста лет в 215 году до н. э., как сообщает Тит Ливий, «народ взял на себя последний долг; скорее любовь граждан, а не заботы родственников сделала похороны царскими и славными»¹. Не многие из эллинистических государей вызывали такие чувства. Однако через три года после его смерти, в 212 году до н. э., Сиракузы, совершившие ошибку и отказавшиеся поддержать Рим во 2-й Пунической войне, пали после долгой осады; город был разграблен, его население вырезано или продано в рабство, а его территория включена в римскую провинцию Сицилия. На западе оставался свободным только один крупный греческий полис — Массалия.

К Элладе Рим, занятый в другом направлении, проявлял пока только эпизодический и весьма ограниченный интерес. И лишь военные действия в Иллирии в силу стечения обстоятельств постепенно заставили римлян туда углубиться. Ни в Риме, ни на материковой Греции современники поначалу не оценили значения этих первых контактов, имевших место в правление Антигона Досона. Иллирией называлось все далмацкое побережье Адриатики и ее внутренняя территория, то есть современная Албания. Эта страна была занята ваварскими племенами, несмотря на существование греческих колоний либо на континенте (Аполлония, Эпидамн, Лисс), либо на островах Фарос, Исса. Эти варвары занимались пиратством на легких судах, которые вмещали экипаж из пятидесяти человек и назывались *лембами*. После нескольких пограничных столкновений с эфирцами иллирийцы в конце правления Деметрия II вступили в союз с Эпиром и Акранией, что позволило их флотилиям пиратствовать в Ионическом море и даже на входе в Коринфский залив, тем самым делая опасным важный морской путь сообщения между греческим миром и Италией. Римские купцы страдали от этого, и, когда

посольство, отправленное сенатом, потребовало от иллирийцев отчета, один из них был убит. В это же время отряд иллирийцев напал на Керкиру (Корфу) и разместился там под управлением грека из Адриатики Деметрия Фаросского. Рим в ответ организовал морскую экспедицию, которая в 229—228 годах до н. э. нанесла ряд поражений иллирийским флотилиям и вынудила царицу Тевту, командовавшую ими, покинуть два важных региона: часть далмацких островов с городами Исса и Фарос и противоположащее побережье были образованы в независимое государство под властью Деметрия Фаросского, который перешел на сторону римлян, отдав им Керкиру; южнее полоса территории вдоль албанского побережья от Лисса до северной оконечности Керкиры тоже стала независимой вместе с заселявшими ее двумя иллирийскими племенами; греческие полисы Адриатики Эпидамн и Аполлония, а также Керкира, как и Деметрий Фаросский и два албанских племени, стали «друзьями римского народа», то есть получили покровительство Рима, которое означало безопасность судоходства в этой зоне. После этой победоносной кампании римское посольство представило Этолийскому и Ахейскому союзам причины и результаты этого военного вторжения: это было первым официальным контактом Рима с народами Эллады. Чуть позже другие посольства отправятся в Афины и Коринф, и, как сообщает Полибий, римляне будут допущены к участию в Истмийских играх — привилегия, которая отделила их от чужестранцев-варваров и поставила наравне с сообществом эллинов. Тем не менее отметим, что ни одного посольства не было отправлено к царю Македонии. Зато, согласно Полибию, Антигон Досон заключил союз с Деметрием Фаросским, династом, «другом Рима», который правил на островах далмацкого архипелага. Расширяя свои владения на континент, Деметрий Фаросский пытался восстановить в свою пользу великое иллирийское государство, способное встревожить римский сенат, этот союз вполне мог бы привести к войне между Римом и Македонией, если бы только она соблюдала обязательства по отношению к своему союзнику.

¹ Перевод М. Е. Сергеевко.

Глава 4
ВОСТОК
РАСКОЛОТЫЙ И ПОКОРЕННЫЙ

В 223—221 годах до н. э., сто лет спустя после смерти Александра, в эллинистической истории произошел поворот. В трех главных государствах к власти пришли три новых правителя: все трое были очень молоды, все трое тем или иным образом нарушили династическую традицию, существовавшую до них, при этих троих в силу их пороков или слабохарактерности либо же, несмотря на их достоинства и благие намерения, в их царствах начался процесс упадка, который вынудил их наследников в более или менее скором времени склониться перед римским могуществом. Начиная с этого момента римские армии приступили к военным действиям на Балканах, которые неизбежно привели к открытому столкновению с Македонией, ставшему первым этапом завоевания всего Восточного Средиземноморья. Этот поступательный процесс имел сложные причины. Ниже мы попытаемся в них разобраться.

Филипп V в Македонии, едва придя к власти, столкнулся с конфликтом, спровоцированным Этолийским союзом: обеспокоенный тем, что контроль над Пелопоннесом обрела новая эллинская лига, союз организовал военную кампанию в Мессению. Ахейский союз и Арат попытались оказать сопротивление, но были разбиты на аркадской территории: они обратились за помощью к союзникам и Филиппу. Конгресс Эллинского союза, собравшийся в Коринфе во главе с молодым царем, принял решение начать войну против Этолийского союза, подчеркнув, что речь идет о том, чтобы вернуть свободу народам, которые

были вынуждены войти в Этолийский союз, и даже о том, чтобы избавиться от ее влияния Дельфийскую амфикионию. Это привело к трехлетней запутанной войне, зачастую кровопролитной, как на Пелопоннесе, так и в континентальной Греции, где этолийцы разграбили додонское святилище в Эпире. Филипп отнял у них Фтиотийские Фивы, расположенные рядом с Деметриадой. В 217 году до н. э., встревоженный обстановкой в Иллирии, он заключил в Навпакте мирный договор, условия которого почти никак не ослабили этолийского могущества. Так завершилась война, получившая название Союзнической.

Между тем Рим снова вторгся в Иллирию, выступив против Деметрия Фаросского, своего старого союзника, чьи набеги на континент, в Южную Иллирию, и пиратские рейды до самых Кикладских островов не без оснований тревожили его: новая экспедиция римского флота в 219 году до н. э. обратила Деметрия в бегство. Он был принят Филиппом V, с помощью которого хотел вернуть себе далмацкую гегемонию. Узнав о первых поражениях, нанесенных римской армии Ганнибалом во 2-й Пунической войне, которая началась в 218 году до н. э., Деметрий попытался склонить Филиппа выступить в Адриатику и добился того, что тот отправил македонскую эскадру против Аполлонии Иллирийской, находившейся под защитой Рима, но появление римских судов вынудило ее отступить. Тем не менее царь оказался втянут в войну против римской экспансии в Адриатике: он присоединился к Ганнибалу, находившемуся теперь в Италии, и заключил с ним в 215 году до н. э. союзнический договор, условия которого для нас сохранил Тит Ливий. Эти условия по требованию Филиппа предусматривали защиту от Рима свободы греческих колоний в Адриатике: Аполлонии, Эпидамна, Фароса, Керкиры и в нижнем течении реки Аой, связывающей Фессалию и Македонию с албанским побережьем, и, наконец, возвращение Деметрию Фаросскому его территорий. Такова была обстановка в Иллирии, беспокоившая македонского царя. Прежде чем начать там военные действия, он вынужден был провести кампанию в Мессении, которая закончилась провалом и во время которой был убит Деметрий Фаросский. Затем Филипп вторгся в Адриатику, где был разбит римской эскадрой у Аполлонии, после чего одержал ряд побед на суше, которые довели его до Лисса. Тогда Рим в 212—211 годах до н. э.

заключил с Этолийским союзом договор, открытый для всех его участников, то есть для Спарты, Элиды, Аттала I Пергамского. В тот же год умер Арат: вскоре его место в Ахейском союзе занял новый стратег, которого назовут «последним эллином», — Филопмен. Эта 1-я Македонская война длилась несколько лет и дорого обошлась греческим полисам, ибо жадность римской армии и флота к трофеям была безмерна. Филипп действовал энергично как в военных операциях, так и в дипломатической сфере. Он организовал нападение царя Вифинии Прусия на Аттала Пергамского, провозглашенного в 209 году до н. э. стратегом Этолийского союза. Сам Филипп вторгся в Этолию и дошел до федеративной столицы — города Ферм, вынудив этолийцев в 206 году до н. э. заключить сепаратный мир: они соглашались оставить западные провинции Фессалии, занимаемые ими уже много лет, и свои позиции в Малиакском заливе и в Фокиде. Рим, с 207 года до н. э. отозвавший свой войска, вслед за Этолией сам заключил мир в 205 году до н. э. Оспариваемые территории Иллирии были разделены между Филиппом и Римом, македонский царь сохранил за собой долину реки Аой, в которой был особенно заинтересован. Помимо двух главных противников, договор, подписанный в эфирском Фенике, согласно Титу Ливию, упоминает подписавших его условия (*fœderi adscripti*, буквально «внесенные в текст договора»): со стороны союзников Филиппа — участников Эллинского союза, и вифинского царя Прусия, а со стороны пергамского царя Аттала и союзников Рима — иллирийского правителя, спартанского тирана Набиса, элейцев, Мессену и два продолжавших сохранять нейтралитет города — Афины и Иллион. Эти дополнения, требуемые Римом (хотя многие современные историки без определенных причин считают их вымышленными), показали, что отныне римская политика, даже не имея пока в отношении Востока четкого плана, поскольку она была занята подготовкой к африканской кампании против Карфагена, тем не менее пыталась сохранить свои контакты вплоть до Эгейского моря и не потеряла интереса к Греции.

Пока шли Союзническая и 1-я Македонская войны, селевкидская и лагидская монархии переживали беспокойный период. В 223 году до н. э., когда Антиоху III не было и двадцати лет, был убит его брат Селевк III. Среди приближенных Антиоха находился грек Гермий, бывший министром еще при Селевке и какое-то

время имевший определенное влияние на молодого государя. Вскоре Антиоху пришлось столкнуться с мятежом мидийского сатрапа Молона, которому Антиох поручил совместное управление верхними сатрапиями, то есть восточными регионами империи, осуществлявшееся самим юным правителем до смерти его брата. Военачальники, отправленные против Молона, были разбиты, и мятежник, дошедший до Месопотамии, взял Селевкию на Тигре, столицу этого региона, и, присвоив себе титул царя, начал чеканить монеты. Тогда Антиох лично возглавил свою армию, чем спровоцировал переход на свою сторону части войска Молона, который был побежден и покончил с собой. Его тело было распято. Реорганизовав администрацию в этих провинциях, Антиох в 220 году до н. э. вернулся в Антиохию: он избавился от мешавшего ему и бывшего непопулярным Гермия, приказав убить его. По возвращении Антиоха ждал новый мятеж: один из его дальних родственников, Ахей, которому было поручено управление селевкидскими владениями в Малой Азии и которому удалось вернуть территории, занятые Атталом I, тоже провозгласил себя царем. Но сразу подавить этот мятеж Антиох не мог из-за войны с соседним Египтом — 4-й Сирийской войны.

С самого воцарения Антиоха его министр Гермий настаивал на том, чтобы начать завоевание Келесии. Смерть Птолемея III Эвергета открывала вполне реальные перспективы для такого предприятия, потому что новый лагидский государь Птолемей IV Филопатор мало интересовался делами и был больше склонен к изнеженности и сладострастию. В течение всего царствования он, по сути, полагался на министра Сосибия, бывшего важным историческим лицом и долгое время служившего Эвергету. Начало правления молодого царя было отмечено серией династических убийств: он повелел убить своего дядю Лисимаха — младшего брата Эвергета, своего собственного брата Магаса (тезки их деда по матери) и их общую мать Беренику II, надменного и сурового характера которой, видимо, опасался Сосибий. Это был еще один ужасный пример кровавого сведения счетов, практика которых была так распространена в эллинистических царских семьях. Птолемей IV также заставил покончить с собой старого спартанского царя Клеомена, который бежал в Александрию и которого мелочные полицейские придирки вынудили на отчаянный шаг.

Эта атмосфера подозрительности и убийств, царившая при дворе Лагидов, побудила Антиоха воспользоваться ситуацией, чтобы добиться победы в Келесирии. В 219 году до н. э. селевкидская армия атаковала и взяла Селевкию Пиэрию — порт Антиохии, который Птолемей Эвергет завоевал и удерживал со времен Лаодикейской войны. Предводитель наемников, служивший Птолемию IV и защищавший Южную Сирию, предал своего повелителя и сдал порт Тир. Войска Антиоха достигли границ Египта. В Дельте спешным порядком готовились дать отпор неприятелю с помощью старого способа: окрестности Пелузия, находившегося на восточном рукаве Нила, были затоплены путем разрушения плотины. Это позволило выиграть время до зимы, а затем начать отвлекающие боевые действия в Палестине. Сосибий воспользовался этой передышкой, чтобы переформировать лагидскую армию, введя в нее двадцать тысяч коренных египтян — и это нововведение имело важнейшие последствия. Эти поспешно набранные феллахи были снаряжены на греческий манер и организованы в фалангу, отличную от македонских и наемнических войсковых объединений. С усиленной таким образом армией Птолемей IV в 217 году до н. э. встретился с Антиохом при Рафии, на южной границе Палестины, и одержал полную победу. Антиох отступил, освободив всю завоеванную им до этого Келесирию. Птолемей заключил мир, оставив своему противнику Селевкию Пиэрию, но сохранив за собой сирийский бастион, заслонявший Египет.

Победа при Рафии спасла Египет от вторжения: она отмечалась с особым размахом. Птолемей IV принес в жертву Гелиосу, греческому богу-солнцу, который соответствовал великому египетскому солярному богу Амону-Ра, четырех слонов и повелел возвести бронзовые статуи этих животных, дабы увековечить память о беспрецедентном жертвоприношении. Но каким бы обоснованным ни было это ликование, в нем таились пагубные для лагидской монархии последствия. Роль, сыгранная в этой битве корпусом туземных солдат, позволила египетскому крестьянству осознать свою силу перед царскими чиновниками и греко-македонскими колонистами. Поскольку начиная с последних лет царствования Эвергета по не вполне ясным причинам финансы и экономика Египта переживали кризис, бремя налогов стало особенно тяжелым, и феллахи ответили на это неподчинением, неповиновением

и даже в некоторых местах вооруженными бунтами, в которых участвовали солдаты, воевавшие при Рафии. Эти явления, которые мы не можем детально проследить, очень быстро приняли хронический характер и с тех пор стали типичны для лагидского Египта. Полибий уже совершенно осознанно отмечает, что привлечение коренного населения в царские войска при Рафии было необходимо в тот момент, но оно создало большие проблемы в будущем. Через сто лет после победы, в 207—206 годах до н. э., Верхний Египет, традиционно недоверчивый по отношению к центральной власти, сосредоточенной в Дельте, отделился, его возглавили правители нубийского происхождения. Он оставался автономным до 186 года до н. э., лишив, таким образом, Александрию ресурсов, которые она получала с южных территорий и от торговли с Нубией и регионами Верхнего Нила. Все эти волнения только усугубили экономические и финансовые трудности страны, которая в какой-то мере и так страдала от пагубных для ее торговли с Западом последствий 2-й Пунической войны. Мы можем отметить, что примерно с 210 года до н. э. ограничивается хождение серебряной монеты, что указывает на дефицит этого металла, а для внутреннего оборота в большом количестве чеканится медная монета. Таким образом, обнаружилось, что изобилие ресурсов, облегчавшее деятельность первых трех Птолемеев, начинает сокращаться в правление Птолемея IV; это уменьшение свободных средств отразилось на дальнейшей политике Лагидов.

Сражение при Рафии имело еще одно важное последствие: чтобы обеспечить себе лояльность в массе коренного населения, царь начал демонстрировать повышенный интерес к исконным храмам и их жречеству. Существует любопытный документ — так называемая «пифомская стела», на которой высечен в трех вариантах (греческим, иероглифическим и демотическим письмом) текст царского указа, созывающего в Мемфисе собрание египетских жрецов для организации празднеств в честь победы при Рафии. По случаю этих собраний царь предоставлял представителям местных культов различные льготы, земельные дарения и налоговые привилегии, чтобы снискать расположение жреческого класса. В это же время распространяется обычай правителей-греков брать себе титул фараона, и их теперь изображают в традиционном образе фараонов. Конечно, это не изменило глубоко

греческого характера лагидского двора, менталитета и образа жизни государей, но это были явные формальные уступки традициям Древнего Египта, сделанные под давлением необходимости.

Пока Филопатор и его министр Сосибий были заняты решением своих внутренних проблем, Антиох, несмотря на поражение, почувствовал, что ему ничто не мешает восстановить свою власть в не подчинявшихся ему регионах империи. Объединившись с Атталом I, который непрерывно вел борьбу с Ахеем в Малой Азии, он начал с того, что отвоевал у своего двоюродного брата селевкидские владения за Тавром. В результате военных действий, длившихся четыре года, Ахей, окруженный в крепости Сард, своей столицы, был захвачен в 213 году до н. э.: он был подвергнут жестокой казни, которую предусматривали для бунтовщиков ахеменидские традиции. Хотя Аттал использовал эту ситуацию, чтобы восстановить свое царство, Антиох достиг своей главной цели в Антиохии. Тогда он обратился к своим восточным провинциям, в которые рассчитывал вернуть власть Селевкидов, чего не смог сделать его отец Селевк II.

Так, в 212 году до н. э. начался долгий поход в восточные сатрапии, названный «Анабасисом»¹, то есть экспедицией вглубь континента. Первым делом Антиох отправился в Армению, платившую дань Селевкидской империи, где собрал недоимки с местных династов. Затем он достиг Мидии, где собрал большую армию в Экбатанах: чтобы покрыть все свои расходы, он не остановился перед разорением храма местного божества; это был опасный шаг, ставший для него позже роковым. В 209 году до н. э. царь перешел через Ворота Каспия и двинулся в Парфию, вынудив ее царя Арсака II заключить с ним союз. Отправившись дальше на восток, он отвоевал Бактрию, где Диодот II был смещен новым греческим династом Эвтидемом, который расширил свои владения на юг, присоединив к ним провинцию Арейю. Молодое бактрийское государство казалось вполне крепким и чеканило серебряную монету с изображением Эвтидема. Существование коренного населения и греко-македонских колонистов здесь реализовывалось лучше, чем в других местах: Эвтидем имел в своей

¹ Анабасис (греч.) — «восхождение», военный поход из низменной местности в более возвышенную.

армии многочисленную конницу — в десять тысяч коней, оседланных преимущественно азиатами. Он поджидал Антиоха на берегах реки Ариос, но был вынужден бежать в Бактры, свою столицу, где оказался блокирован — долгой двухлетней осаде не удалось склонить город к капитуляции: опасность кочевников из Центральной Азии ослабила тылы осаждавших. Поэтому Антиох вошел в соглашение с Эвтидемом, оставил ему царский титул и заключил с ним союзнический договор. Так официально было признано Греко-Бактрийское государство, и Антиох продолжил свой поход за Гиндукуш, к крайним провинциям прежней империи Александра, которыми теперь владел индийский правитель. Этот последний дружелюбно принял Антиоха, дал ему 115 боевых слонов и значительную сумму серебром. Довольный этими результатами, царь отправился в обратный путь через Арахосию, Дрангиану и Карманию, в которой провел зиму 206/205 года до н. э. Из Кармании он вышел к Персидскому заливу и достиг города Герры — порта на аравийском побережье за Бахрейнскими островами. Здесь он получил в большом количестве серебро, ладан и мирру, затем с этими дарами прибыл в Месопотамию и свою столицу Селевкию на Тигре. «Анабасис» длился семь лет.

Этот «вооруженный обход» глубинных территорий Азии был впечатляющим: с полным правом Антиоха после его возвращения стали называть Великим. Он погасил попытку мятежа и восстановил в далеких землях Парфии и Бактрии свою номинальную власть в виде союзнического договора; он появился в восточной Арахосии, покинутой Селевком около века назад; он повторил путь Кратера, возвращавшегося из Индии, с востока империи, через Дрангиану, Гедросию, Карманию, укрепив, таким образом, их связи с центральной властью; он, как и Александр, пересек Персидский залив. В этих походах он продемонстрировал свою смелость, последовательность целей и осмотрительность. Со времен основателя династии у Селевкидской империи не было подобного правителя.

* * *

В то время как Антиох, овеянный славой своего «Анабасиса», возвращал себе Сирию, а Филипп V благодаря мирному договору в Фенике избежал столкновения с Римом, — Лагидская

империя, ослабленная, как мы видели, после победы при Рафии, переживала серьезный кризис, связанный с преждевременной смертью Птолемея IV Филадельфа в 204 году до н. э. Его наследнику, юному Птолемею V, прозванному Эпифаном, было всего пять лет. Его мать Арсиноя, сестра и супруга Филадельфа (это был такой же кровосмесительный брак, как и у Филадельфа), была изгнана царем несколькими годами ранее по наущению Сосибия. Чтобы не допустить ее регентства на время малолетства ее сына, Сосибий и его доверенные люди убили ее и некоторое время скрывали смерть Филадельфа. Но вскоре умер сам Сосибий, бывший уже в преклонном возрасте, и управление государством стало предметом межклановых споров. Эта весьма беспокойная обстановка давала Антиоху возможность действовать, которую он мог упустить: не пора ли было отомстить за свое поражение при Рафии? Поскольку Филипп V, со своей стороны, стремился восстановить свои позиции в Эгейском море, оба государя в соответствии с традицией дружественных отношений, которые связывали два рода, зимой 203/202 года до н. э. заключили соглашение, которое предусматривало раздел лагидских владений: Антиоху должна была достаться Келесирия и Кипр, а Филиппу — Кикладские острова, Иония с Самосом, Кария и Кирена. Наши источники не указывают определенно, кому предназначался сам Египет. Этот план, призванный разрушить империю, правителем которой был ребенок, Полибий назвал разбойничьим. Во всяком случае, он разоблачал намерения двух его сторон.

Антиох развернул войну в Сирии — пятую — в 202 году до н. э. После ряда удач победа при Панионе, в верховьях Иордана, в 200 году до н. э. позволила ему занять всю провинцию до египетских границ; он немедленно включил ее в общую систему администрирования своей империи, установив там власть стратега. В свою очередь Филипп V начал атаковать разные греческие полисы в Пропонтиде и в Черноморских проливах; эти операции встревожили не только родосцев, которые вели торговлю в этом секторе, но и, естественно, Аттала I. Затем в 201 году до н. э., построив сильный флот, он занял несколько Кикладских островов и осадил Самос, находившийся под защитой Лагидов. Тут вмешался Родос и выслал эскадру, которую Филипп разгромил у Лады — маленького острова возле Милета. Этот успех позволил

ему занять Милет, еще одно лагидское владение. Тогда против него образовалась коалиция, куда вошли Родос, Византий, Хиос, а также Аттал I. Филипп разорил территорию Пергама, но не сумел взять город и потерпел поражение на море у Хиоса. Затем он двинулся в Карию, где разместился на зимние квартиры в конце 201 года до н. э.

Именно тогда вмешался Рим, призванный одновременно Атталом и родосцами, стремившимися остановить продвижение честолюбивого царя, который серьезно угрожал обоюдным интересам. Вторая Пуническая война только что завершилась триумфом римской армии, и республиканские силы были готовы для новых свершений. Хотя Филипп V почти не соблюдал союзнический договор, который он заключил в свое время с Ганнибалом, сенат был зол на него. Чуть раньше правительство лагидского Египта, сформировавшееся после смерти Филадельфа, тоже прислало в Рим посольство. Чтобы ответить на эти призывы и следить за развитием событий на Востоке, сенат в 200 году до н. э. отправил в этот регион трех послов. Они прошли через Афины, которые уже вступили в войну с Филиппом, вернувшимся из Карии: афиняне, еще недавно исключившие из своей административной системы две «македонские» филы — Антигонидов и Деметриадов, учрежденные веком ранее, воспользовались поддержкой Аттала I, в честь которого создали филу Атталидов, а также помощью родосского флота. Римские послы потребовали от Филиппа «не воевать ни с каким греческим народом» и признать претензии царя Пергама. Филипп проигнорировал это и начал новые военные действия во Фракии и в Черноморских проливах, в частности осадил город Абидос на азиатском побережье Геллеспонта. Один из римских легатов прибыл тогда с Родоса, чтобы объявить ему об условиях сената, которые были дополнены новыми требованиями — не затрагивать лагидских интересов на севере Эгейского моря и возместить ущерб, причиненный родосцам. Народ в Риме уже объявил Филиппу войну, и два легиона высадились в Аполлонии Илирийской, когда посольство, отправленное на Восток, прибыло к Антиоху, завоевателю Сирии, чтобы призвать его не трогать Египет, что он и сделал. Тит Ливий, писавший свою «Историю» два века спустя после этих событий, представляет начавшуюся 2-ю Македонскую войну как

прямое продолжение первой, которая была вынужденно прервана из-за необходимости борьбы с Ганнибалом. Даже если эта точка зрения *a posteriori* и основана в излишнем упрощении, понятно, что, по крайней мере для части правящих кругов Рима, республика считала себя теперь правомочной вмешиваться непосредственно в дела Востока и сохранять определенное равновесие между эллинистическими государствами. Армия и флот, разгромившие Карфаген, в этой политике вмешательства, если не экспансионизма, нашли достойное себе применение. Ветераны Пунической войны и политики, стремившиеся к командным должностям, также были заинтересованы в этой новой войне. Рим играл теперь ведущую роль в греческом мире.

В этой 2-й Македонской войне Филипп, которого не поддержал Антиох, оказался практически один на один со своими противниками. Эллинский союз отныне перестал существовать: участники Ахейского союза в большинстве своем после непродолжительного наблюдения за ходом событий перешли во враждебный лагерь, отчасти из-за нападения Филиппа на спартанского тирана Набиса. Рим рассчитывал на поддержку родосцев и Аттала, чьи эскадры, соединенные с римским флотом, контролировали Эгейское море; на суше этолийцы были более медлительны, зато варварские народы Иллирии и балканских стран были готовы воспользоваться ситуацией, чтобы напасть на Македонию. Филипп V успешно противостоял этой разномастной коалиции в течение двух лет: римским полководцам не удавалось перейти за хребты Пинда. Все изменилось в 198 году до н. э., когда был избран консулом и отправлен в Иллирию в качестве главнокомандующего тридцатилетний Тит Квинкций Фламинин. Честолюбивый, умный, энергичный и в то же время искренне симпатизирующий Греции и ее культуре, он предъявил новые требования сената — более жесткие, чем те, что были сформулированы в Абидосу: от Филиппа требовали вывести свои войска из всех греческих полисов, где он держал гарнизоны, и даже покинуть Фессалию, которая практически стала неотъемлемой частью Македонии еще 150 лет назад. Это должно было оживить в греках их былой дух независимости и их ненависть к македонской власти. Филипп не смог подчиниться — и Фламинин возобновил военные действия с еще большей напористостью. Он прорвал оборону

в верховьях реки Аой, захватил Фессалию и, пройдя через Центральную Грецию, достиг Истма, где воссоединился со своим флотом, которым командовал его брат Луций и который находился в Кенкреях — коринфском порту в Сароническом заливе. В следующем году ставший проконсулом Фламинин смог лишить Филиппа его последних союзников — тирана Набиса в Спарте и беотийцев — и перешел в наступление на Фессалию. Здесь в июне 197 года до н. э. к северу от Лариссы римские легионы и македонская фаланга впервые столкнулись друг с другом у подножия холмов Киноскефалы («собачьи головы»). Согласно Полибию, большая маневренность римской пехоты оказалась решающим фактором. В это же время ахейцы заняли Коринф, а родосцы вернули себе территории в Карию, которые у них отобрали Досон и Филипп V. Эта серия неудач вкупе с поражением при Киноскефалах вынудила царя просить о мире. Поскольку в то же время деятельность Антиоха III в Малой Азии требовала внимания Фламинина, он решил отказаться от дальнейших военных действий и вступить в переговоры.

Условия этого мира были суровы. Филипп принял то, от чего отказался не так давно как от неприемлемого: он согласился вывести войска из всех своих владений и крепостей в Греции, включая Фессалию и «преграды», и в Малой Азии и отдать военный флот. Македонское государство сохранялось с правом иметь армию для защиты от варваров с севера. Наконец, союз с Римом предоставлял победителю право контролировать внешнюю политику царства. На притязания этолийцев, требовавших территориальных компенсаций (в данном случае возвращения Этолийскому союзу полисов, занятых Филиппом и до того бывших частью союза), Фламинин ответил, что это должен решать сенат: сенатская комиссия, отправленная с этой целью, получила указание «упрочить свободу греков» как в Европе, так и в Азии. Во время Истмийских игр 196 года до н. э., на которые собиралась огромная всеэллинская аудитория, Фламинин торжественно провозгласил, что римский сенат и он сам оставляют народы, находившиеся в подчинении у Македонии, «свободными как от военной оккупации, так и от выплаты дани, и предоставляют им право вести свое управление по законам предков». Толпа, охваченная неистовым восторгом, провозгласила Фламинина своим освободителем.

Многие города оказали ему почести и воздвигли ему статуи, эпиграфические свидетельства о которых дошли до нас. В честь его победы в Греции были отчеканены монеты (не известно точно, в каком полисе). Он был изображен на одной из сторон статера, где обычно можно было увидеть лик бога или государя, — небывалая честь для римлянина.

В действительности «свобода греков» была реализована не повсеместно: царю Пергама Эвмену II, наследовавшему своему отцу, который умер в 197 году до н. э., был оставлен остров Эгина, который ему когда-то передали этолийцы, получив его от римлян во время 1-й Македонской войны. От родосцев поостереглись требовать освобождения греческих полисов, которыми они овладели в Карию. Еще два года римские войска оставались в Греции. Они приняли участие в короткой, но жестокой войне между Ахейским союзом, которому помогали контингенты союзников, и спартанским тираном Набисом, отказавшимся вывести войска из Аргоса, который ему поручил охранять Филипп. Набис, укрепивший свою армию за счет массового освобождения илотов, вынужден был уступить. Аргос, ставший, таким образом, свободным, выразил свою благодарность Титу Фламинину учреждением игр, которые были названы в его честь *Titeia*, «играми Тита». Наконец летом 194 года до н. э. римляне возвратились в Италию, после того как Фламинин собрал последний эллинский конгресс в Коринфе. Во время триумфа, отмечавшего возвращение проконсула, были продемонстрированы картины, статуи и драгоценности, захваченные его солдатами в качестве добычи: первый пример тех грабежей, которые станут частым явлением в последующие века и сделают Рим городом-музеем трофеев из Греции. Тем не менее в этом не было ничего противоречащего античным законам войны. Но эти шедевры и богатства ожидало совсем другое предназначение: они покинули греческий мир, чтобы оплодотворить цивилизацию другого народа.

* * *

Если Фламинин, возможно, и полагал, покидая в 194 году до н. э. Грецию, что оставляет за собой свободную и умиротворенную страну, то иллюзия эта вскоре развеялась. Антиох III,

укрепив свои тылы завоеванием Келесирии, принял решение продолжать свою отвоевательную деятельность на всем протяжении империи своего предка Селевка I, чтобы восстановить и по возможности расширить еще больше селевкидские владения в Анатолии и даже во Фракии, куда Селевк вошел после смерти Лисимаха. Этот план неизбежно вел царя к конфликту с Пергамом, который аннексировал селевкидские территории во время мятежа Ахея, с родосцами, владения которых на противоположном материковом побережье (так называемый родосский Перей) были заняты Филиппом V и которые рассчитывали вернуть их, и, наконец, с более или менее независимыми греческими полисами на побережье Эгейского моря и Пропонтиды. Силы Антиоха, который располагал закаленной армией, включавшей в себя конницу и слонов, и недавно восстановленным флотом, давали ему шанс при благоприятных обстоятельствах победить этих противников. Окруженный славой своего Анабасиса и своей победы над лагидским Египтом, он казался тогда, как пишет Полибий, «достойным править не только Азией, но также Европой». В 197 году до н. э. он двинулся на север через Малую Азию, в то время как его флот следовал вдоль южного побережья, захватывая лагидские опорные пункты в этом регионе, затем поднялся вдоль Ионии, где с ним заключил союз Эфес, и достиг Черноморских проливов: в 196 году до н. э. Антиох занялся восстановлением порядка в Лисимахии (в Херсонесе Фракийском). Абидос, расположенный на азиатском побережье Дарданелл и практически освобожденный от македонского присутствия, попал теперь под селевкидское влияние. Но соседний полис Лампсак, как и Смирна в Ионии, отказался покориться и обратился за помощью к Риму, используя посредником между собой и сенатом Массалию¹: общие корни обоих полисов, связанных с Фокеей, давали Лампсаку право прибегнуть к помощи этой греческой колонии в Провансе. Рим, со своей стороны, потребовал от Антиоха не вводить свою армию в Европу и не покушаться на свободу полисов в Азии. Царь проигнорировал это обращение и заключил мирный договор с Птолемеем V Эпифаном,

¹ Массалия (современный Марсель) — колония, основанная, так же как и Лампсак на азиатском берегу Пропонтиды, переселенцами ионийского торгового города Фокея.

который к тому времени достиг своего совершеннолетия и женился на дочери Антиоха — Клеопатре. Лагидская империя была уменьшена и включала в себя, помимо Египта, Киренаику и Кипр, а также опорные пункты на Фере (Санторин) и на востоке Крита. Это положило конец столетнему господству царства Птолемеев в Эгейском море. Отныне в Восточном Средиземноморье оно играло лишь второстепенную роль.

Тем временем Антиох принял Ганнибала, который был выслан из Карфагена и стал в какой-то мере его советником, хотя, впрочем, царь не считал уместным следовать его советам. Со своей стороны пергамский царь Эвмен II продолжал ходатайствовать перед римлянами о защите от вторжений Селевкидов. Наконец, в Греции Этолийский союз, недовольный слишком малой выгодой, которую он получил в результате 2-й Македонской войны, создавал против Рима коалицию греческих государств: ему не удалось добиться поддержки Филиппа V, который по понятным причинам оставался верен союзу с Римом, но спартанский тиран Набис дал себя убедить, на свое несчастье — потому что этолийцы из опасений убили его. После чего они на свою беду обратились к Антиоху, предлагая ему титул стратега «со всеми полномочиями» — *автократа*. Царь согласился и в октябре 191 года до н. э. высадился в Деметрии, недавно отвоеванной этолийцами, с незначительными силами: с десятью тысячами солдат и только с шестью слонами. Этого, конечно же, было мало для большой войны, к тому же сторонниками Рима являлись Ахейский союз и Филипп V, тогда как к этолийцам присоединились только элейцы и беотийцы. Когда в 191 году до н. э. римская армия начала наступление, она легко оттеснила Антиоха к Фермопилам, в которых тот не смог удержаться: ему пришлось вернуться в Халкиду с остатками своей армии. После его ухода этолийцы вынуждены были просить о заключении мира, тогда как ахейцы воспользовались обстоятельствами, чтобы присоединить к своему союзу оставшуюся часть Пелопоннеса, а Филипп снова получил многие полисы, в том числе Деметрию и несколько участков на фессалийской границе. Когда военные действия прекратились в Греции, они возобновились в Эгейском море, где эскадры Рима, Родоса и Пергама совместными усилиями в следующем году разгромили селевкидский флот.

Антиоху пришлось покинуть Фракию и просить о заключении мира. Но условия римлян были таковы, что он не мог их принять: ему оставалось ждать нападения римских легионов на Анатолию. Ими командовал консул Луций Корнелий Сципион, которого сопровождал и которому был советником его старший брат Публий — победитель Ганнибала, прославленный Сципион Африканский. Они соединились с Эвменом II, чья столица Пергам отразила все селевкидские атаки, и зимой 190/189 года до н. э. встретились с армией Антиоха в открытом бою на реке Герм, возле Магнесии, у горы Сипила. Бесплезные в этих условиях селевкидские колесницы, конница и слоны, несмотря на численное превосходство в два раза, не смогли поколебать легионеров, поддержанных конницей Эвмена. Тит Ливий пишет, что это была настоящая резня: четыреста человек было убито со стороны римлян и пятьдесят тысяч потерял Антиох — что мало похоже на правду. В любом случае, бой был решающим. В Сардах было заключено перемирие, и после долгих переговоров в 188 году до н. э. в Апамее (в Сирии) был подписан мирный договор. Тем не менее преемник Сципиона, консул Гней Манлий Вулсон, повел свои легионы в юго-западные провинции Малой Азии, затем — против галатов на их территориях во Фригии, которую беспощадно разорил в наказание за неоднократные набеги этих воинственных племен на соседние земли: этой карательной операцией римляне заслужили благодарность анатолийского населения. Но Тит Ливий обвиняет Манлия в том, что он, как наемник, служил интересам царя Пергама. После этой кампании консул привез в Рим богатейшие трофеи, которые способствовали пробуждению в римском обществе тяги к роскоши.

Судьба Этолийского союза в Греции была решена в 189 году до н. э. договором, который диктовал союзу суровые условия: Дельфийская амфикистия отныне окончательно теряла свою власть. Рим занимал ионические острова Кефалению и Закинф, которые вместе с островом Керкирой служили базами для его флота, контролировавшего западное побережье Греции и выход в Адриатическое море. Что касается Малой Азии, решение по ней было оформлено Апамейским мирным договором, положения которого нам известны в деталях. Больше всего от римской победы выиграл

пергамский царь Эвмен II, которому передавались главные селевкидские владения в Анатолии к северу от Тавра, а также Херсонес Фракийский и прилегающее побережье Пропонтиды. Родос получал Ликию и Карию до течения Меандра. Большинство независимых греческих полисов провозглашались свободными, кроме Эфеса, который подчинялся Эвмену. Антиох терял все свои владения в Европе, в Эгейском море, в Анатолии за Тавром и к западу от реки Галис. Он отдавал своих боевых слонов и свой флот, оставляя у себя только десять судов, которые не могли заходить в воды западнее Киликии. Он обязывался не заключать никаких союзов на западе своего царства, выдать врагов Рима (но Ганнибалу удалось бежать) и выплатить огромную контрибуцию в пятнадцать тысяч талантов. Разумеется, селевкидская монархия не была уничтожена, но теперь она лишалась большей части Малой Азии, теряла выход к Эгейскому морю, оттеснялась к своим сирийским владениям и бескрайним территориям в Месопотамии и Иране. Это коренным образом изменяло перспективы ее политического развития. Наконец, судьба отнятых у Селевкида регионов решалась исключительно Римом, который на свое усмотрение объявлял их свободными либо отданными другим государствам. Республика, бесспорно, становилась отныне верховным арбитром в политике Азии, каковым она выступала в Греции. Каких-нибудь десять лет спустя эта власть чувствовала себя в Восточном Средиземноморье полноправным хозяином и самодержавно разрешала споры между монархиями и полисами. Именно в Рим, в далекую Италию, варварскую страну, посланцы греческих государств, а иногда и правители, например Эвмен, приезжали сносить расположение сената, задоблив прежде его представителей на местах. Конечно, после Апамейского мира Рим вывел с Востока свои легионы и оставил только аванпосты на своих морских базах на Ионийских островах. Тем не менее он продолжал там присутствовать по условиям договоров, которые он заключил или навязал, посредством поручительств, которые он принял, посредством угроз, которые он адресовал непокорным. Эллинистическая история в связи со столь глубокими и стремительными переменами становится главным образом историей отношений эллинистических государств с Римом и постепенного римского завоевания Востока.

* * *

Главные герои двойной драмы, которая разыгралась в первое десятилетие II века до н. э., в скором времени сошли со сцены. Фламинин после своей миссии в 192 году до н. э. вернулся в Грецию только один раз — в 183-м ради менее значительного дела. Сципионы были призваны в Италию в 189 году до н. э. в связи с окончанием срока консульства Луция — младшего из братьев. Антиох III трагически погиб на следующий год после заключения Апамейского договора (187). Чтобы пополнить свою казну, истощенную войной, поражением и особенно тяжелой ежегодной контрибуцией, которую должен был выплачивать Риму (тысяча талантов в год до покрытия общей суммы в пятнадцать тысяч талантов), Антиох искал деньги везде, где только было можно: он попытался присвоить сокровища местного храма в Элимаиде (персидская провинция к югу от Суз), проделав такое уже однажды в мидийских Экбатанах, но был убит разгневанным народом. Печальный конец великого царя! Его старший сын Антиох умер несколькими годами ранее, и наследником стал младший сын — Селевк IV, прозванный Филопатором: прежде всего он должен был найти средства для погашения военного долга. Филопомен, долгое время направлявший политику Ахейского союза, столкнулся с мятежом Спарты против союза, участником которого она была. Он подавил мятеж в 188 году до н. э., занял город, снес его стены и упразднил социальные реформы, благодаря которым тиран Набис получил поддержку илотов и бедняков. Чуть позже, когда Мессения в свою очередь пожелала отделиться, Филопомен попытался ей помешать; но, схваченный мессенцами, он был убит ими в тюрьме в 183 году до н. э. — так погиб «последний эллин».

Филипп V, побежденный при Кеноскефаллах, продолжал упорно и осмотрительно готовиться к возможному реваншу и уж во всяком случае к восстановлению мощи Македонии. Мы видели, как он воспользовался войной против Антиоха, чтобы вернуть себе некоторые позиции в Фессалии. Но кроме того, он реорганизовал финансовую систему своего государства введением новых налогов и усиленной эксплуатацией рудников, в которых добывался драгоценный металл для производства денег; он попытался также восполнить человеческие потери Македонии с помощью

мер, благоприятствующих росту рождаемости. Но враждебность фессалийцев и Эвмена Пергамского разжигала недоверие к нему со стороны сената. Так, например, в 183 году до н. э. прибыло посольство, сопровождаемое Фламинином, чтобы принудить его освободить два города на фракийском побережье — Маронию и Эйон, которые были заняты им во время войны с Антиохом. Зато Филипп получил свободу действий, когда со 184 по 181 год до н. э. предпринял несколько экспедиций во Фракию против воинственных племен региона, угрожавших Византию и Македонии. Его последние годы были омрачены разладом между двумя его сыновьями: хотя старшему, Персею, по самому рождению предназначено было стать преемником отца, младший, Деметрий, составлял ему возможную конкуренцию, опираясь на Рим, с которым у него завязались отношения, когда он находился там в качестве заложника после битвы при Киноскефаллах, и позже, когда прибыл туда с посольством от отца. Чтобы избежать соперничества, грозившего расколоть македонцев и не допустить после своей смерти смуты, Филипп покорился необходимости убить Деметрия. Эта семейная трагедия потрясла современников и много раз упоминалась в античной историографии. Вскоре после этой драмы, летом 179 года до н. э., Филипп V умер сам в возрасте пятидесяти девяти лет.

Эвмен II, царь Пергама, больше других выигравший от своей дружбы с Римом, теперь стал самым могущественным правителем в Малой Азии. Однако у него возник конфликт с соседом — царем Вифинии Прусием I, из-за территории к северу от Фригии, право на которую Эвмен отстаивал с согласия Рима и которую царь Вифинии отказывался уступать. Прусий предоставил убежище Ганнибалу, когда тот бежал из Сирии. После безрезультатных столкновений обе стороны договорились обратиться к Риму, который разрешил вопрос в пользу Эвмена и к тому же потребовал от Прусии выдать Ганнибала, но тот покончил с собой (183). За этим последовал новый конфликт — с царем Понта Фарнаком I, который стремился распространить свою власть на Каппадокию и в то же время атаковал греческие полисы на Черном море: Синопу, которая находилась внутри его провинций, Месембрию — на западном побережье Понта Эвксинского (на территории сегодняшней Болгарии) и Херсонес — на южном побережье Крымского

полуострова. После этого Понтийское царство нацелилось на греческие колонии Херсонеса Таврического, где оно утвердилось позже, при Митридате Эвпаторе. Однако Фарнак вынужден был отказаться от этого плана из-за нового вмешательства Рима, которое привело к заключению мира. Царь Понта сохранил только Синопу, завоевание которой было крайне важно для этого варварского государства, которое до сих пор не имело ни одного крупного полиса: Фарнак сделал ее своей столицей. Началась эллинизация этого региона.

В этот период, около 180 года до н. э., процветание Пергама достигло своего пика. Эвмен, благодаря своим недавним завоеваниям и своему соглашению с Римом, оказался хозяином Анатолии: его выступление против Фарнака стало открытой демонстрацией этого, потому что Эвмен не имел прямого отношения к этому конфликту — разве что он находился в альянсе с Каппадокией. Эвмен господствовал в регионе Черноморских проливов, на ионийском побережье Эгейского моря (за исключением свободных полисов) и во всей центральной части Малой Азии с выходом на южное побережье Памфилии. Эти обширные смежные территории являлись источником богатств, которые Эвмен использовал для украшения своей столицы: в это время сооружается знаменитый храм Зевса, чтобы увековечить память о новой победоносной кампании против галатов и своей пышностью символизировать процветание царства, подобно тому как в эпоху Перикла возведение Парфенона возгласило о величии Афин.

Когда Персей после смерти своего отца Филиппа в 179 году до н. э. взял власть в Македонии, ему было почти тридцать два года. Он носил славное имя предка Геракла, к которому македонский царский род возводил свое происхождение. Он обладал умом, обаянием, упорством; возможно, ему не хватало храбрости в эпоху великих испытаний. Монеты сохранили для нас его изображение: своими утонченными чертами он напоминает отца, только в нем меньше твердости и природной властности — больше изящества, чем силы. Придя к власти, он смягчил некоторые пункты отцовской политики, амнистировав изгнанных и отменив долги. Более или менее успешно он пытался возродить добрые отношения с некоторыми греческими государствами. Он снова получил влияние внутри Дельфийской амфикионии и без колебаний

прибыл в Дельфы во время Пифийских игр 174 года до н. э. вместе с армией. Во внутренних конфликтах, которые долгое время раздирали многие греческие полисы, он придерживался линии своего отца, помогая при удобном случае сторонникам социально опасных мер в ущерб консервативным собственникам. Это как нельзя лучше демонстрировало, что политика государей определялась их сиюминутными интересами, а не идеологическими предпочтениями. Вне Греции он возобновил традицию династических браков, взяв в жены сестру Селевка IV Лаодику и выдав собственную сестру за царя Вифинии Прусия II. Он также пытался наладить отношения с родосцами. Таким образом, была налажена система политических и личных связей между Македонией, восставленной Филиппом V ценой многолетних усилий, и многими монархическими государствами и греческими полисами.

Рим наблюдал за этой разносторонней деятельностью, принимавшей зачастую, как это было с Дельфами, провокационный характер. В свою очередь Эвмен Пергамский, старый противник Македонии, опасался за свои владения во Фракии и в районе Черноморских проливов и, ревнуя к растущей популярности Персея в Элладе, лично прибыл в Рим в 172 году до н. э. и предстал перед сенатом с длинной речью, в которой обвинял македонского царя в неисполнении обязательств мирного договора, подписанного Филиппом и подтвержденного самим Персеем в 178 году до н. э. Он подробно описал опасности, которые сулило восстановление военной мощи Македонии, и дал понять, что действиями Персея движет скрытое намерение вторгнуться в Италию. Тит Ливий, пересказывающий эту речь, подчеркивает, как она потрясла сенат. Досадный инцидент усилил эффект этих горячих обвинений: возвращаясь в Пергам через Дельфы, Эвмен чуть не был убит. В этом неудавшемся покушении видели руку царя Македонии, пытавшегося уничтожить лучшего друга Рима на Востоке: это было слишком, и Рим принял решение о новой войне — против Персея.

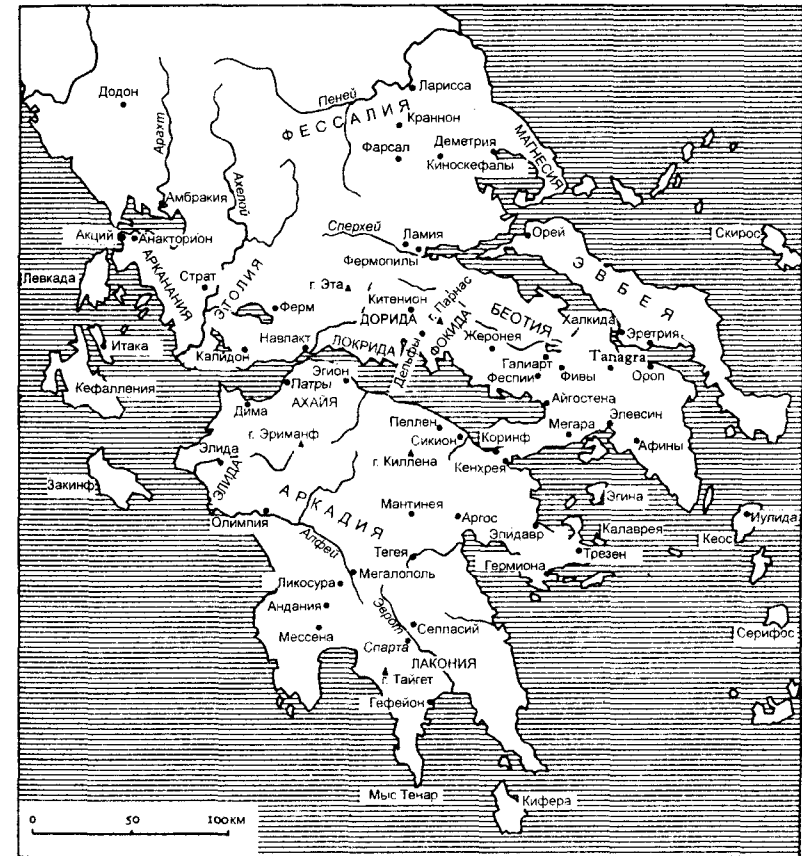
После безуспешных переговоров весной 171 года до н. э. началась 3-я Македонская война. В течение двух лет римские военачальники без ощутимых результатов вели боевые действия в Фессалии. В 169 году до н. э. консулу Квинту Марциу Филиппу удалось проникнуть в Македонию, перейдя Олимп, но его тылам угрожали иллирийцы, которых необходимо было разгромить,

прежде чем продолжать войну в Македонии. Персей удерживал сильные позиции на берегах небольшой реки Энипей. В то время как родосцы тщетно пытались выступить посредником между двумя противниками, Рим в 168 году до н. э. поручил ведение войны новому консулу — Луцию Эмилию Павлу. В «Истории» Тита Ливия (книги XLIV—XLV) дан портрет этого выдающегося человека, одного из самых значительных и благородных деятелей, упоминаемых этим великим писателем. Это был волевой человек, умный и образованный, энергичный и опытный полководец, одно присутствие которого изменило ситуацию. Он укрепил дисциплину, снижал доверие солдат, смог развеять их суеверия, объяснив естественные причины затмения. На поле боя он показал себя умелым тактиком, обойдя укрепления македонян на Энипее и тем самым вынудив Персея отступить на север. Вследствие совершенно непредвиденного столкновения, спровоцированного проскакавшим конем, к югу от Пидны произошло сражение¹, которое довольно быстро привело к поражению македонской армии. Благодаря лунному затмению мы можем установить точную дату этого решающего сражения — 22 июня 168 года до н. э. К вечеру легионы полностью разгромили противника, который потерял более двадцати тысяч человек против примерно сотни убитых в рядах римлян. Эмилий Павел, будучи филэллином, увековечил эту победу возведением своей статуи на монументальном постаменте в Дельфийском святилище: барельефы на нем воспроизводят сцены битвы. Персей бежал до реки Стримон, в Амфиполь, а оттуда — на Самофракий. Там, видя безнадежность своего положения, он сдался Эмилию Павлу. Вместе со своим сыном, тоже плененным, ему предстояло проследовать в триумфальном кортеже своего победителя, после чего он был подло убит в тюрьме в Италии. Так, резней и позором закончилась история династия Антигонидов, погибшая вместе с первой из великих эллинистических монархий.

¹ Как сообщает Плутарх, Эмилий Павел выстроил свои войска к бою и стал ждать, когда солнце начнет клониться к закату, чтобы его лучи не били римлянам в глаза. «Бой начался уже под вечер по почину врагов и, как сообщают иные, благодаря хитрой выдумке Эмилия: римляне выпустили на македонян невзнузданного коня, те погнались за ним, и началась первая стычка» (Плутарх. Жизнеописание Эмилия Павла. Перевод С. П. Маркиша).

Македония, целиком занятая римскими легионами, была полностью реорганизована сенатской комиссией из десяти человек, которая размещалась в Амфиполе. Страна была разделена на четыре автономные республики, которые назывались округами, с четырьмя столицами: Пелла — на древней Македонской равнине от Олимпа до реки Акси́й (Вардар), Пелагония — в горных районах на севере, Фессалоники — в регионе между Акси́ем и Стримоном и, наконец, Амфиполь — в области между Стримонном и Нестом. Каждый округ имел собственную администрацию с ежегодно меняющимися магистратами. Монархия была упразднена, никаких федеративных связей между этими округами, население которых было единой нацией, не существовало. Округа не имели права вести между собой торговлю, а их граждане не могли заключать браки с жителями других округов. Единой монеты не было, и каждый округ выпускал собственные деньги. Эксплуатация золотых и серебряных месторождений в районе Пангея¹, около Амфиполя, была запрещена, как и вырубка леса для строительства кораблей и импорт соли, возможно, потому, что на Македонской равнине располагались солончаки и продажа продукта их выработки способствовала бы установлению экономических связей с другими округами. Одним словом, было предусмотрено все, чтобы македонский народ, сильный своим этническим единством и монархической традицией, лишившись того и другого, утратил бы всякую возможность когда-либо вновь стать активным участником политической жизни на греческом Востоке.

Естественно, некоторые принадлежавшие Персею территории и города за пределами Македонии были либо объявлены независимыми (как, например, Магнесия с городом Деметрией, или полисы на фракийском побережье Эгейского моря — Абдеры, Марония, Энос), либо возвращены их старым владельцам. Урегулирование отношений между участниками и противниками альянса с римлянами затронуло такие государства, как Этолия и Ахайя. Множество ахейцев, подозреваемых во враждебности к Риму, были высланы в Италию: среди них находился историк Полибий и его отец, который был заметной личностью в Мегалополе, крупном

5. Эллада в эллинистическую эпоху

¹ Пангей — горная цепь в Македонии на границе с Фракией, к востоку от устья Стримона.

аркадском полисе, входившем в Ахейский союз. Полибию в то время было чуть более тридцати лет: благодаря дружеским отношениям с Эмилием Павлом и его сыном Сципионом Эмилианом он провел свое изгнание в Риме в тесном общении с правящими республиканскими кругами и получил, таким образом, информацию и опыт, сформировавшие его взгляд на историю. Наибольшему притеснению подвергся Эпир, который в 170 году до н. э. присоединился, по крайней мере частично, к Персею: римская армия сожгла и razорила семьдесят городов и поселений, жители которых (в целом около ста пятидесяти тысяч человек) были проданы в рабство. Зато Афины добились, чтобы им были переданы острова Скирос, Лемнос и Имброс на севере Эгейского моря, поскольку раньше на них располагались афинские военные колонии (*клерухии*). Афины получили также Галиарт (в Беотии) и остров Делос в Кикладских островах, который они потеряли сто пятьдесят лет назад. Делос при этом был провозглашен беспопыльным портом, благодаря чему туда переместилась существенная доля морской торговли в Эгейском море. Возможно, эта мера нужна была для того, чтобы нанести удар по процветающему порту Родоса, до сих пор бывшему главным торговым пунктом Восточного Средиземноморья. Нельзя сказать с уверенностью, что это была преследуемая цель, но родосцы действительно пострадали от этой конкуренции. Согласно Полибию, их доходы упали с миллиона драхм в год до ста пятидесяти тысяч драхм. Неизменно поддерживавшие Рим в последних войнах, теперь они с трудом и неохотой играли роль посредника. Это разгневало сенат, и он заставил родосцев покинуть территории на азиатской части континента, доставшиеся им по Апамейскому договору в Карию и Ликию; только после этого родосцы получили расположение римлян. Их пример прекрасно продемонстрировал, что это расположение было для греческих полисов формой зависимости.

* * *

За тридцать лет 2-я и 3-я Македонские войны полностью изменили ситуацию в Восточном Средиземноморье. Негреческое государство, с которым эллинистические монархи и полисы до сих пор имели лишь случайные отношения и которое находилось

в совсем другом географическом секторе, вмешалось в их политику и, благодаря своей военной мощи и внутренней раздробленности греческого мира, стало отныне в нем хозяйничать, и делало это так активно, что уничтожило древнейшее из трех великих царств и династию, которая больше других могла гордиться верностью традициям Филиппа и Александра. Полвека, прошедшие после сражения при Пидне, полностью раскрыли последствия этого нового фактора: в то время как в других крупных монархиях — селевкидской и лагидской — начался стремительный процесс упадка, во многом спровоцированный раздорами между ними, превосходство Рима над остальным эллинистическим миром все более усиливалось и завершилось прямым управлением и превращением Македонии, Греции и Пергамского царства в римские провинции. Определить дату завершения этого периода очень легко — 116 год до н. э.: это год смерти последнего в двух великих династиях государя, имевшего качества государственного деятеля — Птолемея VIII Эвергета II, прозванного Фисконом («толстобрюхий»). После него развитие событий уже было предрешено, и оставалось только наблюдать за агонией умирающих государств и последними этапами завоевания.

Во время 3-й Македонской войны селевкидский царь держался в стороне, несмотря на родственные отношения, которые связывали его с Персеем, чья жена Лаодика была сирийской царевной. Селевк IV в 175 году до н. э. был убит своим министром Гелиодором, которого царь послал в Иерусалим за храмовыми сокровищами, а тот был изгнан из святилища и, как говорили иудеи, выпорот ангелами божьими. Новый царь Антиох IV, брат Селевка, был заложником в Египте, затем обосновался в Афинах. Он достиг Антиохии, пройдя через Малую Азию, где ему оказал помощь Эвмен Пергамский. Он находился в хороших отношениях с Римом, где тем не менее на всякий случай оставался в заложниках его племянник Деметрий, сын Селевка IV. Понимая необходимость сохранить целостность империи, которая хотя и уменьшилась после Апамейского договора, была довольно обширной и разнородной, и желая укрепить уважение к себе как к символу селевкидского единства, Антиох взял себе титул бога Эпифана, то есть «явленного», представшего перед глазами верующих. Он столкнулся с тремя неравнозначными проблемами:

6-я Сирийская война против Египта, восстания в Иудее и беспокорства, доставляемые ему верхними сатрапиями и Ираном.

Шестая Сирийская война была вызвана сложным положением лагидской монархии. Птолемей V Эпифан умер в 180 году до н. э., как говорили, был отравлен, — так завершилось его не особо выдающееся правление, которое, однако, позволило в 186 году до н. э. избежать отпадения Верхнего Египта. Но внутренние трудности продолжали ослаблять авторитет монарха. Его старший сын Птолемей VI Филометор был еще слишком молод, чтобы царствовать, и регентство было передано его матери Клеопатре I, дочери Антиоха III, которая поддерживала дружеские отношения с Сирией, где царствовал ее брат. Но когда в 176 году до н. э. она умерла, Птолемей VI подпал под влияние своих министров, которые явно собирались отвоевать Келесирию. Прекрасно знавший об этих планах Антиох IV был готов дать отпор. В 170 году до н. э. разразилась война, бурно одобренная народом Александрии. Чтобы укрепить царский авторитет, во главе лагидского государства было учерждено троевластие Птолемея VI Филометора, его сестры Клеопатры II, на которой он был женат в соответствии с лагидской традицией кровосмесительных браков, и его младшего брата Птолемея, который позже будет царствовать под именем Птолемея VIII Эвергета II. Но в военных действиях, продолжавшихся до 168 года до н. э., очень быстро обозначилось преимущество Антиоха, который взял Пелузий, открыв тем самым вход в Дельту, и после нелегкой борьбы осадил Александрию. Лагиды призвали на помощь Рим, который отправил посольство во главе с бывшим консулом Гаем Попилием Ленатом, пока селевкидские войска занимали Кипр. Попилий встретился с Антиохом во время осады Александрии в ее пригороде, называвшемся Элевсин. Там он передал царю текст сенатского постановления с требованием покинуть Египет. Когда Антиох выразил желание обсудить это со своим советом, Попилий своим жезлом очертил на земле вокруг царя линию, объявив, что не позволит ему выйти за черту, не получив ответа. Антиох уступил и вывел свои войска из Египта и с Кипра. «Круг Попилия», потрясший современников, остался символом страха, который внушал Рим восточным правителям после победы при Пидне и падения Македонии. Самый сильный из оставшихся

монархов, будучи так близок к решающей победе, склонился перед надменным ультиматумом простого посла сената.

Отказавшись от завоевания Египта, Антиох по возвращении в Сирию должен был подавить еврейское восстание. Евреи Иерусалима уже много лет делились на две основные фракции. Одни перенимали греческие обычаи, не отказываясь тем не менее от веры своих предков; они, например, часто посещали гимнасии, которые символизировали эллинскую культуру. Другие, бескомпромиссно верные своим традициям, считали эти новшества кощунством и назывались *хасидеями*, то есть «благочестивыми». Эта оппозиция обострилась, когда в результате завоевания Келесирии Антиохом III Палестина перешла во владение Селевкидов. В 169 году до н. э. Антиох IV, проходя через Иерусалим, захватил сокровища Храма — без какого-либо вмешательства ангелов на сей раз. В следующем году, возвращаясь из Александрии униженный Попилием, он столкнулся с восстанием народа против первосвященника, обвиненного в филэллизме: Антиох жестоко подавил возмущение, устроив в крепости военное поселение, и перестроил Храм, чтобы отправлять там наряду с культом Яхве другие культы, которые имели своих приверженцев среди смешанного населения нового сообщества: культ Зевса Олимпийца для греков, культ Ваала для неиудейских восточных народов. Установление жертвенника Ваала в храме Яхве, в самом священном месте, было для хасидеев непереносимым позором, или, как сказано в Книге Даниила, «мерзостью запустения». Волнения, охватившие уже деревни, переросли в открытое восстание. Царь в ответ издал эдикт, который предписывал иудеям отказаться от своей религии и своих обрядов, принять греческий культ Зевса Олимпийца и воздавать царствующему повелителю, чья статуя была помещена в Храм рядом со статуей Зевса, установленные почести. Им двигало, по мнению современников, стремление добиться единства империи, чтобы разные народы его царства «стались единым народом, и каждый бы отказался от своего закона» (1-я Мак. 1: 41). Но реализация царского замысла шла насильственным путем, и ортодоксальные иудеи подвергались жестоким гонениям. Сопротивление, возглавленное родом Маккавеев, принесло победу. Антиох Эпифан незадолго до смерти в 164 году до н. э. объявил амнистию и прекратил преследования. Глава восставших, Иуда Маккавей, тем

не менее взял Иерусалим, за исключением крепости, очистил Храм и отстроил заново жертвенный алтарь (164). Через год новый эдикт царя Антиоха V вернул евреям право отправлять свой культ в соответствии с традицией. Конфликт угас, чтобы снова вспыхнуть два года спустя с приходом к власти Деметрия I.

Тем временем Эпифан по примеру своего отца Антиоха задумал посетить восточные регионы империи, положение в которых за двадцать лет ощутимо ухудшилось для селевкидской власти. Царь Бактрии Эвтидем умер в начале века, а его сын Деметрий существенно расширил свои владения, продвинувшись на юг за Гиндукуш — в Паропамисады¹ и Арахосию и, возможно, до самого Инда и даже Ганга. Действительно, тексты не уточняют масштабов и дат этих завоеваний, однако нумизматические свидетельства, хотя и не дающие представления о деталях, подтверждают факт могущества Бактрийского государства в эту эпоху. Это могущество не поколебало вмешательство узурпатора Эвкратиды, который в 170—160 годах до н. э. сместил правящую династию в Бактрии. В это же время в Парфии у власти находился энергичный и предприимчивый царь Митридат I, который начал угрожать северным регионам Ирана, тогда как на юго-востоке Персида вернула себе независимость под властью местных правителей. Такое ухудшение ситуации, когда-то налаженной Антиохом III, призывало Эпифана в свою очередь отправиться в восточные провинции. В 166 году до н. э. он собрал большое войско и, прежде чем выйти из Антиохи, устроил большое празднество в храме Аполлона в Дафне, предместье столицы. Эти торжества невиданной пышности так поразили современников, что они усомнились в психическом здоровье их государя, явно страдающего манией величия. В том же году другие торжества, названные в надписях праздниками благодарения, прошли в Вавилоне; Антиоха IV приветствовали на них как «спасителя Азии и основателя города»: он повелел отстроить здесь на греческий манер театр и гимнасий. В 165 году до н. э. царь со своими войсками двинулся в Армению, прошел Месопотамию, затем Элимаиду², где безуспешно пытался захватить сокровища местного храма. Тогда же (164—163) его

¹ Паропамисады — греческое название области к югу от Гиндукуша на юго-востоке современного Афганистана.

² Элимаида — область в Сузиане.

поразила страшная болезнь, подробное описание которой не без удовольствия дает 2-я книга Маккавеев (9: 9; и след.), представляющая ее как кару небесную.

Его сын Антиох V был несовершеннолетним. Министр, правивший его именем, некий Лисий, как мы видели, либеральным указом на время остановил еврейское восстание. Но сын Селевка IV Деметрий, удерживаемый Римом в заложниках, заявил о своих правах на отцовское наследие, поскольку его дядя Антиох IV им уже не владел. Он без особого труда бежал из Рима и прибыл в Антиохию, где был встречен как государь. Маленький Антиох V и министр Лисий немедленно были казнены, а новый царь Деметрий I был признан Римом, после того как подавил восстание милетского грека Тимарха, который был сатрапом при прежнем правителе, а теперь взял себе титул царя и печатал монеты в Вавилонии. Едва Деметрий избавился от этого неожиданного соперника, как появилась новая проблема — возобновление еврейских волнений. После жестоких столкновений, в которых в 160 году до н. э. погиб Иуда Маккавей, Иудея была усмирена селевкидскими войсками, а брат Иуды, Ионафан, в 152 году до н. э. был признан духовным вождем еврейской общины.

Тем временем Деметрий вел неудачную войну за Каппадокию, независимое государство на востоке Анатолии, которое оспаривали между собой два претендента: один из Пергама, другой — из Антиохии. Победил пергамский соперник. Это поражение не улучшило положение селевкидского монарха, которого обвиняли в грубости, высокомерии и неумеренном потреблении вина. Усилиями пергамского царя Аттала II у Деметрия появился соперник — некто Александр Балас, называвший себя внебрачным сыном Антиоха Эпифана. С помощью брата Тимарха, мечтавшего отомстить за смерть мятежника, Балас отправился в Рим и добился поддержки сената. После этого он прибыл в Финикию и в 151—150 годах до н. э. встретился в бою с войсками Деметрия, который потерпел поражение и погиб на поле битвы. Евреи воспользовались этим конфликтом, чтобы добиться разных привилегий: Балас в конечном счете утвердил их и назначил Ионафана первосвященником, поручив ему обязанности стратега и наместника. Это была, по-видимому, единственная позитивная мера, предпринятая Баласом, который, скорее всего, не имел другой

цели, кроме как насладиться преимуществами царского положения, которое узурпировал. Чтобы заручиться внешней поддержкой, он женился на Клеопатре, прозванной Теей, «богиней», на дочери Птолемея VI Филометора, который рассчитывал с помощью этого брака вернуть Келесирию. Предлог для этого предоставился ему в 174 году до н. э., когда юный сын Деметрия I, носивший то же имя, что и его отец, с помощью критских наемников повторил с Баласом тот же маневр, который удался этому последнему против Антиоха V: Деметрий, двинувшись в Киликию, достиг Антиохии, где был радостно встречен населением. Филометор, поспешивший на помощь своему зятю, занял Келесирию, затем поссорился с Баласом, удостоверившись, что того одолевает Деметрий, и предложил Деметрию руку Клеопатры Теи, которая стала вдовой после поражения и убийства Александра Баласа. Деметрию повезло еще больше, потому что Филометор, раненный в сражении, вскоре умер. Селевкидское государство сохранило за собой Келесирию и получило нового правителя — Деметрия II (145).

Деметрий II правил двадцать лет — с 145 по 125 год до н. э. Но продолжительность его царствования обманчива: половина этого срока прошла в плену, а другая половина была потрачена на борьбу с узурпаторами. Это наглядно продемонстрировало, в каком неразрешимо трудном положении оказалась селевкидская монархия. Деметрию пришлось прежде всего вести переговоры с евреями и подтвердить привилегии, данные его предшественниками Ионафану, и даже расширить их. Но в 144 году до н. э. против Деметрия восстал один из его военачальников — Диодот, который провозгласил сына Баласа, младенца Антиоха, Антиохом VI, и был поддержан большей частью Сирии. Диодот вскоре убил юного Антиоха и назвал себя царем Трифоном. Он в течение нескольких лет вел переговоры с Ионафаном, прежде чем победить и уничтожить его. Он даже чеканил свою монету, в легенде которой значился как «самодержец», *автократор*. Деметрий не успел сам наказать этого узурпатора: его присутствие было необходимо на востоке империи, где аршакидский монарх Митридат I, правивший Парфией с 171 года до н. э., приумножал свои завоевания. Около 150 года до н. э., после смерти Эвкратида Бактрийского, парфяне заняли все его владения, кроме Бактрии, затем двинулись в Иран, захватив Мидию,

и, наконец, проникли в Месопотамию: Митридат взял себе титул «царя царей», возродив ахеменидскую традицию, и начал выпускать монеты в своей новой империи. Селевкид не мог игнорировать этот усиливающийся натиск. Он начал ответное наступление в 141 году до н. э., но после первых успехов был разбит и пленен Митридатом, который, однако, обошелся с ним великодушно и уважительно. Вскоре победитель умер, но он создал великое государство и нанес Селевкидской империи непоправимый удар: Месопотамия, бывшая сердцем империй Александра и Селевка Никатора, стала парфянской провинцией, а вторая столица Селевкидов — Селевкия на Тигре — была ими потеряна. Конечно, новые правители страны не стремились изжить следы греко-македонского присутствия: Митридат показал себя либералом и филэллинном и добавил к своему персидскому имени эллинские эпитеты, которые появились на его монетах. Но было ясно, что парфянская экспансия не завершена, и, ограниченная теперь практически одной Сирией, Селевкидская империя, должна была теперь постоянно быть готова отразить опасность с востока; римляне позже узнают то же на собственном опыте.

Младший брат Деметрия II, узнав о пленении своего брата, тут же поспешил в Антиохию, призванный своей невесткой Клеопатрой Теей, и женился на ней, взяв себе титул царя и имя Антиоха VII. Его первоочередной задачей стало победить Трифона, и тот, попав в плен в 137 году до н. э., покончил с собой. Антиох VII тоже установил отношения с евреями. Брат Ионафана, Симон, хотя и был сторонником законной селевкидской монархии после убийства его брата Трифоном, придерживался независимой традиции своего рода Хасмонеев (от названия места, откуда происходили Маккавеи): хасмонейская эпоха, начавшаяся с 143—142 годов до н. э., свидетельствует о желании установить отныне политическую целостность. Когда Симон погиб в результате семейной распри, его сын Иоанн Гиркан стал первосвященником. Антиох воспользовался этой драмой, чтобы осадить Иерусалим, но ограничился требованием дани и предоставления заложников (131), не устраивая религиозных гонений. После этого царь выступил против Парфии, отвоевал часть Ирана, но в конце концов был разбит в 129 году до н. э. и погиб в сражении. Можно было предположить, что оставшаяся Селевкидская империя рухнет под парфянским натиском. Но наследнику Митридата, Фраату II, пришлось защищать свое собственное

царство от нападения варваров-скифов, тахаров, завладевших Бактрией, и саков. Это варварское нашествие, стоившее Фраату II жизни, спасло греческую Сирию. Однако отныне вся внутренняя Азия, от Согдианы до Персидского залива и от Инда до Евфрата, окончательно перестала быть эллинской: от завоеваний Александра спустя два столетия осталось лишь воспоминание. Только один индо-греческий царь Пенджаба, находящийся в окружении индийских правителей и носивший эллинистическое имя Менандр, оставался живым свидетельством македонской эпопеи.

Во время похода Антиоха VII Фраат освободил Деметрия II, который вернулся в Сирию после десятилетнего отсутствия. Смерть его брата позволила ему вновь обрести свое царство, искалеченное и ослабленное тенденциями к местной автономии, которые обозначились тогда в сирийских полисах, и окончательным утверждением еврейской независимости с Иоанном Гирканом, который еще больше расширил границы нового государства. Брошенный своей супругой Клеопатрой Теей, Деметрий поддался призывам своей тещи Клеопатры II, царицы Египта, которую ее муж и брат Птолемей VIII осадил в Александрии, но он не смог ее освободить. Чтобы отомстить за эту попытку вмешательства, Птолемей поддержал действия нового узурпатора — Александра II Сабина, который объявил себя приемным сыном Антиоха VII. Непостоянное население Антиохии благосклонно встретило вновь прибывшего, тогда как Деметрий скитался по Сирии, потом попал в плен у Тира и был убит в 126 или 125 году до н. э. Этим прискорбным событием завершилось царствование последнего Селевкида, действительно пытавшегося сохранить свое государство и быть достойным царем. На него давил тройной груз династических раздоров, непокорности полисов и народов и, наконец, растущей угрозы со стороны Парфии. Эти же факторы продолжали действовать после его смерти, и история Селевкидов стала отныне всего лишь продолжением раздоров, крушений и преступлений.

* * *

В это же время в обстановке менее драматической и менее мрачной закончилось свое существование недолговечное и блистательное Пергамское царство. Эвмен II хозяйничал в Малой Азии

под присмотром Рима, поживившись за счет селевкидской монархии после Апамейского мира. Однако его отношения с Римом начали портиться после сражения при Пидне: стало очевидно, что военная помощь Рима недостаточна, а с другой стороны, сенат начал в какой-то степени опасаться возрастающего пергамского могущества. Другие анатолийские монархи снискали большее расположение, правда ценой унижительной покорности: Прусий II Вифинский, рассказывает Полибий, прибыв в Рим в 166 году до н. э., явился в курию, где заседал сенат, одетый как вольноотпущенник и простерся ниц перед входом в здание, чтобы поцеловать порог. Эвмен II, не будучи столь раболепным, держал должную дистанцию и в 166 году до н. э. не задумываясь начал военные действия против наступления галатов, когда счел это уместным, не спросив позволения у Рима, чем заслужил благодарность греков Азии, спасенных им от этой страшной опасности. На протяжении нескольких лет празднества в честь Афины Никефорос («дающей победу»), устраиваемые в Пергаме в храме богини — покровительницы полиса, поддерживал престиж династии Атталидов. Эвмен широко пользовался этим и, как и его предшественники, демонстрировал свою щедрость пожертвованиями великим храмам греческого мира: до нас дошло множество надписей, свидетельствующих об этом.

Когда он умер в 159 году до н. э., его брат Аттал, долгое время совместно с Эвменом осуществлявший управление делами, беспрепятственно наследовал ему и продолжил его политику. Несмотря на свой солидный возраст (ему было больше шестидесяти), он царствовал двадцать лет, поддерживая процветание государства: он оставался в хороших отношениях с Римом и благодаря его помощи одержал верх в войне с Прусием II Вифинским, которая закончилась в 154 году до н. э. Чуть позже, когда между Прусием и его сыном Никомедом возникли непримиримые разногласия, Аттал взял сторону Никомеда, который возглавил Вифинское царство после убийства своего отца в 149 году до н. э. Как и Эвмен, Аттал следил за воинственными галатами, хотя и не участвовал в крупных военных действиях, и он воевал с фракийцами, что позволило ему немного расширить свои владения по ту сторону Черноморских проливов. Скончавшись в преклонном возрасте, в 139—138 годах до н. э., он оставил своему наследнику

Аттала III, бывшему его племянником и сыном Эвмена II, процветающее, богатое государство, которое считалось самым сильным в Малой Азии, находилось в хороших отношениях с другими государствами региона — Вифинией, Понтом, Каппадокией, которое опасались галаты, уважали независимые греческие полисы и, наконец, которое пользовалось расположением Рима. И тем не менее это государство, единственное в то время в эллинистическом мире казавшееся крепким, было уничтожено всего одним волевым решением одного человека — царя, который завещал его римскому народу. Странное, но имеющее важные последствия решение: именно благодаря ему впервые установилось постоянное присутствие Рима в Азии. Подобный прецедент с передачей наследия уже имел место: двадцатью годами ранее Птолемей VIII, называемый Юным (Неос), правитель Кирены, опубликовал завещание, по которому, в случае если он умрет без наследника, его ливийские владения должны будут перейти к римлянам. Но обстоятельства не позволили вступить в действие этому решению. Возможно, Аттала вдохновил этот документ, который был специально обнародован в Кирене, чтобы подстраховать его составителя. Во всяком случае, пергамский царь принял те же меры, что и царь Кирены, и его преждевременная смерть, постигшая его в 133 году до н. э., после пяти лет царствования, моментально обернулась большой выгодой для Рима.

Аттал завещал римлянам вместе со своим движимым имуществом все территории, которые принадлежали ему по праву собственности, то есть так называемый царский домен, или «земли царя». Зато сам город Пергам и его зависимая территория совершенно недвусмысленно исключались из условий передачи: Пергам становился свободным полисом, так же как и независимые греческие полисы с их территориями, находившиеся внутри атталидских государств. Когда эта новость достигла Рима, республика переживала серьезный кризис, связанный с деятельностью Тиберия Гракха, предложившего по аграрному закону реформировать управление общественными землями (*ager publicus*), чтобы сократить привилегии, которые присвоили себе со временем крупные собственники и землевладельцы. Передача римскому народу царских земель Аттала ставила проблему управления, которую ясно видел Тиберий Гракх, но он погиб от рук бунтовщиков,

не успев ее разрешить. Сенатская комиссия, рассмотрев ситуацию, обнаружила полнейшее отсутствие порядка в Азии. Незаконный сын Эвмена II Аристоник взял власть в свои руки сразу же после смерти Аттала и стал именоваться Эвменом III. Чтобы привлечь к себе население, он признал гражданские привилегии его самых обездоленных слоев — чужеземцев, рабов, коренных крестьян. Он попытался также предстать победителем в борьбе против римского вмешательства в Азии. К нему присоединился вдохновитель реформаторской политики Тиберия Гракха, философ Блоссий из Кум, что позволяло предположить, что Аристоник разделяет его реформаторские идеи в социальной сфере. Зато граждане Пергама, довольные завещанием Аттала, объявлявшим их свободными, выступили против притязаний Аристоники и ряда предлагаемых реформ. Свободные греческие полисы тоже не поддержали его. Началась настоящая гражданская война, в которой Аристоник, опираясь на крестьян, коренное население и рабов, одержал верх, победив даже первые отправленные против него войска Рима. Он обосновался в верхнем течении реки Каик и четыре года чеканил монету с именем Эвмена для обращения внутри государства, которое он собирался основать и назвать Гелиополь — «город солнца». Однако в конце концов он потерпел поражение, и консул Маний Аквиллий принял управление страной. Некоторые части атталидского государства были отданы царям Понта и Вифинии, которые помогали победить мятежника. Фракийские владения, как и остров Эгина, были присоединены к провинции Македония, созданной пятнадцатью годами ранее. Остальные территории Аттала стали римской провинцией Азия, которую Цицерон упоминал после главных регионов: Фригии, Мисии, Кари и Лидии. Этими обширными и богатыми владениями в самом центре Малой Азии должна была распоряжаться римская администрация. Теперь она твердо обосновалась не только в Европе, но и в Азии на обоих побережьях Черноморских проливов.

* * *

О Македонии и Элладе после сражения при Пидне свидетельствует Полибий, бывший современником, если уж не очевидцем этих событий (потому что он пробыл в Риме со 168

по 150 год до н. э.). По крайней мере, он дает нам общую информацию об этом периоде, о котором сохранились лишь фрагментарные документы: согласно Полибию, македонцы плохо приспособлялись к «демократическому» режиму, которым Эмилий Павел заменил их традиционную монархию, что приводило к внутренней напряженности; современную ему Грецию он изображает также страдающей от демографического кризиса, возникшего из-за нежелания имущих слоев иметь больше одного-двух детей, чтобы не допускать дробления земельной собственности, и это вследствие болезней или преждевременных смертей неизбежно вело к уменьшению численности населения и экономическому упадку, а земля оставалась неиспользованной из-за нехватки рук для ее обработки. Мы еще вернемся к ценности этого анализа. Но сам феномен депопуляции не подлежит сомнению, как и военные потери, и борьба кланов, и выступления против римлян, ссылки и политические убийства, а также пиратство, создающее дополнительную опасность на море, — все это способствовало наряду с изменениями в укладе жизни к сокращению числа граждан греческих полисов.

В Македонии главным событием этих мрачных лет стало появление претендента на власть, называвшего себя сыном Персея. На самом деле его звали Андриск, и он пополнял ряды узурпаторов, которые заявляли о себе в эту беспокойную эпоху в разных странах, вроде Баласа и Трифона в Сирии или Аристоника в Пергаме. Сдавшись римлянам после первой неудавшейся попытки, он бежал из Италии и на сей раз, найдя поддержку во Фракии, в 149 году до н. э. смог занять Фессалию, разбив экспедиционный римский корпус: это был кратковременный успех, ибо вскоре новая армия под командованием Квинта Цецилия Метелла нанесла ему решающее поражение. Сразу же последовало глубокое преобразование государственного устройства Македонии: она стала римской провинцией, управляемой проконсулом, располагавшимся в Фессалониках, который имел власть не только над четырьмя округами, учрежденными после сражения при Пидне, но также над Иллирией к востоку, а после 129 года до н. э. и над фракийскими владениями пергамского царя. Проложенная вскоре большая Эгнатиева дорога (*Via Egnatia*) от Эпидамна и Аполлонии в Иллирии до Фессалоник, проходящая через Балканские горы, через города

Эдесса¹ и Пелла, а позже протянувшаяся во Фракию до реки Гебр, продемонстрировала стремление Рима объединить в одно целое весь этот северный регион полуострова. Для Македонии с 148 года до н. э. началась новая история — в качестве провинции. Управление этой провинцией, первой из образованных республикой в Восточном Средиземноморье, осуществлял Метелл.

Полисы Эллады в принципе обладали независимостью, провозглашенной Фламинином. Но последствия битвы при Пидне тем не менее сказались и на них. Естественно, соперничество между полисами осталось: отныне оно создавало поводы для обращения к сенату за разрешением спорных вопросов. Так, Афины, присвоившие себе пограничный район Оропа в Эвбейском проливе на границе с Беотией, были приговорены поначалу арбитром, которого назначал Рим для урегулирования разногласий, в данном случае — городом Сикионом, к уплате штрафа в пятьсот талантов. Тогда афиняне в 155 году до н. э. отправили в Рим посольство, в которое вошли три философа: Карнеад из Кирены, Критолай из Фаселиды и Диоген из Селевкии на Тигре (столетие спустя Цицерон выразит удивление, что среди этих трех посланцев не было ни одного уроженца Афин). Это посольство добилось того, что размер штрафа был уменьшен до ста талантов. Сенат представлял, таким образом, верховной властью, к которой обращалась в спорных случаях эта теоретически свободная Греция. И наоборот, когда Родос, пытавшийся покончить с критским пиратством, обратился за поддержкой к Ахейскому союзу, тот отказал ему, сославшись на то, что не желает вмешиваться без согласия Рима: критскую проблему рассмотрела сенатская комиссия. Однако Ахейский союз отверг свою осторожную политику в тяжбе, которая столкнула его со Спартой, и это дорого обошлось всей Элладе.

В 150 году до н. э. Полибий добился у своих римских друзей, образовывавших кружок Сципиона Эмилиана, который имел большое влияние, чтобы оставшимся в живых из тысячи ахейцев, угнанных, как и он, в Италию после Пидны, было разрешено вернуться на родину. После восемнадцати лет ссылки их оставалось

¹ Эдесса — бывший город Эги, к западу от Пеллы, некогда столица македонских царей.

не более трехсот человек, и можно было предположить, что возраст и перенесенные испытания сделали их благоразумными. Их возвращение, однако, привело к формированию в Ахейском союзе определенной оппозиции против Рима. Вспомним, что Спарта вошла в союз в 192 году до н. э., но лакедемоняне сделали это с большой неохотой, и Филопемуну пришлось силой пресечь попытку отделения. Пограничные споры с крупным аркадским полисом Мегалополем, тоже участником Ахейского союза, только подогревали это нежелание. Наконец, Спарта и ахейцы представили свои разногласия перед сенатом, который после разнообразных перипетий в 147 году до н. э. разрешил вопрос в пользу Спарты, позволив ей отделиться, и, кроме того, потребовал, чтобы союз отказался от Коринфа, Аргоса, от города Аркадии и от небольшого изолированного в южном течении Сперхея города Гераклие Трахинской. Ахейцев возмутило такое насилие над союзом, и они приготовились к войне со Спартой, а заодно и с Римом. Как Андрииск в Македонии, а до того Персей, как позже Аристоник в пергамской Азии, они прибегали к смелым социальным мерам, чтобы заслужить доброжелательность народа и настроить его против римской власти, выступавшей гарантом общественного порядка и безопасности собственников. Они объявляли об отсрочке или отмене задолженностей, освобождали рабов для службы в армии, вводили специальные налоги для богатых граждан. Некоторые народы Центральной Греции: жители Беотии, Фокиды, Локриды, Эвбеи — присоединились к ахейцам. Но после первого поражения, которое нанес войскам союза при Скарфее в Восточной Локриде Метел, управлявший Македонией, эта коалиция распалась. В 146 году до н. э. консул Луций Муммий разбил новую ахейскую армию на Истме и осадил Коринф, который ахейцы оставили без боя. Сенат, желая показать пример и повергнуть в ужас всех помышляющих о мятеже, распорядился срыть город до основания. Жители были убиты или проданы в рабство, здания разграблены и сожжены. «Я там был, — писал Полибий, — я видел, как топтали картины; солдаты использовали их для игры в кости». Эта расправа, сравнимая с разрушением Фив Александром в 335 году до н. э., достигла желаемой цели: попытки получить политическую независимость и реформировать социальную сферу прекратились вплоть до эпохи Митридатых войн. Разрушение Коринфа,

на месте которого образовалась пустыня, пока Цезарь в 44 году до н. э. не отстроил здесь заново город, осталось в памяти человечества символом римского могущества на Востоке, подобно тому как разрушение Карфагена в том же году закрепило победу Рима на Западе. Несоразмерность между проступком, поставленным в вину коринфянам (дурное обращение с римскими послами в Коринфе в связи с собраниями Ахейского союза), и жестоким наказанием прекрасно демонстрирует истинные намерения Рима: речь шла о том, чтобы совершенно определенно дать понять, кто здесь хозяин. А уж это было абсолютно очевидно.

Греция, чьи действия в этом конфликте были далеко не единодушны, не была преобразована в римскую провинцию: только при Августе произошла такая трансформация и появилась провинция Ахайя. На время было проведено разграничение между полисами, принявшими участие в мятеже, и полисами, занявшими выжидательную позицию или, как Спарта, боровшимися против ахейцев. Первые были так или иначе наказаны, прежде всего конфискацией и распродажей имущества граждан, известных своей враждебностью к Риму, большинство которых были казнены или покончили с собой. Эти полисы отныне подчинялись непосредственно власти проконсула Македонии, который мог вмешиваться в их внутренние дела: так, когда в 115 году до н. э. в ахейском городе Димы стали назревать социальные волнения, восстановлением порядка занимался проконсул. В Халкиде и Деметрии были размещены римские гарнизоны. Территория Коринфа частично была объявлена государственной землей (*ager publicus*), собственностью римского народа. В целом существующие законы сохраняли свою силу. Историка Полибия, находившегося в Африке при своем друге Сципионе Эмилиане, когда пал Карфаген, привело в Грецию известие о войне, начатой Ахейским союзом. Он успешно ходатайствовал перед римскими должностными лицами о смягчении суровых репрессий, которые обрушились на его сограждан: члены сенатской комиссии, которым было поручено урегулировать обстановку в Греции, оказывали ему немалое доверие и прислушивались к его советам.

Что касается полисов, оставшихся формально автономными: Афин и Спарты, полисов Фессалии, Магнесии, Этолии и Акарнании, — теперь они воздерживались от инициатив, способных

расстроить планы республики, с которой они намеревались сохранить дружеские отношения. Афинам, интеллектуальный престиж которых был по-прежнему высок, обладание со 167 года до н. э. беспрошленным портом Делос вернуло торговую активность, а Пирей определенным образом выиграл от разрушения Коринфа, богатого торгового города, чьи порты издавна конкурировали с аттическим портом. Разумеется, могли возникать инциденты, например два восстания рабов, одно из которых произошло в 134—133 годах до н. э., а другое — в последние годы столетия. На самом деле они не представляли опасности для общественного порядка: экономическая, административная и культурная жизнь со своими религиозными и гражданскими праздниками протекала как обычно под защитой римской власти, которую греческие полисы, зависимые или свободные, теперь норовили отблагодарить за ее услуги, либо восхваляя великодушие Рима, либо чествуя римских магистратов. Таков был результат раздробленности, ослабившей Грецию, и политических ошибок, допущенных ее руководителями. Полибий с удивительной проницательностью высказался об этом: «Такова была обычная политика Рима: он использовал ошибки других, чтобы расширять и укреплять собственное господство, но он делал это с такой ловкостью, что казался этим бедным людям благодетелем, да еще и получал от них благодарность».

* * *

Остается проследить, что случилось за полвека после Пидны с единственным эллинистическим государством, которое в эту эпоху по преимуществу сохранило территориальные основы своего могущества, — с лагидской монархией. Она тоже испытала потрясения, потеряв свой сирийский бастион и свои позиции в Эгейском море. Но помимо Египта с его несравненными ресурсами, у нее оставались два внешних владения, на которых создатель династии Птолемей Сотер основывал безопасность Египта: Киренаика и остров Кипр. Конечно, как мы видели, с конца III века Египет сотрясали внутренние волнения, связанные как с экономическими проблемами, так и с ростом самосознания коренного населения. Между греко-македонским обществом и исконными египтянами сосуществование складывалось

тяжелее, и это отражалось на землепользовании. Ресурсы, которыми располагал государь, были уже не так изобильны, как в III веке до н. э., и возможности активной политики сокращались. Тем не менее Лагид, даже вынужденный ограничивать свои амбиции в международном масштабе, как показали недавние крупные конфликты, в которых он занял выжидательную позицию, оставался самым богатым эллинистическим правителем: пышность дворцов и празднеств в Александрии, согласно Диодору, поражала приезжих настолько, что иные даже возмущались ею, как, например, спутники Сципиона Эмилиана, побывавшего в Египте в 140—139 годах до н. э., которые видели в этой нарочитой роскоши «развращение тела и души». Имея такие ресурсы и находясь во главе самой богатой и густонаселенной страны Восточного Средиземноморья, лагидский царь легко мог заставить уважать себя, а то и бояться. Даже Рим, понимая это, неоднократно демонстрировал, что разделяет интересы Египта, как это было в случае с посольством Попилия, отправленным к захватчику Антиоху Эпифану. И тем не менее это сильное государство совершенно перестало играть роль в международной политике не по причине какой-либо по-настоящему серьезной внешней опасности, а лишь вследствие раздоров и слабости своих руководителей: семейная вражда между братьями здесь особенно обременительно и особенно долго отягощала государство. Жесткая игра амбиций и сведения счетов между четырьмя главными героями — двумя мужчинами и двумя женщинами — продолжалась более пятидесяти лет, на протяжении двух одновременных царствований, между 170 и 116 годами до н. э.: она обескровила Египет, и все же оба этих царя могли бы быть великими правителями. Попытаемся разобраться с этим клубком змей.

Вспомним о странной ситуации, сложившейся в лагидском государстве в 170 году до н. э., когда советники подали плохую идею поставить во главе монархии двух сыновей Птолемея V Эпифана. Старший, Птолемей VI Филометор, достиг совершеннолетия и уже два года был женат на своей сестре Клеопатре II по династической традиции. Поскольку их общая мать Клеопатра I, осуществлявшая регенство после смерти Эпифана, умерла как раз накануне этого брака, царская чета взяла себе титул «богов, любящих свою мать» (что и означает эпитет *Филометор*). И вот к ним

присоединили их младшего брата, тоже Птолемея, прозванного Неосом (Юным), с титулом царя. Это должно было создать условия для кризиса, стоило только членам этой братской тройцы проявить жажду власти и решимость получить ее. К несчастью, это произошло: Филометор имел право первородства, и у него хватало и здравого смысла, и характера; его сестра-супруга Клеопатра была властолюбива и категорична; что касается Птолемея Неоса, он, без сомнения, был самым одаренным из всех троих — умным, образованным, предприимчивым, но при этом распущенным, жестоким и неразборчивым в средствах. Таковы были три главных действующих лица в начале драмы: еще одна женщина, Клеопатра III, появилась в ней позже.

Общее правление трех Лагидов, которые были еще очень молоды и сильно зависели от своих министров и советников, столкнулось с превратностями 6-й Сирийской войны и вторжением в Египет Антиоха IV. Ошибка Филометора, пытавшегося договориться с Эпифаном, привела к разногласиям внутри царственной тройцы, но общий интерес примирил их на время, пока вмешательство Попилия Лената не отвело от Александрии селевкидскую опасность. Птолемей Неос, завидуя старшему брату, который вполне достойно пытался управлять беспокойной страной, начал плести интриги, так что через пять лет, в 163 году до н. э., Филометор, устав от них, отправился в Рим, чтобы воззвать о помощи против происков своего брата. После переговоров было решено разделить лагидские владения между двумя братьями: Филометору оставался Египет с Кипром, Птолемей Неос получал Киренаику, где помнили, что Магас в свое время был ее независимым государем. Но младший брат был недоволен решением, которое, по его мнению, ущемляло его, и он, в свою очередь, потребовал у Рима присоединить к своей доле Кипр. Таким образом, лагидские правители ходатайствовали перед сенатом об урегулировании их разногласий. Сенаторы согласились с требованиями Птолемея Неоса, уточнив, что передача Кипра должна быть достигнута мирным путем. Филометор отказывался отдать остров, Птолемей Неос безуспешно настаивал на передаче. В 156—155 годах до н. э., устав от его требований и угроз, Филометор прибег к радикальным мерам и организовал покушение на своего брата, но оно не удалось: Птолемей Неос был ранен, но выжил и явился продемонстрировать

свои рубцы перед сенатом. При этом, чтобы одновременно обезопасить себя от нового покушения и заслужить милость республики, он составил завещание — первое в этом роде в эллинистической истории, по условиям которого в случае, если он умрет без наследника, римлянам должна будет отойти Киренаика. Текст завещания подлежал обнародованию на римском Капитолии, а также в Кирене, в храме Аполлона, где была найдена неповрежденная стела с этим документом и датой: весна 155 года до н. э. Сенат тут же разрешил царю Кирены забрать Кипр силой, что Птолемей Неос и попытался сделать в 153 году до н. э., но безуспешно: он был взят в плен своим братом, но, учитывая перспективы завещания, тот отпустил его. С тех пор Птолемей преспокойно царствовал в Кирене в неге и роскоши, располнев так, что его прозвали Фискон — «толстобрюхий». Там остались свидетельства его щедрости, и, возможно, большой гимнасий Кирены, названный Птолемейон, был построен в его царствование.

Все изменилось, когда в 145 году до н. э. Филометор погиб во время кампании по отвоеванию Сирии. У него был малолетний сын, провозглашенный своей матерью, Клеопатрой II, царем Птолемеем VII Неосом Филопатором (чтобы отличать его от предка — Птолемея IV Филопатора). Но Фискон не дремал: когда в Александрии поднялось народное движение, призывавшее его вернуться, он отправился из Кирены на Кипр, занял остров, а затем прибыл в Египет, где Клеопатра была вынуждена его принять. Она согласилась выйти за него замуж в надежде возродить царственную тройцу, в которой юный Птолемей VII, заняв место своего погибшего отца, правил бы со своей матерью и дядей, ставшим ему отчимом. Фискон, не собиравшийся делить власть, убил своего племянника в тот день, когда женился на его матери. Чуть позже, очарованный красотой дочери, которую имела от брака с Филометором его сестра-супруга, он совратил ее, а затем сделал второй законной женой; ее звали Клеопатра III. Таким образом сложилось это странное и постыдное трио: царь Птолемей VIII, взявший себе имя Эвергет, которое носил Птолемей III (отсюда его обычное титулование — Птолемей VIII Эвергет II Фискон), и две его жены — Клеопатра II, бывшая его сестрой и состоявшая прежде в браке с его старшим братом Филометором, и Клеопатра III, дочь этой последней и Филометора, при том что их

общий муж убил сына одной из них, который в то же время приходился братом другой. Род Атридов не знал еще ничего более отвратительного. Между двумя царицами, матерью и дочерью, вскоре возникла жгучая ненависть. Однако в течение более десяти лет они поддерживали видимость согласия, скрывая дворцовые интриги. Так, например, Египет в 140—139 годах до н. э. принял делегацию во главе со Сципионом Эмилианом, который был шокирован небывалой пышностью оказанного ему приема, но с любопытством посетил резиденцию в Дельте. Рассказ Диодора, писавшего столетие спустя, передает изумление римлян, которых провезли на кораблях по нильскому рукаву и ирригационным каналам через изобильную деревню, населенную множеством крестьян, способных как работать, так и защищаться. «Пораженные, — пишет историк, — великим множеством этого населения и природными богатствами этой земли, они вернулись оттуда убежденные, что она могла бы стать колыбелью великого государства, если бы нашлись достойные ее правители» (Историческая библиотека. XXXIII, fgt. 28b). Когда пятьдесят лет спустя в Италии распространилась мода на «нильские» пейзажи, напоминаящие каналы Нила, его поля, тростники, деревни, его гипопотамов, рыбаков и крокодилов, без сомнения, тут не обошлось без воспоминаний, которые сохранили спутники Сципиона Эмилиана об экскурсии, организованной в их честь.

Тем не менее разногласия между царскими женами привели к открытому конфликту, когда в 132—131 годах до н. э. Фискон и Клеопатра III были вынуждены в результате народных волнений укрыться на Кипре. Скорее всего, именно Клеопатра II спровоцировала этот мятеж против своего супруга: она предложила народу Александрии признать царем сына, которого она родила от Фискона и которому было всего двенадцать лет. Но ребенок находился не в Египте; его отец, приняв меры предосторожности, отослал его в Кирену, а оттуда вызвал на Кипр. Тогда Клеопатра II стала править единолично, отвергнув имя Эвергет, которое она разделяла до тех пор со своим супругом, и взяла себе имя Филометор, которое она носила вместе со своим первым мужем, Птолемеем VI, и прибавила к нему имя Сотейра, «спасительница», отсылавшее к Птолемею Сотеру. Казалось, что она получила поддержку александрийцев, то есть греко-македонского общества и общины

евреев, которых очень много обосновалось в городе со времени гонений, устроенных Антиохом IV в Палестине. Чтобы отомстить, Фискон убил своего сына и послал расчлененное тело ребенка его матери. Эта невероятная жестокость задала тон кровавой борьбе между двумя династическими группировками, которая раздирала Египет в течение нескольких лет, сопровождаясь грабежами, убийствами и дикой анархией, о которой свидетельствуют документы того времени и для которой даже было придумано слово — *amixia* («дикость»). Фискон добился поддержки некоторых групп коренного населения против сторонников Клеопатры II. Даже стратегом Фиваиды (Верхнего Египта) он назначил исконного египтянина. За два года царь вернул себе власть над страной, и Клеопатра II оказалась заперта в Александрии. Тогда ей пришла в голову мысль призвать на помощь селевкидского царя Деметрия II, который недавно вернулся в свои сирийские владения после десятилетнего плена у парфян: Деметрий был ее зятем, поскольку был женат на Клеопатре Тее — дочери Клеопатры II и Филометора, которой было не по нраву возвращение царственного мужа. Деметрий, увлеченный перспективой стать коронованным царем Египта, решился на эту авантюру, но не сумел войти в Дельту. Клеопатра II бежала из Александрии по морю в Сирию, унеся с собой свои сокровища. Осажденный город сдался только через несколько месяцев после побега царицы. Птолемей VIII сурово обошелся с мятежниками. Поскольку греческое население поддержало Клеопатру, он строго наказал его, отменив многочисленные общества, в которые были объединены греки, конфисковав их имущество либо обязав их распродать свою собственность. Кроме того, царь продемонстрировал свою подозрительность в отношении образованных и ученых людей, чем вынудил многих из них покинуть страну в поисках другого пристанища в греческом мире. Такое отношение к ним, наверное, имело место с самого начала его правления в 145 году до н. э. Конечно, достойно удивления, что образованный, умный, интересующийся философскими изысканиями государь, сам написавший «Воспоминания», полные разных размышлений, подвергал гонениям интеллектуалов. В данном случае им двигали политические интересы, ибо речь шла об устранении оппозиционеров: этим он заслужил прозвание *Какергет*, «творящий зло», обратное его официальному эпиту — *Эвергет*, «благодетель».

Тем временем Птолемей VIII смог избавиться от досаждавшего ему Селевкида — вернувшегося Деметрия II, выставив против него узурпатора Сабина. Сразу же после смерти Деметрия в 126—125 годах до н. э. Фискон возобновил отношения со своей женой Клеопатрой II, снова приняв ее в Александрии, и бросил ненужного теперь Сабина: его разбил сын Деметрия II — Антиох VII Грип, который женился на дочери Фискона и Клеопатры III. Эта хитроумная и циничная игра оказалась весьма эффективной. Птолемей VIII был спокоен за свою единственную опасную для Египта границу, не переживал за судьбу Кипра, был уверен в лояльности Киренаики, преданность которой он заслужил за более чем пятнадцать лет своего пребывания в ней и которая помнила о его благодеяниях, — и он мог теперь посвятить себя Египту и установить там гражданский мир. Прежде всего необходимо было изжить — хотя бы внешне и несмотря на все совершённые ужасы — вражду, разделявшую членов восстановленной царственной троицы. Даже два чудовищных преступления против двух детей были преданы забвению, после того как эти малолетние жертвы — Птолемей VII Неос Филопатор и Птолемей, сын Фискона, — были возведены в ранг богов и был введен их династический культ. Под прикрытием этого показного примирения стало возможно восстановить внутренний порядок. Это было достигнуто с помощью ряда мер, кульминацией которых стал изданный в 118 году до н. э. декрет об амнистии, папирус с которым дошел до нас. Амнистии подлежали все, кто участвовал в мятежах. Незащищенность крестьян вынуждала их покидать деревни и землю, теперь их призывали вернуться назад; это социальное явление — отток из деревень крестьян, опасавшихся налоговой администрации и пускавшихся в разбой, — приобретало все больший размах и не прекратилось даже после того, как опустела долина Нила; это движение получило название *анахоресис*, «бегство в пустыню», а те, кто принимал участие, были *анахоретами* (только позже это слово стало обозначать отшельников). Помимо амнистии, для греков, среди которых было много землевладельцев, особенно бывших солдат, были утверждены разные налоговые привилегии. Другие категории населения тоже не были обойдены милостями царской власти: это солдаты из коренных жителей и египетское жречество, которому Лагиды

потворствовали со времен Филопатора и которое оставалось объектом особых забот. Наконец, чтобы удовлетворить всеобщие жалобы на катастрофическое состояние сельского хозяйства и бедность крестьянства, были списаны все недоимки, чтобы труд возобновился на здоровых основаниях. Подобные царские решения позволяют предположить, что существовала масса прошений и ходатайств, адресованных центральной власти, и что тирания местной администрации была тягостна, а то и непереносима для египетского крестьянина. Такова была изнанка блестящих декораций, которые так поразили спутников Сципиона Эмилиана несколькими годами ранее. Способы, которыми Птолемей VIII старался исцелить зло, от которого страдал Египет, могли бы стать эффективными только в том случае, если бы монархическая власть, восстановленная (но какой ценой!) лагидским государем на старости лет, сохранила свою силу, прагматичность и свой авторитет. Но каковы бы ни были сами по себе достоинства политики Птолемея Фискона, опасность династических споров, а также его собственные пороки после короткой и иллюзорной передышки возобновили свое вредное воздействие. Когда в 116 году до н. э. Птолемей VIII Эвергет II Фискон умер после пятидесяти четырех лет царствования, исполненного поразительных поворотов судьбы, он, при всей своей садистской жестокости имевший задатки великого царя, оставил после себя Египет обескровленным, а монархию — расшатанной. Ни тот ни другая не поднялись больше до завоеваний.

Глава 5 АГОНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО МИРА

Приход Митридата Эвпатора к власти в Понте в 121—120 годах до н. э. почти совпал со смертью последнего из великих лагидских государей — Птолемея VIII Эвергета II Фискона (116). Это было благоприятное стечение обстоятельств, ибо личность понтийского царя и его неустанная деятельность будут определять историю греческого Востока между концом II века и 64—63 годами до н. э., когда Митридат умрет, а Селевкидская империя станет римской провинцией Сирией. В процессе окончательного распада политических структур, которые были созданы в унаследованной от Александра Азии, инициативы Митридата отметили последовательные и стремительные этапы агонии этого мира. В ответ на это Риму пришлось постепенно расширить сферу своих прямых и опосредованных действий в этом регионе, несмотря на трудности и волнения, которые республика переживала на Западе. После этого исчезло единственное сохранявшееся до этого времени крупное эллинистическое государство Лагидов и римский порядок отныне установился на всем средиземноморском Востоке. Поскольку этот переломный момент совпал с триумфом Октавиана, который наступил после битвы при Акции в 31 году до н. э. и позволил создать новую мировую империю в форме принципата, он стал знаком завершения одного периода истории и начала новой эры.

* * *

Династия Селевкидов уничтожила сама себя семейными распрями, которые в течение тридцати лет, с 114—113 годов

до 83 года до н. э., не прекращая, раздирали то, что осталось от Сирийского царства. Было бы бесполезно и неинтересно пытаться проследить их детально. Вначале они столкнули Антиоха VIII (который в 123 году до н. э. избавился с помощью лагидского царя от узурпатора Сабина) и его сводного брата Антиоха IX, сына их общей матери Клеопатры Теи и Антиоха VII. Конфликт разразился в 114—113 годах до н. э. и продолжался вплоть до убийства Антиоха VIII в 96 году до н. э. Антиох IX погиб в следующем году от руки сына Антиоха VIII — Селевка VI, который сам был вскоре уничтожен сыном своей жертвы, Антиохом X. Этот последний стал соперничать за власть с четырьмя оставшимися в живых сыновьями Антиоха VIII. Одни находились в Киликии, другие — в Антиохии и Дамаске. Кто-то из них погиб, сражаясь с парфянами, постоянно угрожавшими восточным границам государства, или с набатейскими арабами, занявшими Дамаск, кто-то пал в междоусобной борьбе, последний умер естественной смертью. Остался один сын — Филипп II, который был свергнут жителями Антиохии, уставшими от этих бесконечных династических конфликтов. Они искали более надежного покровителя и нашли его в Армении в лице царя Тиграна, который со времени своего восшествия на престол (95) за счет парфян значительно увеличил свои владения в верхней Месопотамии, так что они вплотную приблизились к границам Сирии. Ему и отдалась Антиохия в 83 году до н. э. Его господство в течение пятнадцати лет обеспечивало в регионе относительное спокойствие, при котором имели место неоднократные локальные беспорядки с участием евреев, что получили независимость своего государства с 103 года до н. э. при сыне Иоханана Гиркана — Александре Яннае; набатейских арабов, во II веке установивших монархическое государство со столицей в городе Петра; разных малоизвестных местных династий; и наконец, нескольких греческих полисов, таких как Селевкия Пиерия, Птолемаида (Аке) и Триполи, что разными способами пытались укрепить свою автономию, в частности выпуском собственной монеты. Чрезвычайная сложность этих конфликтов, бывших продолжением тех же споров, что породили недавнюю анархию, была отражением внутреннего распада Селевкидской империи.

В лагидском царстве дела обстояли ненамного лучше. Здесь семейные распри, ставшие хроническими для династии, тоже приняли ожесточенный характер и оказались связанными с междоусобицами Селевкидов, поскольку дочери Птолемея VIII (их было трое, всех их звали Клеопатрами и различали только по прозваниям) были замужем за сирийскими принцами: одна из них, Клеопатра Селена, после брака со своим старшим братом Птолемеем IX сменила одного за другим трех мужей — трех недолговечных монархов Сирии, а потом была взята в плен Тиграном и убита в Месопотамии. После смерти Птолемея VIII Фискона в 116 году до н. э. его племянница-жена Клеопатра III и два ее сына, Птолемей IX Сотер II и Птолемей X Александр, стали соперниками за власть; мать помогала младшему, Александру, который тем не менее в 101 году до н. э. приказал ее убить. Оба брата правили одновременно: один в Египте, другой — на Кипре, меняясь своими владениями в зависимости от расклада сил, пока в 88 году до н. э. Птолемей IX не стал единоличным правителем, победив наконец и убив своего брата. Но в это время незаконнорожденный сын Фискона Птолемей Апион, получивший в наследство после смерти своего отца управление Киренаикой, взял себе титул царя: сам он умер в 96 году до н. э., завещав по примеру отца свои земли римскому народу, а полисы Киренаики вместе с их территориями объявив свободными. Таким образом, от лагидской монархии отделились эти значительные богатые и процветающие ливийские владения, которые со времени их завоевания Птолемеем I Сотером несколько раз возвращали себе независимость: на пятьдесят лет при Магасе, затем в правление Фискона и, наконец, при Апионе — и положение которых даже в рамках лагидского государства всегда было особенным. Сенат, узнав об этом, подтвердил свободу греческих полисов Ливии, Кирены, Птолемаиды, Арсинои (в древности Тавхира) и Береники (в древности Евгеспериды); он согласился стать восприемником царских земель, но не установил там немедленно прямого управления. Так что когда киренеянам в 87—86 годах до н. э. потребовалась помощь для восстановления их серьезно пострадавших от внутренних беспорядков институтов, им пришлось обращаться не к постоянному представителю Рима, а к временно исполняющему обязанности наместника Суллы —

Лукуллу, который помог им, вдохновленный примером Платона¹. Таким образом, по странному стечению обстоятельств исконные греческие полисы обращались отныне к римской власти как к привычному вершителю их судеб. В 74 году до н. э. при малоизвестных обстоятельствах сенат принял решение учредить римскую провинцию Киренаику и назначить правителем этой страны простого квестора.

* * *

Царская династия Понта хотя и имела персидское происхождение, была глубоко эллинизирована. Она контролировала греческие полисы Аμισ, «милую дочь Афин», и Синопу, ставшую ее столицей, и понтийские государи охотно брали себе греческие эпитеты, подобные тем, что носили другие эллинистические государи: Митридат IV в середине II века провозгласил себя Филопатором Филадельфом, Митридат V назвался Эвергетом. Эти повелители с помощью своих греческих подданных наладили порядок в своих владениях, в своей армии и на своем флоте. Когда Митридат V умер в 121—120 годах до н. э. в результате покушения, его сыну и наследнику Митридату VI было всего 11 лет. Гордясь своим происхождением, он взял себе титул Эвпатор, «рожденный благородным отцом». Амбициозный, беспринципный (как большинство правителей того времени), он, едва появилась такая возможность, избавился от тех, кто ему мешал — от своей матери, а потом и от своего брата Хреста. В 111 году до н. э., когда ему исполнился 21 год, он стал единоличным правителем. Эллинистическая историография, представленная Помпеем Трогом (в изложении Юстина) и Плутархом, любила пересказывать предания, явно недостоверные, но

¹ См. в «Жизнеописаниях» у Плутарха: «...когда они [киренеяне] просили философа [Платона] составить для них законы и сделать из их народа своего рода образец разумно устроенного государства, он ответил, что трудно быть законодателем у киренцев, покуда они пользуются таким благополучием. В самом деле, никто не может быть строптивее человека, которому кажется, что ему улыбается удача; напротив, никто не повинуется приказу с такой готовностью, как тот, кто смирен судьбою. Так было и на этот раз, и киренцы послушно приняли законы, данные им Лукуллом» (перевод С. С. Аверинцева).

6. Эллинистические полисы
и государства Причерноморья

при этом очень показательные, согласно которым юному царю была предназначена выдающаяся судьба и его рождение сопровождали разные знамения, в том числе появление новой звезды на небосклоне. В этих чудесах пытались различить отголоски древних иранских мифов. Это слишком далекие отсылки, тогда как попытки обнаружить чудесные знаки, предвещавшие правителям исключительную судьбу, были характерны для истории эллинистических монархов от Александра Великого до Цезаря и Августа. Воображению греков не нужны были восточные предания, чтобы выгодно подчеркнуть проявления божественного участия в судьбах великих людей и царей. То, что оракулы предсказали Митридату роль первого плана на греческом Востоке, является доказательством того, что современники осознавали эту роль и воспринимали Митридата адекватно — как последнего великого эллинистического монарха. Укрепившись в Понтийском царстве, которое омывалось Черным морем в восточной части анатолийского побережья и граничило с Арменией на востоке, с Каппадокией на юге, с Пафлагонией на западе, а с двумя последними имело

к тому же общую границу с галатами, Митридат получил достаточно надежную базу для планируемых им кампаний: это был труднодоступный регион (за исключением морского пути), но он имел давние связи с греческим миром благодаря ионийским колониям, которые долгое время здесь располагались. Это была, бесспорно, страна легенд: река Термондонт, впадающая в Черное море, и город Темискира, согласно древнейшим преданиям, были местом сражения греческих героев, предводительствуемых Гераклом, и амазонок, которыми командовала их царица Антиопа; кроме того, Колхида, со своим царством Ээта и замечательным мифом о золотом руне, находилась рядом с Понтом, дальше по побережью Черного моря. Но эта земля была связана также и с более поздней историей, потому что как раз на востоке Понтийского царства, у Трапезунта, Ксенофонт и оставшиеся в живых участники похода «десяти тысяч» в 400 году до н. э. вышли к морю («Таласса! Таласса!») после долгого пути через долину Тигра и горы Армении. Мы видели, как предки Митридата Эвпатора — Фарнак I и особенно Митридат V — внесли свою лепту в политические и военные конфликты, разрывавшие Анатолию во II веке до н. э. Дружеские отношения установились с Каппадокией, царь которой был женат на дочери Митридата V, и с Пафлагонией. С другой стороны, Фарнак I пытался подчинить своей власти некоторые греческие колонии на противоположном побережье Черного моря: Херсонес на Крымском полуострове и Месембрию на фракийском побережье (территория современной Болгарии). Ему это не удалось, но он установил связи с этими отдаленными полисами, о чем свидетельствуют Полибий и эпитафические документы. Эти связи дали Митридату первый шанс увеличить свою империю в направлении, где не было риска непосредственно пересечься с интересами Рима: кроме того, если верить херсонесской надписи, воспроизводящей договор этого полиса с Фарнаком, Рим одобрял интервенцию как гарантию этого союза и дружеских отношений.

Инициаторами выступили именно греческие полисы на территории Южной России. Они подвергались набегам скифских и сарматских племен, населявших земли вглубь материка.

Крупная греческая колония Ольвия, уже несколько веков располагавшаяся в эстуарии реки Гипанис (Буг), рядом с устьем Борисфена (Днепра), вынуждена была подчиниться скифскому правителю соседнего Крыма, который сам опирался на сарматские племена. Тот же туземный династ угрожал полису Херсонес на юге Крыма (рядом с современным Севастополем) и старому греческому государству, занимавшему берега Боспора Киммерийского (современного Керченского пролива), с его столицей в Пантикапее. Поэтому Херсонес и династ Боспорского царства обратились к Митридату на основании прежних отношений, которые связывали их, и того интереса, который его предки имели к их землям. Царь Понта ответил на их призыв, отправив экспедиционный корпус из 6000 греческих наемников под предводительством стратега Диофанта, уроженца Синопы. Диофант, проведя несколько кампаний (с 110 по 107 год до н. э.), добился замечательных успехов, освободив находившиеся в опасности полисы, заняв большую часть Крыма, включая Боспорское царство, и продвинувшись на континенте до Ольвии; таким образом он объединил весь регион под властью Митридата. Понт получил новую провинцию на другом побережье Черного моря с собственным административным центром в Пантикапее (Керчь), на полуострове, который греки называли Херсонесом Таврическим (Крым). Находясь почти в черноземной зоне русских равнин, эта провинция производила в изобилии зерно, а также серебро, которые были важны для Митридата не менее солдат. Монеты, обнаруженные на месте Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства, подтверждают существование в это время тесных экономических связей с анатолийскими владениями Митридата. Это первое приращение, совершенное молодым царем, значительно расширило его возможности. Он постарался продолжить освоение черноморского побережья как к востоку, где он достиг Трапезунта (Трабзона) и Колхиды, так и к западу, где, помня об устремлениях Фарнака в отношении греческих полисов на фракийском побережье, которым угрожали варвары дунайских равнин, установил своего рода протекторат над Аполлонией Понтийской, которая боялась повторить судьбу находившейся севернее Истрии (к югу от устья Дуная), павшей под натиском соседних народов. Таким

образом, в последние годы II века до н. э. Митридат стал для Черноморского региона последней надеждой эллинизма перед лицом опасностей, идущих из внутренних земель. Очевидно, что этого правителя с иранским именем воспринимали как греческого царя: именно поэтому впоследствии он был признан греками Малой Азии и старой Греции как освободитель перед угрозой римского завоевания.

Следующий этап плана Митридата состоял в подготовке к неизбежной войне с Римом, для чего ему необходимо было занять выигранные позиции в Анатолии вокруг Понтийского царства. Тайно посетив римскую провинцию Азию, Митридат убедился, что чужеземная власть вызывает там всеобщую ненависть и что любое смелое выступление способно вылиться в бунт. Действительно, налоговая система, которую ввела в провинции Республика, была похожа на наказание: взиманием налогов (десятиной была обложена вся территория, включая земли греческих полисов, которые до сих пор были освобождены от налогов фискальной политикой Атталидов) занимались римские откупщики, которые при небескорыстном попустительстве правителей обирали страну. Проконсул Квинт Муций Сцевола и его легат Публий Рутилий Руфус в 93 году до н. э. попытались пресечь злоупотребления, но как раз в это время в Риме трибунал, явно благосклонный к обиравшим провинции чиновникам, возбудил против них процесс, в связи с чем они были отозваны из Азии. Митридат, оценив эту взрывоопасную ситуацию, попытался извлечь из нее пользу. С помощью разных маневров он подчинил новые территории, разделив Пафлагонию с вифинским царем Никомедом III, и заключил союз с Тиграном, царем Армении, отдав ему в жены свою дочь. Значительно труднее оказалось разобраться с Каппадокией, где его собственная дочь Лаодика не желала становиться его союзницей: неоднократные попытки подчинить это государство Понту были пресечены римскими военными кампаниями (одна из них была поручена Сулле, который таким образом впервые оказался на Востоке), так же безуспешно Митридат попытался после смерти Никомеда III встать во главе Вифинии. Нового государя этого царства, Никомеда IV, Рим подтолкнул к вторжению в понтийскую Пафлагонию. Это нападение весной 88 года до н. э. развязало войну.

* * *

Митридат тщательно подготовился к ней: говорят, он располагал 300 000 солдат, 130 колесницами, флотом из 300 кораблей. Он сразу же разбил войска Никомеда IV, затем одолел один за другим два корпуса римской армии, выставленные против него правителем провинции Азия и главой миссии, отправленной сенатом для урегулирования анатолийских конфликтов, — Манием Аквилем. Никомед бежал на Родос, Аквилей — на остров Лесбос, где он был схвачен и казнен. Вифиния и провинция Азия были полностью захвачены Митридатом, которого почти все греческие полисы встречали как спасителя. Чтобы окончательно обозначить разрыв с Римом, царь, обосновавшись в Эфесе (в Ионии), принял решение нанести окончательный удар: основательно подготовившись к операции, он за одну ночь перебил всех проживавших в Азии италиков — 80 000 человек. Эта резня, в которой участвовало все население, связала Митридата и его новых подданных соучастием в преступлении, которое сделало невозможным достичь какого-либо соглашения с Римом. Кроме того, уничтожение чужеземных купцов и откупщиков, имущество которых было разграблено, принесло богатые трофеи, позволившие царю на пять лет освободить провинцию от всяких налогов. Чтобы расположить к новому повелителю низшие слои населения, был принят ряд социальных мер: освобождение рабов, списание долгов. Чтобы навести порядок в своих огромных владениях, Митридат использовал, как когда-то Александр, административную систему сатрапий. Материальное процветание новой империи выразилось в выпуске золотых монет, на которых было выбито героическое изображение государя, явно вдохновленное старыми тетрадрахмами с профилем Александра. В новой столице, размещенной в Пергаме, царь старался окружить себя греками: поэтами и художниками — по примеру эллинистических царей. Казалось, что с этим энергичным и харизматичным правителем в Азии возрождается государство Атталидов.

Понтийский флот пересек Черноморские проливы и вошел в Эгейское море. Только Родос, защищенный своими крепкими стенами и военными судами, успешно сопротивлялся. Митридат заключил союз с пиратами, которых в Восточном

Средиземноморье в конце II века до н. э. было великое множество и главные базы которых находились на Крите и особенно на южном побережье Анатолии, в прекрасно защищенных и трудно достижимых по суше бухтах Киликии и на севере Кипра. Эти эскадры разбойничали в Эгейском море, на берегах Греции и доплывали до Ливии; они совершали рейды даже на такие прибрежные полисы, как Береника в Киренаике (Бенгази), где в одной недавно обнаруженной надписи упоминаются их опустошительные набеги вскоре после смерти Птолемея Апиона (96). Эти грабежи, помимо другой добычи, позволяли в большом количестве поставлять рабов на процветающие невольничьи рынки, например на Делосе. В 102 году до н. э. Рим предпринял попытку обуздать эту губительную для морской торговли деятельность, но без особых успехов, так же как безрезультатным остался призыв, обращенный чуть позже к лагидской и селевкидской монархиям, присоединиться к этой борьбе, хотя текст его был высечен в Дельфах. Впрочем, островам Эгейского моря пришлось пострадать от набегов понтийского флота: Делос был разграблен, а италики, которых много находилось на острове, все были убиты. Зато остров Кос сдался без сопротивления, и Митридат пленил трех лагидских царевичей, среди которых были будущие Птолемей XI и Птолемей XIII. Он принял их при своем дворе и женил на своих родственницах, продемонстрировав тем самым свое стремление уравнивать Понтийское царство с великими эллинистическими государствами.

В том же 88 году до н. э. войска Митридата еще раз пересекли Черноморские проливы и проникли в Европу, заняв сначала Фракию, затем римскую провинцию Македонию, потом Фессалию, и получили поддержку Афин, вдохновляемых философом Аристионом, Беотии, Ахайи и Лакедемона. Здесь Митридата также воспринимали как спасителя эллинизма, освободителя от римского гнета. Казалось, что на обоих побережьях Эгейского моря возрождается империя Лисимаха, способная объединить под единой властью Малую Азию, Фракию, Македонию и Элладу.

Эти стремительные успехи застали Рим врасплох, тем более что Республика переживала переломный этап Союзнической войны, которую она развернула против своих италийских соседей

и последние волнения которой еще не улеглись. Кроме того, разногласия между партией популяров, которую возглавлял Марий, и сенатской партией оптиматов мешали принятию правительственных решений. Вести из Азии вызвали финансовую панику, и консул Сулла, приняв ряд мер для восстановления внутреннего порядка, отбыл на Восток, чтобы вести войну против Митридата. В 87 году до н. э. он высадился в Эпире с пятью легионами, разбил стратега Архелая, командовавшего войсками Понта, и осадил Афины. Город защищался несколько месяцев, но 1 мая 86 года до н. э. был взят штурмом: хотя Сулла собирался «помиловать живых ради мертвых», то есть пощадить мятежных афинян из уважения к их славному прошлому, он крайне жестоко обошелся с населением, о чем все еще с возмущением писал Павсаний полтора века спустя. Пирей был сожжен, многие общественные здания и частные дома разграблены. Две армии, собранные в Македонии и Фракии Архелаем, успевшим бежать из Афин, прежде чем они пали, одна за другой потерпели поражение в Беотии. Европейская Греция в конце 86 года до н. э. снова оказалась подчинена римской власти. В это время квестор Суллы, знаменитый Лукулл, объезжал Восточное Средиземноморье от Киренаики до Кипра через Египет и Сирию, чтобы собрать там военный флот. Именно это дало возможность киренеянам восстановить свои институты. У Птолея IX, который опасался за своих сыновей, находившихся в плену у Митридата, Лукулл не нашел поддержки. И тем не менее он собрал достаточно кораблей, чтобы составить эскадру, которая с помощью родосских судов могла вести войну в Эгейском море.

Митридат, который поручил Архелаю вести боевые действия в Европе, а сам остался в Азии, столкнулся с большими трудностями. Нуждаясь в деньгах, солдатах и кораблях, необходимых для войны, он слишком надавил на греческие полисы, не привыкшие к такому обращению при предыдущих правителях. Жители Хиоса, самые непокорные, были депортированы в Колхиду (которой они, впрочем, не достигли, остановившись в Гераклее Понтийской); эфесцы подняли мятеж, который был жестоко подавлен; даже галаты восстали против начавшегося притеснения. Видя, что может потерять Анатолию, Митридат, не оставив своих жестких принудительных мер, решил вступить

в переговоры, тем более что другая римская армия во главе с политическим противником Суллы уже пересекла Македонию и Фракию и в начале 85 года до н. э. оказалась за Черноморскими проливами — в Вифинии. Никомедия, столица Вифинии, а за ней и Пергам пали. Выбрав в качестве партнера для переговоров из двух своих врагов Суллу, царь Понта, окруженный у устья Каика, подписал с ним в Дардании (в Троаде) мирный договор, очень похожий на капитуляцию: он оставлял все недавно завоеванные территории, провинцию Азию, Вифинию, Каппадокию, был обязан выплатить немалую контрибуцию и отдавал 70 кораблей, за что Сулла обещал пощадить греческие полисы, оказавшие радушный прием Митридату. Этот мир укрепил триумф Суллы, которого на самом деле гораздо больше беспокоила политическая ситуация в Италии, чем наведение порядка на Востоке. Поэтому его заботило прежде всего получение материальных средств с отвоеванных территорий. В Эфесе он объявил суровые приговоры; вознаградил те немногие полисы, которые, как Родос, проявили свою преданность, и, несмотря на обещания, наказал все другие, лишив их независимости. Жители Хиоса, вернувшиеся на свой остров, были помилованы с учетом их депортации. Азия облагалась огромной контрибуцией (20 000 талантов). В 84 году до н. э. Сулла вернулся в Грецию, где провел несколько месяцев, собирая трофеи, среди которых были рукописи (в частности, труды Аристотеля) и произведения искусства, а затем со всеми этими богатствами и закаленной армией, безраздельно ему преданной, направился в Италию и Рим, где его ожидала новая проблема, решить которую ему позволили его победы на Востоке.

* * *

Пока Митридат, вернувшийся в свое Понтийское царство, восстанавливал силы, новый правитель провинции Азия, Луций Лициний Мурена, вместе со своим сыном, для которого позже Цицерон напишет знаменитую защитную речь, трижды предпринимал наступательные действия против Понта — с 83 по 81 год до н. э. Поводом для этих кампаний (которые были названы 2-й войной Митридата с Римом) стала Каппадокия, которую, как

считал Мурена, Митридат покинул не полностью. Сулла погасил конфликт, и римляне занялись борьбой с пиратами, которая становилась неотложной. Чтобы разбить их в открытом море и затем преследовать до их укрытий, необходимо было, во-первых, занять и полностью контролировать побережье, где располагались их базы, а во-вторых, организовать военные действия на море под единым командованием с возможностью доступа в любой пункт. Такова была цель этих двунаправленных мер, результат которых не мог быть немедленным. Разного рода действия были проведены в глубинных землях Южной Анатолии в связи с образованием римской провинции Киликии (точная дата которого не установлена — приблизительно около 80 года до н. э., согласно другой версии — около 100-го). С другой стороны, впервые в истории Рима в Средиземноморье была учреждена необычная должность с неограниченными полномочиями (*imperium infinitum*) для единого главнокомандующего, который имел власть над побережьями всех провинций (74). Первым обладателем этих полномочий стал вполне заурядный человек Марк Антоний Кретик (отец будущего триумвира Марка Антония и сын знаменитого оратора), который уже в 102 году до н. э. руководил кампанией против пиратов. Марк Антоний был разбит и взят в плен критскими корсарам и вскоре умер (71). Дерзость пиратов от этого возросла: они напали на остров Делос, который Сулла вернул афинянам, и разграбили его. Этот набег, случившийся в 69 году до н. э. — менее чем через 20 лет после разорения, причиненного Митридатом в 88 году до н. э., стал роковым для торогового порта, который в течение века был главным коммерческим центром в Кикладах и который уже по-настоящему так и не поднялся из руин. Римский легат Триарий безрезультатно пытался отстроить город и восстановить его оборонноспособность, возведя временные укрепления, следы которых можно увидеть даже сегодня. Немногочисленное население вело жалкое существование среди остатков былого процветания и разоренных храмов. Излюбленной темой поэтов стала печальная судьба былой славы Киклад, острова Аполлона, превратившегося в пустыню, — знаменитого Делоса, теперь ставшего *adelos*, то есть «невидимым», «безвестным» — каламбур, построенный на традиционной для греков игре с этимологией слов.

Потеря крупного греческого религиозного центра, бывшего в то же время одним из главных центров товарооборота в эллинистическом мире, стала наглядным проявлением агонии этого мира.

Митридат, избавившись от Мурены, который был призван в Рим, снова взялся за свой великий замысел. Он установил отношения с находившимся на другом крае Средиземноморья мятежником Серторием, который в 82 году до н. э. поднял против Рима население Испании и с тех пор успешно противостоял посылаемым против него войскам. Серторий обещал ему в случае победы отдать Вифинию и Каппадокию. Это была попытка ведения мировой политики, подобной той, о которой мечтал Филипп V, заключая в 215 году до н. э. союз с Ганнибалом. Но, как и в случае с Филиппом V, здесь она не дала никаких конкретных результатов. Вскоре в Азии снова началась война из-за Вифинии. Царь Никомед IV умер в 74 году до н. э., завещав свое царство Республике. Сенат принял решение превратить его в провинцию Вифинию, но Митридат немедленно вторгся туда и был радостно встречен населением, которое боялось притеснения откупщиков. Рим, вопреки обыкновению, отправил в Азию двух консулов — к счастью для себя, поскольку один из них не справился со своей задачей, но другим консулом оказался Лукулл, бывший квестор Суллы, опытный и решительный. С помощью киликийских легионов, которые сражались с пиратами, он исправил ситуацию, допущенную его потерпевшим поражение коллегой, вынудил Митридата снять осаду с Кизика, расположенного на азиатском побережье Пропонтиды (Мраморного моря), а затем выбил его из Вифинии. Благодаря опыту, который он приобрел, команду эскадрой при Сулле, Лукулл знал, какое значение имело для этого конфликта господство на море: поэтому он приложил все усилия, чтобы собрать флот и в 72 году до н. э. разбил корабли Митридата у острова Лемнос, вынудив царя освободить Эгейское море и отвести свои суда в Черное море. Перейдя теперь в наступление, Лукулл напал на сам Понт и после тяжелых боев занял все царство (71), а Митридат бежал к царю Армении Тиграну, своему союзнику и зятю. В 70 году до н. э. два главных понтийских города — Синопа на побережье и Амасия — один за другим попали в руки Лукулла, который предложил сенату преобразовать страну в новую римскую провинцию. Крымские

владения Митридата на севере Понта Эвксинского, которые царь доверил своему сыну, тоже были им потеряны: его сын вступил в прямые переговоры с Лукуллом, чтобы остаться у власти в Пантикапее. Третья война Митридата с Римом завершилась полной победой Рима благодаря военному таланту Лукулла, который временно стал наместником четырех провинций Малой Азии: Понта, Вифинии, Азии и Киликии, в которых за свое гуманное и мягкое правление и стремление защитить население от жадности римских откупщиков удостоился симпатии народа. Тем временем брат Лукулла, управлявший провинцией Македония, двинулся в поход против фракийцев через болгарские равнины, дошел до Дуная, который римские войска достигли впервые, а затем до Добруджи, на западном побережье Черного моря, где взял под покровительство Рима греческие полисы региона, с которыми у царя Понта были особые отношения. Теоретически эти старые колонии продолжали быть свободными, так же как были провозглашены свободными после победы Лукулла греческие полисы Понта, отнятые у Митридата, — Синопа и Амис. Но эта свобода, как и у полисов Малой Азии, остававшихся теоретически независимыми, была лишь видимостью автономии, границы которой определялись интересами Рима.

Стремясь раз и навсегда положить конец всем завоеваниям Митридата, Лукулл потребовал от Тиграна выдать своего тестя. Царь Армении отказался, и тогда Лукулл в 69 году до н. э. начал против него войну, разбил его в самом центре его владений, в верхней Македонии, недалеко от его столицы Тигранакерт, которая была взята римскими войсками. Эта победа нанесла выстроенной политической системе Тиграна, который в течение пятнадцати лет собирал остатки Селевкидской империи. Он потерял Сирию, которая ненадолго вернулась к Селевкиду Антиоху XIII, который стал последним правителем этой династии. Небольшое царство Коммагена, которое имело свою столицу — Самосату, в верхнем течении Евфрата, входила в число государств, правители которых продемонстрировали свою лояльность в отношении Рима: царь Коммагены Антиох I, добавив к своему имени эпитеты Романофил и Филэллин, приветствовал Лукулла. От этого государя на вершине Немрут-Даг, в горах

Антиливана, остался великолепный архитектурный ансамбль с храмом, в котором возвышаются огромные статуи греческих богов и самого царя: яркое свидетельство глубокой эллинизации этого маленького государства, изолированного во внутренних землях Армении между горами и верховьем Евфрата.

В следующем 68 году до н. э. Лукулл продолжил военную кампанию против Тиграна и дошел до Армянской равнины, но после успешных действий вынужден был вернуться на свои базы, потому что его легионы были измотаны тяжелыми испытаниями этой войны. Митридат в свою очередь возвратился в Понт с преданными ему войсками и начал собирать там своих сторонников, которые покинули земли, занятые римскими войсками. В 67 году до н. э. он отвоевал свое царство, а Лукулл, от которого политические противники в Риме и откупщики, недовольные тем, что он мешал им наживаться в Азии, уже давно хотели избавиться, был лишен всех своих полномочий. На этот раз Митридат был снова спасен.

* * *

Но не надолго. Преемником Лукулла стал человек, только что прославившийся своей блестящей победой над пиратами, — Помпей. Благодаря противникам Лукулла был принят закон о передаче Помпею чрезвычайных полномочий — аналогичных тем, что были доверены в 74 году до н. э. Марку Антонию, но совсем для другой цели: все Средиземное море от Испании до Сирии было доступно для него, и он имел право углубляться до пятидесяти миль внутрь побережья. Она разделил море на сектора, каждый из которых контролировался эскадрой, затем очистил все Средиземноморье с запада на восток и наконец уничтожил пиратов в их убежищах в Киликии. Оставшимся в живых он предоставил возможность вернуться к честной жизни, переселив их в несколько городов, в частности в Киликии, обезлюдевших в результате недавних потрясений. Этому-то человеку закон, предложенный трибуном Манилием, поддержанный речью Цицерона и принятый голосованием, несмотря на то что Помпей осуществлял морское командование, поручил ему к тому же вести дела в Малой Азии с 66 года до н. э.

В этом году, двинувшись из Киликии на север, Помпей захватил Каппадокию, вторгся в Понт и вытеснил оттуда Митридата, который теперь отступил в Колхиду. Оттуда старый царь, которому было более 65 лет, достиг Херсонеса Таврического (Крыма) и снова установил там свою власть, заставив покончить с собой своего сына, предавшего его пять лет назад. В это время у него родился дерзкий план, вдохновленный походами Ганнибала, — перенести войну непосредственно в Италию: выйти из Причерноморья и собрать против Рима народы Центральной Европы, двигаясь верхами вдоль Дуная до Паннонии, чтобы достичь долины реки По в Цизальпийской Галлии. Этот грандиозный план, так и оставшийся в стадии проекта, был мечтой старого человека, который до самого конца отказывался признавать себя побежденным, но эта мечта потрясла современников своей масштабностью, и об этом свидетельствуют отголоски, доносимые до нас самыми разными историками: Флором, Плутархом, Аппианом, Дионом Кассием. Однако вокруг старого монарха все рушилось. Его сын Фарнак провозгласил себя царем вместо него и был утвержден Помпеем во владении Боспором. Митридату не оставалось ничего другого, как умереть: поскольку яды, к которым он из предосторожности долго привыкал, были для него безвредны, он приказал своему солдату — галлу Битуиту нанести ему смертельный удар мечом. Приведем стихи Расина:

Итак, царь, который в одиночку сорок лет
.....
И который на востоке, испытывая судьбу,
Отомстил всем царям за общую вражду,
Мертв...

Это был поистине последний эллинистический царь, умерший, когда перестало биться «это неутомимое сердце, которое закалилось под тяжестью обременявшей его ноши». Он отступил в конце концов перед заносчивым и удачливым Римом.

Помпей не захотел преследовать Митридата в Колхиде. Ему достаточно было завоевать Понт, чтобы 4-я Митридатова война закончилась. Он занял Парфию, с которой еще Лукулл подписал договор, заключил мир с Тиграном, отныне владевшим только

Арменией, и реорганизовал Малую Азию: большую ее часть теперь составляли четыре римские провинции — Понт, Вифиния, Азия и Киликия. Каппадокия с преданным Риму царем, занимала центральное положение в восточной части вместе с землями за верховьями Евфрата. В царстве Галатия объединились предводители галатских племен. Эллинистическая Анатолия по сути сохранила свою административную структуру при Римской империи.

Помпей завершил свою миссию, разобравшись с Сирией. Антиох XIII, для которого Лукулл в 69 году до н. э. восстановил селевкидскую монархию, не мог избежать разлагающего действия династических распрей: его двоюродный брат Филипп II, отстраненный от власти в 83 году до н. э. в пользу Тиграна, потребовал свое царство, оспариваемое теперь двумя претендентами, которых поддерживали арабские вожди, воспользовавшиеся уходом Тиграна, чтобы расширить свои владения в Сирии. Филипп погиб во время мятежа, царство досталось Антиоху. Помпей, отправившись в Сирию в 64 году до н. э., собирался укрепить безопасность страны, имевшей с Парфянским царством общую границу, проходящую по Евфрату. Он сомневался в способностях Антиоха XIII поддержать порядок в регионе, охваченном внутренней анархией, и отказался утвердить его как главу государства. Антиох отправился искать убежища у своего арабского покровителя, который избавился от него, приказав его убить. Так бесславно угасла эта династия, и Помпей в том же 64 году до н. э. превратил Сирию в римскую провинцию. Таким образом завершилась история селевкидской монархии, подобно тому как ранее это произошло с Антигонидами в Македонии или с монархиями в Пергаме, Вифинии и Понте, словно бы превращение в провинцию, управляемую непосредственно Римом было роковым финалом этих эллинистических государств.

Создавая провинцию Сирию, Помпей тем не менее не ввел там единой администрации: греческие полисы, постепенно укреплявшие свою автономию, сохранили свои привилегии, о чем свидетельствует выпуск ими собственных монет. Евреи, разделенные династическими спорами, вынудили Помпея к военному вторжению в Иерусалим: он упразднил независимое еврейское царство, оставив лишь структуру еврейской общины с этнахом, которым стал прежний царь. Набатеиские арабы Петры

продолжали откупаться серебром ради сохранения своей независимости. В Иерусалимском храме Помпея поразило отсутствие изображений бога. В это время он узнал о смерти Митридата; оставив управление Сирии наместнику новой провинции, он вернулся в Понт, где завершил свою задачу организатора завоеванных территорий. Он принял там останки Митридата, которые передал ему Фарнак и которые были захоронены в Синопе с царскими почестями. В конце 62 года до н. э. он вернулся в Италию после пяти лет отсутствия, где был встречен с невиданным триумфом, как победителя «над всем миром», *de orbe terrarum universo*. Действительно, Помпей заслужил прозвание Великий, *Pompeius Magnus*, под которым вошел в историю. Конечно, он воспользовался благоприятным стечением обстоятельств, предыдущими победами, одержанными Лукуллом, поддержкой римских финансистов, надеявшихся снова получить широкое поле для своей прибыльной деятельности, и двигало им не просто стремление к славе, но также жажда власти и наживы. Однако он проявил выдающиеся организаторские качества в борьбе с пиратами как в тактике военных действий, так и в умении воспользоваться своими победами. Преображенный им Восток хотя и не был вселенной, как утверждала формула его триумфа, тем не менее обрел свою будущую форму и до конца существования империи зависел от Рима, но говорил по-гречески и в основном сохранял эллинистическое наследие в рамках латинского суверенитета, этот Восток оставался связан со средиземноморским миром и поддерживал с ним особые отношения как в политике, так и в экономике и культуре. Помпей закрепил в общих чертах облик западной Азии, которая со времен Александра жила в тесных контактах с Грецией, умножала связи с ней и выступала посредником между эллинистическим миром и народами Среднего Востока. Граница по Евфрату, признанная Лукуллом и затем подтвержденная Помпеем, отмечала отныне восточный рубеж античного мира, который от Испании до Каппадокии составлял единое целое, культурную греко-римскую вселенную, составные части которой постепенно осознавали общность своей судьбы. В этом смысле этап, который ознаменовали деяния Помпея, закончившего с Митридатовыми войнами, стал решающим в истории цивилизации.

* * *

Единственный уголок эллинистического мира до сих пор избегал влияния Рима: лагидское царство, ослабленное династическими распрями и внутренними конфликтами, но все еще богатое ресурсами, которые предоставляла плодородная долина Нила. Его вхождение в римский мир произошло в связи с борьбой, которая противопоставила друг другу двух амбициозных римских военачальников и следствием которой стал конец Республики: их соперничество было в то время главной движущей силой истории, где ведущая роль личности в греческих традициях была сыграна поистине замечательной женщиной — великой Клеопатрой. Она стала связующим звеном между последними эпизодами завоевания.

Птолемей IX Сотер II, оставшийся в 88 году до н. э. единственным государем Египта, носил странное прозвище Латир («турецкий горох»¹). Конец его царствования, завершившегося в 80 году до н. э., был бесславным: ему пришлось подавить восстание коренного населения в Верхнем Египте, что вызвало вспышки подобных же народных движений. На этот раз он разрушил Фивы — древний фараонский город: это было одно из самых ожесточенных столкновений, к которым приводило сосуществование бок о бок в этой стране греков и фелачов. Его последователь Птолемей XI Александр II правил всего несколько недель и был убит во время мятежа. По завещанию он должен был передать римскому народу свое царство, то есть Египет и Кипр. Рим предпочел пока не вступать в права наследования. Два сына Птолемея IX, освобожденные после плена у Митридата, могли сесть на трон: старший, Птолемей XII, прозванный Авлетом («Флейтистом»), получил Египет; младший стал царем Кипра, согласно практике разделения власти, не раз применявшейся их предшественниками. Но в 58 году до н. э. благодаря демагогу Клодию был принят закон, превращавший Кипр в римскую провинцию: остров был присоединен к провинции Киликия, а Птолемей Кипрский покончил с собой. Что касается Авлета, в конце концов после щедрых займов влиятельным людям он добился,

¹ Прозвище было дано, видимо, из-за характерного нароста на лице.

чтобы Рим признал его. Но жители Александрии взбунтовались, прогнали своего царя, который достиг Родоса, затем Рима и, наконец, был возвращен в свою столицу в 55 году до н. э. военачальником Птолемея, управлявшим Сирией. Вспомогательный корпус галлов и германцев под командованием римского офицера, служил ему охраной: Египет фактически стал протекторатом. Эти политические и военные операции обошлись очень дорого, отсюда рост налоговых требований со стороны лагидского государя и обычные последствия такой практики: бегство от налогов, оставление крестьянами своих земель, неповиновение и бандитизм. Развал египетской экономической системы ускорился. Местное жречество, чьей благосклонности добивались, всегда получало больше льгот и привилегий, которые сокращались, как и площадь плодородных земель, находящихся под контролем государства. В этих беспокойных обстоятельствах Птолемей Авлет даже сделал своим министром римского финансиста, чтобы разобраться с финансами. Такое сотрудничество плохо кончилось, и римлянин, будучи арестован, бежал в Рим. Это долгое царствование, длившееся до 51 года до н. э., стало смутным периодом в истории Египта, который не оплакивал «Флейтиста», несмотря на громкие эпитеты, которыми тот любил украшать свое имя: бог, новый Дионис, Филопатор и Филадельф.

Умирая, он оставил царство своему юному сыну Птолемею XIII, которому было всего десять лет, с тем чтобы он женился на своей старшей сестре Клеопатре VII, его семнадцатилетней дочери. Не многие женщины в истории настолько мифологизированы. Уже при ее жизни пропаганда Октавиана изображала ее развратным и порочным чудовищем, околдовывающим своей красотой, чтобы вершить свои черные дела, восточной чаровницей, отвращавшей римлян от своего долга, лишая их возможности противиться ей. Этот поверхностный и романтический образ и остался в представлении потомков. Изучим тексты и изображения, особенно прекрасный бюст из Шершелл, оставшийся от статуи, воздвигнутой ее дочерью — Клеопатрой Селеной, которая была женой мавританского царя Юбы II. Мы увидим лицо с крупными чертами, отражающими властность и холодное величие, с длинным орлиным носом, который указывает на природное достоинство и всегда подчеркивается в профилях

на монетах. Ничего, что свидетельствовало бы об обольстительности царицы-соблазнительницы, *regina meretrix*¹, как о ней предпочитали говорить римские писатели. Она была не азиаткой и не египтянкой, а гречанкой, умной и утонченной, говорившей на нескольких языках, в том числе и на египетском, а ее чары, о которых бесспорно свидетельствовали ее победы, следует связать не столько с пленительным телом, умело украшенным роскошными и изысканными уборами, сколько с пронзительным и живым умом или душевными качествами. Разумеется, она использовала свои женские хитрости с теми, от кого ждала защиты и поддержки. То, что она таким образом добилась этого как от Цезаря, обладавшего ясной головой, искушенного во всяческих соблазнах, но имевшего страстное сердце, так и от наивного Антония, великого воина, легко поддающегося обольщению и быстро воспламеняющегося, — доказывает, что она была способна пробуждать любовь. Только Октавиан — хладнокровный, хитроумный, бесстрастный — мог быть невосприимчив к ее очарованию. Сама она, как свидетельствует рассказ Плутарха, не была бесчувственной женщиной: в отношениях с Цезарем ее очаровывали его слава и талант; с Антонием, бывшим ее любовником и мужем, ее соединяла обоюдная страсть, которая была более безрассудна с его стороны, чем с ее, но глубину и искренность которой в достаточной степени доказывает их добровольная, не по-театральному трагическая смерть. Клеопатра стала последним представителем династии Лагидов, женщины которой отличались умом и страстностью, — достойный конец ее высокого предназначения.

Незадолго до смерти Авлета, в 53 году до н. э., на Ближнем Востоке произошло серьезное событие. Римлянин Красс, один из триумвиров, который вместе с Помпеем и Цезарем управлял тогда Республикой, в качестве проконсула прибыл в провинцию Сирию и неблагоразумно развязал там войну с парфянами. Во главе их в то время находился сильный правитель Ород. Он нанес Крассу, перешедшему через Евфрат, сокрушительное поражение при Каррах (в Месопотамии). Красс погиб в бою. Римлянам, отброшенным от границы, проходившей по Евфрату, теперь пришлось отказаться от дальнейшего продвижения: равновесие сил, которое признал

¹ Царица-блудница (лат.).

Птолемей, было таким образом закреплено. Но смерть Красса, лишившая триумвират одного члена, наряду с другими причинами привела к столкновению Помпея и Цезаря, которое произошло несколько лет спустя, в 48 году до н. э., при Фарсале (в Фессалии) и стало триумфом Цезаря. Бежавший Помпей вспомнил о том, что лагидский Египет до его поражения предоставил ему корабли и что в 55 году до н. э. Авлет был восстановлен в своем царстве одним из его легатов. Помпей возымел надежду обрести там убежище и поправить свое положение. Он прибыл в Пелузий, находившийся на восточной границе Дельты, где юный Птолемей XIII, окруженный своими советниками Потинном и Ахиллой, поскольку Клеопатра, рассорившись со своим младшим братом и супругом бежала в Келесирию и собрала там армию. Подстрекаемый своими советниками, Птолемей, стремясь заручиться благоволением победителя при Фарсале, счел необходимым для этого убить Помпея, после того как притворно пообещал ему убежище.

Цезарь несколько дней спустя прибыл в Александрию, где с болью и гневом принял от Птолемея странный подарок. Тогда же он получил еще один подарок, завернутый в ковер: это была царица собственной персоной, которая придумала этот авантюрный способ приблизиться к Цезарю, избежал шпионов своего брата и стражи римлянина. Это был выигрышный ход для Клеопатры, потому что Цезарь поддержал ее в конфликте с ее супругом. Но, подстрекаемое агентами царя, население Александрии восстало и окружило царский дворец. До марта 47 года до н. э. бушевала эта война в Александрии и закончилась, когда из Сирии прибыли резервные войска, чтобы освободить Цезаря. Птолемей XIII погиб при этом, Клеопатра тут же вышла замуж за своего второго брата — Птолемея XIV. Волнения в Александрии привели к невосполнимой для античной культуры потере — сгорела знаменитая Библиотека, единственное хранилище произведений греческой литературы и науки. Спасшись от мятежа, Цезарь и Клеопатра вместе отправились в Верхний Египет по Нилу, благодаря чему римлянин, как когда-то Сципион Эмилиан, увидел собственными глазами просторы страны и ее богатства. По возвращении Клеопатра и ее новый муж Птолемей XIV были утверждены в своем царском достоинстве, и Цезарь, прежде чем покинуть Египет, разместил там оккупационный корпус из нескольких легионов: под

предлогом защиты лагидской монархии он, таким образом, укреплялся в Египте как в собственном владении. Вскоре после его отбытия Клеопатра родила сына Птолемея Цезаря, прозванного Цезарионом, который был признан своим отцом в Риме перед сенатом. Этот ребенок должен был позволить царице чувствовать при живом Цезаре тесную связь с диктатором.

Этот последний прибыл в Малую Азию, где Фарнак, вероломный сын Митридата, оставив свое Боспорское царство, пытался восстановить отцовские владения, отвоевав Понт. В июне 47 года до н. э. поспешно прибывший Цезарь одним-единственным сражением разбил все надежды мятежного принца: именно после этой битвы он произнес знаменитую фразу: «Veni, vidi, vici». Вернувшись в Рим в октябре, он был встречен там Клеопатрой, которая жила на одной из его вилл до самой смерти диктатора. Там она держала целый двор, которым восторгались все, кто боялся и льстил Цезарю, пока тот между своими походами в Африку и Испанию завершал политическую и административную реорганизацию, которая подготовила трансформацию Республики в монархию. Покушение Брута и Кассия в мартовские иды (15 марта 44 года до н. э.) прервало этот процесс. Клеопатра в начавшейся сумятице, которая царил в Риме, охваченном гражданской войной, вернулась в Египет, избавилась от своего никчемного мужа и брата Птолемея XIV и стала править совместно со своим сыном Цезарионом: под именем Птолемея XV Цезаря он официально стал последним Лагидом, но, так же как и его дядя, он не имел реальной власти в управлении Египтом, которую полностью оставила за собой его мать. И с этой задачей явно справилась, насколько позволили обстоятельства. Несмотря на два серьезных неурожайных года, вызванных недостаточными разливами Нила (один между 50 и 48 годами до н. э., другой — в 42-м), несмотря на слабость местной администрации, несмотря на растущую инфляцию, о чем свидетельствуют нумизматические данные, царица сумела поддержать внутренний порядок и в египетских деревнях не происходило прежних возмущений. Бесспорно, это затишье следует приписать той заботе, которую эта государыня, первая из Лагидов, говорившая на местном языке, проявляла к своим египетским подданным. Если ей было за что негодовать на греческое население Александрии, всегда готовое взбунтоваться, то она старалась

предстать царицей фелахов: по крайней мере, формально она разделяла собственно египетские религиозные обряды по традиции древних фараонов. На глазах жрецов и верующих она совершала некоторые фараонские ритуалы, идентифицирующие правителя с великими местными божествами: так, например, родившийся Цезарион был уподоблен Хору и представлен как сын Цезаря-Амона и Клеопатры-Исиды. Это стремление выглядеть повелителем всего Египта проявилось у Клеопатры в еще большей степени, чем у ее предшественников, и объяснялось отчасти потерей монархией всех внешних владений. В любом случае, это было в духе традиции, установленной Александром Великим как преемником Ахеменидов.

Мы видели, какое влияние имел на средиземноморский мир греческий Восток в первые месяцы после смерти Цезаря. Два главных заговорщика, Брут и Кассий, бежали: один в Македонию, другой — в Сирию. В Азии они собрали средства и армию, обложив тяжелой данью провинции, свободные полисы и союзных правителей. Так что в конце концов во Фракии, при Филиппах, на Эгнатиевой дороге, в октябре 42 года до н. э. произошло решающее сражение между убийцами Цезаря и его мстителями. Когда поэт Гораций, сражавшийся на проигравшей стороне, вспоминает, что ему пришлось, спасая свою жизнь, позорно бросить щит, *relicta non bene parmula*, он не случайно воспроизводит слова Архилоха шестисотлетней давности: именно во Фракии древний паросский поэт вынужден был совершить такой же унижительный поступок¹. Речь идет об оде Горация «К Помпею Вару».

¹ Речь идет об оде Горация «К Помпею Вару». В вольном переводе Пушкина (стихотворение «Кто из богов мне возвратил...») строфа с приведенной выше латинской строкой звучит так:

Ты помнишь час ужасной битвы,
Когда я, трепетный квилит,
Бежал, нечестно броса щит,
Творя обеты и молитвы?

Подобным образом когда-то поступил и Архилох, и у него тема брошенного щита дана в ироническом ключе:

Носит теперь горделиво саец мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.

(Перевод В. Вересаева)

Один из двух победителей в битве при Филиппах, бывший полководец Цезаря — Марк Антоний — взял на себя задачу в свою очередь собрать на Востоке достаточно средств, необходимых для новых триумфиров. В связи с этим он изучал обстановку в этом огромном регионе, охваченном волнениями. Оказавшись летом 41 года до н. э. в Тарсе, в Киликии, он призвал Клеопатру поддержать его. Она прибыла по реке Кидн на пышно украшенной галере, окруженная роскошью, способной ослепить римлянина, хотя бы даже и знакомого с великолепием восточного приема: чуть раньше жители Эфеса приветствовали его как Нового Диониса. Такое появление Клеопатры произвело немедленный эффект: Антоний, очарованный женщиной, покоренный царицей, готов был во всем ей подчиниться. Следующую зиму он провел с ней в Александрии, где они вместе проводили время в удовольствиях, празднествах и пирах — образовав так называемый «союз неподражаемых», ведя себя, как боги, которым их уподобляли — Дионису-Осирису и Афродите-Исиде. При этом Клеопатра, как истинный Лагид, была безжалостна из предосторожности: в Тарсе она добилась, чтобы ее сестра Арсиноя, укрывшаяся в храме Артемиды Эфесской, была, несмотря на право убежища, выведена оттуда и убита. Так, в разгаре любви и безумств политические расчеты оставались для Клеопатры делом первостепенной важности.

Наслаждение образом жизни «неподражаемых» продолжалось всего несколько месяцев. Политическая обстановка в Риме и угроза парфянского вторжения в Сирию вынудили Антония покинуть Александрию и вернуться в Италию, чтобы урегулировать свои отношения с Октавианом и потребовать армию для войны с парфянами. Он добился от других триумфиров, чтобы ему передали управление на Востоке, и, женившись на Октавии, сестре Октавиана, провел в Афинах зиму 39/38 года до н. э. Один из его военачальников взялся очистить Сирию от парфянских захватчиков. В 37 году до н. э., планируя подготовить большой поход на Средний Восток, Антоний переселился в Антиохию. Он отослал в Италию свою жену Октавию и вызвал к себе Клеопатру. Она привезла с собой двух близнецов, которых родила в 40 году до н. э. после его ухода и которые не знали еще своего отца: сына Александра-Гелиоса и дочь Клеопатру-Селену, названных так,

чтобы получить покровительство космических божеств — Солнца и Луны, ибо им предназначено было править вселенской империей. Тогда Марк Антоний, прежде чем отправиться в следующем году за Евфрат в поход, явно вдохновленный примером Александра и, по-видимому, задуманный еще Цезарем, в свете недавнего опыта реорганизовал административное деление греческого Востока, бывшего во власти Рима.

В Малой Азии провинция Понт, которая считалась слишком отдаленной, чтобы сохранять там прямое управление, снова становилась царством, которое предоставлялось контролируемому правителю. Провинции Вифиния и Азия сохраняли свой облик. В Киликии было введено сложное управление: теперь она была разделена надвое — восточная часть присоединялась к соседней провинции Сирии, а западная половина, или Киликия Трахея, старое горное убежище пиратов, преобразовывалось в царство и поручалась образованному царю и поэту Полемону. Галатия и Каппадокия остались зависимыми царствами. Независимые греческие полисы и некоторые мелкие царства дополнили римскую Анатолию, в которой Антоний, проявив политическую осторожность, поддерживал в основном систему, установленную Помпеем, но в связи с упразднением двух провинций — Понта и Киликии — внес в нее некоторые изменения, чтобы облегчить тяжесть прямого управления и сделать более гибкими механизмы политического и финансового контроля в обширной и разнородной стране. Южнее провинции Сирия, расширившейся до равнины восточной Киликии, Антоний оставил без изменений арабское государство набатеев и еврейское государство Иудею, преобразованное в царство после парфянского вторжения и получившее в качестве царя клиента Рима Ирода Великого, в правление которого тридцать лет спустя родился Христос. Зато большая часть Южной Сирии с Дамаском, Халкидой Ливанской и побережьем Финикии была возвращена лагидскому Египту, который тем самым неожиданно опять оказывался в Келесирии. Кроме того, к Египту снова был присоединен Кипр вместе с частью Западной Киликии. Эти пожалования были не просто подарками пылкого любовника своей возлюбленной: речь шла о том, чтобы обеспечить лагидское царство необходимым лесом для восстановления военного флота, который, как предвидел Антоний,

мог понадобиться в ближайшем будущем. И для похода в Азию нужны были крепкие базы, существенным элементом которых являлись ресурсы Египта.

В 36 году до н. э. Антоний двинулся в Азию во главе многочисленного войска. Выйдя из Коммагены, он пересек Армению и достиг Мидии Атропатены, находящейся на юго-западе от Каспийского моря. Но с ним не было осадных машин, что помешало ему взять город Фрааспу. Застигнутый врасплох неблагоприятным сезоном, он вынужден был возвращаться в суровых погодных условиях. Плутарх очень живо описал страдания, которые пришлось испытать армии во время этой кампании, где Антоний проявил свои качества полководца, храбрость и несгибаемую стойкость, сблизившую его с простым солдатом. Тем не менее это было поражение. В результате второй кампании, в 34 году до н. э., была занята и сделана провинцией Армения, чтобы наказать царя, оказавшегося неверным союзником.

Между тем в 35 году до н. э. Антоний испортил отношения с Октавианом и запретил своей жене Октавии воссоединиться с ним на Востоке, что было равносильно разводу. В то время пока Октавиан готовился на Западе к неизбежному столкновению, настраивая общественное мнение против своего соперника как против врага Рима, Антоний силой обстоятельств все теснее связывал свою судьбу с судьбой Клеопатры и лагидского царства. Рядом с царицей, родившей ему третьего ребенка, названного Птолемеем Филадельфом, он воспринимался как некоронованный царь средиземноморского Востока, как наследник эллинистического мира, в последний раз представшего единым целым под единой властью. Он жил в Александрии, ставшей, таким образом, на короткое время фактически политической столицей всего Востока — честь, которой этот великий город никогда раньше не удостоивался. Осенью 34 года до н. э. состоялось потрясающее знаковое празднество: в гимнасии Александрии перед народным собранием Антоний тожественно провозгласил Клеопатру «царицей царей», Цезариона, который разделял с ней власть, «царем царей», а трех малолетних детей, рожденных от него Клеопатрой, — правителями царств, завоеванных Римом в настоящем и будущем: Александру Гелиосу отдавалась Армения и земли за Евфратом, Клеопатре Селене — Ливия, то есть, по сути,

Киренаика, Птолемею Филадельфу, самому юному, зачатою после разлуки в 37 году до н. э., — Сирия и Киликия. Этому провозглашению предшествовали своеобразные дионисии, во время которых Антоний, как Новый Дионис, играл первую роль бок о бок с Клеопатрой, Новой Исидой. Теперь этот римлянин разделял верования и обычаи эллинистических монархий и народов. Он упразднил римские провинции Сирию, Киренаику и Армению, чтобы превратить их в царства для своих детей. Он сделал Александрию центром нового мира, контуры которого только что наметились. Через полтора века, в течение которых Рим непрерывно одну за другой разрушал политические структуры, восходящие к империи Александра, чтобы заменить их своей безраздельной властью, Антоний волевым решением, возможно отчасти реализуя планы Цезаря, совершил революцию: старая мечта македонского Завоевателя и диадохов возродилась после столетнего забвения, и дочь Лагидов, опираясь на крепкую руку триумвира, была близка к тому, чтобы вместе с новым супругом и детьми получить своего рода вселенскую монархию в рамках средиземноморского Востока.

Мечта эта вскоре оказалась разбита. Раздача владений в Александрии предоставила Октавиану прекрасную возможность для пропаганды: она обрушилась против неверного римлянина, отказавшегося от своей родины и своих богов ради чужестранки. Официальный развод с Октавией, позволивший Антонию узаконить своих детей, рожденных Клеопатрой, и стать супругом царицы, послужил еще одним аргументом. Другие обнаружались в завещании Антония, которое хранилось у весталок и было бесцеремонно вскрыто Октавианом. В нем указывалось, что для Антония единственным наследником Цезаря является Цезарион, тогда как на это наследство претендовал Октавиан как внучатый племянник диктатора. Решение о войне против Клеопатры, то есть против Антония, принятое голосованием в Риме, стало неизбежным завершением этого конфликта.

Через два года подготовки с обеих сторон произошло столкновение армий на границе греческого и римского миров — у побережья Ионийского моря, у Амбракийского залива, отделявшего Акарнанию от Эпира. По совету Агриппы Октавиан занял

Керкиру на севере и Патрас на юге, тогда как лагерь Антония в заливе и его флот и присоединившийся к нему флот Клеопатры, которая присутствовала в нем лично, были оторваны от своих баз. Сражение произошло на море, у мыса Акции, 2 сентября 31 года до н. э. Когда исход битвы был еще сомнителен, Клеопатра приняла решение бежать, уведя свои суда. Увидевший это Антоний повернул корабль и последовал за ней в Александрию, бросив свою армию и эскадру и отдав Октавиану победу, которая не была предreshена заранее, но которая определила на века судьбу античного мира. Эта дата по праву была избрана во многих регионах Римской империи в качестве точки отсчета новой эры — «от победы цезаря». Действительно, она ознаменовала триумф Октавиана и начало нового порядка, но в то же время она означала крушение восточной мечты Клеопатры и Антония и положила конец тому, что мы называем эллинистической эпохой.

Нам остается напомнить о последних месяцах побежденной пары, волнующее описание которых можно прочитать у Плутарха в «Жизнеописании Антония»: Октавиан, призванный в Италию в связи с бунтом в армии, дал им отсрочку на год. Потеряв большую часть своих войск, которые, оставшись при Акции, вскоре примкнули к победителю, Антоний, без сомнения, осознавая, что ответственность за разгром, по сути, лежит на нем, впал в меланхолию. Он то запирался в одиночестве в покоях царского дворца, который назвал Тимонионом — по имени знаменитого мизантропа Тимона Афинского, желая по его примеру удалиться от людей, то, наоборот, пытался забыться вместе с Клеопатрой в самых безудержных развлечениях, бывших уже не играми «союза неподражаемых», а весельем «союза смертников», как они теперь называли себя. Когда летом 30 года до н. э. Октавиан, прибыв из Сирии, где он высадился в Птолемаиде Аке (Сен-Жан-д'Акр) и подошел к Александрии, Антоний вступил в последний бой без всякой надежды, а потом убил себя. Клеопатра, стремившаяся любой ценой сохранить династию для себя или для своих детей, пыталась соблазнить Октавиана, но ее чары были бессильны перед холодным честолюбцем. Поняв это, она покончила с собой, чтобы избежать унижительного положения трофея в триумфальном шествии своего победителя. Подобно тому как ее роман с Цезарем начался авантюрой уловкой

с ковром, в который была завернута молодая женщина, так и теперь тридцативосьмилетняя царица заканчивала свою роковую связь с Антонием с помощью хитрости — корзины со смоквами, среди которых таился аспид. Некоторые современники считали, что самоубийство через змеиный укус было продиктовано египетскими религиозными представлениями, согласно которым жертва кобры, змеи, посвященной Амону-Ра и изображаемой на короне фараонов в виде урея, становится бессмертной и равной богам. Но аспид — это не кобра, и Клеопатра, которая как царица уже была для греков богиней, не нуждалась в подтверждении своей божественности за пределами смерти. Плутарх просто и сочувственно рассказывает, как хладнокровно она приготовилась к смерти, сохраняя царское величие, и в последний момент думала о том, кто покончил с собой раньше ее, до самого конца разделяя с ней судьбу. С Клеопатрой исчезла последняя великая эллинистическая монархия. Ее детей ждала разная судьба: Октавиан убил Цезариона, которого опасался как сына Цезаря. Дети Антония предстали в триумфальном шествии, которым было отмечено возвращение Октавиана в Рим. Нам неизвестно, что стало впоследствии с двумя мальчиками — Александром-Гелиосом и Птолемеем Филадельфом. А девочка, Клеопатра Селена, позже вышла замуж за образованного и просвещенного мавританского правителя Юбу II, в чьей столице Цезарии (Шершелл, в Алжире) был позже обнаружен единственный бесспорно идентифицируемый портрет ее матери. Что касается Египта, вновь утратившего все свои внешние владения, он, в свою очередь, стал римской провинцией, но с особым статусом: Октавиан назвал себя наследником Лагидов и управлял ею не в качестве проконсула, как другими провинциями, контроль над которыми сенат доверил ему в 27 году до н. э., а тот осуществлял его через своих легатов, а посредством префекта, который вел дела от его имени, как вице-король. Египет стал личным владением правителя, которому подчинялся напрямую. В остальном Октавиан, получивший имя Август, в основном сохранил облик, приданный римскому Востоку Помпеем и упорядоченный Антонием. Именно в этих рамках на протяжении существования Империи эллинизм продолжал свою историю на службе у Рима.

Глава 6 ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛИСА

Как мы убедились в предыдущей главе, трехвековая история, которую мы называем эллинистической эпохой, предстает драмой из пяти актов. Она начинается с ослепительной и короткой авантюры Александра Великого. Завязкой действия становятся безрезультатные попытки диадохов сохранить или возродить идеал вселенской империи. Эта драма достигает кульминации в одновременном, хотя и обособленном расцвете трех великих монархий: Лагидов, Селевкидов и Антигонидов, а также их более скромных подражателей, таких как Атталиды и царь Магас. Поворотный момент наступает с появлением нового действующего лица — Римской империи, которая нанесла один за другим решающие удары по равновесию сложившейся системы. Наконец, пока этот мир корчился в агонии, Рим, торжествующий свой бесспорный триумф благодаря внутренним факторам, ускорившим упадок великих государств, устанавливает новый порядок, наследующий старому и призванный просуществовать несколько веков. Разумеется, при подобном рассмотрении события этой истории оказываются чрезвычайно запутанным клубком сложных взаимосвязей и предоставляют ученым широкое поле для проницательных и терпеливых исследований, которые с каждым годом приводят к новым открытиям и позволяют внести в общую картину многочисленные поправки. Но благодаря временной дистанции, которая обнажает основные причинно-следственные связи, главные линии можно выделить совершенно четко. Фундаментальным нововведением стал политический порядок: этому греческому

миру, сосредоточенному вокруг Эгейского моря и эллинистического полуострова, который до сих пор существовал в политической системе, основанной на таком базовом элементе, как полис, множество которых находилось в постоянном столкновении интересов, — навязывался совсем отличный тип государства — монархическое, основанное на преданности огромных территорий власти одного человека и стремящееся объединить и сохранить в едином целом многочисленные разнородные сообщества. Хотя эллинистические государства в большинстве своем были недолговечны и в высшей степени нестабильны, это не помешало им произвести в ментальном мире современников глубокие изменения и оказать на античную цивилизацию влияние, значительность которого мы попытаемся измерить. Впрочем, явление не обязательно должно быть долговременным, чтобы стать исторической вехой. Если задуматься, то афинская демократия играла первостепенную роль в течение всего лишь полутора веков: от битвы при Марафоне до сражения при Херонее! Не дольше просуществовали династии Антигонидов и Атталидов — гораздо меньше, чем династия Селевкидов или Лагидов. Эллинистическая монархия, таким образом, успела сыграть в эволюции античного мира существенную роль, признанную современными историками. Тем не менее прежде чем анализировать ее устройство и определять ее основные черты, необходимо разобраться с фактом, которым зачастую пренебрегают — сохранение греческого полиса внутри эллинистического общества.

Обыкновенно, описывая это общество, подчеркивают возрастающую значимость личности по отношению к гражданскому обществу, как будто бы это последнее переживало глубокий упадок и существовало лишь как пустая форма. Действительно, история этой эпохи предлагает целую галерею исключительных персонажей: правителей, полководцев, авантюристов, путешественников, философов, писателей и художников, чья славная или трагическая судьба разворачивалась, казалось бы, вне старых рамок полиса. Эта независимость — новый феномен в греческом мире, и нам следует определить его важность и значение. Но было бы ошибкой заключить, что от гражданской реальности тогда осталось одно воспоминание. Конечно, в политических играх отныне доминировали не полисы, а царства. В целом полисы, даже объединенные в союзы, подчинились более сильному, крупному государству. Однако этот

феномен касается в основном масштабных, поворотных событий, которые выходят на авансцену истории и становятся объектом изучения историков. Зато на заднем плане, в повседневной жизни и для подавляющего большинства греков, полис продолжал существовать и играть свою роль: он оставался рамками, в которых разворачивалась со своими страданиями и радостями жизнь среднего грека, который, как и раньше, был тесно связан с судьбой своего города, разделял его несчастья и благополучие, зависел от его защищенности, участвовал в местных культах, чтит память его предков и удовлетворял в гражданском сообществе свои амбиции. Здесь бесценными свидетельствами являются эпиграфические источники: благодаря множеству надписей и особенно посвящениям, дошедшим до нас в огромном количестве, мы можем непосредственно проникнуть в обыденную жизнь греческих полисов — больших и малых, — увидеть деятельность магистратов, именитых граждан, членов комиссий и советов, функционирование общественных институтов, усилия, прилагаемые, чтобы справиться с внутренними и внешними проблемами, с угрозой войны или голода, внутренними распрями или внешним вторжением. Эта огромная масса первоисточников позволяет уточнить то, что схематизирует или обобщает рассказ о событиях международного уровня. Она объясняет, почему, как это ни парадоксально, правильно было бы говорить об эллинистической эпохе как о «золотом веке греческого полиса». Золотой век — это слишком сказано, поскольку в эту эпоху, в отличие от классической, не было полисов, которые делали бы историю. Но они продолжали в ней действовать, и в этом огромном и разном мире они оставались базовым элементом общественной структуры, клеточкой, на которой основывалась вся цивилизация. Поэтому прежде чем приступить к рассмотрению специфических аспектов этой цивилизации, нам необходимо убедиться, что эта фундаментальная ценность, каковой является греческий полис, продолжала существовать и даже развивалась.

* * *

Эллинистический полис сохранил главные черты классического полиса. Это была форма организации человеческого общества, объединенного общей историей, мифами, культурами. Центром

его был город — крупный или маленький, к которому прилежала территория не очень значительная по своей площади. Он управлялся своими собственными институтами и законами. Он имел средства защиты, которые обеспечивали его безопасность. Наконец, он признавался как государство другими государствами и обществами. Сохранив все эти характеристики, оставшиеся от предыдущей эпохи, полисы Эллады и островов продолжали существовать, страдая от последствий соперничества великих держав, которых им было трудно избежать.

Сохранив все эти характеристики, оставшиеся от предыдущей эпохи, полисы Эллады и островов продолжали существовать, страдая от последствий соперничества великих держав, которых им было трудно избежать. Конечно, эти последствия серьезно ограничивали их свободу действий во внешней политике, а также не менее серьезно влияли на управление внутренними делами, когда господство одного человека или одной партии навязывалось извне. По правде говоря, это явление было не ново: во времена борьбы Афин со Спартой или Спарты с Фивами союзники того или другого государства-гегемона не были свободны в решении вопросов войны и мира и очень часто вынуждены были принимать главенство той партии или ту форму правления, которые им навязывал доминирующий полис. Абсолютная автономия была тогда только идеалом, который было трудно сохранить, когда наступал кризис. То же происходило и в эллинистическую эпоху. Не много было полисов, которые могли вести политику исходя из собственных интересов: обыкновенно им приходилось принимать в более или менее открытой форме контроль, если не протекторат, а иногда подданство от более или менее могущественной власти, распространявшей свое влияние на их регион. Чаще всего это была власть царя, чье государство или союзное объединение охватывало территорию полиса. В Элладе к тому же существовали союзы полисов, которые пытались расширять или удерживать свое влияние в том или ином регионе и не терпели сепаратизма и даже проявлений независимости. На окраинах эллинистического мира это могла быть также варварская монархия, которой выплачивалась дань, регулярная или от случая к случаю, чтобы заслужить ее благосклонность и покровительство. Наконец, это была «дружба» с Римом, которая требовала особого обращения и со временем

только увеличивала свое значение. Таким образом, от края до края эллинистического мира установилась система крайне сложных отношений, которые зачастую представляли как альянс, *симмахия*, либо дружба, *филия*, и к которым примешивались, по крайней мере на словах, такие чувства, как добровольность, *εὐποία*, признание, *eucharistia*, преданность, *prothymia*, отвечающие своего рода кодексу чести и поведения, который определял формальную сторону отношений между государствами. Разумеется, этот дипломатический язык и дипломатические формулы обычно прикрывали силовую политику. Но они широко применялись участниками политической игры, даже если теоретическая независимость полиса в действительности была сильно урезана.

Когда же интересы какого-нибудь крупного государства не противоречили собственным интересам эллинистического полиса, проблемы, с которым этот последний сталкивался, существенно отличались от тех, что стояли перед полисом классической эпохи. Покажем это на примере и выберем для этого не очень большой полис, являющийся прекрасным образцом того типа городских сообществ, которые процветали на всем пространстве эллинистического мира, — Аполлонию Понтийскую. Она имела очень распространенное среди греческих полисов название, потому что ее божественный покровитель Аполлон сыграл важную роль в древнем процессе колонизации и многие колонии избирали для себя покровительство этого бога: для того чтобы различать их, было принято присоединять к названию «Аполлония» географическое уточнение. Аполлония на Понте была основана милетскими греками в конце VII века до н. э. на фракийском побережье Черного моря (территория современной Болгарии). Она была одной из факторий, которые крупный торговый полис Милет основывал до самой дельты Дуная, в том числе и Истрию (в Добрудже) чуть южнее устья реки, Томы (Констанца) — еще южнее (сюда был сослан при Августе Овидий, и здесь он написал «Скорбные элегии» и «Послания с Понта»), а также Одесс (Варна, в Болгарии). Аполлония была самым южным из этих милетских полисов. Она располагалась на южном берегу залива Бургас и, в свою очередь, основала на противоположном побережье залива поселение Анхиал, защищенное укрепленным постом. На западном побережье Понта Эвксинского кроме этих милетских

колоний находились также колонии Мегары: наиболее крупная из них, Месембрия, основанная в конце VI века до н. э. выходцами из мегарских городов Боспора — Византия и Халкедона, — находилась севернее Анхиала. Между этими полисами, растянувшимися на какие-то 250 км вдоль небезопасного побережья, которому постоянно угрожали или которое разоряли варварские царства (геты — за Дунаем к северу, фракийцы или кельты — южнее), существовали не только коммерческие и союзнические отношения, но также — в духе пагубных традиций греческих полисов — соперничество, служившее источником пограничных конфликтов, которые в истории эллинизма случались повсеместно. Об одном из таких конфликтов упоминается в надписи на стеле, обнаруженной в Истрии: это текст прославляющего декрета, принятого полисом Аполлонией на Понте в благодарность гражданину Истрии, оказавшему им услугу в трудных обстоятельствах. Обращение к этим обстоятельствам, о которых ничего не сообщают другие источники, позволяет живо и детально представить проблемы и условия существования граждан этого небольшого греческого города в самый расцвет эллинистической эпохи.

«Он оказал добрую услугу Совету и народу. Синедрион предлагает. Принимая во внимание следующее: поскольку равнина по ту сторону залива [и крепость Анхиала были заняты месембрийцами], которые, начав против нас необъявленную войну, совершили столько кощунственных действий в отношении храма Аполлона и подвергли наш город крайней опасности, — поскольку истрийцы, связанные с нами общим происхождением, дружбой и преданностью нашему народу, прислали свой военный флот и свою армию нам на помощь во главе с Хегесагором, сыном Монима, достойным человеком, который, прибыв на место, защитил город, окрестности и порты совместно с нами и нашими союзниками, — поскольку с другой стороны крепость Анхиала, взятая и занятая врагом (что приводило к серьезным последствиям для нашего города и его доходов), была отвоевана Хегесагором совместно с нами и нашими союзниками, а затем скрыта им до основания, — поскольку кроме того в морской операции против Анхиала, когда враг атаковал флот, Хегесагор сразился с более сильным противником, одержал верх и захватил корабль и его экипаж совместно с нами и нашими союзниками, — поскольку также при

высадке, где он лично проявил особую храбрость, и во всех других сражениях, в которых он принимал участие, несмотря на опасность, он всегда одерживал победу и постоянно поддерживал в своих солдатах боевой дух, — вследствие этого народ, чтобы выразить свою признательность и почтение храбрым людям, — во имя доброй удачи Совет и народ решил прославить народ Истрии — своих друзей, соплеменников и союзников — за оказанную службу и особенно за флотоводца Хегесагора, сына Монима, установив для истрийцев почести, звания, а кроме того увенчав Хегесагора, сына Монима, золотым венком во время дионисий, возведя его бронзовую статую в доспехах на форштевене корабля, посвятив эту статую храму Аполлона Врачевателя и выбив в ее основании надпись, а также объявив об этих почестях на проходящих в Истрии празднованиях...»

Итак, на Аполлонию без объявления войны напал ее сосед с севера — Месембрия, занявшая регион Анхиала, с территории которого она граничила, тогда как Аполлония была отделена от него Бургасским заливом. Месембрийцы, застав врасплох своих соседей, не ожидавших нападения, заняли крепость Анхиала и, двинувшись дальше, принялись разорять земли Аполлонии и даже осквернили храм Аполлона, который, согласно Страбону, стоял на островке в заливе. Понятно, что это вторжение грозило аполлонийцам полным уничтожением. Даже если город за своими крепостными стенами чувствовал себя в безопасности (осада всегда была нелегким делом, требовавшим многочисленной армии, техники и времени), у него не было ресурсов для выживания, которые он получал со своих территорий, прежде всего зерна, а также продуктов рыбного и соляного промыслов, расположенных в регионе Анхиала, и он утратил экономическую выгоду от контроля за Бургасским заливом, в котором раньше мог взимать пошлины за проезд на материк, а кроме того, за продукцию рудников Фракии (железо, свинец, медь) и за лес. Здесь прекрасно видно, как жизненно важна была для малых греческих сообществ континентальная территория, которая зависела бы от них и снабжала бы их ресурсами. Отсюда ожесточенное соперничество, которое зачастую сталкивало граничившие друг с другом полисы, всегда стремившиеся расширить свои маленькие владения за счет соседей.

В этих крайних обстоятельствах аполлонийцы, чьих военных сил не хватало, чтобы отразить вторжение, призвали на помощь другой полис — Истрию. Их объединяло общее происхождение — и тот и другой были основаны ионийцами из Милета: отсюда общность культов, унаследованных от метрополии, как, например, культ Аполлона Врачевателя в Аполлонии, который восходил к храму Аполлона — Дидимейону, возле Милета. Их связывала также общность языка: оба полиса говорили на ионийско-аттическом диалекте, ставшем общеупотребительным языком в ту эпоху, тогда как Месембрия, колония Мегары, использовала диалект, в котором сохранились дорийские формы. Наконец, их роднила общность истории, ибо у нас есть свидетельство о том, что Истрия ранее уже отправляла подкрепление на помощь Аполлонии. Вряд ли стоит считать чисто вербальным соглашением это упоминание о дружественных связях, основанных на таких достоверных фактах, и о родственных отношениях, которые опирались на воспоминание о мифической генеалогии: в глазах греков даже в эллинистическую эпоху она была не легендой, а историей, и общность корней, уходящих в далекое прошлое, нельзя просто так отвергать.

Истрия, таким образом, охотно откликнулась на обращенный к ней призыв. Поскольку территория противника, Месембрия, располагалась на побережье между Истрией и Аполлонией, и поскольку оба полиса были отдалены друг от друга, помощь пришла по морю под защитой военных судов. Руководство комбинированными — наземными и морскими — военными действиями было поручено истрийскому военачальнику Хегесагору как главнокомандующему флотом — *navarque autocrator*. Войска Аполлонии, уступавшие в мощи экспедиционному корпусу, тоже стали под его единое командование, как и войска союзников (других ионийских полисов региона или вспомогательных контингентов, предоставленных соседними варварскими народами). Военные действия в зоне Бургасского залива завершились полной победой: была отражена угроза, нависшая над землями Аполлонии и святилищем Аполлона, враг был изгнан с территории в районе Анхиала и из самой крепости, которую предусмотрительно было решено разрушить, чтобы в будущем при новом вторжении месембрийцев она не стала для них опорным пунктом. Одновременно

с этими наземными операциями Хегесагор сражался в водах залива с вражеским флотом и нанес ему поражение: между Аполлонией на юге и Анхиалом на севере удобные пути сообщения, совершенно естественно, проходили по морю, начинаясь от двух портов, окружающих остров Созопол, на котором располагался город Аполлония. Подробный перечень заслуг Хегесагора, как мы видим, позволил разобраться в сути этого локального конфликта между двумя греческими полисами по жизненно важному вопросу о границах. В нем не было ничего существенно нового относительно древней и классической эпохи. То же столкновение интересов приводило к той же яростной вооруженной борьбе, когда спорный вопрос не мог быть разрешен в суде. И политика полисов определялась наличием такого рода угрозы: им необходимо было иметь вооруженные силы из граждан и, как мы еще увидим, особенно наемников, поддерживать состояние своих стен, строить крепости для контроля за открытой местностью и размещать в них постоянные гарнизоны, а кроме того, заключать и соблюдать с соседними полисами, монархами и варварскими государствами эффективную систему союзов, чтобы обуздывать притязания или отражать военные посягательства. Вроде тех, что приняла против территорий Аполлонии Месембрия и которые являются замечательным примером характерного для эллинистического мира явления.

Этот документ показателен также в отношении процедуры декрета и дает нам представление о функционировании государственных институтов. Как и в других греческих полисах, декрет принимался Советом и народом: эти два института — собрание граждан и Совет (любого состава), который разрабатывал и заверял резолюции собрания, — продолжали, как и прежде, управлять делами полисами. Текст декрета был предложен и составлен коллегией, более узкой, чем Совет, коллегией *синедров*, «тех, кто заседают вместе» — термин, который не определяет их функцию: возможно, речь идет о коллегии магистратов либо о фракции Совета, играющей роль постоянной комиссии вроде афинской притании. Составлен декрет был по общепринятой для такого рода документов форме: он представлял собой одну сложную фразу, состоящую из отдельных предложений (иногда даже с нарушением грамматического соответствия), чтобы за счет выделения

синтаксических связей подчеркнуть связь между причиной и результатом, между оказанными услугами и возданными почестями. Первая часть фразы, более развернутая, содержит мотивировку и обзор: в ней перечисляются обстоятельства, в которых почитаемое лицо оказало помощь полису, что может, как в нашем случае, представлять собой своего рода историческое изложение, построенное на союзных предложениях, каждое из которых подчиняется формулировке «исходя из того, что...». В особых обстоятельствах обычно добавлялось упоминание об общих заслугах интересующего лица: впрочем, чаще всего это упоминание было недостаточным и требовало дальнейшего уточнения. За обзором часто следовал компонент фразы, вводимый союзом «для того чтобы...» и выражающий стремление народа проявить благодарность по отношению к своим благодетелям, чтобы поощрить их в будущем к новым подвигам самоотверженности — отсюда название этой части декрета: «побудительная». Затем, после обращения к Доброй Удаче из суеверной предосторожности, которая, разумеется, не была только словесной, шла *резолуция* в виде пожелания: «Совет и народ решил...», которая вводила перечень решений, предлагаемых составителями декрета. В данном случае это были решения двух родов. Одни касались народа Истрии: аполлонийцы воздавали ему хвалу, то есть публично выражали ему свою благодарность за услуги, в частности за отправку флотоводца Хегесагора. В связи с этим восстанавливались неутраченные привилегии, которые Аполлония когда-то признала за истрийцами и которые с течением времени вышли из практики. Вторая часть решений относилась лично к Хегесагору. Ему присуждался золотой венок — честь, которая в классическую эпоху была исключительной, но постепенно распространилась и заменила древнюю практику возложения венка из листьев: эллинистический мир был лучше обеспечен драгоценными металлами, имевшими самое широкое применение. Хегесагору предстояло получить этот венок во время празднования дионисий; в ту эпоху этот праздник проводился во всех греческих полисах и был излюбленным поводом для официального чествования, когда народ собирался в театре на драматическое представление, которое было важной частью праздника. Кроме того, флотоводцу должна была быть установлена бронзовая статуя, изображающая его в полном военном

снаряжении на постаменте в виде носовой части корабля: прекрасный образец подобных статуй в честь живых героев, которые в изобилии украшали общественные места и святилища эллинистических полисов. Особая форма основания, имитирующая нос корабля, отсылала к одержанной Хегесагором победе на море. Подобных примеров была масса в различных местах эллинистического мира: на Тасосе, в Эпидавре, на Родосе, в Кирене, и самая известная среди них — Ника Самофракийская, относящаяся, вероятно, тоже к первой половине II века до н. э. Еще подробно описанный Диодором знаменитый кенотаф, который Александр Великий повелел установить в Вавилоне после смерти своего друга Гефестиона, был украшен в числе прочих элементов носовыми частями кораблей, на которых были водружены фигуры лучников и гоплитов: этот прием, как видим, получил распространение от Африки до Черного моря, пройдя через Пелопоннес и острова. Статуе Хегесагора предстояло быть воздвигнутой не на агоре Аполлонии, а в главном святилище полиса — храме Аполлона Врачевателя. Здесь находились бесценные произведения искусства: культовую статую изваял знаменитый скульптор Каламид, современник молодого Фидия; позже, около 70 года до н. э., она была похищена римским наместником в Македонии Марком Теренцием Варроном Лукуллом (братом консула, одержавшего победу над Митридатом¹), который установил ее в Капитолии. Как видим, отдаленность регионов эллинистического мира не спасала их от римского грабежа!

Таковы были почести, которыми удостоили аполлонийцы истрийского флотоводца, спасшего их от катастрофы. Конец текста, каким он дошел до нас, указывает на то, что эти почести должны были быть обнародованы в его родном полисе, Истрии, по случаю праздника, отмечаемого там, как и в других греческих полисах, ежегодно. Такая практика была обычной: важно было, чтобы слава, заслуженная гражданином одного государства перед другим государством, была признана на его родине. Поэтому существовал обычай провозглашения заслуг и обнародования декрета

¹ В других источниках братом Луция Лициния Лукулла (победителя Митридата) и наместником Македонии называется Марк Лициний Лукулл, известный также своим участием в подавлении восстания Спартака. А Марк Теренций Варрон Лукулл указан как их отец.

как в полисе, который оказывал ему почести, так и в родном полисе вознаграждаемого. В данном случае эта традиция оказалась очень удачной для нас, потому что от памятника Хегесагору в Аполлонии не осталось и следов, а стела, установленная в Истрии, сохранилась до наших дней.

* * *

Этот пример показывает, как почетные декреты, сохранившиеся в надписях, могут дать нам представление о жизни эллинистического полиса. Увеличение их числа в сравнении с предыдущей эпохой объясняется отчасти, как мы увидим, необходимостью полисов постоянно вызывать к самоотверженности отдельных лиц в связи с сокращением общественных ресурсов и определенным упадком традиционных институтов, терявших свою эффективность. Но обилие подобных документов, как и позже в эпоху Римской империи, тем не менее свидетельствует о жизнеспособности этих гражданских обществ, которые всегда оставались привычными рамками существования для подавляющего большинства греков.

Само собой разумеется, в Элладе жизнь шла, как и прежде, с учетом новых факторов, таких как могущество Македонии или Этолийского и Ахейского союзов. Большие традиционные полисы: Афины, Спарта, Аргос, Коринф, Фивы и Халкида — в своей внешней политике страдали от последствий развития силовых отношений; тем не менее они продолжали вести в рамках законов предков — иногда вынужденно отказываясь от них на время при каком-нибудь тиране, но никогда не ставя их под сомнение — активное существование, зачастую вполне благополучное, как свидетельствуют о том памятники. Эти полисы уже не играли первых ролей в международной политике, но еще обладали определенным влиянием, и ущерб, который им причиняли войны, говорит о том, как охотно они принимали участие в крупных конфликтах того времени. Помимо этих бывших главных героев, утративших свою былую мощь, но по-прежнему овеянных своей древней славой, существовало множество полисов не столь выдающихся или даже совсем безвестных, которые теперь вышли из тени и стали знамениты: Сикион — родина Арата, Мегалополь —

крупный город Аркадии, Мессана, равномерно разраставшаяся от своей агоры, Элида, которая продолжала добросовестно заниматься организацией Олимпийских игр, что способствовало росту ее славы. Такими были полисы Ахайи: Эгион, в котором находилось святилище, заменившее разрушенную землетрясением 373 года до н. э. Гелику; Патры — небольшой город, который благодаря укреплявшимся связям с Италией и западными морями в скором времени сделался одним из крупных портов и главных полисов на Пелопоннесе.

В континентальной Греции Мегара со своим портом Нисеей в Саронийском заливе и двумя гаванями, Пагаей и Айгостеной, в Коринфском заливе выиграла от разрушения Коринфа в 146 году до н. э. и сумела воспользоваться своей дружбой с Македонией. В Беотии помимо Фив, чье доминирующее положение оставалось бесспорным, в то время процветали другие полисы: Танагра, которая считалась самым гостеприимным краем для чужеземцев; Феспии, в которых хранились знаменитые произведения Праксителя и Лисиппа и на территории которых, в долине гор Геликона, находилось древнейшее святилище муз; и наконец, Херонея, которую пощадил Сулла после победы над воинами Митридата, и Ливадия, прославившаяся тогда своим трофонийским оракулом. В Фокиде храм Аполлона Дельфийского пережил расцвет еще в III веке до н. э. во время могущества Этолийского союза; никогда его культовые сооружения и мемориальные памятники не были столь богаты и многочисленны; даже римская власть почитала и охраняла это божество, пока войска Суллы не разграбили город в 86 году до н. э., нанеся ему удар, от которого он полностью уже не оправился. К западу от Фокиды спрятавшиеся в своих горах небольшие полисы Западной Локриды в эллинистическую эпоху стали достаточно богаты, чтобы окружить себя мощными, а следовательно, дорогостоящими укреплениями, о которых мы узнали больше благодаря недавним исследованиям: от Галаксиди до Навпакта они покрыли эту дикую местность, которая до сих пор почти не фигурировала в греческой истории. То же самое было характерно для обширных горных областей Этолии и Акарнании, которые занимали северное побережье Патраского залива и бассейн реки Ахелой, в основном придерживаясь полноводной реки. Это была земля старинных легенд, например

легенды о калидонском вепре, редко посещаемая в классическую эпоху греками из других мест, не считая нескольких бесперспективных походов против населенных пунктов Акарнании. Теперь эти горцы, которых ненавидели и презирали «за их врожденную порочность и ненасытную алчность», по свидетельству Полибия, объединились, как мы видели, в могущественную конфедерацию, которая в III веке до н. э. не только распространяла свою власть на всю Центральную Грецию и Дельфы, но и вела военные действия на Пелопоннесе вплоть до Эгейского моря, так что Антигониды, Ахейский союз и, наконец, Рим вынуждены были с ним считаться. От их маленьких полисов практически не осталось следов, но в федеральной столице Этолийского союза, Ферме, до нашего времени сохранились впечатляющие руины с мощными укреплениями. То же относится к Плеврону, расположенному недалеко от древнего Калидона, и к главному городу Акарнании Страту — оба были прекрасно защищены. Севернее, в Эпире, который в то время находился вне Греции, Пирр превратил небольшой город Амбракию на реке Арахт в богатую и красивую столицу. У моря в Эфире в III веке до н. э. появилось святилище с оракулом, где вопрошали мертвых. Эпоха Пирра оказалась благоприятной для древнего додонского святилища, расположенного в самом центре Эпира. На Адриатике колонии Аполлония Иллирийская, откуда начиналась Эгнатиева дорога, и Эпидамн (позже названный Диррахием), несмотря на войны в Иллирии, вели вполне благополучное существование до эпохи Империи, после чего приспособились к римскому господству, которое почти не затронуло их греческого характера. На Корфу древний полис Керкира сохранил свои традиции и свой гордый нрав, который вошел в поговорку, исполненную аристофановского остроумия и сообщенную Страбоном: «Ты свободна, Керкира! Ты можешь ср... где хочешь!»

На северо-востоке Греции македонская гегемония не мешала древним полисам Фессалии, таким как Ларисса и Фарсал, процветать по-прежнему, благодаря сельскохозяйственному богатству местности, и сохранять свое провинциальное своеобразие, связанное с преданностью верованиям предков, рожденных в этой колыбели эллинских мифов. Зато в соседней Магнесии основанная Полиоркетом Деметриада была не только крепостью

(до поражения Персея в 168 году до н. э.) и военным портом чрезвычайной важности, но также крупным полисом, об этнической пестроте которого свидетельствует уникальная для греческого мира коллекция надписанных надгробных стел. В самом Македонском царстве государи поощряли развитие полисов по примеру греческих, таких как Дион, Пидна и столица Пелла, при недавних раскопках которой были обнаружены богатые жилища. Правители чаще основывали их заново, подражая Филиппу II, который основал Филиппы у горы Пангей: таким образом появились Фессалоники, чье местоположение так удачно было выбрано Кассандром, или город Кассандрия, который он основал на Халкидике, на перешейке полуострова Паллена вместо древней Потидеи. В нижнем течении Стримона — Амфиполь, окруженный заново отстроенной крепостной стеной, оставался столицей пангейской Фракии, и здесь находились монетные мастерские, в которых чеканились полновесные монеты при Филиппе V. На прилегающих островах — Фасос, со множеством эллинистических памятников, и Самофракия, в которой в это время стало особенно знаменито святилище кабиров¹.

Южнее, на Эвбее, контролируемой Антигонидами с помощью крепости Халкиды, наступил расцвет Эретрии, а на севере большого острова — полиса Орей, охраняющего северный вход в Эвбейский пролив. На Кикладах, одно время объединенных в Лигу островитян, Делос, бывший независимым до 167—166 годов до н. э., а затем ставший афинской колонией, переживал самый блистательный период своей истории, который превзошел даже расцвет его святилища в архаическую эпоху: общественные и частные здания строятся в большом количестве, покрывая весь север острова, приношения переполняют храмы, беспорядочный порт становится местом интенсивной морской торговли. Парос, Мелос и особенно Фера (Санторин) в эллинистическую эпоху сохраняли следы своего процветания. Два больших анатолийских острова — Хиос и Самос — по праву считались тогда местами развлечения и удовольствия: они прославились своими винами, а культурная жизнь здесь была очень насыщенной. Южнее, на острове Кос,

¹ Кабиры — в древнегреческой религии хтонические божества плодородия и покровители мореплавателей. Особенно почитались на Самофракии, где в эллинистическую эпоху проводились посвященные им мистерии.

родине Птолемея Филадельфа, размещалась знаменитейшая античная школа врачей со своим святилищем Асклепия, в основном отстроенном между концом IV и концом II века до н. э. Родос с полисами-спутниками Камиром и Линдом был одним из наиболее активных центров таких культурных и интеллектуальных столиц, как Афины, Александрия, Антиохия и Пергам. Наконец, на выходе из Эгейского моря крупный остров Крит, рассадник наемников и пиратов, поддерживал тесные связи с государствами, нуждающимися в его лучниках или желающих установить на его берегах опорные пункты для своего флота: в его многочисленных маленьких полисах, иногда объединенных в небольшие союзы по региону, кипела городская жизнь, о чем свидетельствуют самые разнообразные монеты и обилие надписей.

Из этого беглого географического обзора видно, что в эллинистическую эпоху полисы не только не являли собой картину общественного упадка, а напротив, несмотря на последствия войн и притеснения властей, сохраняли жизненную активность, доказывая, что система гражданского общества нисколько не утратила своих преимуществ и своей эффективности. Это еще более верно в отношении колонизированных эллинизмом зон — и заселенных с давних пор, и организованных Александром и его последователями как в селевкидской и в лагидской империях, развивавшихся по греческой модели, так и в континентальных провинциях Анатолии. Древние полисы сохранились почти повсеместно и зачастую процветали, как, например, Кизик на Пропонтиде (Мраморное море) или Византий на Боспоре — один из немногих полисов, которому удавалось в течение всего этого периода сохранять полную независимость от крупных государств, а позже — нейтралитет в отношении Рима. Вокруг Черного моря, за исключением колоний на фракийском побережье и в бассейне Дуная, о которых мы уже говорили, северные города Ольвия, о которой стало больше известно благодаря последним исследованиям, Херсонес, управление в котором воспроизводило модель афинской демократии, Пантикапей на Херсонесе Таврическом (Крым), столица Боспорского царства, вместе со своим придатком Мирмекием, плохо изученным, предоставили российским археологам массу документов эллинистической эпохи. На южном побережье главными выходами анатолийских государств к морю были важный

порт Гераклея Понтийская, центр ловли тунца и независимый полис внутри царства Вифиния, Синопа в Пафлагонии, бывшая одной из столиц Понтийского царства и местом рождения философа Диогена и царя Митридата Эвпатора, и, наконец, Аμισос и известный своими богатствами Трапезунт. Во внутренних территориях анатолийских государств было много новых городов: Никомедия, основанная во второй четверти III века до н. э. царем Никомедом I, считалась одним из красивейших городов эллинистического мира — ее сооружения по красоте уступали только Афинам. Никея, основанная Антигоном Одноглазым и персименованная Лисимахом в честь его жены Нике, сохраняла свой престиж вплоть до византийской эпохи. Амасия, главный город Понта, вдохновенно описан географом Страбоном, бывшим его уроженцем; от нее сохранились внушительные руины.

На западном побережье Анатолии, старой греческой территории, освобожденной Александром от ахеменидского гнета, находился древний Илион, бывший всего лишь небольшим поселением, которое Александр сделал независимым полисом, прибыв туда, чтобы почтить могилу Ахиллеса и местный храм Афины: впоследствии до конца античной эпохи путешественники и пилигримы, почитавшие Гомера, бесконечной чередой тянулись в греческий город, возведенный на месте Трои. Пергам в долине Каика своей славой был обязан тем, что при Атталидах стал столицей: это тоже был греческий полис со своими институтами и магистратами, посредством которых государь осуществлял свою власть. О проникновении эллинизма вглубь континента свидетельствовал полис Тиатира, расположенный на дороге из Сард. Миррина на побережье Эолиды была достаточно процветающей, чтобы в ней развилось самое значительное в ту эпоху производство изделий из терракоты. В плодородной долине реки Герм, у подножия горы Сипил, находился город Магнесия, основанный Александром и стремительно развивавшийся вплоть до эпохи Римской империи. Восточнее располагались Сарды, древняя столица царей Лидии и ахеменидских сатрапов, ставшая теперь греческим полисом, знаменитым своим храмом Артемиды. Крупные города Ионии, пришедшие в упадок при персидской власти, с III века до н. э. вновь начали развиваться и подняли свой престиж, приблизившись к тому уровню, на котором они находились в древнюю

эпоху, до завоеваний: Смирна и Эфес, восстановленные Лисимахом, снова стали великолепными, богатыми и активными полисами, несмотря на политические игры крупных государств, которые так или иначе их задевали. Эритрея находилась в тесных отношениях с соседним островом Хиос. Процветание Колофона отразилось на развитии оракула Аполлона в Кларосе, располагавшемся на его территории. В устье Меандра Приена, возведенная на земляной насыпи, представляет типичный облик эллинистического города, выстроенного по рациональному плану и в избытке обеспеченного источниками пресной воды. На другом берегу залива находился древний Милет, восстановленный в середине V века до н. э. по плану, разработанному в то время Гипподамом¹; Милет был одновременно крупным торговым центром с рынками, расположенными вблизи от его двух главных пристаней, и большим богатым полисом с величественными памятниками, в том числе и с находящимся на некотором расстоянии от города Дидимейоном — храмом и оракулом Аполлона. Вглубь от побережья в долине Меандра располагались активные центры эллинизма: Магнесия со своим храмом Артемиды и Траллы, которые Антиох I переименовал в Селевкию на Меандре.

К югу от Ионии лежала Кария, на которой греческие полисы с давних пор жили в контакте с коренным населением, говорившем на древнейшем азатском языке, использовавшемся до I века н. э. Расцвет Галикарнаса при династии Мавсола в IV веке до н. э. уже предвещал будущий тип эллинистического государства. После завоевания Александра эллинизация Карики приняла резко выраженный характер. Здесь разрослось множество городов: Алабанда, Миласа, Стратоникея со своим знаменитым святилищем Гекаты в Лагине, позже Афродисиада, а на побережье Иас, Галикарнас, Книд и Кавн. Этот регион, естественно, находился в тесных отношениях с соседними островами — Косом и особенно Родосом. Почти аналогично обстояло дело с Ликией, тоже гористой

¹ Гипподам из Милета — греческий архитектор. В частности разработал планировку афинского Пирея. Его схема отражала его философские размышления об устройстве государства, в котором он выделял три рода граждан (ремесленники, земледельцы, воины) и три вида земель (священные, общественные, частные). Поэтому основу его городского плана составляли четыре главные продольные улицы и три поперечные.

и тоже населенной коренными жителями, со своим исконным языком и цивилизацией. Сюда эллинизм тоже проник очень быстро: союзу двадцати трех полисов во главе с самым значительным из них, Ксанфом, удалось практически непрерывно сохранять свою независимость в течение всей эллинистической эпохи. Калинда, Тлос, Тельмесс, Эноанда, Фаселида были главными из этих городов, а Ксанф пользовался широкой известностью в греческом мире благодаря своему святилищу Латоны, матери Аполлона и Артемиды, которых, в соответствии с местным преданием, она родила здесь, а не на острове Делос — согласно общепринятому мифу. Раскопки постепенно обнаруживают культовые сооружения. Дальше на восток, на прибрежной равнине Памфилии, Аттал II основал в особенно удачном месте порт Атталию, ставший самым значительным городом этого региона (Адалия). От расположенных дальше вглубь материка Термесса, Перги, Аспенда остались прекрасно сохранившиеся руины, как и от прибрежной Сиды. В соседней Киликии, где Александр, а позже Селевкиды стремились организовать как можно больше полисов, выделялся своим великолепием Тарс, находившийся на небольшой, впадающей в море реке Кидн: именно сюда Антоний вызвал Клеопатру и здесь был околдован ею. Расположенный на побережье порт Сола — тезка другого полиса на Кипре — был родиной двух выдающихся философов: стоика Хрисиппа и перипатетика Клеарха, а также поэта Арата. Разрушенный Тиграном, город был возвращен к жизни Помпеем, который населил его раскаявшимися пиратами и дал ему новое имя — Помпейюполь.

Таким образом, по всем прибрежным регионам Анатолии: на севере — у Черного моря, на западе — у Эгейского моря, на юге — у Кипрского пролива и восточного Средиземноморья находилось множество греческих полисов как древних, так и недавно основанных, но жизнеспособных и активных, которые превратили Малую Азию эллинистической эпохи и затем эпохи Римской империи в привилегированный регион греческой цивилизации. Даже внутренние области: Фригия, Писидия, Ликаония, Галатия, Каппадокия — труднодоступные, населенные коренными варварскими народами или завоевателями, такими как галаты, и имеющие не столь благоприятные природные условия, постепенно подвергались эллинскому влиянию: здесь возникали

полисы, от которых распространялись греческий язык и греческие обычаи. Одни были основаны Селевкидами и Атталидами, называвшими их своими именами: таковы Антиохия и Селевкия в Писидии, Апамея Киботос («ковчег»), Лаодикея в Ликаонии, Эвмения во Фригии. Другие были обязаны своим развитием местным династам, такими были, например, Анкира (Анкара), столица тектосагов¹, или города Каппадокии, основанные глубоко эллинизированными царями иранской династии, правившими этой горной и отдаленной местностью.

В центре Селевкидской империи, в Северной Сирии, вокруг ее столицы — Антиохии на Оронте — и расположенного рядом с ней храма Аполлона в Дафне один за другим возникали полисы: на побережье — Селевкия Пиэрия, служившая морскими воротами столицы, и Лаодикея; вглубь континента — Апамея на Оронте; на Евфрате — еще одна Селевкия и еще одна Апамея, а также македонская колония Дура-Европос, основанная при Селевке I и особенно развившаяся впоследствии. В Финикии и Келесии эллинизировались старые финикийские полисы Библ, Берит (Бейрут), Сидон, Тир, разрушенный Александром и после восстановленный с помощью Карфагена, так же как во внутренних землях караванный полис Дамаск и южнее Гадара, родина философ-киника Мениппа, стоящего в одном ряду с Диогеном, и поэтов-эпиграмматистов Мелеагра и Филодема. Мы уже видели, насколько иерусалимские евреи, несмотря на все старания сохранить свою традиционную религию и национальные обычаи, подверглись влиянию эллинизма.

Мы не упоминаем здесь о многочисленных закладках, совершенных Александром и Селевкидами в Месопотамии и за ней, поскольку они напрямую связаны с политикой этой династии и будут рассмотрены вместе с ней. То же самое относится и к трем греческим полисам в Египте, которых мы коснемся, говоря об империи Птолемеев. Зато в этом беглом обзоре эллинистических полисов необходимо остановиться на внешних владениях Лагидов на Кипре и в Ливии. На острове Кипр, где финикийское и греческое население по-прежнему находилось в очень тесном

¹ Тектосаги — южногалльское племя, союзное кимврам и тевтонам. Часть тектосагов присоединилась к войскам галатов, двинувшихся в Азию и основавших Галатию.

взаимодействии, различные полисы объединились в союз, не входивший в противоречие с властью Птолемеев: эллинизация сильно затронула этот регион, как в городах греческой традиции, например в Саламине или Пафосе, так и в городах, где финикийский контингент еще был весом, например в Амадунте или Китионе. Основатель стоицизма Зенон, имевший финикийские корни, был родом из Китиона — прекрасный пример ассимиляторской силы эллинизма. Что касается Киренаики, то она хотя и была в принципе владением Лагидов, тем не менее разделялась на четыре, а позже на пять греческих полисов: Кирену, чей порт стал независимым полисом Аполлонией только в I веке до н. э., Птолемаиду, которая при Птолемеи III заменила Барку и имела блестящее будущее, Тохейру, переименованную в Арсиною, и, наконец, Беренику, возведенную возле древних Эвгесперид. Все они в III и II веках до н. э. пережили расцвет, о котором красноречиво свидетельствуют памятники и надписи и который был непосредственным продолжением подъема, начавшегося в этом регионе в предшествующую эпоху со времени основания этих колоний. Только неоднократные рейды пиратов в первой половине I века до н. э. на время покачнули до того стабильное благополучие греческих полисов Ливии. Римляне сумели извлечь из этого пользу.

На западе для эллинизма были менее благоприятные условия, чем в Азии и Африке. Неудержимое развитие Рима быстро положило конец внутренним распрям, противопоставлявшим друг другу города Великой Греции: после поражения Пирра падение Тарента в 272 году до н. э. ознаменовало конец их независимости. Полис еще на определенной высоте в III веке до н. э., но когда во время 2-й Пунической войны в 209 году до н. э. он снова потерпел поражение от Рима, то уже не поднялся. Греческая традиция тем не менее была жива в Кампании, области вокруг Неаполя, присоединившейся к Риму в 327 году до н. э.: она проявлялась прежде всего в архитектуре, декоре и предметах обстановки соседних поселений — Помпей и Геркуланума, которые в значительной степени восприняли, существенно переработав, эллинистическое наследие. Сиракузы на Сицилии благодаря тирану Агафоклу, а затем царю Гиерону I и его осторожной политике в III веке до н. э. сохраняли свою славу и богатство, несмотря на двойную угрозу — Карфагена, а позже и Рима. Но после того как город был

разграблен Марцеллом в 212 году до н. э., он утратил всякое значение. В то же время Агригент, разрушенный карфагенянами и восстановленный в IV веке до н. э. Тимолеоном, сохранял свои греческие институты вплоть до 210 года до н. э., когда он пал перед римскими войсками. Но в римской провинции Сицилия греческая культура была жива до I века до н. э., когда историк Диодор, уроженец небольшого города Агирия, находившегося в самом центре острова, перевел на греческий язык четырнадцать книг своей «Исторической библиотеки».

Итак, чтобы завершить этот обзор эллинистических полисов, остается сказать о важности роли Массалии, которая вплоть до своего конфликта с Цезарем в 49 году до н. э. сохраняла дружбу с Римом. Она занимала прочные позиции в Западном Средиземноморье со своими приморскими колониями в Галлии и Испании: от Никеи (Ниццы) и Антиполя (Антиб) до Эмпорий (Ампуриас). Крупный полис, знаменитый своим аристократическим устройством, которое он строго оберегал на протяжении веков, поддерживал постоянные связи с греческим восточным миром и являл преданность своим фокийским корням. Несмотря на удаленность, на протяжении всей эллинистической эпохи Массалия являлась проводником эллинизма в отношениях с Лигурией, Галлией и Иберией.

* * *

Все эти полисы как в Элладе, так и на огромной территории эллинистических колоний оставались, по существу, верны старым принципам традиционной политической системы, которая посредством векового опыта поколений постепенно сформировала чисто греческий тип государства. Гражданская реальность, представленная во множестве различных сообществ, была объектом размышлений философов, в частности на заре эллинистической эпохи она вдохновила Аристотеля на потрясающе пронизательный трактат «Политика», основанный на колоссальном материале, собранном его учениками в 158 монографиях по истории и устройству греческих полисов. Созданное в эпоху Александра, это произведение исследует черты и функционирование различных политических систем, в которых может существовать полис,

поскольку Аристотель практически не представлял себе другой формы государства, по крайней мере для грека. Поэтому его анализ прежде всего подходит ко всем гражданским сообществам, которые на протяжении эллинистической эпохи укрепили или возродили полис. Созданная на стыке классической эпохи и последующей, «Политика» великолепно иллюстрирует эту преемственность и непрерывность.

Как до, так и после Александра общество в каждом из этих маленьких государств состояло из трех традиционных контингентов: граждан, иностранцев и рабов. На этих последних, как и прежде, был переложен весь тяжелый труд, от которого зависело экономическое выживание полиса: землеобработка (для которой свободного труда мелких собственников было недостаточно), работа на рудниках (где широко использовалась рабская рабочая сила), в мелких и крупных ремесленных мастерских (в которых свободные ремесленники практически никогда не обходились без помощи рабов). Вспомним то, что мы не раз повторяли: недостаток статистических данных в сфере экономики и демографии античной Греции настолько велик, что любая оценка здесь остается весьма субъективной. Историк вынужден обобщать данные немногочисленных и иногда малозначительных текстов и эпиграфических документов (счетов, договоров, записей расходов) — разнородных и разрозненных. На основе этих коротких проблесков можно выделить тенденции, определить порядок величин, но их необходимо всякий раз пересматривать. По-видимому, за исключением рудников и царских владений Селевкидов и Атталидов, нигде не допускалось большого скопления рабов. Однако их общая численность, вероятно, увеличивалась начиная со II века до н. э., чему способствовали, во-первых, военные действия, а во-вторых, пиратство. Испокон веков это была привычная для греческого мира практика — продавать в рабство уцелевших жителей захваченного города: пленный — воин или мирный житель — принадлежал победителю, если только заранее оговоренные условия не гарантировали ему сохранения жизни и свободы. Но этот жестокий закон войны, существовавший всегда, в определенной мере смягчался на практике: суровые наказания, вроде того, которое устроил Фивам в 335 году до н. э. Александр, были исключениями. Военные действия, которые римляне вели в Элладе, предоставили

множество поводов для подобных наказаний: так, например, в 167 году до н. э. были проданы с торгов эфироты в семидесяти населенных пунктах, через которые пролегал обратный путь в Италию Эмилия Павла, в 146 году до н. э. так же поступил с коринфянами Мумлий, а войска Суллы во время войны с Митридатом неоднократно проводили репрессии в Элладе. По правде говоря, ахейцы Арата не менее сурово обошлись с Мантинеей в 222 году до н. э., как и афиняне с Оропом; таким образом, ошибочно было бы относить исключительно на счет римской бесчеловечности поведение, которое, по сути, соответствовало древнейшей эллинической традиции! Как бы там ни было, эта массовая продажа в рабство, усиленная с начала II века до н. э. пиратством, в изобилии снабжала невольничьи рынки, каковыми являлись Делос и Сида в Памфилии, где теперь в большом количестве можно было найти выставленных на продажу рабов эллинского происхождения наряду с варварами, которые когда-то почти исключительно заполняли эти рынки.

Помимо выполнения тяжелого труда, рабы были незаменимы в домашних работах. Сложно представить себе дом без рабов. Кто бы занимался рутинным физическим трудом, который в условиях примитивного состояния техники был преимущественно ручным? Ежедневно необходимо было обеспечивать дом водой, доставлять продукты и готовить еду, производить одежду и белье, нянчить детей. Хозяйка дома не могла со всем этим справиться. Рабство в этом отношении являлось условием социальной жизни. Прислуга составляла часть семьи, которая не могла бы выжить без нее. Конечно, ее обязанности зачастую были очень тяжелыми: толочь зерно в ступе, вертеть каменные жернова или сучить в огромном количестве шерстяную нить. Зато были и другие, более разнообразные и менее утомительные виды работ: сопровождать хозяев вне дома, отводить детей в школу, нянчить младенцев, делать покупки, относить послания, а если способности раба позволяли, то служить секретарем, вести счета, читать вслух или даже играть на музыкальном инструменте. Было столько возможностей для тех, кто умел ими воспользоваться, установить между хозяином и рабом отношения не просто повелевания и подчинения, но дружественности, доверительности или даже уважения и привязанности. Новая комедия, представленная сочинениями Менандра и его окружения,

а также Плавта и Теренция, перелавших его сюжеты на латинский язык, дают нам предостаточно свидетельств тому. В них участвуют самые разнообразные персонажи-рабы: одни трусливые, ленивые и лживые, другие — расторопные, находчивые и преданные своему хозяину; а также проворная служанка и верная кормилица. Они предвосхищают образы хитрых горничных и лакеев в комедиях нашего классического театра.

Во всяком случае, их положение предполагало подчинение, и никакое смягчение нравов не могло совершенно его уничтожить: телесные наказания считались необходимыми, поскольку утрата свободы неизбежно делала человека низшим существом; за серьезные проступки рабов заковывали в цепи; раб, вызванный для дачи показаний в суд, подвергался пыткам. Иногда вводились законные предписания, чтобы ограничить злоупотребления и защитить рабское население от чересчур жестокого и несправедливого обращения. Но воля хозяина была законом, особенно в отношении женщин, зависящих от капризов того, кто их купил. Новая комедия широко использует очень характерную для той эпохи ситуацию, когда свободная от рождения девушка, проданная родителями или ставшая добычей разбойников, пиратов или военным трофеем победителя, куплена мошенником, который обрекает ее на занятие проституцией, и ее страстно желает очарованный ею свободный молодой человек: нужна неожиданная развязка, которой автор в последний момент спасает несчастную от ожидающей ее жалкой участи.

В эту проблему рабства эллинистическая эпоха внесла существенную поправку — стали учащаться случаи освобождения от рабства. Всегда было возможно перекупить раба, чтобы вернуть ему свободу: известно, что именно это произошло с Платоном в 388 году до н. э. благодаря вмешательству киренейца Анникерида¹,

¹ Платон после смерти Сократа отправился в путешествие, в том числе на остров Сицилия, где в Сиракузах правил тиран Дионисий. Пытаясь силой философии воздействовать на тирана, беседуя с ним и осуждая тираническую форму правления, Платон навлек на себя недовольство Дионисия. Тогда философ отплыл из Сиракуз на корабле спартанского посла Поллида, который получил тайный приказ убить Платона, но не решился этого сделать и продал его в рабство на острове Эгина. Некий Анникерид, узнавший в выведенном на продажу невольнике известного философа, тут же купил его и отпустил на свободу. Вернувшись после этого в Афины, Платон основал свою знаменитую школу Академию.

и мы знаем множество примеров подобного благородства в эллинистических полисах, где выкуп пленников соотечественником или богатым чужестранцем порой отмечался почетным декретом. С другой стороны, хозяин, естественно, мог при жизни или в своем завещании отпустить на волю слугу, чья преданность и верность заслуживали вознаграждения. В исключительных обстоятельствах имели место коллективные освобождения, например, когда рабов в связи с нехваткой военных сил призывали служить в армию наравне со свободными людьми и они прекрасно показывали себя в сражениях: тогда народ даровал им свободу декретом, который содержал список освобождаемых. Во всех этих случаях составлялся официальный документ, иногда лишь выбиваемый на стеле для обнародования, который защищал вольноотпущенника от неправомерных взысканий. В эллинистическую эпоху помимо этих процедур освобождения широкое распространение получает еще одна — денежный выкуп, вносимый самим рабом за собственную свободу. Разумеется, это позволяет предположить, что раб обладал достаточной суммой, то есть имел право владеть движимым имуществом и делать накопления — привилегия, совершенно противоречащая изначальному статусу раба, который в принципе являлся вещью своего хозяина и не имел ничего своего собственного. Частота таких выкупов свидетельствует о том, что обычаи претерпевали изменения если не в законодательной сфере, то, по крайней мере, на практике. Замечательный пример — история Клеомена III, спартанского царя, который для укрепления своей армии, истощившей его казну, предоставил свободу шести тысячам илотов за выкуп в пять мин (500 драхм) за каждого — нормальная цена за раба в ту эпоху, как видно из других документов.

Что касается индивидуальных случаев, наиболее распространенной была процедура, примеры которой мы встречаем в Дельфах с начала II века до н. э. и во многих других греческих святилищах. Раб, которого хозяин отпускал на свободу за выкуп, обращался как к посреднику к богу, то есть к служителям храма: уплаченные деньги помещались в священную кассу, которая передавала их владельцу раба, как если бы его покупал бог. В общем, это была фиктивная продажа божеству, которое по условиям сделки предоставляло только что приобретенному рабу свободу. Выгода от божественного посредничества в этой сделке,

которое удивляет на первый взгляд, состоит в том, чтобы гарантировать ее силу и законность. Кроме того, в соответствии с законом поручители, которыми выступали горожане, как и свидетели, упоминались в акте. Обнародование его текста в святилище, массу примеров чего предлагает храм Аполлона в Дельфах, все стены которого испещрены такими текстами, теснящими друг друга, должно было гарантировать вольноотпущеннику, что впредь никто не сможет обращаться с ним как с рабом. Образец дельфийских документов об освобождении в основном почти не изменился за время существования этого обычая — со II века до н. э. до начала эпохи поздней Римской империи. После даты, привязанной к имени архонта, ежегодно назначаемого в Дельфах, с указанием месяца, шла формула акта продажи: «Такой-то, сын такого-то, продал Аполлону Пифийскому человека мужского (или женского) пола, именуемого... и происходящего из... за такую-то сумму в соответствии с прошением о покупке, которое он (или она) продал богу». Далее следовали имена поручителей и призыв к свидетелям, удостоверяющим законность совершаемого освобождения, которые в случае чего несли ответственность. Наконец, шел список свидетелей. Случалось также, что текст содержал дополнительное условие, оговаривающее, что до смерти своего хозяина освобождаемый раб продолжает служить ему с покорностью и преданностью. В этом случае освобождение фактически вступало в силу через неопределенный срок.

Большое количество таких документов, их неизменная и четкая форма, привлечение многих поручителей и свидетелей очень показательны: освобождение раба, собравшего необходимую сумму, чтобы купить свою свободу, не было редкостью; оно контролировалось магистратами и гражданами, которые несли ответственность за эту сделку. Святилище, в котором она заключалась, создавало соответствующую обстановку, чтобы окружить ее атмосферой строгости и взаимного доверия, которых она требовала. Условная продажа богу, хотя речь шла о выкупе рабом, имевшем достаточно денег, своей свободой, не означала, что обеими сторонами двигала некая мистическая цель, о чем тексты явно не сохранили никаких следов. Она лишь отражает тесную связь между мирским и священным, между полисом и его культурами, которая совершенно естественно заставляла индивида добиваться

и получать для важных актов повседневной жизни освящение религиозной власти, которая оставалась весьма существенной и авторитетной силой в государстве.

* * *

Если добиться освобождения становилось легче, если оно обставлялось новыми законными гарантиями, если нравы в целом эволюционировали в направлении гуманизации рабского состояния, особенно в рамках семьи, то различие между свободным человеком и рабом в эллинистическом полисе сохраняло свое фундаментальное значение. Даже если в рабе стали больше видеть человека, то это, во всяком случае, был человек, лишенный существенных человеческих прав, — человек вне полиса. Поскольку сущность свободного человека — принадлежать к какому-либо полису. Даже чужеземец, живущий не в родном полисе, подчеркивал свои связи с ним и добавлял к своему имени прилагательное, называемое *этническим*, которое выражало эту принадлежность: поэт Каллимах и ученый Эратосфен, хотя и жили в Александрии, считались киренейцами, так же как Аристотель, вынужденный рано покинуть родной город Стагиру — ничем не выдающийся полис, тем не менее остался на века Стагиритом. Географ Страбон, объездивший в конце I века до н. э. весь античный мир, не забыл, что он уроженец Амазии в Понтийском царстве. Что бы ни говорили иногда об эллинистическом космополитизме, сила и первичность гражданских связей признавались всеми.

Политическая организация полисов существенно не изменилась после Александра. Как мы видели на примере Аполлонии Понтийской, народное собрание и Совет (даже если эти два института назывались иначе) везде оставались двумя главными органами государства с магистратами, играющими роль исполнительной власти. Как отмечал Аристотель, отдельные случаи государственного устройства редко отвечают какому-то режиму в чистом виде — хоть демократическому, хоть аристократическому (этот последний, основанный на власти знатных по рождению, практически не отличался от олигархического режима, основанного на власти денег: оба в действительности имели тенденцию к смешению).

Большинство полисов имели смешанный образ правления, который в зависимости от обстоятельств склонялся то в одну, то в другую сторону: либо к народовластию, осуществляемому через лидеров «черни» (древние историки с удовольствием употребляли для обозначения масс уничижительные термины), либо к власти богатых, которые сами себя именовали лестным эпитетом «хороших» или «честных людей». В той мере, в какой мы можем оценить при крайнем многообразии этой конституциональной истории и недостатке наших источников некую общую тенденцию, нам представляется, что большая часть полисов, включая Афины, как правило, придерживалась традиционного строя, основанного на уважении законов предков, которые, по существу, стояли на страже привилегированного положения имущих. Разумеется, это не исключало определенного народного недовольства, которое могло вылиться в мятеж, если находился лидер, способный им управлять. Так, Агафокл, исполнявший в Сиракузах функции стратега, смог захватить власть в 317—316 годах до н. э., организовав против олигархов, которые управляли городом, восстание бедняков, поддержанное армией, которое быстро переросло в грабежи и резню. Эта внутренняя напряженность иногда усугублялась вмешательством извне. Так произошло, например, в Кирене в 322—321 годах до н. э. во время конфликта киренейцев с авантюристом Фиброном, завершившегося в результате всяких перипетий установлением лагидского господства в этой стране: демократы и собственники пытались заручиться поддержкой авантюриста, который хотел захватить Ливию, а многие аристократы получили убежище и покровительство у Птолемея, чей полководец Офелла с помощью этих беженцев разгромил Фиброна и подчинил Кирену власти александрийского сатрапа. Примечательно, однако, что закон, изданный тогда Птолемеем в Кирене, насколько он известен нам по чрезвычайно интересной надписи, не ограничивался восстановлением изгнанников в правах и введением лагидского контроля за политической обстановкой в полисе с присвоением царю пожизненного звания стратега; если возвращались главные рычаги аристократического управления, то новый закон вносил в него существенную поправку, увеличивая в десять раз число полноправных граждан, которое выросло с 1000 до 10 000 человек. Этой значительной уступкой народу Кирены Птолемей, очевидно,

намеревался удовлетворить требования демократов и, таким образом, вернуть мир в полис; это стремление не получило своего политического завершения, но оно продемонстрировало, что позиции диадохов, а в свое время и Александра, в отношении полисов определялись не симпатией к тому или иному образу государственного устройства или к той или иной партии, а лишь обстоятельствами и сиюминутными интересами монарха. Так, мы видели, как Антигон Одноглазый и его сын Деметрий в официальном заявлении даровали «свободу полисам» и отменили в Афинах консервативный режим Деметрия Фалерского, чтобы одолеть Кассандра, тогда как Гонат, их прямой наследник, обычно опирался на местные тирании, которые пресекали деятельность демократии. Эта сложная политическая игра, где различные группировки зачастую сталкивались друг с другом и охотно призывали на помощь чужеземцев, осложнялась корыстным побуждением правителей, которые непосредственно или через своих шпионов вмешивались в нее, не руководствуясь доводами рассудка. Их уверенный цинизм был определяющей чертой эпохи. Но разнообразные направления, которые принимало их вмешательство, не позволили ему системно повлиять на конституционное развитие полисов, которое в целом подчинялось другим силам, вызывающим медленные изменения в экономике и обществе.

Наиболее важным и, во всяком случае, наиболее наглядным было равновесие в распределении доходов. В греческом мире всегда были богатые граждане и граждане небольшого достатка, в зависимости от размеров земельных владений, которые составляли основу любого богатства: доходами от ремесла или торговли жили очень немногие — для большинства занимающихся ими это был дополнительный источник доходов. В эллинистическую эпоху, насколько мы можем представить себе экономические феномены, значительно увеличилась прибыль, стимулируемые резким расширением торговли в направлении Ближнего и Среднего Востока, поощряемые также растущей урбанизацией как в Элладе, так и в новых странах. Данные археологии и сохранившиеся тексты доказывают, что роскошь стала повсеместной, что дорогостоящие продукты питания стали более распространенными, а драгоценные металлы получили более широкое применение. Это обогащение становится особенно ощутимым в III веке до н. э., тогда как

во II и в I веках восстания и войны, порожденные римскими завоеваниями, привели к оскудению полисов. Но в целом даже относительно этого времени мы не можем говорить о всеобщем экономическом упадке. Вместо этого шел процесс постепенного сосредоточения этого приумножавшегося богатства в руках очень незначительного меньшинства. Земельная собственность, оставшаяся основой любого богатства, нередко эволюционировала в сторону крупных владений за счет задолженностей мелких собственников, которые закладывали свое имущество и разорялись, погашая долги. В это время во многих городах снова появляется старое требование списания задолженностей, сопровождаемое просьбой нового раздела земель: так было в Спарте в III веке до н. э. при царе Агисе, затем при Клеомене III, и хотя реформы Клеомена не выходили за пределы Спарты, эта угроза сплотила против него консервативные силы на остальной части Пелопоннеса. То же происходило и в Малой Азии: узурпатор Аристоник после смерти Аттала III Пергамского (133) в своем государстве гелиополитов, а затем Митридат после римской резни в Азии в 88 году до н. э. объявили об отмене задолженностей, явно удовлетворяя желаниям значительной части населения. Эти явления свидетельствуют об определенном социальном напряжении между богатыми и бедными, которое, впрочем, редко приводило к открытым конфликтам или к попыткам переворота. Следы этого обнаруживаются в сочинениях философов, в частности у авторов утопий, например у Ямбула, и в художественных произведениях, таких как «Мелиамбы» поэта Керкида из Мегалополя, в котором, разумеется, не было ничего революционного (он был послом своего города при Антигоне Досоне и служил офицером в сражении при Селласии), но который под влиянием философии киников бичевал жадность и показное богатство и призывал к благородному дележу лишнего имущества.

Это нарушение внутреннего равновесия между доходами граждан сказалось как на функционировании институтов, так и на самом образе жизни полиса. Общество все чаще брало на себя заботу о выживании самых обездоленных, число которых возрастало. Это выражалось прежде всего в контроле, установленном за главными продовольственными продуктами, такими как зерно. Подобные примеры встречались в классическую эпоху, в частности

в Афинах. Теперь же документы (правда, гораздо более многочисленные, чем раньше) свидетельствуют о существовании в разных полисах «уполномоченных по зерну», которые отвечали за снабжение граждан этим продуктом первой необходимости. Обычно он производился на пахотных землях самого полиса или его зависимых территорий; таким образом, для островных полисов, таких как Самос или Родос, владения на соседнем континенте играли роль житницы и, следовательно, имели для них жизненно важное значение. Другие города, чья территория была малопродуктивна или очень мала, зависели от продуктов, доставлявшихся из таких производящих стран, как Египет и Киренаика, и зачастую проходивших через рынки-посредники: в качестве такового выступал Делос, благодаря чему этот остров в эллинистическую эпоху вновь обрел свою независимость и получил источник для своего процветания. Почетный декрет, датируемый приблизительно 230—220 годами до н. э., позволяет представить эти коммерческие отношения: город Гистия, расположенный на севере Эвбеи, воздавал почести родосскому банкиру, который предоставил беспроцентную ссуду уполномоченным по зерну, которых гистийцы отправили в Делос для закупки зерна, — этот заем позволил им справиться со своей задачей в кратчайшие сроки. Стела, на которой был записан декрет, перечисляющий почести, которых удостоился щедрый родосец (публичное восхваление, увенчание венком из листьев и право гражданства Гистии), была установлена на Делосе с разрешения ее жителей. Таким образом, от севера до юга Эгейского моря, от северной оконечности Эвбеи, контролируемой тогда Македонским царством, до самого Родоса, независимого, могущественного полиса, через Делос и Киклады, где преобладало лагидское влияние, устанавливался регулярный товарообмен, связывавший полисы отношениями взаимовыгоды, которые дополнялись личными связями.

Если полис покупал зерно, он, естественно, должен был перепродать его частным лицам, не допуская спекуляции, особенно в период неурожая. Так было в классических Афинах, где надзиратели за хлебным рынком (*ситофилаксы*) отслеживали махинации импортеров и перепродавцов. Но в эллинистическую эпоху случалось, что государство не ограничивалось надзором за рынком и даже бесплатно раздавало хлеб гражданам после того, как

общественные закрома были наполнены. Один из законов Самоса во II веке до н. э. рассматривал со скрупулезной тщательностью механизм таких действий. Таким образом, через комплексную систему регулирования и обеспечения укреплялась солидарность членов общества. Нимало не ослабевшие гражданские связи в это время обретают новую силу: это проявлялось теперь уже не только в религиозной и политической сферах, но и в области экономики, на уровне повседневной жизни и обеспечения самым необходимым тех, кто был поставлен в крайне неблагоприятные условия.

Та же забота об общем благе подвигала полисы нанимать за плату общественных врачей из чужих земель, которые в течение более или менее долгого времени жили в принимавшем их полисе и оказывали свои услуги его гражданам и чужестранцам. Было бы неверно уподоблять эту очень распространенную в ту эпоху практику нашей современной системе социального обеспечения. Если находившийся на государственной службе врач мог оказывать бесплатную помощь неимущим или раненым в боях, он тем не менее обычно принимал вознаграждение от своих клиентов. Если полис платил ему жалование, то это делалось для того, чтобы привязать его к городу и обеспечить своих жителей услугами искусного лекаря, поскольку за исключением такого привилегированного полиса, как Афины, найти врачей было нелегко. Их выписывали из особых мест, например с Коса или из Книды, где находились школы врачей, связанные со святилищами Асклепия. Когда государственный врач возвращался в свой полис, тот полис, которому он оказывал свои услуги, стремился отблагодарить его за это официальным почитанием, копия которого отсылалась в родной полис врача. Эти тексты, записанные на камне и обнаруженные в большом количестве, рассказывают нам о деятельности этих редких специалистов, которые при случае помимо своего ремесла занимались чтением лекций и демонстрацией опытов, призванных распространять их знание.

Таким образом, гражданскому обществу приходилось идти на существенные затраты вдобавок к тем, которые традиционно нес греческий полис, а именно: расходы на культовые и гражданские церемонии, на строительство общественных зданий и религиозных сооружений и на их содержание и, наконец, военные

расходы, которые постоянно увеличивались из-за распространения практики наемничества и из-за технического усложнения военных методов. Чтобы нести эти обязательства, государство располагало рядом источников: налогами и пошлинами, которые оно собирало обычно с помощью откупной системы — удобной процедуры, которая облегчала задачу магистратов, но эффективность которой была невысока. В основном существовали не прямые налоги, которыми облагались ввоз и вывоз товаров и ценностей и некоторые виды деятельности, были также различные дорожные пошлины. Нам прекрасно известно об этом на примере Делоса, где от периода независимости, между 314 и 166 годом до н. э., сохранилось множество надписей со счетами, которые свидетельствуют о прибылях, получаемых из этих источников. Там были установлены: пошлина в 2% (пятидесятая часть) на ввоз и вывоз продовольственных товаров, пошлина в 10% (десятая часть) на кредиты, зерно, продукты рыболовства, особенно на ловлю пурпурных моллюсков возле острова, налог в 5% (двадцатая часть) на товары, а также дорожные пошлины, взимаемые при заходе в порт, за пересечение проливов между островами или за проход через полуостровные перешейки. Некоторые из этих пошлин взимались в пользу святилища, другие предназначались полису. Все греческие полисы использовали аналогичные способы наполнения государственной казны. Зато применение прямого налога не было общепринято: в классическую эпоху, когда исключительные обстоятельства требовали денежного налога, это касалось прежде всего наиболее богатых граждан, которые потом получали возмещение за счет других налогоплательщиков. Эта первоочередность обладателей состояний отражала еще один широко распространенный в полисах способ восполнения государственных расходов, поскольку в классических Афинах продолжала применяться система *литургий*. Как известно, она заключалась в том, что частному лицу доверялось исполнять за свой счет общественную функцию, требовавшую расходов: распределение этих повинностей, которые могли быть очень тяжелыми, осуществлялось среди наиболее богатых граждан в соответствии с размерами их состояния. Эти повинности касались разных сфер: для обороны вводилась литургия, называемая *триерархией*, которая состояла в снаряжении военного судна и взятии его на обеспечение на время военной

кампании; для повседневной жизни предусматривалась *гимнасиархия*, заключающаяся в заведовании гимнасием, где занимались мужчины и юноши, и снабжении их определенными продуктами, особенно маслом для массажа; и наконец, в культовой сфере, значимой для жизни полиса, но требующей больших затрат на ритуалы, жертвоприношения, игры, театральные представления — обычно ко всему этому в форме литургий привлекались состоятельные люди.

На протяжении трех веков, предшествовавших христианской эре, в греческом полисе все увеличивалась дистанция между наиболее богатыми, на которых в основном возлагалось бремя государственных расходов, и остальным населением, которое могло участвовать в этом лишь анонимно или коллективно. Таким образом, эти первые исполняли и судейские обязанности, поскольку их отправление предполагало значительные расходы: так что различие между магистратурой и литургией имело тенденцию к стиранию и функционирование гражданских институтов по демократической традиции при любом режиме на деле держалось на самоотверженности знати. Для сбалансированности своих финансов эллинистический полис должен был постоянно взывать к щедрости «благодетелей», или *эвергетов*, — как своих граждан, так и чужеземцев. Взамен они получали различные вознаграждения и привилегии, удовлетворявшие самолюбие этих дарителей и их семей, поскольку зачастую они передавались их потомкам. Исполнять общественные обязательства, содействовать благосостоянию сограждан и благоденствию полиса было делом нескольких семей, которые в своем обществе располагали достаточными средствами и пользовались всеобщим уважением. К этому их склоняло чувство общественного долга: в почетных декретах часто повторяется одна и та же формулировка — о том, что заслуги восхваляемого лица соответствуют традиции его рода и что свою преданность государству он унаследовал от своих предков.

Таким образом, сообщество знати, в котором гражданская солидарность, действительно существовавшая и постоянно находившая конкретное выражение в выполняемой ими службе, обеспечивало стабильность общественного порядка. В эллинистическую эпоху, несмотря на частые войны и сбои в экономике, классовая борьба внутри полиса в целом была менее острой, чем

в архаическую и классическую эпохи. Распределение задач, предоставляющее исполнение общественных функций имущим и не лишаящее при этом других граждан их политических прав и участия в собраниях, привело к отмене жалований (*misthoi*), которые демократические полисы устанавливали ранее для того, чтобы облегчить простонародью доступ к политическим и судебным должностям. В самом деле, зачем государству брать на себя эти существенные расходы, когда частные лица располагают достаточными средствами, чтобы посвятить себя общественной службе? Эволюция была особенно ощутима в Афинах, где демократия в IV веке до н. э. создала целую систему вознаграждений для поощрения граждан к участию в работе государственных органов. Отмена этих *misthoi* рассматривалась теоретиками политической мысли как выражение недоверия демократии и тенденция к установлению консервативного режима. Вряд ли это ощущалось средними афинянами. Они видели неизменность институтов. Полис по-прежнему управлялся Советом, представлявшим традиционные филы, число которых увеличилось за счет создания нескольких новых фил — Антигонидов, Деметриадов, Птолемаидов и Атталидов, но эти уступки (иногда временные) переменам в международной политике не меняли в корне функционирование системы, введенной в свое время Клисфеном. Магистраты сохраняли свои древние номенклатуру и полномочия с незначительными изменениями, как, например, разделение между стратегами обязанностей, которые прежде исполнялись ими по принципу взаимозаменяемости. Но в конечном счете эти постепенные изменения были почти незаметны и практически не мешали гражданам Афин чувствовать себя наследником своих великих предков.

Конечно, он ощущал, что его родина больше не имеет политического и военного могущества, которое она потеряла в битве при Херонее, затем в Ламиакской войне и, наконец, в Хремонидовой войне. Но тем не менее она сохранила свой престиж очага культуры и интеллектуального центра греческого мира, о чем свидетельствует амфикиционный декрет 125 года до н. э.: в нем амфикиционийцы объявляли, что «народ Афин оказался у истоков величайших благодеяний, обретенных человечеством; это он вывел человечество из дикости к цивилизации», познакомив другие народы с эливсинскими мистериями, показавшими им великую

ценность мирных отношений и взаимного доверия; народ Афин передал им также хорошие законы, продиктованные богами, и принципы воспитания; он принес процветание Греции, распространив сельскохозяйственную науку — дар Деметры; он первым учредил драматические состязания в честь Диониса. Все эти мысли были почерпнуты амфикиционной коллегией, в которой Афины, однако, занимали лишь 24-е место, из литературной традиции аттических ораторов, в особенности Исократ, который патетически излагал их в своих панегириках. Обращение к ним в среде, где политическое влияние Афин сделалось ничтожным, свидетельствует о стойкости мифа, тщательно поддерживаемого самими афинянами, согласно которому их отечество было лоном для Греции, моделью, которой другим полисам следовало подражать. Нет ничего удивительного, что в следующем веке, в эпоху Цезаря, то же развитие темы встречается у Диодора Сицилийского (XIII, 26—27), который вкладывает эти мысли в уста сиракузянина, пытающегося, впрочем безуспешно, побудить сограждан обойтись без излишней жестокости с афинянами, плененными после их сокрушительного поражения под Сиракузами: здесь мы имеем дело с риторическим общим местом, *топосом*, известным всем грекам. Некоторые, правда, уравнивали восхваления и порицания, чтобы несколько исправить их обобщенный и напыщенный характер. Плутарх откликнулся на них, написав в «Жизнеописании Диона» (58, 1): «Но, видно, не даром ходит поговорка, что доблестные люди, которых производят на свет Афины, не знают себе равных в доблести, а порочные — в пороке, так же точно как земля Аттики приносит и лучший в Греции мед, и сильнейший из ядов — цикуту»¹. Без сомнения, размытое суждение; однако оно отражает восхищение, которое до сих пор вызывал этот необыкновенный полис.

* * *

Это чувство преемственности, которую не прервали ни завоевания Александра, диодохов и их наследников, ни затем завоевания Рима, лишь постепенно уступило место осознанию глубоких

¹ Перевод С. П. Маркиша.

исторических изменений. Во многом благодаря Полибию; зато почти полная утрата XXI—XL книг «Исторической библиотеки», которые охватывали период после 301 года до н. э. и вплоть до галльских войн, не позволяет нам узнать, чувствовал ли эти изменения Диодор. Но во II веке н. э. Плутарх, а позже Павсаний вполне это осознавали: действительно, Эллада в то время являла зрелище почти повсеместного упадка, за исключением Афин, Олимпии и Патраса. И именно эти авторы, внимательные прежде всего к событиям войны и их последствиям, могли лишь констатировать абсолютный триумф Рима.

Современный же историк пытается обнаружить с помощью эпиграфических документов признака эволюции, происходившей в политической и социальной сфере при формальном сохранении прежних институтов. Он находит здесь новые факты, например вмешательство женщин в общественную жизнь, которое возмутило бы греков предшествующей эпохи, старавшихся держать своих жен вдали от общества в гинекее. Это было следствием финансовых трудностей, о которых мы уже говорили. Призывая особенно состоятельных граждан, полис вынужден был обращаться к богатым женщинам. Естественно, он, как и прежде, доверял им исполнять религиозные функции при культах женских божеств — функции жрицы или неокоры (которая должна была следить за порядком в святилище, за содержанием священных построек и утвари). Но поскольку для этой должности все больше требовалось лицо, способное в существенной мере нести необходимые для культа расходы, то занять ее могли только богатые женщины; поскольку они щедро тратили личные средства, чтобы исполнять лежащие на них обязанности, полис, вполне естественно, выражал свою благодарность почестями и наградами. Так, например, в общественных местах или в святилищах начали устанавливать задрапированные женские статуи, которые обнаружены сейчас в огромном количестве и которые археологам очень трудно датировать, особенно когда у статуи утеряна голова (что бывает чаще всего). Это участие богатых женщин в общественной жизни значительно расширилось в эпоху Римской империи. В это время они даже получают самые настоящие чиновничьи функции, что было немислимо в классическую эпоху. В качестве примера в числе прочих можно привести Кизик на азиатском побережье Пропонтиды,

где женщина исполняла обязанности *гинпарха*: поскольку этот термин означает собственно «командующий конницей», это может показаться парадоксальной ситуацией, если не учитывать, что это слово утратило здесь свое значение и стало обозначать гражданскую должность. Еще один пример женщины, удостоившейся почтения от полиса за свои заслуги, — Эпия Фасосская (I век до н. э.). Она приняла на себя на Фасосе все *неокории* — Артемиды, Афродиты и Афины, «хотя из-за большой расходности этой литургии женщины с большой неохотой брали на себя функции блюстительницы храмов»; на ее средства был выстроен мраморный портик, служащий входом в храм Артемиды; она также служила жрицей Деметры и Зевса Евбулея («доброго советника»), чего не делала ни одна женщина, «потому что это не давало никакой прибыли, но требовало больших расходов» на украшения и пышную одежду для облачения статуй богинь; она посвящала этим храмам богатые дары; наконец, она неоднократно оказывала помощь частным лицам. Чтобы отблагодарить ее, «показав ее радение богам и своим согражданам» в любых обстоятельствах, Совет и народ приняли единодушным голосованием четыре декрета, предоставляющих ей различные почести: публичное восхваление, право оставить ее имя на портике и на дарах, сделанных на ее средства; привилегия носить во время культовых обрядов в знак отличия белые одежды; и наконец, признание ее пожизненной блюстительницей храма Афины, исполняющей эти функции всякий раз, когда для них не окажется другой кандидатуры. Форма и стиль этих декретов очень напоминали почетные декреты для граждан-мужчин. Почитание богов, достоинство, мудрость, преданность, усердие, благоволение к народу, щедрость по отношению к отдельным людям, «поведение, достойное благородства их предков и званий», которых они заслужили, — все это отмечается в эпиграфических текстах, почитающих эвергетов. В конце эллинистической эпохи Фасос в сложной обстановке охотно принимал добровольные вклады как от мужчин, так и от женщин: не жалевшие ни себя, ни своих денег, они причислялись к почитаемым лицам.

Другим способом частично пополнить общественную казну была продажа жреческих должностей по наибольшей цене. Мы располагаем множеством договоров, где сообщается о подобных

продажах. Вносимая сумма могла быть очень значительной: один-два таланта (6—12 тысяч драхм) и более за должность служительницы Диониса, пожалованной покупателю пожизненно в Приене около 150—130 годов до н. э. Взамен тот получал различные почести и привилегии: определенную долю от каждого жертвоприношения (в частности и как правило — кожу животного), питание за казенный счет, почетное место в театре (*проэдрия*) с особого рода одеянием и венком, освобождение от обязанностей, налагаемых полисом, особенно от литургий, это освобождение зависело от цены, за которую приобреталась духовная должность. В целом, это было своего рода открытое признание власти, которую имело богатство в государстве, и особенно в культовой сфере.

Стремление вытянуть деньги из всего иногда приводило к торговле тем, что было для греков самым драгоценным из благ — правом гражданства. Вспомним, что в классическую эпоху эта основная привилегия ревниво оберегалась и давалась лишь в единичных случаях как величайшая милость, за исключением каких-либо чрезвычайных обстоятельств. В эллинистическую эпоху полисы начали продавать гражданство, чтобы пополнить общественную казну в бедственный период, а также, возможно, чтобы укрепить общество, выбирая кандидатов, предоставляющих поручительства. Яркий пример этого, относящийся к началу III века до н. э., на Фасосе отражен в официальном тексте, жалующем гражданское состояние нескольким лицам и их потомкам за достаточно высокую плату (сто статеров) с каждого; главной формальностью было вписание их в административные и религиозные подразделения общества; во избежание любого пересмотра этого решения были предусмотрены юридические гарантии. Известны и другие аналогичные случаи, и их число существенно возросло в эпоху Империи. Даже Афины прибегали к этой бесславной процедуре для восстановления своих финансов. Эпиграмма, датированная I веком до н. э., высмеивает легкость, с которой можно было получить гражданство, заплатив столько же, сколько стоил поросенок или незначительное количество древесного угля (Палатинская антология¹. XI, 319). Так что Август, недовольный Афинами

¹ Палатинская антология (Anthologia Palatina) — сборник греческой эпиграмматической поэзии, составленный в X веке Константином Кефалой. Содержит около 4000 эпиграмм древнегреческих и византийских поэтов.

и собиравшийся ввести против них санкции, запретил им использовать эту систему для обеспечения своих ресурсов (Дион Кассий. LIX, 7). Таким образом, торговля правом, которое представляло собой саму основу античного полиса, ощущалось как позор. Беспорное доказательство того, что эта традиционная форма государства нисколько не утратила своего престижа в первые века Империи.

Точно так же в трудные периоды полисы прибегали к достаточно неожиданному способу — божественной эпонимии. Случалось, что не было ни одного кандидата на высшие должности, обладатель которых был эпонимом (то есть давал свое имя обозначению года, в который он вступал в свои обязанности): расходы, которых требовали эти должности, иногда вынуждали даже самых состоятельных граждан, претендовавших на эту честь, отказываться от них. В этих случаях, правда крайне редких, главному божеству полиса передавалась функция эпонима, а расходы покрывались из священной сокровищницы. Если подобное повторялось, то, чтобы избежать путаницы с календарем, года, в которые бог становился магистратом-эпонимом, нумеровались. Так, например, в Милете, где верховный магистрат назывался *стефанефором* и где главным божеством был Аполлон Дидимский, этот последний исполнял функции стефанефора в течение двух лет подряд — в 276—275 и в 275—274 годах до н. э. Перечень пожертвований в Дидимейоне датирован следующим образом: «При стефанефории бога, наследовавшего богу»; зато, как выясняется далее по тексту, в 277—276 и в 274—273 годах до н. э. граждане города взяли на себя эти обязанности в соответствии с обычаем. В других случаях дорогостоящую привилегию быть магистратом-эпонимом великодушно принимал на себя царь.

В области управления были и другие нововведения, хотя в целом древняя номенклатура сохранилась. Лучше всего это можно заметить на примере Афин, о которых нам известно больше подробностей, чем о других местах. Так, в начале эллинистической эпохи представление кандидатов на общественные должности путем голосования (обычно поднятием руки) зачастую заменялось выбором по жребию. Он традиционно считался наиболее «демократичной» и, во всяком случае, наиболее эгалитарной

* * *

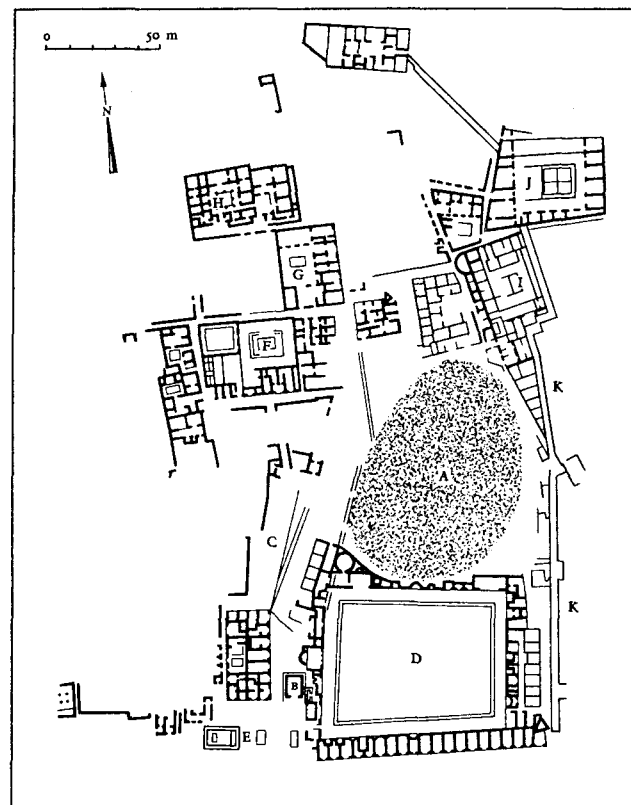
процедурой: в этом случае шансы всех кандидатов не зависели ни от какого давления и ни от каких интриг. Действительно, частое использование выборов (которые всегда применялись для должности стратегов, поскольку лежавшая на них ответственность не позволяла доверяться слепому случаю для их избрания) объясняется, возможно, отчасти стремлением поручить административные функции самым достойным, согласно совету философов. Мы уже видели, как в Афинах изменился способ исполнения стратегами своих функций: между ними установилось постоянное разделение полномочий и, как следствие, иерархия, заменившая изначальное равенство. Конечно, в связи с новыми потребностями увеличивалось число магистратов: *номофилаки*, или хранители законов, следили за соблюдением принятых правил — задача, которая прежде была доверена народному суду¹; *гинекономы* контролировали поведение женщин, заботясь о моральном порядке, что было вызвано определенным падением нравов. Здесь также сказались влияние философов, в особенности Платона. Другие функции возлагали на их обладателя возрастающие расходы, потому что полис отныне полагался на него, вместо того чтобы самому обеспечивать свои фонды. Таким образом, *агонотет*, или организатор соревнований, должен был не только заниматься проведением игр и религиозных церемоний, которые им сопутствовали, но также обеспечивать награды победителям, а в случае с поэтом Филиппидом, прославленным афинским декретом в 287 году до н. э., агонотет учредил новые состязания, которые, естественно, тоже сам финансировал. Задачами *гимнасиарха*, в свою очередь, были не только надзор за функционированием гимнасия, поддержание там порядка и дисциплины и контролирование жертвоприношений богам, которые ему покровительствовали: он должен был также за свой счет обеспечивать запас масла, необходимого для массажа атлетов, что являлось очень тяжелым бременем. Понятно, что некоторые богатые и знатные горожане противились этим обязанностям и иногда отказывались от них.

¹ Народный суд (*гелиэя*), созданный Солоном, ценился как высшее достижение демократии: его членом мог быть любой гражданин Афин не моложе 30 лет и с безупречной репутацией, которого избирали жребием.

Помимо граждан и рабов все сколько-нибудь значительные греческие полисы имели среди своего населения определенное число чужестранцев — греков и не греков. В эллинистическую эпоху этот контингент, вероятно, увеличился, потому что путешествовать стало легче, чему способствовала более интенсивная морская торговля, и росло число экспатриантов, изгнанников — жертв политических переворотов, наемников, состоящих у кого-то на службе или ищущих вербовщика, царских посланцев, купцов, разного рода странников. Среди этих последних встречались категории, уже знакомые нам по архаической эпохе: скульпторы, живописцы, архитекторы, путешествующие в поисках заказов, музыканты и поэты, приглашенные для участия в религиозных празднествах или для сочинения эпиграмм, прорицатели, к которым охотно обращались за предсказаниями. Здесь были, как и в классическую эпоху, преподаватели риторики и философии и всевозможные ученые, за исключением медиков, о которых мы уже говорили. Среди этих случайных прибывавших фигурировало много атлетов: их увлекало из родных полисов увеличение числа состязаний, и они собирали награды на местных играх, которыми славились многие полисы, а лучшие — на великих всеэллинских традиционных играх или на конкурирующих с ними соревнованиях, которые устраивали государи или богатые полисы. Появилась новая категория странников: дионисийские артисты, то есть объединенные в братства актеры, передвигавшиеся группой, чтобы декламировать или давать представления в городах, святилищах или при дворах правителей. Весь этот народ курсировал по Греции, пересекал Средиземное море, отправлялся в какие угодно дальние регионы, если только там существовало эллинское общество. Эта циркуляция в значительной мере способствовала развитию понимания культурной и этнической общности между полисами. Это ощущение, за крайне редкими исключениями, о которых мы еще скажем, нисколько не отменяло фундаментальной привязанности к малой родине: они, как и в прежние века, дополняли друг друга, но, несомненно, осознавались лучше. Во всяком случае, большое число почестей, оказываемых полисами этим гостям, о чем свидетельствуют почетные декреты и надписанные

постаменты их статуй, доказывает, что греческие города могли оценить то значение, которое имели для их благосостояния и престижа эти чужестранцы.

Наряду со странниками существовала также, особенно в крупных городах, порой значительная масса осевших чужестранцев, которые, не пользуясь правами граждан, имели иногда особый статус, дававший им возможность заниматься своей профессией и играть немаловажную роль в жизни полиса. Их называли по-разному: *метеками* в Афинах, *парэками* на Родосе, *катэками* в Эфесе; все эти близкие по смыслу слова, означающие «живущие с», или «рядом», или «в», позволяли отличать этих переселенцев от заезжих гостей. Они платили особый налог, служили в армии, участвовали в культовых церемониях. Они были ремесленниками, купцами, ростовщиками. Некоторые сколачивали состояние: так произошло с метеками в V и IV веках до н. э. На Делосе их число возросло, когда маленький остров, ставший афинской колонией в 166 году до н. э., начал притягивать к себе корабли купцов, курсировавшие в Эгейском море, и сделался центром торговли и перекупки благодаря своей привилегии беспошлинного порта. Эти чужеземцы объединялись там в ассоциации со своими собственными кварталами, со своей администрацией и со своими культурами. Лучше всего нам известны объединения эллинизированных жителей Востока и греков из Азии: *посидониасты* в Берите (Бейруте), «торговцы, оружейники и перекупщики», которым покровительствовал бог моря Посейдон, или *гераклеисты* в Тире, названные по имени финикийского Геракла-Мелькарта, уподобленного греческому Гераклу, или александрийские купцы, накапливавшие на своих складах привезенные товары, прежде чем перепродать их, или, наконец, италийцы, образовавшие процветающую колонию, центром деловой активности которой был просторный архитектурный ансамбль, италийская агора, выстроенная в конце II века до н. э., украшенная статуями и мозаикой и вмещавшая в себя лавки и термы. Им было разрешено поклоняться собственным богам — сирийским, египетским, которым они возводили храмы. Они образовывали в какой-то мере автономные общины внутри государства. Признание *de facto* этих прекрасно организованных групп чужестранцев, естественно, далеко не во всех полисах имело такую же отчетливую форму, как на Делосе.

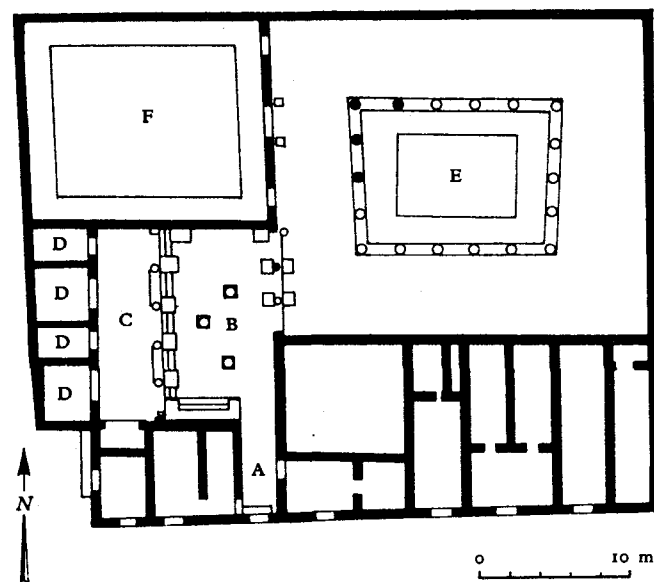
7. Делос: квартал священного озера

Вокруг священного озера (А), теперь пересохшего, располагался район, граничивший на севере со святилищем Аполлона. За исключением небольшого храма Лагоны (VI век) (В) и «террасы львов» (VII век) (С), все сооружения квартала относятся к эллинистической эпохе. Большая агора италийцев (D), построенная в конце II века, — замечательный пример закрытой агоры: большой четырехугольный двор окруженный дорийским перистилем, под которым открываются эксседры и ниши со статуями. Лавки выходят на внешнюю сторону. С другой стороны большой улицы, идущей в направлении север — юг,

находится святилище Двенадцати Богов (Е), сооруженное в начале III века, с жертвенником перед фасадом. Восточный холм занимали беритские поседониасты (F). Еще севернее выделялись дом Диалумена (G) и дом Масок (H). К северу от озера располагались две палестры: сильно разрушенная Озерная палестра (I) и сохранившаяся лучше гранитная палестра (J). Весь квартал на востоке окружен крепостной стеной Триария (K). Она была возведена по приказу римлянина Триария, легата проконсула Лукулл в 69 году до н. э. после страшного нападения пиратов, разоривших город.

Эти странники и переселенцы, где бы они ни были, тем не менее могли чувствовать себя в безопасности, имея формальные юридические гарантии, защищающие их самих и их имущество от посягательств и насилия. Эти гарантии существовали издавна благодаря учреждению статусов *простатов* и *проксенов*. Простат, или покровитель, был гражданином, выступавшим поручителем переселенца и представлявшим его интересы в суде. Проксеном назывался гражданин, назначенный другим полисом принимать прибывавших из полиса и помогать им у себя в городе, который он представлял как проксен: он в какой-то степени исполнял функции современного консула с тем лишь отличием, что принадлежал не к полису, выходцев из которого протезировал, а к полису, где проживал сам. Эти два института продолжали играть свою роль в эллинистическую эпоху. Но проксения получила особое развитие в связи с аспектом обоюдности этого института, выгодным для самого проксена. Проксен получал свою должность от чужого полиса: почет, который ему давало это назначение, часто сопровождался другими привилегиями, такими, например, как освобождение от налогов, право лично предъявлять иск в суде, право приобретения недвижимого имущества, гарантия от конфискации в качестве репрессивной меры, иногда даже пожалование гражданства со всеми следующими из этого правами. Таким образом, тот, кто по долгу службы оказывался в полисе, проксеном которого он являлся, имел существенные льготы. Понятно поэтому, что пожалование титула проксена, удостоверяемое в эллинистическую эпоху несколькими декретами, высекаемыми на камне, было важным, и предоставлял не только собственно почетную должность, но и вполне фактические привилегии, позволявшие их обладателю чувствовать себя комфортно и безопасно, находясь среди тех, кто удостоил его этой чести.

Помимо гарантий этого рода, предоставляемых лишь ограниченному кругу лиц, греками были придуманы другие юридические меры для защиты чужеземцев — двусторонние договоры, заключаемые между полисами и обозначаемые термином *симбола*. Они должны были определять границы действия права конфискации (конфискуемое таким образом называлось *syla*), общераспространенного в греческом мире: оно позволяло кредиторам чужеземца, находившегося вне пределов досягаемости, вернуть

8. Делос: дом беритских посейдониастов

Община посейдониастов, «купцов, судовладельцев и кладовщиков» из Берита (нынешнего Бейрута), объединяла под покровительством морского бога Посейдона сирийских торговцев, посещавших Делос. В конце II века они построили это прекрасное здание, служившее им одновременно местом собраний, постоянным двором и складом и имевшее несколько маленьких святилищ в честь «богов предков». Через ворота и небольшой вестибюль (А), который вел на улицу, идущую вдоль южной стороны, можно было попасть в передний двор (В), окруженный с запада и востока двумя

колоннадами. Западная колоннада образовала портик (С) перед четырьмя часовнями (D), посвященными трем божествам сирийских греков и римской богине. Жертвенники располагались в переднем дворе. Восточная колоннада отделяла передний двор от большого двора (Е), окруженного широким перистилем, как в частных домах. Под двором в центре была устроена большая цистерна под сводом, опирающимся на мозаичный пол. Второй двор (F) занимал северо-западный угол здания. В южной части перистилия находились места для жилья и торговли.

долги, конфисковав в своем собственном городе имущество какого-либо соотечественника должника на основании юридической взаимответственности между гражданами одного полиса, что делало каждого из них ответственным за личную несостоятельность любого из своих сограждан. Всякий, кто имел торговые отношения с чужестранцами, серьезно рисковал. Страховка от этих рисков и была целью *симболы*. Эти договоры устанавливали порядок разрешения тяжб на основе взаимности. Увеличение их числа в эллинистическую эпоху привело к определенной унификации юридической практики, которая в архаической и классической Греции различалась от полиса к полису.

Такое же значение имела новая форма сотрудничества в юридической сфере между полисами, к которой зачастую прибегали в III и особенно II веке до н. э., — обращение к чужеземным судьям для облегчения задачи местных судов. Отправлять правосудие было одной из главных функций государства; что касается Афин, Аристотель подробно описал организацию народного суда в эпоху Александра (Афинская полития, 63; и след.), а Павсаний перечислил многие суды (I, 28), которые во II веке до н. э. продолжали разбирать разнообразные дела, передаваемые им в силу их особой компетентности. Поскольку не существовало специальных магистратов, то заседали и принимали решения от имени народа граждане. Так что одной из первых обязанностей гражданина было «выступать беспристрастным судьей», как гласит надпись на Косе, датируемая началом III века до н. э. Несмотря на усердие этих народных судов, случалось, что они оказывались перегруженными делами, ожидающими своего рассмотрения, или серьезные внутренние разногласия заставляли усомниться в беспристрастности граждан, призванных разрешить тяжбы между своими соотечественниками. Чтобы предотвратить эти кризисы судебного аппарата, полис, оказавшийся в трудной ситуации, обращался к другому полису с просьбой прислать комиссию, состоящую из его граждан, например трех судей и одного секретаря, чтобы образовать суд, который рассмотрел бы накопившиеся дела и который бы, стоя в стороне от местных страстей и интриг, не мог быть заподозрен в предвзятости. В особо деликатных случаях приглашались судьи из нескольких городов.

Согласно дошедшим до нас документам, выполнение этими внешними судами их задачи, как правило, вызывало удовлетворение. В соответствии с обычаями предков они старались прежде всего примирить стороны, а в случае неудачи выносили решение, которое — поскольку они были чужеземцами — воспринималось как беспристрастное и, следовательно, справедливое. Чтобы отблагодарить их за оказанные услуги, принимавший полис к их отъезду издавал декрет, предоставлявший им почести и привилегии, такие как проксения, право гражданства, различные освобождения от налогов и гарантии неприкосновенности имущества, право приобретения земли и другие льготы. Эти декреты высекались на стелах, которые устанавливались в общественных местах: здесь их было найдено большое количество. Они позволяют оценить, насколько распространился этот собственно эллинистический обычай, который способствовал установлению дружественных связей между полисами одного региона, которые давали друг другу доказательство обоюдного доверия.

* * *

Эти связи могли принимать форму соглашений не только между полисом и отдельными чужеземцами или группами чужеземцев, но и между одним полисом и другим полисом или группой полисов. Понимание силы союза стало острее, чем раньше, в связи с тем, что создание крупных царств все больше угрожало независимости греческих полисов. Осознавая свою слабость, некоторые маленькие полисы объединялись, чтобы образовать одни большой. Благодаря этому процессу, называемому *синойкизм*, в архаическую эпоху родились Афины, в классическую — Родос и Мегалополь в Аркадии. В эллинистическую эпоху это иногда происходило под давлением государя, который принуждал несколько соседних городов объединяться в одно целое. Так, например, Лисимах, согласно Павсанию (I, 9, 7; см. также VII, 3, 4—5), «с помощью синойкизма расширил город Эфес до самого моря, как он выглядит сегодня: он переселил туда жителей Лебеда и Колофона, уничтожив оба эти полиса. Так что поэт Феникс оплакал в ямбических стихах „взятие Колофона“». Менее жесткой процедурой был договор полисов, устанавливающий между ними общее гражданство;

это называлось *симполития*. Таким образом, например, во II веке до н. э. поступили два небольших соседних полиса в Фокиде — Сфир и Медеон, а в Малой Азии — Милет и карийские полисы Миласа и Гераклея Латвийская, которые расширили свою территорию, поглотив смежные мелкие полисы. К этим союзам применялся, правда редко, термин *гомopolития*: например, к заключенному соглашению между островом Кос в Додеканесе и соседним островом Калимной во времена Птолемея Сотера; в этом случае Калимна становилась определенным образом зависимой от Коса и отказывалась в его пользу от всякой политической инициативы. Надпись не воспроизводит самого соглашения, но указывает, при каких условиях была принесена торжественная клятва, связывавшая два сообщества, и передает формулировку этой клятвы, которая знакомит нас с содержанием договора. Здесь мы видим еще раз, что любой публичный акт требовал одобрения богов, которые были порукой соблюдения договора.

Увеличивается число соглашений об *изополитии*, уже известных в классическую эпоху, но теперь заключаемых чаще. Согласно им, граждане договорившихся полисов, переселяясь одни к другим, пользуются теми же правами, что и граждане принимающего полиса: эти соглашения устанавливали, таким образом, «гражданское равенство», на что указывает обозначающий их термин, а именно «потенциальное гражданство», которое реализовалось лишь в случае переселения гражданина в другой полис, который заключил договор. Изополития могла устанавливаться между двумя и более полисами, даже между полисами и союзом полисов: в этом последнем случае участникам соглашения предоставлялось гражданство союза, а не отдельных его полисов. Договоры изополитии заключались часто: так, например, Афины имели такое соглашение с Родосом и Приеной, Милет — с несколькими полисами Малой Азии, Кирена — с островом Тенос в Кикладах. Как видим, эти соглашения могли связывать не только соседние полисы, но также государства, сильно отдаленные друг от друга.

Помимо этих двусторонних обязательств, которые устанавливали тесные отношения между отдельными полисами и при этом, за исключением договоров синойкизма и симполитии, в целом не посягали на традиционную независимость греческих

государств, в эллинистическую эпоху наряду с крупными монархиями наблюдался расцвет уравнивающих их союзов и лиг (два равнозначных термина для передачи соответствующего греческого слова), объединяющих в одно целое полисы одного региона, которые были связаны общими традициями и интересами. Конечно, такие союзы существовали и раньше, особенно в пограничных и окраинных областях: в Фессалии, у магнетов (в заливе Воло), в Халкиде, в Эпире, в Аркадии уже были известны образования такого рода, которые назывались *койнон*, то есть «общность». Эти общности объединяли либо городские агломерации, либо «народы», или племена, сохранявшие общие традиции и имевшие общую историю. Форма организации, варьирующаяся в зависимости от региона и эпохи, была своя у каждого койнона, который называли по географическому термину, охватывавшему всех участников: например койнон фессалийцев, или халкидонян, или молоссов (часть эпиротов), или, наконец, магнетов. Беотия при доминирующем влиянии могущественного полиса Фивы тоже образовывала союз беотийцев, федеральные институты которого контролировали фиванцы: она пережила сражения при Херонее и разрушение Фив после их мятежа против Александра. С другой стороны, такие сильные полисы, как Спарта и Афины, с помощью системы военных альянсов устанавливали фактический контроль над союзными городами. «Лакедемоняне и их союзники», как именовался Пелопонесский союз, объединялись под властью Спарты только в случае войны: их связывали только двусторонние договоры, заключенные между Спартой и другими заинтересованными полисами, без создания каких-либо общих федеральных институтов. Афины после персидских войн создали морской Делосский союз, который очень быстро стал инструментом доминирования над союзными полисами. После его развала в 404 году до н. э. Афины предприняли новую попытку, создав в 377 году до н. э. Морской союз, имевший зачатки федеративной организации; он тоже распался через несколько десятилетий. Коринфский союз, созданный Филиппом II Македонским, был долговечнее постольку, поскольку политические цели македонских правителей требовали такого инструмента. Позже Эллинский союз, основанный Антигоном Досоном, объединил не полисы, а конфедерации полисов, которые в то время стали очень значимыми, —

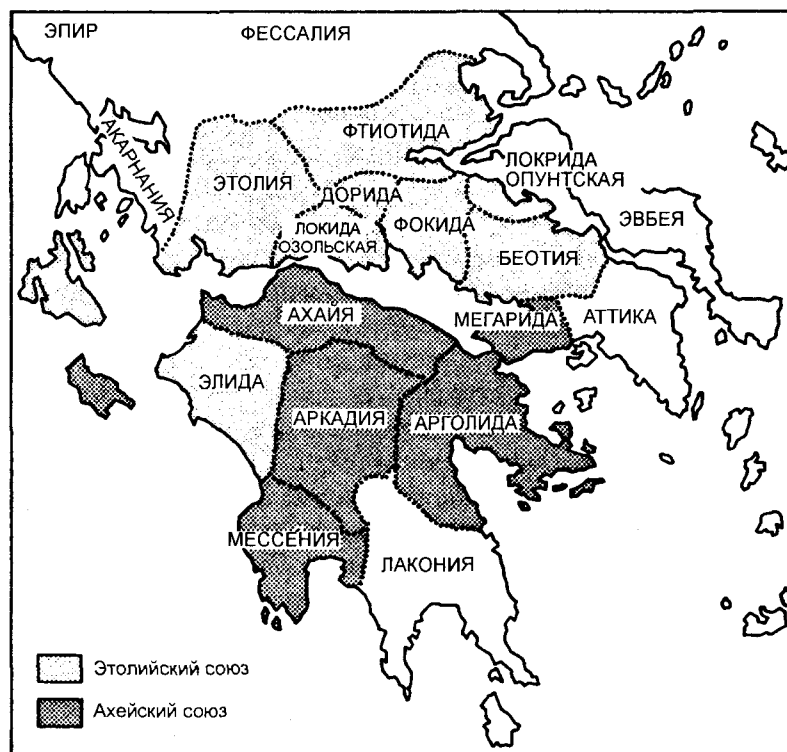
беотийцев, фокидийцев, локридов, эпитротов, акарнанцев, ахейцев, эвбейцев, фессалийцев. Впрочем, этот союз был эффективен лишь некоторое время и исчез незадолго до поражения Филиппа V при Кеноскефалах (197).

Другое дело крупные Ахейский и Этолийский союзы, сыгравшие в эллинистической истории наиважнейшую роль. Это были поистине федеративные организации со своими политическими институтами, со своей армией, с общим гражданством, с собственными финансами и, естественно, с федеральными святилищами, религиозный авторитет которых обеспечивал солидарность полисов — участников Союза. Они были способны разрабатывать и вести последовательную и самостоятельную внешнюю политику, проводить значительные военные операции, внушать другим уважение и страх. Только они в какой-то мере могли противостоять крупным монархиям: роковой удар им нанесли не эти последние, а могущество Рима. В эллинистической Греции они стали единственной серьезной попыткой разрешить с помощью оригинальной политической структуры острую проблему выживания греческих полисов как независимых государств с их ограниченной территорией, со своим немногочисленным населением, проблему, которую вызывали соперничество между ними и посягательства со стороны царей. Рассмотрим подробнее эти два союза.

Ахейский союз возник раньше: первоначально он объединял двенадцать полисов, позже их число сократилось до десяти, все они располагались на северо-западе Пелопоннеса, вдоль Патрасского залива и на южном побережье Коринфского залива. Легенды, подробно изложенные Павсанием в начале книги VII его «Истории Эллады», посвященной Ахайе, рассказывают, как ахейский народ, считавшийся родственным ионийцам, занял их регион, заставив этих последних укрыться в Аттике, а затем в Малой Азии. Эти предания, несомненно, отражают факт изначальной этнической общности населения Ахайи. В традициях греческого мира они имели первостепенное значение. Так же у них были общие для всех культы Зевса Гамария, святилище которого находилось близ города Эгиона, и Деметры Панахайи («всеахейской»). И историк Полибий, и Плутарх в своем «Жизнеописании Арата» достаточно полно рассказывают о блестящем периоде в истории

Ахейского союза в III и II веках до н. э. Между 251 и 214 годами до н. э. им руководил Арат: благодаря его инициативам, его энергичности и политическому чутью, союз после долгого затишья около 280 года до н. э. был трансформирован в сильное федеративное государство значительных размеров: Сикион, Коринф, Эпидавр в Арголиде, Мегары за Истмийским перешейком объединились в союз, который, таким образом, распространил свое влияние на большей части Пелопоннеса, намереваясь использовать совместные военные силы против Спарты, которую до сих пор подозревали в желании восстановить свою гегемонию на полуострове, против Антигонидов в Македонии и их политики, нацеленной на контролирование всей Эллады, и, наконец, против Этолийского союза — конкурирующей конфедерации, которая господствовала в Западной и Центральной Греции.

Ахейский союз имел тогда настоящее федеративное устройство, которое давало жителям входивших в него полисов общее гражданство, что не отменяло права гражданства, которым они обладали в своих собственных городах. Среди институтов Союза, аналогичных институтам классического полиса, было собрание, открытое для всех граждан старше тридцати лет. Оно собиралось вплоть до 188 года до н. э. в Эгионе, игравшем роль федеративной столицы. Здесь проходили обычные заседания по определенным дням и экстренные заседания, созываемые магистратами, когда того требовала внешнеполитическая ситуация. Решения собрания подготавливались советом (*буле*) и исполнялись федеральными магистратами, избираемыми собранием. Самым главным магистратом был стратег, который с 255 года до н. э. исполнял эту должность в единственном лице. Он был настоящим главой Союза, управлявшим его политикой и командовавшим его армией. Избираемый на год, он мог быть переизбран после годичного перерыва: это положение позволило Арату переизбираться семнадцать раз за свою долгую карьеру и благодаря этому оказывать на судьбу Ахейского союза определяющее влияние в течение тридцати с лишним лет. Таким образом, это устройство, принципы которого формально были демократическими (Полибий не устает расхваливать его организацию, [особенно см.: II, 37—38], за предоставляемые ею гарантии свободы, равенства и согласия как между отдельными гражданами, так и между полисами), тем не

9. Этолийский и Ахейский союзы в Элладе

менее обеспечивало преемственность отправления власти и следование далекоидущим планам, что приравнивало Ахейский союз к современным ему монархиям. Действительно, личные убеждения Арата и тенденции, как правило выражаемые обществом посредством собрания, ориентировали политику Союза в строго консервативном направлении — мы это прекрасно видели в борьбе против Клеомена и против его политики социальной реформы. Но несомненно то, что в этой системе деятельность глав Союза отвечала желаниям их избирателей: еще одно лишнее доказательство того, что понятие демократии в Античности отличалось от нашего представления о ней, поскольку это общество, как и во всех греческих полисах, на деле составляло лишь меньшинство населения.

Этолийский союз тоже был организован в эллинистическую эпоху. Между Локридой Озольской на востоке и рекой Ахелой, которая на западе отделяла этолийские племена от Акарнании, они населяли на северном побережье залива Патрас гористую местность, пригодную для сельского хозяйства только в долинах и в низине, занимаемой озером Трихония. Болотистый берег, на котором сегодня находится город Миссолонги, не имел портов, а только лагуны, простиравшиеся вдоль моря. От Тимфреста до Эты высокая и обрывистая горная цепь преграждала проход в долину Сперхея в направлении к Эгейскому морю. Эта изолированная страна, лежащая в стороне от всех путей сообщения, за исключением ведущего на северо-запад к заливу Арта через Акарнанию, действительно находилась за пределами эллинского мира. И тем не менее это была исконная земля легенд, известных всей Греции: Ахелой, самая крупная река Греции, была наиболее знаменитым речным божеством, символом самой воды в поэтическом языке; считалось, что герои-эпонимы этолийских городов Плеврон и Калидон породнились с родом Дороса — эпонима дорийцев, что подтверждается лингвистическим родством их диалектов; знаменитый герой Мелеагр, известный уже во времена Гомера, был сыном царя Калидона и вместе со знаменитыми героями и полубогами Тесеем, Аталантой, Ясоном, Пирифоем, Пелеем, Кастором и Поллуксом и другими, пришедшими со всей Эллады, устроил охоту на калидонского вепря, шкура которого была помещена в храм Афины Алей в Теге, в Аркадии, где ее, всю изъеденную молью, еще видел Павсаний. Этот отделенный от континентальной Греции регион был населен горцами-пастухами и отчасти разбойниками, жившими родами в поселениях; эти последние и немногочисленные маленькие полисы образовывали федеративное государство, центром которого было святилище Аполлона в Ферме, рядом с озером Трихония. Фукидид упоминает этолийский народ, «многочисленный и воинственный, проживающий в неукрепленных и сильно разбросанных деревнях, использующий только легкое оружие», большинство которого «говорило на непонятном наречии и, ходили слухи, ело лишь сырую пищу» (III, 94). Эти грубые и нецивилизованные люди тем не менее в 426 году до н. э. нанесли жестокое поражение афинскому военачальнику Демосфену, опрометчиво напавшему на них. Эти воинские качества не

были утрачены ими впоследствии и позволили Этолийскому союзу занять в Греции первостепенные позиции в III веке до н. э.

Организация Союза, известная нам только относительно эллинистической эпохи, была схожа с устройством Ахейского союза и также переносила на федеральный уровень типичные для полиса институты. Собрание, заседавшее регулярно два раза в год, не считая чрезвычайных заседаний, было открыто для всех граждан. Оно решало главным образом проблемы внешней политики. Совет, состоявший из делегатов, число которых зависело от численности населения представляемого ими полиса или племени, назывался *синедрионом* (*синедры* — «заседающие вместе»). Он избирал внутри себя более узкий совет — *аподектос*, которые разрабатывали политику Союза, и магистратов, которые ее исполняли. Во главе их находился стратег, обладавший верховной властью, бывший эпонимом и главнокомандующим армией, он избирался на год и имел право переизбираться только после определенного перерыва. При нем находились командующий конницей (*гиппарх*), *агонотет*, в обязанности которого входило следить за организацией религиозных церемоний и федеральных праздников, секретарь для ведения архивов и финансовые магистраты. Койнон этолийцев имел федеральное гражданство, притом что в полисах сохранялось свое право гражданства. Это федеральное гражданство было удобно для принятия в союз новых государств, которые не имели с ним общих границ. В этом случае он заключал с ними договор изополитии, который предоставлял жителям нового участника право гражданства в любом из этолийских полисов. Чтобы стать полноправным этолийцем, нужно было, чтобы эти союзники помимо федерального гражданства получили право гражданства в одном из этих полисов. В обмен полисы или соседние с Этолией конфедерации, например некоторые полисы Акарнании, Локрида Озольская (называемая также западной), Дорида (или континентальные дорийцы), Энида и долопы и постепенно полисы Фессалии и Фокиды и Локрида Опунтская смогли войти в Союз по договору симполитии, который устанавливал более тесные юридические и конституционные связи.

Одним из главных преимуществ, которые давал статус члена Этолийского союза, была *асилия* — привилегия, которая, как мы видели, обычно предоставлялась вместе в проксенией и правом

гражданства, частью которых она, по правде говоря, являлась. Мы говорили, что асилия защищала частных лиц от применения к ним репрессивных мер (*syla*). Но помимо этого, она защищала неприкосновенность имущества и самих частных лиц в пиратских операциях; вспомним, что этолийцы занимались разбоем в широких масштабах не только на побережье Ионического моря, но и глубоко внутри своей собственной страны вплоть до Эгейского моря. Таким образом, некоторые приморские полисы, такие как Амбракия в заливе Арта, остров Кефалления на входе в залив Патрас, остров Кеос в Кикладах, Аксос на Крите, Лисимахия во Фракии, Киос на Пропонтиде, Халкедон на Боспоре и даже — в Анатолии — Магнесия на Меандре и Гераклея на Латме добивались вхождения и вошли в Этолийский союз, который таким образом весьма существенно расширил свои первоначальные границы за пределами континентальной Греции.

Из недавно обнаруженного документа явствует, как Этолийский союз по неоспоримому праву защищал интересы одного из своих участников, территориально не относящегося к Этолии. Около 206 года до н. э. небольшой город Китинион, расположенный в маленькой Дориде, к северу от гор Парнаса, оказался в сложной ситуации: землетрясение когда-то частично разрушило его стены, а двадцать лет назад царь Македонии Антигон Досон, рассорившись с этолийцами и их союзниками и воспользовавшись отсутствием в Китинионе войск, которые отбыли на защиту Дельфийского святилища, расположенного с другой стороны Парнаса, занял Китинион, снес остатки укреплений и предал город огню. Китинийцы, чтобы восстановить свой небольшой полис, который они считали «наиважнейшим в Дориде», должны были прежде всего возвести стены — обязательную защиту для любого города греческого мира в те тревожные времена. Но это восстановление требовало огромных расходов, а маленький полис со своей крошечной гористой территорией не имел ресурсов. Тогда он воззвал к солидарности дорийских полисов, находящихся вне дорийской метрополии, и отправил посольство за моря, а Малую Азию — в Ксанф, крупный город Ликии, жители которого считали себя дорийцами. Замечательная мраморная стела, найденная в Ксанфе, в храме Латоны, особо почитавшейся в этом полисе, знакомит нас с документами этого посольства: с декретом ксанфян,

в котором они извинялись за то, что могут предложить Китиниюну лишь относительно скромную помощь; с декретом этолийцев, который именем Союза уполномочивал делегатов, посланных дорийцами в родственные полисы и к царям Птолемею IV и Антиоху III; с грамотой магистратов и синедров Этолийского союза,веряющих китинионийских послов милости ксанфян и умоляющих этих последних великодушно откликнуться на их просьбу; и, наконец, с длинным письмом китинионийцев, излагающих свое дело народу Ксанфа и просящих его о помощи. Совокупность этих прекрасно сохранившихся текстов на греческом языке в сто две строки, сообщают нам множество новых деталей об истории, институтах, верованиях, диалектах упомянутых в них полисов и об их отношениях с лагидскими и селевкидскими правителями. Остановимся здесь только на том, каким образом этолийцы участвовали в этом деле: роль, которую они сыграли, оказалась решающей. Именно от них прибыли в Ксанф послы Китиниона: они поддерживали это предприятие декретом этолийского койнона, который позволял всем отправленным в другие полисы и к царям послам говорить от его имени; они присовокупили к этому особое аккредитивное письмо, допускающее трех членов посольства в совет и к народу Ксанфа; наконец, они подкрепили ходатайство, напомнив, что цари Птолемей и Антиох, чьи имена (особенно лагидское) были авторитетны в Ликии, тоже заинтересованы в этом деле. Жители Ксанфа были далеки от западной Греции и жили в Азии, в мире, чуждом спорам народов Этолии и Дориды с монархом Македонии. Но престиж и влияние Этолийского союза настолько их впечатлили, что, несмотря на очень серьезные финансовые затруднения, подробно изложенные в их декрете, они почувствовали себя обязанными постараться ради Китиниона. Ничто не могло бы лучше измерить авторитет, который завоевали этолийцы в течение III века до н. э. во всем греческом мире благодаря эффективной организации их Союза.

Особо интересно в надписи в Ксанфе частое упоминание мифических родственных связей, объединяющих между собой дорийские полисы, а также лагидскую и селевкидскую династии, каждая из которых возводила себя к Гераклу. Было бы ошибкой видеть в этих отсылках только типичную формулу договора, безосновательное утверждение, изобретенное исключительно для

пользы дела. Если бы речь шла только о риторическом общем месте, отсылка к кровному родству между народами не служила бы так часто доказательством вполне конкретных ходатайств, денежных даров, дипломатической и военной помощи, и не принимались бы с такой охотой теми, кто по доброй воле снисходил к этим просьбам. Мы видим это в документах Китиниона и Ксанфа, где трое участников — этолийцы, континентальные дорийцы и ксанфяне — усиленно ссылались на родство, которое связывало их между собой, а также с Птолемеем и Антиохом; декрет народа Ксанфа особенно четок в этом отношении и очень пространно развивает более краткие сведения, содержащиеся в письме Китиниона и в декрете этолийцев. Составитель декрета Ксанфа совершает настоящий экскурс в мифологию, привлекая к делу различные легенды о героях и богах. Он возводит свое изложение к Аполлону, Артемиде и их матери Латоне, которая, согласно собственным преданиям Ксанфа и вопреки общепринятой традиции, родила двух своих детей не на острове Делос, а в самом Ксанфе, — именно поэтому Латона была избрана главным божеством и покровительницей полиса. Эти мифы воспринимались жителями ликийского полиса как уходящая в далекое прошлое историческая реальность, точно так же китинионийцы и их дорийские соотечественники очень серьезно верили в историчность генеалогий, согласно которым они вели свое происхождение от своего эпонима Дороса, в чем были убеждены и другие греки; вспомним, что в Совете Дельфийской амфикинии крошечная и бедная континентальная Дорида обладала одним из двух голосов, отданных дорийцам вообще, тогда как могущественный Лаккедемон не имел собственного голоса и предстал в Совете только иногда, когда континентальные дорийцы готовы были уступить ему свое привилегированное место. Могло ли быть лучшее доказательство того, что миф и история даже в эллинистическую эпоху были весомыми аргументами, порой решающими в отношениях между полисами?

Приведем еще один пример, касающийся этолийцев. Когда карийский полис Гераклея на Латме попросил и получил от Этолийского союза изополитию, как сообщает нам надпись в Дельфах, его послы ссылались на родство, которое связывало с Этолией их отдаленный полис, и напоминали, что Гераклея на Латме

была колонией этолийцев. Эта связь колонии с метрополией, не подтверждаемая никаким другим историческим документом, текстом или надписью, основывалась на мифе о родстве между героями: эпонимический предок этолийцев Этол был сыном Эндимиона, возлюбленного Селены-Луны, а Эндимион, согласно традиции гераклейцев, изложенной Павсанием (V, 1), вернулся на склоне своих дней к горе Латм, которая возвышалась на месте Гераклеи; в ней виден священный грот, *адитон*, недоступный для непосвященных, где находится его могила. Это предание позволяло считать Гераклею основанной Эндимионом, а следовательно, связанной с этолийцами через его сына Этола... Гераклейцы не преминули воспользоваться этим.

Наряду с двумя мощными союзами — Ахейским и Этолийским — существовали другие конфедерации греческих полисов, игравшие более скромную роль. Однако эти организации, не выходявшие за пределы одного региона, со своей стороны помогали избежать раздробленности, которая постоянно угрожала эллинистическому миру. Они предоставляли входившим в них полисам различные выгоды: поддержание внутреннего мира, защиту от внешней опасности, если ее масштабы позволяли справиться с ней силами одного койнона, заботу об общих святилищах, устройство религиозных праздников, если отмечавшему их городу не хватало средств. Приведем только два из массы примеров. В конце III века до н. э. конфедерация акарнанцев приняла решение сделать общим святилище Аполлона в Акции, которое маленький полис Анакторий не имел средств содержать и реставрировать; конфедерация проводила здесь каждый год традиционные игры, предоставляя Анакторию половину от уплаченной посетителями этого мероприятия пошлины. Двустороннее соглашение позволило храму играть свою роль в сообществе акарнанцев и не лишило при этом полностью жителей Анактория доходов, которые они получали благодаря притоку собиравшихся на состязания. Декрет был обнародован одновременно в Акции и в Олимпии (этот последний и дошел до нас), чтобы предать огласке принятые обязательства. Этот договор спас от неминуемого разрушения храм Аполлона в Акции, которому позже, в 31 году до н. э., Август сделал богатые приношения в честь своей победы, одержанной на глазах у бога.

Другой пример относится в истории Ликийской конфедерации, в которую входил Ксанф. Декрет маленького полиса Аракса в Ликии около 180 года до н. э. прославлял гражданина этого города Ортагора. Это длинный текст, очень характерный для такого рода документов: в нем перечисляются заслуги этого человека — дипломата и воина, который бесстрашно рисковал собой как в федеральных войсках, так и в армии Аракса. Это *curriculum vitae* показывает, насколько частыми были войны в этих горных долинах Анатолии, где непрерывно вспыхивали конфликты между соседними полисами и где для борьбы против возмутителей спокойствия как на границах Ликии, так и между участниками конфедерации часто требовалось вмешательство федеральной армии. Здесь роль конфедерации главным образом состояла в улаживании конфликтов, наказании агрессоров и даже подавлении разбоя; кроме того, она устанавливала отношения с послами Рима, которые проникали во все уголки этого греческого Востока.

* * *

Такую картину представляет собой мир греческих эллинистических полисов согласно многочисленным свидетельствам, которые нам оставила цивилизация письменного и высеченного документа. В очень беспокойную эпоху, когда амбиции властителей создавали обстановку насилия и постоянной опасности, общественные институты в конечном счете оставались незабываемыми. Они позволяли людям выживать, а при благоприятном стечении обстоятельств вести полноценную жизнь. Они оказались достаточно гибкими, чтобы приспособиться к эволюции в обществе, к распределению ролей между обеспеченными гражданами, которым предоставлялись общественные обязанности, требующие расходов, и неимущими или малообеспеченными гражданами, которые требовали от государства лишь сохранения общественного порядка и защиты территории, недопущения голода и возможности отправлять культы божеств полиса. Они поддерживали местные традиции, привязанность законов к общей истории, память о великих предках; они предоставляли литературе и искусству благодарную публику и возможность проявить себя. Но эти институты не подверглись никаким

существенным обновлениям. Даже когда они переносились в более широкие рамки конфедерации, они, по сути, продолжали соответствовать древним представлениям, сложившимся постепенно в архаической и классической Греции. Политическая система союзов хотя и оспаривалась долгое время современниками, пожалуй, так и не приняла подлинной формы представительного правления, при котором избранные или назначенные обществом делегаты контролировали бы деятельность руководителей: она всегда ограничивалась механизмом собрания, открытого для всех граждан, с советом (*буле* или *синедрионом*) и магистратами. Даже в Этолийской союзе, где синедрион состоял из представителей разных полисов, сохранение практики регулярных и чрезвычайных собраний помешало не то чтобы установить, а даже помыслить о том, чтобы установить представительскую систему, ставшую, однако, необходимой в результате территориального расширения федеративных государств. Политическое воображение в то время обходило стороной полисы; оно принадлежало государям.

Глава 7

МОНАРХИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Личность и судьба Александра Великого поистине очаровали античный мир и стали образцом — правда, недостижимым — для его многочисленных подражателей, но за этим значимым фактом мы тем не менее не должны забывать, что, как бы ни были греки привязаны к политической системе полиса и (по крайней мере, некоторые из них) к тому, что они называли «демократией», они признавали монархическую систему, через которую они все прошли в первые века своей истории и о которой многое напоминало. Поэмы Гомера, которые все учили наизусть, заставляли восхищаться героями, которые были царями разных народов, а два величественных персонажа — Агамемнон, царь и вождь царей, и Приам, царь-старец, — придавали царской власти в представлении читателей всю ее масштабность. Когда афиняне собирались в театре на представлении трагедии, на сцене они видели царей. В классической Греции два царских рода Спарты продолжали вместе отправлять верховную власть, передавая ее от отца к сыну. На севере во главе Македонии стоял еще один потомок Геракла, управлявший царством: он находился в постоянных отношениях с Афинами. В Киренаике, регионе Африки, имевшем тесные связи с Афинами и Спартой, примерно до 440 года до н. э., до эпохи Перикла, правила династия Баттиадов. Пиндар чудесно воспел Аркесилая IV, их последнего потомка. Он также осыпал похвалами других могущественных греческих государей — тиранов Сицилии Гиерона из Сиракуз и Терона из Агригента, которых он с удовольствием называл царями.

Впрочем, слово «тиран» изначально и означало «царь», и только софисты и их оппоненты придали ему закрепившийся за ним негативный оттенок.

Эти монархи юридически и фактически, в рамках полиса или объединив под своим управлением несколько полисов, как это было в Киренаике или на Сицилии, поддерживали образ главы государства, облеченного безраздельной верховной властью, дающей всемогущество и богатство. На Кипре греческие цари Эвагор и его сын Николес вызывали восхищение оратора Исократ, в то же время красноречиво восхвалявшего афинскую демократию. Афины осыпали почестями Дионисия, жестокого сицилийского тирана, бывшего при этом спасителем западного греческого мира от карфагенской угрозы. До того как вся Греция признала великую личность Филиппа II Македонского, тиран Ясон из Фер (Фессалия) продемонстрировал своим современникам образ энергичного вождя, способного подчинить своей власти весь Фессалийский союз.

Конечно, старая вражда с Ахеменидской империей, правитель которой в греческом языке обозначался преимущественно словом «царь», и тот факт, что большинство варварских народов имели монархическое правление, внушало всеобщее представление о том, что этот режим не совместим с эллинской традицией и институтами полиса. Тем не менее неоднократные победы Филиппа, а затем походы Александра и его триумф заставили большинство греков усомниться в этом. Во всяком случае, повседневный опыт позволял им убедиться в большей эффективности единоличного правления по отношению к «демократическим» полисам в сфере, от которой зависело их собственное существование, — в войне. Известно, какое наиважнейшее значение для маленьких греческих государств имели подготовка и ведение войны: в мире, где вооруженные столкновения могли произойти в любую минуту и где периоды мирной жизни были исключением, это был вопрос выживания, и все это прекрасно осознавали, несмотря на то что большинство старалось уклониться от связанных с этим гражданских обязанностей. Но в IV веке до н. э. тактика боя и средства, необходимые для успешного ведения войны, существенно изменились. Военная техника значительно усовершенствовалась и усложнилась. Вооружение стало сложнее и разнообразнее,

особенно осадные машины. Размеры кораблей выросли, и им понадобилось больше оснастки и снаряжения. Набор личного состава армии, ее обеспечение, ее стратегия и тактика создавали все более и более трудные проблемы как для их понимания, так и для их разрешения. В этих условиях вооруженные силы греческих полисов, состоящие в основном из граждан, для которых военное дело не было ремеслом, проигрывали войскам наемников, закаленных в боях и искушенных в маневрах и предводительствуемых не гражданскими лицами, получившими на время военное командование, а опытными военачальниками, подчинявшимися единоличной и неоспоримой власти. В этих конфликтах партия была неравная. Несомненно, если у полисов были средства, они тоже могли набрать умелых наемников и искателей приключений — и они не упускали такого случая. Но в конечном счете превосходство монархических государств усилилось, поскольку, как мы увидим, война была их главной заботой, а их быстрый рост давал им огромные средства. Поэтому полисам, чтобы выжить, необходимо было в зависимости от обстоятельств либо сплотиться, что они делали в форме союзов, либо войти в соглашение, либо подчиниться. Таким образом, монархия, которой поначалу противилась вся Греция, даже разбитая Филиппом и покоренная Александром, постепенно была признана.

* * *

Хотя процесс монархизации распространился на большей части эллинистического мира в течение трех веков и прекратился только с вторжением Рима, который в конечном итоге сам поддался ему, тем не менее это был сложный, непростой для понимания процесс. Он проявлялся в разное время и в разных местах. В его появлении и в его истории значительную роль играли обстоятельства и личности. Его трудно изучать, стараясь избежать двойной опасности — возможных упрощений и распыления в подробном изложении фактов. Мы попытаемся остановиться на главных чертах системы, отметив должным образом, насколько сложна она была в реализации.

Эта сложность объясняется разнообразием условий, которые создавались для проявления и развития процесса монархизации

в мире, слывшем в результате завоеваний на Востоке невероятно огромным и разноликим. Очевидно, что нельзя ставить в один ряд великие монархии, которые благодаря диадохам получили наследство Александра, и неисчислимое множество местных царств или тираний, возникших почти повсеместно либо в греческих полисах, либо в завоеванных землях: размеры этих государств, иногда внушительные, иногда весьма скромные, а порой просто крошечные, порождали совершенно разные проблемы, даже если их решение везде было связано с сосредоточением власти в руках одного правителя. Так же следует различать царства, и маленькие и большие, объединявшие под властью царя разные по своему этническому происхождению, языку и истории народы, и царства, в которых монарх повелевал единым народом: греческим или глубоко эллинизированным, как в Македонии или Эпире — эти последние зачастую по праву завоевания обладали внешними владениями с инородным населением, такими как горные регионы Фракии и Иллирии, доставлявшие столько забот Аргеадам, Кассандру, Лисимаху и Антигонидам, а также эпирской династии Эакидов. Наконец, исторические условия, благоприятствующие установлению единоличной власти, были очень разнообразны: традиционные монархии Спарты, Македонии и Эпира представляли собой устоявшиеся режимы; тирании полисов Эллады, Малой Азии и Сицилии явились следствием государственных переворотов; царства Селевкидов и Лагидов и их подражателей в Анатолии или Бактрии ориентировались непосредственно на пример Александра. К тому же между этими типами наблюдалось смешение: Пирр, молосский царь и глава сообщества эпиротов, то есть монарх традиционного типа, постоянно стремился к образованию великой империи, которая объединила бы под его властью не только Македонию и множество соседних греческих полисов, но и Италию, Сицилию и даже Ливию; в знаменитом разговоре Пирра с его другом, философом Кинеем, переданным нам Плутархом (Жизнеописание Пирра, 14), замечательно отразилась его жажда завоеваний. Так же и Митридату VI Эвпатору, как мы видели, мало было Понтийского царства, унаследованного им от предков: он вознамерился владеть всем греко-анатолийским Ближним Востоком и всю свою долгую жизнь сражался, чтобы воплотить, несмотря на превратности судьбы, свой великий

замысел, который так и не был им реализован. В конце IV века до н. э. Агафокл не пожелал удовлетвориться царским титулом без диадемы, которую он возложил на себя в Сиракузах по примеру тиранов: он попытался за счет Карфагена создать великую африканскую империю.

Поэтому не следует делать опрометчивых выводов, пытаясь определить общие черты — при всем различии истории, стран и эпох, — сближающие эти личности, которых было так много и которые действовали в таких непохожих условиях, но которые стремились утвердить свою безраздельную власть. Чтобы дать нашему анализу достоверное и прочное основание, мы оттолкнемся от одного текста — того самого, что стал эпитафой к этому тому — эпитафамы, которая была обнаружена в развалинах порта Кирены в Ливии. В этом плодородном регионе, где греки-колонизаторы с конца VII века до н. э. нашли удобные земли для занятия сельским хозяйством, несколько греческих полисов вместе с главным из них — Киреной — делили пригодные для обработки зоны с ливийскими племенами, частично оседлыми и эллинизированными. Птолемей Сотер полностью подчинил Киренаику в 322 году до н. э., позже, после разных перипетий (трагическое поражение правителя Офеллы, убитого тираном Сиракуз Агафоклом во время военного похода против Карфагена), лагидский государь вынужден был отправить армию против мятежной Кирены. Он поручил командовать ею своему пасынку Магасу, сыну от первого брака Береники, которая была любовницей Птолемея Сотера, а потом его женой. Молодой человек, воспитанный в лучших военных македонских традициях, блестяще справился со своей задачей и подчинил Кирену и Ливию, восстановив там лагидскую власть (300). Довольный им, Птолемей поручил Магасу управлять его именем этой отдаленной частью своего царства, которую отделяли от Александрии и Египта 800 км пустыни и неприступного побережья. При жизни Сотера, то есть до 283 года до н. э., Магас проявлял свою преданность, как о том свидетельствуют бронзовые монеты, чеканившиеся в Кирене, на которых был выбит властный лик его отчима Птолемея I. После смерти царя положение изменилось: Сотер по распространенной в эллинистических монархиях практике првлекал к осуществлению царских полномочий своего сына, рожденного от Береники

на острове Кос в 309 году до н. э., будущего Птолемея II. Этот последний, младший единоутробный брат Магаса, был гораздо моложе правителя Кирены — на двенадцать с лишним лет. Естественно, Магас, осознавая свой авторитет, который ему давали его возраст и долгий опыт относительно самостоятельного правления, не собирался подчиняться власти Птолемея II и присвоил себе царский титул. Это подтверждается тремя эпиграфическими текстами и монетами, помимо свидетельств историков Агатархида Книдского (II век до н. э.) и Помпея Трога (эпоха Августа), изложенных позже Юстином. Магас царствовал в Киренаике до 250 года до н. э. (вероятная дата его смерти), и для этого прекрасного края, сильно пострадавшего от мятежей, последовавших за смертью Александра, это был период мира и процветания.

Эти подробности необходимы, чтобы обозначить исторические рамки интересующего нас документа. Это маленькое стихотворение из четырех строк (два элегических двустипхия — обычная для эпиграммы метрическая форма), высеченное на сером мраморе, служившем подставкой для жертвенных даров. Вот этот текст, переведенный дословно, в более достоверной форме, чем адаптированная ритмическая проза в эпиграфе: «Щит, а также украшенные блестящие конские фалеры, подходящее посвящение Эниалиосу. Что касается Победы, Эвполом провозгласил, что он посвящает ее царю Магасу как особую привилегию, чтобы под ее покровительством он защищал свои скипетры, свои народы и свои города». Речь идет о даре, сделанном царским военачальником Эвполом в храме Ареса Эниалиоса, бога войны, по возвращении из похода. Он посвящает богу, как это было принято, часть своего снаряжения: щит, спасавший его от ударов врага, и конскую упряжь, которая крепилась к его боевой колеснице. Фалеры представляли собой маленькие бронзовые диски с серебряной отделкой; их изнаночная сторона была снабжена петлей, чтобы в нее можно было продеть ремни упряжи; фалеры украшали голову лошади спереди и по бокам. Эти диски, а также щит вешались на стену храма, в котором совершалось посвятельное дарение, и тут же, на надписанном постаменте, устанавливалась статуэтка Победы — Nike, издавна обожествляемой греками, спутницы Зевса, Афины и, естественно, Ареса. Эпиграмматическое посвящение по канонам жанра

перечисляет даруемые предметы и указывает имя дарителя: недопустимо, чтобы бог и посетители его храма не знали, кто совершил этот небожный жест.

Если бы текст на этом заканчивался, то он сообщал бы нам то же, что и сотни других подобных посвящений в прозе и стихах, сохранившихся в надписях или в сборниках, например в «Придворной антологии». Но текст продолжается: больше половины эпиграммы — то, что посвящено статуэтке Nike, — открывает новую тему, связанную уже не с богом Аресом, а с царем Магасом, которому Эвполом посвящает фигурку Победы, словно бы царь был богом. Он открыто говорит об этом, ясно давая понять, что государь — *спаситель* (подобно тому как его отчим Птолемей I — *Сотер*) своего царства и тех, кто в нем живет — *народов*, то есть ливийских племен, всегда занимавших большую часть Киренаики среди владений греческих полисов, и самих этих *полисов*, которые в оригинале называются *ptoliethra*, замечательным древним словом, заимствованным из языка поэм.

Как видим, это стихотворение, выдающееся по своему поэтическому достоинству в оригинале, не является обычным посвящением. Помимо сопровождения обычного и традиционного поступка жертвоприношения богу, совершаемого в его храме, свидетельствующего о живучести верования и культа, это посвящение приравнило к богу живого царя, правящего царя, любимца Победы, которая берет его под свое крыло и которая сопутствует ему «как особая привилегия», помогая царю защищать его народы. Значимо само слово «привилегия»: это термин, которым в древних текстах и поэмах Гомера обозначалась полагавшаяся богам, царю или вельможам лучшая часть урожая, священных жертвоприношений или военных трофеев. Между Победой и царем происходит своего рода совершенно недвусмысленная сделка: статуэтка Nike посвящается царю как причитающийся ему дар, и в то же самое время Победа, божественное существо, оказывает покровительство Магасу, чтобы он завершил свою спасительную миссию в отношении наследия, которое он на себя принял. Последний, удивительно плотный стих поясняет, что входит в это наследие: *скипетры*, символ власти (множественное число, несомненно, выражает скрытое притязание на Египетское царство, «присвоенное» его младшим сводным братом Птолемеем II, помимо

права на Киренаику, которое Магас уже осуществлял); *народы* (тот же самый термин, которым в папирусах обозначали египетских феллахов: речь идет о варварских землях, которые были царской собственностью, так же как и те, кто их занимал); и наконец, *города*, греческие государства Ливии, Кирена, Барка, Эвгеспериды, которые владели большими территориями и с которыми государь поддерживал двойственные отношения, предполагавшие определенное подчинение, но которые не были его подданными. В целом четыре строки эпиграммы Эвполема, в которой узнается сжатый и яркий стиль великого поэта-киренийца Каллимаха, написанные около 280 года до н. э., дают нам представление об эллинизированном государе одного из его приближенных в тот момент, когда греческий мир вынужден был признать этот образ.

* * *

Существенная черта этого образа — соединение царя с Победой. Она — привилегия царя, качество, которое отличает его от всех смертных, знак особого расположения богов. Это было древнее представление греков: оно есть уже в поэмах Гомера, где играет главную роль. Какими бы достоинствами ни обладал человек, он ничего не мог, если божество не оказывало ему поддержки. Конечно, необходимо быть храбрым, но необходимо также — причем в первую очередь, — чтобы ваша храбрость пользовалась милостью богов и не противоречила судьбе. Глубокая мудрость греков выражала идею, основанную на опыте, что всякая человеческая деятельность, если разобраться, всегда несет в себе элемент непоправимой случайности. Поэтому успех, в котором никогда нельзя быть уверенным, казался им очевидным знаком, что деяние и тот, кто его совершает, пользуются благосклонностью богов. Именно поэтому они придавали такое значение атлетическим состязаниям: одержанная на них победа была признанием не столько исключительных физических возможностей, сколько яркой демонстрацией оказываемой богами милости. Поэтому она делала честь не только победителю, который по праву гордился полученной привилегией, но в то же время и его полису, который тоже чувствовал себя отмеченным Судьбой в лице одного из своих сыновей.

Сама идея победы в сознании эллинов была, таким образом, фундаментальным агонистическим понятием. Поэтому эллинистический царь, бывший в первую очередь военачальником, воспринимался прежде всего как победитель. Александр поразил умы и предстал перед миром в образе нового Ахиллеса благодаря череде своих военных удач. Зато поражение подрывает уважение: оно расценивается как знак богов и позволяет свидетелям сделать из этого выводы. Так, военачальники Пердикки в 321 году до н. э. не колеблясь убили своего полководца, которому не удалось перейти Нил, и присоединились к Птолемею. В это же время после поражения Эвмена в 316 году до н. э. элитный корпус аргираспидов, хотя и преданный маленькому царю Александру IV и признающий легитимность Аргеадов, поборником которой выступал Эвмен, бросил его и перешел на сторону Антигона. Эти македонские ветераны видели, что, несмотря на чудеса храбрости, которые они проявили к войне со своим противником, Эвмен проиграл сражение и бросил обозы на разграбление: так решили боги, и не остается ничего другого, как следовать их воле. Длинный рассказ Диодора, посвященный перипетиям этой решающей битвы (XIX, 40—43), истолковывает ее именно в таком смысле: верные до сих пор аргираспиды теперь считают, что не должны больше противиться Судьбе.

Здесь обнаруживается стремительное развитие, которое в начале эллинистической эпохи заменило в сознании македонцев образ царя-наследника образом вождя-победителя. Александр соединял в себе обе ипостаси: но впоследствии и на протяжении всего бурного периода диадохов престиж победы стал превалировать над понятием династической легитимности, которая в случае необходимости восстанавливалась постфактум с помощью разных уловок, политических браков или мнимого родства. Главным отныне становится харизма, которой наделяет полководца-триумфатора победа — бесспорное свидетельство его права на царствование. Больше, чем кто-либо другой, сам царь осознавал свою исключительность. В словах Антигона Гоната, переданных Плутархом (Жизнеописание Пелопида, 2), содержится это высокомерное признание: «Когда он готовился к морскому сражению при Андросе, ему сказали, что неприятельский флот гораздо многочисленнее его собственного. Он ответил: „А во сколько кораблей вы оцените мое мужество?“»

Таким образом, старое греческое представление о Победе, имеющее религиозное значение, изначально отмечало эллинистическую монархию и отодвигало на второй план понятие о наследственном царствовании. Возрождались благоговение, которое в свое время внушали знаменитые древние тираны Кипсел, Периандр, Поликрат, сам Писистрат, которых узаконили их победы. А позже тираны Сицилии: Гелон, Гиерон, Терон, — которых, соревнуясь друг с другом, прославляли поэты, а еще позже Дионисий, которого превозносил народ Афин. Пока они обладали властью, ни против кого из них общественное мнение практически не выступало, за исключением нескольких непримиримых изгнанников: это уже последующие поколения обрисовывали их в неприглядном виде, заостряя внимание лишь на осуждениях и проклятиях, которыми их награждали их последователи. Зато в эллинистическую эпоху по причинам, которые излагались выше, процесс монархизации после полувекового периода потрясений занял прочные позиции. Царь-победитель, долгое время находясь у власти, возвращал или создавал в пользу своего рода понятие династии; тем не менее, чтобы не потерять личную харизму, всегда имевшую первостепенное значение, государь старался укрепить ее дополнительными обоснованиями, заимствованными из мифов и истории — что для греков было одно и то же. Пирр без труда нашел их там — ибо Эакиды, к роду которых он принадлежал, возводили свое происхождение напрямую к Нептолему, сыну Ахиллеса и победителю Трои. Лагиды в свою очередь считали себя потомками Геракла на основании генеалогических ухищрений, делавших родоначальника династии, Птолемея Сотера, внебрачным сыном Филиппа II Македонского, а следовательно, незаконнорожденным братом Александра. Поэтому в надписи в Ксанфе, относящейся к посольству дорийцев из Китиниона, о котором мы упоминали в предыдущей главе, Птолемей IV называется «дорийцем по происхождению по линии Аргеадских царей, потомков Геракла». Этот же самый документ, записанный в декрете этолийцев, говорит о «царях, потомках Геракла — Птолемея и Антиоха», указывая тем самым, что селевкидский царь Антиох III, как и Лагид, считал себя или позволял предположить, что он принадлежит к той же героической ветви. Другая традиция, более древняя (281), возводила происхождение Селевкидов прямо к Аполлону:

мать Селевка, основателя династии, была супругой военачальника Филиппа II по имени Антиох: «...она увидела во сне, — сообщает Юстин (XV, 4), — Аполлона, который приблизился к ней и разделил с ней ложе, а позже, когда она познала его, в знак благодарности подарил ей кольцо с драгоценным камнем, на котором был вырезан якорь, прося передать его сыну, которого она родит. Самое удивительное в этом сне было то, что на следующий день она нашла в своей постели кольцо с точно таким же выгравированным изображением и что Селевк от рождения имел на бедре пятно в виде якоря. Поэтому, когда Селевк отправился с Александром сражаться против персов, Лаодика передала ему кольцо, открыв ему тайну его происхождения... У всех его потомков появлялось доказательство их происхождения, у всех них, от отца к сыну, был на бедре якорь, как подлинная печать их рода». Вот почему на монетах Селевкидов иногда изображается якорь как дополнительный символ.

Отсутствие прямого родства компенсировалось матримониальными союзами: так, например, Кассандр, сын Антипатра, породнился с Аргеадами, женившись на дочери Филиппа Фессалонике. Еще Пердикка, науцаемый Олимпиадой, вдовой Филиппа, взял в жены сестру Александра Клеопатру. Очевидно, что это были политические комбинации, нацеленные на то, чтобы укрепить в глазах македонцев, и только их, свое приво на верховную власть, войдя в царский род. Но значение крови было особенно важно в самом щекотливом при монархическом режиме вопросе — о наследовании. В соответствии с древним обычаем македонцев и греков наследство передавалось по мужской линии по праву первородства. Тем не менее младшие дети, как старшие, претендовали на царскую власть, поскольку были той же крови. Поэтому эллинистическая история изобилует ожесточенными братоубийственными войнами, которые обычно заканчивались только со смертью одного из их участников. Мы упоминали столько примеров такой борьбы, что здесь нет необходимости возвращаться к ним. Приведем лишь слова Плутарха (Жизнеописание Деметрия, 3), полные горькой иронии: хваля Антигонидов, избежавших семейных убийств, за одним-единственным исключением, связанным с Филиппом V, который был вынужден казнить одного из своих сыновей, — историк добавляет: «Зато в традициях почти всех

других царских родов было убийство сыновей, а также матерей и жен; что касается братоубийства, то точно так же, как геометры допускают аксиомы, так и его можно считать аксиомой, которую цари применяли, чтобы обезопасить себя».

Так же, чтобы обеспечить правильный порядок наследования, зачастую будущий царь привлекался к власти еще при жизни правящего царя. Эта практика совместного царствования, известная нам по множеству примеров: Деметрия Полиоркета при своем отце Антигоне или Антиоха I при Селевке и многим другим, — встречалась еще чаще, чем можно было бы предположить. С недавних пор мы знаем, что Антигон Гонат очень рано разделил свое царствование со своим сыном Деметрием II. Этот последний правил самостоятельно только десять лет, с 239 по 229 год до н. э., но обнаруженный в Беррое, в Македонии, документ об освобождении раба датирован 27-м годом царствования Деметрия: таким образом, получается, что это царствование началось задолго до смерти его отца Гоната. Это прекрасный пример того, как неожиданно порой можно получить сведения о политической истории из такого незначительного и малоинформативного на первый взгляд документа, как акт об освобождении. В то же время большая стела кинионийцев в Ксанфе сообщает нам, о чем мы еще не упоминали, что Птолемей V Эпифан с самого детства был привлечен к управлению Лагидским царством своим отцом Птолемеем IV Филопатором. Так постепенно, благодаря эпиграфическим находкам, уточняется хронология правителей, на которой основывалось летосчисление в государствах.

Так же на счет авторитета династии и достоинства царской крови следует отнести и чужеземный обычай, столь распространенный у Лагидов, как близкородственные браки между братом и сестрой, которые с точки зрения греков были возмутительны и расценивались как инцест. Конечно, правители Египта могли бы сослаться на обычаи фараонов для оправдания этого нарушения эллинских традиций. Первый и наиболее яркий пример этому в эллинистической истории дал Птолемей II, женившись на своей старшей сестре Арсиное, откуда и их прозвание — Боги-Филадельфы, то есть «брато- и сестролюбивых»; по всей вероятности, здесь мы имеем дело скорее с пылкой страстью, чем с политическим расчетом. Но впоследствии аналогичные браки

Птолемеи VI, VIII, IV, XIII и XIV были продиктованы исключительно стремлением сохранить право династии за счет эндогамии. В конце концов, Зевс и его сестра Гера были божественным оправданием этого отклонения от установленных греками норм! Что касается распространенных браков между представителями царских родов, то в эпоху диадохов, как мы видели, они выражали четкие политические цели и были направлены на установление личных связей между государствами. Результат редко отвечал надеждам, которые на них возлагались. Но устойчивость этой матримониальной политики прекрасно демонстрировала бытующее как в царских семьях, так и в народе представление о том, что цари являются особым родом людей, существенно отличающимся от прочих смертных.

Отсюда до их возведения в ранг богов оставался один шаг — и он был сделан очень рано, поскольку Александр, посещением оазиса Амона подтвердивший свое божественное родство, в 324 году до н. э. потребовал от греческих полисов, чтобы они чтили его как «бесспорного бога». Даже если это требование вызывало враждебность, как у Гиперида, или презрение, как у Демосфена, оно тем не менее получило широкое признание, поскольку не шокировало эллинов, привыкших отправлять культы умерших, а иногда и живых героев. Легковерие народа охотно принимало легенды и восхищалось чудесами: разве не говорили, что Александр был зачат Олимпиадой не от Филиппа, ее мужа, а от бога, который сблизился с ней в облике змея? Плутарх не преминет пересказать эти басни (Жизнеописание Александра. 2—3). Затем он приведет любопытные подробности о царе, позаимствованные у Аристоксена из Тарента, современника Александра Македонского: «Кожа Александра источала благоухание; аромат исходил из его уст и окутывал все его тело, так что его одежды пропитывались им». Конечно, Плутарх пытался объяснить этот факт физическо-психологическими рассуждениями, взятыми у ученого Теофраста, ученика Аристотеля. Но народ видел в этом знак сверхчеловеческой природы. Аналогичным образом и самый выдающийся конкурент Александра, Пирр, по словам того же Плутарха (Жизнеописание Пирра. 3), обладал чудесным даром исцеления: «Пирр может доставить облегчение страдающим болезнью селезенки, стоит ему только принести в жертву белого петуха и его правой

лапкой несколько раз легонько надавить на живот лежащего навзничь больного. И ни один человек, даже самый бедный и незнатный, не встречал у него отказа, если просил о таком лечении: Пирр брал петуха и приносил его в жертву, и такая просьба была для него самым приятным даром. Говорят еще, что большой палец одной его ноги обладал сверхъестественными свойствами, так что, когда после его кончины все тело сгорело на погребальном костре, этот палец был найден целым и невредимым»¹.

При подобных чудесах как удивляться, что для греков, склонных по природе и образованию благоговеть перед окружающими их неисчислимыми проявлениями божественного присутствия, было почти естественно причислять к рангу высших сил, чьего благоволения они ожидали и чьего гнева страшились, этих щедрых и суровых монархов, которые могли либо спасти их, либо уничтожить? Некоторые из наших современников, пытаясь подогнать поведение древних под наши собственные логические категории, вводят тонкие различия между установлением культа и обожествлением, между культом полиса и культом династическим, между уподоблением царя богу и настоящим обожествлением личности. На мой взгляд, это пустые изощрения: в греческой религии, как, без сомнения, и во всякой другой, первичен культ, и это единственный элемент, который обычно оказывается в распоряжении историка. Факт культовой практики свидетельствует о распространении верования, даже если в предыдущий период оно никак не проявлялось. В эпоху Александра и диадохов общественное сознание вполне созрело для такой эволюции. Не стоит недоумевать по поводу безмерных почестей, которыми афиняне осыпали Деметрия Полиоркета и его отца Антигона, когда их войска заняли город в 307 году до н. э. Плутарх подробно перечисляет их (Жизнеописание Деметрия. 10): отец и сын были провозглашены богами-спасителями, и специально для них был учрежден культ с жрецом, ежегодно избираемым из граждан. На знаменитом пеллосе Афины, жертвуемом богине во время панафины, среди других богов теперь изображались Антигон и Деметрий; в том месте, где Деметрий сошел со своей колесницы, ставшем отныне священным, был воздвигнут жертвенник, где приносили

жертвы Деметрию Нисходящему (*Kataibates*) — под таким именем уже почитался Зевс — там, где он поразил солнце своей молнией. Полис учредил две новые филы — Деметриады и Антигониды, уподобив, таким образом, двух своих покровителей героям-защитникам Аттики, которые когда-то были избраны пифией в качестве *эпонимов* для десяти других фил. В афинский культовый календарь был включен праздник, названный *деметрии*. Позже, в 291 году до н. э., афиняне на Элевсинских мистериях, главном празднестве, посвященном Деметре, будут петь гимн в честь Деметрия, текст которого сохранил составитель антологии Афиной (VI, 253d). В нем государь приветствуется как спутник Деметры, как сын Посейдона и Афродиты, как единственный, кто может защитить полис от внешних опасностей и сохранить в нем мир. В то время как другие боги, если они существуют, недоступны или равнодушны, Деметрий находится здесь, он видим, это не статуя из дерева или камня, а живой, истинный бог. Комментаторы один за другим называют это возмутительной лестью, повторяя суровое осуждение, которое выносил афинянам порядочный Плутарх, напоминая, что такое поведение мало соответствует традициям свободного народа, когда-то ревностно отстаивавшего свою независимость и свое достоинство. А ведь рассуждать таким образом — значит забывать об объяснявшем такое отношение духе времени, времени, богатом на чудеса, на неожиданные повороты Судьбы, в которых народ всякий раз видел, или верил, что видит, знак избранности. В эпоху, когда философы, начиная с Эпикура, заявляли, что традиционные боги абсолютно равнодушны к судьбе человечества, когда Евгемер выдвинул теорию, объяснявшую происхождение богов их культов, установленных великих людям, — в почитании афинянами Деметрия Полиоркета как бога не было практически ничего необычного.

Поэтому когда полководец Эвполом четверть века спустя в Кирене в своем посвящении сравнивает своего командира и царя Магаса с богом Аресом и посвящает ему статую Победы, а также жертвует свой щит и фалеры своих коней Эниалиосу, он просто разделяет общее мнение, склонное оказывать своим сильным мира сего современникам божественные почести. Без сомнения, это было еще неоформившееся мнение, которое выражалось прежде

¹ Перевод С. А. Ошерова.

всего в таких актах, как жертвоприношение и посвящение, не будучи ясно осознаваемым и не имея четко изложенной теологической доктрины. Эта вера подпитывалась самыми простейшими чувствами, темными и двусмысленными представлениями, поступками, публичный характер которых обнажал и укреплял ее. Поэты и философы старались облечь ее в логические рассуждения или ритмические тексты. Это была значимая и новая общая тенденция устанавливать культ тому, кто обладает властью, завоеванной в бою или полученной по наследству от отца, уже признанного богом. Конечно, от царства к царству, от государя к государю — иногда даже в рамках одной династии, — от полиса к полису в огромных масштабах эллинистического мира формы и церемониалы царских культов отличались нюансами: для одних воздвигали жертвенники и храмы, другие лишь делили святилище с каким-либо божеством, которое уже занимало там свое место (это как раз случай Магаса в Кирене с богом Эниалиосом). Зачастую царские культы вводились по инициативе полисов, как это сделали Афины для Деметрия Полиоркета. В эпоху посольства дорийцев из Китиниона в ликейском Ксанфе существовал свой культ царей-Эвергетов (Птолея III и царицы Береники), к которому добавился культ царствующего государя Птолея IV Филопатора; их жрец, как и жрец богини-покровительницы Латоны, служил для полиса эпонимом. Иногда, в случае династических культов, порядок спускался сверху, в результате чего происходила унификация ритуалов. Прекрасный тому пример — культ царицы Лаодики, который установил при ее жизни в 193 году до н. э. селевкидский царь Антиох III; два посвящения — одно из Додурги в Анатолии, другое из Нахаванда в Мидии — сохранили для нас текст эдикта, вводящего этот культ по всей империи, во всех местах, где отправлялся и культ царя, и совершать его должны были великие жрицы, носившие золотой венок, украшенный медальоном с изображением царицы. Кроме этого, он предписывал, чтобы в каждом административном округе именем великой жрицы датировались имеющие юридическую силу документы, точно так же как для этого использовались имена великих жрецов культа царя. Эти предписания обнаруживают официальный, обязательный к исполнению во всей Селевкидской империи характер этих династических культов. Зато муниципальные культы или те, которые устанавливались частными

лицами или обществами частных лиц, не отвечали какой-либо заранее выработанной схеме: они сохраняли свою самобытность и свой локальный характер, как почти все греческие культы. В Македонии, правда, Антигониды, стремясь сохранить в своей стране традицию национальной монархии, остерегались вводить официальный культ. Они приняли те культы, что были установлены по инициативе полисов. Пытаясь сохранить перед своими верными македонскими подданными привычный облик вождя, *primus inter pares*¹, они тем не менее не хотели терять харизмы, неотделимой от представления о царе во всем эллинистическом мире. И хотя одобрение народного собрания, которое во время военной кампании представляла и заменяла армия, воспринималось как общественное признание верховной власти, оно не наделяло этой властью, которая оставалась привилегией правителей благодаря царской крови и благожелательности богов, к которым он уже принадлежал или среди которых должен был однажды занять свое место.

* * *

Обладатель столь редкой привилегии должен был выделяться среди людей очевидными особенностями, по которым его можно было узнать и которые требовали соответствующих знаков отличия. Прежде всего к таковым относился его титул, сам царский титул, который соединялся с его личным именем и сам по себе выражал его сверхчеловеческую сущность: царь Александр, царь Птоломей, царь Антиох, царь Магас. В предыдущие эпохи в традиционных монархиях этот титул почти всегда употреблялся с ограничительным уточнением: царь македонян, царь молоссов, царь Кирены, царь Сиракуз. Зачастую к самому имени государя не присоединялось никакого титула: Филиппа II, отца Александра, по-видимому, никогда не называли «царь Филипп». Кассандр и Антигониды сохранили в Македонии традиционную формулировку «царь македонян», не делая ее обязательной, и употребляли при случае близкую формулировку: «царь и македоняне». Но повсюду в других местах, если только желание избежать путаницы

¹ Первого среди равных (лат.).

не приводило к необходимости географического уточнения («правящий на Кипре», «правящий в Кирене»), выражение «царь такой-то» было неизменным. Царский титул выражал саму суть государя — то, что отличало его от народа.

К этому основному титулу часто добавлялся эпитет, который следовал за именем царя и указывал на качества, которые он желал подчеркнуть или которые глас народа приписывал его личности: Птолемей I был Спаситель (*Сотер*), потому что так его прозвали родосцы; Птолемей II — «любящий сестру» (*Филладельф*), потому что женился на Арсиное II; Птолемей III — Благодетель (*Эвергет*), потому что вернул египтянам статуи их богов, когда-то вывезенные Камбисом; Селевк I — Победитель (*Никатор*), Селевк II — «добрый победитель» (*Каллиник*). Были также «любящий отца» (*Филопатор*) — как называли Птолемея IV, Селевка IV и Птолемея VII, а также «любящий мать» (*Филометор*) — Птолемей VI. Многие из этих прозваний имели характер божественного эпитета (эпikleзы), подобного тем, которые добавлялись к именам богов: *Эпифан* («явленный») или еще проще — *Теос* («бог»); к тому же *Сотер* был эпikleзой Зевса, а *Каллиник* — Геракла. Естественно, нельзя смешивать с этими хвалебными эпитетами, которые могли входить в официальную титулатуру, уничижительные прозвища, такие как *Фискон* («толстобрюхий»), *Латир* («турецкий горох») или *Авлет* («флейтист»), которые можно найти только в сочинениях историков. Со временем число эпитетов возрастало, в той мере, в какой убывал реальный авторитет государя, словно бы одно компенсировало другое. Этот компенсирующий процесс лучше всего виден в титулатуре царя Коммагены, бывшего невысокого роста и повелевшего возвести огромные статуи на Немрут Даге: надписи сохранили ее полностью: «великий царь Антиох, Божественный, Эпифан, Филороман, Филэллин». Несмотря на все свои громкие эпитеты, он подчинился власти проконсула Лукулла.

Царя отличали также знаки власти. Самым главным была диадема — узкая полоска ткани, обычно белая, которая охватывала волосы надо лбом и ушами и концы которой завязывались на затылке, как правило спускаясь двумя лентами сзади или по плечам. Она воспроизводила налобную повязку, которую вручали

победителям атлетических состязаний, как та, например, что украшает Дельфийского возничего¹. Таким образом, это был знак победы, абсолютное отличие государя. Диадему дополнял скипетр, который был царским атрибутом еще в эпоху Гомера и который сохранил в эллинистическую эпоху свое значение повелевающего жезла, символа власти царя, что очевидно из последнего стиха эпиграммы Эвполема. Царский перстень довершал этот набор символов: его резной камень служил печатью, которая удостоверяла официальные документы государя. Эти знаки имели священный характер: завладеть ими, надеть их — значило совершить кощунство. Отрывок из Диодора (XVII, 96) дает это понять: «Однажды, когда царь умащался (царская одежда и диадема лежали на троне), какой-то колодник из местных жителей освободился от оков и, не замеченный стражей, беспрепятственно вошел во дворец. Подойдя к трону, он надел царскую одежду, возложил на себя диадему и спокойно уселся на троне. Царь, увидя это, пораженный таким необычайным явлением, подошел к трону и спокойно, не показывая удивления, спросил сидевшего: кто он и зачем так поступил? Тот ответил, что он решительно ничего не знает. Спросили об этом знамении гадателей; те ответили, что, по их мнению, этого человека надо убить, чтобы злое предзнаменование осуществилось на нем. Царь же, взяв свою одежду, принес ее в жертву богам, отвращающим беды»². Чуть позже, перебираясь на лодке через большое болото, окружавшее Вавилон, царь лишился своей диадемы, когда проплывал под ветвями деревьев, — царский знак упал в воду. Хотя он был тут же выловлен одним из лодочников, тем не менее этот случай был воспринят как злое предзнаменование, и историографы вспомнили о нем, когда через несколько дней Александр умер от сильнейшего приступа малярии. Тот же Диодор указывает дальше, что последним жестом умирающий царь снял свой царский перстень, чтобы передать его Пердикке: тем самым этот последний облакался властью государя и впоследствии считался таковым среди своего окружения, по крайней мере какое-то время.

¹ Дельфийский возничий — бронзовая статуя юноши (478—474), являющаяся частью не сохранившейся большой скульптурной группы.

² Перевод М. Е. Сергеевко.

Сакральное значение этих знаков проявляет другой эпизод из Диодора (XVIII, 61): в 318 году до н. э. Эвмен, назначенный стратегом Азии от имени двух македонских царей, пытался показать военачальникам, находившимся в его подчинении, что он представляет верховную власть, наследие Александра. Он стал утверждать, что имел во сне видение, подсказавшее ему идею установления потрясающего церемониала: «Он велел сделать золотой трон и роскошный шатер, куда был поставлен этот трон, на который были возложены диадема, скипетр и оружие, которое обычно носил Александр. Там же был установлен зажженный жертвенник, на котором все военачальники воскуряли фимиам и самые дорогие вещества, беря их из золотого сундука, и поклонялись Александру как богу». Примечательно, что в этом отрывке кроме диадемы, скипетра и трона появляется царское оружие: любимец Победы и в первую очередь полководец, государь должен был выделяться богатством своего вооружения. В сражении при Гераклее против римских легионов, как сообщает Плутарх (Жизнеописание Пирра. 16), Пирра, командовавшего конницей, «можно было отличить с первого взгляда по великолепию его богато украшенного оружия» — настолько, что он, слишком легко узнаваемый, вынужден был поменяться оружием с одним из своих соратников, которому это стоило жизни.

Монарх, таким образом, отличавшийся от других людей, был равен богам не только в культовых церемониях. На монетах он тоже занимал место, отводимое божествам: его изображение обычно украшало собой аверс, где до того времени фигурировал образ бога. Благодаря чему в наших нумизматических коллекциях подбирается и реалистичнейшая портретная галерея эллинистических государей, начиная с Александра, запечатленного в своих идеально-благородных чертах, и вплоть до посмертных масок уродливого властителя Филетера, обожествленного после смерти, или Эвтидема Бактрийского. Так обстояло дело до самого конца этой эпохи: большой, с горбинкой нос Клеопатры на монетах Антиоха подтверждает слова Паскаля и доказывает, что очарование этой удивительной женщины было неразрывно связано с ее величием. Цезарь и императоры Рима, тоже возведенные в ранг богов, сохранили традицию своего реалистического изображения.

* * *

Любимец Победы, царь управлял территориями, которые он завоевал или которые были завоеваны его предками. Даже в традиционных монархиях военный престиж оставался подтверждением права на власть. В текстах для обозначения земель государя употреблялось старое гомеровское выражение: «завоеванный копьем», *dorikletos*. Оно напоминало о том, как Александр воткнул свое копье в землю Азии, высадившись впервые на ее побережье. Не случайно Лисипп создает скульптуру Завоевателя с копьем в руке — это то самое копье, по словам Плутарха (Исида и Осирис. 24), «у которого само время не сможет отнять его подлинную славу, которая принадлежит ему по праву». Эта статуя вдохновила эпитафиста на такое двустишие:

Полный отважности взор Александра и весь его облик
Вылил из меди Лисипп. Словно живет эта медь.
Кажется, глядя на Зевса, ему говорит изваянье:
«Землю беру я себе, ты же Олимпом владей»¹.

Само копье было посвящено Александром в Эфесе храму Артемиды, который сгорел как раз в ночь его рождения и был восстановлен при его щедром содействии. В эпоху Августа для него была создана еще одна эпитаграмма (Палатинская антология. VI, 97): «Копье Александра! Надпись гласит, что он после войны посвятил тебя Артемиде вместе со щитом, который защищал его непобедимую руку. О благородное копье! Когда он потрясал тобой, море и земля покорялись ему. Будь к нам благосклонно, бесстрашное копье! При взгляде на тебя всякого обуяет трепет, как только он вспомнит о герое, который держал тебя в руке».

Право завоевания являлось, таким образом, самой основой царской власти. Она осуществлялась на территориях, отличавшихся как по своему статусу, так и по своим размерам. В крупных монархиях большую часть этих территорий представляли варварские земли, завоеванные в негреческих государствах и у негреческих народов: ахеменидская Азия, царства Ближнего Востока,

¹ Стихотворение неизвестного автора в переводе Л. Блуменау.

фракийские и иллирийские племена, население Сицилии, Ливии, египетские феллахи. Именно они были собственно «царскими землями», над которыми государь в принципе имел неограниченную власть. Здесь впоследствии при власти Рима эта *chora basilike* (царская земля) стала *ager publicus* (государственной землей), собственностью римского народа. Царь по-своему распоряжался ею, так же как и населением, которое ее возделывало. Он мог предоставить ее в пользование кому угодно в качестве вознаграждения и в один прекрасный день отобрать. Естественно, он мог также продать ее другому правителю. Словом, земли монарха были имуществом, которым хозяин распоряжался по своему усмотрению. Отсюда важность царских завещаний, в которых государи передавали свои владения не законным наследникам или — при отсутствии наследника по крови — назначали для них нового владельца. Так, знаменитое завещание, составленное в 155 году до н. э. Птолемеем Юным (Птолемеем VIII), после того как его старший брат Птолемей VI Филометор попытался его убить: «Если бы я мог при благоволении богов наказать по заслугам ответственных за этот нечестивый заговор, который был замышлен против моей персоны, тех, кто намеревался лишить меня не только моего царства, но и самой жизни! На тот случай, если смерть, сужденная каждому, настигнет меня до того, как у меня появятся наследники для моего царства, я передаю принадлежащие мне земли римскому народу, дружбе и союзу с которым я был предан с самого начала. Я доверяю ему заботу о безопасности этих земель и закликаю его именем всех богов и его собственной честью в случае, если какое-либо вторжение будет угрожать полисам или территориям, вмешаться согласно обязательствам дружбы и союза, который мы заключили между собой, и поддерживать закон всеми своими силами. Я беру в свидетели Зевса Капитолийца, Великих Богов, Гелиоса и Аполлона Стреловержца, в храме которого будет храниться текст этого завещания. И да поможет нам судьба!» Поразительный документ, о котором не упомянул ни один историк, и только в результате археологических раскопок в святилище Аполлона, бога покровителя и основателя Кирены, была обнаружена замечательно сохранившаяся мраморная стела — именно там, где, согласно тексту, должна была быть сделана надпись, еще один пример того, насколько полезной может быть для истории эпиграфика.

Завещание четко разделяет полисы, к которым всегда прикреплялись более или менее обширные территории, и царскую землю, которая к ним не относилась. Она зависела непосредственно от государя, который предоставлял проживавшему на ней населению возделывать ее в свою пользу. В великих империях — Лагидской, Селевкидской и Атталидской — земельные статусы были сложнее: царь владел не всей землей, даже если его вотчина была огромна. Существовала также частная собственность, и прежде всего в регионах, населенных варварами, обширные площади выходили из-под прямого распоряжения царя: владения автохтонных крупных и мелких правителей, местных жрецов и храмов и племен, которые оставались наполовину независимыми. Все они, конечно, зависели от царя и входили в монархическое государство, но имели с ним разные связи — зачастую очень слабые и, по крайней мере для нас, достаточно неопределенные: они отражали многообразие реальной ситуации — что было естественно в столь огромном и многосоставном мире.

Так же обстояло дело и с греческими полисами: с древними и сильными царь предпочитал обходиться уважительно, как с независимыми государствами, даже если они находились внутри его собственных территорий. С другими он был менее осторожен и вводил туда своего представителя, зачастую своего военачальника, который контролировал администрацию и политику на местах; название должности, которую получали эти деятели, могло варьироваться, но в любом случае это были уполномоченные царя, назначенные надзирать за полисом. Их присутствие не мешало функционированию гражданских институтов; даже напротив, они следили за тем, чтобы эти последние играли свою традиционную роль в политике полиса, если она не противоречила планам царя. Они следили также за надлежащим отправлением правосудия, а царь иногда помогал городам находить судей в других полисах. В серьезных случаях государь мог вмешаться в качестве арбитра и разрешить споры между полисами или распорядиться, чтобы они были разрешены третьим полисом, не являющимся участником конфликта. Примеров такого судейства много, и очевидно, что в большинстве случаев власть царя, который располагал в этом регионе военными силами и имел влияние, способствовала улаживанию конфликтов.

Начиная со II века до н. э., когда римское присутствие распространяется на Востоке, в роли арбитра, если не полиции, зачастую выступал Рим.

Поразительно также крайнее разнообразие частных случаев. Отношения между полисами и государями на деле сводились к соотношению сил: они зависели от того, подвергался ли город военной оккупации, то есть размещался ли на его территории постоянный гарнизон, сформированный из наемников. Эти двусторонние отношения обычно принимали форму союза с царем — юридическая условность, призванная сбить самолюбие граждан, которые таким образом получали иллюзию того, что они сами решают свою судьбу. Но разве не так же обстояло дело в классическую эпоху, во время рвущихся к господству крупных союзов, управляемых Спартой, Афинами или Фивами? Это были двусмысленные отношения, которые отягощала сложная игра интересов — иногда совпадающих, иногда противоположных. Полису был необходим царь, который бы защищал его, полностью подчинив себе, а царю был необходим полис. В случае необходимости царь получал от него дань, военный контингент, продовольствие, положение, его порт, заход в который он контролировал с помощью гарнизона. В обмен он обеспечивал полису безопасность, освобождал от налогов и даровал привилегии; он брал на себя общественные расходы, содействовал восстановлению крепостных стен, возведению портиков и храмов, осыпал богатыми дарами святилища, в голодные годы снабжал продовольствием население. Он мог, как местное божество, взять на себя обязанности магистрата-эпонима, если граждане уклонялись от них, — со всеми тратами, которые предполагала эта должность. Все зависело от обстоятельств, а они могли изменяться, иногда стремительно, в зависимости от того, насколько расширялась или уменьшалась сфера влияния того или иного государя. Полис мог общаться с царем на равных. Так вел себя Родос, так вели себя, естественно, крупные союзы III века до н. э. Чаще всего полис оказывался в ситуации протектората. Иногда он колебался между заключением альянса с той или иной династией или даже с Римом. Иное дело — полисы, изолированные внутри крупных империй, как три греческих полиса в Египте: Александрия Великая, старый континентальный полис Навкратис, утративший свое положение, и новообразованная Птолемаида, заменившая Фивы — фараонскую

столицу Верхнего Египта. То же касалось и азиатских полисов, основанных и расширенных Селевкидами: полностью зависимые от царской милости, они и мечтать не могли ни о какой политической независимости. Они имели экономическое и культурное значение, а административные рамки, в которых осуществлялось управление, хотя формально и напоминали институты полисов старого эллинского мира, создавали только видимость автономии. Некоторые из них к тому же являлись резиденциями царей: Александрия для Лагидов, Антиохия на Оронте — для Селевкидов (у которых были и другие столицы: Селевкия на Тигре, например), Пергам — для Атталидов, Никомедия — для царей Вифинии, Синопа — для государей Понтийского царства, Сиракузы — для Агафокла и Гиерона II, Кирена — для Магаса и Фискона. Это поднимало их престиж, развивало экономическую и административную деятельность, способствовало созданию великих творений и грандиозных памятников: но их жестко контролировал располагавшийся в них царь. В Македонии тоже, как мы недавно показали, полисы, имевшие традиционные институты, совет и собрание, такие как столица Пелла, или Кассандрия, или Амфиполь, или Филиппы, подвергались пристальному контролю государя.

Таким в эллинистическую эпоху предстает государство (лучше сказать, «государства»), подчиненное власти монарха: много-составное, разнородное, полиэтническое целое, имеющее постоянно изменяющиеся в результате войн, вторжений и завоеваний границы, объединяющее под единой державой, по выражению древних историков, встречающемуся в надписях, «династов, полисы и народы». Конгломерат, случайно сложившийся в ходе бурной истории, постоянно перекраиваемый в результате внутренних распрей или притязаний соседей. Этот тип монархического государства не был греческим: это было ахеменидское государство, чья вера и мечта о вселенском господстве одновременно восхищала и пугала эллинов, о чем свидетельствуют Геродот и Ксенофонт, описывая его организацию и повествуя о его истории. Ниспровергнув его, Александр сделал вывод, который соответствовал его собственным взглядам: единственная связь, способная поддерживать единство разнородных частей, — это личная преданность государю, абсолютному держателю власти, с которого все начинается и на котором все заканчивается, поскольку он один воплощает

в себе все государство. Эта концепция крайне персонализированной политической власти появляется во второй половине IV века до н. э. в размышлениях философов и государственных деятелей, когда они озадачились вопросом, как преодолеть постоянно возникающую опасность раздробления, которая угрожала в то время греческому миру полисов. За неимением вселенской монархии, оставшейся великой мечтой, которую Александр Македонский не успел реализовать, мы анализируем ее частные воплощения, которые создали с помощью гибких и эффективных институтов диადохи и их наследники.

* * *

Основой власти в эллинистическом царстве было военное могущество, и именно в качестве главы армии царь реализовывал свою власть во всех областях. Оно было источником любого решения, принимал ли он его сам или же оно принималось от его имени его представителем. Это касалось как войны, так и мирного времени, и, естественно, способы и средства, которые представлялись эффективными в одном, могли использоваться и для другого. Деловая жизнь, а следовательно, и жизнь повседневная были сориентированы на царскую персону: время в царстве исчислялось годами правления — очень древняя практика всех монархических государств, за исключением Селевкидов, единственной греческой династии эллинистического мира, которая целиком была принята за эру независимо от продолжительности царствования каждого ее представителя. За начало летосчисления было принято завоевание Вавилона Селевком летом 312 года до н. э., а начало каждого года, которое в масштабах огромной империи могло варьироваться в зависимости от местных обычаев, приходилось на начало октября. Эта селевкидская эра долгое время была в ходу на Ближнем Востоке и использовалась еще арабскими астрономами, которые неверно называли ее эрой Александра. Таким образом, этот факт цивилизации имел большое значение. Селевкидскому примеру последовали варварские династии: Аршакиды у парфян, чья эра отсчитывалась с весны 247 года до н. э., или династии царей Понта и Вифинии, использовавшие летосчисление от 297—296 годов до н. э. Зато даже когда в III веке до н. э. среди историков

распространился обычай ориентироваться для удобства на последовательность Олимпийских игр, другие монархии продолжали отмерять время годами царствования, а полисы — годами избрания своих эпонимов.

Поскольку царь воплощал в себе государство, все администрирование сводилось к нему лично. Законом была царская воля. Конечно, она не заменяла собой традиций частного права. Наоборот, они поддерживались, насколько мы можем судить, с поразительной преемственностью как в греческих, так и в туземных обществах, в частности в Египете, о чем свидетельствуют найденные там в большом количестве тексты *демотических* договоров (составленных на египетском языке и записанных сильно упрощенными иероглифами). Об этом также свидетельствуют вавилонские договоры, из которых следует, что в Месопотамии продолжало существовать местное право. Греческие полисы все так же вершили суд по своим собственным законам. Частое обращение к услугам чужеземных судей способствовало тому, что наряду с существующими в каждом полисе собственными законодательными традициями сложилась своеобразная общая эллинистическая правовая система, которая применялась, например, в Египте для разрешения споров между греками, проживавшими вне территории полиса: в папирусах это называется «обычай полисов», *politikoi nomoi*, общее наследие различных муниципальных правовых традиций. Тем не менее призванный лично или через своего официального посредника разрешать множество конфликтов исходя из нужд и интересов государства, царь был вынужден, как правило открыто, вводить новые или изменять старые законы, которые впоследствии могли также применяться в сфере частного права. Он делал это через письменные тексты: послания, адресованные высшим должностным лицам или полисам, особые указы (по-гречески *prostagma*) или общие и подробные распоряжения (обозначаемые термином *diagramma*). Тем не менее какого-то принципиального различия между этими видами царских постановлений не было: монарх создавал не ради законотворчества, а чтобы наилучшим образом разрешить отдельные проблемы. Эти законы не столько выводились из общих теоретических формулировок, сколько постепенно складывались из практики. Примечательно, что само слово «закон», *nomos*, которое в традиционном

греческом словаре имеет столько значений и такую положительную коннотацию, почти не встречается в царских текстах, хотя оно и играло столь важную роль в жизни полисов.

Таких распорядительных текстов селевкидской и особенно лагидской монархии нам известно очень много. Большинство представлено в эпистолярной форме, для которой были характерны элементы частной переписки: формулы приветствия, пожелания доброго здоровья, формулы вежливости, указание даты — все обычно очень простое и конкретное. Часто царь обращался к своему адресату, употребляя множественное величия. Эта царская переписка и эти указы, которые современные ученые объединяют в сборники, были для государей очень нелегкой обязанностью, требовавшей от них внимательного изучения и размышления. Народ понимал это, в связи с чем было много расхожих знаменательных выражений, например слова Селевка I, которые донес до нас Плутарх (Этика. 790а): «Если бы знали, каких трудов стоит царям чтение и сочинение писем, никто бы не захотел даже поклониться, чтобы поднять диадему!» Имея в виду скорее именно эту повседневную работу, чем опасности войны, Антигон Гонат, согласно Элиану (Пестрые рассказы. II, 20), беседуя со своим сыном Деметрием о царском достоинстве, сказал ему, что это «почетное рабство».

Государь не мог справиться с этими задачами в одиночку: ему нужны были помощники и советники. Государственный аппарат, необходимый для царской власти, состоял из двора и администрации — и тот и другая обычно больше заботились об эффективности, чем об этикете или о строгой иерархии. При дворе были собраны приближенные царя, наследники тех, кто окружал Александра и кого македонская традиция называла *гетайрами*: слово, обозначающее друзей, *philoí*, и употреблявшееся еще Александром, стало использоваться для обозначения приближенных. Это действительно часто были друзья, которых связывали с государем товарищеские отношения, установившиеся в детстве или на войне, либо взаимное уважение, либо бескорыстное желание разделить его бремя забот. Царь наслаждался присутствием, беседами с ними, их дружбой; его развлекали их остроты; он интересовался их мнением и использовал их опыт; он также прислушивался к их критике. Свобода слова в их среде иногда была очень велика, например при дворе Антигонидов, где — особенно при Антигоне Гонате — царица

порой грубоватая откровенность македонских воинов. Не обходилось также и без лести, и без дурных советников: Полибий клеймит Сосибия, который имел сильное влияние на Птолема IV Филопатора и склонял его на преступления, а также карийца Гермия — жестокого, лицемерного и завистливого человека, направлявшего действия Антиоха III в первые годы его царствования. К ним можно добавить живших позже евнуха Потина и стратега Ахиллу, которые склонили Птолема XIII к убийству Помпея. Но были и другие советники, заслужившие того доверия, которое им оказывал государь, даже если, к своему несчастью, и пренебрегал их мнением; такими были оратор Киней при Пирре и великий Ганнибал, которого великодушно принял при своем дворе Антиох III и советы которого во время войны с Римом он напрасно проигнорировал. Некоторые цари, понимая, что познания мыслящих и опытных людей могут быть им весьма полезны, старались окружить себя философами, военными, политиками. Так, например, Птолемей I пригласил в Александрию философа и оратора Деметрия Фалерского, который в течение десяти лет управлял Афинами в то время, когда в Македонии царствовал Кассандр, распространяя свою власть на Грецию. Антигон Гонат ценил мнение своего старого учителя Менедема из Эретрии и ездил просить Зенона из Китиона, основателя стоицизма, пожить при его дворе; старик отказался от этой чести, но отправил к царю вместо себя двух своих учеников.

Среди этих «людей, водящих дружбу с царями», согласно выражению той эпохи, установилась практика брать себе отличительные титулы, разнообразие которых, по крайней мере у Лагидов, подполагало наличие своего рода иерархии: помимо «друзей» появилась категория «родственники» царя, которые на самом деле не имели с ним ни кровных, ни брачных связей, но находились в тесных личных отношениях. Выделялись также «первые друзья», «телохранители» (*somatophylagues*) и «архителохранители» (которые уже не представляли собой, как при Александре, действительно вооруженную охрану, а были лишь обладателями титула) и даже «преемники» (диадохи) — термин, который толкуют как обозначение личного окружения царя. Этот штат образовывал при царе элитарный кружок, своеобразную знать, получавшую за личные заслуги привилегии без права их передачи (поскольку эти титулы не были наследственными), среди которой царь выбирал необходимых ему

гражданских и военных помощников разных уровней. Но вряд ли существовал придворный этикет, строго отделяющий государя от его приближенных: греческая и македонская традиции поддерживали представление о том, что царь должен оставаться доступным, и сугубо личный характер царских функций имел то же значение. Доказательством может служить широко распространенная в лагидском Египте практика прошений или ходатайств, которые любой мог лично подать царю, уповая на его милость: до нас дошло огромное количество таких папирусов, зачастую составленных людьми самого незначительного положения.

* * *

Администрация в монархической системе существенно отличалась от администрации в полисе. Здесь ей не нужно было заниматься общественными делами от имени народа, что предполагало разделение обязанностей, а следовательно, коллегиальность и ежегодное переизбрание магистратуры. Здесь необходимо было управлять от имени царя и посредством делегирования его личной власти. Здесь не существовало магистратов, но были министры, хотя эти новые должности не имели в языке какого-то общего термина, и это весьма значимо. Ибо эти министры не образовывали единого корпуса: каждый из них индивидуально получал поручение заняться частной конкретной задачей на неопределенный срок, то есть пока это угодно государю. В разных монархиях их называли по-разному, и эти наименования практически не являлись строгими терминами, что прекрасно демонстрирует индивидуальный и зависимый от воли монарха характер этих обязанностей, которые им доверялись. У Селевкидов во II веке до н. э. был «поверенный в делах», который, по-видимому, играл, по крайней мере временно, очень важную роль координатора. Та же должность встречается в Пергаме при Атталидах, а вот в лагидском Египте ее не было. Зато там начиная с правления Птолемея II Филадельфа появляется министр, называемый *диойкет*, то есть «администратор», или «поверенный в доходах», чьи полномочия распространялись на все отрасли администрации, кроме военной сферы: он распоряжался финансами царя и тем самым контролировал всю экономику страны. Благодаря обнаружению в оазисе

Фаюма архива папирусов, оставленного неким Зеноном, служившим при диойкете Аполлонии примерно между 260 и 250 годами до н. э., мы можем судить о деятельности этого министра Птолемея II в конкретной области: эта деятельность распространялась на все виды хозяйствования в этом крупном регионе, а также на внешнюю торговлю некоторыми продовольственными товарами. Пропустим все то, что этот поразительный документ может нам сообщить об экономической и социальной жизни греческого Египта. Сейчас нам достаточно отметить, что диойкет Аполлоний в переписке, которую он вел со своим помощником, предстает облеченным значительными полномочиями, которые он осуществлял именем государя. «Царь и Аполлоний повелели...» — такую формулировку он использовал, распоряжаясь делами, и это отлично демонстрирует, что в конечном счете он обладал этой властью лишь как посредник самого государя.

Управление большим государством требовало организации архивов. Поэтому эллинистические монархи имели канцелярию, которая регистрировала официальные документы и сохраняла их копии. Эти учреждения, где трудились писцы, не были новшеством, поскольку в греческих полисах и храмах уже были свои архивы, обычно доверяемые надежным и образованным общественным служащим; архивы Афин, располагавшиеся в храме Матери богов — Метрооне, на агоре, были важной деталью государственной машины. Эллинистические царства также имели специальную службу, но ее функции были шире: она регистрировала обильную переписку царя с его подчиненными и с другими государствами — поэтому глава такой службы Лагидов назывался «составитель писем» (*эпистограф*). Там также велся учет царских указов, которые записывались в журналы — *эфмериды*, становившиеся основой для истории царствования; пример тому был подан Александром, при котором должность главы канцелярии исполнял Эвмен из Кардии. Это был примечательный выбор: назначая архивистом грека, а не македонянина, Александр ясно давал понять, что именно на греческом языке, а не на македонском диалекте должны составляться и записываться официальные указы его империи. Эллинистические цари придерживались этой традиции: необходимость разнородного населения внутри и вне крупных государств понимать друг друга и иметь отношения с полисами, говорившими

на самых разных диалектах, приводила к использованию единого языка, что прекрасно понимал Александр. Это был аттический язык с упрощенной орфографией и без диалектических особенностей, язык Аристотеля и Академии, бывший также языком ораторов и историков. Этот официальный язык стал также «общим» языком, *койне*, которым пользовались царские чиновники и военачальники на всем пространстве эллинистического мира. Хотя очень большое число полисов дорийской традиции продолжали составлять официальные документы на своем собственном диалекте (так было, например, в Дельфах, Этолии, Беотии, Аргосе, на Крите, Родосе и в Киренаике), использование общего языка стремительно распространялось. Именно на нем ахеец Полибий писал свою историю, и на нем творили все эллинистические прозаики, желая привлечь более широкую аудиторию. Наконец, именно этот язык позволил римлянам в начале II века до н. э. объясняться с греческой стороной во время завоеваний. Этот лингвистический процесс оказал длительное влияние на бассейн Восточного Средиземноморья и продолжил свое развитие в языке византийского и современного периода: это было великое событие цивилизации, которому в значительной степени содействовала бюрократия эллинистических монархий.

Предпочтение, отданное греческому диалекту перед македонским, показывает, насколько глубоко была эллинизирована династия Аргеадов и последующие македонские династии. Македонский язык сохранялся только в сфере повседневного общения, и сегодня он нам очень плохо известен из-за отсутствия документов. К тому же цари, претендующие на происхождение от греческих богов, распространяли эллинский язык и культуру. Причем до такой степени, что македонский диалект переставал употребляться правящими родами, которые гордились тем, что поддерживают наследие Александра. Плутарх отмечает, что некоторые предки великой Клеопатры перестали говорить по-македонски (Жизнеописание Антония. 27). Престиж и удобство аттического языка, разумеется, сыграли в этой эволюции решающую роль, которую, несомненно, облегчало вероятное родство (хотя некоторые ученые до сих пор в этом сомневаются) между греческим языком и македонским диалектом. Но это отражает также численное неравенство между македонскими завоевателями и греками.

Первые, изначально немногочисленные, понесли большие потери в непрерывных войнах, а большинство выживших впоследствии стремились вернуться на родину. Зато дворы, армии и администрации в монархиях постоянно пополнялись греками; древние и новые города, становившиеся активными центрами крупных государств, были греческими полисами. Так что в скором времени понятие «македонянин» утратило свое изначальное этническое значение и стало просто военным термином, обозначающим род офицеров и солдат. Таким образом, по историческому парадоксу, победы Филиппа и Александра, которые воспринимались современниками и сейчас еще очень часто рассматриваются как фатальные для величия Греции, в конечном счете способствовали беспрецедентному распространению эллинизма.

Местные администрации продолжали на местах деятельность центральной администрации монархического государства. Огромные территории, над которыми господствовали Селевкиды и Лагиды, естественно, разделялись на более мелкие территориальные единицы, чтобы облегчить государственное управление. Александр мудро сохранил деление своих завоеванных земель на сатрапии в соответствии с ахеменидской практикой. Селевкиды последовали этому примеру, который продемонстрировал свою эффективность, введя в своих провинциях административные округа, что позволило рассредоточить власть. Исключительная разнородность населения и регионов, обусловившая в скором времени отпадение многих из них, существенно усложняла задачу и требовала от системы большой гибкости. В лагидском Египте, менее просторном и более однородном по своей географии и по своим традициям, сохранялось старое деление на провинции, или *номы*, подразделяющиеся на топархии и деревни (*комат*); каждую из этих территориальных единиц возглавлял царский представитель, соответственно номарх, топарх и комарх. Но помимо этого лагидские цари ввели в номах наряду с номархами должность, имевшую военное название — стратег. Эти стратеги номов приобретали все большее значение и становились настоящими правителями провинций, которым помогали множество средних и низших должностных лиц, среди которых в силу обстоятельств росло число этнических египтян, говоривших по-египетски и становившихся билингвами.

Важная роль, которую сыграли в лагидском Египте, бывшем самой централизованной и лучше всего управляемой эллинистической монархией, эти лица, имевшие местное происхождение и носившие военный титул стратегов, лишний раз позволяет убедиться в изначальной военной природе царской власти. К тому же титул стратега, который традиционно давался военачальникам, государи присваивали многим своим служащим разного уровня как внутри своих земель, так и в своих внешних владениях, где им необходим был человек, который представлял бы царя и который обычно при этом командовал постоянным гарнизоном, временно расположенным контингентом или военным флотом. Поскольку залогом верности союзных или подданных полисов была военная мощь царя, вполне естественно было поручить контроль военачальнику, который обладал на месте необходимыми средствами и постепенно расширял свои полномочия на другие проблемы. Отсюда распространение этой эллинистической системы управления стратегами, которые сохранили от стратегов классических полисов, бывших коллегиальным и избираемым ежегодно органом, одно только имя. Отныне стратег был многофункциональной должностью, по сути своей военной, на которую царь возлагал обязанности сохранения внутренней территории империи и важных внешних позиций. Там он от имени государя отправлял власть, которую тот ему передавал. Этот институт отличался гибкостью и имел разные формы: он получил столь широкое распространение, что воспринимался как «становой хребет и символ эллинистического государства». Ничего удивительного, что, когда на Восток во главе своих армий пришли римские военачальники, от имени сената принимавшие политические и экономические решения в завоеванных их войсками регионах, — греки дали этим лицам — консулам и преторам — название стратегов, как военачальникам, уполномоченным эллинистическими монархами.

* * *

Такая организация монархического государства должна была выполнять несколько функций: долгое время династии, унаследовавшие империю Александра, и другие царские рода, возникшие или развившиеся по их примеру, управляли большей частью

Ближнего Востока — с большим или меньшим успехом, но сам монархический принцип при этом не подвергался сомнению, разве что Римом, который постепенно занял их место. Как же осуществлялось это управление, чья эффективность и продолжительность заслуживают удивления, если учесть масштабы и разнородность территорий, на которые оно распространялось?

Первой задачей царя было расширять и защищать свою державу. Если войны были хроническим состоянием Греции эпохи полисов, то они не стали реже в эллинистический период. Именно им обязано своим существованием монархическое государство (кроме традиционных царств, таких как Македония). Именно благодаря им оно выживало, хотя ему грозили тысячи опасностей — от внешних нападений до возможности внутренних мятежей. Таким образом, обнаруживается тесная связь между войной и фактом монархии, с которой мы не раз встречались на протяжении этого исследования. Плутарх, имевший морализаторский взгляд на вещи, приписывает эти постоянные вспышки конфликтов ненасытной жадности царей: «Да и как же те, для чьей алчности не служат пределом ни море, ни горы, ни безлюдная пустыня, чьи вождения не останавливаются перед границами, отделяющими Европу от Азии, как могут они довольствоваться тем, что имеют, и не посягать друг на друга, когда их владения соседствуют и соприкасаются между собой? Коварство и зависть, присущие им от природы, всегда побуждают их воевать, и, смотря по обстоятельствам, они пользуются словом „мир“ или „война“, будто разменной монетой, не во имя справедливости, а ради собственной выгоды. И лучше, когда они воюют открыто и не говорят о дружбе и справедливости, между тем как сами воздерживаются лишь от прямого и явного нарушения права»¹ (Жизнеописание Пирра. 12). История подтверждает правоту философа, но нельзя недооценивать того, что, помимо личных устремлений, сама система неизбежно вызывала потребность и необходимость войны: рожденная ею, она от нее же и погибла.

Ошибочно было бы видеть в войне лишь обычную процедуру обогащения. Конечно, трофеи, получаемые победителем, были значительны и позволяли сполна рассчитаться с наемными войсками, составлявшими костяк армии и воевавшими

¹ Перевод С. А. Ошерова.

исключительно ради наживы. Царская казна тоже пополнялась из этих экстренных средств. Но было бы слишком просто объяснять частые войны стремлением к перераспределению богатств, накопленных царями, полисами и отдельными лицами, поскольку управление экономикой приводит к накоплению. На деле умножению конфликтов способствовало, во-первых, отсутствие какой-либо международной власти, способной улаживать путем переговоров неизбежно возникающие между государствами споры; во-вторых, присущая разнородным по своему составу монархиям нестабильность, рождающая внутреннюю напряженность, которая привлекала внешних завоевателей; и наконец, в-третьих, присутствие на Ближнем Востоке варварских народов, живущих набегами и завоеваниями, как, например, галаты, или стремящихся к образованию независимых государств, как парфяне. Когда в этом регионе установилась достаточно стабильная и достаточно сильная, чтобы диктовать те или иные законы полисам и царям, римская власть, на Ближнем Востоке, несмотря на некоторые потрясения — такие, как еврейские восстания, — начался долгий период мира, конец которому положили только вторжения варваров.

Таким образом, царь должен был прежде всего воевать: даже такой царь-философ, как Антигон Гонат, вынужден был посвящать большую часть своего долгого царствования военным операциям, выступая то против ваваров в балканских горах, то против соперничавших с ним царей, то против полисов Эллады. Защита эллинского мира от варваров, впрочем, была выгодной обязанностью монархов — во всяком случае, она завоевывала им благодарность греческих народов. В великих храмах собраны памятники, свидетельствующие о благородстве государей, которые отразили грозившую извне опасность. В Делосе, в афинском Акрополе, в Пергаме бронзовые скульптурные группы напоминают о победах Атталидов над ордами галлов, разорывших Анатолию. Эту борьбу с галатами любили сравнивать с выдающимися эпизодами из мифов и истории: с битвами богов против титанов, греческих героев против амазонок, эллинов против персов. Художники и поэты увековечили эти воспоминания, о чем свидетельствует эпиграмма Филетера, обнаруженная в Делосе.

В этих военных предприятиях царь участвовал лично как главнокомандующий и даже иной раз как воин. Пример этому дал

еще Александр, а диадохи ему последовали: Кратер, Антигон Одноглазый, Лисимах погибли на полях сражений, так же как позже Пирр, а еще позже Деметрий II. Подсчитано, что из четырнадцати селевкидских государей десять пали в битве. Лагиды, за исключением трех первых, были не столь рискованны: Птолемей IV вынужден был показаться среди своих войск, чтобы укрепить их мужество в битве при Рафии, да Птолемей VI, побежденный Александром Баласом, умер от ран. Малодушие было недопустимо у царя: историки заклеили слабость Персея, который бежал после Пидны, позволил пленить себя на Самофракии и позорно предстал среди трофеев в триумфальном шествии Эмилия Павла и принял жалкую смерть в римской темнице.

Авторитет, который приносила храбрость, был тем более необходим, поскольку армия наемников, от которых теперь зависел исход сражения, не имела других побуждений, кроме жажды наживы и личной преданности полководцу, если он внушал им уважение своим величием и своими воинскими качествами. Лично командовать своими войсками было первейшим долгом царя, уклониться от которого он не мог никоим образом. Поэтому он брал на себя ответственность за поражение, но он же и по праву пожинал лавры победителя. На нем лежала ответственность не только за проведение операции, но и за подготовку к войне. Расчет необходимого числа личного состава и материальных средств, организация альянсов, предусмотрительная подготовка баз для флота — все эти вопросы стратегии и тактики были делом царя и его постоянной заботой, и нужно признать, что большинство эллинистических государей достойно проявили себя в этой важнейшей сфере. Биографии диадохов, изложенные Плутархом, являют множество примеров того, когда личный поступок полководца менял течение событий. Даже такой безрассудный авантюрист, как Полиоркет, сумел спасти в трудной ситуации свою армию и эскадру во время своих походов в Греции и Македонии между 296 и 291 годами до н. э. И анабасис Антиоха III (212—205), восстановивший селевкидскую власть в восточных провинциях империи, не случайно воскрешал в памяти пример Александра и полностью оправдывал титул «великого царя», который Антиох получил после своего возвращения.

* * *

Чтобы подготовить войну и ее обеспечение, нужны были деньги. Поэтому эллинистические монархии были колоссальными машинами для выкачивания налогов и наполнения ими царской казны. Соответственно организации вооруженных сил и, естественно, с опорой на нее организация налоговой системы в монархиях этой эпохи продемонстрировала свою исключительность. В отличие от полисов, зачастую неспособных нести коллективные расходы, цари, как может показаться, вообще никогда не испытывали финансовых затруднений. Они обладали сказочным богатством, оно поразило даже римлян, совсем так же как сокровища Ахеменидов когда-то ошеломили спутников Александра. Оно пополнялось также за счет трофеев с захваченных территорий. Здесь прежде всего подразумевается дань, выплачиваемая полисами, находящимися в подданстве, и присоединенными к империи государствами; эти выплаты деньгами и натурой были унаследованы от ахеменидской администрации, но у греков тоже существовала практика взимания дани в рамках первого Афинского морского союза: так что для них это не было новшеством. Селевкиды и Атталиды собирали ее в своих владениях, и освобождение от дани, иногда даруемое по исключительной милости и подлежащее пересмотру, являлось для полисов огромной привилегией. Каждая сатрапия должна была вносить определенную сумму в царскую казну, которая не заботилась о ее источниках, предоставив это местной администрации. К этой основной повинности добавлялось множество косвенных налогов и пошлин, разнообразие которых отражало разнообразие соответствующих налогов в греческих полисах: налог на землепользование, патент на свое ремесло, портовые и таможенные пошлины, пошлина за право выпаса и за право рыбной ловли, дорожные пошлины, налоги на наследство — словом, весь арсенал развитой фискальной системы.

Царь также извлекал прибыль из денежных эмиссий: они всегда были источником доходов, поскольку сама по себе чеканка монеты означает валоризацию валового продукта, а с другой стороны, местная монета всегда ходила по более высокому курсу, чем чужеземная. У Селевкидов было крупное монетное

производство в сатрапиях, и они выпускали большое количество серебряных монет, особенно во второй половине II века до н. э., несмотря на то что их империя находилась в упадке. До этого на их территориях имели широкое хождение чужеземные деньги; власти лишь удостоверяли подлинность этих монет, выбивая на них клеймо с якорем (символ происхождения этой династии от Аполлона), которое уравнивало их с курсом собственных селевкидских монет — удобный способ быстрого извлечения прибыли при наименьших затратах. Лагиды, наоборот, требовали, чтобы все внутренние торговые сделки совершались в лагидской валюте, и переплавляли в своих мастерских чужеземные монеты. В письме мастера монетной чеканки из Александрии диюкету Аполлонию, написанном в 258 году до н. э., в правление Птолемея II Филадельфа, упоминается эта операция и раскрываются ее масштабы: «В соответствии с письменными указаниями, которые ты мне дал, я получил пятьдесят семь тысяч золотых монет и вернул их, отчеканив заново... Чужеземцы, прибывающие сюда, купцы и посредники, привозят с собой различные монеты и наши *trichrysa* [золотые монеты, выпускавшиеся в Египте в предыдущее правление], чтобы обменять на новую монету, согласно указу, который предписывает нам принять их и отчеканить заново... Выгодно, чтобы как можно больше золота ввозилось из чужих земель и чтобы монеты царя были всегда полновесны и новы и при этом ничего ему не стоили».

Царские деньги приносили доход в банках, которые, по крайней мере в Египте, были прочны и пользовались привилегией давать займы и обменивать деньги. Обладавшие значительными фондами, потому что в них — как в царские кассы — стекались поступления от налогов и пошлин, а также частные вклады, они предоставляли денежные ссуды под 24%, установленные лагидскими законами. Этот процент был крайне высок — он в два раза превышал принятую во всем остальном греческом мире ставку, которая обычно равнялась 10%, так было, например, как мы видели, на Делосе.

Наконец, существенную часть ресурсов государь получал от эксплуатации земельных владений, находящихся в его личной собственности: это царские земли, использование которых отлично известно по Египту, но которые также существовали

и в Селевкидской империи. Эти земельные владения были огромны, а их доход — весьма значителен. Обычно они отдавались в аренду крестьянам, которые обрабатывали их, отдавая натуральный оброк, который мог составлять 40—50% урожая в случае зерновых, например, которые являлись одной из основных культур в Египте. Эти царские хлеба сплавлялись на судах по каналам и по Нилу частными перевозчиками, *naucles*, которые владели судном и брали на себя доставку груза в царские закрома, откуда он поступал как на внутренние, так и на внешние рынки. Экспорт осуществлялся по морю с помощью особых крупнотоннажных судов, подобных тем, которые позже, во II веке н. э., опишет в своем диалоге «Корабль, или Желания» Лукиан. В мире, где основным богатством была земля, доход с царских владений составлял существенную часть доходов царя.

Эти доходы были огромны. В часто цитируемом отрывке из «Толкований на Даниила» (XI, 5) святого Иеронима доходы Птолемея II Филадельфа оцениваются в 14 800 талантов серебром в год — сумма, примерно в четырнадцать раз превосходящая годовую бюджет Афин в эпоху Перикла. Политический упадок лагидского Египта не сильно сократил царские доходы, поскольку, согласно Страбону (XVII, 798), Птолемей XII Авлет в середине I века до н. э. все еще имел 12 500 талантов в год. На сокровища пергамских Атталидов ссылался Гораций даже столетие спустя после прекращения династии (Оды. I, 12). Поскольку все в государстве принадлежало царю, понятна значительность этих скапливаемых богатств, не идущих ни в какое сравнение с ресурсами полисов, даже самых процветающих. Современники тем лучше это себе представляли, поскольку цари не скрывали своего богатства и даже, напротив, охотно демонстрировали его, чтобы поразить воображение своей роскошной жизнью, которая была неопровержимым свидетельством их всемогущества. Разве не имели они права, подобно богам, на все самое прекрасное и лучшее в мире? Отсюда эта парадность и эти празднества, воспоминания о которых сохранились в текстах: погребальный кортеж Гефестиона, погребальная колесница Александра, которую детально описал Диодор (XVII, 15; XVIII, 26—27); праздник Адониса в Александрии при Птолемее II и Арсиное Филадельфах, о котором упоминает в XV идиллии Феокрит; грандиозные дионисийские процессы в Александрии

в 276—275 годах до н. э., которые компилятор Афиной восстанавливает для нас (V, 197c — 203b) по рассказу очевидца этих празднеств Калликсена Родосского; или торжество в Дафне в 166—165 годах до н. э., которое, согласно Полибию (XXX, 25—27), устроил Антиох IV, когда в течение целого месяца проходили атлетические состязания и празднества. В этом последнем случае царь продемонстрировал, что огромные расходы на войну с римлянами, потраченные его отцом Антиохом Великим, не помешали ему восстановить свое богатство: красноречивое свидетельство о размерах регулярных доходов, получаемых Селевкидами. С этих же позиций следует подходить к провокационным демонстрациям роскоши некоторых Лагидов в последние годы их династии: сказочный корабль, на котором Клеопатра отправилась к Антонию по реке Книд, чтобы усмирить его гнев и обольстить, а позже потрясающие эпизоды «жизни неподражаемых», которую двое любовников продолжали вести, даже когда для них все было потеряно после поражения при Акции. Если в этом поведении присутствовал элемент дионисийского мистицизма (как и в постоянном поиске удовольствий, или *tryphē*, которому предавался ее предок Птолемей IV Филопатор), то для них в первую очередь это был нормальный образ жизни, который фундаментально отличался от жизни обычных людей и подобал царям.

Еще одним подобающим им поведением была щедрость. Царь, в соответствии с древней греческой традицией, засвидетельствованной в литературе от Гомера до Пиндара и подхваченной эллинистическими поэтами, не мог бы найти лучшего применения своим богатствам, как щедро одаривать ими храмы, полисы, общества и отдельных лиц. Прежде всего храмы, поскольку богам воздавалось в первую очередь. В III веке до н. э. Аполлону Дельфийскому Атталом I Пергамским был пожалован величественный портик, пристроенный на месте брешы в крепостной стене святилища на восточной стороне. Это было большое четырехугольное здание 32 × 9 м, которое открывалось к югу через дорийскую колоннаду на галерею, которая возвышалась над сводчатым залом и длинным жертвенником, занимавшим весь фасад и украшенным бронзовыми скульптурными группами; кроме того, изнутри портик был украшен живописными деревянными панно, наподобие знаменитого афинского портика

Пойкиле. В эту эпоху, за исключением самого храма Аполлона, в пифийском святилище не было сооружения, способного по великолепию сравниться с тем, что подарил ему государь Пергама. Аполлон Делосский был одарен не меньше: в III веке до н. э. Антигон Гонат обозначил в северной части священную зону храма, воздвигнув там огромный портик длиной 120 м с дорической колоннадой снаружи и ионическими колоннами внутри здания. В конце века Филипп V, внук Антигона, продолжил традицию щедрых даров своего предка, возведя вдоль подъездной дороги к южным пропилеям храма еще один дорический портик длиной 70 м, на котором сохранилась надпись: «Царь македонян Филипп, сын царя Деметрия, Аполлону». Пожертвования такого рода в большом количестве встречаются во всеэллинских святилищах, а особенно, естественно, в храмах, непосредственно зависящих от государей — в Александрии, в Пергаме, в Антиохии и т. д. Наконец, сокровищницы храмов ломились от царских даров, особенно много в них было сосудов из драгоценных металлов, которые идентифицируются по надписям и судьбу которых в ряде случаев, например в Делосе, возможно проследить благодаря описям, которые управляющие священным имуществом составляли ежегодно.

Греческие полисы были объектом подобной же щедрости: культовые сооружения, возводимые на средства монархов, например храм Зевса Олимпийца в Афинах, чьи колоссальные размеры (41 × 108 м) и архитектурная пышность (это был первый крупный храм, внешняя колоннада которого имела коринфскую капитель) красноречиво говорили о щедрости Антиоха IV Эпифана, финансировавшего его строительство в 174 году до н. э. Но размах сооружения был таков, что его не смогли закончить при жизни селевкидского царя. Работы были приостановлены более чем на столетие, прежде чем возобновились частично при Августе, и храм был завершен и освящен только императором Адрианом во II веке н. э. Утилитарные здания, такие как гимнасий, который Птолемей III повелел возвести при афинской агоре, или большой портик Аттала II Пергамского, подаренный афинянам, который отмечал восточный предел этого публичного места и который возвышается до сих пор, восстановленный американскими археологами, или еще один, не такой величественный, как

портик Аттала, — портик, который Эвмен II возвел на южном склоне Акрополя западнее театра и который служил местом гулянья для зрителей, присутствовавших на дионисийских празднествах (задняя стена с большими сводчатыми нишами до сих пор цела). Таким образом, старые Афины, которые эллинистические греки продолжали воспринимать как очаг культуры, принимали гостей и обеспечивали существование своих жителей в зданиях, построенных на средства лагидских, селевкидских и атталидских государей, так же как позже они стали объектом щедрых вложений римских императоров Августа и Адриана.

Помимо зданий, ставших долговечными знаками царской щедрости, полисы получали по различным поводам значительные дары со стороны царей: в случае неурожая или голода монархи присылали зерно или субсидии, чтобы купить его. Поводом для проявления великодушия были крупные природные бедствия: так, когда в 227 году до н. э. землетрясение опустошило город Родос, скинув знаменитого Колосса и разрушив большую часть крепостной стены и морские порты, родосцы, сообщает Полибий (V, 88), «ходатайствовали в полисах и особенно перед царями столь достойно и благородно, что не только добились значительных даров, но, помимо этого, их благодетели сочли за честь, что к ним обратились за помощью». Это стало соревнованием в щедрости между царями: Гиерон II Сиракузский и его сын прислали множество сосудов из драгоценных металлов и огромную сумму серебряными монетами, к этому были присовокуплены осадные орудия и право беспошлинного захода в порты Сиракуз для родосских судов; Птолемей III отправил в три раза больше серебра, материалы для восстановительных работ на флоте и реставрации Колосса и около полумиллиона гектолитров зерна; Антигон Досон поставил македонский строевой лес на корабли, железо, смолу и большую сумму денег; Селевк III подарил десять больших военных судов, освободил родосские корабли от таможенных пошлин в своем царстве, отслал зерно и материалы для морских сооружений. Прусий I Вифинский, Митридат III Понтийский и другие цари Малой Азии не остались в стороне и тоже поспособствовали возрождению Родоса из руин. Правда, перечислив эти статьи помощи, столь обильной и столь великодушно оказанной, Полибий подчеркивает по контрасту скупость государей своего времени

(он писал в середине II века до н. э.), но это весьма частый недостаток историка, который, вольно обращаясь с прошлым, легко становится *laudator temporis acti*¹.

Наконец, цари, которым необходимо было завоевать признательность и преданность своих приближенных и помощников, старались проявлять щедрость по отношению к отдельным лицам. Полибий, превознося достоинства государя Пергама Эвмена II, чьим современником он был, не забывает подчеркнуть и эту его черту: «Он был так жаден до славы, что не только осыпал своими милостями полисы, но и одаривал богатствами отдельных людей, как ни один другой царь его времени» (XXXII, 8). Монарх, естественно, мог взять из своей казны значительную сумму, чтобы пожаловать ее любому по своему желанию; ему нравилось смущать своей щедростью одариваемого — это было по-настоящему поведением царя. Так, Птолемей VIII Эвергет II рассказывает в своих «Воспоминаниях», как он рассчитался по долгу, погасив его в многократном размере. Когда он правил в Кирене в середине II века до н. э., он вынужден был на год возложить на полис обязанности эпони́ма, которые исполняли жрецы Аполлона. Согласно обычаю, для ежегодного праздника Артемиды этот жрец собирал на большой пир прежних исполнителей этой обязанности и предлагал каждому в память об этой церемонии большой кувшин, наполненный изысканными кушаньями, мясом дичи, птицей, соленой рыбой, которую привозили издалека. «Что касается нас, — заявляет царь в сохранившемся пересказе компилятора Афиней (XII, 73), — мы поступили иначе. Мы велели сделать огромные серебряные чаши, равные по цене затратам на обычные подарки; вдобавок к этому для каждого гостя мы дали полностью снаряженного коня с конюхом и фалерами, отделанными золотом, и мы пригласили их занять место в седле и таким образом вернуться домой». Как же было знати Кирены, ошеломленной и очарованной такой невиданной и неожиданной щедростью, не думать, что царь имеет иную природу, чем обычные люди?

Этим главным помощникам царь мог также пожаловать в пользование часть царских земель. Это называлось подарком,

¹ Ревнителем старины (лат.).

dorea, — обычай, который был не удивителен в эпоху, когда главным источником богатства была земельная собственность. В лагидском Египте о некоторых из этих имений, пожалованных царем своим друзьям, известно благодаря папирусам, в частности о пожаловании Птолемеем II Филадельфом своему министру экономики и финансов — диоикету Аполлонию. Расположенное на границе Фаюмского оазиса, в Филадельфии, это имение занимало площадь примерно в 2500 га, и о его систематической эксплуатации свидетельствуют 2000 папирусов из архивов управляющего Зенона. Речь не о полной передаче собственности, а о праве пользования, о передаче во временное владение части царских земель: во всяком случае, получатель в течение времени пользования этой концессии имел с нее значительные доходы, особенно если, как это делали Аполлоний и его служитель Зенон, старался распоряжаться ею наилучшим образом.

Этот же прием использовался, чтобы заручиться верностью наемных солдат, наделяя их землями, которые царь предоставлял им во временное пользование, пока владелец этой земли будет в состоянии служить в армии в случае необходимости. Такой земельный надел назывался *cleros* — отсюда слово «клерух», которым обозначали его держателя. Размеры клера варьировались в зависимости от ранга его владельца: в любом случае они позволяли клеруху не обрабатывать землю, а отдавать ее в аренду крестьянам. Эта система лучше всего известна по Египту благодаря папирусам. Со временем наметилась тенденция к переходу этого изначально пожизненного надела в наследственную концессию, а затем и в полную собственность. Такое закрепление греческих и македонских ветеранов в сельской местности как на азиатском Востоке, так и в долине Нила способствовало проникновению эллинского уклада в завоеванные страны. Несомненно, клерухи не жили непосредственно на своей земле, которую для них обрабатывали местные крестьяне: они поселялись в городе или в соседней деревне, где образовывали грекоговорящее общество, непосредственно соприкасающееся с местным населением. Так по-своему проявилась греческая традиция колонизации, всегда имевшая первой целью поиск в чужих странах пахотных земель, поскольку слишком скудные или слишком засушливые земли на их родине не могли прокормить ее население.

* * *

Проведя наш обзор, мы обнаружили основные черты монархического государства, сложившегося в эллинистическую эпоху. Оно кажется фундаментально отличным от прежнего, традиционного для греков представления о государстве как о полисе. В эллинистической монархии нет «гражданина» царства, так же как царь не воспринимается как должностное лицо, пусть даже верховное. Монархическое государство не отменяет греческий полис — оно существует в другой плоскости. Оно может включать в себя полис, не уничтожая его, но подчиняя его своим собственным целям. Эта система управления была предназначена для крупных, многосоставных, разнородных, полиэтнических территориальных образований, где варвары находились бок о бок с греками, где полисы, династы и народы сосуществовали друг с другом, где в гибких и одновременно эффективных рамках сохранялись разные обычаи и верования, где личность государя была постоянным и единственным ориентиром, потому что он был единственным, кто по неоспоримому праву коня обладал военным могуществом — очевидной властью, которую никто не мог оспорить, поскольку она подкреплялась победой или демонстрацией силы, которой он располагал.

Эта монархия родилась эмпирически, не имея теоретического обоснования. Необыкновенные походы Александра показали изумленным грекам, что способен создать один гениальный человек за несколько лет при весьма скромном количестве солдат. Эта демонстрация имела решающее значение, и урок вскоре был применен на практике диадохами, но имел разные последствия: по мере использования оказалось, что эта система эффективна только при достойном руководителе. Действительно, все держалось на личных качествах царя: те, кто в конце концов одерживал верх, могли утверждать, как Селевк Никатор, по словам Аппиана (Сирийские войны. 61), что «решения царя всегда справедливы и они суть закон, который признают все».

Конечно, потом появились философы, возобновившие апологетику монархического режима, которую развивали еще в IV веке до н. э. историк Ксенофонт в своей «Киропедии» и ритор Исократ в своих похвальных речах киприотским государям Эвагору

и Никоклу. Но ссылки на общественное благо и следование государем добродетели всегда было для эллинистических царей лишь темой для рассуждений, оправданием *a posteriori* сложившейся ситуации. Верховная власть осуществлялась сама для себя, и ей не нужно было доказывать свою необходимость, достаточно было ее эффективности — одно это устанавливало божественное право. Так, по крайней мере, это понимали греки, которые, несмотря на свою склонность к воображению, всегда демонстрировали паразитическую готовность признать очевидность факта.

Царь, таким образом, не стремился править на благо своих подданных или упрочивать процветание своей державы. Если говорить о свободе греков, то она была средством пропаганды, а не догматом. Его целью было сохранить, прославить и расширить по возможности, во всяком случае полностью взять на себя роль вождя, которую он завоевал или получил по наследству. В поведении царей не было никакой идеологии, разве что доказательства легитимности его власти: для этого вводился культ государя. Но он не озадачивался ни благоденствием своего царства, ни вынашиванием каких-либо далекоидущих планов, кроме политических. Администрация эллинистического монарха стремилась сохранить в неприкосновенности свой авторитет, ввести порядок, который облегчал бы руководство, и получить с царских владений максимально возможный доход. Эта администрация была сугубо прагматична: обеспокоенность о справедливости, о филантропии, о милосердии, которыми цари любили похваться, позволяла успокаивать умы. В зависимости от обстоятельств их сменяла строгость. Ни при какой другой форме государства власть не использовала столько уловок и оправданий.

Цари относились к грекам как к грекам, а к варварам — как к варварам, говоря с ними на их собственном языке. Принадлежавшие к греческой культуре, они считали естественным и удобным распространять свою цивилизацию и язык, но не видели необходимости навязывать их. У Селевкидов наряду с обиходным греческим языком беспрепятственно употреблялся обиходный семитский язык — арамейский. В лагидском Египте использовать египетский язык никогда не запрещалось, хотя официальные документы обычно составлялись на греческом. Государь не пытался подавить или искоренить местные верования, если только

они не были связаны с политическими интригами против царской власти, как это было в случае с иудейскими традиционалистами во время восстания Маккавеев. Сами греки были благосклонны к чужим богам, которых с легкостью уподобляли своим собственным: их цари, можно сказать, не проявляли культурного деспотизма.

Зато, осознавая, что их держава — это их личная собственность, государи с удовольствием подчеркивали это. Поскольку греческая цивилизация была городской и сосредоточивалась вокруг городов, — только основывая, завоеывая и развивая города, царь мог явить свое фактическое господство. И чтобы сильнее дать это почувствовать, в соответствии с древнейшими эллинскими верованиями, придававшими имени бога или человека крайне важное, если не магическое значение, они зачастую давали своим вновь образованным или завоеванным городам династические названия — по своему имени или по имени членов своего рода. Ничто очевиднее не обнаруживало эгоцентристский характер эллинистического государства, как необыкновенное распространение этой новой топонимии, которая отражала территориальные масштабы и силу личной власти монарха: население, которое он там размещал или контроль над которым брал на себя, отныне свидетельствовало о величии царя.

Еще Александр подал тому пример, основав Александрию Египетскую и многие другие одноименные города, которые вплоть до самой Александрии Дальней (Эсхате) в Центральной Азии за Самаркандом напоминали о его походе от одного до другого края империи. Диодохи сделали то же самое: Птолемей основал Птолемаиду в Верхнем Египте, Антигон Одноглазый — Антигонию в Вифинии, Деметрий — Деметрияду в заливе Воло, Кассандр — Кассандрию и Фессалоники в Македонии, Лисимах — Лисимахию в Херсонесе Фракийском. Тот же Лисимах переименовал Антигонию Вифинскую в Никею — по имени своей жены Нике, а знаменитое название города Смирна сменил на Эвридикию — в честь своей дочери Эвридики, но это нововведение не прижилось. Селевк, говорят, основал девять городов, которые назвал Селевкиями, и шестнадцать — которым дал название Антиохия — по имени своего отца Антиоха. Его последователи, подражая ему, добавляли к именам собственно царей другие династические имена: все

эти Стратоникеи, Лаодикеи, Апамеи напоминали о Стратонике, Лаодике и Апомее — женах или дочерях Селевкидов. Так же поступали и Лагиды, назвав несколько городов Берениками и Арсиноями, помимо новых Птолемаид в Киренаике, Палестине и Ионии. Атталиды не остались в стороне: во Фригии появилась Эвмения, в Мисии — Филетерия (по имени основателя династии), а также несколько Атталей: в Мисии, Лидии и особенно в Памфилии (сегодня Адалия). Монархи азиатского происхождения вдохновились этими примерами: в Вифинии Прусий I основал Прусу (Бруссу) а Никомед I — прекрасный город Никомедию. В Понте Фарнак I около 180 года до н. э. основал Фарнакию на берегу Черного моря, а Митридат Эвпатор — Эвпаторию, тогда как его стратег Диофант установил еще одну — в Крыму, возле Севастополя. Даже государи Армении последовали этой тенденции: Артаксий около 185 года до н. э., возможно по совету Ганнибала, основал Артаксату на реке Аракс, впадающей в Каспийское море, а веком позже Тигран Великий собрал в Тигранокерте, в Верхней Месопотамии, население из двенадцати местностей этого региона для своей новой столицы; этот многообещающий эллинистический полис не был завершен, когда его заняли в 69 году до н. э. солдаты Лукулла, так что даже место, где он возводился, точно не известно.

Столь распространенный обычай имел очевидный смысл. Давая династическое имя городу, царь провозглашал его своим: он ставил свою печать на территорию. Он также разделял славу, которой эллинистическая традиция наделяла основателей — богов или героев. Первыми историческими трудами Греции были поэмы, пересказывающие историю — для нас мифическую — основания городов. Эллинистическая история вернулась к этой теме, как мы увидим, говоря о Каллимахе. Поэтому, когда царь вместо основания нового города давал династическое имя уже существующему, это был не беспричинный поступок, не просто замена одного названия другим в архивах, общественных документах и на картах. Такая операция, которую древние называли *метономасия* («переименование»), имела религиозное значение: она сопровождалась ритуалами и иногда приводила к переносу гражданского центра, даже если новое местоположение находилось вблизи старого. В данном случае городское благоустройство могло существенно улучшить условия жизни в полисе: так, Лисимах

построил новый Эфес на значительном расстоянии от прежнего города, чей порт был занесен аллювиальными наносами реки Каистр; он построил там новый порт и новую крепостную стену и назвал город Арсинойей — по имени своей жены, дочери Птолемея Сотера, будущей царицы Египта, это название не прижилось, но новый город быстро стал самым процветающим полисом Малой Азии.

Самый поразительный и самый значимый пример метономасии представляет собой Киренаика времен Птолемея III Эвергета. Брак молодого царевича, назначенного наследником своего отца Филадельфа, с Береникой, дочерью царя Магаса, который правил в Кирене, примирил оба царства. Тем не менее после восшествия на престол Эвергета в 246 году до н. э. пришлось предпринять военный поход в Киренаику, чтобы подавить сопротивление полисов в регионе, которые отказывались признавать лагидскую власть. Барка, Тохейра, Эвгеспериды, расположенные на западе греческой Ливии, были завоеваны. Эпиграмма Каллимаха (Эпиграммы. 37) напоминает об этих событиях. Это посвящение, оставленное в храме лагидского божества Сараписа от имени наемника, уроженца критского города Литтос, служившего в войсках Птолемея во время этой кампании: «Литтиец Менитас, посвящая это оружие, заявляет: „Смотри, вот мой лук и мой колчан, Сарапис. Я даю их тебе! А стрелы остались в телах жителей Эвгесперид”». Чтобы наказать бунтовщиков, Птолемей III нанес удар по древним городам, кроме Кирены, чья лояльность была вне сомнений. Три других подверглись метономасии, сменив свои изначальные названия на династические лагидские имена. Барка, древний внутренний полис, граничивший и соперничавший с Киреной, сместился к своему порту, который был расположен в 25 км от него и который получил название Птолемаида, заместил свою метрополию и стал управлять ее богатой территорией. Тохейра, старая морская агломерация, появившаяся на заре колонизации, теперь стала называться Арсинойей. Эвгеспериды, самый западный греческий полис в Африке, известный по древнему мифу о Гесперидах и путешествии Геракала в Ливию, потерял свое традиционное название и был переименован в честь Береники, официально признанной царицы, дочери Магаса: кроме того, город был слегка смещен к западу, к более удобному порту между

рекой Сирт и заливом, в котором он до тех пор располагался. Окруженный новой стеной, он пережил новый расцвет.

Таким образом, государи перекраивали мир своей властью. Если представить материальные условия, в которых они управляли этим древним миром — таким разрозненным, таким трудным для сообщения, таким разнородным, остается лишь удивляться, что эти монархические государства просуществовали так долго и оставили такой глубокий след в самых разных странах. Перемещаясь лишь на лошадях и лодках, цари умудрялись следить за своими землями, передавать свои приказы, получать новости и сообщения. Конечно, они вели войны, поскольку это был непреложный закон, которому подчинялся греческий и варварский мир. Но они также создавали и сохраняли сложные политические союзы, поощряли инициативы, помогали народу, потому что это была их функция, по крайней мере, они были в этом убеждены, и общественное мнение это признавало. Вряд ли столь здравомыслящее и столь изысканное общество просто так позволило бы воплотиться верховной власти в одном-единственном человеке. Несомненно, они смутно ощущали необходимость такой исключительной персонализации власти: эффективность и долговременность системы позволяли это предполагать. Во всяком случае, то, что этот исторический феномен так долго сосуществовал с социальными, политическими и ментальными рамками греческого полиса, не нарушая их, придавало эллинистической эпохе поразительную оригинальность.

Глава 8 ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И НРАВЫ

Как жили люди в этом столь обширном и разноликом эллинистическом мире, где сосуществовали две такие разные формы государства, как полис и монархия — и та и другая собственно греческие, — которые поддерживали между собой сложные и противоречивые отношения? Как изменились с классической эпохи рамки повседневной жизни? Как повлияли на обычаи и нравы эллинов деятельность Александра и его преемников? На эти вопросы мы попытаемся ответить, сосредоточившись на наиболее оригинальных аспектах греческой цивилизации этого трехсотлетнего периода.

Разумеется, во многом, особенно в Элладе, изменения в обычаях не были существенными. Но, естественно, имела место эволюция по отношению к классической эпохе, где, впрочем, уже в IV веке до н. э. появились предвестники этой эволюции, столь очевидные, что, как говорилось во введении к этой книге, некоторые современные историки возводят начало эллинистической эпохи к середине IV столетия до н. э. Если, таким образом, архаическую и классическую цивилизацию греческого мира можно было представить в относительно простой и последовательной форме, то здесь речь идет уже не о том, чтобы нарисовать другую, столь же последовательную картину, но внести в прежнюю необходимые уточнения относительно того, что подверглось изменениям. Замечания, приведенные далее, не преследуют цель дать обобщенную картину жизни этой эпохи — слишком богатой и слишком сложной, чтобы ее можно было упрощать.

Собранные в произвольном порядке, они скорее побуждают к свободному размышлению о способности эллинов приспособляться к новым условиям жизни и выводить из этого опыта правила поведения и образ мысли, позволяющие им превосходить одних и извлекать пользу с помощью других. Словом, эта глава — своего рода «эссе об образе жизни», которое не стремится что-то доказать, но лишь экспонирует.

* * *

Экономика в эллинистическом мире оставалась, как и прежде, по преимуществу аграрной. Основным богатством была земля, мы это неоднократно повторяли, и жизнь людей напрямую зависела от землепользования. Это было очевидно в крупных монархиях, но в меньшей степени это относилось и к полисам: не было полиса, который бы мог выжить, не имея территории, *хоры*, которая обеспечивала бы его средствами существования. Старое сочетание городского конгломерата и окрестных территорий, используемых земледельцами и пастухами, оставалось общим правилом для греков; отсюда значение, которое приобретали для них пограничные споры, даже если речь шла о бедных участках для выпаса в горах и, что касается прибрежных островов, об их владениях на континенте, которые обеспечивали их значительной долей ресурсов. Такие продолжения территории за проливом назывались *переем* — буквально «земля на другом берегу» пролива. Нам известно об их расширении и жизненной необходимости для некоторых крупных островов Эгейского моря, таких как Фасос к северу у фракийского побережья, Самос, лежащий напротив Ионии, и Родос вблизи Карики. Когда после сражения при Пидне римляне лишили Родос большей части анатолийского переема, это стало для богатого полиса серьезным ударом, последствия которого проявились быстрее, чем эффект от конкуренции, вызванной созданием свободного порта Делос.

Действительно, несмотря на развитие морской торговли, почти все полисы были практически автаркичны — жили за счет ресурсов собственных территорий. Отсюда неизменная значительность крестьянского элемента в населении и внимание, уделяемое

даже городскими жителями сельской местности и сельской жизни. Разумеется, в этом не было ничего нового: от Гесиода до Аристофана и Ксенофонта пристрастие греков к земле, к ее обработке и к любованию ее пейзажами оставалось неизменным. Но отныне это становится объектом более систематического интереса: буколическая тема появляется в литературе и искусстве уже не в связи с местом действия, но будучи особым источником вдохновения, к которому сознательно обращается автор. Благодаря этим письменным и изобразительным документам мы можем с определенной уверенностью восстановить сельскую жизнь того времени.

Текст, лучше всего воссоздающий эту жизнь в Элладе, долгое время был неизвестен: это разыгранная в 317—316 годах до н. э. пьеса афинского комедиографа Менандра, большая часть которой была обнаружена в середине XX столетия на папирусном свитке и которая называется «Брюзга» (по-гречески «Dyskolos»), или «Мизантроп». Ее герой — мелкий землевладелец в Аттике по имени Кнемон, возделывающий небольшой участок в отрогах Парнаса на севере равнины Элевсина, у деревни Фила. Мы не будем здесь задерживаться на событии, которое послужило поводом к написанию этой комедии, зато покажем, с какой живостью описаны в ней сельский образ жизни и нравы. В этом отдаленном и малоплодородном регионе земля тем не менее ценилась высоко: скудное поле Кнемона, «щебень, на котором растет лишь тимьян да шалфей», стоит два таланта — внушительная сумма. Скупой и нелюдимый владелец сам обрабатывает свою землю, перекапывая ее киркой, не прибегая к обычной помощи рабов или батраков. У него есть дом, за которым следит старый слуга, обстановка в нем сведена до минимума, что поражает посетителей, привыкших встречать больший комфорт, даже в сельских жилищах. Хотя мизантропия Кнемона заставила его выбрать этот уединенный уголок горной долины, туда все равно проникает внешний мир: окрестные жители приходят поклониться сельским божествам — Пану и нимфам, святилище которых находится рядом в гроте, где проходят ритуальные трапезы, и люди из города охотятся в этих краях Аттики, изобилующих дичью. Такова картина, представленная Менандром, весьма живописная, тем более что она создана не ради себя самой, а лишь как место развития действия и раскрытия характеров персонажей. Ничего говорящего о систематическом

возделывании земли, никакой заботы о повышении урожайности, никаких указаний на сосредоточение земельной собственности в руках сокращающегося класса собственников.

Однако именно эта картина дает нам представление о большей части континентальной и островной Греции в эллинистическую эпоху и более ранние времена: мозаика мелких владений, обрабатываемых своими собственниками при помощи наполовину свободных, наполовину зависимых рабочих, живших с ними на этой земле. Эти мелкие свободные крестьяне и владельцы всегда были самым многочисленным населением старых греческих государств, даже если случалось, что некоторые, увязнув в долгах, вынуждены были продавать свои земли богатым гражданам, которые таким образом составляли *латифундии*. Этот социальный феномен возник, по-видимому, во II веке до н. э., когда войны с римлянами разорили деревни. Полибий, бывший свидетелем этого, констатировал и сожалел, что в эту эпоху сельская местность обезлюдела. Однако этот процесс трудно проследить, и его значение неоправданно преувеличено. Сам Полибий был сторонником самого богатого грека того времени — этолийца Александра, состояние которого оценивалось в двести талантов, то есть всего в сто раз превышало стоимость жалкого участка в аттической деревне, на котором жил мизантроп Кнемон. Это сопоставление позволяет оценить более точно, без завышения, эффект этого сосредоточения пахотных земель в руках немногочисленных владельцев, которое современные историки, склонные к поспешным экстраполяциям, пытаются обнаружить в эллинистической Греции. Если в определенные моменты у самых бедных возникала потребность в отмене долгов и перераспределении земель, то мы не видим, что это получало какой-нибудь отклик, за исключением Спарты, где Агис IV, Клеомен III и Набис последовательно пытались удовлетворить эти требования. Дело в том, что в лакедемонском государстве концентрация земель приняла наибольший размах, и это в сочетании с особым видом рабства, который представляли собой илоты, не характерные для остальной Греции, долгое время создавало в Лаконии напряженную ситуацию. Таким образом, социальные реформы, на время вводимые этими царями, не были поддержаны в других греческих полисах при всем разнообразии их

политических режимов. Не дает ли это основания полагать, что, если стремление к новому перераспределению земель было глубоким и широкораспространенным, тогда тот или иной полис приходил к его осуществлению на практике? Стабильность земельной системы, несмотря на беспорядки, причиняемые грабежами и войнами, свидетельствует об относительном равновесии земельных владений.

Землевладельцы к тому же широко практиковали аренду; таким образом, крестьяне, продавшие свою землю, могли продолжать обрабатывать ее как арендаторы. Эта система позволяла городским жителям иметь земельную собственность и получать с нее доход. Для храмов это также было средством извлечения прибыли с владений, принадлежавших им издавна или переданных им верующими, обычно с точными указаниями о распоряжении доходами, приносимыми их дарами в казну бога. Заведование священным имуществом требовало от уполномоченных для этого магистратов представления счетов. Поскольку некоторые из этих документов дошли до нас благодаря надписям, обнаружившим эти счета, мы можем получить из них косвенные указания об организации эллинистических земельных хозяйств. Наиболее информативны надписи с Делоса. Сакральные земли были сосредоточены в южной части острова, где не было храмов и городских кварталов, и на самой протяженной территории — на острове Ренея, расположенном к западу от Делоса, за узким, легко преодолимым проливом. Управляющие священной казной, которых называли *hieropes*, представляли ежегодные счета и производили передачу в аренду земельных владений. Они составляли списки всего входящего в эти владения: поля, сады, жилые и хозяйственные строения. Таким образом, например, в 279 году до н. э. упомянутое владение на Ренеи включало в себя «дом из двух комнат с одним входом, хлев без ворот, овчарню без ворот, строение без кровли, башню с воротами и ворота, ведущие во двор». Внимание, уделяемое государством воротам и крышам, объясняется дефицитом строевого леса и пиломатериалов на Кикладах; та же озабоченность видна в египетских папирусах, поскольку пальма не годится для изготовления бруса и досок. Эти документы позволяют, таким образом, представить объекты сельских поместий. В них также содержится ряд указаний

о размерах арендной платы в денежном эквиваленте: но эти уточнения слишком немногочисленны и им не хватает дополнительных сведений (например, о размерах и качестве обрабатываемых земель), чтобы из них можно было делать серьезные заключения в сфере экономической истории.

Помимо пахотных земель, эллинистические крестьяне широко пользовались пастбищами, которых было предостаточно в гористой местности, непригодной для земледелия, неблагоприятной для лошадей и волов, но подходящей для выпаса овец, ослов и мулов. Среди сельского населения было очень много пастухов: одни на лучших участках были погонщиками крупного скота, другие, которых было большинство, приглядывали за баранами, козами и свиньями. Эти стада содержались не только ради молока и мяса, но также для получения кожи и шерсти — основного сырья ремесленников. Экономическое значение этого скотоводства было огромным, как и его роль в сфере, в которой участвовало все население, — в религии: жертвоприношение одного или нескольких животных оставалось главным культовым актом, и самые лучшие особи из поголовья предназначались богам. Имело место также птицеводство, особенно разведение голубей для жертвоприношений. Жизнь пастухов, которых в сельской местности можно было встретить на каждом шагу, отныне становится любопытной сама по себе. Чувства, которые ранее выражались лишь в такой традиционной форме народной набожности, как «песнь козлов» — хоры сатиров, породившие трагедию, — находят другие средства выражения: рождается буколическая поэзия, и это одна из примечательных черт эпохи. Ее первый представитель, сиракузянин Феокрит, в высшей степени утонченный и образованный, был тем не менее крайне внимателен к языку селян, который он умело использовал в стихах. Таково просторечие, на котором говорят его жнецы:

Что, не завидная ль жизнь у лягушки, не правда ль, ребята?
Нет о питье ей заботы, кругом его всюду обилье.
Ну-ка, надсмотрщик-жадюга, ты лучше б варил чечевичу;
Надвое тмин не расколешь, лишь зря себе руки порежешь¹.

¹ Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

Стиль этих деревенских «идиллий» близок к стилю, который сочинители эпиграмм предлагали приносящим вотивные дары в лесные и сельские святилища, для которых их фантазия рождала стихотворные надписи. При этом тема охоты, развлечения горожан, а также выгодное занятие селян, теперь чаще встречаются у поэтов — уже вне мифологического сюжета: сельская реальность сама становится источником вдохновения, делая излишним обращение к Мелеагру, Гераклу или Тесею. Она уже не является больше средством удовлетворения физических потребностей, но приносит удовольствие от преследования добычи в дикой природе. Каллимах (Эпиграмма. XXXI) упоминает также тех, кто в его родных краях бродит по лесистым и пустынным вершинам Киренаики: «Охотник бежит в горах, разбирая следы зайцев и косулей, оставленные на изморози или свежем снегу. Скажешь ему: „Глянь, вон подстреленная дичь” — он даже не поднимет ее!» Было бы ошибкой увидеть здесь просто игру слов: эти аллюзии передают глубокое чувство, которое даже у городских жителей было абсолютно искренним. Кроме того, цивилизация, где городские конгломераты чаще всего не отличались большими размерами и где обычным способом передвижения была ходьба пешком, способствовала контактам городского населения с сельской местностью, которые никогда не прерывались. Отсюда искренние интонации этих текстов, которые трогают нас по сей день.

Недавние труды археологов и историков постепенно позволяют лучше понять, как использовались земли в Элладе и особенно за пределами Греции: аэрофотосъемка, проверенная затем непосредственным исследованием почвы, определила границы полей и обнаружила существование кадастра, который с самого начала устанавливался в новых землях и, во всяком случае, контролировался официальной властью. Особенно исчерпывающе в этом смысле было исследование, проведенное в Южной Италии и на Сицилии, а также в Южной России, в районе Ольвии, в общем эстуарии рек Буг и Днепр, и в Крыму. Сейчас ведется изучение Киренаики. Из этих изысканий следует, что плотность обрабатывавшихся греческими земледельцами земель выше, чем можно было предполагать. Число имений в сельской местности значительно: построенные из грубых и недолговечных материалов, таких как сырцовый кирпич, традиционно используемый для

хозяйственных построек, они обычно не становятся объектом исследования археологов. Но сегодня мы лучше умеем находить их, а объекты определенного типа могут быть изучены более тщательно: например, «дом с башней», большое имение, у которого по крайней мере один угол был занят четырехугольной башней с толстыми стенами для лучшей защиты его владельцев в случае нападения. Таким было имение на Ренеи, описанное выше. Похожее строения можно обнаружить на другом конце эллинистического мира, и то, что в текстах они тоже названы башнями, доказывает, насколько яркой была эта оригинальная особенность. Таким образом сельский дом выглядел более монументальным, более прочным, и его высокий силуэт бросался в глаза на фоне деревни. Эллинистические художники запечатлели его на фресках, крашенных панно и мозаике на итальянских виллах в Помпеи, Геркулануме и даже Риме. Это были наброски к первым замкам эпохи расцвета Средневековья.

В лагидском Египте, где папирусы предлагают предостаточно сведений о сельском жилище, преобладала та же концепция упрощенной архитектуры: «нильские» пейзажи уступают место домам с башней, и при всех диктуемых климатом и местными техническими традициями требования мы обнаруживаем в письменных документах те же самые термины для тех же самых частей жилища, что и в других текстах греческого мира. Однако греки, македоняне и эллинизированные азиаты, проживавшие в египетских деревнях, продолжали учитывать особые условия долины Нила: концентрация поселений на возвышенностях, иногда создаваемых искусственно, которые не подвергались ежегодному затоплению речными водами, традиционное использование кирпича из ила, смешанного с соломой и высушенного на солнце, и деревянных креплений, поскольку камня в долине не было, запасание воды на уступах вместо вырытых в земле цистерн и, естественно, плоские крыши. Большое число крестьян европейского происхождения тоже жили в деревнях в долине Нила или в Дельте, — владельцы земельных участков, которые они обрабатывали сами или сдавали в аренду местным арендаторам. Их образ жизни можно восстановить по архивам Зенона, который был управляющим диоикета Аполлония и заведовал большим имением своего хозяина в Филадельфии, на границе

с Фаюмским оазисом. Из его писем и деловых бумаг видно, что этот человек, наделенный, безусловно, значительными полномочиями на своем месте, соблюдал традиции греков из Кавна, откуда он был родом, — города в Карии, противоположного острову Родос. Несмотря на то что он был богат и присваивал себе значительную часть доходов своего хозяина, его питание было по-эллинистически традиционно простым: хлеб и соль, рыба, масло, овощи и фрукты, — таков был его обычный рацион. Зато в праздничные дни для его гостей подавались более изысканные блюда: мясо, птица и дичь, пироги, тонкие вина, которые привозились из чужих земель, а также мед и экзотические плоды, такие как грецкий орех с Черного моря. Не забудем при этом о серебряной посуде, цветах и благовониях. Эта дорогостоящая обстановка отвечала требованиям религиозной жизни и социальных взаимоотношений. Если Зенон упорно работал — свидетельство тому его письма, счета, записки, черновики, разнообразие дел, которыми он занимался, — то иногда он мог и развлечься. Он любил охотиться, как и его хозяин: дикие буйволы, козы, газели и кабаны частенько забредали в заболоченные земли Фаюма. Один из этих последних, свирепый, как Калидонский вепрь, как-то напал на Зенона на охоте; его спасло только бесстрашие собаки молосской породы по имени Таврон, которая бросилась на кабана и даже тяжело раненная вцепилась ему в горло и разжала челюсти, пока не повалила его. Собака умерла от ран, и Зенон, преисполненный благодарности, возвел ей гробницу, для которой талантливый поэт сочинил двойную эпитафию: одну — элегическим дистихом, другую — ямбическим трехстишием, копия которых была обнаружена в бумагах Зенона. Любопытный эпизод — он прекрасно показывает, на каком уровне находилась культура этих греческих колонистов, укоренившихся вдали от городов, в глубине египетских равнин.

Другие документы позволяют нам узнать, как протекала повседневная жизнь сельских общин, которые колонисты, долгое время населявшие деревни в Дельте, организовывали так, чтобы вдали от крупных городов сохранить свои эллинистические традиции. Как и в Элладе, эти люди объединялись в общины, естественным образом складывающиеся вокруг культа, со своими лидерами и своими меценатами, на щедрости которых держались мирные

отношения в рамках церемоний, которые собирали в установленные дни членов этих общин, настоящих клубов, выступающих местными хранилищами эллинизма. Замечательный пример дает надпись, обнаруженная в Псенемфае — деревне, расположенной на краю дельты Нила, почти посередине между Навкратисом и Александрией. Это стела с фронтоном, тап которой был хорошо известен в греческом мире; на ней высечен текст декрета, принятого общиной «собственников» Псенемфаи в 5 году до н. э. при принцепате Августа; смена политического режима, сопровождавшая римское завоевание, еще никак не сказалась на заселении и укладе эллинизированного Египта. Эти собственники земельных владений образовывали общину, которая собиралась в здании, называвшемся Клеопатрейон, которое повелел построить при Лагидах некто Арисон в честь одной из цариц, носивших имя Клеопатра. Во главе общины стоял знатный человек по имени Теон, игравший одновременно роль жреца, председателя и мэра деревни (*комарха*). Он как раз скончался в то самое время, когда зданию общины и его обстановке был причинен серьезный урон необычно сильным разливом Нила. Было необходимо решить вопрос о восстановлении имущества и замене умершего главы. Как это часто бывало в греческих общинах эллинистической эпохи, возможные кандидаты на такие должности — очень почетные, но требующие больших расходов, — ходатайствовали об освобождении от них, так что единственный сын Теона, Аполлоний, великодушно принял на себя все функции, которые исполнял его отец. Декрет, вынесенный собранием собственников, упоминает о проявлениях этого образцового самопожертвования в интересах общины, в том числе о восстановительных работах разрушенного здания и его обстановки, проведенных на средства Аполлония. Далее текст перечисляет почести, которые были пожалованы с единодушного одобрения этому выдающемуся благодетелю: с него были сделаны два портрета (живописный и скульптурный в виде круглого барельефа); его второй сын, еще подросток, несмотря на юный возраст, получил исключительную привилегию присутствовать на пиршествах общины; на всех пирах Аполлония увенчивали и предоставляли двойную долю от стола; на перекрытии входа была высечена надпись, напоминающая, что здание было восстановлено на его средства; наконец, у входа устанавливалась стела,

на которой был записан декрет (как раз тот, что дошел до нас). Различные дополнительные постановления имели целью установить неоспоримую власть нового главы общины землевладельцев, запретив любое несогласие с принимаемыми решениями под угрозой тяжелого штрафа в три тысячи драхм, или в полталанта.

Этот прекрасно сохранившийся эпиграфический текст очень показателен. Он доказывает непрерывность традиций в этих маленьких эллинистических общинах, даже теряющихся в массе египетских феллахов: после трехсотлетнего существования в среде местных жителей, плотной и имеющей четкую организацию, эти греческие крестьяне, владельцы своих наделов, полностью сохранили свои верования, свои обычаи и свой язык. Никаких следов местного влияния — ни в выражениях, ни в нравах. Посреди нильского ландшафта, обусловленного местным климатом и зависящего от разливов, к которым необходимо привыкнуть, эти греки всегда жили как греки. Они отправляли свои культы, они собирались на пиры, они поддерживали формы традиционного общения между людьми, соблюдая дедовские обряды в общественной жизни и с правилами, передаваемые из поколения в поколение. На этой африканской земле, столь отличной от краев, откуда были родом их предки, только такая преданность могла сохранить их этническую самобытность. Чувство общности сохранялось благодаря таким общинам, члены которых собирались в установленные дни, соблюдая незыблемый церемониал. Собственники Псенемафаи были особенно признательны председателю Аполлонию, аккуратно устраивавшему пиры в необходимые дни: они знали, насколько важен ритуал для жизни общины! Но в то же время их декрет обнаруживал, что среди них, как и во всех полисах эллинистического мира, доминирующее положение занимали знатные люди: это на их самопожертвовании держалось нормальное функционирование институтов, это от их щедрости зависело содержание в порядке имущества общины, как движимого, так и недвижимого. Без их помощи, оказывать которую в условиях приходящих в финансовый упадок сообществах становилось все труднее, эллинизм как таковой был бы в опасности. Поэтому так приумножались почести в отношении небольшого числа богачей, которые не уклонялись от возлагаемого на них общественного долга. Их самолюбие разжигали обращением к родовым связям:

следование примеру близких или дальних предков (в данном случае, отец Аполлония), побуждение молодежи встать на путь общественного служения (в данном случае экстраординарное распространение на ребенка почестей, предназначенных для взрослых). Декрет общины собственников Псинемафаи имел отголоски на другом побережье Средиземного моря, в декретах, которые греки Фасоса приняли в это же время для женщины по имени Эпия, восстановившей культовые здания и содержавшей на свои средства отправленные культы в полисе. Тогда везде одни и те же поводы производили один и тот же эффект.

* * *

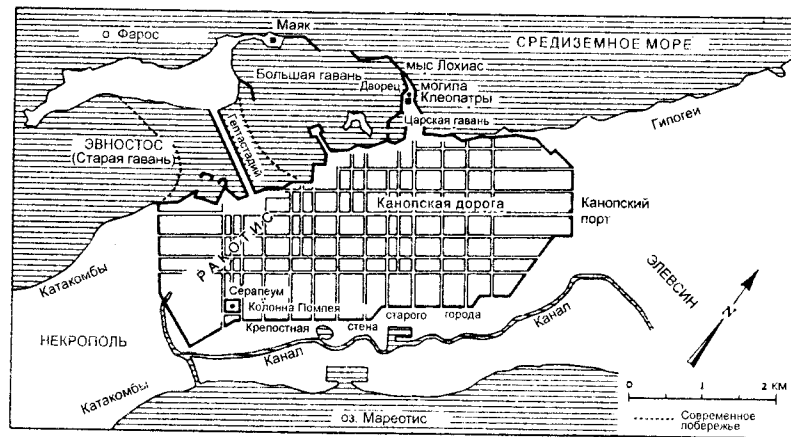
Хотя сельское хозяйство было основой эллинистической экономики и хотя отношения к природе стало более осознанным и более утонченным, греческая цивилизация в эту эпоху по-прежнему была тесно связана с городом: полис и политически и топографически, как и прежде, предоставлял оптимальные условия для личной и коллективной жизни и был очагом политики и культуры. Города в совокупности развивались и расцветали как в Элладе, так и в колониях и монархиях, и именно умножая основание новых полисов, государи закладывали в своих далеких азиатских владениях жизнестойкие основы для эллинистического населения. В течение трех столетий урбанистический феномен, уже сильно проявившийся в греческом мире в древнюю и классическую эпохи, принимает оригинальные формы, которые впоследствии были перенесены в имперский римский мир и которые довольно отчетливо отличались от предыдущего периода, относительно которого мы и попытаемся их определить. Они в разной степени касаются городской планировки, частного жилья, коммунального хозяйства и монументальных ансамблей.

Разумеется, об эллинистической концепции городской планировки можно говорить только применительно к новым полисам. Старые города принимали свой облик по мере медленного роста и сохраняли свой древний вид, со своими узкими и извилистыми улицами, прохождение которых, говорил Ле Корбюзье по поводу Агригенты, разрабатывал не архитектор, а осел, поскольку он соответствовал тропам вьючных животных (то же самое

наблюдается до сих пор в большинстве греческих деревень). Зато в мире, протяженность которого невероятно выросла, особенно в Азии, в этих новых землях в большом количестве закладывались города. Кроме того, как мы видели, по политическим и географическим причинам древние полисы переносились на другое место и, можно сказать, основывались заново. Наконец, некоторые города приходилось в большей или меньшей степени восстанавливать после разрушения, причиненного либо людьми, либо природными катаклизмами. Таким образом, в этом смысле это была особенно созидательная эпоха. Некоторые данные, предоставляемые текстами и раскопками (последние еще очень недостаточные, поскольку масштабное исследование городских поселений обходится дороже всего), обнаруживают по крайней мере одну сильную тенденцию, характерную для всего греческого мира: широчайшее использование плана шахматной доски, называемого также милетским, потому что, скорее всего, его разрабатывали в V веке до н. э. архитекторы и политические мыслители Милета, такие как знаменитый Гипподам, современник Перикла, придумавший планировку Пирея. Это простой и рациональный способ спроектировать новый город, разделив его с помощью ортогональной сетки продольных и поперечных улиц на прямоугольные кварталы одинаковых размеров. Таким образом, жителям предоставляются четко ограниченные и сопоставимые по масштабам земельные участки, а для общественных зданий и мест — как гражданских, так и религиозных — выделяются необходимые площади, соответствующие одному или нескольким кварталам. Совершенно естественно, что основатели городов должны были использовать такой удобный способ, который также позволил бы надолго вперед предусмотреть развитие конгломерата и оставить целые районы для застройки будущих кварталов, место расположения которых уже было бы намечено. Так сегодня работают урбанисты новых регионов, в Бразилии например. Это тоже идет от Милета, большого города, который был полностью разрушен персами в 494 году до н. э. после восстания в Ионии и в течение веков постепенно восстановлен в соответствии с грандиозным планом, который милетские архитекторы разработали после окончания персидских войн. Показательный пример, поскольку это просто чудо, как город, считавшийся самым населенным в древнем мире,

разросся благодаря ресурсам, которые принесло ему коммерческое процветание и щедрость правителей, не нарушив рамок, приданных ему изначально: это обнаруживает одновременно здоровую проницательность, с которой проектировщики подходили к стоящей перед ними задаче, и чувство преемственности, проявленное жителями в последующие века.

Как мы видим, эллинистические архитекторы в этом отношении не придумывали ничего нового, а последовательно использовали этот урбанистический рационализм, который было удобно применять на новом месте. Самый поразительный пример — это, без сомнения, Приена, небольшой полис в нижнем течении Меандра, к северу от Милета. Город был заложен на своем нынешнем местоположении в третьей четверти IV века до н. э., то есть в самом начале эллинистической эпохи. На крутом склоне, обращенном к югу, были расположены жилые кварталы с соблюдением планировки шахматной доски, участки которой имели одинаковый размер: 160 на 120 шагов (приблизительно 47×35 м). Улицы, пересекающиеся под прямым углом, размечались по двум осям, ориентированным по кардинальным направлениям: север — юг, восток — запад. Они поднимались по склонам, нисколько не изгибаясь, так что улицы, идущие с севера на юг — в самом крутом направлении, — шли уступами. Только в верхних кварталах, где находился театр и галерея святилища Афины, улицы направления восток — запад были почти горизонтальными. В эту схему включались общественные сооружения: театр, здания совета, или булеветерий, храм Афины (который был возведен в эпоху Александра архитектором Пифеем, автором знаменитого галикарнасского мавзолея), агора со святилищем Зевса Олимпийца и, наконец, гимнасий у подножия холма. Только место для тренировок и стадион, бывший продолжением палестры к востоку, не соблюдают ортогональную планировку и располагаются по диагонали: это нарушение продиктовано необходимостью создать абсолютно ровную площадку протяженностью 200 м. Город опоясывала широкая крепостная стена, расположение которой определялось сугубо военными соображениями и не учитывало прямоугольной планировки. Стена взбиралась на склон гораздо выше, чем жилые кварталы: она охватывала отвесную скалу, возвышавшуюся над городом, и на высоте 380 м образовывала закрытую нишу,

10. План Александрии

Город расположился между морем и озером Марейотис от старого исконного поселения Ракотис на западе до Канопских ворот на востоке, за которыми находился пригород Элевсин. Шахматный план возможно восстановить только гипотетически, потому что современный город полностью перекрывает античный полис. Остров Фарос, на восточной оконечности которого был установлен Маяк, свя-

зан с материком искусственной дамбой Гептастаций. На востоке Большая гавань, защищенная двумя молами, ограничена с запада на юг царским кварталом с дворцом, Мусеем и Библиотекой. На западе, гавань Эвностос сообщается с Большой гаванью благодаря двум проходам, проложенным через Гептастаций и снабженным мостами. Некрополи согласно обычаям находятся вне города.

служившую акрополю. Таким образом, стена не дублировала застроенную часть города: она опоясывала более широкое пространство, которое могло при случае стать убежищем для жителей деревень. Такая ситуация часто складывалась в эллинистических полисах, но и в более раннюю эпоху подобных примеров было предостаточно.

Пример Приены особенно показателен, потому что это был небольшой полис, насчитывавший четыре-пять тысяч жителей, и потому что его городскую планировку можно обстоятельно изучить в наши дни, имея возможность вести раскопки на большей части застроенной площади. В этом отношении изучение самого крупного полиса эллинистического мира — Александрии — имеет совсем другие условия: современный город расположен на месте древнего, точечные раскопки которого практически не

позволяют восстановить подробный план. Но тексты говорят о нем достаточно, чтобы мы могли с уверенностью утверждать, что в этой крупной столице, так же как и в Приене, придерживались принципа ортогональной планировки. Александр поручил спроектировать новый город, которому завоеватель хотел дать свое имя, архитектору Дейнократу с Родоса. Плутарх (Жизнеописание Александра. 26) и Страбон (XVII, 1, 6—792) рассказывают некоторые подробности об обстоятельствах основания города. Первый приписывает выбор места сверхъестественному знаку свыше: царь увидел во сне старца Гомера, который процитировал два стиха из «Одиссеи» (IV, 354—355), в которых упоминался остров Фарос, лежащий у египетского побережья. Поэтому Александр, с детства воспитанный на гомеровских поэмах, отправился на это место и, удостоверившись, что географические условия удовлетворяют его замыслу, решил основать здесь будущую Александрию. Согласно Плутарху, эта история принадлежит александрийскому писателю II века до н. э. — Гераклиду Лембу, что в какой-то степени является порукой ее правдивости. В любом случае, она показывает, в эту эпоху самые блестящие политики все еще придавали большое значение божественным знакам для принятия совершенно прагматических решений.

На самом деле вдоль этого берега Дельты, низкого, песчаного, неудобного, открытого всем морским штормам, убежище, предоставляемое судам островом Фарос, протяженностью более трех километров, лежащего в километре от берега, было как-никак кстати и образовывало естественный канал, доступный и с востока и с запада, который легко можно было превратить в порт, соединив остров и материк дамбой. Дамба была сооружена тем не менее с двумя разъединениями, преодолеваемыми с помощью мостов, для того чтобы суда могли пройти из восточной (или большой) гавани в западную, называемую Эвностос («благополучное возвращение»). Общая протяженность постройки с двумя мостами составила семь стадиев (чуть более 1200 м), отсюда ее название — *Гептастаций*. Другие дамбы защищали восточную гавань, используя край побережья, носивший название мыс Лохиас. Таким образом, город являлся безопасным пристанищем на морском пути, ставшим вскоре еще более надежным для судов после возведения на восточной оконечности острова знаменитого маяка.

За этим портом, пристать к которому греческим кораблям было легко при любом направлении ветра и при любых волнах, на почти плоском перешейке, который отделялся от моря широкой лагуной озера Мареотис, куда впадали каналы, идущие от канопского рукава Нила, располагался сам город. Таким образом, он был защищен водой и с юга и с севера и сообщался через озеро и каналы с внутренним Египтом, а через свои порты — с остальным миром. Он находился на окраине Дельты, но испытывал влияние ее культуры и благоприятное воздействие морских бризов и этезиев¹, делающих лето не таким знойным, как на остальной части Египта, так что это действительно было удачное местоположение, которое жители Александрии ценят до сих пор. Согласно Страбону и Плутарху, Дейнократ и его помощники прямо на земле перешейка начертили план города в виде хламиды, то есть прямоугольной накидки, длина которой больше ширины и два нижних угла которой закруглены: линия укреплений, идущая от побережья, опускается перпендикулярно к югу и соединяется с озером, образуя с каждой стороны изгиб. Сеть поперечных и продольных улиц, по которым могли пройти лошади и проехать повозки, то есть достаточно широких, разделяла город на кварталы. Две главные оси, одна восток — запад длиной пять километров, другая — север — юг длиной два километра, пересекались примерно по центру и их ширина была поразительна, поскольку она превышала один плетр, то есть сто шагов, или 30 м. Эти две потрясающие улицы придавали городскому пейзажу величественный и поистине монументальный облик, которого не знал еще ни один греческий полис, даже крупный колониальный город Кирена, со своими широкими мощеными улицами и широким проспектом, так поразившим Пиндара, не дотягивав до масштабов Александрии. Ее пример в дальнейшем повторялся в других местах: Птолемаида в Киренаике, основанная Лагидами во второй половине III века до н. э., то есть почти столетием позже, тоже является впечатляющим образцом александрийской урбанистики.

Хотя современные раскопки не позволяют восстановить в деталях планировку этой метрополии, тексты доносят до нас то впечатление, которое она производила на своих жителей и гостей.

¹ Этезий — северо-западный ветер в Средиземноморье.

Диалог, который Феокрит предлагает в своей идилии «Сиракузянки», замечательно передает атмосферу этого великого города около 275 года до н. э. Изображенные в ней две горожанки Александрии — родом из Сиракуз и еще говорят на дорийском диалекте своего родного города. Одна из них живет «на окраине света» — в квартале на периферии, и подруга, чтобы добраться до нее, должна пройти через столпотворение в центре:

Как спаслась — сама я не знаю.

Вот, Праксиноя, толпа! Колесницы без счета четверкой!

Ах, от солдатских сапог, от хламид — ни пройти, ни проехать.

Прямо конца нет пути...¹

В тот действительно праздничный день везде на улицах была царская армия и боевые колесницы, которые в свое время представили Александру киренейцы и которыми продолжали пользоваться Лагиды и которые тем больше впечатляли публику, что нигде больше их нельзя было увидеть. Обе женщины вышли вместе, чтобы отправиться во дворец, где царица Арсиноя отмечала праздник Адониса:

Боги, какая толпа! Ах, когда бы и как протесниться

Нам через весь этот ужас! Без счета — ну впрямь муравейник!

Их чуть не раздавила проходящая колонна всадников, потом они наконец вместе с толпой оказываются во дворце. Это изумительно яркие уличные сцены, взятые из жизни, в них упоминаются даже карманники, пользующиеся стечением народа, и говорится, что это «скверная привычка египтян» и что так было, пока Птолемей своей политикой не положил конец их воровской практике! Таким предстает перед нами крупный космополитический полис, где живут бок о бок в эллины самого разного происхождения, смешанные с местным населением, присутствие которых придавало подобным греческим городам колониальный налет, сильно отличающийся от традиционного облика, который сохраняли полисы Эллады.

¹ Здесь и ниже перевод М. Грабарь-Пассек.

Из-за отсутствия каких-либо археологических данных мы не знаем, как выглядели частные дома Александрии. В «Сиракузянках» Феокрита есть только намек на двор, через который выходили на улицу, и это не было новшеством для греческого дома. Зато в Приене и Делосе раскопка целых жилых кварталов отлично знакомит с планировкой и обликом домов в маленьких и средних городах, то есть в подавляющем большинстве эллинистических полисов. В них мы не найдем доходных домов (*синойкия*) в несколько этажей (называемых также «башнями»), которые, разумеется, были характерны для крупных, густонаселенных городов. Типичное жилище — частный дом, не изолированный, а входящий в блок домов, ограниченных улицами. В Приене при доме был двор, на который выходило хозяйское жилье, обычно располагавшееся на северной стороне двора, чтобы открываться на солнечную, южную сторону. Вестибюль в виде портика, чаще всего с двумя колоннами между боковыми стенами, вел в большой зал, по обе стороны которого располагались две комнаты поменьше. Другие помещения, предназначенные для прислуги, занимали одну или несколько сторон двора. Вход с улицы делался в виде коридора, ведущего во двор. Это простая планировка, прекрасно приспособленная к климату и подходящая для жизни семьи в своем частном доме, укрывающем от нескромных взглядов и внешних волнений. Единственное заметное отличие от классического дома состояло в вестибюле, который вел в главный зал: этот широко открытый портик, особенно если он имел колонны, придавал ансамблю более монументальный характер.

В Делосе, театральный квартал и другие раскопанные городские зоны, имеют ряд особенностей. Здесь уже нет шахматной планировки, и улочки следуют извилистыми линиями, прерываясь иногда очень узкими переулками. Типичные жилища, отстроенные на склонах, имеют правильный план. Среди них есть очень скромные, но многие позволяют предположить достаточно большие размеры. Их ядром всегда является двор, который в богатых домах окружен четырехсторонним портиком: такое устройство двора, *перистиль*, уже встречалось, правда редко, в Приене. В Делосе, где большинство сооружений были созданы во II веке до н. э., архитекторы использовали для этих портиков бывший в их распоряжении кикладский мрамор. Земля во дворе была выложена

плитами или мозаикой, под которой часто устраивалась цистерна, собирающая воду с крыши. Из колодца в углу доставали воду. Иногда одна из сторон портика, как правило южная, была выше других, чтобы лучше использовать солнечное освещение: это называлось «родосским» перистилем. Во многих домах был ярус, на который вела лестница. Некоторые, например, Дом Гермеса, имели даже три этажа: такой конструкции способствовали крутые склоны холма, к которым прилеплялись жилища.

Внутренняя отделка, хорошо известная в Делосе, была богаче и разнообразнее, чем в домах классической эпохи. Стены из камня или сырого кирпича на каменном основании были покрыты цветной штукатуркой, монохромной или с зонами разного цвета, и зачастую создавали впечатление составной стены с прорисованными ложными стыками, которые подчеркивались насечками или незначительным рельефом, образующим выступы. Самыми распространенными были красный и желтый цвета. Помимо ложной каменной кладки (которая имитировалась в разных вариантах: под сплошную или с отверстиями, под алебастр или мрамор с его прожилками), в декорировании использовались также архитектурные фризы с традиционными мотивами: с орнаментом в виде яйца, в виде фестонов сердцевидной формы, чередующихся с копьями, в виде переплетений, часто подчеркнутых легкой рельефной полосой под мрамор в исключительных случаях встречался даже скульптурный фриз, например в Доме Тритонов, где на нем был изображен бег колесниц, управляемых маленькими амурами. Все эти элементы декора повторяются во многих других эллинистических городах, хотя и не в такой изобилии, как в Делосе, и мы можем считать их широко распространенным приемом. Таковы по преимуществу элементы, которые были обнаружены в древнейшей отделке в Помпеи и Геркулануме и которые специалисты называют «первым стилем». Эллинистическая манера распространилась в городах Южной Италии, куда богатые итальянские клиенты приглашали греческих мастеров.

Таким образом, в отличие от предыдущей эпохи, где роскошь была редким явлением и не демонстрировалась, частный дом в эллинистических полисах доказывает, что пристрастие к комфорту, дорогим материалам, утонченному декору стало широко распространенным. Разумеется, были и скромные дома как

в городах, так и в сельской местности, но многие из тех, что отличались большими размерами, а также удобством и комфортом, соответствующими эпохе, по-видимому, если верить свидетельствам раскопок, значительно увеличились — факт, который вкупе с другими свидетельствами позволяет утверждать, что, несмотря на войны и природные катастрофы, большинство греческих полисов экономически процветали.

Это процветание выразилось также в размерах коммунального хозяйства. Восхищаясь выдающимися строениями эпохи Перикла, мы часто склонны забывать, насколько эллинистический век способствовал многообразной деятельности строителей как в полисах, так и в святилищах; это была великая эпоха для архитектуры, отличающейся потрясающе богатым воображением и замечательной предприимчивостью, которые отвечали разнообразию потребностей общества — обеспечению повседневной жизни, человеческому общению и отправлению культа. Некоторые из этих многочисленных общественных зданий дают представление об их функциональном значении и разнообразии использования, всякий раз подчеркнутых оригинальностью решения и эстетическим достоинством исполнения.

Среди гражданских зданий особо следует выделить портики, роль которых в эллинистической урбанистике была крайне важна: они присутствуют везде как существенный элемент архитектурной композиции — и в святилищах, и на городских площадях, когда было необходимо обеспечить укрытие прогуливающимся, торговцам, слушателям оратора или философа и даже судьям трибунала. Эти замкнутые дворы, из которых наружу вела колоннада во всю длинную сторону, существовали и раньше, но их использование было гораздо более ограниченным, а размеры намного меньше. Теперь портики стали структурообразующим элементом огромных монументальных ансамблей, которых в греческом мире становилось все больше благодаря развитию полисов и щедрости царей. Самый потрясающий пример — это, безусловно, трансформация, которая произошла с афинской агорой в середине II века до н. э., когда на средства Аттала II Пергамского был сооружен большой портик, названный его именем и ограничивающий с восточной стороны четырехугольную рыночную площадь. Памятник, сегодня тщательно восстановленный

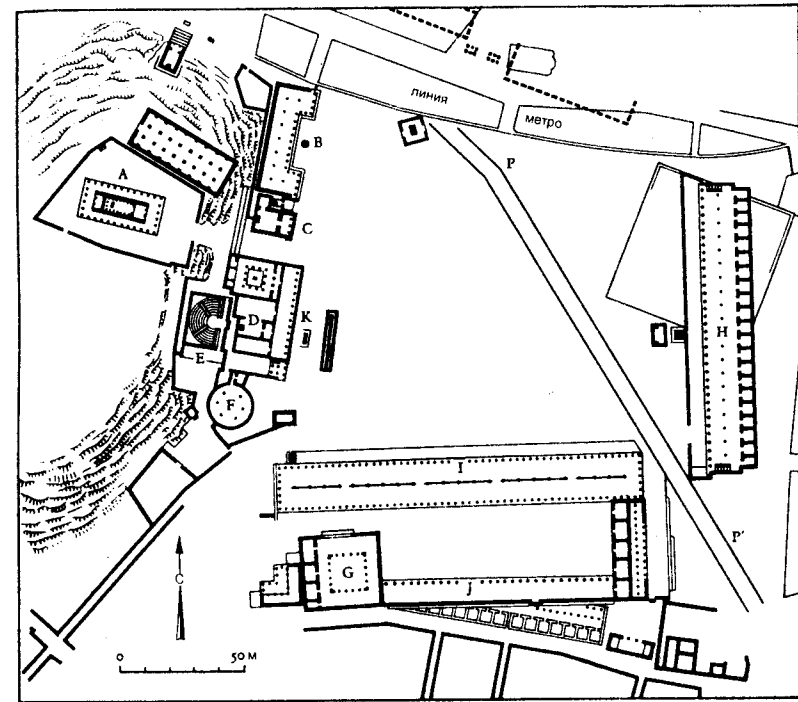
американскими археологами, вновь украшает собой всю округу. Возведенное на площадке, которая возвышается над окружающей местностью, это здание тянется в длину более чем на 100 м и поднимается вверх на два яруса, покоящихся на внешней колоннаде, предоставляя публике солидное крытое пространство, которое отделялось от задней стены рядом широко расставленных внутренних колонн и на которое открывались двери двадцати одной просторной и высокой лавки. Лестницы с каждого конца позволяли подниматься на ярус. Такой выглядит скрупулезно сделанная реконструкция; сегодня это здание, без сомнения, лучше других античных сооружений дает представление о великом вдохновении и технических ресурсах архитекторов той эпохи. Таким образом, одна сторона агоры вся была занята этим огромным портиком, служившим одновременно и границей, и крышей для площади и статуй, для алтарей, жертвенников и лавок, которые здесь находились.

Стремление организовать все в четкую и величественную композицию проявилось в создании примерно в то же время еще более масштабного портика, который назывался центральной галереей и располагался перпендикулярно портику Аттала — на южной стороне агоры. Почти 150 м в длину, но без ярусов — это был крытый рынок, внешняя колоннада которого без всяких стен открывалась на четыре стороны, вокруг ряда срединных колонн, поддерживающих конек крыши. Будучи утилитарным зданием, этот рынок, обращенный своей северной стороной к центру агоры, отмечал южную границу этого важного для политической и культурной жизни полиса места, тогда как его длинная южная сторона была обращена к другому портику — южному, занимавшему подножие склона, ведущего на Ареопаг. Между этими двумя параллельными портиками находилось прямоугольное пространство, вытянутое в направлении восток — запад и служившее рынком: благодаря центральной галерее, сквозь которую можно было свободно пройти, эта зона, отведенная для торговой деятельности, легко сообщалась с остальной агорой. Наконец, чтобы завершить монументальный ансамбль старой торговой площади, которая оставалась сердцем Афин, на западной стороне у подножия холма, где в эпоху Перикла расположился храм Гефеста (называемый сегодня Тесеионом), перед залом заседаний Совета был

построен храм Матери богов (Метроон), где хранились архивы полиса, и фасад нового здания, почти перпендикулярный северной стороне центральной галереи, был украшен колоннадой около 40 м в длину.

Таким образом, центральная зона агоры, ограниченная с востока портиком Аттала, с юга — центральной галереей, с запада — вытянувшимися в одну линию перед Тесеионом зданиями, отныне представляла прибывавшим священной дорогой гостям величественную композицию с вытянутыми горизонтальными линиями длинных портиков, со строгой равномерностью колоннад, дающих тень внутренним дворам, и с возвышающейся надо всем голой скалой Ареопага и впечатляющей громадой Акрополя. Урбанисты эллинистических Афин, школа которых, без сомнения, сформировалась благодаря пергамским архитекторам, присланным Атталом II, оказались достойными своих великих предшественников — Иктина и Мнесикла, которым Перикл и Фидий тремя веками ранее поручили работу на этом сакральном месте: они придали старому гражданскому центру своего полиса монументальное обрамление простыми и благородными линиями в соответствии с общим замыслом, которое отвечало новому духу эллинистического урбанизма, тяготеющего к созданию единых ансамблей. Эта идея, чуждая архаической и классической эпохам, открыла дорогу в будущее.

Крепость Пергама с его крутыми склонами и его тяжелым грунтом, была испытательной площадкой для архитекторов и инженеров Эвмена II и Аттала II, где доводились до совершенства эти впечатляющие уравновешенные композиции из больших портиков. Мощные галереи, подпорки которых были усилены контрфорсами, сглаживали склоны и соединяли длинные колоннады. Например, галерея, служившая для прогулок театральной публики, где широкий, более 200 м, портик разделялся на три уровня и, видимый в окрестных деревнях, был основой для всех сооружений: храмов, жертвенников, библиотек, дворцов и казарм, — которые в кажущемся беспорядке занимали холм Акрополя. Величественный силуэт города, забравшегося на его трахитовый пик, возвышающийся над долиной Каика, между двумя рукавами реки, бежавшей с горы. Если точная хронология памятников пока не установлена, тем не менее можно сказать с уверенностью, что при

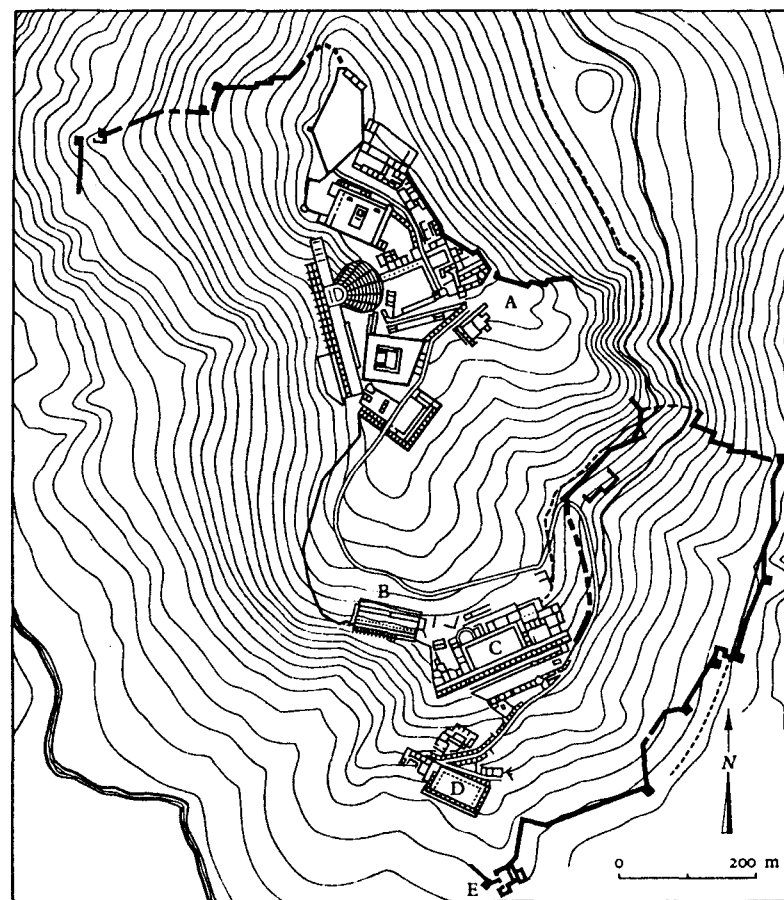
11. Афинская агора в конце эллинистической эпохи

Афинская агора со своим храмом Гефеста, построенным в V веке до н. э. и сохранившимся до наших дней, была обращена диагонально с северо-запада на юго-восток по отношению к дороге, ведущей на акрополь (P—P'), по которой двигались процессии панафинейских игр. В классическую эпоху только западная сторона агоры была застроена зданиями: с севера на юг располагались портик Зевса (B), храм Аполлона Патрооса (C), храм Матери богов (D), в котором размещались государственные архивы, зал Совета, или Булеверий (E), Голос (F) — канцелярия, где заседали пританы. На южной стороне находилось большое квадратное здание — без сомнения, бывшее помещением народного суда, Гелией (G). Раскопки северной части ограничивают строительство метрополитена. Существенный вклад элли-

нистической эпохи представлен двумя монументальными портиками, обрамляющими агору на востоке и юге. На востоке это двухъярусный портик, сооруженный на средства Аттала II Пергамского (H). На юге это Средняя Стоя (I) — длинный зал, открытый со всех сторон, и южный портик (J), который перекрывался наружным зданием и примыкал на западе к Гелиею и отгораживал таким образом место для рынка. И наконец, в западной части находился более поздний портик (K), выросший перед фасадом храма Матери богов, который в связи с этим был перестроен. Здесь очевидно просматривается стремление организовать гражданский центр полиса, придав ему архитектурно величественный и связанный вид. В классическую эпоху афинянам это было несвойственно.

двух этих великих атталидских царях Пергам стал центром изобретательской деятельности для строителей и что этот пример, повторенный в сооружениях, созданных на средства Афин и Дельфы, получил широкое распространение. Тем не менее было бы ошибочно характеризовать все ансамбли с портиками этой эпохи как «пергамский» стиль: аналогичные проблемы в связи с покатыми и при этом крутыми склонами вставляли во многих городах, и разные архитекторы могли независимо друг от друга прийти к сходному решению. В Кирене, которая вряд ли имела какие-то связи с Пергамом, большой северный портик агоры с его впечатляющими стенами и двумя уровнями, которые диктовались скатами холма, был возведен во II веке до н. э. местными архитекторами, всегда мастерски справлявшимися с такого рода трудностями.

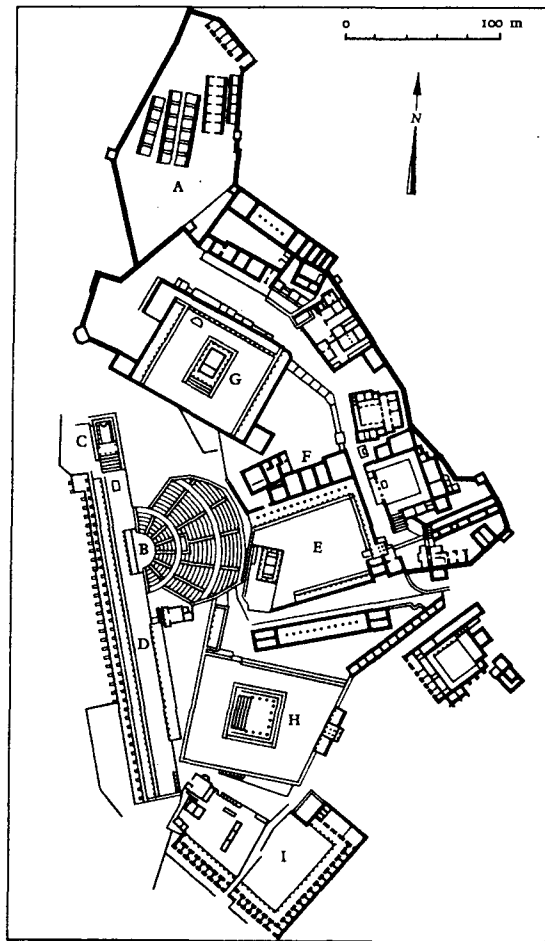
Группировка портиков вокруг свободного квадратного или прямоугольного пространства привела к перистиллю — архитектурному решению, которое быстро вошло в большую моду: достаточно было примкнуть друг к другу четыре портика, огородив пространство, чтобы получился завершённый ансамбль, куда вел крытый вход, монументальный характер которого можно было подчеркнуть при необходимости. Эта модель закрытой агоры, которая легко вписывалась в четырехугольную планировку, считалась типичной для полисов Ионии, где она, действительно, часто встречается. Павсаний упоминает об этом, когда говорит об агоре Элиды на Пелопоннесе (VI, 24, 2): «Эта рыночная площадь была устроена не так, как в городах Ионии или в греческих городах, близких к Ионии: она была построена по древнему образцу, с портиками, которые не примыкают друг к другу и между которыми остается место для прохода на улицы». Зато город Мессена, тоже расположенный на Пелопоннесе, имел очень характерную закрытую агору, которую обнаружили недавние раскопки. Квадратный двор со стороной 50 м был окружен четырехсторонним портиком с медиальной колоннадой, с широкой галереей для гулянья, на которую выходили смежные здания, в большинстве своем культовые. Павсаний перечисляет некоторые из них, которые мы пока не можем соотнести с местностью: святилища Матери богов, Илифии, Деметры, Диоскуров, а также героини Мессены, одноименной полису. В центре двора находился храм Асклепия и его дочери Гигиеи, богини здоровья, с большим жертвенником

12. Расположение Пергама

Акрополь на отвесных скалах в южных предгорьях Пинды вздымался на высоту ок. 335 метров над долиной Каика (ок. 60 метров). На вершине на узком хребте находились царский дворец, арсеналы, святилища (A). Ниже располагался храм Деметры (B) и просторные помещения гимнасия (C). Еще ниже, у подножия холма, ближе к большим южным воротам крепостной стены (E) находилась агора купцов (D) нижнего города,

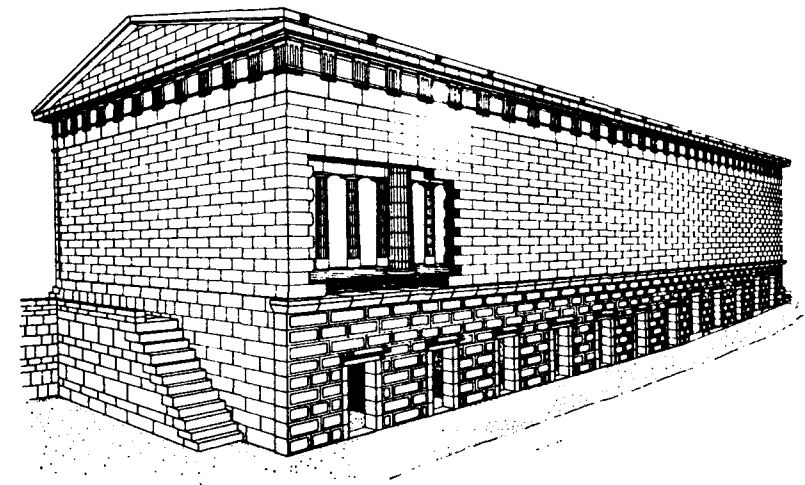
выстроенная по эллинистическому типу: закрытый четырехугольный двор, куда выходили лавки. От агоры до гимнасия уступами шел квартал домов. Крепостная стена, первоначально заканчивавшаяся на вершине холма, постепенно расширялась к юго-востоку, югу и западу по мере того, как разрастался город. В римскую эпоху город также сильно разросся к западу, в долину.

13. Пергамский акрополь

Вершину акрополя занимали военные сооружения (арсеналы, в секторе А), помещения царского дворца (построенные без всякой претензии на монументальность на восточном крае акрополя) и большие храмы. Центром архитектурной композиции был театр (В), принадлежавший храму Диониса (святилище бога в секторе С). На длинной, около 250 метров, террасе (D) была выстроена сцена, западный фасад которой представлял из себя трехъярусное сооружение, которое подчеркивало основу композиции. Около театра на-

ходился храм Афины Никифорос («приносящей победу»), где устанавливались votивные статуи в честь победы Аттала I над галатами (Е); северной частью этот храм выходил к залам Библиотеки (F), за которыми римляне позже возведут Траянум, или храм Траяна (G). К югу открывалась площадка (H) с монументальным алтарем Зевсу и всем богам. Еще южнее и ниже располагалась агора (I), через которую шла улица в нижний город. Это место с трех сторон было окружено дорическими портиками с торговыми лавками.

14. Кирена: большой северный портик

Этот большой портик, выстроенный во II веке вокруг киренской агоры, напоминает портик Аттала на агоре в Афинах. Это четырехугольное сооружение 53 × 21 м выходило на площадь с южной стороны дорической колоннадой, тогда как три другие стороны были закрыты стенами. Несущая конструкция держалась внутри на шести высоких ионических

колоннах. Из-за сильного уклона к северу сзади портик опирался на нижний ярус, занятый лавками, двери которых выходили на склоны. Реконструкция портика демонстрирует его подъем к северо-востоку. Двери лавок можно заметить в нижнем ярусе. Слева находилась лестница, по которой можно было спуститься в нижнюю часть агоры.

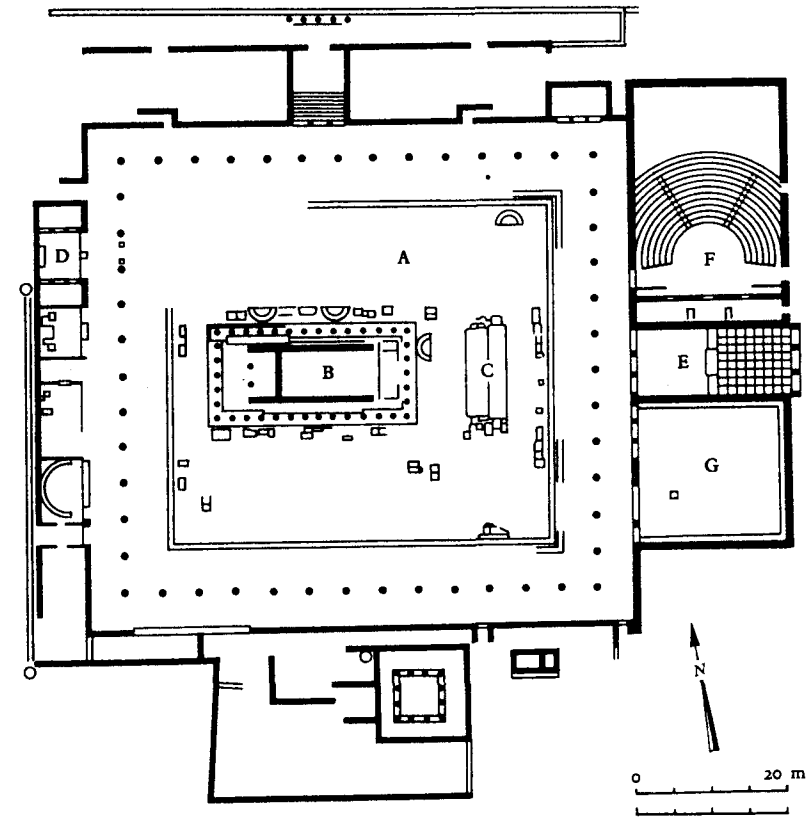
перед фасадом, обращенным к востоку — их руины были раскопаны. В этом храме, согласно Периегету, находилось также много статуй других богов: Аполлона, отца Асклепия, муз, Геракла, Тихе (богини судьбы), Артемиды, держащей факел. Здесь, кроме того, можно видеть изображение Эпаминонда, чьи победы освободили Мессену от лакедемонского давления, а также аллегорическую фигуру Фив — родины этого освободителя.

Это перечисление показывает, какое богатство и разнообразие отличало религиозную жизнь самых маленьких эллинистических полисов и насколько она вдохновляла архитекторов. Согласно Павсанию, большой зал, занимающий северо-западный угол четырехстороннего портика можно идентифицировать как святилище Артемиды Ортии, как ее называют в Спарте, именуемой

также Девой, как она значится в стихотворной надписи, высеченной на основании статуи юной жрицы Мего. Вот она: «Тебе, Дева, высокочтимая Ортия, Дамоник и его жена Тимархис посвятили меня, свою дочь Мего, рожденную от благородного отца: я держу в руке твою фигуру, Артемида, и факел, который я поднимала перед твоими алтарями. Смогу ли я отплатить моим родителям достойной данью признательности! Ибо справедливо, чтобы дети чтили в свою очередь тех, кто дал им жизнь». Это маленькое стихотворение не только свидетельствует о существовании культа и позволяет идентифицировать святилище Артемиды Ортии в Мессене: оно доказывает также, насколько эти общие культы были в то же время связаны с семьей, ячейкой, на которой покоилось будущее полиса. Дар родителей Мего, посвятивших на агоре статую жрицы, своей дочери, относится к ряду многочисленных семейных памятников, число которых увеличивается в эту эпоху и которые, помимо сильного обоюдного чувства любви, связывающего членов семьи, выражают потребность заверить его публично. Здесь снова проявляется большое значение, которое имела в эллинистическом полисе знать.

На агору Мессены вел вестибюль, расположенный по середине восточной стороны четырехугольника, напротив храма Асклепия. По обе стороны от этого вестибюля находились два важных гражданских здания — оба предназначались для собраний. На северной стороне — своеобразная аудитория со ступенями, расположенными полукругом, без сомнения, предназначалась для слушателей оратора или заезжих музыкантов в соответствии с распространенной традицией этой эпохи. На южной стороне — большое квадратное здание со скамьей в основании стены и окнами на ярусе вмещало большой зал, крышу которого поддерживали четыре внутренние опоры: он предназначался для собраний Совета, главного политического органа полиса. Эти строения, специально спроектированные для собраний, были широко распространены в эллинистической архитектуре, например в Приене и Милете: они свидетельствуют о жизнеспособности, сохраняемой гражданскими институтами и об их заботе о подобных помещениях.

Перистиль греческой агоры породил модель римского форума, что видно на примере Помпеи. Кроме того, он применялся

15. Мессена: план агоры

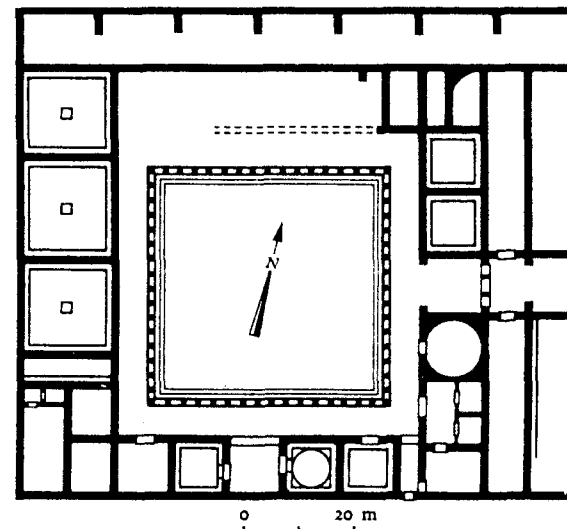
Типичный пример закрытой эллинистической агоры. Квадратный двор (А) ограничен четырехугольной колоннадой. В центре двора — храм Асклепия и Гигиен (В), перед которым установлен алтарь (С). В северо-западном углу, открывающемся под портиком, находится

святилище Артемиды (D), удлиненная часовня, где расположен постамент статуи Мего. На западе, объединенные вестибюлем (Е), который открывает доступ на агору, находятся два здания: аудиториум (F) со скамьями амфитеатром и зал Совета (G) со скамьями вдоль стен.

во многих утилитарных зданиях, таких как гимнасии, караван-сарай и дворцы. Он, наконец, дал идею *атриума* христианских базилик, внутренних галерей наших монастырей и внутренних дворов мечетей. Техническое творчество, проявленное эллинистическими архитекторами, имело плодотворные и долговечные последствия.

* * *

Другой тип совершенно нового здания — дворец. В гомеорскую эпоху существовали большие, просторные дворцы, унаследованные от микенской традиции: с обнесенным стенами двором, крытыми входами, широким вестибюлем, большим залом с центральным очагом, или *мегароном*, и комплексом комнат, предназначенных для личного пользования. И хотя конкретные свидетельства отсутствуют, описания Гомера позволяют замечательным образом представить эти сооружения. Тем не менее классический греческий полис, в котором не было царя, практически забыл эту традицию. Возрождение и невероятное развитие монархической системы дало ей новую жизнь. Но археология предоставляет нам мало сведений об этом. Царские покои Александрии, о величии которых сложены легенды, по-прежнему скрываются под современными городскими застройками, как и вся остальная часть древнего полиса; царской резиденции в Пергаме, на вершине цитадели, не хватало пространства, чтобы свободно развернуться, и она напоминает скорее большой частный дом с перистилем, чем дворец; в Македонии раскопки столицы последних Аргеадов и Антигонидов — Пеллы — на равнине к западу от Вардара обнаружили роскошные частные покои, украшенные великолепной мозаикой, датируемой концом IV — началом III века до н. э., но это не жилище государя. Зато обнаруженное в Вергине, тоже в Македонии, огромное здание с перистилем со стороной 40 м — это, без сомнения, царская резиденция; мозаика украшает пол в залах, а внутренние стены раскрашены. Эта планировка напоминала в упрощенном варианте описание, которое Аполлоний Родосский в своей «Аргонавтике» (III, стих 215 и след.) дал дворцу колхидского царя Аэта, хранителя золотого руна: когда Ясон и его спутники приходят к воротам царского дворца, они

16. Вергина (Македония): план эллинистического дворца

План этого внушительного жилища (прямоугольник приблизительно 90×100 м) очень показателен для царских резиденций эллинистической эпохи. Здание выстроено вокруг квадратного двора со стороной 40 м, окруженного перистилем, куда выходят разные комнаты. Некоторые комнаты сообщаются между собой, например на южной стороне двора, где

два зала образуют вход с тремя колоннами. Только один вход на восточной стороне имеет глубокий вестибюль. Помещения общего пользования четко отделены от царских апартаментов. На внешнюю сторону было всего несколько выходов. Жизнь семьи тщательно оберегалась.

останавливаются у входа, дивясь колоннадам, идущим вдоль укрепленных стен. Дворец, таким образом, окружен портиком, открывающимся наружу, и поэт уточняет, что над дорическим фризом с бронзовым тригelifом (явно пластинчатая облицовка каменной кладки) идет мраморный карниз. К монументальным дверям нужно было пройти через крытый вход с колоннами. Сразу за вестибюлем находился широкий двор, где среди зеленых насаждений и беседок из винограда били источники с живой водой — сказочная деталь, навеянная тем не менее фонтанами или гротами с фонтанами и нимфой, предназначенными освежать эти внутренние сады, которые впоследствии стали обязательным элементом богатых римских домов и прекрасный пример которых в Греции

предлагает Леонидаион в Олимпии. Во дворе, образующем сердце дворца, у входа и в глубине, напротив, стояли два здания с ярусами, и в них проживали царь Аэг и его сыновья. Двор был окружен перистилем, куда через широкие двусторчатые двери выходили комнаты царских дочерей и их служанок. Это огороженное пространство обеспечивало спокойное протекание их жизни.

Из этого описания, единственная цель которого определить место действия поэмы, очевидно, что Аполлоний представляет своим читателям знакомый им тип строения — дворец, похожий на те, что лицезрели в своем собственном городе александрийцы, как, например, тот, куда сиракузянки из XV идилии Феокрита пришли полюбоваться на священное представление, устроенное в саду в честь праздника Адониса царицей Арсиноей, где под зелеными беседками они увидели раскрашенные статуи божественной четы — Афродиты и ее возлюбленного, распростертых на своем пышном ложе. Тексты двух поэтов дополняют друг друга и становятся понятными при сопоставлении с археологическими данными. Двор с перистилем, ставшим главным элементом эллинистической архитектуры, в полной мере играет здесь свою роль. Это приспособленная к условиям климата рамка, в которую заключено замкнутое пространство, святилище, четко отделяющееся от внешнего мира, внутри которого царь, его семья и его приближенные вели подобающее им особое существование, точно так же как простой горожанин, греческий житель традиционного полиса, находил в своем защищенном от шума и уличных волнений доме убежище, хранившее его покой, его семейные узы и его воспоминания. Здесь, кроме того, четко обозначено сходство между образом жизни гражданина в своем полисе и царя в своих царских владениях. В этих укладах нет ничего, что прерывало бы старую традицию эллинских народов, ничего, что можно было бы приписать сознательному подражанию или проникающему влиянию восточных цивилизаций. Эллинистическая цивилизация, безусловно, испытала эволюцию нравов и технического прогресса, которому способствовали ход времени, изобретательность эллинов и невероятное расширение политических рамок; тем не менее она держалась в русле греческой цивилизации предшествующих эпох. Она не только не отказалась от своего наследия, но, напротив, развивала его.

Технический прогресс проявился также в возведении зданий оригинального вида, отвечающих более конкретным практическим нуждам: самый замечательный пример — знаменитый александрийский маяк. Древние уже давно поняли, как полезно отмечать для мореходов важные точки побережья с помощью особых сооружений, обычно башен, на которых при необходимости можно было зажечь огонь. Так, на одном из мысов восточного побережья Фасоса некий Акерат в VI веке до н. э. повелел возвести башню, которая стала бы его гробницей, и обнаруженная посвятельная надпись на ней ясно говорит о ее сигнальной роли для моряков. На низком берегу Александрии не было никакого ориентира, позволявшего различить его из открытого моря, что делало прохождение судов здесь трудным и опасным. Страбон совершенно определенно говорит (XVII, 791): «Поскольку с обеих сторон города берег был неприступен и находился на уровне моря, было необходимо воздвигнуть здесь высокий и хорошо видимый знак, чтобы корабли из открытого моря могли войти прямо в порт». Таким образом, в начале III века до н. э. перед александрийским портом была возведена очень высокая башня (более 100 м) из камня, которая могла указывать путь морякам. На широкой платформе, установленной на скале в восточной оконечности острова Фасос и возвышающейся над уровнем моря на 6—7 м, поднимался почти на 60 м первый, самый высокий ярус четырехугольного сечения. На верх площадки вела не лестница, а пандус, который заворачивался вовнутрь вокруг четырех стен сооружения, имеющих множество окон. В углах площадки располагались четыре бронзовых тритона, дующих в раковины. Второй ярус, отчетливо более узкий, был восьмиугольным в сечении. Его высота приближалась к 30 м. В нем находилась лестница, ведущая на верх второй площадки, на которой, наконец, возвышался третий ярус, цилиндрический, более 7 м в высоту. На вершине стояла колоссальная бронзовая статуя Зевса Спасителя, приветствующего мореплавателей: это был Зевс Лименоскопос («смотрящий за входом»), как назвал его поэт Каллимах. На одной из верхних площадок ночью можно было зажечь огонь: внутренний пандус был предназначен для выючных животных, которые поднимали до первого яруса топливо. Маяк был сложен из «белого камня», вероятно из того

прекрасного известняка, который в избытке добывался в Египте, а не из мрамора, привозимого по морю. Посвятительная эпиграмма, сочиненная македонским поэтом Посидиппом из Пеллы, известным эпиграмматистом, была начертана на сооружении, практическое назначение которого, равно как и его религиозное значение, были прекрасно выражены в ней. Текст ее сохранился в папирусе: «Эту защиту греков, этого стража Фароса, о господин Протей, воздвиг Сострат, сын Дексифана, из Книда. Ибо нет у тебя для Египта гористых островов для дозора: нет, бухта, куда входят суда, находится на уровне моря. Вот почему устремилась вверх, выделяясь на фоне неба, башня, издали видная днем. А ночью мореход среди волн легко приметит большой огонь, горящий на вершине, и пристанет прямо к Бычьему Рогу и непременно встретится с Зевсом Спасителем, о Протей, обитающий в этих краях!» Таким образом, маяк посвящается старому божеству этого места — Протею, «стражу моря», пастуху тюленей, которого Гомер называет хозяином острова Фасос. Вместе с Зевсом, имеющим кое-где (в Приене, например) эпитет «Спаситель», он охраняет здесь моряков от опасности. Высокая башня посреди этого плоского ландшафта была видна от самого горизонта и днем служила ориентиром. Ночью огонь, разводимый на верхней площадке, позволял запоздавшим судам пройти прямо в фарватер, ведущий в восточный порт Александрии, — этот фарватер назывался Бычий Рог. В стихотворении Посидиппа, написанном в 280—260 годах до н. э., все это отлично изложено. Как было принято, он упоминает того, кто руководил созданием этого монумента и повелел сделать для него эпиграфическое посвящение: этот Сострат Книдский, грек из Анатолии, как и диоикет Аполлоний, был значительной персоной — входил в круг «друзей царя», а с другой стороны, был известен по другим посвящениям, сделанным в его честь на Делосе и в Дельфах в благодарность за услуги.

Маяк производил огромное впечатление своей исключительной высотой, сравнимой с высотой пирамид, массивностью своего нижнего яруса, которая еще больше преувеличивалась граверами на монетах, оригинальностью своего замысла и качеством его исполнения. Он стал символом самой Александрии, так же как Эйфелева башня сделалась для туристов символом Парижа.

Название маяка, полученное от названия островка, на котором он стоял¹, стало общим для других осветительных башен такого типа, которые эллинистические и римские архитекторы впоследствии возводили в других портах или на побережье Средиземного моря. На одном только маленьком острове Делос их было четыре. Восхищение, которое вызывал маяк, прежде всего было связано с заложенными в нем колоссальностью труда и технической смелостью. Ошеломленный народ застывал перед инженерной виртуозностью, которая преодолела законы природы, чтобы поднять тяжелый камень и вознести его так высоко в небо. Это же чувство несколько веков спустя прозвучит в эпитафии эпохи империи, обнаруженной в Гермополе, в Среднем Египте, на надгробном камне греческого архитектора Гарпала. Как это было зачастую, она написана в форме диалога, в котором прохожий разговаривает с гробницей: «Я гробница Гарпала. — Какого Гарпала? — Гарпала, который, узнай об этом, был так изобретателен в своем искусном мастерстве. — Я вижу, о паркы, что искусство погибло! Кто среди живущих сравнится с ним? — Это он возводил огромные стены храмов, это он воздвигал для портиков высокие колонны. Сколько раз с помощью тонких канатов он заставлял передвигаться вершины послушных гор, словно легкие соломинки! — Так Амфион или Орфей без труда сдвигали зачарованные их пением камни. — Знай, что сын Гарпала, Ахилл, покоится здесь же: они оба лежат в одной могиле. — Это неудивительно: слишком прочна нить, что прядут паркы, и против смерти ни один ученый муж не нашел избавления».

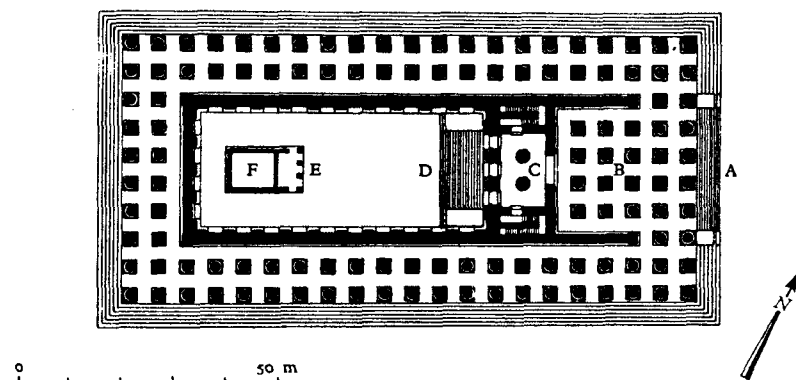
К числу технических инноваций в архитектуре следует отнести применение свода и арки, которые не то чтобы совсем не использовались в подобных сооружениях, но были крайне редки до конца IV века до н. э. Зато в эллинистическую эпоху арки и цилиндрические своды получают широкое распространение: македонские гробницы, подземный зал храма мертвых в Эфире (Эпир), подвал портика Аттала I в Дельфах, два сводчатых коридора храма Аполлона в Дидимах — Дидимейона, многочисленные

¹ В латинском языке *Pharus* означало и остров Фарос, и маяк. Этот корень сохранился в европейских языках для обозначения маяка: *pharos* (англ.), *phare* (франц.), *faro* (ит. и исп.). В русском языке он присутствует со смещением значения в слове «фара».

примеры в Пергаме в подземных помещениях акрополя, больших цистерн на Делосе, а также театра, вещая крипта храма в Кларосе (Анатолия), — все эти примеры датируются концом IV века до н. э. и I веком н. э. Конечно, мастера того времени предпочитали использовать своды и арки в подземных помещениях, чтобы боковое давление приходилось на окружающую почву и не требовало помощи контрфорсов. Но они прекрасно оценили выгодность такого устройства в отношении горизонтальных плит перекрытия и оконных и дверных перемычек, сохранив их в строениях на открытом воздухе. Тем не менее архитекторы достаточно охотно использовали арку в дверных проемах, которыми снабжались толстые стены и множество которых легко выдерживали огромное давление: например, в додонском театре, в святилище Эфиры или в театре храма Латоны в Ксанфе. В этом последнем сооружении, датируемом II веком до н. э., аркада создавала единое целое с пилястрами и дорическим антаблементом над фронтоном — абсолютно искусственное расположение, прикрепляющееся к внутренней поверхности стен и имеющее исключительно декоративное значение. Это сочетание арки и треугольного фронтона с угловыми камнями, которые появляются между аркадой и архитравом, производило настолько удачный эстетический эффект, что архитекторы последующих веков дали ему широчайшее распространение, особенно в римских триумфальных арках. Эти эллинистические находки и инновации будут прослеживаться в позднейшей западной архитектуре в целом.

* * *

Никогда еще греческий мир не переживал такого конструкторского пыла. О каком упадке можно говорить, как это часто делается, — если возводилось столько богатых и величественных монументов в стольких храмах? Таков, например, храм-оракул в Дидимах, который по своим размерам и по своей оригинальности соперничал с величайшими архаическими и классическими храмами, такими как храмы Геры в Самосе, Артемиды в Эфесе или Зевса Олимпийца в Агригенте, и который заимствовал их достижения и творчески их адаптировал. В начале III века

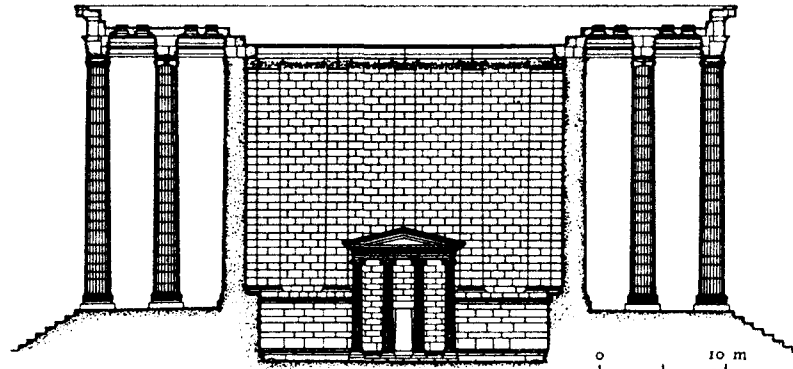

17. Храм Аполлона в Дидимах

Этот храм (51 × 110 м) был возведен на семиступенчатом основании, на которое можно было подняться по лестнице (A) с восточного фасада. Двойная колоннада поддерживала потолок перистиля, окружающего стеной центральный двор. Между боковыми стенами на востоке находился пронаос, или крытый вход (B) с двенадцатью колоннами (три ряда по четыре), такими же мощными, как и колонны перистиля. В задней стене пронаоса была сделана высокая и широкая дверь, порог которой (на 1,45 м выше пола пронаоса) был недоступен со стороны. За этой дверью находился высокий крытый зал (C), потолок которого поддерживали

две колонны, из него три проема вели на широкую лестницу (D), спускавшуюся во внутренний двор. Эту лестницу обрамляли два сводчатых прохода шириной чуть более одного метра, позволявшие попасть во двор через пронаоса. Две боковые лестницы из этого зала вели на верхние террасы. Во внутреннем дворе (E), находившийся на 4,5 м ниже перистиля, располагалась часовня (F) ионического ордера, как и перистиль, с простым четырехколонным входом: там была помещена статуя Аполлона. Эта сложная конструкция, очевидно, была обусловлена религиозными ритуалами, порядок и назначение которых нам неизвестно.

до н. э. архитекторам Пеонию из Эфеса и Дамису из Милета было поручено возвести в милетском святилище Аполлона колоссальное сооружение, внутри которого должна была находиться площадь со статуей бога, священным лавром и вещим источником. Чтобы справиться с этой задачей, центральная часть храма была оставлена открытой: это был широкий двор под открытым небом, который окружала стена высотой 25 м, украшенная пилястрами, поддерживающими фриз под карнизом. В глубине этого двора в крытой часовне помещалась культовая статуя. Чтобы обнести этот участок, пользующийся особой заботой, на цоколе

18. Храм Аполлона в Дидимах: поперечный разрез

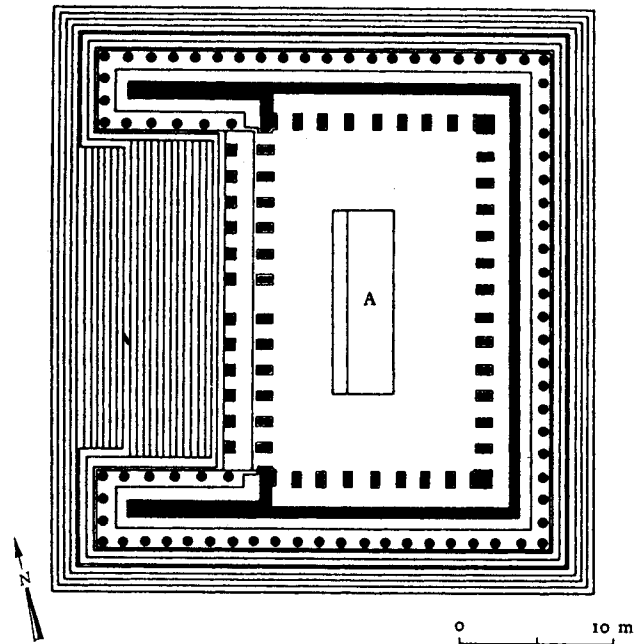
Этот разрез, проходящий приблизительно через центр двора, демонстрирует профиль храма: семь ступеней основания, высокие ионические колонны перистилия (примерно 20 м в высоту), поддерживающие легкий карниз, потолок с кессонами, который должна была защищать крыша. Внутри двора возвы-

шается часовня, посвященная культовой статуе. Двор окружен очень высокой стеной (около 25 м в высоту), украшенной пилястрами. Капители и фриз были украшены скульптурными мотивами: вязью и грифонами, вписанными в аполлонийскую лиру. Внутреннее пространство полностью закрыто.

с семью высокими ступенями была возведена колоссальная двойная колоннада с 20-метровыми ионийскими колоннами, создающая иллюзию храма с перистилем. Этот лес высоких колонн был особенно впечатляющ со стороны фасада, где он продолжался вестибюлем с четырнадцатью другими похожими колоннами между боковыми стенами. Но этот величественный портик на самом деле был тупиком: он упирался в стену с широким, но недоступным дверным проемом, потому что его порог находился на высоте 1,45 м от пола вестибюля. Только по бокам два узких сводчатых коридора вели во внутренний двор. Зато за ним, к востоку, занимающая всю ширину двора между двумя коридорами монументальная лестница позволяла подняться в крытый зал, выходящий во двор тремя большими дверями и в вестибюль широким проемом, о котором мы упоминали. Таким образом, в здании четко выделялись три главных элемента: декоративный перистиль с длинным портиком-вестибюлем, доступным для прохожих; внутренний двор, находящийся на

более низком уровне, куда можно было попасть через два боковых коридора, которые, видимо, регулировали поток посетителей, позволяя им проходить исключительно по одному; и наконец, возвышающаяся амфитеатром над двором монументальная лестница и большой крытый зал, сообщавшийся с вестибюлем через одну только ложную дверь, сквозь которую он был видим, но недостижим. Озадачивающая конструкция, назначение которой не прояснено и которая определенно отвечала ритуальным требованиям. Можно предположить, что церемонии проводились либо во дворе, вокруг часовни и источника, на глазах зрителей, сидящих на ступенях амфитеатра, либо в большом крытом зале, а толпы паломников в вестибюле наблюдали за ней через восточный проем, а особо привилегированная публика, допускаемая во внутренний двор, — через три двери наверху монументальной лестницы. Как бы то ни было, все строение в целом предстало как потрясающая декорация для грандиозных культовых праздников, которые должны были сильно потрясти воображение: мощь архитектуры, богатство оживлявших ее скульптурных мотивов, резкие контрасты между светом и тенью — все это преследовало цель взволновать и поразить и создавало эффект в стиле, который мы можем называть барочным и который, во всяком случае, сильно отличался от классической сдержанности.

Примеров такой смелой и новаторской религиозной архитектуры можно привести много: Пифей в Приене, Гермоген в Магнесии на Меандре возвели великолепные храмы, где появляются новые решения. Ионийский ордер был тогда очень распространен в Анатолии. Для перистилия больших храмов Гермоген модифицировал традиционную двойную колоннаду, как в Дидимах, чтобы получилась крытая проветриваемая галерея, — убрав ряд внутренних колонн, отдав для перистилия пространство между сдвоенными колоннами. Храм Артемиды Левкофриены в Магнесии, созданный в первой половине II века до н. э., воплощает его теории, которые при Августе были собраны римлянином Витрувием в трактате «Об архитектуре», который вдохновил все наше западное Возрождение. Была использована оригинальная планировка: круглые сооружения, такие как Филиппейон в Олимпии — героическое святилище македонских царей

19. Большой пергамский жертвенник

Этот монументальный алтарь, размещенный в центре эспланады, типичен для эллинистической религиозной архитектуры: сложная приподнятая композиция, системное использование колоннад, богатое скульптурное украшение. На верху почти квадратного цоколя (около 36×34 м) в центре закрытой с трех сторон стеной платформы находится собственно жертвенник (А). На

четвертой стороне расположена лестница в 27 ступеней, ведущая к жертвеннику. Галерея изящных ионических колонн венчает цоколь, украшенный снаружи длинным горельефным фризом, изображающим Гигантомахию. На внутренней стене находился барельефный фриз, рассказывающий историю Телефа. Алтарь, согласно обычаю, ориентирован на восток.

или Арсинон на Самофракии — первый пример большого круглого здания (20 м диаметром) без внутренней опоры, одновременно изящного и функционального, что предполагает использование сложной и изощренной системы несущих конструкций.

Стремление к грандиозному и монументальному отразилось также в жертвенниках. Одни разрослись в ширину, как, например, колоссальный жертвенник, возведенный Гиероном II в Сиракузах, в котором размещался олимпийский стадион (192 м

в длину) и остатки которого видны до сих пор. Это был огромный, сложенный из камня алтарь, вдоль которого к западу шел помост такой же длины, где располагались жрецы. Другие жертвенники получают роскошное архитектурное обрамление: их располагают на высокой платформе, куда ведет монументальная лестница, и окружают их колоннадами и стенами. Таковы алтари Артемиды в Магнесии на Меандре и Асклепия на Косе и особенно знаменитый алтарь Зевса в Пергаме, чей постамент был украшен горельефным фризом на тему гигантомахии — шедевром экспрессивной скульптуры и триумфом эллинистического барокко, а по самой стене, окружавшей алтарь, шел другой фриз, более сдержанный, в котором разворачивались эпизоды мифа о Телефе, сыне Геракла и почитавшемся в долине Каика герое.

Таким образом, скульптура и архитектура тесно взаимодействовали, чтобы прославить богов в обилии декора, которому яркие краски, сегодня исчезнувшие, совместно с резным орнаментом и рельефом придавали и большую четкость, и большую выразительность. Было верно замечено, что длинные ионийские фризы на одну тему, например фриз на сюжет амазономехии на храме Артемиды Левкофриены в Магнесии на Меандре, играли, по сути, декоративную роль, так же как и обильный витиеватый орнамент. Поэтому неудивительно, что в декоративных мотивах, оживлявших архитектуру Дидимейона, внезапно возникают человеческие элементы, например головы богов, или животные, например грифоны. Лики горгоны, головы быков (букраний), театральные маски, фиалы, розетки появляются на фризах и часто служат опорой для гирлянд. В скором времени начинают встречаться *путти*, маленькие шаловливые амурчики, играющие ту же роль, и эта тема будет использоваться для саркофагов: ее можно увидеть уже на рельефах Мавзолея в Сан-Реми (Прованс), сделанном в эпоху Августа и в чисто эллинистических традициях. Орнамент из варварских доспехов, вдохновленный трофеями, выставленными щедрыми атталидами после их побед над галатами, служили украшением баллюстрад или фризов, как, например, на пропилях святилища Афины в Пергаме: впоследствии римляне их широко использовали. Лепнина на стенах отличалась богатым рельефом и была раскрашена: плетеные завитки, переплетающиеся лавровые листья, всевозможные ветвевидные орнаменты,

разнообразные пальметты¹ стали добавляться к традиционному ионическому киматию и сердцам с копьями. Воображению дается широкий простор: в вестибюле Дидимейона цоколи двенадцати ионийских колонн очень сильно различаются по своему типу, иногда очень далекому от канона: у некоторых двадцатигульный элемент с резной панелью занимает место под торусом с переплетенными листьями, все панели украшены разными мотивами. Так же ионийские капители делаются сложнее и богаче, и распространяется использование коринфской капители, так что она становится традиционной в эпоху императорского Рима. Все это развивается в направлении большей пышности, которая должна была отвечать духу эпохи, обнаружившей страсть к роскоши и уже не желавшей удовлетворяться сдержанностью классических зданий.

Народные площади и святилища пополнялись дарами: одни приносились полисами или царями, другие, все более многочисленные, дались частными лицами. Мы уже видели на примере статуи Мего в Мессене, что это были за монументы, воздвигаемые из родственной любви или почитания и связанные с традиционными вотивными приношениями. Для этих даров появились новые архитектурные элементы: статуи устанавливались на спинке скамей для публики или в *экседрах*, которые делались прямоугольными (с двумя боковыми выступами) или полукруглыми и на которые садились прохожие; их поднимали за и над статуями на постаменте, который держали две колонны, или наверху высокого четырехугольного столба. Эти два последних решения были использованы в Дельфах, особенно перегруженном архитектурными элементами святилище. Римские триумфальные арки, которые делались на огромных цоколях для скульптурных групп, расположенных поперек прохода, над сводчатым входом, в значительной степени переняли этот эллинистический опыт.

Среди этих приношений особое место занимают скульптуры животных. Уже известные в предыдущие эпохи, теперь они становятся многочисленнее, свидетельствуя, таким образом, об

¹ Пальметта — орнаментальный мотив с вытянутыми радиально из волот цветочной чашечки веерообразными лепестками, часто в виде гирлянд, в которых пальметты соединялись усиками.

общем обогащении верующих. Этот тип даров имел весьма специфическую функцию: устанавливая в святилище бронзовое или мраморное изображение животного, которое было посвящено данному божеству, даритель увековечивал память о пожертвовании и придавал ему таким образом большую ценность в глазах и богов и людей. Рассказы, связанные с монументами такого рода, которые неоднократно встречаются у Павсания в его «Описании Эллады», дают четкое представление о смысле этого обычая, который был широко распространен и обеспечивал богатой клиентурой скульпторов-анималистов. Задачей этих последних было воспроизводить с наибольшей достоверностью истинный облик приносимой на заклание жертвы, поскольку речь шла об увековечивании с помощью искусства конкретной и преходящей реальности. Отсюда поразительный реализм, проявлявшийся в этих анималистических изображениях эпохи начиная с архаического искусства и до искусства эллинистического периода, когда стремление к экспрессивным деталям при мастерстве художника особо благоприятствовало этой форме искусства. Своего рода демонстрация щедрости и могущества, проявляемая здесь государями и даже просто богатыми гражданами, приводила к причудливым идеям: так, например, жрец Аполлона в Кирене в середине III века до н. э. пожелал возвести возле священного источника несколько скульптур волов в память о массовом заклании, совершенном на его средства. Об этом говорит обнаруженная в двух экземплярах эпитафия, высеченная на основании каждой из этих статуй: «Этот памятник Гермесандр, сын Филлона, увековечил за источником, после того как принес жертву богине, приведя в храм по случаю праздника Артемиды сто двадцать волов. Отсюда эти дары, одновременно украшающие, напоминающие и прославляющие». Бронзовые статуи богов Гермесандра, возвышающиеся над эспланадой перед храмом, постоянно напоминали о щедрости дарителя, одного из крупнейших земельных собственников, управлявших полисом Киреной, и о том, что он выделил из своих стад эту тучную жертву для заклания. Латинский поэт Проперций (II, 31, 7—8) в эпоху Августа увидел в Риме, у храма Аполлона на Палатинском холме, бронзовую группу быков такого же рода, которую, видимо, привез в числе своих трофеев с Востока какой-то генерал-победитель:

«Вокруг алтаря были расставлены в виде стада четыре статуи быка, сделанные полными жизни скульптором Мироном». В 217 году до н. э., после победы при Рафии, спасшей Египет от селевкидского вторжения, Птолемей IV Филопатор принес в жертву Гелиосу четырех боевых слонов. Известно, что Лагиды устраивали на своих южных территориях охоту на слонов, для чего существовали специальные отряды. Пожертвованные богу четыре бронзовых слона увековечили память об этом. Религиозная скульптура в эту эпоху имела возможность обращаться к другим экзотическим сюжетам: так, например, Павсаний (IX, 31) отметил в святилище муз на Геликоне, в Беотии, портретную скульптуру царицы Арсинои II, сестры-супруги Птолемея II Филадельфа, «верхом на бронзовом страусе». Весьма странный пьедестал для изображения этой блестящей царицы, которая покровительствовала поэтам и тем самым заслужила честь быть запечатленной в скульптуре рядом с Иппокреной в долине Аскры! Избрание страуса в качестве постаментов для нее показывает, во всяком случае, какой интерес имели у художников и у народа заморские диковины: эллинистическая эпоха тяготела ко всему необычному, причудливому, живописному, фантастическому и странному, ко всякого рода удивительным событиям и неожиданным развязкам и всему тому, что римляне впоследствии обозначат общим термином *mirabilia*¹. Появившиеся тогда в большом количестве сборники невероятных историй отвечали стремлению к экзотике, выразившемуся в изобразительном искусстве.

* * *

Следует ли, таким образом, отнести на счет этого столь животрепещущего и столь сильного интереса к экстраординарному поразительное развитие театра, произошедшее в греческом мире в эту эпоху? По правде говоря, само это развитие слишком долго ускользало от внимания историков. Престиж великих афинских трагедий V века до н.э. и гений Аристофана — при том, что позднейшие драматические произведения не сохранились вообще — заставили предположить, что в этой существенной области

¹ *Mirabilia* — чудеса (лат.).

античной литературы греки последующих веков утратили творческий дух и обратились к старой форме искусства. Поэтому как только были обнаружены целые пьесы и значительные фрагменты комедий Менандра, внимание публики снова обратилось к новой комедии, хотя социальное значение эллинистического театра не осознавалось в полной мере, разве что специалистами. На самом деле почти все театры, руины которых, до сих пор впечатляющие, встречаются в греческих городах и святилищах, восходят к эллинистической эпохе, даже если в дальнейшем они подверглись значительным переделкам в эпоху Римской империи. Даже в Афинах, колыбели драматического искусства, только при Ликурге, бывшем современником Александра Великого, впервые был полностью построен из камня театр Диониса. Театр в Эпидавре был сооружен, вероятно, позже, и его возведение длилось до III века до н. э. Все театры в великих святилищах относятся к эллинистической эпохе: в Додоне, на Делосе, в Дельфах. Каждый город желал иметь свой театр, и именно в это время появляются театры в крупных полисах — Анатолии, Милете, Эфесе, Пергаме. Уже само по себе появление в таком количестве специфических зданий, возведение которых обходилось очень дорого, свидетельствует о роли, которую играли драматические представления в жизни эпохи: отнюдь не являясь пережитком и отнюдь не ограничиваясь лишь переделкой произведений классических драматургов, театр в это время был исключительно жизнеспособен.

Этой жизнеспособностью он был обязан прежде всего огромной популярности и широкому распространению культа Диониса, с которым изначально было связано театральное действие. Праздники божества, *дионисии*, отмечались повсюду и включали в себя состязание в дифирамбах (характерная хоровая песня культа Диониса), трагедии и комедии и даже сатировской драмы, о которых говорят множество эпиграфических свидетельств. Кроме того, распространился обычай включать драматические хоровые песни во многие другие праздники — например, Аполлона, покровителя певцов и поэтов, а также других богов и в общем порядке в большинство крупных праздников, где эти представления пользовались особой любовью публики. Отныне традиция, которая изначально сохранялась в Афинах и в очень немногих

других полисах (на Сицилии, например), стала повсеместной. Такому распространению способствовали организация актеров и их коллег в артистические братства (называемые *технитами*), которые находились под покровительством Диониса и объединяли этих мастеров религиозных представлений. Переезжая из одного полиса в другой по мере необходимости, они позволяли участникам праздников и состязаний предлагать народу представления, намного превосходящие тот уровень, которого мог достичь в классическую эпоху хор любителей, нанимаемых и обучаемых каждый раз среди горожан. Кроме того, состязания уступили место самим актерам, которые получали приз на том же основании, что и поэты и музыканты. Уважение и восхищение, вызываемые текстами великих классиков, привели в IV веке к признанию реприз, бывших ранее немислимими, и эти репризы, которым не требовалось завершения, потому что сама пьеса была завершена, акцентировали агон («состязание» актеров). Однако — и это было правилом — богу продолжали предлагать и новые пьесы: в этом дионисийский культ не отличался от других культов, для которых было нормой сочинять новые гимны и пеаны для каждого праздника. Отсюда постоянный спрос на новые произведения поэтов и музыкантов: поскольку религиозных праздников становилось все больше и поскольку благодаря щедрости правителей они зачастую были пышнее, чем раньше, эллинистическая эпоха стала для литературы и искусства периодом интенсивного творчества, где у множества писателей и артистов была клиентура, готовая хорошо оплачивать их произведения.

Вопреки очень распространенному мнению, эта литература не была исключительно кабинетной, удовлетворявшей вкусам одних только просвещенных людей. Она, как и прежде, создавалась по особым случаям, отвечая потребностям общества, то есть требованиям культа и религиозных праздников. Драматические поэты творили тогда в большом количестве. Но лишь немногие имена избежали забвения: среди трагиков — Александр из Этолии, Ликофрон из Халкиды (чья поэма «Александра» сохранилась), Филлос с Керкиры, Гомер из Византия; среди комедиографов за Менандром, известным лучше, следуют Филемон из Сиракуз, получивший право гражданства в Афинах, Дифил из Синопы, Аполлодор из Кариста, Посидипп из Кассандрии

и целый сонм других авторов (по крайней мере, до нас дошли шестнадцать имен). Весь этот огромный корпус произведений для театра утрачен: только несколько прославляющих надписей и несколько отрывочных цитат на папирусах напоминают, какую славу имели при жизни эти поэты. Разумеется, их произведения не достались потомкам в числе тех, что изучают в школах, уступив нескольким пьесам Эсхила, Софокла, Еврипида и Аристофана, которые наряду с Гомером и Гесиодом были духовной пищей молодых греков. Из этого ошибочно было бы заключить, что эти эллинистические драматурги не имели признания. Они нравились, конечно, более требовательной и более просвещенной публике, чем она была в Афинах V века до н. э. Ученые оценивали их как утонченных писателей. Такой великий мастер литературы, как Каллимах, в эпиграмме, безусловно выражающей его позицию, утешает своего друга Теэтета из Кирены, испытавшего провал в дионисийских состязаниях:

Новой дорогой пошел Феэтет. И пускай ему этим
Новым путем до сих пор, Вахх, не дается твой плющ, —
Пусть на короткое время других восхваляет глашатай, —
Гений его прославлять будет Эллада всегда¹.

Увы, у нас нет возможности оценить гений, пленивший такого знатока, как Каллимах.

Специально для этих новых пьес материальное устройство театра подверглось определенным трансформациям, имевшим огромные последствия. Известно, что в классическую эпоху в трагедиях и комедиях актеры и хор находились все вместе на круглой площадке, называемой *орхестрой* (то есть «площадкой для танцев»), напротив которой на естественном склоне полукругом располагались скамьи для зрителей. В центре оркестры был установлен алтарь Диониса, вокруг которого двигался хор. Хор и два или три актера по ходу трагедии часто вели диалог или же иногда в комедиях вступали в стычки, которые были возможны, только если хор и актеры находились на одном уровне. И только находившееся перед так называемой *скеной* («палатка» — потому что

¹ Перевод Л. Блуменау.

первоначально это была легкая конструкция из дерева и полотна) небольшое деревянное возвышение, куда вели несколько ступеней, позволяло выделять актеров, занимавших чуть более высокую позицию по отношению к хору. *Скена* тогда не была сценой в современном значении слова, а просто кулисами, играющими исключительно декоративную роль и служащими задником во время спектакля. Эллинистические театры отказались от этой конструкции, традиционной до конца IV века до н. э., и заменили ее другой, предвещающей устройство современных театров, а именно настоящей сценой для актеров.

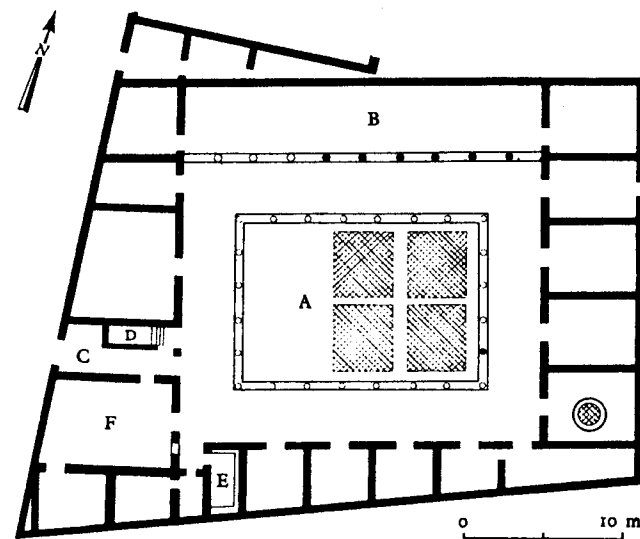
Главные элементы этого нововведения отчетливо видны в первые годы III века до н. э. в театре Приены. *Скена*, сооружаемая в эту эпоху из камня, была снабжена достаточно высоким ярусом. Перед нижней площадкой, напротив оркестры, вырос дорический портик, поддерживаемый рядом колонн, на которые спереди опирались полуколонны. Этот портик вместо крыши имел деревянный настил, куда можно было попасть через дверь с яруса *скены*. Именно на этом настиле выступали актеры, и именно он стал отныне сценой в нашем понимании. Хор по-прежнему располагался на *оркестре*, почти тремя метрами ниже, не имея прямой связи со сценой. Наконец, внутренняя лестница позволяла попасть на уровень навеса *скены*, то есть на третий этаж: он служил для появления богов. Портик перед *сценой* назывался *проскением*. Вероятно, портики такого рода воздвигались еще раньше — в IV веке до н. э., но они были исключительно декоративным элементом перед кулисами, а не площадкой для актеров. Об этом замечательно свидетельствует остроумие комедийного поэта Антифана: говоря о старой куртизанке по имени Наннион, которая жила в эпоху Александра Великого, он награждает ее прозвищем *Проскения*, потому что она одевалась в пышные одежды, а раздевшись, выглядела отвратительно — как *проскений* в театре, который без своих раскрашенных декораций был просто голым остовом. Инновация сделала из него опору для площадки, предназначенной для актеров. Отныне они, прекрасно видимые на приподнятом настиле, четко отделялись от хора, чья роль стала абсолютно второстепенной: в комедиях Менандра у него нет слов, и он появлялся, только когда хористы должны были исполнить несколько танцевальных движений между эпизодами пьесы.

Эта существенная трансформация инсценировки, без сомнения, отвечала серьезной эволюции в самой концепции драмы: теперь акцент делался на индивидуе, на его поведении и его психологии, а не на трагическом или комическом действии в целом, которому комментарии от хора придавали общественное звучание. Наибольший интерес теперь вызывало не столько грозное вмешательство Судьбы и богов, которое уничтожало человека, сколько характер каждого трагического героя, его индивидуальные поступки и человеческая сторона его персонажа. Для этого требовался профессиональный актер. На высокой, изолированной, отлично просматриваемой сцене он привлекал к себе взгляды и мог раскрыть все ресурсы своего голоса и мимики. Он также использовал различные приемы, чтобы усилить свое воздействие. Трагические маски, которые применялись не в качестве рупоров, как ошибочно пишут, а чтобы позволить одному актеру сыграть в пьесе несколько ролей, — эти маски, бывшие когда-то крайне простыми, приобрели значительные размеры: их вытянули вверх, снабдив высоким чубом, который придавал им странный, очень характерный вид. Кроме того, около середины II века до н. э. начинают использоваться сандалии на очень толстой подошве, призванные еще больше вытянуть силуэт, позже они превратились в котурны. Так постепенно определялись основные черты эллинистического театра, театра скорее актеров, чем драматического хора, скорее театра-спектакля, чем драмы, требующей постоянного содействия слушателей. Через Рим эта форма была воспринята миром Ренессанса и драматургией поздних веков, вплоть до того, что современное общество, устав от этой традиции, как и от многих других, постаралось вернуться различными способами и с неравноценным успехом к античной интерактивной литургии.

Эти театры, зачастую очень вместительные, где собирался народ целого полиса, позволяли гражданам осознать свое единство. Здесь также проходили все религиозные праздники, которые требовали присутствия толпы. Но это единение лучше всего выражалось в конструкции, продуманной для широкой публики, которой было бы удобно сидеть и которой предоставлялись бы свободный обзор и достаточная акустика. Так появился обычай использовать театрализованные представления, и особенно дионисийские, чтобы провозглашать о почестях, воздаваемых

благодетелям. Мы это видели, например, в декрете Аполлонии Понтийской, где Хегесагор должен был быть увенчан «золотым венком на Дионисиях», тогда как в его родном полисе, Истре, те же почести были провозглашены во время знаменитых Истрийских игр. И в том и в другом случае были использованы обстоятельства стечения толпы, чтобы обеспечить желаемую огласку решениям совета и собрания. Часто случалось, что театр становился местом политических собраний. Так, в Мегалополе, столице Союза аркадских полисов, в огромном театре проходили заседания федеративного собрания.

Еще один значительный элемент общественной жизни — гимнасий. Это комплексное сооружение, чьим первоначальным предназначением, как указывает его название, было проведение занятий физическими упражнениями. Здесь мы находим прежде всего палестру, специальное здание, располагающее вокруг большого четырехугольного двора раздевалки, залы для тренировок, купальни, а также экседры — открытые галереи со скамьями для отдыха и бесед — и даже залы для собраний. Рядом с палестрой находилась открытая беговая дорожка, иногда дублировавшаяся крытой дорожкой, используемой в плохую погоду, и та и другая длиной в один стадий (около 190 м). Когда позволяли обстоятельства, рядом с гимнасием оборудовали стадион. Наконец, бывало, как в Дельфах, что к этим сооружениям добавлялся бассейн под открытым небом: но дефицит воды, по крайней мере в Элладе, практически не давал возможности расширять подобного рода удовольствия. Зато, как правило, в гимнасии везде были купальни, зачастую с желобами для мытья ног. Здесь стоит напомнить, что в эллинистическую эпоху забота о физической чистоте получила широкое распространение: в каждом доме имелся уголок для гигиенических процедур, а то и настоящая купальня с ванной, и общественных бань становилось все больше. В них было больше круглых помещений, чем четырехугольных, с множеством резервуаров для сидячих ванн, а во внутренней стене под каждым резервуаром была сделана ниша, служившая полочкой для гигиенических средств, используемых

20. Делос: гранитная палестра

Возведенная в середине II века она представляет собой прекрасный образец такого рода сооружений. Палестра выстроена вокруг большого двора, чей облицованный плитами пол держится на сводах цистерны (А). Портик окружает двор с четырех сторон. Он возвышается над галереей, образуя этаж. Северный портик дублируется по нижнему ярусу длинной галерей (В), отделенной от него

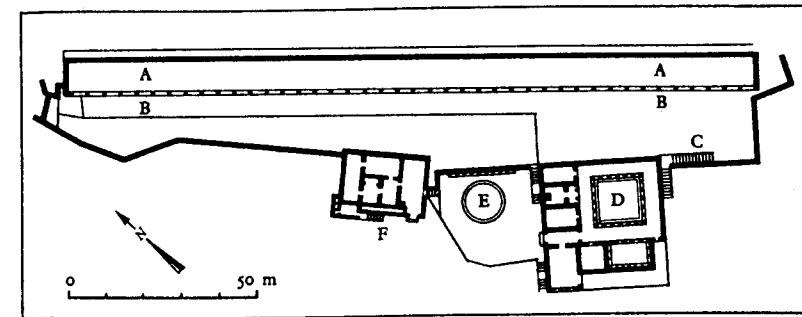
колоннадой. Вход (С) находится на западе. Лестница (D) позволяет подняться на этаж. Ряд комнат выходят на центральный двор. Одна из них (Е) представляет собой отхожее место. В большой комнате (F) южнее входа была обнаружена знаменитая бронзовая голова, названная Портретом мужчины из палестры (хранится в Национальном музее Афин).

в качестве мыла — это последнее не было известно в античной Греции. Эти общественные заведения, как и купальни в гимнасии, были предшественниками римских терм.

Переоценить роль гимнасия в жизни эллинистического полиса невозможно. Здесь юноши и зрелые мужчины занимались прежде всего атлетикой: бегом, прыжками, метанием копья, кулачным боем, борьбой, некоторые атлетические дисциплины образовывали связный комплекс, называемый *пентатлоном* (или пятиборьем) и в таком качестве входивший в программу игр. Чтобы подстегнуть соревновательность, организовывались многочисленные состязания: *агонистический* дух, которым было

проникнуто греческое общество в предшествующие периоды, несколько не ослабел. Большинство таких состязаний не выходило за рамки полиса-устроителя, даже если к участию в них допускались чужеземцы. Другие имели широкую известность во всем греческом мире и собирали лучших атлетов любого происхождения, при условии, что их считали греками. Эти состязания назывались священными, или *stephanites*, поскольку наградой в них был не денежный приз, а лишь венок из листьев; каждые четыре года в Олимпии и Дельфах, каждые два года в коринфском Истме и в Немее эти соревнования, учрежденные в раннюю эпоху, продолжали собирать спортивную элиту эллинского мира, куда вскоре были допущены и римляне. За содержанием спортивных объектов тщательно следили, что требовало немалых средств. Дельфийский реестр, датируемый 247—246 годами до н. э., подробно расписывает расходы, понесенные в тот год в связи с Пифийскими играми: они были потрачены на гимнасий, где тренировались участники, на стадион и на ипподром для соревнований. Стадион, где проходили Немейские игры, только недавно был раскопан американскими археологами и позволил представить грандиозные масштабы, в рамках которых проводились эти состязания. В эллинистическую эпоху престиж этих всеэллинских игр несколько не померк. Их считали соревнованиями особой категории, которую называли *periode* (цикл), и победа в этих четырех больших состязаниях была наиболее почетна для атлета: она давала ему желанный титул — «победитель цикла», или *периодоник*.

Эллинистические полисы стремились устраивать по подобию этих престижных священных игр другие соревнования с такой же периодичностью в два и четыре года, требуя от других полисов в их отношении такого же уважения, как и для игр цикла. Чтобы добиться такого признания, имевшего официальный характер, поскольку эти новые соревнования, как и старые, всегда были привязаны к религиозным праздникам, в различные полисы отправлялись послы, которых называли феорами и которые ходатайствовали о подтверждении такого признания декретом. У нас есть множество эпиграфических документов, относящихся к этим переговорам: например декреты семидесяти греческих городов, признающих учреждение праздников в Магнесии

21. Дельфы: план гимнасия

Расположенный ниже Каstialского источника гимнасий занимает два уровня. На верхней террасе оборудованы беговые дорожки: крытая дорожка — вытянутый стадион, так называемый ксис (A), перед которым идет еще одна дорожка под открытым небом — парадром (B). На нижней терраса, которая

сообщается с верхней посредством лестницы (C), размежены палестра (D) с перистильным двором и пристроенными комнатами и открытый бассейн (E) круглой формы. Этот бассейн прекрасно сохранился. В эпоху Римской империи эти постройки были дополнены небольшими термами (F).

на Меандре в честь Артемиды Левкофриены, или декреты относительно праздника Асклепия на острове Кос. И *сотери* в Дельфах, праздник, установленный Этолийским союзом в память о разгроме галлов, которые в 278 году до н. э. угрожали святилищу, получили такой же статус. Увеличение числа этих священных игр является примечательным свидетельством живой преемственности религиозных и гражданских традиций в эллинистическую эпоху. Они в значительной степени способствовали поддержанию связей между полисами: каждый раз накануне этих регулярных состязаний полис-организатор поручал своим феорам пригласить чужеземные полисы к участию в празднике посредством официальных делегаций. Таким образом, между городами устанавливалась целая система взаимоотношений: феоры каждый раз останавливались у одних и тех же хозяев, которых называли *феородоки* — «принимающие феоров» — и список которых заботливо сохраняли. В Дельфах был обнаружен такой список, выгравированный в начале II века до н. э., в нем перечислялись полисы, которые посетили священные послы дельфийцев перед Пифийскими играми, разделив греческий мир

на большие географические зоны. Этот документ предоставляет крайне важную информацию относительно политической географии того времени.

Для занятий в гимнасии атлеты разделялись на группы по возрасту: *детей*, или *безбородых*, соответствующих нашим юниорам, *юношей* и *зрелых мужчин*. Две последние категории объединялись во время соревнований, которые выделяли только «детей» и «мужей». Это деление было призвано не только уравнивать возможности спортсменов в соответствии с их возрастом — в нем отражались военные истоки атлетического воспитания, которое первоначально служило для подготовки граждан к их солдатским функциям. Даже когда эти функции, не исчезнув полностью, стали тем не менее значительно легче в связи с всеобщим использованием наемников, связь между гимнасией и армией так полностью и не оборвалась. В полисах, где существовал институт эфебии, юноши, или *эфебы*, проходившие в течение года или двух обязательную или добровольную службу, посещали гимнасий и занимались там не только физическими упражнениями, но и учились обращаться с оружием; среди должностных лиц, упоминаемых в надписях в Афинах и других городах, встречаются инструкторы по стрельбе из лука, метанию копья, обращению с оружием гоплита (копье, меч и щит) и легковооруженного пехотинца и даже по стрельбе из катапульты. Все возрастные группы проходили эту подготовку. Из кратких упоминаний в текстах тем не менее становится очевидно, что юношей также готовили к военным операциям: ставшая недавно известной надпись в Беренике (Ливия) восхваляет гражданина этого города, возглавившего отряд юношей, чтобы защищать разоренную разбойниками и пиратами деревню в первой половине I века до н. э.

Наконец, гимнасий был подходящим центром для человеческого общения и распространения культуры. Для юношей и зрелых мужчин, которые зачастую не имели регулярной профессиональной деятельности, частое посещение гимнасия было предпочтительным занятием. Под покровительством традиционных божеств, которые благоволили физической культуре как таковой, — Гермеса и Геракла, — граждане и чужеземцы (но не рабы, кроме тех, кому это требовалось по роду службы) добровольно

встречались в этих огромных сооружениях, которые располагались или на окраинах, где было сколько угодно места, или в самом городе, где эллинистические архитекторы умудрялись встраивать гимнасии в городскую планировку. В Афинах в эту эпоху было пять гимнасией: три старых (Ликей в западной части, Академия — в северо-западной, Киносарг — в южной; все располагались вне города) и два новых: гимнасий Птолемея (возведенный на средства Птолемея III Эвергета) прямо на агоре, в самом центре полиса, и гимнасий Диогена, тоже в городе, построенный в конце III века до н. э. в честь главы македонского гарнизона, который за денежный выкуп согласился покинуть Афины в 229—228 годах до н. э. и считался поэтому благодетелем полиса. Однако эти пять учреждений использовались не только для атлетической подготовки, ради которой они сооружались. Ликей, где еще в V веке до н. э. выступал с лекциями Протагор, в следующем столетии стал местом преподавания Аристотеля, а позже — его последователей: прогулки, *peripatoi*, которые философ и его ученики совершали по галереям этого гимнасия, дали название их школе — *перипатетики*. Академия, получившая свое название от имени героя Академа¹, была местом, где в возрасте сорока лет начал преподавать Платон; после его смерти в 347 году до н. э. преданный Ксенократ, а позже другие главы этой школы, названной Академией, продолжили проводить здесь занятия. В Киносарге в расцвет классической эпохи распространял свое учение философ Антисфен: отсюда название *киники*, под которым стала известна его школа. Таким образом, эти три гимнасия дали рождение трем великим философским традициям. Что касается гимнасия Птолемея, где, согласно Павсанию (I, 17), была установлена статуя стойка Хрисиппа рядом со статуей основателя лагидской династии, то в ней размещалась богатая библиотека, упоминающаяся в надписях; именно сюда переместилась академическая школа вместе с Антиохом из Аскалона², когда войска Суллы, разорявшие аттические деревни во время осады Афин

¹ Академ — в греческой мифологии афинянин, который помог Кастору и Полидевку найти их сестру Елену, похищенную Тесеем. Считалось, что Академ похоронен в священной роще к северо-западу от Афин, где учил Платон.

² Антиох из Аскалона — философ, представитель новой Академии, учитель Варрона и Цицерона.

в 87—86 годах до н. э., разрушили гимнасий в Академии. Наконец, гимнасий Диогена, продолжавший функционировать до конца III века н. э., тоже был центром литературного и научного обучения. Плутарх в начале II века н. э. видел там стратега Аммония, «экзаменовавшего по литературе, геометрии, риторике и музыке обучавшихся там эфебов» (Этика. 736d).

Таким образом, гимнасий был одновременно образовательным учреждением, местом общения и отдыха и комплексом зданий и сооружений для физических тренировок, и все это находилось под покровительством традиционных божеств, культ которых сохранялся до конца античной эпохи, или обожествленных правителей, которых зачастую почитали как благодетелей. Свободные граждане обычно общались здесь. На стенах или обнаруженных при раскопках памятниках остались десятки надписей, в которых посетители гимнасиев увековечили свои имена, в ряде случаев добавив к ним дату, как это делается в наши дни. Гимнасий, как и театр, был средоточием активной жизни для эллинской цивилизации не только в старой Греции, но и повсюду, где македонские завоеватели и их солдаты основали полисы. Участвовать в жизни гимнаси, входить в число «натирающихся маслом», как называли пользователей этих учреждений, значило поддерживать греческую культуру или — для чужеземцев — принимать ее. Введение гимнасиа в иудейское общество эллинизированным первосвященником Язоном стало одной из главных причин восстания 167 года до н. э. ортодоксальных иудеев, последовавших за хасмонейскими вождями и Иудой Маккавеем. Гимнасий лучше всего представляет разделяемый греками в целом идеал эллинистического воспитания, совмещающего в себе развитие тела с помощью физических упражнений и обогащение духа через изучение литературы, риторики и философии, — идеал человека, хранителя традиции и культуры, но при этом совершенно свободного от повседневной суеты, потому что он не занимался никаким ремеслом. Человек эллинистической эпохи, как и грек эпохи классической, — это человек свободный, независимый и праздный: благодаря чужому труду, институтам полиса, доброжелательному покровительству правителей, он мог посвятить себя согласно собственным вкусам размышлениям, общественной жизни или государственному служению. Он принадлежал к привилегированной категории,

и здесь мы сталкиваемся с той фундаментальной идеей, что все античное общество держалось на рабстве, которое освобождало граждан от повседневных обязанностей материального плана и тем самым позволяло им обратиться к культуре.

* * *

Эти эллинистические города, очаги цивилизации, такие оживленные и такие блистательные, тем не менее постоянно ощущали для себя опасность, исходившую от конфликтов, непрерывно вспыхивавших между полисами или между правителями, когда не было угрозы со стороны варваров. Чтобы обеспечить свою безопасность им приходилось прилагать большие усилия для защиты: периодически укреплять крепостные стены и постоянно содержать армию. Война, бывшая неизменной данностью греческого мира момента его рождения и самим принципом эллинистической монархии, по-прежнему обременяла существование этих урбанистических сообществ, пока власть Рима не ввела свой закон и не положила конец многовековой традиции конфликтов. Здесь более явно, чем в любой другой сфере, обозначился разрыв между эллинистической эпохой и эпохой империи: первая подчинялась необходимости защищаться, которая существовала в каждом царстве и каждом полисе, вторая освободила полисы от этого тяжелого бремени, возложив его отныне на империю и ее легионы, и, таким образом, открыла для населения эллинизированного Востока долгий период мира. Лучше всего это демонстрирует пример Аполлонии в Киренаике: этот порт долгое время зависел от Кирены, естественными морскими воротами которой он был, но благодаря Риму он стал независимым полисом, и в нем был построен театр, который опирался прямо на стену акрополя, но с внешней стороны, что существенно снижало защитную ценность крепости, бывшую однако во всех остальных местах прочной. Посвятительная надпись перед сеной упоминает императора конца I века н. э. Домициана и таким образом дает хронологические уточнения, Решив возвести на этом месте великолепное здание, которое лишало крепостную стену, сложенную в III веке до н. э., ее защитной функции, которую она до тех пор исполняла для города;

магистраты и народ Аполлонии в первом веке империи осознали, что эта защита больше не нужна и что отныне в деревнях Киренаики и на омывающем ее море воцаряется безопасность, гарантируемая римской армией.

Очертания этой стены, значительная часть которой хорошо сохранилась (вся северная половина была разрушена морем), очень характерны для городских укреплений эллинистической эпохи. Это непрерывная линия, хотя она практически нигде не соответствует перпендикулярам улиц: стена следует вдоль крепких рубежей местности, максимально используя ее естественное оборонительное значение. В этом месте на морском побережье невысокие холмы, протянувшиеся параллельно береговой линии, закрывали вид на равнину, которая простиралась к югу до гор, и позволяли наблюдать за морем и портом. Крепостная стена соответственно шла по краям обрыва, опираясь на скалы, которые изнутри города дробили каменоломы, чтобы получить строительный материал, выпиливая таким образом глубокие рвы, которые увеличивали высоту стены. План сочетал два типа укреплений: кремальберное и башенное. При первом, преимуществом которого была экономичность, в стене делался ряд перпендикулярных уступов длиной в несколько метров, каждый из этих выступов позволял прикрывать с помощью метательного оружия куртину, которая к нему прилегала. Длина куртин зависела от возможностей метательного оружия: если речь о копьях и стрелах, то каждый фланкированный отрезок стены был не длиннее 20—30 м. Однако в Аполлонии куртины достигали в длину обычно 50—60 м: дело в том, что укрепление было рассчитано на применение военных орудий — катапульт, стрелявших мощными снарядами, которые были способны поразить нескольких человек и протяженная траектория которых обеспечивала эффективное прикрытие на большее расстояние по сравнению со стрелами. Применение этих орудий как для атаки, так и для защиты крепостей распространяется в IV веке до н. э. и становится всеобщим в эллинистическую эпоху. Крепостная стена Аполлонии является типичным примером этого. Каждый уступ предполагал наличие катапульт, стрелявших параллельно куртине, расположенной справа (по отношению к защитнику): таким образом, осаждавший, пытавшийся атаковать эту куртину, подставлял под

удар свой правый бок, не прикрытый щитом. Катапульты устанавливались в исходящем углу стены, который поэтому делался в виде четырехугольной башни, удлиняющей куртину слева и почти целиком встроеной в эту куртину, угол которой она образовывала. Эти башни могли иметь несколько ярусов, каждый из которых образовывал каземат с бойницей для стрельбы в направлении следующей куртины. Эти амбразуры могли быть защищены деревянными ставнями, поворачивающимися вертикально на двух боковых осях, крепившихся на раме амбразуры. Так совершенствовалась система фортификации, идя по пути технических ухищрений, которые мы обнаружим в Средние века.

Кое-где в связи с особенностями местности кремальберная схема заменялась башенной с четырехугольными или круглыми башнями, выступающими наружу стены. В частности так были сконструированы двое крепостных ворот шириной четыре метра. Одни, западные, были защищены широкой круглой башней; другие, на юге, ведущие на агору, в порт и квартал акрополя, были обращены к деревне, охраняемой мощной четырехугольной башней. И те и другие открываются не только перпендикулярно стене, но и параллельно ей посредством стены, связывающей сильно выдающуюся охранную башню и куртину: такая хитроумная планировка обеспечивала лучшую защиту ворот, заставляя осаждающего, если тот собирался занять проход, повернуться боком.

Эти эллинистические крепостные стены отныне зачастую возводились целиком из строительного камня, а не из кирпичасырца на каменном основании, как раньше. Толщина этих крепостных стен с башнями была поразительной: равномерная кладка с периодически повторяющимися уступами для лучшей стыковки крупных каменных блоков, обычно обработанных под руст, которые усиливали прочность внешней облицовки стены и в то же время украшали ее за счет оживлявшей ее игры теней. Вспомним замечание Стендаля о том, что «красота — это лишь остроумие полезного». Иногда архитекторы разрабатывали эти стены с еще большей тщательностью: каждый камень по стыкам обтесывался, как в самых изысканных зданиях; угловые стыки были кропотливо выровнены; выступы максимально сглажены — рабочий оставлял своим инструментом параллельные диагональные борозды.

Таким образом, необходимое защитное кольцо, которым окружал себя полис, становилось при этом его украшением, изобретательность греческих ремесленников смогла придать эстетическую ценность техническому требованию.

Эти укрепления обходились очень дорого. Мы уже видели это на примере маленького полиса Китиниона в Дориде, которому пришлось по всему эллинскому миру собирать пожертвования для возведения своих крепостных стен. Но как было выжить без этой защиты от набегов чужаков или пиратов? В эллинистическую эпоху увеличилось число городских укреплений и крепостей. Например, знаменитые греческие «препоны»: Деметрия в заливе Воло, Халкида на Эвбее, контролировавшая пролив Эврип, и Акрокоринф, возвышавшийся на Истме. Или крепость Мунихия в Пирее, оккупации которой македонянами было достаточно, чтобы на все время их пребывания там подчинить себе Афины. Хорошо охраняемые закаленными в боях войсками, эти крепости можно было взять разве что внезапным налетом или с помощью предательства. От того времени до нас дошло множество историй, рассказывающих об успешных или неудачных попытках такого рода, самая знаменитая из которых, без сомнения, взятие Аратом Коринфа и его крепости за одну ночь летом 243 года до н. э. Во всяком случае, для правителей и народов это было источником постоянного беспокойства, о чем свидетельствует труд военного инженера III века до н. э. Филомена Византийского, называемого также Механиком, озабоченного одновременно техникой и тактикой. В своем сочинении он рассматривает военные машины, в частности катапульты, действия армии во время войны, ведущие к осаде, а также и по преимуществу способы защиты, сооружения вне города, такие как некрополи, где мавзолеи в несколько ярусов могли служить оборонительными пунктами, или внутри города, где он советовал группировать население кварталами, которые можно было бы при необходимости изолировать, блокируя улицы в случае вторжения врага в город; он предусматривал запасы пропитания, оружия, техники и содержание опытных врачей для ухода за ранеными. Эти очень подробные трактаты, не претендовавшие на какую-либо литературную ценность, отвечали потребностям общества. Они дают нам живую картину военных реалий, среди которых существовали люди того времени.

Противостоящие друг другу армии тогда вербовались из двух источников. Один контингент соответствовал гражданской традиции и набирался в каждом полисе из числа граждан, которые всегда обязаны были нести военную службу для защиты общества. Теоретически для них был введен институт эфебии, хотя, как это было в Афинах, обязательный характер этой службы был отменен, а ее продолжительность сокращена. Тем не менее юноши, которые ее исполняли, эфебы, все так же стояли гарнизоном в укрепленных пунктах и тренировались под началом специальных учителей; они участвовали вооруженными в религиозных и гражданских церемониях, и народ оказывал им почести за их патриотизм, прилежание и усердие на службе государству и за их послушание приказам магистрата, командовавшего ими, — *космета*: аттические надписи свидетельствуют об этом аспекте гражданской жизни, о котором мы уже упоминали в связи с гимнасием. Но развитие военной техники в сочетании с изменениями в образе жизни значительно сократило в эллинистических армиях контингент, набираемый из граждан, в пользу корпуса наемников, расширив процесс, который начался еще с IV века до н. э. Теперь в связи с огромными потребностями в личном составе, которые испытывали армии царей из-за постоянных войн, в греческом мире сложился значительный рынок для вербовки профессиональных солдат. Существовали специальные места, где собирались кандидаты в наемники: мыс Тенар на южной оконечности горной цепи Тайгет был самым популярным из них. Аркадские горцы, пастухи Магнесии, грубые воины из Этолии или Македонии, критские лучники представляли многочисленный и весьма подходящий контингент, к которому добавлялись авантюристы и маргиналы из других регионов Греции.

В армиях появились также корпуса варваров, становившиеся все более многочисленными: иллирийцы, балканские народы, фраки на службе у Антигонидов; азиатские народы у Селевкидов; семиты и этнические египтяне у Лагидов. Любопытен пример галатов, для которых война была промыслом и которые то наводили ужас на династов и греческие полисы Фракии и Анатолии, то поступали к ним на службу. Это были опасные союзники, и Птолемею II в начале своего царствования пришлось резней подавить мятеж этих галльских наемников — что было

воспето Каллимахом. Однако эти варвары совершенно эллинизировались в контакте со своими греческими соседями и нанимателями; это прекрасно видно из стихотворной эпитафии галатскому офицеру, обнаруженной в Маронее, на фракийском побережье, и датируемой началом II века до н. э.: «Я, Брикон, сын Атевреста, лежу в этой земле. Из родной своей Апамеи я пришел во главе галатского войска и, бросившись в первых рядах в самое пекло яростной битвы, я пал. Но я попаду в великий град Праведников, если в Аиде чтят заслуги смертных». Этот галл, прибывший из Фрикии, чтобы возглавить в бою галатских наемников, несомненно на стороне царя Антиоха III, который вел военные действия в этом регионе в начале II века до н. э., был уроженцем одного из греческих полисов, основанных Селевкидами, возможно Апамеи Фригийской; он набрал в свое войско воинственных галатов, своих соотечественников, обосновавшихся в самом сердце Анатолии, вне фригийской территории. Но его эпитафия, сочиненная эпитафистом в очень непринужденной манере, с традиционными для этого жанра темами и размером дает понять, что он полностью принял обычаи и верования своих греческих нанимателей. Прекрасное свидетельство ассимилирующей силы эллинизма.

В соответствии с этими изменениями в организации армии и совершенствовании военной техники развивались и приемы боя. Фаланга, массивный строй, в котором тяжеловооруженные гоплиты, смыкавшие ряды за своими длинными копьями, обладали потрясающей ударной силой, оставалась главным элементом боевого порядка вплоть до римских побед II века до н. э. Македонское снаряжение усилило ее эффективность применением *сарисс* — копий длиной от 6,5 до 7 м, — которые воины во время атаки держали двумя руками. Обычное соединение насчитывало шестнадцать стоящих друг за другом шеренг, первые пять из которых держали свои копья горизонтально, подставляя противнику ошетилившийся смертоносными остриями фронт, атакующий всей своей людской массой, плотной, закованной в железо. Выпуклый македонский щит был круглым, как у классического гоплита; иногда он был богато отделан серебром, как щиты *аргираспидов*, или «среброщитоносцев», ветеранов Александра, сыгравших столь значительную роль в столкновениях

между диадохами. Форма касок изменилась: они увеличились в размерах, стали более закрытыми, сильнее защищали лоб и затылок и иногда снабжались рогами вместо плюмажа. Элитные войска отличались не только блеском своего оружия, но и пышностью одеяния: как сообщает Плутарх, в Пидне македонские отряды Персея ослепляли своими позолоченными доспехами и новехонькими красными хламидами. Фронтальное столкновение двух фаланг было страшным испытанием, где побеждал более сплоченный и более закаленный строй, стоило только противнику обнаружить свое слабое место. Поскольку вся эффективность такой тактики зависела от способности удержать сомкнутыми свои ряды, несмотря на потери, фаланга могла занимать боевую позицию исключительно на непересеченной равнине. Также она была неспособна быстро развернуться и вынуждена была прикрывать свои фланги и тылы легковооруженными войсками и конницей, в противном случае был велик риск, что строй рассыпется. Эти требования объясняют, почему этот потрясающий военный инструмент, унаследованный от греческой традиции и усовершенствованный македонской монархией, в конце концов уступил место римской инфантерии, такой же боеспособной, но более маневренной. Полибий в связи со сражением при Кеноскефалах (XVIII. 28—32) замечательно анализирует различия между двумя тактиками и вскрывает причины, принесшие победу легионам.

Фалангу окружали многочисленные легковооруженные войска различного рода: лучники, пращники, пехотинцы без кирас с маленькими щитами, солдаты-варвары со своим традиционным оружием. Галаты сражались в соответствии со своими обычаями: они шли в бой почти обнаженными, с косматыми волосами, с негнуцимся ожерельем (*торквесом*) на шее, с длинным мечом, с продолговатым щитом эллипсоидной или шестиугольной формы, усиленным в середине, с раструбными горнами в виде звериной пасти. Пергамские художники воспроизводили эти эстетические подробности в скульптурах, создаваемых в честь одержанных их царями побед против беспокойных соседей, и эта колоритность вошла в художественный арсенал мастеров и позже была воспринята скульпторами, творившими для Рима в ознаменование завоевания кельтской Галлии: галлы, изображенные

на арке в Оранже, — это на самом деле галаты, такие, какими их знали атталидские цари двумя веками ранее в Анатолии, а не реальные противники Цезаря.

Конница со времен Филиппа и особенно Александра стала ударным родом войск. Несмотря на отсутствие стремян, она бросалась в атаку и некоторые эскадроны были покрыты броней. Она была очень эффективна против легких родов войск и иногда, как это произошло при Гранике или при Арбелах, решала исход сражения. Наряду с ней была одна значительная инновация: применение боевых слонов. Александр познакомился с этой военной силой, когда сражался с индийскими царями, в частности с Пором. Из своего похода он привез в качестве трофея несколько слонов вместе с их погонщиками; эти невиданные животные поразили воображение современников настолько, что на деревянной панели, украшавшей погребальную колесницу Александра, перевозившую его набальзамированное тело из Вавилона в Мемфис, была изображена вереница боевых слонов, на каждом из них сидели индийский погонщик и вооруженный македонский воин, как написано об этом у Диодора (XVIII. 27). Согласно историкам, и прежде всего Диодору, крайне внимательному к тактическим ходам баталлий, в крупных сражениях между диадохами в бой вводились слоны — по несколько десятков и даже сотен животных. Получив пятьсот слонов от царя Сандракотты Маурьи, Селевк I убедился в их эффективности и решающей роли в сражении при Ипсе в 301 году до н. э., когда он, по свидетельству Плутарха, помешал Деметрию и его коннице присоединиться к фаланге Антигона, которая осталась без поддержки, была окружена и сдалась (Жизнеописание Деметрия. 28—29). Впоследствии на слонов стали водружать четырехугольную зубчатую башенку, откуда двое или трое солдат могли стрелять из луков или метать копья: такие башни на слонах уже использовал Пирр в своем походе в Италию и Антиох I в сражениях с галатами в 275—274 годах до н. э. Отныне боевой слон, снабженный башней и частично защищенный латами, поистине играл роль танка, который одновременно использовал свою ударную силу и стрелковую мощь своего экипажа. Лагиды вместо индийских слонов использовали африканских, которых отлавливали в южных пустынях между Нилом и Красным морем охотники под началом специально назначенных для этой задачи

офицеров. Но в качестве погонщиков по-прежнему были индийцы. Карфагеняне тоже переняли этот способ битвы, и римлянам пришлось столкнуться с их слонами, так же как раньше они встретились со слонами Пирра. Однако вскоре появились эффективные методы защиты от этих чудовищ: ни в битве против Ганнибала при Заме, ни в сражении с Антиохом при Магнесии римские войска не сильно пострадали от слонов противника, так что в эллинистических армиях вскоре перестали использовать этих животных в военных целях, кроме дальних государств Востока, где эта традиция, позаимствованная из Индии, сохранялась дольше.

Техника морского боя тоже подверглась инновациям, которые шли в двух противоположных направлениях: применение крупных кораблей, более мощных, чем триеры классической эпохи, и использование легких судов, удобных для пиратских действий. От триеры, конечно же, не отказались совершенно, но эти быстрые и легко управляемые конструкции не могли нести на борту боевые машины, и в их экипаже, состоявшем по преимуществу из гребцов, было слишком мало солдат — гоплитов и лучников. В 330 году до н. э. в афинском флоте кроме трехсот триер было восемнадцать *тетрер*, а через пять лет их стало уже пятьдесят. Мы не знаем, были ли это галеры с четырьмя расположенными друг над другом рядами гребцов или с двумя рядами весел и с двумя гребцами на весле. Скорее всего, второе, поскольку увеличение числа надстраиваемых рядов создавало почти неразрешимые технические проблемы: судно становилось слишком высоким, чтобы сохранять устойчивость в беспокойном море, а длина верхних весел не позволяла управляться с ними в одиночку. Таким образом, вероятнее предположить, что тяжелые галеры снабжались веслами на несколько гребцов, как это делается сегодня в Средиземноморье. Эти суда, естественно, были гораздо шире, чем изящные триеры, чтобы можно было установить длинные скамьи для гребцов: тексты упоминают о *пентерах* (с пятью гребцами на весле), а потом о галерах с шестью, семью, восемью и даже пятнадцатью, двадцатью и тридцатью гребцами на весле в эскадрах III века до н. э. О расположении весел на этих огромных судах нам остается только догадываться, поскольку на этот счет нет ни одного точного описания, ни одного художественного изображения. Но бесспорно, что их водоизмещение делало их способными

нести на средней надстройке спреди и сзади или на верхней палубе катапульты, стрелявшие утяжеленными стрелами или каменными ядрами — настоящую бортовую артиллерию, которая значительно модифицировала морскую тактику. Вершина гигантизма была достигнута около 220—210 года до н. э., при Птолемее IV Филопаторе, в чудовищных размеров корабле, параметры которого сообщает Плутарх (Жизнеописание Деметрия. 43): 40 гребцов на весле, более 125 м в длину, более 20 м в высоту на корме (действительно всегда сильно надстроенной у античных судов), экипаж из 4000 гребцов, 400 матросов и 3000 солдат на борту. Однако, замечает Плутарх, этот корабль был построен исключительно для зрелища, а не для плавания, настолько он был ненадежен в море и трудно управляем, тогда как великолепные суда Деметрия (с пятнадцатью-шестнадцатью гребцами на весле) были весьма боеспособны и «достойны восхищения как за свою скорость и мощь, так и за свои огромные размеры».

Таким образом, цари, имевшие колоссальные ресурсы, снабдили свои флотилии этими громадинами, которые составляли костяк флота, тогда как менее богатые полисы, такие как Родос, довольствовались более скромными судами — триерами и тетрерами, предназначенными для защиты побережья и путей сообщения. Но во II и I веках до н. э., как мы видели, развивается морское пиратство, главные базы которого находились в Иллирии, Этолии, на Сицилии и Крите: эти морские разбойники, чьим разграблением подвергались все прибрежные регионы Центрального и Восточного Средиземноморья, обеспечивали товаром невольничьи рынки, примером чему приключения Цезаря, который в юности был пленен киликийскими пиратами в Эгейском море, откупился от них за очень большую сумму, затем набрал в Милете небольшую эскадру, с которой вскоре застиг их врасплох и, вернув выкуп, распял их на крестах, как и пообщал им, еще будучи пленником. Эти пираты, как правило, использовали для своих набегов не крупные корабли, а много легких судов, быстрых и маневренных, которые шли одновременно на парусах и веслах и легко прятались в бухтах, чтобы напасть на торговые корабли. Даже флотилии царей и полисов не пренебрегали помощью этих судов, более маневренных, чем их огромные военные корабли. Во время битвы при Акции в 31 году до н. э. они сыграли свою роль

в поражении Антония. Таким образом, различие между военным флотом эллинистического периода и более ранней эпохи касается не только размеров кораблей, но также их большого разнообразия, которое контрастирует с однородностью классических эскадр, главной составляющей которых была триера.

* * *

Торговые суда, бывшие обычным объектом нападения пиратов, тоже воспользовались прогрессом в судостроении: их размеры значительно увеличились, достигая порой максимально возможной для деревянных кораблей величины, превзойти которую удалось только в XIX веке н. э. Эти огромные грузовые суда имели длину более 40 м, как, например, тот, что затонул в начале I века до н. э. в открытом море у Махдии (Тунис) вместе с перевозимыми на нем колоннами и произведениями искусства. Поскольку длина их срединных поперечных балок превышала четверть длины самого корабля (около 12 м — судя по обломку у Махдии), можно вычислить приблизительно тоннаж этих грузоходов — порядка 400—500 т, то есть в два или три раза больше, чем у каиков, обычно использовавшихся в IV веке до н. э. Эллинистические инженеры сделали возможными крупные перевозки товаров, и прежде всего зерна, без которых Рим не мог бы выжить в имперскую эпоху. Два текста сообщают нам о необыкновенных кораблях, изумлявших античных авторов. В своем малом сочинении «Корабль, или Пожелания» Лукиан из Самосаты, этот грек из Верхней Анатолии, которого называли Вольтером века Антонинов, описывает огромное транспортное судно с зерном, которое было отнесено бурей от Александрии к итальянскому побережью и неожиданно оказалось в гавани Пирея, куда все Афины пришли поглядеть на него. Оно имело 120 локтей в длину (то есть более 53 м) и более 13 м в ширину, что позволяет оценить его полную грузоподъемность — примерно 12 000 т. Его высота между верхней палубой и днищем трюма составляла более 13 м. Между носом и кормой (и та и другая были сильно надстроены) располагались якоря, подъемники и лебедки, чтобы управлять грузовыми стрелами. Жестко укрепленная грот-мачта и четырехугольный грот, отмеченный пурпурным треугольным вымпелом, были не

менее впечатляющих размеров, чем сам корпус. Корабль назывался «Исида», и изображение этой греческой богини, позаимствованной у египтян и охраняющей мореплавателей, было запечатлено на каждом борту в высокой носовой части. Персонажи Лукиана болтают с членами экипажа, «столь многочисленного, что следовало бы назвать его армией»: с судовладельцем, который рассказывает им о своем приключении, плотником, которому нравится описывать все детали корабельной конструкции, старым лоцманом, чей возраст не мешает ему с легкостью управляться с двумя внушительными рулевыми веслами, наконец, с молодым темнокожим юнгой, чьи собранные в пучок на затылке волосы и экзотические черты лица вызвали живое любопытство у публики. Если эта сцена, которую Лукиан описывает с такой живостью, относится к 165 году до н. э., то можно сделать вывод, что ничего существенного не изменилось с эпохи Птолемея, когда впервые был спроектирован и создан подобный корабль невероятных для своего времени размеров: Гиерон II, правитель Сиракуз, повелел построить колоссальное судно (Атений. V, 206с; и след.), водоизмещение которого должно было составлять примерно 2000 т. Правда, оно совершило всего один рейс, пройдя от Сиракуз до Александрии, которая единственная имела достаточно большой порт, чтобы принять его. Назад корабль не вернулся, обреченный обветшать бесполезной диковинкой в чужой гавани: страсть к гигантизму имела свои пределы.

Чтобы принимать эти увеличившиеся в размерах и в числе торговые корабли и перевозимые ими грузы, порты главных морских полисов оборудовались защищенными молами внутренними гаванями, погрузочными платформами, доками и складами. Выше на примере Фаросского маяка мы видели, насколько значителен был труд, вложенный Александрией в обустройство своего порта, который, к сожалению, очень плохо нам известен, как, впрочем, и порты Пирея и Родоса, потому что более поздние сооружения были разрушены или застроены. В других местах, таких как Эфес или Милет, наносы изменили вид местности. Порт Делоса очень мало изучен; тем не менее он поражает скромностью своих предположительных размеров, если принять во внимание интенсивную деятельность, которая в нем происходила. Удачное исключение — порт Кирены, позже названный Аполлонией, когда он

стал независимым полисом. Хотя оседание побережья и разрушения, вызванные волнами, уничтожили существенную часть следов древности, их осталось достаточно, чтобы различить под водой в западной части док, с его стапелями для военных судов, и внешнюю гавань к востоку, которая была отделена от дока дамбой и проход в которую контролировался с двух четырехугольных башен. Два островка к северу, на которые опиралась защитная дамба, служили каменоломнями, а также складами, расположенными в искусственно выдолбленных в скалах пещерах. В восточной оконечности, по видимости, находился маяк, отмечающий вход в порт. На берегу, ниже акрополя, для привезенных товаров и тех, которые позволяла экспортировать богатая киренская нива, находились пирсы, вместительные хранилища, выдолбленные в скале, доки, подземные помещения, высеченные в утесе, и крытые сводчатые ангары из кирпича. С совсем близко расположенной агоры через одни из двух крепостных ворот, видимо специально предусмотренных для этого, можно было легко попасть в деревню. Эти конструкции функционировали до конца античной эпохи и до времени первых византийских императоров; но спроектированы и созданы они были в основном после строительства крепостной стены — в III веке до н. э. Они дают представление о подлинном облике крупного эллинистического порта.

Основу этой морской торговли, помимо зерна, составляли те же продукты, что и раньше: сырье, которое было востребовано во всем эллинском мире, такое как дерево или мрамор (он был также удобен в качестве балласта для судов); металлы, такие как медь и олово для производства бронзы или свинец, применявшийся в канализациях и для погребальных урн; драгоценные металлы — серебро в слитках и монете, золото, спрос на которое сильно подняла тенденция к роскоши: ремесленные товары от тканей и ковров до ювелирных изделий и керамики, ароматических веществ и благовоний; и наконец, рабы, которых перевозили по всему Средиземноморью с крупных невольничьих рынков, таких как на Делосе. Об этом товарообмене до нас дошло очень мало сведений. Документы, обнаруженные при раскопках, практически не дают представления ни об объемах, ни о регулярности товарооборота: они лишь подтверждают существование сложившихся отношений между греческими полисами, а также между эллинистическим

миром и его соседями. Бесспорно, что завоевания Александра открыли здесь новые каналы и тем самым породили новые потребности: по караванным путям через горы Центральной Азии, пустыни Аравии и ливийскую Сахару, по речному сообщению Нила и Евфрата, по морю от Индии через Персидский залив и Красное море экзотические товары прибывали в города селевкидской Месопотамии, Анатолии, Сирии, Киренаики и Египта, чтобы затем разойтись по Эгейскому морю и еще дальше. Разумеется, этот товарообмен, за исключением отправки зерна, не был для большей части населения эллинистического мира жизненно необходимым, поскольку большинство полисов продолжали жить практически автаркической экономикой. Однако заморская торговля, значительно развившаяся по сравнению с предыдущими веками, привнесла новые привычки в жизненный уклад, по крайней мере богатого, населения, а уже как следствие и всего греческого общества. Например, нет ничего удивительного в том, что, как явствует из фаюмского папируса середины III века до н. э., некий местный грек, ежедневно записывавший свои расходы, купил в числе прочих продуктов питания свежих грецких орехов с Понта, то есть с Черного моря, и из эвбейской Халкиды: это экзотическое лакомство прибыло в египетскую деревню, как сегодня в европейские страны поступают апельсины или бананы. Повседневная жизнь, безусловно, приобрела особый вкус.

Тем не менее есть такой продукт, относительно которого существует большое число археологических документов, позволяющих представить количественные значения его экспорта: это вино. В нескольких регионах его производства (но далеко не во всех) было заведено с классической эпохи ставить на ручках терракотовых амфор для транспортировки вина перед их обжигом клеймо, благодаря которому можно идентифицировать и место изготовления, и гончара. После того как амфора была обожжена, эти печати становились практически несводимыми, и, поскольку ручка была широкой и прочной, она, так же как и нижнее основание, зачастую оставалась целой после того, как сосуд разбивался. Благодаря чему на раскопках, особенно мест свалок, куда греки отправляли свой мусор и ненужные предметы, были обнаружены во множестве фрагменты с клеймами, изучение которых составляет отдельный раздел в археологии. По форме и виду эти печати

сильно различались: от простого символа без надписей или монограммы до сложных композиций, в которых наряду с разными орнаментами писалось название страны происхождения, имя магистрата, изготовителя и даже месяц изготовления. Эти клейма совершенствовались со временем и в эллинистическую эпоху они стали гораздо более многочисленными. Считается, что они имели целью гарантировать не столько происхождение содержимого амфоры (как наши сегодняшние этикетки, подтверждающие соответствие названию), сколько вместимость сосуда, а следовательно, количество экспортируемого или продаваемого вина, что было необходимо для фискальных операций. В такой трактовке еще не все ясно, и хронология остается зачастую приблизительной. Тем не менее данных, которыми мы располагаем, достаточно, чтобы сделать любопытные заключения.

Среди регионов, где клеймили амфоры, были прежде всего остров Родос и находящаяся рядом, на азиатском побережье, территория Книда: и в том и в другом случае вино, экспортируемое в огромных количествах, было продуктом массового потребления, ибо, как полагают, оно предназначалось для наемнических войск. Коллекция ручек с клеймами, собранных коллекционером из Александрии, насчитывает более 66 000 печатей, пять шестых которых — родосские и примерно одна десятая — квидские. Среди остальных больше всего фрагментов амфор с острова Кос. Это свидетельствует об экономических связях, подтверждаемых с другой стороны, между лагидским Египтом и юго-западом анатолийского побережья, соседями которого были Родос и Кос. Так же встречаются клейменные фрагменты амфор из Памфилии, где в I веке до н. э. в заливе Адалия производили ценное вино. Находки в Фаюме, по правде говоря, уже не столь многочисленные, дают ту же картину. Зато в Афинах, где было зарегистрировано около 40 000 амфорных ручек с клеймами, квидских в три раза больше, чем родосских. Другие производящие регионы, такие как Фасос или Хиос, похоже, экспортировали только высококачественное вино. Мы можем восстановить приблизительную карту их потребителей: для Хиоса — прежде всего Афины и Делос; для Фасоса — кроме этих двух городов, Пергам, греческие полисы западного побережья Черного моря и лагидский Египет. Благодаря клеймам на амфорах обнаруживается также производство сортов, о которых

не упоминают тексты, таких как вино Синопы на Черном море или крымские вина. Наконец, они свидетельствуют о широкой торговле греческими винами не только в восточном бассейне Средиземного моря, но и в Киренаике (хотя она сама была производящим регионом), в Карфагене, на Сицилии, в Италии, в Массалии и даже в Ампурии на каталонском побережье. Изучение хронологии документов, которое все еще продолжается, позволит уточнить эти данные: пока же известно, что амфорные клейма представляют для археологии категорию значимых объектов, столь же важных, как и монеты.

Пример с экспортом вина является прекрасным свидетельством подъема морской торговли в эллинистическую эпоху. Значительные прибыли, которые она приносила, манили жадных дельцов возможностью быстрого обогащения. Это они основали на Делосе свои ассоциации и богатые колонии, например посидониастов из Берита. Этих людей не останавливали опасности моря, которые для них затмевал соблазн наживы, — и тем не менее это были действительно серьезные опасности, что доказывает обилие надгробных надписей для погибших в кораблекрушениях. Вот одна из таких эпитаграмм, одно время приписываемая Феокриту (Палатинская антология. VII, 534): «Человек, береги свою жизнь: остерегайся выходить не вовремя в море. Бедный Клеоник, тебе не терпелось добраться из Келесирии до изобильного Фасоса ради своего дела. Ради своего дела, о Клеоник! Отправившись в плавание в пору, когда спят Плеяды, ты канул в пучине с ними». Или еще одна, принадлежащая поэту Теэтету, другу Каллимаха (Палатинская антология. VII, 499): «Моряки, вы, что плывете вдоль этого берега, Аристон из Кирены во имя Зевса Страноприимца умоляет вас сказать его отцу Менону, что он покоится у прибрежных скал Икарии, окончив свою жизнь в Эгейском море». Бушующие волны иногда усугублялись нападением береговых разбойников, которые безжалостно убивали тех, кого случай приводил на их берега, о чем рассказывает эпитафия, начертанная во II веке до н. э. на кенотафе на острове Ренея, возле Делоса: «Это надгробие достойно слез, хотя это всего лишь кенотаф, установленный для Фарнака и его брата Мирона, злополучных детей Папоса. Они были из Амисоса, о чужеземцы, и они потерпели кораблекрушение, застигнутые шквалом Борей. На острове Серифос они в довершение

были обречены своей жестокой и завистливой судьбой найти смерть от рук злодеев. Протей в бухте Ренеи воздвиг этот надгробный памятник в память о своих товарищах, сожалея об их печальной участи». Дошедшие до нас через «Антологию», где их насчитывается несколько десятков, или же обнаруженные высеченными на камне, эти тексты передают древний страх греков перед грозными опасностями морских путешествий, вполне оправдываемый столькими драмами. Римский поэт Гораций в эпоху Августа напоминает об этом, когда заводит речь о смелости негоциантов Эгейского моря (Оды. I, i, 15—18): «Когда Африк¹ неистово вздымает волны у Икарии, купца охватывает ужас: его тянет к покою, царящему в деревьях его родины. Но вот он уже приводит в порядок свои поврежденные корабли, страшась бедности». Дальше, в знаменитой оде «К кораблю Вергилия», в которой он вспоминает стихи Каллимаха, Гораций прекрасно пишет:

Знать, из дуба иль меди грудь
Тот имел, кто дерзнул первым свой хрупкий челн
Вверить морю суровому:
Не страшили его Африк порывистый
В дни борьбы с Аквилоном²...

От эллинистической традиции римская поэзия сохранила те же мотивы и ту же тему.

* * *

Этот беглый обзор условий материальной жизни в огромном эллинистическом мире показал на серьезных примерах, что наряду с преемственностью традиций и обычаев происходило развитие и имели место инновации, которые с течением времени и с постепенным расширением географических рамок вошли в повседневную жизнь греческого народа. Одни, разумеется подавляющее большинство, оставались верны своему вековому укладу, ограничивали свои горизонты границами своей гражданской

¹ Африк — у римлян юго-западный ветер.

² Аквилон — у римлян северный ветер. Перевод Н. Гинцбурга.

территории или мелких окрестных полисов, возделывали землю отцов, поклонялись культам предков и чувствовали, что им достаточно своих местных проблем, их заботило исключительно сохранение с помощью переговоров или армии всегда шаткой автономии своего полиса. Другие, которых было меньше, но число которых непрерывно увеличивалось с изменением нравов, охотно пускались в рискованные путешествия или даже переселялись в другие места. Разумеется, еще в отдаленную эпоху колонизации целые группы покидали свою родину и искали счастья в варварских землях и основывали так процветающие поселения — островки первоначального эллинизма. Но теперь коллективные начинания сменились индивидуальной предприимчивостью. Самое поразительное в эллинистической эпохе — это интенсивность и разнообразие путешествий: множество людей устремлялись в путешествия на долгий срок и в далекие места, несмотря на риск и трудности, сопряженные с морским транспортом. Это были не только купцы или солдаты, которые всегда путешествовали в силу своей деятельности. Вместе с ними художники, следуя примеру классических мастеров, покидали родные места в поисках заказчиков: подписи скульпторов, сохранившиеся в большом количестве, свидетельствуют о мобильности этой категории мастеров, и нет ничего удивительного, что на Делосе обнаружены несколько произведений Полианта из Кирены, а в Кирене — подпись скульптора из Милета. Как мы видели, актеры и музыканты и донисийская артистическая братия отвечали на приглашения из чужих краев и легко переезжали с одного представления на другое. То же делали поэты и философы: Посидипп из Пеллы приехал в Александрию, чтобы сочинить посвящение Фаросскому маяку, в то время как Антигон Гонат пригласил к своему двору в Пеллу не только философов Менедема из Эретрии и Персея из Китиона (Кипр), но и поэтов Арата из Сол (Киликия) и Антагора с Родоса, историка Иеронима из Кардии (фракийский Херсонес) и даже прибывшего с территории Южной России колоритного бродячего киника Биона с Борисфена. Потребности полисов поддерживали перемещение людей: лекарей, чужеземных судей, послов, которых поручения заводили иногда очень далеко, например в Рим, где они пытались добиться расположения сената, феонов, которые были обязаны объявлять о религиозных праздниках,

или официальных посланников, которые отправлялись за советом к оракулу. Политика государей способствовала такому передвижению: они отовсюду нанимали своих приближенных, министров, полководцев и распространяли сеть своих представителей на широкую зону. Весь этот мир путешествовал по одиночке и небольшими группами и во всех направлениях, за исключением наемников, которые перемещались войсковыми подразделениями, но набирались из самых разных мест. В результате этого увеличивалось число личных контактов, ускорялось внедрение техники, усвоение вкусов и идей и еще сильнее, чем раньше, укреплялось чувство великого родства эллинов, которое распространялось через весь обитаемый мир.

В это время сильнее обозначается искони присущая грекам черта, на которую указывал еще Гомер, но которой теперь благоприятствовали обстоятельства, — любознательность. Именно она была важным аспектом личности Одиссея — покровителя всех искателей приключений, а впоследствии путешественники и этнографы, от Аристия из Проконнеса¹ до Гекатея Милетского и Геродота, с избытком удовлетворяли спрос общества в этой области. Но в эллинистическую эпоху отмечается нестоящая эпидемия любопытства: все, кто читал, жаждали повидать, как Одиссей, «столько разных народов, их города и обычаи». Растет страсть к путешествию ради самого путешествия, возбуждаемая многочисленной «описательной литературой» (периегетикой), отдаленной наследницей Геродота, расцвет которой в III—II веках до н. э. поражает своим обилием, богатством и разнообразием. До нас дошло только одно целое свидетельство об этом, по правде говоря, значительно более позднее — созданное во второй половине II века н. э. при императорах Антонине и Марке Аврелии: это знаменитое «Описание Эллады», подробный путеводитель по Греции, написанный Павсанием. Во всяком случае, он дает нам достаточное представление о трактатах, которые составлялись его предшественниками и которыми он пользовался. Эти последние были очень многочисленными. Так, Диодор Периегет (конец IV —

¹ Аристий из Проконнеса — легендарный писатель VII в. до н. э.; написал эпическую поэму об аримаспах — мифическом скифском народе, представители которого имели один глаз. Тем не менее в его произведении содержится ценный материал о жизни народов Северного Причерноморья.

начало III века до н. э.) написал произведение «Об аттических демах», в котором сделал обзор городов этого региона, его святилищ и достопримечательностей, а еще одно — «О надгробных памятниках» — тоже, без сомнения, относится к этому региону: поскольку надгробия устанавливались вдоль дорог, вне аггломераций, и зачастую украшались статуями и надписями, путники, и особенно чужестранцы, любопытно пытались узнать, кто здесь похоронен и какова была его судьба. Гелиодор Периегет (середина II века до н. э.?) — автор таких трудов, как очень подробный «Путеводитель по Афинскому акрополю», состоявший из пятнадцати книг, монография «Об афинских треножниках», посвященная этой особой категории пожертвований, столь распространенных в культе Диониса, что соседняя с Акрополем и театром улица называлась улицей Треножников; ему же, по-видимому, принадлежит произведение «Об афинских вотивных дарах». Чуть раньше другой автор, Полемон из Илиона, у которого, видимо, Павсаний особенно много позаимствовал, посвятил трактат из четырех книг «Вотивным дарам афинского Акрополя». Примечательно, что эта литература уделяла особое внимание достопримечательностям Аттики и ее столицы: так что, несмотря на упадок в сфере большой политики, Афины сохраняли свой быллой авторитет в области искусства и культуры. Чужеземцы спешили сюда с жадным любопытством полюбоваться памятниками блестящего прошлого и встретиться с великими учителями философии и риторики, которые здесь преподавали. Об этом до нас дошло описание в произведении II века до н. э. «О городах Греции» некоего Гераклида: не скрывая некоторых аспектов старого города, таких как недостаток источников воды или неудобство городского жилища, автор отдает дань восхищения исключительной красоте сооружений, например театра Диониса или Парфенона, «который возвышается над театром и на всех, кто его видит, производит потрясающее впечатление». Он рассказывает о трех гимназиях: Академии, Ликее и Киносарге, об их рощах и газонах. Он упоминает о частных праздниках, об интеллектуальных связях, о качестве жизни, правда дорогостоящей, которую могли здесь вести гости: поэтому в городе их всегда были толпы, но афиняне к ним привыкли.

Пример Афин известен лучше, чем другие греческие города, но каким бы потрясающим он ни был, мы не должны забывать,

что было множество других мест. Красоты и богатства Александрии, Антиохии, Родоса, Эфеса, Византия, Тарента или Сиракуз, престиж великих святилищ Олимпии, Дельфы, Истма, Эпидавра, Делоса, Клароса возле Эфеса, Дафнии возле Антиохии привлекали паломников и гостей. Даже Додонское святилище, затерянное в горах Эпира, стало снова функционировать, свидетельством чего явилось сооружение здесь большого и красивого театра. Специально отправлялись в Илион, чтобы почтить память Гомера непосредственно на месте Трои: пример Александра, которому последует Цезарь, еще раньше имел своих подражателей среди путешественников, мечтавших о руинах, к которым местные жители, без всяких сомнений, относились как к историческим памятникам. В Илионе, напишет Лукан, «nullum est sine nomine saxum» — «каждый камень имеет свое имя». Интерес вызывали могилы Ахиллеса, Патрокла и Аякса, место лагеря ахейцев, пещера Париса на горе Иде и множество остатков, более или менее подлинных, града Приама и бесчисленных легенд, которые окружали его: Страбон в своей «Географии» не обходит их вниманием. Специально для этих гостей Деметрий из Скепсиса во II веке до н. э. сочинил настоящее «описание» Трояды, представленное как комментарий к отрывку, где Гомер после знаменитого «списка кораблей» греков перечисляет состав троянского войска (Илиада. II, 811; и след.).

Другие авторы интересовались варварскими народами, как в свое время Геродот, отчасти из-за пристрастия ко всему необычному, а отчасти из искреннего желания обнаружить у этих чужеземцев здравые обычаи, которые могли бы перенять греки. Так, Гекатей из Абдеры, современник Птолема I, книга которого «О Египте» была благосклонно принята, писал также, обратившись к другому краю известного мира, о гипербореях. Много описаний Азии оставили спутники Александра, обнаружившие свои воспоминания о завоевательных походах. Географы и этнографы развивали и уточняли эти свидетельства в более систематизированных трудах: в середине II века до н. э. Агатархид из Книды, написавший «Историю Азии», составил также «Описание Эритрейского моря», то есть Красного моря (но этот термин обозначал тогда совокупность окружавших Аравию морей вместе с Индийским океаном и Персидским заливом). Благодаря византийскому эрудиту Фотию мы располагаем несколькими отрывками

этого произведения. Позже, около 100 года до н. э., Артемидор Эфесский составил на основе своих многочисленных путешествий одиннадцать книг «Географий», где Азии отводится первое место. У этих двух авторов много позаимствовали Диодор Сицилийский и Страбон, иногда целыми фрагментами текста. Обилие этих произведений, безусловно, отвечало потребностям публики, желающей знать о далеких странах, куда отправлялись наемники и купцы. Впрочем, как и в рассказах об Одиссее, сказочные детали здесь были перемешаны с описанием увиденной реальности и личными наблюдениями за нравами: греки всегда испытывали страсть к чудесному, которой и потакали эллинистические авторы, наполняя свои сочинения странными, необычными фактами — *paradoxa*, отсюда общее название, данное этой литературе — *парадоксогеография*. Та же тенденция прослеживалась и в большинстве исторических сочинений. Она была очень популярна, и сборники «Невероятных историй» продолжали расти в числе до конца античной эпохи. Один из первых, вполне оправдывавший свое название «Собрание чудесных историй», появился в середине III века до н. э.; он принадлежал Антигону из Кариста, который жил при дворе Аттала I Пергамского и написал также биографии философов, с которыми был знаком, и теоретический трактат о живописи. Примечательно, что человек, интересовавшийся изобразительным искусством и философией, обнаруживал при этом любопытство к экзотическому и диковинному — оригинальным аспектам эллинистического духа.

Страсть к путешествиям, предпринимаемым с единственной целью — удовлетворить любопытство в отношении далеких земель, желание увидеть собственными глазами народы и памятники, о которых говорилось в книгах, туризм, наконец, — если называть этот процесс соответствующим современным термином, — это было главное веяние эпохи. Естественно, ему сопутствовало искушение: поведать об увиденном. Отсюда невероятное количество мемуаров и рассказов, авторы которых, упоминавшиеся выше, зачастую использовали это как повод. Приведем последний и любопытный пример, относящийся к концу нашего периода, поскольку он почти точно датирован 8 марта 7 года до н. э. — временем Августа. В этот день образованный грек из

Александрии, имевший латинское имя Катилий, сын Никанора, оказался на острове Филадельфия, в Верхнем Ниле, возле Асуана, выше первого водопада; он прибыл сюда из любопытства, желая увидеть необычную красоту этого места. Поскольку он был писателем и искусным поэтом, в память о своем путешествии он оставил две прекрасно сохранившиеся эпиграммы, которые были высечены на филоне храма Исиды, где они и были обнаружены в наши дни. Первая эпиграмма, как и должно, прославляет императора и наместника Египта за остров Филадельфия — «замечательную границу Египта и предел земли эфиопов». Вторая более оригинальна по композиции и стилю: десять строк образуют акростих, в котором их начальные слоги составляют имя и патроним автора, и Катилий приглашает читателя присоединиться к его игре. Затем он продолжает: «Теперь пора воскликнуть: прощай, прощай, Филадельфия! При виде скал и гор я умираю, о водопад! Но по возвращении, когда я снова увижу Никанора и всю остальную семью, я напишу правдивый рассказ о путешествии». Показательный текст как в отношении литературных вкусов этого любителя, которому доставляло удовольствие остроумное обращение со стихами, весь смысл которого открывался только знатокам, так и, в особенности, в отношении чувств, которые влекли путешественника к крайним пределам Египта, такого далекого от его дома в Александрии: ему хотелось испытать потрясение от грандиозного зрелища водопада, величественной реки и обрывистых берегов, чтобы, вернувшись в свой город, наполнить этими впечатлениями свой письменный отчет, который привел бы в восторг его друзей. Это было совершенно новое мироощущение и совершенно иной образ действий.

* * *

Результатом этого разнообразного и множественного опыта мог быть космополитизм: узнавая другие земли и народы, столь отличные от них самих, не рисковали ли греки потерять представление о своей собственной идентичности? Некоторые философы приходили к этому скорее через абстрактные размышления, чем эмпирически: стоики, эпикурейцы, киники различными путями приходили к одному выводу о том, что человеческая сущность едина и не зависит от среды, в которой живет человек. Отголоски

этого мы находим в обыденном сознании, например в театре Меландра, у которого латинизированный африканец Теренций, сочинявший в 165 году до н. э., позаимствовал знаменитую строчку: «Homo sum, humani nihil a me alienum puto» — «я человек, ничто человеческое мне не чуждо». Еще более радикальное свидетельство космополитизма содержится в эпитафии поэта Мелеагра, жившего в первой половине I века до н. э.: «Я сириец, чему ты удивляешься? Мы живем, о чужеземец, на одной земле, в одном мире, и из одного хаоса возник свет для всех смертных».

По правде говоря, такое отношение было характерно лишь для просвещенного меньшинства. Для прочих, даже если они испытывали удовольствие от путешествия по всему миру, верность традициям и обычаям всегда оставалась незыблемой. Еще никогда не уделялось столько внимания старым мифам: литературные тексты, надписи, памятники изобразительного искусства во множестве свидетельствуют об этом. Повсюду ссылки на древние местные легенды, к которым относились как к истории даже образованные люди. На примере посольства из Китиона в Ксанф мы видели, что мифы, даже те, что не были общепринятыми, глубоко уважались политиками, а также служителями культа. Было составлено много мифологических руководств, вроде того, что Дионисий из Митилены, прозванный Медноруком (Скитобрахийон), сочинил в Александрии во II веке до н. э.: Диодор Сицилийский широко им пользовался. Еще ста годами ранее, при Птолемее Филадельфе, великий поэт Каллимах посвятил свое самое грандиозное произведение, «Причины» («Aitia»), блестящему рассмотрению множества легенд, которые объясняли происхождение ритуалов, все еще исполнявшихся во многих греческих святилищах. Было бы ошибкой видеть в стихах такого рода игры эрудитов, предназначенные для удовольствия кабинетных ученых: они опирались на твердое знание культовых реалий, которые всегда основывались на мифах. Выше мы видели, что известность Гераклея на Латме (Кария) принес грот в безлюдных горах Латма, где пастух Эндимион, возлюбленный Селены (Луна) заснул беспробудным сном к удовольствию богини, которая тайно соединилась с ним. Эта легенда, которую культивировали гераклейцы, служила, как мы видели, обоснованием «родства» между их полисом и этолийцами, чей герой-эпоним Этол был сыном Эндимиона.

Эллинистические полисы благоговейно берегли такое доставшееся им от предков сокровище, как мифы — основу их гражданской, религиозной и культурной идентичности.

Несмотря на соблазн космополитизма, эллинистические греки сохраняли веру в безусловную ценность своей многовековой цивилизации, своего образа жизни и своих богов. Когда жизненные обстоятельства или политическая необходимость заставляли их безвозвратно покинуть родину, они везли с собой саму суть эллинизма и, даже живя обособленным меньшинством на чужой земле среди экзотического населения, они оставались верны своим обычаям и устоям, очевидно мало подверженным влияниям среды. Все это видно на примере греко-македонских сообществ, обосновавшихся вдали от городов, в деревнях лагидского Египта, или на примере черноморских полисов, окруженных фраками и скифами, которые приобщились к их культурному ареалу, практически ничего не предоставляя взамен, кроме продуктов питания. Но самая потрясающая демонстрация этой жизнестойкости эллинизма была обнаружена совсем недавно, во время раскопок, предпринятых в 1964 году французской экспедицией на южной границе Афганистана, в месте, называемом Ай-Ханум, на берегу реки Окс (сегодняшняя Амударья), на территории древней Бактрии. Здесь был раскопан эллинистический город, древнее название которого нам не известно, но который был частью городских закладок, сделанных в этой далекой сатрапии Александром и его селевкидскими последователями. Изучение руин выявило сеть улиц, соответствующую прямоугольной планировке новых городов, линию крепостной стены, административные здания с баней, выложенной по древней технологии галечной мозаикой, как, например, в Олинфе или Пелле, гимнасий с большим квадратным двором со стороны 90 м, снабженный экседрами с посвящением богам — хранителям гимнасия Гермесу и Гераклу. Керамика выполнена в чисто греческом стиле; клейма на амфорах свидетельствуют о том, что средиземноморское вино экспортировалось вплоть до этого отдаленного региона Центральной Азии. Но самое поразительное открытие было сделано в святилище героя Кинейя — надписи. В эпиграмме из четырех строк говорится: «Эти мудрые изречения, принадлежащие нашим выдающимся предкам, вырезаны в дар

в священной Пифо¹: здесь Клеарх тщательно скопировал их для того, чтобы со стелы в святилище Кинея они далеко распространили свой свет». Ниже следовали заповеди морального кодекса, излагающего правила жизни в последовательности ее этапов: «В детстве будь послушен; юношей будь самому себе хозяином; в зрелом возрасте будь уравновешен; в старости — разумным советчиком; в час смерти — будь бесстрастен». На соседней стеле, от которой остался только фрагмент, запечатлены другие максимы, приписываемые Семи мудрецам². Они были доставлены из Дельф, где были тщательно списаны с надписей в храме Аполлона этим самым Клеархом, которого отождествляют с учеником Аристотеля — Клеархом из Сол, автором трактата «Об образовании», не считая других произведений. В начале III века до н. э., в царствование Селевка I, этот философ отважился на дальнейшее путешествие, которое должно было привести его в верхнюю Бактрию, в этот безвестный город, где в память о своем походе он заказал вырезать в святилище героя (возможно, посвященном основателю города) изречения, суммирующие древнюю мудрость греков. С другой стороны, мы знаем, что Клеарх интересовался философией восточных магов и индийских брахманов. Эта любознательность может объяснить его появление в сердце Центральной Азии — более чем в 5000 км от Дельф, в этом отдаленном регионе, где эллинизм укоренился со времени Александра и где под покровительством Селевкидов, а затем в рамках независимого греко-бактрийского царства он расцвел в течение полутора столетий.

Пример Ай-Ханума и дельфийских изречений, перенесенных Клеархом, очень показателен. Разумеется, он обнаруживает предприимчивый характер греков, их авантюризм, их способность к адаптации. Он демонстрирует также, насколько под чужими небесами, в тысяче лье от своей родины, в окружении варварских

племен они оставались преданы своим обычаям. Наконец, он разъясняет нам, что в основе этой преданности лежала религиозная вера, занятие литературой и размышлениями над текстами, к которым следует добавить для полноты картины любовь к искусству, которое одновременно служило выражением веры и украшало жизненные рамки. Таким образом, последние главы нашего исследования будут посвящены этим взаимосвязанным аспектам эллинистической цивилизации: религии, философии, творчеству художников. Рассмотрев общественное и политическое устройство, рамки повседневной жизни и основные черты поведения, мы должны обратиться к внутреннему миру этих людей, чтобы оценить по возможности уже не их способность жить или выживать, но их умение удовлетворять свои духовные или эстетические потребности с помощью традиционных дисциплин или открытия новых решений. Претенциозная и сложная задача, подойти к которой мы сможем лишь с самых главных аспектов.

¹ Пифо — древнее название области Парнаса в Фокиде, где находился храм и оракул Аполлона Дельфийского.

² Семь мудрецов — греческие мыслители и государственные деятели VII—VI вв. до н. э., отличавшиеся практической жизненной мудростью и глубоким государственным умом. Разные авторы называют в числе Семи мудрецов разных людей. Всего приводятся двадцать имен, среди которых чаще всего встречаются Фалес, Биант из Приены, Солон и Питтак из Митилены.

Глава 9 ПОТРЕБНОСТИ ДУШИ

Как и греки предыдущей эпохи, эллинистический человек не мог обойтись без своих богов. Ту же потребность в них он ощущал в своем глубинном сознании. Как и его предки, он сталкивался с превратностями и страданиями жизни; он задавал себе те же вопросы о загадках Вселенной и провидении; он не мог избежать неотвратимости смерти. Только некоторые философы находили или полагали, что находят, путем теоретических размышлений ответы на эти вопросы и страхи. Но основную массу народа их рассуждения практически не интересовали. Насколько надежнее и легче было верить в могущественную высшую силу, с которой общались жрецы, которая откликалась на поклонение и дары и эффективность которой подтверждалась долгой практикой, передаваемой из поколения в поколение! Эллинистический политеизм предлагал в угоду человеческой слабости огромное разнообразие персонифицированных божеств, которыми неистощимое воображение эллинов наполняло мир. Одни были известны и хорошо индивидуализированы, как главные боги традиционного пантеона: увеличение числа их эпитетов (или *эпиклез*) позволяло наделять этих великих богов различными функциями, отмечая их особые связи с каждым конкретным местом культа, которых было множество. Другие божества не были столь индивидуализированы и известны: второстепенные боги, связанные с определенной сельской местностью, со скромным местным святилищем, изобиловали под родовыми наименованиями как нимфы, герои, демоны, иногда имеющие собственное имя, зачастую анонимные, но

тем не менее также искренне почитаемые. Эллинистический мир в Греции и вне ее был не меньше полон богами, чем раньше. Эллинистическая душа оставалась чувствительной к священному, присутствие которого она ощущала повсюду в природе, даже враждебной. В пустыне на востоке Египта, между Нилом и Красным морем, караванщики, охотники, солдаты, золотодобытчики высекали в раскаленных скалах вдоль дорог или возле вечерних стоянок посвящения Пану, «который появляется в горах», «который указывает верный путь» или «который находит золото». В этой зловещей глуши поклонение древнему греческому богу, уподобленному египетскому Мину, давало уверенность и поддержку.

Религиозная вера была необходима обществу. Всякому человеческому обществу для существования нужно осознание своего единства, а для предотвращения внутренних распри и сохранения целостности перед лицом внешней угрозы ему требовалось нечто иное, чем абстрактные доказательства или расчет выгоды, мало способные подвигнуть граждан на обязательные жертвоприношения: иррациональное подтверждение, что социальная группа представляет собой большую ценность, чем индивидуум, является условием ее выживания. Греки знали это по опыту: от века они связывали существование полиса с культом богов-покровителей, гражданских богов (или *полиадов*), неизменно сопровождавших всю деятельность государства. С этой точки зрения не было ничего важнее четкого соблюдения ритуала, исполнения в установленный день традиционных праздников, всенародных молитв, процессий, жертвоприношений, содержания священных зданий и их имущества, обращения к оракулам. Запустение святилищ полиса означало разрушение самого полиса. Поскольку, как мы это уже видели, для подавляющего большинства греков того времени полис оставался естественными рамками общественной жизни, их гражданские культы были практически неколебимы, если только не исчезали полностью какие-либо материальные ресурсы. И действительно, данные раскопок и надписи это подтверждают: религиозная жизнь в эллинистических полисах несколько не утратила своей полнокровности.

Вмешательство государей, а позже и Рима не только не вредило ей, но было фактором, благоприятствующим ее развитию. Царский культ, устанавливаемый по инициативе полисов, а затем

официально принимаемый, вводил новый обычай, который обогащал собой традиции, всегда открытые для новых богов, если только они появлялись в привычном облике греческих божеств. Разумеется, проявления почтения не были бескорыстны, но они брали пример с самых ранних в греческой религии героических культов, например с культа Геракла, очень часто смешиваемого с культом бога, или со столь распространенного поклонения героям-основателям. Кроме того, уподобить государя уже известному божеству было легче. Когда диадох Лисимах на своих монетах стал выбивать изображение Александра Великого с бараньими рогами — атрибут Зевса-Амона, он тем самым причислил завоевателя, на чье наследство он претендовал, к узкому кругу олимпийских богов; таким образом он торжественно провозгласил его сыном Зевса, совсем как полис Кирена веком ранее обошелся с богом Гермесом, выбив на своих монетах его безбородый профиль с короткими волосами, как у бога гимназия, с бараньими рогами, которых он удостоивался по своему местному эпитету — *Параммон*. Почти триста лет спустя то же чувство подтолкнуло александрийца Катилия, сына Никанора, высечь на пилоне на острове Фила стихотворение, прославляющее Августа, где он приветствовал государя в таких выражениях: «Цезарю, повелителю моря и государю тверди, Зевсу Освободителю, сыну Зевса, хозяину Европы и Азии, светилу, которое возшло для всей Греции, как Зевс Спаситель в своем величии, на священном камне Катилий принес дар этой эпиграммой...». Всемогущество *императора* естественным образом пришло на смену власти лагидского царя и поставило его в тот же ранг среди богов.

Таким образом, введение культа государей, вопреки тому, о чем часто пишут, совершенно не обнаруживало ослабления традиционной религии — напротив, оно способствовало ее обновлению. Когда в 274 году до н. э. наварх Калликрат, военачальник Птолемея II Филадельфа, основал на египетском побережье, к востоку от Александрии, святилище Зефирион, посвященное еще при жизни царице Арсиное, уподобленной Афродите, туда устремились паломники с огромным количеством даров. Каллимах сочинил посвящение для одного из них — морской раковины (эпиграмма 5), которую посвящающая, Селеная, прибывшая из Смирны, нашла на берегу в Иулиде, на острове Кеос, а Калликрат заказал

посвятительную эпиграмму для храма Посидиппу из Пеллы. На том же папирусе, который сохранил для нас посвящение Фаросскому маяку, был записан этот текст, очень подробный и яркий: «На полпути между высоким мысом Фароса и входом в Канопу мое место среди волн, хорошо видимое на этом продуваемом ветрами побережье Ливии, богатой ягнятами, открытое зефиру, который дует из Италии. Здесь Калликрат меня основал и дал мне имя — святилище царицы Арсинои Киприды. Спешите к Афродите, которая отныне зовется Зефиритидой, целомудренные эллинские дочери и вы, труженики моря! Ибо адмирал установил это святилище в южном порту, доступном в любое время». Благоговение в отношении царицы продолжает и укрепляет древнюю традицию почитания моряками Афродиты Эвплой — «благоприятствующей мореплаванию», покровительницы мореходов.

* * *

Традиционные боги, таким образом, охраняли своих почитателей, и те, в свою очередь, не забывали о служении им. Напротив, иногда обстоятельства благоприятствовали развитию их храмов. Так произошло с Додоном, без сомнения, благодаря Пирру и царям Эпира, а затем Эпирскому союзу: пока паломники приходили с обращением к древнему оракулу Зевса, записывая свой вопрос на свинцовой табличке (множество их было обнаружено при раскопках), для полиса и культов строились новые сооружения. Всеэллинские святилища в Дельфах, в Олимпии разрослись за счет новых построек и продолжали пополняться различными пожертвованиями. В Делосе в течение периода независимости (314—166), а затем при афинском господстве, восстановленном по решению Рима, храм Аполлона стал знаменит как религиозный центр Эгейского моря, где Антигониды, Лагиды и Атталиды состязались в щедрости, оказывая почести богу; по их повелению возводились портики, они посылали дорогие жертвоприношения, которые заносились в опись, учреждали праздники основания, устанавливали вотивные памятники. Один из этих памятников, возможно появившийся благодаря Антигону Гонату, относится к разряду совершенно исключительных: это галерея шириной 67 м, узкая и высокая, в которой полностью

помещался военный корабль, посвященный богу по обету за морскую победу; две внутренние колонны были украшены выше капителей головами быков — отсюда название «портик Быков», которое за неимением точного было дано этому странному сооружению. Храм Двенадцати Богов был построен тоже в начале III века до н. э., возможно на средства какого-нибудь царя. Лига островитян со своей стороны учредила праздники. Щедрый римляне, наконец, и их великий противник Митридат Эвпатор, в свою очередь, выразили свое почитание богу Делоса. Собственно говоря, это делалось не ради политической пропаганды, но из естественного побуждения запечатлеть свое внимание к святилищу, чья слава распространялась даже за пределами Киклад: те, кто играл активную роль в этом регионе, считали естественным поклоняться Аполлону Делосскому.

Удивительный текст дает представление об этом поклонении и об этих праздниках: «Гимн IV» Каллимаха, написанный по поручению Птолемея II Филадельфа около 275 года до н. э. Стихотворение высокого стиля и богатой образности, создаваемой за счет изумительного владения словом: «Этот остров, нескрушимый ветрами и ударами волн, более радушный к полету чаек, чем к бегу лошадей, остается непоколебимым посреди моря, которое, бесконечно волнуясь у его берегов, смывает всю пену икарійских вод». Затем поэт рассказывает миф о рождении Аполлона и о том, как Латона, носящая в своем чреве бога, которому ревность Геры мешала появиться на свет, нашла на небольшом Делосе единственное убежище, где могла укрыться. Он описывает чудо, которое произошло, как только родился Аполлон: на время вся местность и все, что окружало божественного ребенка, стало золотым. Наконец, он упоминает о ритуалах и священных праздниках, которые регулярно совершались в храме: «Остров тысячи алтарей, остров тысячи жрецов, какой моряк, какой купец, плывущий по Эгейскому морю на своем корабле, проходил когда-либо мимо твоего берега? Нет, никогда ветра не гнали его так быстро, никогда нужда не торопила его настолько, чтобы моряки забыли убрать паруса, и они не осмеливались выйти обратно в море, не обойдя вокруг твоего большого алтаря, стегая его сильными ударами, и не укусив со связанными за спиной руками священный ствол оливы — обряды, которые делосская

нимфа придумала, чтобы позабавить дитя и рассмешить Аполлона». Как мы видим, эти ритуальные действия были приписаны многовековой традиции и утратили свой первоначальный смысл: бичевание стен и укусы, оставляемые на коре священного дерева, возле которого был рожден бог, продолжали практиковаться, поддерживаемые народной верой.

В отношении интерпретации гимнов Каллимаха часто допускают досадную ошибку: их считают заумными произведениями, требующими книжной учености, рассчитанными лишь на узкий круг знатоков и ученых. На самом деле, как показали недавние исследования, эти гимны, как и их образец — «Гомеровские гимны»¹, создавались по случаю и предназначались для декламации на каком-нибудь празднике, для которого каждое из них сочинялось. Их необходимо воспринимать как аутентичные документы, в той же степени, как и многочисленные священные стихотворения, заказные произведения, о которых упоминают надписи той эпохи, а иногда даже воспроизводят их. Частью всех значимых праздников была эта традиционная литература в виде речитативного исполнения под музыкальное сопровождение лиры или в виде песен — пеанов или дифирамбов, исполнявшихся хором. Создавая свои гимны, Каллимах выполнял заказ либо лагидского царя (как это было с «Гимном IV», написанным для празднования на Делосе птолемаид), либо своего родного города Кирены к большому празднику Аполлона («Гимн II»), к празднику Зевса при царе Магасе («Гимн I») или для фесморий в честь Деметры («Гимн VI»). Четкое согласование текста с церемонией, точные отсылки к этапам ритуала и топографическим и архитектурным деталям праздника, что возможно обнаружить благодаря археологическим данным, делают эти тексты замечательными и ценными свидетельствами об эллинистической религии.

Набожность граждан и постоянное участие государей, таким образом, совместно поддерживали традиционные культы. Мы уже видели, как новые полисы состязались друг с другом в возведении пышных храмов, особенно в Малой Азии, и сколько различных

¹ «Гомеровские гимны» — собрание тридцати трех греческих религиозных гимнов в стиле гомеровского эпоса, написанные гекзаметром и приписываемые в античности Гомеру. Вероятное время их появления — VII—IV вв. до н. э.

сооружений и votивных памятников было установлено в великих святилищах благодаря щедрости царей и признательности верующих. В Дельфах при этолийском господстве, в III веке до н. э., начался расцвет, который продолжался в следующем столетии, но, по правде говоря, постепенно померк в течение I века до н. э. Сотерии, большой праздник, учрежденный в память о чудесном спасении святилища (при участии этолийцев) во время вторжения галлов в 279 году до н. э., отмечались с внушительным размахом, как Пифийские игры. Римские завоеватели Фламинин, а позже Эмилий Павел не преминули почтить Аполлона. Только после Митридатовых войн и репрессий Суллы, приказавшего доставить священную казну и переплавить ее в монеты, оракул стал приходить в упадок. Но до этих жестоких испытаний Дельфы знали прекрасные времена: во второй половине II века до н. э. в Афинах был восстановлен забытый с IV века ритуал *пифаид*: с 138—137 по 98—97 годы до н. э. полис четырежды отправлял в Дельфы официальное посольство, называемое *пифаида*, которое участвовало в процессии афинского храма Аполлона Пифийского у подножия Акрополя и которое пешком проделывало весь путь до Дельф через Элевсин, пролив Киферы и Беотию. Поводом для него послужил небесный знак — молния, появившаяся над вершиной горы Парнас, к северо-западу от Афин, которая за свою форму была названа «колесницей», *Нарма*. Когда молния сверкнула на Харме, что, впрочем, можно назвать большой редкостью (поскольку только девять дней в году были отведены для наблюдения за знаменами), была собрана процессия из магистратов, жрецов и верующих, которая отправилась в путь под охраной пеших и конных вооруженных эфебов. В Дельфах же, где они были приняты с большой торжественностью, пифаида воздала благодарность богу: пением пеанов, музыкальными и поэтическими состязаниями дionисийских актеров, освящением треножника — традиционное жертвоприношение Аполлону Дельфийскому. По возвращении пифаида привезла в Афины на колеснице в другом треножнике, специально предназначенном для этого, священный огонь, который был зажжен в дельфийском храме, на алтаре Гестии. Участие в пифаиде было желанной честью: два афинянина, брат и сестра, установили в Делосе свои статуи, на которых были высечены надписи о том, что они участвовали в пифаиде в 106—105 годах до н. э.:

мужчина как *pythäiste*, а женщина — как *канефора*, то есть носительница корзины с дарами, что было общепринятой обязанностью для женщин во время священных церемоний.

Как мы видим, множество документов свидетельствуют о жизнеспособности религиозной веры в эллинистическую эпоху. Почему же в таком случае так часто говорят о ее упадке? Дело в том, что нас дезориентирует неоспоримый феномен: развитие критических взглядов среди философов и некоторых представителей *интеллигенции*, и мы игнорируем огромное число свидетельств, которые обнаруживают истинное отношение индивидов и социальных групп. Что же мы видим? Общество тратило большие средства на соблюдение древних ритуалов или на их возрождение, оно старалось детально регламентировать культовые обряды и заботилось о том, чтобы эти правила фиксировались и обнародовались, чтобы всем о них было известно; оно воздвигало дорогие памятники и приумножало жертвоприношения. Частные лица не отставали от полисов и соревновались друг с другом в щедрости воздаваемых богам почестей. Можно ли поверить, что такие траты и усилия были лишь демонстративными жестами, пустой формальностью, пережитком прошлого? Скорее следует признать, что это выражение искренней набожности, ревностность которой несколько не ослабла по сравнению с предыдущими эпохами.

* * *

«И было ли когда-нибудь время, более богатое *оракулами*?» Они почитались повсюду, и прежде всего оракулы Аполлона, по преимуществу пророчествующего бога: помимо Дельф, в Элладе процветало много пророческих святилищ, таких как Коропа (в Магнесии, на побережье залива Воло), от которого до нас дошли два культовых устава, датируемых II веком до н. э. — оба очень детализированы. Это два декрета полиса Деметрия, от которого зависело святилище Аполлона Коропского: гражданские власти в согласии с союзом магнетов принимали необходимые меры, чтобы приходящие за советом оракула соблюдали должный порядок, следуя церемониалу, достойному бога. Крайне показательным, что этот устав стал необходим «по причине большого числа чужеземцев, которые приходили с вопросом к оракулу». Второй текст,

обнародованный в том же году, имел целью сберечь деревья и зелень на священной территории и запрещал под страхом штрафа обрезать ветки и пасти здесь скот: прекрасный пример среди множества других — та забота, с какой древние оберегали от любого посягательства естественное состояние местности, когда она передавалась под покровительство божества.

В Анатолии великими пророческими святилищами Аполлона были храм в Кларосе, недалеко от Эфеса, и Дидимейон возле Милета. В Кларосе, где французские археологи обнаружили храм, церемония обращения к оракулу происходила под землей. Ритуалы совершались ночью при свете факелов в лабиринте подземных коридоров и цокольных этажей, свод которых поддерживали мощные аркады, установленные в I веке до н. э. В Дидимах, как мы видели, огромный и глубокий внутренний двор должен был вмещать паломников и желающих обратиться к оракулу. Эти грандиозные сооружения, очевидно, были возведены из расчета на многочисленные толпы верующих. В Сирии при Селевкидах, чье почитание Аполлона было хорошо известно, возле Антиохии Селевком I был основан храм в Дафне: он пользовался достаточно громкой славой, чтобы вызвать сарказм у христианских полемистов — Клементя из Александрии, Григория Назианзина, которые насмеялись над ним, так же как над храмами в Дельфах и Додоне. В Дафне пророчество получали непосредственно от бурлящих струй священного источника, который называли Кастальским, как и знаменитый дельфийский источник. Движение и журчание воды интерпретировались жрецами, которые передавали смысл пророчества вопрошавшим. В этой процедуре не было ничего принципиально нового по отношению к древним обычаям греков. Любой знак годился для выражения божественного волеизъявления и наставления, которое оно несло: шумящие на ветру листья, огонь и дым жертвенника, полет птиц, журчание источника, внутренности жертвенного животного, бессвязные слова одержимого человека. Таким образом, пророчествующие святилища по-прежнему часто посещались. Многие из них встречаются у Павсания в его «Описании Эллады», и мы обнаружили также те, о которых он не упоминает, например удивительный «оракул мертвых» (*Некромантейон*) в Эфире (Эпир), возле устья реки Ахерон, куда в здание сложной планировки, построенное в III веке до н. э.,

приходили спрашивать умерших воинов, подобно тому как когда-то Одиссей вызвал тени усопших над ямой, полной жертвенной крови. В этом отдаленном уголке Западной Греции во времена Пирра оставались живы древнейшие верования архаического мира.

Одновременно с популярностью оракулов растет популярность мистерий. Разумеется, они не были чем-то новым — мистерии Деметры и Персефоны в Элевсине существовали уже очень давно. Возможно, их пытались воспроизводить в Александрии, где один из кварталов был назван Элевсинским и где на монетах (правда, только в эпоху Антонина) изображался Триптолем на колеснице, запряженной змеями, несущий людям пшеничные зерна — дар Деметры. Долгое время ошибочно считали, что «Гимн VI» Каллимаха относится к этому празднику в Александрии, тогда как он имеет отношение к фесмофориям в Кирене. Тем не менее вполне вероятно, что в Александрии существовали мистерии Деметры и Персефоны. Птолемей I Сотер пригласил из Элевсина члена старого рода Эвмолпидов¹, которые традиционно исполняли одну из двух жреческих функций в культе Двух Богинь; этот человек должен был стать советником (*экзегетом*) по религиозным вопросам, и он вполне мог сыграть свою роль в организации церемоний в честь александрийской Деметры. В Пергаме тоже, по-видимому, имели место мистерии, связанные с культом Деметры и Персефоны. Непосредственное влияние Элевсинских мистерий на те, что устраивались в честь Великих Богинь в Мегалополе (Аркадия), отмечает Павсаний (VIII, 31): заимствование произошло, скорее всего, в III веке до н. э. Аркадия имела другое мистерияльное святилище — в Ликосуре, к юго-западу от Мегалополя: оно было посвящено божеству, которое называли просто «владычица», или Деспойна; она считалась дочерью Деметры и Посейдона, и, согласно Павсанию, «аркадийцы поклонялись ей больше, чем всем другим богам». Здесь был обнаружен священный кодекс III века до н. э. и фрагменты мраморной культовой статуи, изваянной скульптором Дамофоном из Мессены во II веке до н. э. Недалеко оттуда, в Мессении,

¹ Эвмолпиды — потомки Эвмолпа, сына бога Посейдона, потерпевшего поражение вместе с элевсинцами в борьбе против Эрефея. Эвмолп считался учредителем Элевсинских мистерий. Его потомки были жрецами Деметры в Элевсине.

в расположенном в горах городе Андания, праздновались другие мистерии, о которых сообщает любопытный документ: длинная надпись, датируемая 92—91 годами до н. э., которая проясняет многие намеки Павсания на эти церемонии в книге IV его «Описания Эллады». Этот большой текст с множеством подробных инструкций, где меры по поддержанию общественного порядка (такие, например, как регламентация права доступа в святилище или снабжение питьевой водой) соседствуют с деталями культового характера: о словах клятвы, о том, какого рода должна быть жертва, о порядке процессии, о роли жрецов и жриц, об одежде и украшениях, которые следует надеть, — все предусмотрено до мельчайших подробностей. Это наилучшим образом доказывает значение, которое придавали этим церемониям ревностные паломники, толпами устремлявшиеся в эту глухую долину, чтобы принять там участие в празднике.

Помимо культа Деметры, мистерии также входили в культ Диониса. Они были редки в эту эпоху в Элладе, зато на островах и в Анатолии устраивались часто. Как правило, устройством праздников и церемоний занимались братства, или *фиасы*. Их члены обычно добавляли к своему имени один из эпитетов бога Диониса-Вакха и назывались *вакханами*. Ритуалы, которым они предавались, носили оргиастический характер, восходящий к очень древней традиции. Поскольку эти мистерии устраивались также и женскими фиасами, отчего страдала репутация их участниц, сенат в 186 году до н. э. издал знаменитый указ, запрещающий вакханалии во имя сохранения нравственности римского народа. Тем не менее популярность Диониса только росла на протяжении эллинистической эпохи. Мы видели, как благодаря братствам дионисийских актеров распространилось в то время пристрастие к театру. Птолемей IV Филопатор проявлял особый интерес к этому культу: он предписал указом, текст которого воспроизводит папирус, чтобы ответственные за дионисийские таинства в Египте лица предоставили ему имеющиеся у них священные документы, дабы он с ними ознакомился. Еще его отец, Птолемей II Филадельф, придал дионисийский характер величественной процессии, прошедшей в Александрии по случаю *птолемей* (270—217). Пример Александра, немеревавшего отыскать на Востоке, в Нисе, афганской долине, еще живые воспоминания

о боге, будоражил воображение. Вся литература, собранная Диодором Сицилийским, упоминает о прохождении Дионисом всех земель вплоть до Индии и его триумфальном возвращении в Европу в окружении экзотической и шумной свиты. С другой стороны, в Южной Италии культ Диониса был издавна связан с культом Деметры и Персефоны и, по-видимому, в этом контексте принимал эсхатологическую окраску: по образцу элевсинских таинств он предоставлял своим участникам определенные гарантии их жизни после смерти. Все это, оставаясь в целом достаточно смутным, тем не менее объясняет развитие своеобразного дионисийского мистицизма. Бог вина, дающий людям на пирах и попойках утешение в их испытаниях, предлагает им также надежду на загробный мир. Отсюда огромная популярность Диониса, свидетельством чего является обилие личных имен, образованных от имени бога: например, Дионисий, превратившееся в Дени. Отсюда также богатая дионисийская иконография, которая воспроизводит до бесконечности образ бога: женоподобный юноша, обнаженный или одетый в длинные одежды, с рассыпанными по плечам длинными волосами, с повязкой на лбу, украшенной плющом; он держит с одной стороны тирс, длинный жезл, увенчанный сосновой шишкой и увитый лентой, а с другой стороны, сосуд для питья особой формы — *канфар*¹. Он слегка опирается на молодого сатира, который поддерживает его на ходу, шатающегося от опьянения. Его сопровождает пантера, символизирующая кортеж хищников, который он привел из своего похода в Азию. Греческое искусство без конца воспроизводило эту двойственную фигуру с его обычными спутниками: с его возлюбленной Ариадной, силенами и сатирами, менадами и вакханками, к которым позже добавились амурсы. В то же время почти повсеместно продолжали отмечать традиционные праздники с хорами, поющими дифирамбы, и театрализованными представлениями — трагедиями и комедиями; документы Делоса достаточно недвусмысленно свидетельствуют об этом и дают нам понять, что частью торжественной процессии была *фаллофория* — странный ритуал, во время которого через город

¹ Канфар — кубок на высокой ножке, с двумя ручками, изготовлялся из обожженной глины или металла.

на повозке провозили огромное, символизирующее бога чучело из дерева или холста, набитого соломой, с телом птицы, чью шею и голову заменял мужской половой орган (*фаллос*) невероятных размеров. В этом обряде сохранилось старое народное верование в Диониса как в бога растительности и обновления, дающего плодородие землям и плодovitость стадам; отсюда сексуальная символичность *фаллоса*. Таким образом, традиционные аспекты и новые черты сплетались в сложном культе этого божества, который удовлетворял одновременно большим гражданским церемониям и требованиям личного мистицизма: легко понять его популярность в обществе, имеющем столько культов.

Притягательность мистерий объясняет также популярность другого культа — самофракийских кабиров, который, будучи известен уже в V веке до н. э., в эллинистическую эпоху получил значительное распространение: для поклонения этим «Великим богам», чье точное происхождение плохо известно, в тесной долине, выходящей на северное побережье острова, был установлен храм. Здесь, на обрывистом берегу очень узкого ручья, стояли строения, предназначенные для обрядовых церемоний, и большая ротонда — Арсинойон, в которой находился алтарь и которую повелела возвести между 289 и 281 годом до н. э. царица Арсиноя, жена Лисимаха и будущая супруга Птолемея II Филадельфа. На другом берегу потока находился длинный портик в несколько ярусов, театр и выдолбленная в склоне четырехугольная ниша, где в центре бассейна, наполняемого водами моря, возвышался знаменитый монумент *Победы*, стоящей на носу корабля, воздвигнутый в начале II века до н. э. Святилище, восстановленное по данным раскопок, полностью относится к эллинистической эпохе. Оно свидетельствует о процветании культа кабиров, получившего особое развитие во II веке до н. э.: сюда приходили приобщиться к нему из самых отдаленных мест, с островов Эгейского моря, из Малой Азии, Александрии, Кирены и даже Италии. Персей собирался укрыться здесь в 168 году до н. э. после своего поражения при Пидне. Кабиры считались также покровителями мореплавания. Поскольку они разделяли эту роль с Диоскурами, в результате произошло смешение Великих богов Самофракии и двух братьев Елены, так что на Делосе в 101 году до н. э. появился храм,

посвященный «Великим богам Диоскурам Кабирам самофракийским». Феномен контаминации, или *синкретизма*, знавшего и другие примеры в ту эпоху, во времена Римской империи стал характерной чертой развития многобожия.

* * *

Если мистерияльные культы несли утешение душе, то боги-целители приходили на помощь телу. Для них эллинистическая эпоха стала крайне благоприятным периодом. Культ Асклепия распространился от главного святилища в Эпидавре, которое продолжало привлекать верующих и в котором учащались случаи чудесного исцеления. Тем не менее бог требовал от поклоняющихся кое-что еще, помимо традиционного ритуала очищения: здесь добавлялось требование более возвышенное — требование нравственной чистоты. Эпиграмма, начертанная на храме (Палатинская антология. XIV, 71), выражает эту идею таким образом: «Пусть будет чист тот, кто вступает в этот храм, где воскуряется фимиам! Быть чистым — значит иметь лишь святые помыслы». Впрочем, если во врачебной практике в традициях Гиппократов имели прецеденты исцеления, даруемого Асклепием; безусловно, немалую роль в этом играли психологические средства, такие как самовнушение. Из Эпидавра культ распространился во многие другие места, например в Балаграи, в Ливии, возле Кирены, или в Лебенеу, на Крите. Эпиграмма Каллимаха (Эпиграмма. 54) предназначалась для votивной таблички, посвящаемой лекарем Акесоном в храме Балаграи. Посвящавший обещал богу внести в храмовую казну дар в 100 драхм (одну мину), если его больная жена поправится. Он исполнил свой обет и упомянул об этом в посвячительной надписи на небольшой раскрашенной дощечке, которую прикрепил в храме по обету. Живой и занятный тон, который он использует, демонстрирует ту доверчивую непринужденность, с которой относились к своим богам греки: «Ты получаешь всю сумму долга, Асклепий, о котором Акесон договорился по обету ради своей жены Демодики: имей это в виду! Впрочем, если ты случайно забудешь об этом и о том, что тебе потребовалась одна мина, сия табличка это удостоверит».

Самый величественный храм Асклепия находился тогда на Косе, родине Гиппократов. Медицинская школа, имевшая здесь своих учеников и последователей, процветала и пользовалась большой популярностью. Находящаяся вне города, на отлогом склоне холма, где был благодатный источник, необходимый для любого лечения, на земляной насыпи в конце IV века до н. э. был выстроен храм и монументальный жертвенник. Поэт Геронд в 270 году до н. э. с иронией воспроизводит эту обстановку в своем произведении «Женщины, жертвующие Асклепию». Две кумушки скромного происхождения приходят в храм, чтобы освятить там петуха и принести votivную табличку в благодарность за исцеление. Они любят мраморными статуями, изображающими Асклепия и Гигию («здоровье»), его дочь, стоящими возле жертвенника и изваянными двадцатью или тридцатью годами ранее сыновьями великого Праксителя. Они восторгаются другими произведениями искусства: группой, изображающей ребенка, обнимающего гуся за шею, портретом женщины с Коса, чье сходство с моделью их поражает. Они проходят в храм, двери которого только что открыл священнослужитель — *неокор*. Там они рассматривают чудесные картины художника Апеллеса, на которых изображены приготовления к жертвоприношению и которые приводят их в восторг своим реализмом, создающим полную иллюзию достоверности. Наконец, они кладут свой обол «в пасть бронзовой змеи», которая служила крышкой сосуда для сбора пожертвованных и, довольные, удаляются, чтобы устроить у себя застолье с петухом, которого они только что заклали, не забыв отделить от него заднюю часть в пользу неокора, который таким образом получал свою плату натурой. Этот диалог — живописнейшая картина, воспроизводящая сцену из повседневной религиозной жизни.

Чтобы принимать растущие толпы паломников, во II веке до н. э. храм на Косе был значительно расширен: уже существующая площадка была надстроена еще двумя, полностью преобразившими ансамбль. Нижняя образовывала широкую четырехугольную площадь примерно 100 × 50 м, ограниченную стеной, опирающейся на первоначальную террасу, и большим портиком, занимающим три другие стороны: это была зона приема, куда попадали по пандусу и через проем портика. Оттуда широкая лестница вела в зону жертвенника и в храм. Наконец, еще выше

находилась третья площадка, венчающая ансамбль и отражающая в обратном порядке расположение первой террасы: портик на три стороны, четвертая открывается на святилище и деревню, наверху крепкая подпорная стена; в середине этого верхнего яруса возвышался новый храм, больше старого, с прекрасным дорическим перистилем; он был обращен к первоначальному жертвеннику, расположенному на среднем ярусе, и их связывала монументальная лестница, заканчивающаяся фасадом верхнего храма. Эта внушительная архитектурная композиция с тремя ярусами, обрамленными портиками. Стремление подчеркнуть симметрию с помощью расположенных на одной оси лестниц и верхнего храма отвечала новому вкусу: она предвещала величественные ансамбли, которые так любили римляне в эпоху империи и первый потрясающий пример которых на итальянской земле явил собой храм Фортуны в Пренесте (Палестрине), сооруженный во времена Суллы.

* * *

Асклепий был не единственным богом-целителем. Эту роль играли также многие другие божества, боги или герои. Например, Сарапис — оригинальное творение этой эпохи, заслуживающее особого внимания: это действительно замечательный пример того, как греки в соприкосновении с религиями завоеванных или варварских народов иногда заимствовали у них богов, чтобы ввести их в эллинический пантеон. Это обогащение греческой религии чужеземными элементами считается, не без основания, одним из главных вкладов эллинистической эпохи. Следовало бы также изучить характер этих заимствований, и пример Сараписа здесь показателен. Происхождение нового культа является предметом противоречивых традиций, которые приписывают его введение одному из трех первых лагидских монархов. Но авторитетные документы свидетельствуют, что он был установлен в эпоху Птолемея I Сотера; в любопытном фрагменте у Тацита (История. IV, 83—84) рассказывается, что этот царь увидел сон, который внушил ему привезти из храма в Синопе на Черном море статую этого бога. После совета с Дельфийским оракулом Птолемей не без труда добился, чтобы народ Синопы отдал ему эту божественную статую, изображавшую у них Зевса, но «хтонического» Зевса,

напоминающего Аида, хозяина преисподней, связанного с Персефоной. Привезенная в Александрию, статуя была установлена в старом египетском квартале Ракотис, где для нее был построен храм на месте маленького местного святилища Сараписа и Исиды. Имя Сараписа, по-египетски Осераписа, носил местный бог, в котором соединились две божественные личности, первоначально четко разделявшиеся: знаменитый Осирис, супруг Исиды, и бык Апис, которому поклонялись египтяне в Мемфисе и мумия которого хранилась в огромном подземном некрополе в Серапеуме. Имя Сараписа было дано новому богу, привезенному из Синопы в Александрию, но кроме этого ничего египетского больше в нем нет: во всем остальном это абсолютно греческий бог. Благодаря различным документам нам известен вид этой статуи. Она напоминала статуи Зевса, Аида и Асклепия: величественная голова с длинными волосами, крупными прядями, спускающимися на лоб, и густой бородой; голову вместо головного убора венчала своего рода высокая корзина почти цилиндрической формы — *калаф*, который называли также латинским словом *модий*, с растительным орнаментом из оливковых ветвей или пшеничных колосьев. Бог был задрапирован в греческие одежды; он сидел на троне, возле которого находился Кербер, чудовищный пес преисподней. Другие изображения на имперских монетах показывают Сараписа стоящим, полуобнаженным, с жезлом в руке и калафом на голове, с сидящим у его ног Кербером, что напоминает изображения Зевса, только без калафа и Кербера. Считается, что его первая статуя была сделана Бриаксием, знаменитым скульптором IV века до н. э., работавшим около 350 года до н. э. в мавзолее Галикарнаса. Скульптор действительно во второй половине IV века до н. э. с большой долей вероятности мог выполнить для Синопы эту статую Зевса-Аида (Юпитера-Диса), о которой говорит Тацит. Во всяком случае, хотя он и был переименован в Сараписа в Египте, в его облике для греков не было ничего необычного.

Что касается его культа, о нем сообщают два свидетельства: Каллимах сочинил две посвятельные эпиграммы для пожертвований Сарапису. Одним из этих жертвований был светильник с двадцатью гнездами для плашек, то есть исключительных размеров и яркости, который, как говорит поэт, затмевал своим светом вечернюю звезду. Вторая эпиграмма сообщает о посвящении

критским наемником своего колчана и лука после военного похода против Эвгесперид, в Киренаике, в начале царствования Птолемея III Эвергета, в 246 году до н. э. Ни то ни другое жертвоприношения не имели в себе ничего экзотического и могли быть посвящены абсолютно любому греческому богу. Культ Сараписа, несмотря на его имя, таким образом, был действительно греческим культом, обязанным своим происхождением грекам, обосновавшимся на египетской земле, точно так же как раньше греки Ливии установили у себя культ Зевса-Амона — греческий культ, адаптировавшийся в Киренаике. Оба эти культа вовсе не свидетельствуют об ослаблении религиозной традиции эллинов, которая приспособилась к чужой культуре. Культ Сараписа не является результатом соединения или, как говорят, синкретизма греческих и египетских элементов: он лишь демонстрирует, насколько сильной в эту эпоху, как и прежде, оставалась ассимилирующая способность эллинизма.

Святилищ Сараписа было очень много: прежде всего в Египте, в Александрии и ее окрестностях, а также в пригороде Кнопы, у ближайшего к городу устья Нила, и за пределами Египта, где новый бог тоже имел большую популярность. Особенно показателен пример Делоса, поскольку на острове были обнаружены остатки трех храмов Сараписа: два из них — частные, самый ранний был сооружен в первой половине III века до н. э.; последний, построенный во II веке до н. э., был официальным храмом, где отправление культа осуществлялось на средства полиса. Сарапис связан здесь с другими египетскими божествами — Исидой, Анубисом, Гарпократом. О двух последних у нас мало сведений, и их роль совершенно второстепенная. Зато Исида, как и Сарапис, пользовалась большой популярностью в эллинистическом мире. Она тоже чисто египетская богиня, которую греки адаптировали, облачив на греческий манер. Ее статуи тем не менее иногда сохраняют черты, заимствованные у изображений богини времен фараонов: головной убор с двумя высокими перьями, венчающийся коровьими рогами, которые обрамляют медальон, драпировка, облегающая тело и завязываемая на груди «узлом Исиды», не характерным для эллинской традиции. Но это значит, что эти черты были постоянными: такой иконографический тип, как Исида Эвплойя или Пелагия, покровительница мореходов, не имел ничего

египетского и мог быть соотнесен с любой греческой богиней. Любопытны в этом отношении имеющиеся в нашем распоряжении тексты: будь это гимны или проза, они превозносят различные возможности или достоинства (*аретеи*) богини, отсюда название — *ареталогии*, которое было дано этим документам. Они относятся к разному времени, начиная со II века до н. э. и до последующей имперской эпохи, и их можно обнаружить как в Египте, так и в самых различных регионах античного мира: на Кикладах (на Иосе и Андросе), во Фракии (в Маронее), в Малой Азии и Киренаике, о чем свидетельствуют такие авторы, как Диодор Сицилийский и Апулей. В этих текстах Исида предстает благодетельницей рода человеческого, благодаря которой он имеет главные достижения цивилизации: язык, письмо, право, суд, почитание родителей, сельское хозяйство, мистическое откровение, излечение больных. Кроме того, она предстает космической богиней, управляющей движением светил и ходом Вселенной. В этом перечне божественных достоинств очень мало элементов, свидетельствующих о заимствовании египетской традиции: речь скорее об общих местах сакральной литературы эллинов, в данном случае в приложении к этой новой богине. Зато поистине новшеством стало стремление придать Исиде все знаки божественного могущества, признав за ней полную власть над вселенной: вне всякого сомнения, здесь наметилась тенденция к монотеизму, которая станет ощутимо отчетливее в эпоху империи.

Многие другие чужеземные боги будут удостоены поклонения в эллинистических полисах либо в форме частных культов, поддерживаемых частными лицами или ассоциациями, либо в форме общественных культов. Некоторые установятся на долгое время, как, например, культ Матери богов — Кибелы (называемой также Великой Матерью), чей храм в Афинах с классической эпохи служил официальным хранилищем государственных архивов. Эта анатолийская богиня совершенно освоилась среди греческих богов; а вслед за ней в пантеон постепенно проникли другие персонажи ее мифа, такие как Аттис, юноша во фригийском колпаке, сделавший себя евнухом, или странная Агдистис. Но круг их адептов долгое время оставался очень ограниченным. Эта история с оскоплением не нравилась грекам, и они всегда с подозрительностью относились к жрецам-евнухам — галлам, хотя специалисты

по религиозным вопросам интересовались этим культом: советник Птолемея I, афинянин Тимофей, посвятил ему исследование, на которое столетия спустя еще ссылался христианский апологет Арнобий. Второстепенной также осталась сирийская богиня Атаргатис, почитавшаяся на Делосе, который часто посещали финикийские купцы и греки из Сирии: но она почти полностью слилась с Афродитой, чье имя появляется в посвящениях наряду с исконным восточным именем богини и в конце концов даже заменяет его. Культ Адониса, сирийского происхождения, был принят в Александрии, где царица Арсиноя II в 272 году до н. э. отмечала в царском дворце *адонии* — праздник, описанный Феокритом в идилии XV. Это описание показывает, насколько эллинизировался восточный культ: перед народом в беседке из листьев демонстрировались статуи Афродиты и Адониса на пиршественном ложе с богатыми приношениями фруктов и сладостей на манер *теоксений* — традиционных священных пиров, в то время как чтец распевал гимн в соответствии с древним обычаем. Таким образом, когда чужеземные божества входили в эллинский пантеон, они принимали, привычный для греческих богов вид и приспосабливали свои ритуалы к требованиям вековой традиции, формы которой греческий народ не был склонен с легкостью менять. По-прежнему гостеприимный, он не отказывался от новых лиц, но облачал их по-своему и, таким образом, по сути, лишал их того, что могло поразить или шокировать.

Не стоит забывать также, что в греческой религии преобладающим был местный характер культов, поэтому обобщения здесь мало приемлемы. Поклонение верующих осуществлялось всегда главным образом в узких рамках множества общественных и частных святилищ, где ревностно соблюдались вековые ритуалы, и это усердное поклонение вело к созданию новых святилищ по всякому поводу. Домашние культы, героические культы, сельские культы стремительно росли в числе. Мы имеем представление о них благодаря запечатленным в живописи пейзажам Помпеи, росписям римских вилл и деревенским сценкам на барельефах. В этих изображениях, вдохновленных средиземноморской природой (и никогда пейзажами египетской Дельты!), обязательно присутствуют жертвенники, статуи богов, часовни — все так, как это описывается в буколической поэзии или в неисчислимых посвящениях

лесным и полевым божествам, вошедших в «Антологию». Природа оставалась переполненной божественным присутствием, которое греки ощущали как в своей земле, так и в чужой. Поэтому они охотно начинали поклоняться варварскому божеству в непривычных для себя условиях, если только находили ключ, позволявший им отождествить этого чужого бога с одним из собственных богов. Так, Александр и его спутники, не колеблясь, признали Диониса в местном боге Нисы — затерянного в гималайской долине поселения, и сам новый всплеск интереса к этому мифу родился из этого убеждения. Поэтому также греки, путешествующие в Верхний Египет, считали вполне естественным вырезать свои хвалебные эпитафии, или *проскинемы* (молитвенные формулы), на пилонах египетских храмов, например на Филах. Эта природная склонность ассимилировать экзотических богов к своим собственным божествам облегчила эллинизацию таких регионов, как Фракия и Анатолия: достаточно было наделить местных богов греческими или грецизированными именами или придать им антропоморфный вид, чтобы набожность греков соединилась с культурами местного населения, способствуя таким образом сохранению их бесконечного разнообразия.

* * *

Постичь реальность религиозных верований наилучшим образом возможно именно через их конкретные проявления: жертвоприношения, освящения, праздники, культовые сооружения, священные законы. Эти свидетельства эллинистической эпохи так многочисленны и так бесспорны, что у нас нет оснований сомневаться в преемственности и жизнеспособности веры среди большинства греков того времени. Тем не менее среди просвещенных умов, которых учения философов заставляли задумываться обо всем, в том числе и о вере в богов, в это время появляется разнообразная критика: от рационалистической интерпретации мифов до скептицизма и радикального атеизма. Влияние этих взглядов было ограничено узким кругом образованных людей и не приводило к значительным изменениям в образе жизни народных масс; но разве иначе обстояло дело с Гераклитом или Анаксагором? Вспомним вкратце основные аспекты этого развития мысли.

Самым характерным, без сомнения, является евгемеризм, имевший важные последствия — прямые и косвенные. Евгемер, живший в конце IV — начале III века до н. э., написал странное произведение, своего рода философский роман, под названием «Священная запись». В нем он рассказывал о вымышленном путешествии на острова Индийского океана, главный из которых назывался Панхайа. Там жило разнородное население, в котором местные соседствовали с выходцами из Индии, Скифии и даже с Крита; ими управляли критские жрецы. В надписи, вырезанной на золотой стеле в величественном храме Зевса Трифилия, сообщается история древних царей страны, которые были ни много ни мало традиционными богами Греции: Уран, Кронос, Зевс, — легенды о которых, лишенные своего чудесного элемента, излагались как исторические факты. Зевс, в частности, предстал мудрым и благодетельным царем, который путешествовал по миру и распространял свои благодеяния среди людей, пока не умер на Крите. Впоследствии признательные народы возвели ему храмы и жертвенники и сделали из него бога. Евгемер, таким образом, предлагал историческое объяснение религиозного феномена: боги — это люди древних эпох, которых благодаря их могуществу и славе стали считать после смерти высшими существами, которым следовало поклоняться. Это коренным образом десакрализовало основную идею греческой религии, согласно которой бессмертные обладали природой, отличной от человеческой. Поэтому древние считали Евгемера атеистом; но лишь немногие из его читателей делали далекоидущие выводы из предложенной им интерпретации. В большинстве своем они ограничивались историзацией мифов, не ставя под сомнение ни существование, ни могущество богов, о чьих земных деяниях рассказывалось как о деятельности реально живших царей. Впрочем, современная реальность, с ее активным установлением царских культов, не давала повода усомниться, что нечто подобное происходило и в прошлом. Поэтому такие мифографы, как Дионисий Скитобрехион, рассказывавший о приключениях Диониса на Востоке и в Африке, отнюдь не способствовали разрушению традиционной религии. Мы прекрасно видим это у Диодора, который собрал их в большом количестве в своем произведении и которому мы обязаны существенной частью всего того, что мы знаем о Евгемере. Однако в Диодоре не

было ничего вольнодумного; совсем напротив, он очень старательно подчеркивал в своей истории все, что могло быть интерпретировано как награда за набожность или кара за святотатство. Даже два века спустя Павсаний, великий читатель мифографов, был тем не менее набожным человеком, крайне внимательным ко всем ритуалам, сохраненным предками, и нисколько не сомневающимся в существовании богов.

Не стоит также переоценивать разрушительное влияние философов, чьи рассуждения доходили лишь до очень ограниченного числа слушателей. Кроме того, их размышления заканчивались разнообразными выводами, которые почти не расшатывали народных верований. Из двух крупных философских школ, появившихся и развившихся в эллинистическую эпоху, только учение Эпикура могло привести к неверию, как это видно из жесткой критики, которую Лукреций направлял против религии, «которая подавляет человечество, являя ему с высоты небес ужасный и грозный лик» и которая отныне, благодаря усилиям Эпикура, «в свою очередь разбита и поправа — победа, которая возносит нас до небес». По правде говоря, эта прекрасная ораторская экспрессия не имела воздействия на массы, которые как в Риме, так и на греческом Востоке были по-прежнему привязаны к своим древним суевериям и утешительным упованиям. Лукреций, однако, пошел дальше собственно учения Эпикура: этот последний совсем не отрицал существования богов, но заявлял, что им нет дела до людей. За что, в таком случае, служить им? Такой вывод естественным образом вытекал из этой точки зрения, и ученики Эпикура к нему пришли. Но требовалась определенная сила духа, чтобы отказаться от помощи религии, а также от страха, который она внушала; вот почему у Эпикура никогда не было много учеников.

Совсем иной была позиция другой школы — Стои, или стоицизма. Действительно, главы этой школы: Зенон из Китиона, Клеанф из Ассоса, Хрисипп из Сол (в Киликии), а позже Панэций с Родоса — каждый привнес в учение школы свои нюансы. Но все они предлагали глобальное и рациональное объяснение Вселенной, подчиненной Провидению, которое управляет всем миром. Согласно Клеанфу, от которого до нас дошел «Гимн Зевсу», именно этот верховный бог руководит этой взаимосвязанной системой, где есть место добру и злу, где и то и другое оправданно;

отсюда нравственный принцип, прославивший стоицизм: четко разделять «то, что зависит от нас» от того, что нам не подвластно, и, следовательно, без сожаления принимать то, чему не можем помешать. Непростая мораль, отвечающая идеализированной теологии, совершенно противоположной эллинистскому антропоморфизму и в конечном счете тяготеющей к монотеизму, в доказательство чего приведем слова латинского компилятора Сервия, комментирующего отрывок из «Георгик» Вергилия (I, 5): «стоики говорят, что есть только один бог, одна божественная сила, которую мы даем разные имена, в соответствии с функцией, которую она берет на себя».

Это тоже были взгляды интеллектуалов, неспособные увлечь толпу. Тем не менее они способствовали распространению идеи о том, что мир управляется высшей силой, которая благоприятствует намерениям людей либо расстраивает их. Имя, которое ей обычно дают, не провидение, а судьба, Тихе. Это понятие не было новым: начиная с Гомера было прекрасно известно, что Судьба неотвратима и что она сильнее даже воли богов. Но теперь вошло в обычай считаться с Судьбой — шла ли речь об участии отдельных людей или о предназначении городов и империй. Эта абстрактная сущность стала объяснительным принципом, который в истории дополнял эффект человеческих поступков, которым она непредсказуемым образом благоприятствовала либо мешала. Это чувствуется уже во II веке до н. э. у историка Полибия, но еще отчетливее — сто лет спустя у Диодора Сицилийского, который подчеркивал при каждом удобном случае *парадоксальный*, то есть непостижимый, характер событий, о которых он вел речь, чтобы пробудить интерес у читателя. Древняя склонность греков обожествлять аллегории не замедлила проявиться и в этом случае — то же самое произошло раньше с Победой-Нике. Судьбе были воздвигнуты храмы: Павсаний упоминает о нескольких на Пелопоннесе, в Гермione, Аргосе, Мегалополе, Элиде. Он видел также храм в Фивах, где Тихе была изображена с ребенком Плутосом (Богатство) на руках. Среди новых полисов Антиохия почти сразу после своего основания Селевком I заказала Евтихиду из Сикиона, ученику Лисиппа, статую Тихе, представление о которой могут дать ее копии: благородная молодая женщина, закутанная в свое покрывало, сидит, скрестив ноги, на скале, в равнодушной и безмятежной

позе; в правой руке она держит пучок колосьев, залог богатства, на ее голове — высокий венец, напоминающий город и крепостную стену, которая его защищает; у ее ног — показавшаяся наполовину из воды аллегорическая фигура реки Оронт, протягивающая руки к пловцу. Произведение было блестяще задумано как игра символов, которую при этом следовало реализовать так, чтобы все эти сложные интенции не создавали впечатления искусственности. Таким образом, абстракции философов порой появлялись внутри храмов благодаря творчеству художников и в соответствии с исконным, чисто греческим направлением развития.

В противоположность этим рассуждениям народ, и зачастую даже образованные люди, продолжали прибегать к суеверным практикам и магии. Это было не ново, но свидетельств в то время стало больше. На двери ли внутри дома помещали символы-амулеты (*апотропеи*), которые, как считалось, отвращали неудачу: одним из наиболее распространенных был фаллос, иногда снабженный крылышками, как, например, на Делосе; встречались также шляпы и звезда Диоскуров или дубина Геракла. На Делосе в качестве *апотропея* выступала мозаика со «знаком Танит» в вестибюле Дома Дельфина: контакты с варварскими цивилизациями могли приводить к почитанию тех или иных специфических аспектов, обладающих мистической силой. Иногда вырезались заклипания, как, например, это, встречающееся в нескольких местах: «Сын Зевса, Геракл Каллиник (Победитель), здесь обитает: зло сюда проникнуть не может». Люди верили в защитную силу амулетов, имеющих на себе магические слова или знаки, особенно если они были запечатлены в драгоценном или полудрагоценном камне, который сам по себе обладал определенной силой: здесь особенно чувствуется египетское влияние. С помощью бронзовых, оловянных или глиняных фигурок, которые протыкали булавкой или гвоздем, совершались колдовские обряды, некоторые были обнаружены при раскопках. Использовали таблички с проклятиями — мраморные или металлические, в особенности из олова, очень удобного для резьбы материала. Один известный литературный текст дает нам представление о магическом действе: это идиллия II Феокрита, названная «Колдуньи», где молодая влюбленная женщина старается вернуть своего неверного возлюбленного с помощью заклинаний и зелий; она призывает Селену (Луну) и Гекату,

ужасную богиню, которая была также покровительницей волшебницы Медеи. Когда Медея в третьей книге «Аргонавтики» Аполлония Родосского собирается ворожить, чтобы помочь Ясону, она приходит в храм Гекаты, и именно Гекате по совету Медеи Ясон приносит жертву, прежде чем идти на испытания, для которых Медея наделила волшебной силой его оружие. Эти романтические приключения не вызывали скептицизма у читателей, привыкших к повседневным суеверным обрядам, совершающимся в их жизни.

Эти обряды, естественно, были также частью культа мертвых. Так, например, эпитафия из окрестностей Александрии, датируемая II или I веком до н. э., обращалась от лица усопшего к прохожему: «Остановись и скажи вслух: „Это могила Алина“, затем попрощайся со мной». Уже само произнесение вслух имени имело магическое значение, оно заклинает исчезнувшего человека и возвращает ему своеобразное существование. Поэтому текст продолжает: «Да воздастся тебе вдвое большее почтение!» при этом в еще одной египетской эпитафии того же времени с верховьев Нила вообще происходит обмен репликами между прохожим и умершим, военачальником Птолемеем, похороненным своим сыном Менодором: «Аой! Привет тебе, храбрый Птолемей, пребывающий среди мертвых! — Упомяни также имя моего сына, странник, и продолжай свой путь». Это древняя вера (она отражена еще в «Одиссее») в заклинательную силу слова объясняет, почему столько надгробных эпитаграмм сочинено в форме диалога: обращаясь к прохожему, они побуждают его учтиво ответить и тем самым произнести вслух имя покойного.

Эти многочисленные тексты, собранные в «Антологию» (где им посвящена вся VII книга) или оставленные на камне, дают понятие о верованиях греков в загробный мир. Есть и такие, которые отражают скептическую позицию по отношению к религии некоторых философов, например «Эпитафия 13» Каллимаха, где прохожий обращается к могиле, та отвечает ему: «В тебе ли покоится Харид? — Если ты говоришь о сыне Аримма из Кирены, то он здесь. — Харид, что есть преисподняя? — Мрачные бездны. — Можно ли их покинуть? — Ложь. — Что есть Плутон? — Выдумка. — Горе нам! — Другой истины для вас у меня нет». Здесь слышен отзвук отрицающего учения философа Феодора, называемого Атеистом, который находился тогда в Александрии. Такова также

следующая формула в духе эпикурейской традиции, много раз употреблявшаяся в имперскую эпоху и выражавшая абсолютное безразличие, полное равнодушие в отношении жизни и смерти: «Меня не было, я родился, я был, меня нет, вот и все. Если кто-то захочет возразить, он лжец, — меня больше не будет». Но подавляющее большинство эпитаграмм выражают подлинную веру в загробную жизнь, понимаемую по-разному. Одни считали, что душа возносится в небеса, далеко от земной оболочки, как в тексте из Гермiona в Арголиде (конец III — начало II века): «Эфир принял твою душу, Лисиксен, а бездыханное тело твоё лежит здесь в земле». Чаще говорилось о том, что душа отправляется в царство мертвых: либо в подземный мир Аида, либо в какие-то неопределенные места (миф об Островах Блаженных, известный уже Пиндару, часто возникает в погребальной иконографии в римскую эпоху). Эпитафия египетскому греку Сосибью идет еще дальше, поскольку она обещает, что он удостоится сидеть в преисподней рядом с грозным судьей: «Я последую в мрачное царство Плутона и Персефоны, чтобы сесть возле Миноса среди блаженных. Ты же, прохожий, приветствуй меня вслух от чистого сердца и да будет безопасен твой путь».

В этом подземном мире, изображенном на барельефе, украшающем надгробие родосского философа Иеронима, вокруг Аида и Персефоны находится много беспокойных человеческих душ, желающих найти свой путь с помощью проводника или талисмана. На это были направлены мистерии, о которых мы уже говорили, и некоторые учения, гипотетически связанные с орфикой и известные еще в классическую эпоху: золотые диски, обнаруженные в эллинистических могилах в Петелии (в Южной Италии) или в Элевтерне (на Крите), были «паспортами в загробный мир»; на них был начертан тот же мистериальный текст, что и на фарсальском золотом диске середины IV века до н. э. В других местах ожидалась помощь от божества загробного мира, защиты которого искал каждый умерший. На могилах в Кирене установлена вырезанная из мрамора статуя женщины по пояс — так, словно бы она появлялась из земли. Хотя ни в одной надписи нет на это указания, вероятно, это изображение Персефоны, царицы теней, хозяйки подземного царства, которая открывает свой лик тому, кто отправляется к ней. Иногда жест снятия покровов только намечен,

и черты богини обозначены нечетко. Иногда вместо лица над торсом делали просто гладкую округлость, увенчанную покрывалом и волосами, как бы охраняя от глаз живущих тайну загробного мира. Станный обычай, совершавшийся в Кирене на протяжении веков с удивительным постоянством.

Последний приют умерших обустроивали с неменьшей тщательностью, чем раньше. Важные персоны, следуя примеру Мавсола, династа Галикарнаса, возводили многоярусные надгробия с богатыми архитектурными украшениями: четырехугольный мавзолей Белеви (III век до н. э.) возле Эфеса или памятник возле Агригента, называемый ошибочно Тероном и датируемый I веком до н. э., предвещают высокие композиции вроде мавзолея, который в эпоху Августа возведет галльский род в Глануме (Сен-Реми-де-Прованс). В разнообразных рельефах, украшающих мавзолей в Сен-Реми, можно узнать излюбленные темы эллинистического искусства — в этом нет ничего удивительного: они достигли долины Роны через Рим и Массалию. Эти многоярусные сооружения должны были быть достаточно распространены, поскольку Филон из Византия, как мы видели, советовал защитникам осажденного города использовать их в качестве малых фортов. Другой тип пышного надгробия, в большом количестве встречающийся в Македонии, — это *тумулус*, земляной курган, который скрывает усыпальницу, вестибюль и внешний двор. Фасад, выходящий во двор, хотя и должен был быть скрытым от глаз, зачастую был богато украшен архитектурными мотивами из камня или крашеного гипса, как, например, господские надгробия в Верджине или Лангаде. Внутри усыпальницы тоже могли быть фрески, как в Казанлыке (во Фракии). Надгробия сооружали также в форме часовен с каменными дверями, охраняющими помещение, где хранились останки покойных: например, в Кирене, где подобных коллективных помятников было много в некрополях, окружающих город. В Кирене также делали могилы, углубленные в скалистых утесах или в вертикальных склонах карьеров: череда залов иногда уходила глубоко внутрь породы, тогда как внешний фасад, прекрасно просматриваемый, обычно украшался фронтоном, антаблементом, колоннами или пилястрами, высеченными прямо в скале. Такие же сооружения встречаются в некоторых некрополях Александрии.

Внутри погребальных сооружений тело помещалось на ложе, часто высеченное в скале, или в саркофаг, иногда украшенный рельефом, как знаменитый саркофаг Александра, изготовленный в Сидоне (в Финикие) в конце IV века д. н. э. для местного царя. Но также очень распространено было кремление; в этом случае пепел собирали в металлический или глиняный сосуд или в оловянную урну без ножки. В могилы обычно помещали пожертвования: предметы мебели, оружие, украшения, вазы, глиняные статуэтки. Эти предметы, изобилие которых зависело от благостояния покойного, сопровождали его в последнем местопребывании одновременно как дань уважения живых и как свидетельство того, что в загробном мире так или иначе продолжается существование, которое он вел на земле. Таким образом, в обрядах эллинистических греков выражались очень распространенные среди них взгляды на жизнь после смерти и на достойную участь умерших: эту мысль сформулировал Аристотель в своем диалоге «Эвдем», а Платон сообщил ее нам, процитировав этот отрывок в «Утешении Аполлонию» (глава 27): «Мы не только полагаем умерших счастливыми, но считаем также святотатством лгать на их счет или говорить о них плохо, потому что они становятся лучшими и более могущественными существами. И эта вера среди нас так крепка и так давно возникла, что никто не может сказать, ни когда она началась, ни кто ее ввел первым; таким образом, она передается из поколения в поколение от века». В ту эпоху это было самое стойкое верование.

* * *

Обзор, который вы только что прочитали, коснулся лишь самых важных направлений эллинистической религии. Обилие документов и крайнее разнообразие культов создают трудности для какого-либо синтеза, который бы учитывал всю массу любопытных деталей и заслуживающих внимания нюансов. Тем не менее относительно этой области, как и сферы политической жизни полиса, хотелось бы отметить факт преемственности с предыдущими эпохами, преемственности, которая как раз и объясняется континуумом полиса. И здесь и там взгляды большинства практически не изменились: народ оставался верен своим богам,

так как он по-прежнему был привязан к своим рамкам жизни, к городу, в котором он родился и институты которого (как до, так и после Александра) он уважал. Антропоморфический политеизм предков был прекрасно приспособлен к этим узким рамкам, которые были соразмерны человеку и, по существу, отвечали его потребностям. Эта религия обогащалась новыми элементами, если они уподоблялись представлениям греков. Ей было за счет чего обновляться и обогащаться, в том числе за счет потрясающей способности персонафицировать абстракции, оживляя их и делая доступными. Показателен пример с Судьбой, но были и другие: многие эллинистические полисы устанавливали культ Демоса (народа) и Полиса (города) и даже культ Рима и римского народа, которые добавлялись к культам традиционных божеств совершенно естественным и органическим образом. Обожествление людей, унаследованное от героизации древних времен, было еще одним источником обогащения религии: помимо культа государей, который не вызывал возмущения, существовал культ *эвергетов*, которого удостаивались благодетели полисов. Это не было абсолютным нововведением, как может показаться: оно находилось в соответствии с очень древней традицией, которая формировала представление, допускающее любые формы новых культов, если только их ритуалы соотношались с принятыми обычаями. Здесь обнаруживается фундаментальная идея о том, что для греков ритуал значил больше, чем теологическое содержание культа. Религия была для них по преимуществу социальным феноменом; она осуществляется через определенные акты. Если эти акты согласуются с обычаями, общество не чувствует необходимости протестовать против проникновения новых сакральных форм.

Это не значит, что в эллинистическую эпоху в религиозной сфере не появлялись новые формы мысли. Три века — долгий период, во время которого, естественно, происходит развитие понятий и институтов, особенно в столь богатую драматическими событиями и всякого рода испытаниями для народа эпоху. Но в действительности подлинные нововведения были второстепенными и полностью проявились уже позже. Это прежде всего влияние философов, эпикурейцев и стоиков, которые пытались изменить традиционное мировоззрение: это влияние начало распространяться только после римского завоевания, особенно

в эпоху империи; но оно все равно оставалось ограничено кругом *интеллигенции*, не изменяя серьезно взгляды народных масс. Такова же проявившаяся под влиянием усовершенствованных астрономических знаний и, отчасти, некоторых восточных культов тенденция отдавать предпочтение тем богам, которых предания или теологические изыскания связывали со звездами. Действительно, в эллинистическую эпоху появляется скрытая форма астральной религии, что мы видели на примере Исиды, но были и другие симптомы: например, в одном из святилищ Сараписа на Делосе обнаружена стела с эпиграммой, начало которой выглядит таким образом: «Так поэт Менедем, сын Аполлония, воспел Бессмертных небесной Вселенной...» Поскольку фронтон этой стелы украшен говорящей символикой: звезда, солярный диск, полумесяц, — ясно, что этот поэт II века до н. э., родом из долины Каистра, возле Эфеса (как он говорит об этом далее), сочинил стихотворение про астрономию, в котором прославил светила как богов. Но подлинная солярная теология установилась только в эпоху империи. Наконец, массовое проникновение в средиземноморский мир восточных монотеистических религий, таких как христианство, или тяготеющих к монотеизму, как культ Митры, могло осуществиться только вследствие великого смешения народов, которому способствовали римская политика и администрирование.

Предвестия трансформации можно распознать в эллинистическом мире, в котором они готовились.

Тем не менее, по сути, это было продолжение религиозной жизни классической Греции.

Глава 10

ЖИЗНЬ ДУХА, РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА

Если образ жизни эллинистических греков, каким мы его до сих пор пытались описать, свидетельствует о том, что они не стремились порвать со своим прошлым, то этого нельзя сказать о сфере философской мысли, литературного творчества и искусства. Здесь, наоборот, проявились изменения, имевшие значительные последствия, которые проложили дорогу в будущее. Удивительнее всего, что на сегодня значение этого вклада так мало оценено. Только специалисты интересуются произведениями эпохи, которая для последующих поколений была лишь промежутком между золотым веком греческой литературы и искусства и золотым веком римской литературы и искусства эпохи империи. В обзорных трудах эллинистическая литература и искусство, как правило, освещаются очень кратко, в приложении к классической эпохе, и слава Софокла, Фукидида, Платона или Демосфена затмевает достоинства Аристотеля, Менандра, Каллимаха и Полибия, так же как имена Фидия, Поликлета, Скопаса и Праксителя заслоняют престиж великих эллинистических художников или безвестных творцов пергамского экспрессионизма. Следует избавиться от принятых установок не для того, чтобы умалить справедливое восхищение, которое вызывают у нас великие мастера V—IV веков до н. э., предшествовавших Александру, но для того, чтобы оценить в объективной исторической перспективе, чем мы обязаны мыслителям, писателям и художникам трех веков, за которые в средиземноморском бассейне произошло столько революционных изменений. Мы попытаемся

сделать это, не очерчивая историю литературы и искусства этой эпохи, что потребовало бы длинного изложения, а останавливаясь на главных аспектах, чтобы подчеркнуть их оригинальный характер и показать ту плодотворную роль, которую они сыграли для истории нашей цивилизации.

* * *

Воздадим всем по заслугам. Начнем с Аристотеля из Стагиры, умершего в 322 году до н. э., через год после Александра, воспитателем которого он был; как и его ученик, Аристотель озаменовал собой последующую эпоху. Этот великий мыслитель был по-настоящему первым среди современников. Ученик Платона, с которым он оставался до самой смерти Учителя, он сумел своим преподаванием отказаться от платоновской логоматии и обратить свою рефлексию уже не на пустую игру понятий, а в сторону реальных вещей. Его произведения, которые дошли до нас, являются в основном записями лекций, лишенными литературных изысков. Но в них ценно содержание и метод. Однако этот метод — собственно научный метод, который использовался всеми учеными, создававшими европейскую науку. Вместо обращения к необоснованным размышлениям и мифам, ведущим к блестящим словесным экзерсисам или поэтическим отступлениям, Аристотель избирает конкретное знание, которое предшествует истолкованию. Таким образом, прежде чем выстроить теорию, необходимо собрать документы: анализ должен предшествовать синтезу, сбор информации предваряет любую систему, знание обуславливает философское рассуждение. Что касается принципов, то ничего лучше с тех пор сделано не было. Естественно, поиск информации предполагает коллективный труд, если тема достаточно масштабна. Поэтому Аристотель поставил задачу, распределив ее между своими учениками: он был первым главой исследовательского коллектива в истории. Хороший пример — исследование им политической сферы. Прежде чем приняться за свой грандиозный труд, дошедший до нас под заголовком «Политика», Стагирит составил или организовал составление ста пятидесяти восьми монографий об устройстве стольких же греческих полисов. До нас почти целиком дошло

только одно — «Афинская полития», остальные утеряны. Можно представить, насколько трудным был сбор сведений для этого исследования: почти не существовало более ранних трудов, которые могли бы быть здесь использованы, сведения приходилось получать на месте, обращаться к архивам, спрашивать компетентных людей. Для каждого обзора, судя по «Афинской политии», был принят простой и четкий план: в первой части, исторической, прослеживалось конституциональное развитие полиса; вторая часть, описательная, предоставляла крайне подробную, детальную картину действующих институтов. Какой обильный и скрупулезный материал для специалиста гражданского права и для историка обществ! «Политика» выросла из него, и пронизательные разборы, которые она содержала, не могли бы быть точны, если бы у автора не было возможности сравнить их между собой благодаря этим подготовительным трудам по стольким конкретным случаям.

Любопытство Аристотеля было безграничным: оно было энциклопедическим, потому что философ сохранил от учения Платона (которого можно назвать последним досократиком) стремление дать целостное объяснение Вселенной. Помимо политики, он обращался к этике, логике, риторике, поэтике, биологии, физике и метафизике. Вся система наук о природе и человеку оказалась в поле зрения учеников Ликейя. Перед кончиной Аристотеля в Афинах в 323 году до н. э. его ученик Теофраст стал вместо него главой школы и продолжил его дело с тем же разнообразием взглядов и с той же энергией. Трактаты по естественной истории, дошедшие до нас под его именем, тем не менее производят впечатление недостаточного приложения этого метода, что было неизбежно в условиях того времени: очень часто, когда объект исследования был отдален или труднодоступен, ограничивались книжной и косвенной информацией, что приводило к ошибкам, а с другой стороны, анализ, не опирающийся на непосредственные факты, можно отнести к категории чисто формальных и, следовательно, малоценных. Но эти несовершенства и эта недостоверность не помешали замечательному способу, изобретенному Аристотелем, быть чрезвычайно плодотворным на протяжении веков: ему мы обязаны, без сомнения, больше, чем любому другому греческому мыслителю.

Математическая наука, имеющая дело с абстракциями, не нуждалась в Аристотеле: великие математики IV века до н. э., такие как Феодор из Кирены, в своем анализе уже продвинулись далеко. Оставалось собрать данные в единое целое, которое бы служило базой для новых трудов. Здесь заслуга принадлежит Евклиду, который в начале III века до н. э. составил тринадцать книг своих «Элементов» — шедевра дидактического метода, который стал учебником для будущих математиков вплоть до Нового времени. Хотя сегодня их полевователи смело отказываются от принципов, определяющих геометрию Евклида, и дают волю своим творческим размышлениям, тем не менее трехмерное пространство, в котором мы, бедные смертные, пребываем, остается все тем же, и на практике мы все так же пользуемся «Элементами» Евклида. Тогда же, в III веке до н. э., Архимед из Сиракуз, которого справедливо называли «величайшим математиком Античности», блестяще проявил себя и как теоретик, и как инженер. Он покажет, что прикладная наука неотделима от чистой научной мысли. Он изучал сложные вопросы геометрии в рамках своих трактатов о конусах, сфере и цилиндре, которые в конце века продолжил трактат о конических сечениях Аполлония Пергского. Свои исследования в области физики относительно принципа рычага, центра тяжести тел, гидростатики (со знаменитым законом Архимеда) он применил на практике, прежде всего в военном деле, удивив современников: машины, предназначенные защищать Сиракузы, были способны разрушать корабли и осадные орудия и приводили в ужас атакующих римлян. Но, как известно, Архимед погиб во время осады города, потому что, поглощенный решением очередной геометрической задачи, в ответ на приказ некоего солдафона сказал лишь: «Не трогай мои фигуры!» Тот разгневался и убил его.

Развитие техники как военной, так и в области гражданского строительства было особенно ощутимо. С тяжелейшими грузами научились управляться с помощью подъемных механизмов, кранов, противовесов, используя комплексное действие рычагов, тросов и блоков. Для морской торговли не составляла труда перевозка значительных грузов, таких как мраморные блоки весом в несколько тонн, монолитные колонны или грузы, одновременно тяжелые и хрупкие, таких как статуи. Что касается

наземного сообщения, здесь были предприняты масштабные инженерные работы. Совсем недавно были обнаружены следы дороги между Киреной и ее портом, идущей вдоль узкого и глубокого ущелья: работы по обустройству дороги со стороны скал и по ее защите от поверхностных стоков были столь значительны, что римляне в эпоху империи отказались взять на себя ее содержание и предпочли другой путь, менее удобный для тяжелых повозок, но и менее затратный. Эллинистические инженеры предоставили своим римским коллегам необходимые технические средства, чтобы проложить в античном мире сеть путей сообщения, акведуков и величественных памятников.

Что касается медицины, то она переживала в то время свой первый золотой век. Мы видели, как оплачивали полисы присутствие в них знаменитых лекарей и сколько государей старались держать при себе надежных врачей, которые удостоивались их дружбы. Помимо двух издавна конкурирующих между собой крупных школ (одна, на Косе, восходила к Гиппократу, а другая, в соседнем Книде, придерживалась более древней и более консервативной традиции), развивалась научная медицина, обязанная тому интересу, который перипатетики: Аристотель, Теофраст и их конкуренты — проявляли к биологии (особенно изучая животных) и ботанике. Не стоит забывать, что Аристотель сам был сыном врача — Никомаха и что он поручил одному из своих учеников, Менону, составить историю медицины, фрагмент которой на папирусе сохранился. В эпоху Александра врач Диокл из Кариста часто посещал Ликей, а собственная дочь Аристотеля, Пифия, вышла замуж за врача кидской школы Метродора. Именно при этом последнем и появился знаменитый Эрасистрат, который поначалу принадлежал к школе на Косе. Эрасистрату приписывали чудесное излечение юного царя Антиоха I, умиравшего от истощения. История, возможно, выдуманная, но тем не менее показательная и заслуживающая подробного упоминания. Напомним, что отец Антиоха, Селевк I, был женат на дочери Деметрия Полиоркега, Стратонике, которая была гораздо моложе его, и предоставим слова Плутарху (Жизнеописание Деметрия. 38): «Случилось так, что Антиох влюбился в Стратонику, которая, несмотря на юные годы, уже родила от Селевка, и, чувствуя себя несчастным, прилагал все усилия

к тому, чтобы прогнать страсть, но в конце концов пришел к убеждению, что желание его чудовищно, недуг же неисцелим и, словно обезумев, принялся искать способа покончить с собою. Он представился больным и постепенно изнурял свое тело, отказываясь от пищи и необходимого ухода. Лекарь Эрасистрат без труда догадался, что царский сын влюблен, и, решивши разузнать, в кого именно, — а это было задачей далеко не простою, — постоянно оставался в его спальне, и всякий раз, как входил красивый юноша или красивая женщина, внимательно всматривался в лицо Антиоха и наблюдал за теми членами тела, которые, по природе своей, особенно живо разделяют волнения души. На любое из прочих посещений больной отвечал одинаковым безразличием, но стоило показаться Стратонике, одной или же вместе с Селевком, как тут же являлись все признаки, описанные Сапфо: прерывистая речь, огненный румянец, потухший взор, обильный пот, учащенный и неравномерный пульс, и, наконец, когда душа признавала полное свое поражение, — бессилие, оцепенение и мертвенная бледность»¹. Проведя такие наблюдения, Эрасистрат придумал тактику и объявил Селевку, что его сын без памяти влюблен в его, Эрасистрата, жену. «„Так неужели ты, Эрасистрат, не пожертвуешь своим браком ради моего сына? — воскликнул Селевк. — Ведь ты мой друг, и ты знаешь, что единственная моя опора — это он!“ — „Но на такую жертву не пошел бы даже ты, родной отец“, — возразил Эрасистрат. А Селевк ему в ответ: „Ах, дорогой мой, если бы только кто из богов или из людей обратил его страсть в эту сторону! Да ради жизни Антиоха я не пожалел бы и царства!“» Тогда Эрасистрат поведал ему правду, и Селевк тут же принял решение соединить Антиоха и Стратонику, провозгласив при этом своего сына правителем верхних сатрапий.

Трогательная и романтическая история, которая благодаря рассказу Плутарха долгое время пленяла воображение читателей: это история Федры, только рассказанная наоборот и имеющая счастливый конец. Во всяком случае, она прекрасно воссоздает образ врача того времени — внимательно наблюдающего физические симптомы и способного проникательно продиагностировать

¹ Здесь и далее перевод С. П. Маркиша.

болезнь, даже если речь шла о душевном недуге. Это первичное обследование, позволявшее ему потом догадаться о причинах болезни, было отличительной чертой эллинистической медицины и связывало ее с аристотелевской методологией. Современник и конкурент Эрасистрата, Герофил из Халкидона, тоже практиковал этот метод. Они оба, оказавшись в Александрии при Птолемеи II Филадельфе, добились большого прогресса в анатомии благодаря препарированию и даже вивисекции, для которой царские власти предоставляли им осужденных на смерть.

В то же время развивалась фармация. Интерес Теофраста к ботанике — даже при абсолютно формальном и очень субъективном (например, относительно культивируемых растений) подходе его системы классификации — позволил собрать много полезной информации, которая была использована в медицине. Никогда еще изучение ядов и противоядий не проводилось так активно, как в то время. Экспериментировали с лечением, в котором традиционные рецепты, смешанные с магией, сочетались с новаторскими подходами. Медициной интересовались государи: Аттал III, последний царь Пергама, пристрастился к науке ядов. Врач того времени Никандр из Колофона, написал на эту тему два больших дидактических стихотворения: «*Theriaka*» (о средствах против ядовитых укусов) и «*Alexipharmaka*» (о противоядиях). Они дошли до нас, что говорит о том значении, которое последующие поколения придавали этой специальной литературе, впрочем изысканной и блестящей по форме и при этом ученой по сути. Никандр, таким образом, облек в стихотворную форму, облегчающую запоминание, эмпирические знания в области фармакопеи. Понятно, как чуть позже Митридату VI Эвпатору удалось с помощью превентивных доз сделать себя неуязвимым для всех типов ядов, — отсюда наше выражение *mithridatiser*¹.

Другой областью науки, в которой эллинистическая эпоха добилась решительных успехов, — это тесно связанные география и астрономия. Дорогу им проложил в IV веке до н. э. Евдокс Книдский, современник Платона. Главная проблема касалась озадачивающего движения светил на небе: как увязать между собой

¹ *Mithridatiser* — приучать к ядам, вырабатывать иммунитет к ядам (франц.).

регулярное вращение «неподвижной сферы» с ночными звездами на нем, ежедневное перемещение солнца, его последовательное появление в двенадцати знаках зодиака в эклиптике, лунный цикл и его фазы и, наконец, движение планет, этих «блуждающих светил» (что собственно и означало слово «планета»)? Их пытались объяснить с помощью геометрических построений, которые привели к созданию опытных моделей, состоящих из металлических дисков, предназначенных для явственного представления о движении светил. Два древнейших греческих научных текста, сохранившихся до наших дней, «Движущаяся сфера» и «Восхождение и заход неподвижных звезд», принадлежат Автолику из Питаны (город в Эолиде, в Малой Азии), жившему во второй половине IV века до н. э.: он пытался усовершенствовать теории Евдокса о концентрических сферах. В то же время, около 330—325 годов, великий мореплаватель Пифей из Массалии отправился в Атлантику и исследовал западное и северо-западное побережье Европы, дойдя до Балтийского моря и островов на севере Шотландии (Тул): он задался целью проверить на практике теоретические представления географов о различных широтах и полярном круге. Так же Каллисфен, племянник Аристотеля, сопровождавший Александра в его походах в Азии, получил задание отправить своему дяде подробное описание наблюдений, накопленных в течение веков халдейскими астрономами. Здесь снова опыт и практика используются, чтобы проверить теорию, — продуктивный подход того времени.

Наиболее выдающимся среди географов был Эратосфен из Кирены. Его любопытство и всесторонняя одаренность позволили ему проявить себя в самых разных областях: ученик и друг своего соотечественника Каллимаха, он сочинял стихи, трактаты по мифографии и филологии, труды по хронологии и математике. Такое разнообразие произведений вызвало ревность у ученых Александрии, в среде которых он жил и которые, как рассказывают, называли его Бета, потому что, как и эта буква в греческом алфавите, он всегда в любой дисциплине занимал второе место. Однако, несмотря на зависть, его географические изыскания вывели его в ранг первых. Ему удалось вычислить с большой точностью окружность земного шара с помощью одного только геометрического способа, который использовался

для определения дуги меридиана, отделяющего Александрию от Сиены¹ (Ассуан), а также можно было сравнивать углы, образуемые в обоих этих пунктах в день солнцестояния тенью от вертикального столбика в момент прохождения солнца через зенит. Поскольку расстояние между Александрией и Сиеной было известно благодаря царским землемерам, Эратосфен смог вычислить окружность Земли, которая составила у него 250 000 стадиев, то есть (учитывая неопределенность в отношении длины стадия, которая нам точно неизвестна) очень близко к реальным размерам (40 000 км). Таким образом, были заложены основы наших знаний о мире. Тот же ученый создал на основе серьезных данных рамки всеобщей хронологии. До него хронологические системы варьировались от полиса к полису и от империи к империи: он объединил их в единое целое, пользуясь информацией, которой располагал, в основном историческими фактами, касающимися греческой истории от Троянской войны (1194—1184 годы до н. э.) до смерти Александра Великого. В дополнение к этому труду, названному «Хронографией», он составил список олимпийских победителей, где в хронологическом порядке были представлены имена всех одержавших победу в состязаниях в Олимпийских играх атлетов. Поскольку последовательность Олимпиад не зависела от частных календарей полисов и касалась всех греков, она была принята в качестве хронологической привязки всеми последующими историками: так делал Полибий, затем Диодор Сицилийский. Основа нашей хронологии Античности, таким образом, восходит к трудам Эратосфена, чьи «Хронографии» были продолжены и по необходимости поправлены во II веке до н. э. Аполлодором из Афин. Знаменитая «Хроника» христианского историка Евсевия Кесарийского передала эту систему последующим поколениям, которые продолжали ссылаться на нее.

Этот интерес к хронологии был лишь одним из проявлений страстного интереса эллинистической эпохи к истории: без сомнения, никогда вплоть до современной эпохи не было столько исследователей, посвятивших себя изучению прошлого. Подсчитано, что от этого короткого трехсотлетнего периода до нас дошло

¹ Сиена была важным пунктом для астрономических исследований Эратосфена, потому что во время летнего солнцестояния лучи Солнца здесь падали в полдень перпендикулярно земной поверхности.

около 600 имен греческих историков. Одни ограничивались историей какого-нибудь полиса: появляется множество монографий, излагающих как бесспорные факты, так и легенды, почти не отделимые друг от друга и составляющие достояние гражданского общества. Другие, более амбициозные, пытались создать общие истории вплоть до всемирной, стараясь при этом анализировать ее. Некоторые, тяготея к развлекательности или романтизации, охотно собирали вымышленные истории. Лучшие авторы старались проверять факты; они критически подходили к свидетельствам во имя правдивости и правдоподобия: это так называемая *прагматическая* история, особенно характерная для более поздних эпох, сведения о которых были полнее и достовернее. Когда это соединялось с личным знанием войны и других процессов, когда историки были свидетелями или даже участниками событий, о которых рассказывали, тогда их освещение было шире и позволяло понять поступки людей: это демонстративная (или *аподиктическая*) история, лучшим представителем которой был Полибий. Однако многие писатели ограничивались сообщением о том, что они видели или делали: начиная с эпохи Александра растет число мемуаров и, как часто случается в этом литературном жанре, изложение приобретает хвалебный или романизированный оттенок. Даже государи иногда соблазнялись написанием своих воспоминаний: среди них Птолемей Сотер, писавший о походе Александра, а во II веке до н. э. — Птолемей VIII Эвергет II Фискон. Крупные библиотеки были переполнены этими частными свидетельствами, которые были доступны очень немногим и откуда впоследствии черпали материал компиляторы, биографы и создатели разнообразных историй. Этим богатым материалом пользовались уже во времена империи такие биографы, как Плутарх, такие историки, как Арриан или Аппиан, и даже такие описатели, как Павсаний.

* * *

Такая жажда знаний, распространяющаяся на все области, все время опиралась на предыдущие достижения в сфере духа. Доминирующая черта эллинистической эпохи — это важная роль письменного документа, и особенно книги. Это эпоха первых

крупных библиотек: прежде всего это библиотеки, собранные в Афинах Аристотелем, а после него Теофрастом в связи с их преподаванием и изысканиями, а уже затем знаменитая Александрийская библиотека, которую создал Птолемей I в первые годы III века до н. э. с помощью Деметрия Фалерского. Это была пристройка к святилищу Муз, или Мусейону, основанному лагидским монархом возле его дворца, чтобы иметь при себе писателей и ученых, которым царская либеральность позволяла безраздельно посвящать себя науке и литературе. Политика систематических закупок способствовала быстрому пополнению коллекции: часть библиотеки Аристотеля была приобретена в 286 году до н. э. Управление учреждением было доверено замечательным эрудитам: первым был Зенодот из Эфеса, выдающийся специалист в гомеровской поэзии. Поэт Аполлоний Родосский, ученый Эратосфен, филолог Аристофан из Византии впоследствии занимали это почетное место и заботились о непрерывном пополнении великой Александрийской библиотеки, которая вкупе с библиотекой святилища Сараписа в том же городе вскоре насчитывала уже 500 000 томов. В ней находилось 700 000 томов, когда во время восстания против Цезаря ее уничтожил пожар. До конца античной эпохи ни одна библиотека не собрала такой богатой коллекции. *Тома*, то есть папирусные свитки, тщательно классифицировались и распределялись по ячейкам или стенным шкафам одновременно в логическом порядке (по разделам знаний) и по алфавиту (по имени автора). Комментированные каталоги помогали ориентироваться читателям. Поэт Каллимах создал основную часть этих каталогов, которые называли *пинаксами*: произведения в них перечислялись по рубрикам, согласно литературным жанрам или отраслям знания, и по авторам, каждое имя сопровождалось биографическим примечанием. Поскольку этот перечень включал «всех писателей, прославившихся во всех областях культуры, и список их произведений», можно представить, какого колоссального труда стоило его составить. Это был полный отчет о греческой литературе и науке, составленный Каллимахом. И он лучше всего демонстрирует, какое значительное место занимала в эллинистической цивилизации эрудиция.

Подражая Лагидам, другие цари поощряли создание публичных библиотек в своих государствах: например, Атталиды

в Пергаме проявили себя щедрыми меценатами, особенно во II веке. Именно здесь при Эвмене II развилось производство пергамента (само название которого образовано от слова Пергам), чтобы составить конкуренцию папирусу, монополию на который держали Лагиды. Но последствия этого вклада в письменность, который напоминал о *дифтерах* (дубленых козлиных кожах), изготовлявшихся греками в глубокой древности, до того как они узнали папирус, сказались только в эпоху поздней империи. К числу придворных библиотек можно отнести также библиотеку Антиоха у Селевкидов и библиотеку в Пелле, в Македонском царстве. Даже Митридат VI Эвпатор, занятый совсем другими заботами, не забывал об этой форме меценатства, достойного государей. Но библиотеки находились также и в небольших полисах, например, библиотека в Низе (в Карию), которой пользовался Страбон, или в Тавромении (на Сицилии), часть каталогов которой дошла до нас.

* * *

Увеличение числа библиотек и распространение книг оказало решающее влияние на литературу той эпохи. Относительно истории мы уже наблюдали подобную картину. Жажда знаний охватила все. Влияние традиции, поддерживаемой упорным трудом филологов, ощущалось во всех литературных жанрах. В александрийском Мусейоне и в подобных учреждениях специалисты разбирали древние тексты, чтобы представить их в свете взыскательной критики, исключая вставки, восстанавливая подлинные формы, которые могли изменить копиисты, и объясняя трудные для понимания места. Таковы были, после Зенодота, бывшего учителем для всех, другие крупные специалисты по Гомеру: Аристофан из Византии и Аристарх Самофракийский (имя последнего вошло в наш язык для обозначения особенно сурового критика¹), Аполлодор из Афин, прокомментировавший знаменитый «Список кораблей» во второй песни «Илиады», а в Пергаме — Кратет из Маллы, интерпретировавший

¹ Во французском языке *aristarque* — аристарх, строгий, но справедливый критик.

гомеровскую поэзию с позиции стоиков. Именно на трудах этих филологов, дошедших до нас посредством позднейших грамматиков, по сути, основывается наше сегодняшнее знание текста Гомера. Они также поставили большинство вопросов, которые возникают при его изучении: рассуждения современников зачастую ограничиваются повторением аргументов, уже сформулированных александрийскими учеными.

Пример Гомера, основы всей культуры для греков, позволяет понять, каковы были эллинистические познания и кропотливый труд эллинистических ученых в этой области литературы. Они составляли словари и грамматики. Они тщательно собирали редкие и трудные слова, которые они называли *гlossами*. Существование различных литературных языков со множеством диалектов предоставляло богатый материал для исследований. Ими пользовались поэты и с удовольствием вставляли в свои стихи в угоду ученым эти *гlossы*, которые возбуждали любопытство и задавали тон их произведениям. Воспитанные на классических текстах, они не могли избежать реминисценций, легкие вариации которых читатели, выросшие на тех же источниках, прекрасно улавливали. Поэзия становится изысканной игрой между автором и читателем, понимающими друг друга с полуслова. Разумеется, она всегда, с самого начала, считалась трудным искусством, и первые сочинители гимнов или эпосов всегда хвалились своей ученостью и мастерством. Но теперь публика уже не восхищалась простодушно интонацией вдохновенного певца: она прекрасно разбиралась в тонкостях поэзии и была очень требовательна к поэту. Выдающееся произведение должно было от начала до конца удерживать внимание, оно представляло собой вечный подвиг. Отсюда ни на миг не ослабевающее напряжение, которое для нас удивительно и утомительно. Поэтому эллинистическая поэзия предпочитала короткое стихотворение с потрясающими эффектами вместо длинной поэмы, которое вынуждено было прибегать для слушателя переходы между эпизодами, позволяющие ему передохнуть. Единственная более или менее длинная эпоса, которая осталась от этой поэзии, — «Аргонавтика» Аполлония Родосского, насчитывающая в своих четырех песнях 5833 стиха, что составляет меньше половины «Одиссеи», которая сама, в свою очередь, со своими

12 110 стихами значительно короче «Илиады». Но каждый стих, каждое слово озадачивало читателя скрытой в нем интенцией.

Это была, конечно, ученая поэзия, но она не отталкивала публику, поскольку после первого неудачного опыта в Александрии Аполлоний, уединившийся на Родосе, добился там громкого успеха, представив свою поэму в окончательном виде, «выправив и переделав ее». Его учитель Каллимах, самый выдающийся поэт эпохи, по праву названный потомками равным самым великим, представил образцы этой утонченной литературы. Замечательный мастер стиха, крайне требовательный к самому себе, как никто другой до него, он достиг такой смысловой насыщенности, которая сопоставима только с поэзией Пиндара, к примеру которого он тяготел. Мы забываем, что его «Гимны», наполненные столькими учеными аллюзиями и имеющие такую отточенную форму, не были кабинетными произведениями, предназначенными для узкого круга избранных, но писались по случаю, по заказу для религиозных праздников, где они декламировались перед народом, что красноречиво свидетельствует об интеллектуальных способностях и культуре народной аудитории Кирены, Делоса, Аргоса или Александрии. Помимо поэтического вклада в общественную жизнь своего времени, Каллимах создавал произведения, адресованные только ученым, такие как его четыре книги «Причин» («Aitia»), где он в серии коротких стихотворений упоминал множество легенд, которые в различных святилищах эллинистического мира были представлены как мифическое объяснение все еще отправлявшихся в его время ритуалов. «Причины» считались древним шедевром Каллимаха и, без сомнения, всей эллинистической поэзии. Здесь действительно находится все, что создает очарование и ценность литературы: богатство и оригинальность сюжетов, краткость изложения, ощущение жизни и психологическая проницательность, служащая для воссоздания прошлого, изысканность и стилистическая насыщенность. Для нас большая потеря, что эти удивительные тексты почти полностью исчезли; однако скрупулезность папирологов позволила реконструировать их фрагменты, достаточные, чтобы у нас сложилось представление о них, полностью подтверждающее славу автора. Овидий говорил почти три века спустя, что «отпрыск

Battia [то есть Каллимаху¹] весь мир не устает петь славу», *Battiades semper toto cantabitur orbe*. Греки и римляне зачитывались этими учеными и изысканными поэмами, в них они находили вдохновение и образцы для подражания. Во второй половине III века до н. э., сразу после смерти поэта, были составлены комментарии, чтобы сделать его произведения более доступными для читателей: такое признание поставило его в один ряд с великими классиками. И то немногое, что дошло до нас от Каллимаха, не позволяет усомниться в заслуженности такой славы.

Удивительно то, что этот столь искренний, столь озабоченный совершенством формы, одаренный столь изысканным стилем художник в то же время реализовал совершенно иного рода масштабный замысел в исключительно научной области. Мы уже упоминали о *пинаксах*, библиографических каталогах колоссального значения. Но имеются ссылки и на многие другие научные сборники, которые свидетельствуют о разностороннем интересе, вдохновлявшем Каллимаха и его потрясающую работоспособность. От них остались только названия, сами по себе достаточно внушительные. Вот некоторые из них: «Образование островных государств и полисов и изменение их названий», «Обычаи варваров», «Этнические названия» — исторические и этнографические исследования, последнее из которых основано на анализе лексики различных языков и диалектов; «Разные наименования рыб», «Названия месяцев, данные народами и полисами» — тоже лексикографические труды; «Ветра», «Птицы», «Реки обитаемого мира» — трактаты по географии и естественной истории, вероятно тоже содержащие словарь имен собственных; «Нимфы» — мифологическое исследование; «Чудеса всего света, представленные в географическом порядке» — произведение, по-видимому, давшее начало «парадоксографии», направлению в истории, расцвет которого проявился уже в эллинистическую эпоху; «Против Праксифана» — полемическийopus, направленный против философа-перипатетика Праксифана, уроженца Митилены и единомышленника Теофраста, который написал

¹ Батт — сын Полимнеста из Феры, основатель Кирены, поэтому отпрыск Батта — это соответственно любой киренец, в данном случае Каллимах.

диалог о поэзии и стиле. Все это рисует образ сурового ученого, любителя книг, посвящавшего свои дни составлению словарей и страстно увлеченного литературой.

Эта последняя черта была чем-то новым и знаковым: во многих своих произведениях Каллимах отводит место для литературной полемики в защиту или осуждение той или иной позиции своих коллег или противников. Без сомнения, и до него такие авторы, как Пиндар или Симонид уже выражали свои взгляды в этой области, и с древнейших времен наблюдалось поэтическое соперничество между профессиональными аэдами, а позже состязания комедий и трагедий во время дионисий. Это соперничество было обычным выражением духа соревнования, или «агонистического» духа, столь живучего в греческих полисах. Теперь дело было не в этом, а во внутренних конфликтах, которые волновали особый мир людей литературы: появляется совершенно специфический литературный феномен. Можно догадаться, что формируются школы, каждая из которых имеет свою теорию, своего учителя и упражняется в прениях, где народ выступает в роли судьи, как это было в случае с философскими школами. Литература, и особенно поэзия, не теряя своей роли в полисах, продолжавших устраивать состязания, приобретает самостоятельную ценность, достойную того, чтобы стать самоцелью: этот факт имел огромное значение для истории цивилизации, поскольку римские поэты эпохи Августа, в первую очередь Гораций, последовали этому примеру и передали его всей Западной Европе от Ренессанса до наших дней.

Мы еще раз обратимся к многогранной личности Каллимаха из Кирены, совершенного представителя эллинистических писателей. Есть еще один аспект, который нам следует осветить, поскольку, несомненно, именно в этом аспекте его исключительное поэтическое дарование наиболее очевидно для нас сегодня — это его эпиграммы. Это очень древний жанр: с тех пор как появилась письменность, возникла идея надписывать пожертвования или надгробия короткими посвящениями или эпитафиями, часто в стихотворной форме. Такие поэты, как Симонид, прославились в этих упражнениях, которые требовали от стихотворца простоты и сдержанности. По мере того как в греческом обществе распространялся литературный вкус, росло и число

эпиграмм, о чем свидетельствуют дошедшие до нас надписи. В эллинистическую эпоху этот жанр поэзии пережил свой золотой век: спрос на стихотворные эпитафии и посвящения стал всеобщим, до такой степени, что даже такие талантливые поэты, как Посидипп из Пеллы, сами себя определяли как «сочинителей эпиграмм». В предыдущих главах мы много цитировали подобные тексты, поскольку они тесно связаны с повседневной жизнью людей того времени, с их верованиями и надеждами и дают прямые указания по этому поводу, зачастую очень эмоциональные и всегда наставительные. К Каллимаху, как и к множеству других писателей его эпохи, обращались с просьбами сочинить эпиграмму, за что, впрочем, вознаграждали в зависимости от его славы и таланта, точно так же как и за сочинение гимна, оды, дифирамба или трагедии. Это был один из аспектов социальной роли поэта, которую эволюция нравов несколько не уменьшила, а совсем наоборот. Эпиграмматический жанр имел свои законы, которым идеально отвечал гений Каллимаха и его литературные взгляды: краткость, насыщенность, необходимость сказать много в нескольких словах, поиск оригинальности с помощью легких вариаций внутри строго определенных традиционных рамок. Каллимах проявил здесь себя как виртуоз литоты, как волшебник слова, как величайший мастер стиха. Искренность и деликатность сочувствия в эпитафиях, живая набожность и чистосердечность в посвящениях, придававшие непринужденность общению верующего с божеством, никем еще лучше не передавались. Благодаря Каллимаху эпиграмма получила статус высокой поэзии.

С его легкой руки произошел невероятный расцвет разновидности эпиграмматического жанра, который был известен до него, но оставался до сих пор второстепенным, а именно стихотворений, которые, сохраняя краткую и сжатую форму посвящений и эпитафий, не предназначались для начертания на памятнике, но предлагали новый способ выражения эмоций или взглядов автора. Образцом здесь служит Филит с Коса, современник Александра и Птолемея I, открывший дорогу более молодому Каллимаху и оказавшему определенное влияние на первых александрийских поэтов; в своей эпиграмме он излагал свое представление об ученой поэзии: «Меня поймет не бескультурный

крестьянин, спустившийся с гор, размахивая своей грубой мотыгой, но человек искушенный в искусстве стиха, долго учившийся, способный уловить следы самых разных мифов». Тон этого краткого стихотворения ничем не напоминает ни эпитафию, ни посвящение: Филит сочинил его не для надписи, но в качестве лаконичного манифеста своей доктрины, которую он провозглашает с несомненной гордостью. Большое число эпиграмм Каллимаха выполнены по этой модели; они выражают собственные чувства автора: дружбу, печаль, любовь, его литературные пристрастия или же философские взгляды и нравственные суждения. Среди них есть короткие послания, адресованные друзьям, а есть настоящие элегии в сжатой форме, которая делала их особенно патетическими: сожаление по поводу смерти дорогого человека, жалобы на разбитую любовь. Есть и такие, что предлагают тему для размышления и представляют собой короткую сентенцию, сформулированный жизненный принцип. Все эти формы, которые мы называем интимной лирикой, появляются в эпиграммах Каллимаха наряду с традиционными темами этого жанра, который, таким образом, становится тематически более разнообразным. Соперники и последователи Каллимаха — как греческие, так и римские — продолжили это направление. Однако после него им вряд ли удалось достичь той силы слова, которая отличала маленькие стихотворения великого киренца.

* * *

Произведения Каллимаха очень показательны для эллинистической литературы, переживавшей свои лучшие времена. Это была литература, требовательная к себе самой, поскольку, осознавая давление традиции, от которого она не собиралась отказываться, эта литература тем не менее стремилась открыть новые пути, обращаясь к научному изучению редких тем и избирая строгие законы формы и отточенность стиля; это была ученая литература, которая, разумеется, полностью исполняла свою роль в полисе, ничуть не переставшего в ней нуждаться, но которая впервые помимо публики, привыкшей к народным собраниям и религиозным праздникам, адресовалась также образованной публике и принаравливалась к ее вкусам, более взыскательным,

чем вкусы большинства; это была литература, которая, следовательно, предполагала наличие достаточного круга просвещенных слушателей и читателей, понимающих скрытые аллюзии и смелые стилистические решения. К тому же эта новая концепция литературы могла появиться и утвердиться только благодаря развитию свободного образования, которое распространялось в эллинистическом полисе: количество школ увеличивается почти повсюду, поскольку отцы стремятся дать своим детям солидное образование. Об этом есть много свидетельств: глиняные таблички, изображающие идущих в класс детей во главе с доверенным рабом-педагогом, приставленным к ним; ученические тетради на папирусе со страницами для переписывания или выполнения упражнений; надписи, сообщающие о щедрости богатых горожан или великодушных государей, жалующих полису деньги, предназначенные для оплаты услуг учителей «для образования всех свободнорожденных детей», как это было в Милете или Теосе (в Ионии) или в Дельфах благодаря пожалованиям Аттала II Пергамского. Мы уже видели, какую роль играл гимнасий, покровительствуемый «Гермесом, Гераклом и музами», в культурной жизни. Для нужд школы в это время появляются первые школьные учебники: самый древний из них — учебник по грамматике, очень краткий и неполный, был составлен во второй половине II века до н. э. учеником Аристарха — Дионисием Фракийским. Эффективность этого образования не подлежала сомнению, если судить по количеству, разнообразию и пространности свидетельств, которые предоставляют папирусы лагидского Египта, и по тому приему, который почти повсеместно оказывался прославленным учителям.

Завершением этого образования было изучение философии. Через многочисленных учеников блестящие идеи Платона, а после Аристотеля оплодотворяли греческую мысль, которая под влиянием различных учителей обращалась в разные направления. Одни стремились придерживаться учения этих выдающихся основателей: в Академии Ксенократ и его последователи, среди которых самыми известными были Аркесилай из Питаны (III век до н. э.), Карнеад из Кирены (II век до н. э.) и Антиох из Аскалона (I век до н. э.), развивали суть платоновского учения. В Ликее перипатетики, ученики Аристотеля, блестяще продолжали вместе

с Теофрастом дело Стагирита в разных областях знания, стремясь к научной беспристрастности, заявленной основателем школы. Стратон из Лампсака, а затем Критолай из Фаселиды восприняли эту традицию, впрочем по-своему ее переработав. В конце IV века до н. э. на Родосе было основано отделение перипатетической школы, которое развивалось независимо от афинского Ликейя.

Одновременно непосредственно связанные с Платоном или даже — посредством Платона — с Сократом другие философские школы ставили под сомнение основополагающие принципы идеализма, подвергая их радикальной критике. Наиболее ранняя восходит к Аристиппу из Кирены, ученику Сократа, и первоначально она имела успех в Ливии: это философия удовольствия, устраивающая граждан этой богатой и процветающей страны. Но когда после смерти Александра Феодор из Кирены, называемый Феодором Атеем (Атеистом), дошел до открытого отрицания существования богов, его сограждане, страшась навлечь на себя гнев божий, осудили его на изгнание. Укрываясь в Афинах во время правления Деметрия Фалерского, он снова подвергся преследованиям за безбожие и был вынужден удалиться в Александрию, где Птолемей I милостиво принял его. В конце жизни он смог вернуться в Кирену ко двору Магаса, либерального и просвещенного государя. Отголоски его учения, как мы убедились, слышались еще в поэзии его соотечественника Каллимаха.

Не менее разрушительным для любых теоретических основ явился скептицизм Пиррона из Элиды, философа, который, как и Сократ, ничего не написал. Но, в отличие от Сократа, он много путешествовал, участвуя в азиатском походе Александра, после чего вернулся в свой родной город, где вел скромное, уединенное существование, окруженный почетом сограждан: Павсаний четыре века спустя еще мог видеть его могилу в окрестностях Элиды, а на городской агоре — статую философа, «который не желал верить никакому утверждению». Монтень ссылался на этот пример, чтобы завершить свое рассуждение о человеческих пределах и слабостях.

Среди столь же радикальных в своих теоретических выводах и более последовательных в своей практике киников, выросших на учении Антисфена — одного из учеников Сократа, —

прежде всего выделяется Диоген Синопский, современник Александра. Название школы вначале производили от названия афинского гимнасия — Киносарга, где проводил свои занятия Антисфен: но затем его связали с прозвищем «собака», данным Диогену за его крайнюю нищету, которую он избрал принципом своего существования. Этот философ стремился очистить человеческое предназначение от всего, что не является необходимым для жизни, чтобы освободить человека от всех искусственных потребностей и всех внешних оков. Бедность, отстраненность, равнодушие ко всем социальным связям, полная свобода слова — таковы были условия жизни киников, чем-то напоминающих сегодняшних хиппи. Они могли привлечь только крайне незначительное число маргиналов, потому что предполагали полный разрыв с семьей и полисом. Но этот аскетический выбор впечатлял воображение современников, а живописный вид философа-кинника, язвительного и оборванного бродяги, вдохновлял писателей и художников. Серия анекдотичных историй, связанных с Диогеном, его обращение, впрочем выдуманное, к Александру («Не загораживай мне солнце!»), его характерное «снаряжение»: грубый плащ, палка, котомка, в которой находилось все его добро, — все эти клише были настолько известны образованной публике, что практически никто не стремился повторить этот аскетический образ на практике. Однако те немногие адепты, что избрали скитальческую жизнь и полное отрешение, отличаются искренностью, твердостью и резкостью своих речей: Кратет из Фив и его жена Гиппархия, которые одно время были гостями царя Фракии Лисимаха, Бийон с Борисфена, которого жаловал Антигон Гонат, Менипп из Гадары, создавший в III веке до н. э. новый жанр литературы, в котором, соединяя прозу и стихи, с удовольствием высмеивал мифы, поэтов и философов. Этот стиль вдохновил римлянина Варрона, бывшего современником Цезаря и Помпея и написавшего сто пятьдесят книг «Менипповых сатир», от которых до нас дошли только фрагменты; позже, во II веке н. э., разносторонний писатель Лукиан сделает Мениппа главным собеседником в своих знаменитых «Диалогах в царстве мертвых». Пример киников прекрасно показывает, что грубое, странное, непривлекательное учение, почти не имеющее адептов и не оказавшее никакого влияния на развитие общества,

тем не менее надолго завоевало *интеллигенцию* всего лишь тем, что проповедовалось в высшей степени колоритными лицами и давало пищу для размышлений. Всякая цивилизация рождает своих маргиналов и с их помощью избавляется от своих иллюзий, не отвлекаясь при этом от фундаментальных вопросов.

Эти вопросы эллинистическая философия ставила во всей полноте и в новой перспективе благодаря стоикам и ученикам Эпикура — двум школам, в которых философская мысль соединялась с этикой и в которых этика была неизмеримо более важна, чем философские рассуждения, из которых она выводилась. Эпикурейство и стоицизм определяли два фундаментальных подхода к жизни: несмотря на изменения нравов даже двадцать веков спустя после их распространения в античном мире два этих учения по-прежнему питают нравственную мысль современного общества. Они представляют собой существенный вклад эллинистической эпохи в нашу культуру.

И то и другое зародились в Афинах и примерно в одно и то же время (конец IV — начало III века до н. э.). Зенон, основатель стоицизма, был родом из Китиона на Кипре. Сформировавшись при разных учителях более чем за десять лет как философия, это учение с 301—300 годов до н. э. преподавалось в стое, находящейся на северной стороне агоры, — в знаменитом Пестром портике, прославившемся своими росписями: отсюда название «стоицизм», или философия Стои, которое было дано этой школе. Наследие основателя обогатили Клеанф из Асса (город в Эолиде, в Анатолии), чей «Гимн Зевсу» доносит до нас возвышенное религиозное чувство, затем Хрисипп из Сол (в Киликии), сделавший из доктрины стройную систему. Филиалы стоической школы появились в нескольких полисах: в Родосе, в Тарсе и Селевкии на Тигре в империи Селевкидов, и даже в Риме. Как ни одна другая философская школа, стоицизм получил всемирное признание. Во II веке до н. э. Панэций с Родоса установил связи со Сципионом Эмилианом и кругом просвященных римлян, возвращающихся вокруг него, а Блоссий из Кум стал в Риме одним из близких друзей Тиберия Гракха, затем вернулся в Пергам, где принял участие в восстании Аристоника, после поражения которого покончил с собой. Наконец, Посидоний из Апамеи (город в Сирии на Оронте) был не только философом, но и историком,

географом, филологом, ученым в самых разных областях по примеру Аристотеля и Теофраста; он преподавал на Родосе, где получил право гражданства, и путешествовал по всему Средиземноморью, от Сирии до Прованса и Испании; на Родосе среди его слушателей были Цицерон, на которого он оказал очень большое влияние, и Помпей, которому он посвятил историческое исследование. Каждый из этих философов обогатил стоическую теорию, одну из наиболее выработанных и завершенных Античностью — целостное логическое учение, предлагавшее синтетический взгляд на мир, в котором богам отводилось свое место и который управлялся все упорядочивающим Провидением. Теология, физика, логика и, конечно же, этика объединились в единое целое. Очевидные абсурдности мифов интерпретировались как аллегории. Поскольку порядок целостного *космоса* поддерживается высшим Разумом, человек может только довериться этой силе, которая выше его: если он достаточно мудр, чтобы ее понять, он способен отказаться от страстей, которые затмевают его разум, и, таким образом, обрести счастье в добродетели. Страдания и испытания, выпадающие на его долю, в большинстве своем не зависят от него; поэтому следует стойко переносить их, зная, что тут мы бессильны. «Терпи и воздерживайся» — правило школы. Строгая и требовательная мораль, которая привлекала римлян, традиционно склонных к самопожертвованию. К тому же именно римляне: философ Сенека при Нероне, а затем столетие спустя император Марк Аврелий (последний писавший на греческом языке) — передали нам суть стоической этики.

В отличие от школы Стои, давшей многих оригинальных мыслителей, эпикурейство только отражало философию своего основателя, чьим именем по праву называлось. Современник Зенона, Эпикур был афинянином, рожденным на Самосе, который тогда являлся владением Афин. После преподавания в Митилене, а затем в Лампсаке он в 306 году до н. э. обосновался в Афинах и собрал вокруг себя нескольких учеников, которые жили общиной в небольшом имении, называемом Садам; и школа стала называться Садам Эпикура. Среди этих учеников особенно дорог ему был Метродор из Лампсака, моложе его на десять лет. Крайне чувствительный к дружественным отношениям, учитель постарался создать гармонию среди гостей Сада, среди

которых были даже женщины: многие куртизанки, оставившие свою развратную жизнь, присоединились к группе философов и жили с ними в полном согласии; одна из них стала женой Метродора. Учение Эпикура, изложенное в большом количестве трудов, почти целиком утраченных, восходит к атомизму Демокрита: это почти чистый материализм, придающий большое значение вмешательству Случая, той самой Тихе, Судьбе, которая играла столь важную роль в представлениях эллинистических греков. Не отрицая существования богов, Эпикур полагает, что они абсолютно безразличны к людям; признавая необходимость культа, он наполняет его новым смыслом, поскольку убежден, что божество не вмешивается в дела людей. Отсюда полная свобода в отношении суеверий — позиция, которая могла легко перерасти в атеизм, но которая в то же время со своими легендами о загробной жизни избавляла от страха смерти. Из этого следовала индивидуалистическая этика, провозглашавшая стремление к счастью: это последнее, однако, не смешивалось с удовольствием, поскольку удовольствие, если оно чрезмерно, порождает беспокойство, а следовательно, страдание. Эпикур призывал к умеренности в потребностях и желаниях, к внутренней безмятежности, или *атраксии*, то есть к отсутствию страстей, что было идеалом мудрецов. Естественно, такая мораль была несовместима с требованиями общественной жизни; отсюда максима «Живи скрытно!», которая разделялась обитателями Сада.

Очевидно, что этими взглядами могли увлечься восприимчивые умы, стремящиеся к тихому счастью и в то же время освобождающиеся от всех страхов перед смертью. Но они привлекали и натуры не столь утонченные, которые находили в них удобное оправдание для поиска удовольствий. Таким образом, философия Эпикура получила и удивительно широкое распространение, особенно среди образованных людей, и жесткое сопротивление, в основном со стороны стойков, которых возмущала ее поверхностность. Труды Эпикура имели широкое хождение. В Геркулануме ряд папирусов содержит фрагменты эпикурейских текстов, составленных Филодемом из Гадары примерно в середине I века до н. э. Позже, около 200 года до н. э., некто Диоген высек на камне в своем родном городе Эноанда, в Ликии, другие отрывки из Эпикура, чтобы просветить своих сограждан.

Но прежде всего великая поэма Лукреция «О природе вещей» восторженно передает то воодушевление, которое эпикурейская философия, рассеивая суеверные страхи, внушала душе, жаждущей понять систему мира и избавить человека от боли, связанной с его существованием. Благодаря потрясающей силе Лукреция и трогательному изяществу Горация эпикурейство, как и стоицизм, оплодотворил римскую философию и литературу.

* * *

В сфере искусства значение эллинистической эпохи не меньше, чем в области философии и литературы. Тем не менее ее вклад трудно оценить в полной мере, потому что археологические данные еще плохо классифицированы, их хронология не достоверна, а комплексные точки зрения, предложенные современными историками, остаются весьма произвольными. Поэтому следует прежде всего четко обозначить пределы наших знаний, подчеркнув при этом основные черты искусства, жизненная сила которого практически не уменьшается и чью сложность не легко понять. Здесь нас уже не будет интересовать архитектура, о которой мы уже достаточно говорили, рассматривая рамки эллинистической повседневной жизни. Теперь мы займемся только различными аспектами изобразительного искусства.

Первое, что необходимо показать, — это растущий спрос на произведения искусства и в целом на предметы роскоши. Причин тому было несколько: завоевание огромных территорий с неисчерпаемыми ресурсами, образование великих империй, сосредоточивших в руках царей и их семей огромные богатства, развитие товарооборота, рост городов как в Элладе, так и за пределами старого эгейского мира и в целом экономическое процветание, которое, несмотря на войны, сохранялось почти повсеместно вплоть до великих кризисов I века до н. э. В полисах, остававшихся по-прежнему активными, сословие землевладельцев, разумеется более многочисленное, чем в классическую эпоху, стремящееся к богатой и пышной жизни, являлось для ремесленников и художников гораздо более широкой и разнообразной клиентурой, чем раньше. В том же I веке до н. э., несмотря на угрозу, связанную с деятельностью Митридата, на гражданские

беспорядки и пиратство, этот спрос почти не спадал, если судить по транспортным перевозкам в сторону Рима. Перенимающие греческие вкусы и обычаи в результате завоеваний и грабежей, богатые римляне приняли эстафету от эллинских заказчиков и в избытке обеспечивали заказами греческие мастерские, которые частично переместились в Италию: Помпея и Геркуланум — прекрасный тому пример. «Письма» Цицерона и его речи против Верреса содержат много свидетельств этого, и именно об этом говорили поэты Гораций и Вергилий в знаменитых отрывках, которые здесь следует процитировать: «*Graecia capta ferum victorem cepit et artes intulit agresti Latio*», — сказал Гораций (Послания. II, 1, 156), «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, в Лаций суровый внеся искусства»¹. Но обращается к Августу и подразумевает прежде всего влияние греков на римскую литературу, но термин «искусства» здесь шире, что подтверждает известный отрывок из «Энеиды», где Вергилий отстаивает для Рима привилегию править миром, предоставляя другим, то есть грекам, заниматься развитием изобразительных искусств, риторики и астрономии (Энеида. VI, 847; и след.):

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить в мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят, иль назовут восходящие звезды; не спорю:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных².

Это признание, идущее от поэта, известного своим высоким представлением о родине, весьма ценно: он ограничивается отражением ситуации, существовавшей тогда в Риме и латинской Италии, которые столетие спустя охотно присвоили сначала в качестве трофея, а затем по заказу произведения греческих мастерских. Обилие этих произведений зафиксировано в отрывке из Плиния Старшего (Естественная история. XXXIV, 36), согласно

¹ Перевод Я. С. Гинцбурга.

² Перевод С. Ошерова.

которому «еще до сих пор» (он писал около 70 года до н. э.) на Родосе находится 73 тысячи статуй, и столь же великое множество в Афинах, Олимпии и Дельфах. Поскольку процветание Родоса приходится в основном на эллинистическую эпоху, это колоссальное количество произведений искусства (даже если приводимые цифры, как всегда, спорны: текст свидетельствует, что речь идет о крайне завышенном количестве) относится именно к этому времени.

Бронзовые или мраморные статуи, вотивная резьба или скульптурный декор зданий отвечали потребностям полисов и святилищ, потребностям значительным, как мы видели, в культовых и прославляющих сооружениях. Но в эту эпоху перед художниками встают новые задачи, которых они практически не достигали прежде: создание произведений, предназначенных исключительно для украшения повседневной жизни, и превращение утилитарных вещей в предметы роскоши. В это время наблюдается необыкновенный подъем прикладных искусств. Живопись уже не ограничивается исключительно росписью стен портиков и храмов: она проникает в частные дома, сначала очень скромно, как это было на Делосе, потом с большой помпезностью, как живопись так называемого «второго стиля» в Помпее. Фрески Виллы мистерий в Помпее, виллы Фанния Синистора в Боскореале или «Альдобрандинская свадьба» в Риме — блестящие примеры такой живописи. Они отражают традицию эллинистических мастерских и позволяют нам ощутить их стиль и талант через произведения их непосредственных последователей. В то же время напольная мозаика, которая только начинает распространяться в IV веке до н. э., получает удивительное развитие в эпоху диадохов. Мозаики Пеллы в Македонии свидетельствуют о мастерстве первых талантливых мозаистов греко-римского искусства. Используя еще очень ограниченную технику, которая крайне умеренно обращалась с цветом, они создавали картины потрясающей экспрессии и изящества, обрамленные богатым по замыслу и исполнению декоративным орнаментом. Чуть позже использование разноцветных кубиков увеличило возможности искусства, которое превращало частные дома во дворцы: мозаики Делоса второй половины II века до н. э. дают множество прекрасных примеров. Эта техника сохранялась

вплоть до конца античной эпохи, и, перейдя с пола, где она играла роль ковра, на стены и своды, мозаика, это наследие эллинистического периода, осталась одним из основных видов искусства в Средние века как на Востоке, так и на Западе.

* * *

Эти произведения, украшавшие рамки повседневной жизни состоятельных людей, интересны для нас не только своими собственными художественными достоинствами, но и тем, что являются достаточно верным воспроизведением великих греческих живописных шедевров, которые целиком утрачены, но которые вызвали не меньшее восхищение, чем лучшие скульптуры того времени. На стенах вилл в Помпее и Геркулануме центральную часть панно иногда занимала композиция на тему мифов или пейзаж, тогда как центральным мотивом мозаики могла быть сюжетная картина. Для этих сюжетов создатели фресок и мозаик охотно выбирали произведения выдающихся мастеров и воспроизводили их более или менее точно. Следует предположить, что по мастерским имели хождение коллекции, распространяющие эти образцы: отсюда повторение одних и тех же мотивов, одной и той же композиции, одних и тех же мелких деталей в многих копиях.

Здесь мы обнаруживаем важный аспект эллинистического искусства в его финальной стадии и искусства имперского, которое является его непосредственным продолжением: влияние мастеров, чьи произведения охотно копировали, тем не менее не сводилось к рабскому подражанию. Это давление прошлого ощущалось во всех областях, как в скульптуре и резьбе, так и в живописи и мозаике. В I веке до н. э. в искусстве наряду с новыми оригинальными творениями отмечается частое возвращение к шаблонам, созданным художниками классической эпохи, которые иногда воспроизводились со скрупулезной точностью, но чаще всего получали незначительное варьирование в деталях. Поскольку именно такое исполнение придавало произведению его ценность, к оригинальности, как правило, не стремились. При необходимости в одно целое объединяли элементы различного происхождения. Тогда получалось то, что называют *пастиччо*,

то есть эклектическое соединение мотивов, запечатленных в классических произведениях разных эпох: этот прием получит особенное признание в начале I века до н. э., когда его начнут применять в Риме мастерские скульптора Пасителя и его учеников Стефана и Менелая. Замечательные примеры этого — знаменитый «Мальчик, вынимающий занозу» и Эсквилинская Венера.

Помимо точных копий и *пастиччо*, интерес публики к древнему искусству выражался также в развитии архаизированного стиля, заметного уже во II веке до н. э. Речь здесь не о воспроизведении известных образцов, но об имитации в новых творениях — будь то рельеф или статуя — изобразительных приемов, которые использовали в конце VI — V века до н. э. мастера древней скульптуры и строгого стиля. Хотя коры афинского Акрополя и прогребальные рельефы до эпохи персидских войн давно исчезли — были погребены в земле святилищ или пошли в качестве материала для сооружения новых крепостных стен после вторжения персов, — в Элладе оставалось достаточно памятников, восходящих к эпохе великих творений, которые могли вдохновить художников на их воспроизведение. Любовь публики к прошлому способствовала этой тенденции, которую можно квалифицировать как «маньеристскую», поскольку она использовала некоторые систематические искажения, такие как удлинение пропорций тела, утончение черт лица или, наоборот, утяжеление подбородка; позы и жесты приобретают изысканность, а нереалистичность драпировки имеет чисто графический эффект. Современные исследователи оспаривают время и место появления этой школы, которую часто называют «новоаттической». Бесспорно лишь то, что она является оригинальным аспектом эллинистического искусства и что еще до своего дальнейшего развития при империи до II века н. э. она достигла достаточно высокого уровня.

Знаменательно, что в некоторых «буколических» пейзажах, украшающих дома эллинистической Италии, статуи богов, выходящие в деревенских святилищах, выполнены в архаизированном стиле. Для богатых эллинизированных римлян I века до н. э. эти сознательные отсылки к художественному прошлому Греции были выражением все того же стремления к необычному, как и экзотизм нильских пейзажей, чудесные путешествия

Одиссея или героические сцены трагедий. Здания театра, появляющиеся на стенах помпейских вилл, воплощали представления о чудесном и фантастическом мире мечты, расширяя незавершенность открытого для воображения пространства. Все это тем не менее только декор, в котором не приходится искать отчетливого религиозного или философского замысла. Для образованной публики, хранительницы долгой традиции цивилизации и культуры, речь шла только о том, чтобы иметь перед глазами в качестве украшения повседневной жизни прекрасные образы и предметы, вызывающие приятные воспоминания об их образовании и прочитанных книгах, а также в качестве способа поддержать содержательную и непринужденную беседу, которая подпитывалась бы аллюзиями на прошлое, живо представленное в его сложности и великолепии. Помпейские фрески служат для создания атмосферы, как служили этому в домах Делоса «комнатные» скульптуры, оживлявшие интерьер: многочисленные обнаженные Афродиты, обнаруживаемые в руинах, явно не имеют никакого культового значения, но вместе с другими предметами, приятными для глаза, создают традиционный ряд образов, имеющих очень незначительный религиозный акцент, так же как и изображения на вазах или ювелирных изделиях — кольцах и драгоценностях.

Для ремесленников и художников открылся в это время широкий рынок, стимулирующий их творческие способности. Предметы роскоши пользуются большим спросом, особенно пиршественные ложа с бронзовыми украшениями. Драгоценная утварь из серебра и позолоченного серебра, обнаруженная в могилах в Македонии, позволяет представить пышность, царившую на столах знати в эпоху диадохов. Еще более многочисленны, но столь же потрясающе изяществу своей формы и качеством своего декора бронзовые вазы, иногда покрытые золотом. Найденный возле Салоники большой кратер конца IV века до н. э. представляет собой великолепный образец мастерства греческих бронзовщиков: он весь покрыт фигурами — одни выполнены чеканкой, другие отлиты отдельно и добавлены к изделию, все они изображают дионисийский репертуар (что вполне подходило для этого главного предмета на играх), но тем не менее он не кажется тяжеловесным, потому что исполнение его настолько

совершенно, рисунок настолько четок, расположение различных элементов настолько верно рассчитано, что соразмерность создает одно гармоничное целое. В конце эллинистической эпохи монументальные мраморные вазы, такие как знаменитая ваза Боргезе, хранящаяся в Лувре, свидетельствуют о непрерывности этой традиции. В это же время для освещения пиршественных залов используют бронзовые статуи, держащие факелы; многие из них, изображающие Диониса или участников вакхического кортежа в виде прекрасных эфебов, дошли до нас, подтверждая распространенность этого обычая на всем пространстве античного мира: в Аттике, в Помпеи, в Волубилисе (Марокко), в Сакхе (Египет). Лукреций свидетельствует о моде на этих факелосцев в первой половине I века до н. э.: «...не против воли природы, если в хоромах у нас не бывает золотых изваяний отроков, правой рукой держащих зажженные лампы, чтобы ночные миры озарять в изобилии светом» (О природе вещей. II, стих 24; и след.)¹. От салоницкого кратера, который присутствовал на хмельных застольях македонских современников Александра, до Диониса из Сакхи, который мог озарять своим светом пиры Антония и Клеопатры в период их «жизни бессмертных», на всем протяжении трех столетий греческие мастерские, не прекращая, снабжали предметами роскоши общество, желающее потратить свои богатства и сделать это как можно ослепительнее. Когда средства этой клиентуры иссякли, римское общество, воспитанное на ее примере, унаследовало те же пристрастия и позволило художникам продолжать свое дело. Серебряные вазы из Боскореале, Бертувиля или Гильдешейма, относящиеся к эпохе Августа или Тиберия, непосредственно развивают эллинистическую традицию.

* * *

Размеры этого рынка произведений искусства объясняют отчасти крайнее разнообразие тенденций и стилей, которые так затрудняют исследование и хронологическую классификацию творений этой эпохи. Чтобы удовлетворить этот широчайший

¹ Перевод Ф. Петровского.

и разнообразнейший спрос, художники активно разъезжали, как это было и раньше. Эта мобильность, о которой свидетельствуют сохранившиеся надписи, способствовала связям между традициями мастерских и распространению влияний и стилей. Учитывая разнообразие вкусов клиентуры и авторитет великих классических мастеров, все эти условия в совокупности мешали формированию в тогдашнем греческом мире стиля, который бы развивался непрерывно и однонаправленно. Уже в IV столетии до н. э., во время второго века классики, века Скопаса и Праксителя, это развитие было настолько комплексным, что археологи датируют скульптуры с приблизительностью в полвека, даже если те очень характерны и прекрасно сохранились. Начиная с Александра классификация еще больше затрудняется и основывается на произвольных и субъективных критериях. Например, долгое время выдающиеся специалисты считали на представленном во множестве экземпляров портрете комедиографа Менандра изображен Вергилий: промежутком между концом IV века до н. э. и эпохой Августа (почти четвертью трехсотлетия) измеряется наше незнание и наша неуверенность. Поэтому мы решительно отклоняем ошибочно легкое искушение, которому поддавались и охотно поддаются до сих пор историки искусства, — выделять в эллинистическом искусстве высокий, средний и поздний периоды: это иллюзия решения крайне сложной проблемы, безвыходность которой честнее признать открыто.

Действительно, сами основы такого исследования до сих пор недостаточно определены. Произведения, точно идентифицированные и датированные, крайне редки. Даже когда ученые приходят к некоему консенсусу, за ним часто скрывается зыбкость доводов, которые лежат в его основе, и он базируется только на аргументе авторитетности того или иного лица либо на отказе от критического подхода. Ни Ника Самофракийская, ни Венера Милосская по сей день достоверно не датированы. Лаокоона из Ватикана благодаря удивительным находкам в гроте Сперлонги можно отнести с большей долей уверенности к эпохе Флавиев — к 70—80 годам до н. э., но долгое время его считали эллинистическим творением, да и сейчас еще некоторые придерживаются этой точки зрения. Великолепная Афродита из Кирены, чей украшенный лепниной цоколь считается произведением

II века до н. э., сама относится к так называемой «александрийской» скульптуре. Что касается знаменитого Гермеса Олимпийского, которого многие, и я в том числе, считаю мраморной копией, выполненной в эпоху Августа с бронзового оригинала, до нас не дошедшего, — то многие восхищаются им как шедевром работы Праксителя. Историю эллинистической скульптуры еще предстоит написать, отталкиваясь от нескольких точно датированных по внешним, объективным критериям памятников и отказываясь от всяческих неправомερных упрощений, которые долгое время мешали исследованию.

В то же время мы откажемся как от недостаточно обоснованной от любой классификации по местным школам: афинской, родосской, пергамской и особенно александрийской. Разумеется, в этих центрах находились и здесь складывались весьма производительные мастерские, но практически невозможно четко определить характерный для каждого из них стиль. В Пергаме, например, где во время царствования Эвмена II, в первой половине II века до н. э., был возведен монументальный жертвенник Зевса с великолепным скульптурным декором. И нет ничего столь непохожего друг на друга, как два фриза, украшающие этот памятник: один, на цоколе, с глубоким рельефом, изображает грандиозную борьбу богов и великанов, застывших в яростном движении, где чудовища, дикие звери, боги и богини жестоко борются врукопашную, своим барочным неистовством предвосхищая Микеланджело или Жюлья Ромэна; зато внутренний фриз, не столь глубокий, разворачивает один за другим эпизоды героического мифа о Телефе в разнообразных сочетаниях, где классическое изящество фигур вписывается в красочные рамки, уступающие место пейзажу. Оба эти произведения совершенны, оба выражают творческий замысел средствами пластического искусства, оба выполнены мастерскими высокого уровня, — но которое же из них двоих можно назвать специфически «пергамским»? Очень часто и ошибочно современные критики высказываются здесь в пользу Гигантомахии.

Избавимся также от призрака, имеющего уже довольно долгую жизнь: «александрийское» искусство. Хотя существование такового уже сорок лет назад было поставлено под сомнение выдающимся ученым, чье заявление наделало достаточно шума, мы

продолжаем говорить о доминировании в эллинистическую эпоху искусства, родившегося в столице лагидского Египта и распространившегося по всему средиземноморскому миру. Определенный авторитет, который Александрия имела в области литературы и науки, мешает археологам быть объективными, и они охотно приписывают ей лидирующую роль в искусстве вообще. Разумеется, богатый полис и лагидские монархи, имевшие в нем резиденцию, были для художников избранной клиентурой: дворцы, святилища, публичные здания, некрополи этого огромного города изобиловали картинами и статуями, и многочисленные мастерские удовлетворяли потребности состоятельных граждан, в которых пример государей развивал тягу к роскоши. Вне Египта Птолемеи много строили и делали различные пожертвования, свидетельство о которых можно найти в описи на Делосе, например. Таким образом, вне всяких сомнений, лагидский Египет и в первую очередь его столица щедро удовлетворяли спрос на произведения искусства во время эллинистической эпохи. К сожалению, нет ни одного значительного сборника документов, который позволил бы нам определить, в чем именно этот спрос проявлялся. В текстах или надписях очень немногие художники указаны как уроженцы Александрии или греческого Египта. Нет никаких свидетельств о какой-либо местной школе скульпторов или художников. Раскопки обнаружили малое количество скульптурных памятников, и они практически не имеют особых отличительных черт. Единственное, что создает впечатление характерного стиля, — это бронзовые и глиняные изделия, в которых присутствуют местные особенности, такие как фигуры негров и гротескные карикатуры наряду с религиозными сюжетами, в которых проявляется египетское влияние (Исида, Гарпократ, жрецы Исиды). Но в целом эти собственно александрийские изделия ничем не отличаются по своему качеству, скорее даже более низкому, от продукции других мастерских эллинистического мира и не обнаруживают оригинального стиля, за исключением нескольких типично туземных сюжетов; остальные их темы встречаются повсеместно — в Танагре, в Смирне, Мирине и Сирии, где они зачастую были разработаны с большей выразительностью и ярче, чем в Египте. Теория, приписывающая Александрии решающее влияние на изобразительное искусство того времени, таким образом,

лишено всякого объективного основания. Это был, действительно, процветающий рынок, который, конечно же, привлекал художников, не центр оригинального производства, который бы глубоко повлиял на свою эпоху. Это не должно нас удивлять: разве не то же самое было с Лондоном с XVII по XIX век? Таким образом, теперь мы будем избегать говорить об александрийском искусстве; произведения, которые действительно заслуживают этого эпитета, занимают второстепенное место в совокупном эллинистическом искусстве.

При сегодняшнем уровне наших знаний правильнее сразу отказаться от географического различия школ и хронологического деления на большие периоды — древний, средний и поздний, которые подразумевает существование общей эволюции стиля. Разнородность фактов не укладывается в эти упрощенческие классификации. Напротив, анализ обнаруживает существование в рамках одного периода, а иногда и в одном и том же регионе сильно отличающихся друг от друга тенденций: верность классическим нормам или страсть к архаизации, воспроизведение образцов великих мастеров IV века до н. э. — Скопаса, Праксителя, Лисиппа: барочный экспрессионизм, маньеризм, тяготеющий к утонченным вытянутым силуэтам или, наоборот, к полным и выпуклым формам, композиции из сцен со множеством персонажей решались то как чисто фронтальные и плоские, то как рельефные и разворачивающиеся в серию мастерски сделанных последовательных планов. Решения, стиль и сам дух менялись в соответствии со вкусами клиентуры или с собственными традициями мастерской. Следовало бы произвести серьезные и глубокие исследования, прежде чем установить, как объединить такое изобилие противоречивых начинаний и расходящихся традиций.

* * *

С этими надлежащим образом сформулированными оговорками мы можем, продолжая рассматривать эллинистическое искусство как единое целое, проанализировать главные элементы его вклада, значительного самого по себе и крайне важного для будущего. Тогда как многие художники ограничивали свои

амбиции использованием достижений выдающихся предшественников классической эпохи, другие пролагали новые пути, создавая глубоко оригинальные произведения. Это касается скульпторов, которые пытались выразить физическую силу и яростное движение с невиданной дотоле экспрессией. В первую очередь, это Лисипп, виртуозный скульптор по бронзе, плодотворный художник, которому приписываются сотни статуй. Его «Геракл», опирающийся на дубину, был воспроизведен многими копиистами, в частности автором знаменитого «Геракла Фарнезского», находящегося в Неаполе: это потрясающая громада костей и мышц, пребывающая в покое, но полная затаенной энергии, хотя и в позе и во взгляде выражается меланхолическая усталость после тяжелого труда. Тот же эффект грозной мощи — в бронзовом сидящем «Борце» (римский музей *Thermes*) или в известном ватиканском «Бельведерском торсе» (подписан афинянином Аполлоном, сыном Нестора), который поразил Микеланджело и вдохновил его аллегорическую «День» на гробнице Джулиано Медичи. Мастерство передачи сиюминутности и живости движения своих моделей Лисипп продемонстрировал в своей аллегории «Кайрос» («Благоприятный момент»), изображенной в виде летящего крылатого подростка. Конная статуя, обнаруженная в море у мыса Артемисий и хранящаяся в Национальном музее Афин, представляет собой лучший образец этих смелых экспериментов: вместо того чтобы изобразить коня, победившего в состязаниях, в честь которых и был создан памятник, остановившимся или идущим шагом, эллинистический скульптор показывает нам его вытянувшимся струной в галопе, рвущимся изо всех сил, тогда как сидящий на его спине маленький всадник, еще ребенок, хотя уже профессионал в этом виде состязаний, развернулся на полкорпуса в сторону своих отставших соперников. Какой контраст с дельфийским «Возничим», неподвижно сидящим на своей колеснице после победы, которого создал тремя веками ранее мастер строгого стиля! Эта тяга к исполненным движения позам проявляется в статуях воинов, например, в «Боргезском гладиаторе» из Лувра, созданном, согласно подписи, Агасием из Эфеса около 80 года до н. э. В этом отношении скульптура соперничает с рельефом и живописью.

Та же смелость в композициях, объединяющих нескольких персонажей в единое целое. До сих пор такие композиции пред-

ставляли собой выстроенный перед зрителями ряд на манер фронтонов, где фигуры располагались, выступая из стены, бок о бок в действии, которое можно было охватить одним взглядом. Теперь же появляются пирамидальные группы, такие как «Менелай с телом Патрокла» или «Ахиллес и Пентесилея». Чтобы понять смысл и оценить художественное достоинство, теперь не достаточно одного угла зрения: зритель должен обойти вокруг монумента и сопоставить в уме различные аспекты. Динамическое восприятие приходит на смену восприятию статическому: эта новая черта будет иметь большие последствия. Это же относится к знаменитой группе «Галат из собрания Людовизи», закаляющийся себя после убийства своей жены, — оригинал этого произведения, несомненно, можно соотнести с одним из памятников, установленных Атталом I в его пергамской столице около 230 года до н. э. Другой пример: «Мальчик с гусем», о котором упоминает поэт Геронд в III веке до н. э. в святилище Асклепия на Косе. Даже «Пьяная старуха», созданная неким Мироном из Фив, была решена как подлинно многомерное произведение, раскрывающееся постепенно с разных углов.

Во всех этих примерах — «Галат», «Мальчик», «Старуха» — проявляется еще одна характерная оригинальная черта эллинистического искусства: интерес к реалистическим сюжетам, которым прежде почти не уделяли внимания. Маленький ребенок, дряхлая старуха, варвар, идет ли речь о кельте, персе или чернокожем африканце, — вот темы, к которым теперь обращаются не для иллюстрации мифа, но ради их собственной живописной ценности. Натурализм, равно как и экзотизм, занимают свое место рядом с традиционной идеализацией человеческой модели. Таким образом, для художественного вдохновения открывался широкий простор. Это соответствовало интересу, обнаруживаемому в литературе, к природе и истории, к коротким сценкам из повседневной жизни, или *мимам*¹, к рассказам о путешествиях и к *мирабилиям*. Великолепный горилеф, обнаруженный в Афинах, изображает конюха с очень характерными африканскими чертами лица,

¹ Мим — вид представлений народного театра, возникший в античную эпоху, представляющий собой короткие сценки из повседневной жизни. Первоначально мимы были импровизациями на определенную тему (обычно фривольного характера) и разыгрывались одним или двумя актерами без масок. Позже приобрели литературную форму (Софрон, Геронд).

который держит за поводья оседланного коня, — поразительный и наверняка умышленный контраст между полным жизненной силы скакуном и лишенным изящества силуэтом ведущего его раба. Эллинистические скульпторы, как и их предшественники, выражают себя прежде всего как анималисты: их натурализм проявляется в изображениях животных, которые, как мы видели, зачастую были необходимы для отправления культов. Огромный мраморный бык, недавно найденный в некрополе Орея (в Эвбее), — блестящее свидетельство тому.

Реализм и натурализм благоприятствовали жанру портрета. В противоположность тому, что обычно пишут, греки были способны точно воспроизводить индивидуальные черты начиная с эпохи строгого стиля, в чем нас убеждает портрет Фемистокла. Однако стремление сохранить верный облик великих людей заявило о себе только в IV веке до н. э., когда после смерти Александра Великого народ почувствовал уважение к монархам. Увеличение заказов на статуи, прославляющие государей, военачальников и эвергетов, привлекло многих художников к этому жанру, в котором модель всегда представлена в рост, а не бюстом; только в конце эллинистической эпохи и особенно в соответствии со спросом римской клиентуры, желавшей украсить свои виллы и сады, скульптуры стали укорачивать до бюстов или делать в виде гермы, колонну которой удобно было надписать именем изображенного лица. Хорошо узнаваемые и подписанные профили государей на монетах способствовали развитию этого направления, сосредоточившегося на изображении лица.

Помимо военных и политиков, в скульптурах запечатлевали обычно мыслителей и поэтов. Именно благодаря этому нам известны по копиям Платон, Аристотель, Эпикур, Зенон, Хрисипп, Посидоний, даже Демосфен, чьи изображения восходят, кажется, к посмертной бронзовой статуе, возведенной в Афинах в 280 году до н. э. скульптором Полиэвктом, и поэт Менандр, чьих портретов была сделана масса. Способность точно передавать индивидуальность облика прекрасно справлялась с задачей портрета. Она настолько отвечала вкусам эпохи, что даже чисто вымышленным портретам, например Гомера, был придан индивидуальный характер: голова из терракоты, обнаруженная на Хиосе, представляет любопытный пример. При таком подходе

греческим скульпторам практически не приходилось подстраиваться под требования своей римской клиентуры, которая заказывала достоверные портреты своих отдаленных или близких предков, которые каждая семья бережно хранила. Уже в начале II века до н. э. консул Фламиний заказал в Дельфах свою статую из мрамора, голова которой дошла до нас. Когда появилась необходимость изобразить Помпея, Антония, Цезаря, а позже Августа и родственников императора, эллинистические мастера были готовы это сделать: они стояли у истоков того, что называют римским портретом.

* * *

Реализм и чувство сложной композиции позволяли художникам этой эпохи расширять поле деятельности областями, которые их предшественники лишь случайно затрагивали. Не порывая полностью с традицией, здесь произошла существенная эволюция, соответствующая эволюции идей и нравов. Искусство обращается прежде всего к современной реальности, отсюда — развитие «исторических» живописи и рельефа, неизбежным следствием чего стало растущее внимание в этих произведениях к архитектуре и пейзажу. Стремление ухватить, увековечить ближайшее событие, нечто увиденное, некий момент, иногда опережало традиционную манеру греческой классики, больше тяготеющей к бессмертному, больше интересующейся сутью, чем явлением, и, естественно, преобразующей историю в миф. Конечно, непосредственные наблюдения всегда давали эллинским художникам необходимую основу для вдохновения: но они стилизовали или идеализировали реальность, оставляя непосредственное воспроизведение повседневности мастерам прикладного искусства, глиняных изделий и вазовой росписи. Теперь же эта повседневная реальность, правда осторожно, проникает в большое искусство.

Об этом свидетельствует батальная живопись. В IV веке до н. э. признанные живописцы выбирают для прославления в своих картинах уже не победы древних армий, такие как Марафонское или Платейское сражения, которые можно было изображать на манер эпизодов Троянской войны, но современные события — битву при

Мантинее (362), в которой нашел свою смерть Эпиминонд и которую художник Эвфранор по горячим следам изобразил на стене портика Зевса на афинской агоре. Его современник Павсий, писавший, согласно философу Деметрию Фалерскому, в конце IV века до н. э., утверждал, что «живописец не должен разменивать талант на незначительные темы, такие как букет цветов или птички, а рисовать морские сражения или кавалерийские атаки, в которых одни кони несутся галопом, другие встают на дыбы, третьи падают, а всадники потрясают своими копьями или падают с коней».

Этот урок не пропал: эпопея Александра и борьба диадохов предоставили эллинистическим художникам потрясающий материал, которым они широко пользовались. Диодор сообщает (XVIII, 27), что погребальная колесница Александра, перевозившая его тело из Вавилона в Мемфис в 323 году до н. э., была украшена четырьмя картинами, напоминающими о славе Завоевателя: «Первая изображала его сидящим в богатой колеснице, с жезлом в руке, в окружении царской свиты, состоящей из вооруженных македонян, стражи и персидских вельмож. На второй были представлены слоны со своими боевыми экипажами, направляемые индийскими погонщиками на переднем крае, а за ними — македоняне. На третьей конные эскадроны двигались сомкнутыми рядами, а на четвертой можно было увидеть военные корабли, готовые к бою». Когда позже римские полководцы стали привозить среди своих трофеев картины, чтобы похвастаться своими подвигами, они возобновили обычай, которого греческие художники придерживались веками. Эпизод сражения при Пидне (168), который консул Эмилий Павел заказал вырезать на колонне, поддерживающей его статую в святилище Дельф, доказывает, что скульпторы не меньше живописцев были способны воспроизводить современную историю. И здесь эллинистическое искусство подготовило почву для искусства империи.

Полное представление об этих честолюбивых творениях способна дать уже одна только большая мозаика «Сражение Александра», найденная в Помпее. Считается, что скорее всего непосредственным источником вдохновения для нее послужила картина, написанная Филоксеном из Эритреи в конце IV века до н. э. для македонского царя Кассандра. Это поистине столкновение двух империй и двух народов, которое предстает здесь

в рукопашной схватке юного македонского героя, пробившегося сквозь персидские батальоны и растерявшегося Великого царя, отчаянным жестом обращающего в бегство свою колесницу. Человеческая масса, оцетинившаяся пиками, контрастирует с главными героями, находящимися на авансцене; кони и колесница изображены в разнообразных, очень подвижных позах и неожиданных ракурсах; экзотическая живописность костюмов обращает на себя внимание, не лишая при этом действие его драматического характера. Все средства композиции, рисунка и цвета служат здесь великой идее, и можно сказать, что мозаист, несмотря на некоторые мелкие недочеты, не отступил от своей модели. Историческая живопись на современном Западе ничего лучше не создала с тех пор: понятно, почему Цицерон сказал, что начиная с Протагена и Апеллеса, великих современников Александра, «было достигнуто всякое совершенство» — *perfecta sunt omnia* (Брут. 18, 70).

Это техническое совершенство, достигнутое теперь во всех областях искусства, сопровождалось теоретическими изысканиями, проводимыми самими художниками. Пример Поликлета, написавшего «Канон», не был забыт. В текстах встречаются упоминания многих трактатов о скульптуре и живописи: в конце IV века до н. э. о своем искусстве писал живописец Протоген; в III веке скульптор Ксенократ из Афин, принадлежавший к школе Лисиппа, сочинил несколько томов о скульптуре, а Антигон из Каристоса, известный также другими произведениями, является автором трактата об искусстве бронзы; наконец, в начале I века до н. э. скульптор Паситель, распространивший в Риме определенный академический вкус, составил пять томов о принципах известных в греческом мире шедевров. Таким образом, родилась критика искусства, выработанная самими художниками в соответствии с эллинистической традицией, которая с самых истоков стремилась к тому, чтобы произведение искусства, достигая полного технического совершенства, оставалось тем не менее в своей основе интеллектуальным. Леонардо да Винчи, произнося свой знаменитый афоризм «La pittura e cosa mentale» — «Живопись — дело ума», заново открывал сущностный принцип греческого искусства.

Это богатство замыслов, эту тесную связь, которую эллинистические художники были способны установить между своей

древней культурой и повседневной жизнью, между традицией и сегодняшним образом жизни, между миром людей и миром богов, может прекрасно продемонстрировать знаменитый памятник, анализ которого и завершит наш обзор. Это настенная роспись, называемая «Альдобрандинская свадьба», потому что, обнаруженная в Риме в конце XVI века, она принадлежала вначале кардиналу Альдобрандини, прежде чем вошла в собрание Ватикана. Она была создана в эпоху Августа, в конце I века до н. э., чтобы украсить римскую виллу, и она приближается к композициям так называемого «второго стиля», которыми в это же время украшались стены жилищ в Помпее. Как и эти последние, она не является произведением маститого художника, но создана добросовестным мастером, глубоко вдохновленным ранними образцами. Возможно, это оригинальное произведение, поскольку в деталях картины нет ничего постороннего: стиль, композиция, костюмы — все чисто греческое. Исполнение достойное, а местами — блестящее. К счастью, произведение полностью и целиком сохранилось. Таким образом, оно лучше других может быть детально проанализировано, мы можем отнести к нему как к исключительно показательному документу о тенденциях и достоинствах эллинистического искусства.

В качестве сюжета выбрана свадьба — особо торжественный акт, потому что он позволял выживать полису: гражданином, по определению, являлся законный ребенок, рожденный от законно признанного союза. Это событие окружено целым церемониалом, семейным, гражданским и религиозным, который подчеркивает его важность. Но в то же время брак — это соединение двух людей, двух индивидуальных судеб, мужчины и женщины, для того чтобы разделять вместе радости и горе: это личные искания, переломный момент жизни, особенно для женщины, которой греческий обычай отводил место в гинекее и которая, как правило, практически не знала до церемонии своего супруга, которого ей выбирали родители. Однако эллинистическая эпоха, как это видно из ее литературы от Менандра до Аполлония Родосского, из ее искусства, интересовалась женщиной, ее ролью в обществе и ее чувствами. Автор «Альдобрандинской свадьбы», или, точнее, великий художник, который его вдохновил, в этом отношении был сыном своего времени: для воспроизведения свадьбы он

сосредотачивается на супруге, и на ней одной. Выбран чрезвычайно волнительный момент: невеста, которую только что ввели в брачную комнату, ожидает, когда придет ее супруг, чтобы соединиться с ней, и именно переживаемые ею эмоции пытается передать художник средствами своего искусства.

Композиция, состоящая из десяти персонажей, одновременно очень четкая и очень изысканная: она разделяется на три группы, умело избегая излишней симметрии. Две крайние группы, каждая из которых объединяет по три персонажа, посвящены реальному миру повседневной жизни. Справа три подруги невесты принимают участие в брачных обрядах: одна из них возжигает благовония в большой, обильно покрытой резбой бронзовой камильнице; две другие поют гименей, аккомпанируя себе на лире: «Гимен, о гименей...» — традиционная хоровая песня, которой приветствовали вход будущей супруги в дом мужа. В левой части мать невесты, одетая в соответствии с церемонией и держащая в левой руке опахало, проверяет правой рукой температуру остывающей воды, которую две служанки налили в чашу для ритуальных омовений юной супруги. В соответствии с неизменными канонами греческого искусства, что мы отлично видели на погребальных и votивных стелах, две рабыни значительно меньше хозяйки, что несколько нарушает равновесие между двумя боковыми группами с тремя персонажами; и та и другая группа мастерски выстроены внутри себя вокруг одного неподвижного элемента, который образует стержень композиции: камильница справа, чаша на своей подставке — слева. Освещение, идущее справа, вызывает ощущение, что певицы находятся вне помещения, тогда как мать и служанки размещаются в глубине дома. На все это указывалось косвенно, с крайней экономией средств, и зритель, привыкший к этим обрядам, без труда их узнавал.

Основная группа — центральная, подчиняющаяся искусно просчитанной композиции. Перед нами — супружеская спальня, свидетельством чему большое пышное ложе, расположенное по диагонали, чья высокая деревянная ножка, поддерживающая изголовье, служит центральной осью всей композиции. Архитектурное обрамление сведено к минимуму: простая стена, увенчанная карнизом, указывает на то, что мы внутри дома, изгиб стены слева дает

понять, что спальня отделяется от комнаты, где мать и служанки готовят ритуальное омовение; пилястр за изголовьем ложа означает, что дом здесь кончается и что группа справа находится под открытым небом. Этот легкий набросок декоративных элементов сознательно минималистичен: они не должны отвлекать внимание зрителя на второстепенные детали. Точно так же в «Сражении Александра» одного подрезанного дерева было достаточно, чтобы обозначить природное окружение, в котором разворачивается действие: обобщенное указание на пейзаж, которое понятно с полуслова. Эллинистическое греческое искусство охотно использовало литоту, когда это было необходимо или выигранно.

На ложе сидят, обнявшись, две женщины. Одна, вся закутанная в покрывала, что не позволяет видеть ее лица, — молодая супруга, еще в одежде невесты. Ее только что ввели в брачную комнату, и она осталась в ней одна, ожидая супруга, который вот-вот должен прийти; в эту торжественную минуту она опускает голову от волнения и стыдливости. Полуобнаженная другая женщина рядом с ней — это не смертная, а богиня, о чем свидетельствует ее нагота. Это Афродита, богиня любви, спустившаяся с Олимпа, чтобы поддержать новобрачную и помочь ей преодолеть страхи и целомудренную стыдливость. Поскольку она представлена как богиня свадеб, на ее увенчанной лавром голове тоже покрывало, не скрывающее, однако, прелести ее великолепного тела. Левой рукой она обнимает за шею девушку, глядя не нее с нежным участием, а правой рукой делает ободряющий жест. Эта группа из двух женщин, одна из которых старше и сильнее, а другая более юная и хрупкая, связана с давней традицией в греческом искусстве, которая позволяла выразить любовно-нежные отношения между матерью и дочерью или между двумя подругами; здесь ее значение еще глубже, поскольку речь идет о богине и смертной — одна приходит другой на помощь с той непринужденностью, которая объединяла греков с их богами. Ободряющее присутствие богини несет юной супруге в момент душевного испытания поддержку, которая избавляет ее от страхов и открывает ей путь к счастью. Благородства и достоинство поз, сдержанность жестов, серьезность лиц создает ощущение религиозного таинства, которое окутывает всю сцену и дает понять, что греки относились к браку как к священному акту.

Слева от Афродиты — полуобнаженная женщина, опирающаяся на небольшую колонну, наливает в широкую раковину содержимое маленького сосуда с благовониями. Наряд обнаруживает в ней еще одну божественную личность: это служанка Афродиты, одна из граций, которая участвует в подготовке новобрачной, оказывая, таким образом, в материальном плане поддержку, которую Афродита несла в плане моральном. Чтобы изобразить эту фигуру, художник придает ей типичную для эллинистического искусства позу: небрежная опора на подставку в половину роста, в связи с чем одно бедро выдается, ноги скрещены, руки слегка вытянуты вперед — все это часто можно обнаружить в скульптурах того времени. В нашей картине этот персонаж обеспечивает переход к крайней левой группе. Однако две соседние женщины — мать в строгой ритуальной одежде и изящная прислужница Афродиты с обнаженным торсом — обращены друг к другу спиной и не замечают друг друга; божества, нарушающие одиночество юной супруги, видны только ей одной, а не другим смертным.

Последний участник сцены — единственный мужской персонаж. Расположенный симметрично группе из двух сидящих на ложе женщин, он сидит на своеобразном низком помосте, напротив изголовья ложа, и его лицо обращено к новобрачной и богине, которых он внимательно разглядывает, хотя, погруженные в свой интимный диалог, они замечают его. Взгляд, который он устремляет на них, образует единственную, но очень сильную связь, объединяющую в одно целое этих трех центральных персонажей картины. Этот молодой человек почти обнажен, на его голове — венок из листьев, это бог. Это Гименей, который олицетворяет брак в соответствии с так развитой у греков склонности представлять аллегории в человеческом облике. Он ведает заключением супружеских союзов: гимн, который поют на правой сцене юные подруги невесты, — ритуальное призвание этого бога. Таким образом, его присутствие было необходимо. Он занимает место на самом пороге дома: этот порог и есть ступенька, на которой он сидит в естественной и непринужденной позе, прекрасно известной эллинистическим скульпторам, традицию которой положил Лисипп. Эта фигура — потрясающее произведение искусства, написанное мощно, уверенной рукой мастера. Внимающий беседе двух женщин Гименей ждет ее окончания: как только

новобрачная, укрепленная Афродитой, почувствует себя готовой соединиться со своим мужем, бог устремится за супругом, который ждет вне спальни и которого художник не захотел изобразить. Его аллегорический персонаж, таким образом, намекает на страсть и нетерпение отсутствующего супруга: его беспокойный взгляд ждет благоприятной минуты, а неуравновешенная поза создает ощущение, что он вот-вот вскочит и бросится исполнять свою миссию. Пространство, отделяющее его от двух женщин вместе с ножкой ложа, что парадоксальным образом занимает самый центр пирамидальной композиции, в которую организована средняя группа, — это пространство имеет символическое значение: пока еще разделенная остатками боязливой целомудренности пара вскоре соединится в триумфе любви и волей богини обеспечит продолжение рода.

Таким образом, «Альдебрандинская свадьба» проявляется как богатое аллюзиями и символами произведение. Художник с помощью изобразительных средств отлично передает чувства, состояние души, любые нюансы тончайшей психологии. В то же время он подчеркивает фундаментальный характер брачного ритуала для общества. С этой целью он обращается к обычному набору божественных фигур, которые гарантировали постоянство гражданских связей и всегда были для греков доверенными лицами их надежд и страхов. Антропоморфные божества и аллегии помогали художнику донести до зрителя свой замысел, заключенный в картине. Он вводит их в мир смертных с той же легкостью, с какой в свое время Фидий на фризе Пантеона изображал шествие афинского народа на собрании обитателей Олимпа. Но в сцене «Свадьбы» нет обстановки храма или общественного места; она разворачивается в интимном интерьере комнаты и стремится выразить не гражданское единодушие, а целомудренную стыдливость юной девственницы перед таинством любви и пылкое нетерпение супруга. Совместных усилий семьи и общества, которые символически изображены двумя боковыми группами — с матерью и подругами, — недостаточно, чтобы освободить от стыдливости нежную душу, которую способно ободрить только благожелательное вмешательство богов.

Эта тонкая игра символов, это богатство нравственных интенций, умелое выстраивание целостной композиции, совершенное

применение изобразительных традиций — все это позволяет предположить, что «Альдебрандинская свадьба» в точности воспроизводит некий шедевр некоего великого эллинистического художника. Она сохранила большую часть того лучшего, что было в искусстве той эпохи: совершенное мастерство использования техники для выражения самых возвышенных чувств. Поскольку художнику было что сказать, своей кистью или резцом он стремился учить, он обращался и к глазам и к разуму публики. Можно вспомнить слова Посидиппа из Пеллы, которые он вложил в уста «Кайроса» Лисиппа — блестящей аллегии благоприятного момента, которую любопытный спросил о заложенном в нем послании: «Для чего художник создал тебя? — Для прибывающих сюда, чужестранец! Чтобы вы задумались, почему я увековечен в этом вестибюле».

Это произведение, созданное с помощью характерных для своей эпохи средств и нюансов, оставалось верным великой эллинской традиции. Оно отвечало прежде всего требованиям, которые изложат и сформулируют столетия спустя художники Возрождения и Нового времени. Став доступным, оно пленило их: Рубенс им восторгался, Ван Дейк сделал с него рисунок, Пьер де Кортон и Пуссен любовно копировали его. В течение уже четырех столетий это украшение для спальни, созданное греческими мастерами при императоре Августе, остается для нас самым пленительным свидетельством, оставшимся от эллинистического искусства: оно позволяет оценить богатство наследия, которое это искусство передало Риму и которое спустя долгое время дошло до нас.

ЗАКЛУЧЕНИЕ

Какие же главные черты мы можем выделить в конце нашего обзора эллинистического мира, столь многоаспектного, что нам пришлось рассматривать его только обобщенно? Прежде всего, речь не идет об эпохе упадка, как ее пытаются изобразить те, чье восхищение осталось за прекрасными шедеврами древней и классической Греции и кто по сей день носит траур по Херонее. Речь не идет также о простой переходной эпохе, в течение которой в результате хаотичной и кровавой истории военная слава, статус законодателя, престиж искусства и мысли постепенно перешли из бассейна Эгейского моря к италийскому полуострову, от греческого востока к латинскому западу, от Афин к Риму. Историческая реальность гораздо сложнее, чем ее представляют школьные программы, вынужденные прибегать к упрощениям. Мы это выяснили в предыдущей главе, обнаружив повсюду одновременное сосуществование нововведений и преемственности, преданности традиции и поразительных новшеств, людей, привязанных к прошлому, и тех, кто был страстно устремлен в будущее.

Сосуществование этих противоречивых тенденций, иногда даже в одних и тех же умах, было неотъемлемой характеристикой общества эллинистических греков: хранители значительного культурного наследия, они в то же время оказались перед насущными проблемами, совершенно для них новыми, порожденными чрезвычайным их распространением далеко от их родных земель вслед за македонским Завоевателем. Они создали

и науку, которая сохранила бесценное наследие древних, и научный метод познания современного мира. Далекие от того, чтобы разрушить основы полиса, население которого знало друг друга и считалось друг с другом, они изобрели и воплотили процедуры, административные инструменты и идеологию, которые в самых широких рамках позволяли организовать и управлять крупными государствами, единственно подходящими для новых размеров их мира. Они воспринимали чужие верования, нисколько не отказываясь от культов предков, которым всегда служили верно и ревностно. Они пышно украшали свои города, сохраняя при этом тягу к деревенской природе — эти урбанисты обладали буколической душой. Их художники искали новые пути, не забывая уроков великих мастеров. Их философы благоговели перед Платоном, но, отказавшись от его примера, выработали этику для личности, лишь частично имеющую отношение к полису. В эти времена сильных контрастов и самых противоположных опытов невероятная роскошь государей была особенно поразительна по сравнению с добровольными лишениями киников.

Блестящая и многообразная эпоха. У нее были свои темные стороны: необузданные амбиции, дворцовые интриги, грабежи и резня. Она имела также и светлые моменты: усовершенствование жилищ и городского хозяйства, щедрость эвергетов, рост числа праздников, о чем свидетельствуют многочисленные театры, достижения искусства и ремесел, создание библиотек. Сколько смелых идей! Сколько плодотворных начинаний! Аристотель, отец современной науки; Менандр, создатель комедии характеров; Эпикур, освободитель нравственного чувства; Евклид, оракул математиков в течение двадцати веков; Каллимах, первый образованный человек и образец эрудита; Эратосфен, покровитель хронистов и географов; Архимед, вдохновенный ученый и прекрасный инженер; Полибий, замечательный исследователь законов истории — не как Фукидид в микрокосме Эгейской Греции, а в масштабах всего средиземноморского мира; наконец, длинный ряд стоиков от Зенона до Эпиктета и Марка Аврелия — вот сведенный к именам самых выдающихся вклад эллинистического мира в сфере духа. Без них мы бы не были тем, что мы есть. Без них наследие, которое мы получили от греков, было бы серьезно урезано,

поскольку в том, что этот народ нам передал, приходящаяся на них часть имела решающее и показательное значение для всего того, что остается жизненно важным.

Таким образом, мы можем признать, что мы обязаны этим трем векам, от Александра Великого до Октавиана Августа, в течение которых фортуна так часто склоняла чашу весов то в пользу царей, то в пользу полисов, пока постепенно не образовался путем медленного и трудного вызревания новый средиземноморский порядок, контроль над которым взял на себя Рим, создавший большую его часть. Мы никогда не сможем вполне выразить словами, какие выгоды получил римский народ от этих тесных и длительных контактов с эллинистической культурой. Его писатели были вскормлены на ней: Цицерона сформировали риторы Родоса и философы Академии; Лукреций был обязан своим учением Эпикуру; Катулл, Вергилий, Гораций для выражения своих чувств и эмоций использовали обороты, мифы и образы, позаимствованные у александрийцев, настолько, что парадоксальным образом можно заявить, что великую эллинистическую поэзию следует искать у латинских поэтов. Великолепный живописный, скульптурный и мозаичный декор, которым императоры украшали свою столицу и другие города империи, проектировали и зачастую исполняли художники, сформировавшиеся в греческих мастерских, которые обслуживали Рим и умели соответствовать потребностям и специфическим вкусам новых хозяев мира. В области политики, наконец, эффективная система принципата, которую высокопросвещенный Август постепенно довел до совершенства и которая установилась на несколько веков, была, по сути, вдохновлена эллинистической монархией. Рим благодаря собственному гению абсолютно усвоил эти заимствования, не убив их жизнеспособности. Уже через его посредство вся Европа, а следовательно, каждый из нас получил наследие эллинистической цивилизации.

Оглавление

Введение	5
<i>Глава 1.</i>	
Александр и мировая монархия	13
<i>Глава 2.</i>	
Диадочи и стремление к единству	50
<i>Глава 3.</i>	
Расцвет эллинистических государств	82
<i>Глава 4.</i>	
Восток расколотый и покоренный	122
<i>Глава 5.</i>	
Агония эллинистического мира	170
<i>Глава 6.</i>	
Функционирование полиса	208
<i>Глава 7.</i>	
Монархическая система	263
<i>Глава 8.</i>	
Повседневная жизнь и нравы	314
<i>Глава 9.</i>	
Потребности души	398
<i>Глава 10.</i>	
Жизнь духа, развитие искусства	429
Заключение	476